

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ПСКОВСКОГО КРАЯ

Ч. 1: Тексты. Комментарии.
Исследования.
Аудиоприложение

Псков 2016

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

Народные сказки Псковского края

Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования.

Аудиоприложение

Псков 2016

УДК 81:39 801.81 39
ББК 82.3 (2Рос-4Пс)
С 421

Рекомендовано к изданию
Ученым советом факультета русской филологии и иностранных языков
Псковского государственного университета

Рецензенты:

В. Е. Добровольская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва);

Л. А. Юрчук, доктор филологических наук, профессор Псковского государственного университета.

Народные сказки Псковского края: Монография. В 2 ч. Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / Под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Плещук. Составители: Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьева, З. В. Митченко, М. И. Муратова, Г. И. Плещук. – Псков: ЛОГОС, 2016. – 618 с.

ISBN 978-5-9908436-9-1

Издание подготовлено на основе архивных материалов необработанных народных сказок и песен сказочного характера, собранных на территории Псковской области в период с 70-х гг. XX в. в ходе фольклорных экспедиций. Книга содержит 215 текстов, 91 из них сопровождается аудиозаписями, которые даны в приложении в виде CD. Каждый текст снабжен комментариями с указанием сюжетов и мотивов сказок. Комментируются также особенности текстов, связанные с условиями экспедиционной записи, манерой исполнителя. В книге имеется словарь диалектных и устаревших слов, значение или форма которых требуют пояснения.

В монографию включены результаты исследования сказочных текстов, выявляющие региональные особенности псковского собрания на фоне общих, универсальных, признаков и категорий русских (шире – восточнославянских) народных сказок, раскрывающие поэтику и дискурсивные особенности фольклорных текстов. На основе анализа языкового и культурно-исторического опыта диалектоносителей-рассказчиков в исследовании выявлены черты, характеризующие динамические процессы в сфере традиционного народного быта, уклада жизни и миропонимания жителей Псковского края как пограничного региона.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся традиционной народной культурой и языком.

Публикация подготовлена научно-образовательной лабораторией региональных филологических исследований Псковского государственного университета в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-14-60001.

ISBN 978-5-9908436-9-1

© Псковский государственный университет, 2016

© Коллектив авторов, 2016

© Издательство «ЛОГОС», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2004 году была осуществлена первая публикация материалов фольклорного архива (ФА) Псковского государственного педагогического института – сборник «Сказки Псковской области»¹. В том же году Псковский государственный педагогический институт был преобразован в педагогический университет, а в 2011 году на базе нескольких учебных заведений, в том числе и Псковского педагогического университета, учрежден Псковский государственный университет (ПсковГУ). Архив (ФА ПсковГУ), на основе материалов которого подготовлена настоящая книга, формировался (и продолжает пополняться) начиная с 1977 года из материалов фольклорной практики студентов-филологов, ежегодно проходящей в различных районах Псковской области. Новое издание псковских сказок подготовлено в научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований ПсковГУ, где в настоящее время хранится данный архив.

Книга содержит 215 текстов, 91 из них сопровождается аудиозаписями, которые даны в приложении в виде диска. Выходу в свет настоящего издания предшествовала длительная и кропотливая работа по оцифровке архива, созданию корпуса аудиофайлов, выявлению на основе архива нового экспедиционного материала (дополнительно, по сравнению с изданием 2004 г. публикуется и комментируется 62 текста), верификации «распечаток» по звуку, электронной обработке архивного материала.

Параллельно с подготовкой к публикации книги научным коллективом было выпущено в свет мультимедийное издание, концепция которого состояла в объединении в единой базе данных архивных текстов сказок, записанных на

¹ Сказки Псковской области / Под ред. Г.И. Плещук. – Псков: ПГПИ, 2004. – 620 с.

Псковщине, аудиоматериалов и научных комментариев.² Электронная обработка материалов псковского фольклорно-этнографического архива была реализована также в создании электронной базы данных «Народные сказки Псковского края» (разработчик – к.т.н. В. В. Кабаченко), которая получила в 2015 г. свидетельство о государственной регистрации как результат интеллектуальной деятельности коллектива лаборатории. В настоящее время этот ресурс размещен на сайте «Язык и культура в коммуникативном пространстве Псковщины» (<http://nocpskoviana.pskgu.ru/index.php>).

В свете современных научных направлений в изучении устной коммуникации потребовался пересмотр подхода к изданию текстов, в которых сейчас, в соответствии с имеющимися аудиопрототипами, отражены наиболее яркие диалектные черты речи исполнителей, а также коммуникативные особенности устного диалектного дискурса (автокомментарии, повторы, дискурсивные слова, некоторые невербальные средства). Диалектный характер речи информантов обусловил необходимость внесения пояснений к лексическим и грамматическим формам, что воплотилось в создании словаря, содержащего более 400 словарных статей. В то же время авторы не стремились к точной передаче фонетических черт речи, т.к. имеющееся звуковое сопровождение позволяет пользователю получить полное представление о языке сказочных текстов.

Критерий отбора сказок для сборника из фонда ФА ПсковГУ обусловлен целостностью и ясностью текста. В ФА ПсковГУ нет больших по объему коллекций сказок, записанных от одного информанта. Исключение составляют сказки А. А. Паничевой: № 170 (117) – № 184 (131)³. Нет и обширных собраний сказок из какого-либо одного района. Поэтому мы

² Народные сказки Псковского края: мультимедийное издание / Под ред. Н.В. Большаковой, Г.И. Плошук. Составители: Н.В. Большакова, Л.Б. Воробьева, З.В. Митченко, М.И. Муратова, Г.И. Плошук. Разработчик приложения для ЭБД: А.М. Чиликин. – Псков, 2016.

³ При публикации каждый текст снабжен порядковым номером (номер в скобках отсылает к изданию 2004 г. – см. сноску 1).

отказались от ставшего обычным для научных изданий сказок принципа расположения текстов по районам, в которых они были записаны, и по сказочникам. В основу композиции сборника положена систематизация сюжетов, представленная в «Сравнительном указателе сюжетов: Восточнославянская сказка»⁴. Таким образом, тексты располагаются в следующем порядке:

- № 1 (1) – № 30 (21) – сказки о животных;
- № 31 – № 72 (45) – волшебные сказки;
- № 73 – № 83 (51) – легендарные сказки;
- № 84 (52) – № 94 (60) – новеллистические сказки;
- № 95 (61) – № 100 – сказки об одураченном хозяине;
- № 101 (64) – № 169 (116) – сказки, сюжеты которых в СУС отнесены к разделу «Анекдоты»;
- № 185 (132) – № 215 (153) – особо выделенный раздел «Песни сказочного характера».

В каждом из разделов тексты располагаются сюжетно-тематическими гнездами. Внутри сюжетно-тематического блока выделяются подгруппы сказок, представляющих собою варианты одного сюжета. Порядок следования сказок определяется цифровым значением шифра сказочного типа (по СУС), к которому относится сказка. В случае контаминированного характера текста во внимание принимается шифр сюжета, доминирующего в сказке. Если текст представляет собою соединение равноценных сюжетов и основной выделить сложно, то при определении месторасположения сказки в сборнике учитывается шифр первого из них.

Такая композиция сборника позволяет системно представить сюжетный состав сказок из собрания ФА ПсковГУ, что в достаточной степени дает представление о сюжетном составе и количественном соотношении разновидностей сказок, бытующих на территории Псковской области.

В ходе подготовки нового издания были отредактированы и дополнены комментарии к сказкам,

⁴ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. – Л.: Наука, 1979. (Далее – СУС)

характеризующие сказки как произведения фольклора. Комментарии, рассчитанные на фольклористов, краеведов, учителей школы, включают:

- паспортные данные текста (от кого, где и кем записан); для текстов, записанных до 1990 г., указывается сельсовет, к которому относилась деревня, где произведена запись; для текстов, записанных в 1990 г. и позднее, – волость;
- шифр сюжета сказки по СУС; если содержание сказки лишь приблизительно соотносится с сюжетным типом, обозначенным в СУС, шифр такого типа дается в круглых скобках;
- данные о количестве русских публикаций сюжета по СУС;
- данные о количестве публикаций псковских вариантов сюжета по СУС с указанием источников;
- данные о количестве белорусских публикаций сюжета по СУС, что объясняется общностью фольклорных традиций южных районов Псковской области и Белоруссии;
- наблюдения над особенностями бытования сказки, если таковые материалы имеются в ФА ПсковГУ и если о них не сказано в других разделах монографии;
- указания на отдельные элементы сказки, которые можно с некоторой степенью уверенности отнести к проявлениям местной сказочной традиции;
- указания на особенности стиля сказочника, в частности, на зависимость стиля от ориентации на аудиторию, к которой сказка обращена (для детей, для взрослых);
- указания на связь сказки с обрядами, поверьями, жанрами фольклора, бытующими на территории Псковской области, если такой материал имеется в ФА ПсковГУ;
- наблюдения над отражением в сказке современной сказочнику действительности;
- необходимые отсылки к имеющимся в сборнике текстам сказок и комментариям, иногда к публикациям вариантов сюжетов в других источниках.

В ряде случаев комментарии к группе сказок предваряются некоторыми сведениями об особенностях той или иной сюжетно-тематической группы сказок. Имеются также комментарии, содержащие элементы сравнительного анализа

представленных в сборнике различных вариантов одного сюжета.

Отдельный раздел монографии посвящен очеркам о наиболее значительных псковских сказителях, составленным на основе непосредственного общения собирателей с информантами и наблюдений над индивидуальной манерой исполнения; очерки содержат уникальные факты, связанные с биографическими сведениями, и воссоздают не только обстановку, но и атмосферу, в которой были записаны тексты.

В книгу включены результаты исследования сказочных текстов, выявляющие региональные особенности псковского собрания на фоне общих, универсальных признаков и категорий русских (шире – восточнославянских) народных сказок, раскрывающие сюжетно-мотивные особенности и поэтику фольклорных текстов. Исследовательская часть посвящена также рассмотрению базовых семиотических категорий пространства и времени и связанных с ними понятий своего и чужого, ближнего и дальнего, прошлого и настоящего в текстах сказок. Все это в совокупности позволяет выявить структурно-семантические составляющие модели внутреннего и внешнего мира псковского крестьянина на материале корпуса текстов необработанной народной сказки. На основе анализа языкового и культурно-исторического опыта диалектоносителей-рассказчиков в исследовании проявлены черты, характеризующие динамические процессы в сфере традиционного народного быта, уклада жизни и миропонимания жителей Псковского края как пограничного региона.

Авторы-составители:

Большакова Н.В.: подготовка текстов, словарь, предметный указатель, раздел монографии, редактирование;

Воробьева Л.Б.: подготовка текстов, предметный указатель;

Митченко З.В.: подготовка текстов, предметный указатель, указатель действий и деятельности;

Муратова М.И.: подготовка текстов, техническое редактирование, аудиоприложение;

Плющук Г.И.: подготовка текстов, комментарии, очерки о сказителях, раздел монографии, редактирование.

ТЕКСТЫ

№ 1 (1) ПРО ЛИСУ

Собирается баба шубу шить. А мужик говорит:

– А что за воротник на шубу класть будешь?

– Вот когда б ты поехал в город да купил мне лисий воротник! Вот красивый воротник с лисицы будет!

– Ладно, – говорит, – поеду ради твоего воротника.

Он поехал в город. Ходил, ходил, но не нашёл лисицу. Купил рыбы.

А лисица – очень зверюшка хитрая. Вот она слышит, что пахнет рыбой. Забегла наперёд, легла и раскинулась. Сдохла. Лежит сдохлая. Мужик тады тихонечко подошёл:

– Ах, как рад я, что ты сдохла!

Взял к той рыбы, к мешку, положил. Она лежить спокойненько. А погода – заметелица*⁵. Мужик воротник поднял, коня правит, тихонько едет. Прodelала дырочку лиса в мешке и скидала всю рыбу.

Теперь мужик приезжает на двор. Встречает баба:

– Что ж ты, дедынька, привёз?

– Я привёз рыбы и тебе воротник!

Цап! – лисицы нет. И рыбы нет!

А лисица не ела рыбу, а кидала на дорожку. Собрала она эту рыбку, идёт и ест. Встречает яе волк.

– Кумушка-голубушка, где ж ты рыбку брала?

– В реке наловила. Не в лесу бегавши, а в реке!

– А где? Покажи ты мне!

– А я ўставила хвост в лунку и говорила:

Рыбка, будь прытка,

Берись* большая!

А как набралась, так я наелась.

На двух лапках идёт, под лапочкой несёт:

⁵ Знаком «звездочки» (*) в текстах обозначены слова, значение особенности употребления которых разработаны в Словаре диалектных и устаревших слов.

– На, покушай, как вкусно! (Она ж боится волка, боится, что волк разорвёт её).

Волк пошёл на кладку* и ў эту лунку хвост уставил и приговаривает:

Рыбка, будь прытка,
Ловись большая!

Покуль приговаривал, хвост и вмёрз. Баба пошла за водой: «Ратуйте*, волк!» – закричала. Волк не оторвётся! Баба бьёт коромыслом!

А лисичка в хату вернулася. Блинки под пазуху, ращинку* на голову. Намазалась, блины ест и ращинку лижет. Встречает медведя:

– Кумушка, где ты была? И блинки несёшь! А это что у тебя?

– А это в мяня мозги тянуть!

– А как это ты могла мозги достать?

– А разбеглась да как вдарилась об сосну!

Медведь разбежся да как вдарился об сосну, так не мозги потекли, а кровь, и больно стало.

– Вот змяя! Обманула мяня! Ня это она сделала, а где-нибудь она вкрала! Во я вбился как!

Лёг.

Бязжить заяц.

– Кумушка, где ж ты так блины брала?

– Где я брала их? А сходила у хозяйки! Пока хозяйка ходила за водой, и набрала блинов.

Заяц скок-скок – и в сени! Зайца поймали. Опять обманила!

Поела блинчики лисица и рыбку поела.

Да Бог послал вороне кусочек сыру. Забралась она на сосну высоко. Лисичка видит, что кусок сыра у ей во рту:

– Как кумушка, как голубушка! Как красива! Головка чёрненькая, перышки сизенькие! Голосок ангельский! Пропой, не стыдися, кумушка! Ты сильно хорошо поёшь! Тебе соловей хвалил, что ты дуже* хорошо поёшь!

А кумушка: «Кра!» – открыла рот! Лисица цап! – и понесла!

Дальше встречает её второй волк:

- Куда ты направилась, кумушка?
- На базар.
- А кого ты будешь куплять?
- Уток! Там кругом утки плавают.
- И всё она это переела.
- Волк яе встречается опять:
- Кумушка, а где ты была?
- На базаре.
- А что ты там купляла?
- Уток.
- А где твои утки?
- В желудке!

№ 2 ПРО ЛИСУ И ВОЛКА

(Жила-была лиса. Так же? Один раз видит она, как дед <...> Вспомню, с чего начинается.)

Жил дед и баба... Да? Дед поехал ловить рыбу... Так?... Наловил рыбы и едет назад домой. Видит: лиса мёртвая лежит, он её подобрал, положил на сани. Она стала рыбу это... сбрасывать, так? с саней. Выбросила всю рыбу... Выбросила всю рыбу...

Дед приехал, дед пошёл домой и говорит:

– Баба, я тебе это... воротник привёз!

Выходит она оттуда, а там и ни лисы и никого нет!

А эта лиса подобрала́ эту ёсю рыбу и ест. Навстречу идёт ей волк.

Спрашивает:

– Рыжая, ты откуда? Дай, угости рыбкой!

А он говорит, она и говорит:

– Эк ты! Иди, сам поймай!

– А как же поймать мне?

– А ты... в прорубь... это... на ночь подойди к проруби, опусти хвост свой в прорубь и приговаривай: «Ловись, рыбка, большая и... малá и великá! [напевает:] Ло-овись, рыбка, мала и велика!»

Ну, волк так и сделал. Пришла ночь. Он опустил хвост в прорубь и приговаривает:

– [напевает:] Ло-овись, рыбка-а, мала и велика!

Пока он там приговаривал, хвост замёрз.

Утром пошли бабы на колодец, пришли за водой: хо! Волк сидит! От они коромыслами стали его бить! Он рвал-рвал этот хвост! И хвост оторвал. И убежал.

Бежит и это... побитый. А навстречу ему лиси... лиса. А у лисы голова за... раз... это... ну, в голове – тесто. Потому что она этим временем забралась к кому-то, к бабке, это за сметаной, там, в дом, а там баба тесто завела* на пироги. И она влезла в это тесто, лиса, тесто – на голове. И вот идёт с этим тестом. Это...

– Кумушка, что ж с тобой?

– Ох, куманёк, ты видишь, я это... У меня какая голова... разбитая! Я ж не могу!

Ну, волк и говорит:

– Садись мне... на спину!

От лиса села ему на спину и поёт ещё песни:

– Битый небитого везёт! Битый небитого везёт!

А волк и говорит:

– Ты что там, кума, приговариваешь?

– Да я так песню пою: «Битый битого везёт! Битый битого везёт!»

(Вот. А вот чем закончилась... Эх, а конец не знаю! «Битый битого везёт! Битый битого...»)

№ 3 ПРО ЛИСУ И ДЕДА

Поехал дед в город и купил рыбу. [Едет лесом домой], а [на дороге] лиса, ну, притворилась мёртвой. Когда он едет, она, потом... Он взял, думает: «Вот, жене на шубу [воротник]!» А лиса едет и разбрасывает эту рыбку. Всё разбросала и сама ушла.

Да, вот привёз [дед] и говорить:

– Ну, жана, рыбы привёз и, – говорит, – тебе на воротник лису!

Ну и вот, пошли смотреть: ни рыбы, ни лисы!

Вот такую [сказку] рассказывали.

№ 4 СКАЗКА ПРО ВОЛКА И ЛИСУ

Поехал мужик рыбу ловить. Приехал, наловил, едет домой, а на дороге ляжить лиса, ляжить лиса. Он думает: «Ну, ланно, возьму, повезу бабке своей на воротник!»

Положил, привёз. Бяжит домой:

– Баб, я табе воротник привёз, красивый, лису!

Пошла [баба посмотреть]. Где? – А нету!

Лиса-то была притаилши, оказывается, живая. Она ету рыбку всю его с саней выбросила, [смеется] по дороге идёть, собирать. А как-то... а навстречу волк! Как-то.. ну, вот как-то... я не помню. «А я... как-то... ударилась об дерево, у мя и мозги вон!»

№ 5 (2) СКАЗКА ДЛЯ ВНУЧКИ ИРИНКИ

Ехал дед в дровы и взял с собой внучку Иринку. Внучку посадиў под куст, а сам пошоў дрова рубить. Пока дед рубиў, внучка пошла грибы собирать. Шла-шла и заблудилась. Стала деда кликать, а он не откликается.

Ишла, ишла: стоять хатка на куриных ножках, на бараньих рожках. Сидить в хатке медведь – нос до потолка. И спрашивает:

– Что ты пришла, девочка? Будешь у меня на хозяйки?

А девочка и говорит:

– Ня буду! Я пойду дедушку искать.

И пошла она дальше. Ишла, ишла: стоять хатка, в хатке сидить волк и говорит:

– Что, девочка, будешь у меня хозяйкой?

– Нет, ня буду!

И дальше в лес пошла. Ишла дорожкой и видит: стоять хатка. Зашла она в хатку, а там сидить лиса и говорить:

– Оставайся со мной, будешь моей внучкой!

Иринка говорить:

– Нет, пойду дедушку искать!

Пошла Иринка дальше и нашла хату с зайчиками. Там зайчиков много было. Зайчики говорят:

– Давай с нами оставайся, девочка!

И она согласилась:

– Да, я останусь с вами, буду грибы, ягоды собирать, блины печь!

И осталась Иринка у зайчиков. Так и жила.

А один раз пошла за ягодами и нашла дедушку. Посадиў дед внучку на воз и говорить:

– Мне надо бабушке рыбы наловить!

Поехали они, наловили рыбы. А навстречу им лиса: почуяла рыбу и притворилась мёртвой. Дед вскинул лису на воз и говорить: «Хороший бабе воротник будеть!»

Поехали они домой. А пока вёз, лиса рыбу дорогой раскидала и сама вбегла.

Пришёл дед домой и говорить:

– Иди, баба, там рыба и лиса лежить табе на воротник!

Баба пошла – глядь! – на возу нет ни рыбы, ни лисы.

Обманула деда

лиса! Стали они по-прежнему жить-поживать да добра наживать.

А лиса всю дорогу назад шла и рыбу ела. А навстречу ей волк:

– Сястрица, где ты рыбку брала?

Волк пошёл, хвост опустил, а щука подплыла, глядит: что-то пушистое! Она и откусила.

А волк побег назад, догнал лису и оторвал ей хвост и сябе яго приставил, что яму ня быть без хвоста!

А лиса пошла к тому деду с бабкой и попросила прощения за рыбу.

Дед простил и сделал ей новый хвост. И лиса побегла домой радостная.

И все стали ума наживать.

Вот и сказке конец, а кто слушал, молодец.

№ 6 (3) ПРО КОТКА, ЛИСУ, ЗАЙЦА, МЕДВЕДЯ, ВОЛКА И ДРОЗДА

Жил дед-от и баба, и это, был у них коток только, да баран, и козёл, вот стояли в хлявё.

Вот-от баба ушла на работу, а коток вот забраўся и ўсю смятанку эту съел. Вот она пришла, била-била яўо и приуоваривала: «Придётся зять, ўде смятанки взять? Придётся козла да барана резать!»

Он пошёл, йим сказал. Они разбёўглись, как стукнули дьвяриной, так и ушли. И коток ушёл.

Коток идётся-идётся, это, лисица... ой, зайчик:

– Коток, коток, куды ты идёшь?

– Спасаться!

– Возьми меня с собой!

– Нет, там яма большая, ты не перяскочишь!

– Я перяскочу!

Коток перескочыл, а зайчик – у яму!

Пошёл дальше. Идётся лисица:

– Коток, коток, куды ты идёшь?

– Спасаться!

– Возьми меня с собой!

– Нет, там яма большая, ты не перяскочишь!

– Перяскочу!

Перепошёл* [коток перескочил], а лисица – в яму!

Идётся волк:

– Коток, коток, куды ты идёшь?

– Спасаться!

– Возьми меня с собой!

– Там яма большая, там уже лисица вваливши и заяц.

– Ну, я перяскочу!

Вот он пришёл. Зайчик – скок, а нет, коток – скок! – и пошёл. А волк – туды, в яму!

Идётся медведь:

– Коток, коток, куды ты идёшь?

– Спасаться!

– Возьми меня с собой!

– Там яма большая, там вваливши и заяц, и лисица, и волк.

– Ну, я перяскочу!

Вот идёт он. Зайчик [коток] – скок! – и пошёл. А медведь – в яму!

Вот сидели-сидели, захотели йисти. Лисица и гврит:

– Давай выть. Кто взвыицца*, тово зьядим!

А лисица какá сидить, рот разнямаўши*, и ня выеть. Они выли, выли. Зайчик взвыўсь. Ну что ж? Разорвали этого зайчика, съели и стали опять выть.

Волк взвыўся. Вота оны ели, ели этого волка. Лисица прям сабе – уж ня буду вам ўговорить этоуо...[– Говорите, говорите! Всё, всё говорите!] пихат, взяла эты кишочки со[брала] под жопу, сидить. И захотела йисть. Тяуаеть* и йисть.

Мядведь и ўврит:

– Кумонька-лисонька, а кауо ты йишь?

– А кишочки тяуаю!

– Вытяуай мне!

– А ты сам вытянь!

Вот он лапой как дёрнеть, так и сдох!

Вот она ела до самой яснои. Прилятел этот уже дроздок класться* (Он всё там клаўся коло той яме). А она уже сидит там:

– Дрозд, дрозд, я твоих дятей зьем!

– Кумонька, лисонька, ня ешь!

– А вытяни мене из ямы!

– А как же я тебя вытяну?

– А носи, носи этыи... сюды палочки. Наносишь, я и выскочу!

Ну, носил он, носил, и выскочил яе. И вот тада уже:

– Дрозд, дрозд, я твоих дятей зьем!

– Кумонька, лисонька, ня ешь!

– А накорми мяня!

– А как же я тея накормлю?

– А вот счас пойдёт баба к дачке, понесёт кашу у чашке, а ты сядь на чашку и долби, ина ударит и попадет по чашке, чашка-то развалится, я и наймся.

Ну, идти же как раз баба. Вот, а ён, сел он на чашку, [она] ударила, чашка развалилася. Ина нажралася и да[вай]:

– Дрозд, дрозд, я твоих дятлей зьем!

– Кумонька, лисонька, не йишь!

– А напой мяне!

– А чим же я тея напою?

– А шас поедеть мужик, бочечку повязёт пива. Ты сядь на бочку и долби!

Вот он [нрзб] сел, и по горлу как дал [мужик], так бочка и развалилася (ина была какая-то некрепкая, дурная). Ина пивом напилася.

Упять:

– Дрозд, дрозд, я твоих дятлей зьим!

– Кумонька, лисонька, ня ешь!

– А вымой мене в байне*!

Ну, пошёл, носил-носил водú и дроў, и затопил. Она пошла в байню, ён остался в предбаннике: «Хвись! Хвись!»

– Дрозд, дрозд, ты ведь собак-то манишь?

– Да нет, кумонька, лисонька, не собак, у мяня такая привычка!

Только она пошла в баню, а как набёуло собак! А дрозд закрыл байню, и во лису разорвали.

Полятел дроздок к своему гнезду, яичек наклал и деток вывел.

И эта сказка вся, уговорить нельзя.

№ 7 (4) КАК БОРОВ ИШЁЛ В ЖЕЛУДЫ

(На вот мне другую [сказку] бабушка говорила. Как бороў ишёл у желуды)

Идётся, идётся боров у желуды: «Пойду желудей наемся: плохо дома кормють! Пойду в желуде..!»

Идёт. Идёт, идёт. Идёт навстречу мядведь:

– Бороў-бороў! Куды ты идёшь?

– Ў желуды.

– Возьми меня с собой!

– Да что ты! – говорить. – Там яма сильно глубокая, а жёрдочка тоненькая. Ты не перяйдёшь.

– Брось! Перяйду, перяйду!

– Ну, ланно, – говть, – пойдём!

Идут. Ишли-ишли, ишли-ишли. Идётся волк:

– Бороў-бороў! Куды вы идёте?

– Ё желуды.

– Возьмите меня с собой!

– Пойдём! Только, – гов[о]рить, – плохо перяходить. Може, не перяй[дешь]!

– Перяйду! Пойдёмте! Перяйду.

– Ну, пойдём!

Пошли.

Идут-идут, идут-идут. Идётся лисица:

– Бороў-бороў! Куды вы идёте так?

– Да в желуды.

– Возьмите и меня с собой!

– Да, – говорить, – не знаю, ти перяйдёшь ты тоже: яма глубокая, жёрдочка тоненькая. Ти перяй[дешь]?

– Я быстро перескочу! Я прыткая!

– Ну, пойдём, пойдём!

Па-а-шли.

Идут-идут, идут-идут. Идётся заяц:

– Бороў-бороў! Куды ты идёшь? Куды вы идёте?

– У желуды.

– Возьмите и меня с собой!

– Ну, пойдём. Пойдём!

Пошли.

Идут-идут, идут-идут. Подходят к яме. Яма глубо-о-окая, жёрдочка то-о-оненькая-тоненькая!

– Ну, кто будет вперёд перяходить?

Ну. Волк горить:

– Давай-ка я попробую. Я пойду!

Не, ня волк. Мядведь. Так.

Он пошёл. Шёл, ишёл – бух у яму! Сидит у яме.

– Ну кто будет перяходить?

Волк говорить:

– Давай я буду перяходить!

Ну. Пошёл:

– Я перяйду! Я уже перяйду!»

Пошёл. Пошёл, ишёл – бух у яму тоже! Ляжыть в яме.

– Ну, кто будет теперь перяходить?

Лисица:

– Я уже перяпрыгну! Я сразу перя...! [Смеется]

Ну вот. Как прыгнула – и в яму! И там тоже сидить.

Ну вот. Остался один заяц. Ну, что делать? Как?

– Как ты, зайчык, перяпрыгнешь?

– Перяпрыгну! Я прыткий. Перяпрыгну!

Как прыгнул – и тоже у яму!

И сидять уси в яме.

[А боров пошёл по жёрдочке, перешёл через яму и пошёл у желуды.]

Сидять оны в я-я-ме. Сидять оны в я-я-ме. Лиса и говорить:

– Ну что будем делать? [Давайте] выть. Кто не довыеть, того съядим!» Начáli выть. Мядведь не довыл. Мядведя съели. Сидять, сидять. Опять йисть захотели. Долго сидели. Ну вот.

– Ну, давайте опять выть. Кто не довыеть, того съядим.

Волк не довыл. Вóлка съели.

[О]пять сидять, сидять-сидять, сидять. Что делать? Лиса придумала:

– Таперь давайте. Давай я съем зайца.

[Стали заяц с лисой выть. Не довыл заяц.]

Ну, взяла да зайца съела.

Опять сидить. Опять сидить. Сидить [лиса] – тетерев летает.

– Тетереў, тетерев! Вытянь меня!

Никак, никак яму не подобраться к ёй: летаеть, летаеть, летаеть! Опять:

– Тетереў, тетерев! Вытянь меня!

– Ну, садись, садись на меня!

Пырх туда! Ина – шарк яму на плечы и вы[лезла].

[А лиса взяла да и съела тетерева!]

№ 8 (5) ЛИСА И ДРОЗД

Жил дрозд,
Навивал гнёзд,
Вывел дитеняток,
Косых чертеняток.
Откуль лисица бралася,
К дроздку подобралася,

Подошла к ёлке и говорит:

– Дроздок, скинь мне детёнышка!

А он и говорит:

– Нет, не буду!

– А я ёлку хвостом – тят-тят! – зрублю, тебе зьем и деток твоих зьем!

А дроздок заплакаў и скинуў. Сидить дрозд и плачеть. Летить сорока, спрашиваеть:

– Дроздок, чего ты плачешь?

– Да лисица моих деток поела!

– Скажи ты ей: «Пышла отсюда! Я тебе не боюсь, и дети мыи тебе не боятся!»

Опять лисица бяжить. [Дрозд так и сделал.]

– Дроздок, ты не сам обдумаў! Кто тебя научиў так сказать?

– Сорока!

– Ну, погоди, сорока, я тебе отомщу! – лисица говорить.

Лисица побяжала и на валу развалилась, как подохла. Сорока прилятела, стала яе клявать. Лисица яе схватила и зъела.

Так сорока дроздка помиловала*, а сама загибла*.

№ 9 (6) КАК ЛИСА ХОДИЛА ЗА ПЕТУШКОМ

Кот да баран держали петушка у запоре. А самы пойдуть и прикажутъ ему: «Гляди: придеть лиса, будет петь, не выглядывай!»

Ены пошли у болото за пропитанием. А лиса тут как тут.

Погляди-ка, Петька!

Погляди, любетька!

А петух не выдержаж да и глянуў. Глянуў, а она его – цап-царап! да и потянула! Ина думала – добыча. А петух закричаў:

– Кот да баран! Лиса меня потянула, за мхи, за болоты, бороните*, а то зьесь!

Кот да баран учули*, прибегли да отбили его у лисицы.

А назавтра опять приказывают: «Боже тебя сохрани! Не показывайся лисице! Ина, зараза, хитрая!» И пошли. Яны пошли, а лиса опять тут как тут:

Погляди-ка, Петька,
Погляди, любетька,
Как лиса пляшет
У новых лапотках*,
У новых оборках*,
И новые онучки* обуты!

Складно у ей получалось! Петушок не выдержаж, чуть хотеў поглядеть, а йна его и чепэ! И понесла йна его. А петушок опять кричить: «Кот да баран! Лиса меня потянула за мхи, за болоты, за осиновые колоды*! Выручайте меня!» И на этот раз кот с бараном прибегли, отборонили* петушка.

И так три раза было. А на четвёртый раз не вчули* кот да баран петушка! Лисица втянула* его и съела. А кот да баран пришли домой: и нет петушка! Поплакали, погоревали, да ничего не сделаешь!

А петух дурачок быў! Обязательно ему поглядеть надо! А что там и глядеть! Ена ж, лисица, гад, хитрая!

№ 10 (7) СКАЗКА ПРО ЛИСУ И ПЕТУХА

Жиў кот и пяхух. Вот жили́ и жили́, жили́ и жили́... Ну что ж? Холо́дно! Пошли ў дрóвы, заўотоўляли дрóвы. Тода ён етат... Пришли з дроў, там. Надо топить, надо ўсё... А-а это ўсё ня скоро! Тода друўей раз кот и ўовóрить:

– Ты, пяхух, оставайсь дома, а я пойду у дрóвы!

Ну, так и сделали. Пошоў один кот у дрóвы, а пяхух тут, дома. Ну ета произыйшло адин рас так. Кот как приходить домоў и ўовóрить:

Ну, Петя-Петя, Петушок, там...

Золотистый ўребяшок,
Маслина голоўка,
Шолкова бородушка,
Открой!

Ну, этот, пятах идёть коту открывать, раз з дроў пришоў.
Ета ўсё...

Пошоў кот опять у дровы. А лисица ета ўсё подслухала.
Ина ж хітра! И тода и начала:

Петя-Петя, Петушок! – подыйшла к вакну... Ласкывая...
Ну, дужа! И:

– Петя-Петя, Петушок,
Золотистый ўребяшок,
Масляна ўоловушка,
Шолкова бородушка,
Открывай вокошка –
Дам ўорошку
Полную лукошку!

Ну, пятах ня открыў етыт раз лисицы.

Приходить кот з дроў, и тут ён, пятах, коту отложыў* и
ўоворить:

– Ко мне приходила проста лисица!

– Ўляди! – кот и ўоворить, – ўляди ня открывай! ўляди ня
открывай!

Ну, что ж, ўсё, доўговорились: ня будить открывать.

Кот пошоў у дрóвы, а пятах тут дома, печку топиў, там
что ён, усё делаў...

А лисица-то и пришла:

– Петя-Петя, Петушок,
Золотистый ўребяшок,
Масляна ўоловушка,
Шолкова бородушка,
Открой окошка!

У меня ёсть и санки-самокáнки! Ўлянь, как будем
катацца!

Вот ина там усё на санках каталася да делала!

А тода и ня стала видать лисицы. А пятах и думаеть:
«Верна, (о)на пошла!» Прычыніў* вокошечка и стаў ўлядэть,

что де инá. А инá етым моментам подбёула и – раз! Так! Ён тада... Захватила яна петуха. Пятух тода давай крычать:

– Котя-Воркотя!

Понясли мяне

У лясу дрямучую,

У смолу кипучую!

Ён так мноґа дужа* крычаў! Крычаў, крычаў:

– Котя-Воркотя!

Понясли мяне

У лясу дрямучую,

У смолу кипучую!

Кот учуў*, ды и прибех с топором, да одборониў* петуха. Ну, и привёў домоў. Там ён яґо дужа настаўляў, чтоб большы нікому и ни разу ня открываў. Так, ладно! Доґоворылись: ня будить открывать!

Кот пошоў у дрóвы. А лисица – тут вот! Всё. И от вокошка ня отходить, обманиваить петуха. Так ласкаить, так ласкаить: ну, усё!

А тода инá... Ня стало лисицы видать и доўгое время! Вот, пятух думаеть: «Ну, инá ужú увыйшла! Поўляжу!» Прычыниў вокошка, а лисица – хватъ яґо! Ён крычать:

– Котя-Воркотя!

Понясли мене

У лясу дрямучую,

У смолу кипучую!

– Котя-Воркотя!

Понясли мене

У лясу дрямучую,

У смолу кипучую!

Кот ня ўчуў! Лисица ўзяла да петуха и зъела!

Прышоў кот з дроў. Просиў, просиў петушка, чтоб открыть – пятух ня открыў! Ну, что ж ён? Горюваў, горюваў, тода пошоў, ну нашоў одны костки да пёрушки! Лисица зъела петушка! Вот. И кот остаўся один жить.

Вот так усё. И усё.

№ 11 (8) ВОЛК И СВИНЬЯ

У одного мужика была свинья. Вот раз ночка пришла, свинья со двора ушла. Вышла она в поле, гуляет по воле, думает-гадает, как быть, как себя кормить. Опустила она рыло да соседский овёс и разрыла. Идёт, стебельки вырывает, зёрнышки глотает. А в овсе волчок – серый бочок. Увидал свинью волк, сидит, приумолк. Опустила свинка рыльце пониже, подошла к волку поближе. Тут-то волчок стал и снял колпачок.

– Здравствуй, курносая, свинья супоросая! Зачем тут ходишь-бродишь, овёс жуёшь, по полю снуёшь? Тут волки живут, овец грызут. Коли нету овец, так тебе придёт конец!

– Ой, волк-волчок, серый бочок! Не ешь меня, отведи беду! А я за то тебе поросят приведу!

– Нет уж, свинья, хоть ты рыльце и высоко поднимаешь, а меня на обман не поймает!

Ухватил волк свинку за сивую спинку, под кусточек сел и бедную съел.

№ 12 (9) ПРО ПОРТНОГО

Жил-был портной. Он всё шил. Вот идёт портной однажды домой и встречается ему волк:

– Портной, а портной, я тебя съем!

– Не надо! Я тебе шубу сошью!

– Ну ладно, сошьёшь, чтоб зимой хорошо было.

– Надо мерить, ложись боком!

Тот как ударил его по лапе! Волк как вскочит!

– Не бось, не бось: так мерку снимают!

Потом портной говорит:

– Ну, ложись пузом!

Он лёг. Портной как ударит! Волк вскочил и ну удирать!

Портной идёт, идёт, слышит: бегут за ним и воют волки. Куда деваться? Видит: сосна, полез он на сосну. Искали, искали – никак не нашли! Волк поглядел на сосну, видит: он там сидит. Волк поднял лапу и показывает на сосну. Все увидели.

– Что будем делать? Как туда залезть? Давайте друг на друга становиться!

Друг на друга встали, поставили битого вниз: пять человек не хватает.

Портной нюхнул табаку да как кашлянул! А волк подумал, что это в него стреляют. Да в сторону как двинется! Все попадали и прибили того волка.

№ 13 СТРЕЛЕЦ И ВОЛК

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был стрелец*. И как-то один раз он пошёл на охоту и встретил там волка. Волк якобы сказал стрельцу, что он его съест. Но стрелец попросил волка перед смертью дать яму свой хвост и смерить им гробовую доску. Волк дал яму хвост, а стрелец и был таков, залез на дерево на самую макушку и говорит волку сверху, якобы волк не волновался, якобы он там отмеряет для себя подходящую доску с дерева.

Долго волк ждал стрельца, так и не дождался.

Пробегают мимо другие волки, увидели волка под деревом, остановились и спрашивают, мол, чего здесь сидишь, воешь? А он им всё и рассказал, как было. Покачали волки головой, да и стали думку думать, как достать стрельца с дерева, и один всё-таки придумал.

– Давайте, – говорит, – встанем друг на дружку, – говорит, – так яго и достанем!

Ну, и на этом порешили. Тот волк, который всё это затеял, встал первым, а остальные волки стали по одному на него забираться. И вот они добрались. Но не тут-то было! Стрелец взмолился, говорит, мол, дай мне перед смертью свой хвост: я себе доски на гроб буду отмерять!

Стрелец оторвал у волка хвост и стал мерить себе доски. Когда отмерил, то сказал стрелец волку, мол, возьми яго! И бросил. А волк-то увидел свой хвост да выскочил из-под волков-то, и сразу все волки попадали! А раз вожак уже свалился, вскочили все, побежали!

А он слез с дерева да стал хвостом помахивать.

– Раз ты свой хвост получил, то отдай мне и другой хвост!

Волк тот уже убежал, а второй волк говорит:

– Догоняй того моего сородича и верни мне хвост!

Стрелец и рад стараться: побежал и был таков!

№ 14 (10) ПРО КОЗУ

Жила-была коза. Собралась она пойти в лес. А козлятам наказала, чтобы никому не отпирали.

Пришёл в дом волк и говорит грубым голосом:

– Козлятушки-ребятушки,

Отворитесь-отопритесь.

Ваша мамка пришла,

Молочка принесла!

Козлята говорят:

– Ты не наша мамка, у нашей мамки голосок тоненький!

Пошёл тогда волк в кузницу и просит кузнеца, чтобы тот ему язык перековал. Перековал ему кузнец язык.

Приходит волк к козлятам и говорит уже тоненьким голосочком:

– Козлятушки-ребятушки,

Отопритесь-отворитесь.

Ваша мамка пришла,

Молочка принесла!

Козлята и открыли. А волк взял всех и съел. Только один козлёнок запрятался, а потом всё козе рассказал.

Задумала коза волку загадку – в лесу через огонь прыгать. Коза перепрыгнула, а волк не смог: пузо тяжёлое, с козлятами. Как стал волк прыгать, пузо обжёг, а козлята все и вышли, все и живут.

№ 15 КОШКА В ЛОЖКЕ

Я расскажу вам сказку. Сказку из моего детства. Сказка вот такая. Жила-была кошка. И решила она в лодке покататься. Взяла она ложку и поехала [по реке]. Глядь: на берегу баран:

– Кошка, возьми меня в ложку! Меня хозяин зарезать хочет!

– Ну, садись, коли так!

Ехали-ехали, глядь – на берегу гусь бегаёт:

– Га-га! Кошка, возьми меня в ложку: меня хозяин зарезать хочет!

– Ну, садись, коли так!

Ехали-ехали, глядь – на берегу утка:

– Кря-кря! Кошка, возьми меня в ложку: меня хозяин зарезать хочет!

– Ну, садись, коли так!

Ехали-ехали, глядь – на берегу петух:

– Кукареку! Кошка, возьми меня в ложку: меня хозяин зарезать хочет!

– Ну, садись, коли так, поехали!

Ехали-ехали, настала зима. Кошка и говорит: «Ну что ж, пойдем в лес, будем избушку строить!» Баран дрова пилит, гусь рубит, петух носит, утка обед готовит, кошка за хозяйку.

Вот они избушку построили, печку натопили, сидят.

[Далее запись обрывается]

№ 16 КАК МУЖИК ЗВЕРЕЙ КАТАЛ

(А вот сейчас расскажу, это... так, как получится.)

– Поехал мужик на мельницу молотить зерно себе (раньше ж ездили молотить). Ну вот, поехал, намолотил, едет домой. Бяжить навстречу яму заяц. Ён и говорит:

– Дядь, а дядь, прокати меня!

– Не, не прокачу!

– Прокати, дядь, пригожуся!

– Ну, садись, гад косой!

Ну вот. Посадил, едуть-едуть. Бяжит лисица яму навстречу:

– Дядь, а дядь, прокати меня!

– Не, не прокачу!

– Прокати: пригожуся!

– Ну, садися, рыжая!

Ну, посадил. Едут-едут, навстречу волк бяжить. И тот просится:

– Дядь, а дядь, прокати меня!

– Не, не прокачу!

– Прокати, пригожуся я тебе!

Посадил. Едут-едут, сломалась у него оглобля – грох! Воз-то большой стал: зерно, да и янэ: насажал! Ну и говорит... Сломалась оглобля, и говорит:

– Ну, кто в нас пойдёт из вас? Давай-ка, зайчик, бяжй-ка ты за оглоблей!

Он побежал, как нясёт хворостину! Вот дед рассердился, этой хворостиной отссягал*! Зайчик убежал.

– Иди ты, лиса, теперь!

Пошла лиса. Как не... Принесла ему какую-то палку кривую и это... нягожую. И он на лису рассярдился, и лису прогнал.

– Иди-ка ты теперь, волк!

Пошёл волк. А волк как вывернул ольхину, с корнём и нясёт! Ну вот, тогда дед рассердился, всех разогнал и решил идти сам.

Они-то такие хитрые были звери: дед ушёл, ищеть эту оглоблю себе по лесу, они взяли, живот распорили у этого самого, у коня, всё выташшыли, съели, туда соломян напиха... а, внутрь напихали, зашили и поставили коня.

Дед пришёл, оглоблю ззелал: «Но-но!» – конь и повалился!

Ну вот, это... [Смеется] Конь вот и упал. Вот, вот такая получилась, видишь, у нас... сказка.

№ 17 (11) ПРО ДЕДА С БАБОЙ

Жил дед и баба. Не было у их хлеба. (Вот как у нас счас. [Смеется] Как у нас счас – плохо-плохо, так и у их было плохо!) Жили бенно. Вот говорить баба:

– Что будем, дед, делать?

Дед грить:

– Не горюй, баба. Я, – грить, – надумал. Пойду я в лес, наколупаю смолé, сляплю быка со смолé. Паставлю в с^шаду. И... придуть звери, и паймаем.

– Ну, ланно, дед, иди!

– Ну, я пошёл!

Пошёл, наколупал самолё, принёс самолугу. Сляпил быка, поставил в саду. И сам сел и сидить. Каравулить, хто придёт.

Идётся, идётся мядведь:

– Дед, дед, я твоёво быка повалю!

– О-о! Вали!

Он [медведь] как... замахнулся, сюды его валить и ўвяз, ўвяз и сидить...

Ну, опять дед сидить. Яшшо идётся волк. Идётся волк:

– Дед! О-о! Тут, – говорить, – и мядведь, это, йисть быка! И я. Можно, – грить, – и я повалю?

– Вали!

Как, г[ово]рить, [быка] схватил, так и увяз! Тоже сидить. Та...

Идётся лисица. Идётся лисица:

– Дедынька, я твоёво быка повалю!

– О-о, – грить, – вали, вали!

И ета увязла, сидить...

Идётся, не, бяжить зайчык:

– Дед, дед! Я твоёво быка повалю!

– Вали!

И етот увяз! Сидять...

Дед, дед пошёл домой. Приходить, говорить... бабе:

– Во, баба, во звярей наловил!

– Ну да? – говорить.

– Да, да! Наловил, – говорить.

– Ну, что таперь будем делать?

– А вот таперь просятся вытянуть, чтоб я их вытянул.

Пойду вытяуы....

– Ня надо! Дед! Что ты? Ня надо!

– Нет! – грить. – Надо, надо, надо! Пойду вытяну.

Отпущу их. Пускай, – грить, – гуляют. Что им, – грить, – тут сидеть?! Яны ж, эта, нягожи на яду!

Ну, вот пошёл... Вытянул мядведа.

– Дедынька, вытяни меня! – просится [медведь]. –

Дедынька, вытянь меня, я табе бочку мёда прикачу!

– Ну, давай, давай! – грить.

Вытянул.

Па-а-бёг у лес, побёг.

Волк. Волк:

– Ай, дедынька! Вытянь ты тоже миня!

– Да, – грить, – а что ты мне?

– А я табе стадо коров пригоню, нет, овец, наверно, овец пригоню табе!

Да. Вытянул. Па-а-бёг и етот.

Ну и лисица, лисица, да, стала проситься:

– Дедынька! Вытянь ты меня, я табе стадо гусей пригоню!

– Ну, када правда, так давай!

Вытянул. И лисица побегла в лес.

И зайчык сидел-сидел и просится:

– Дедынька! Вытянь мене. Я ж табе некого такова, так мех* кочанья*
принясу!

Дед вытянул и яво. У-ух! Поскакал тоже в лес!

Ну, дед и пошёл домой.

– Ну что, дед?

– А-а, баба! Усих я выпустил!

– О дурак! Дурак! Что таперь будым делать?

– Да бралися, обяспечыть нас, бралися.

Ну вот. Сидять, сидять, думают, что будеть...

Үро(х), үро(х), грох!

– Открывай, дед, избу! избу! Бочку мёду качу!

Как прикатил [медведь] бочку мёду! Прикатил и побег...

Да-а, во-ох, нача́ли тут кругом баба лизать! [Смеется] Лизать, кругом бочки ходить, бочку открывать! Бочка запечатанная. Да...

Тут кричыть волк:

– Дед! Открывай ворота, стадо овец гоню!

У-у! Бляю-ю-ть! Открыл дед. Бляю-ю-ть! Овечэк понагна́л. Пригна́л [дед], закрыл дверь, [Смеется] закрыл дверь. [Смеется] Пошёл... Ну вот. Побег [волк] в лес.

[По ошибке повторяет фрагмент из начала] Лисица просится:

– Дедынька, вытяни ты мяня!

[Возвращается к нужному месту текста] А... Да, да. Лисица гонит стадо, гонит тогда:

– Дед! Открывай... калитку, давай! – говорить. – Сейчас вот тебе гусей нагоню!

У-у! Гы-гы-гы, гы-ы! Литять! Гуси прилятели. У!..

[Опять по ошибке повторяет фрагмент из начала] Ну вот. Дед отпустил.

Да. Вот. Ланно. Поблагодарил, и побегла [лиса]...

[Опять по ошибке хочет рассказать фрагмент из начала] Ну вот, тагда зайчык гаварит:

– Дедынька, ...

Да. [Возвращается к нужному месту текста] Зайчык стук, стук, стук у двери:

– Дед! Открывай двери: я тебе мех кочанья принёс!

– У-уй! Давай, давай!

Высыпал. Высыпал с мешка и побе-е-г [зайчик].

– О-о-х, как мы таперь зажілися! Во поживём, поживём: всяво-всяво! Попьём и поядим: и кочанья, и мёду!

И жили-пожавали. И я там была́ и мёд пила́. По ўсам тьякло, в рот ня попало!

№ 18 МЕДВЕДЬ НА ЛИПОВОЙ НОГЕ

Жил-был мужик и баба. Дед ходил на охоту. А баба дома занималась. Она умела и прясть, и ткать. Занималась своими делами по дому. Вот однажды пошёл дед на охоту и подстрелил медведя. Да как подстрелил? Отстрелил ему одну лапу. Он эту лапу взял, принёс домой и говорит бабе:

– Счас шкуру обдеру, со шкуры ты себе сделай хорошую на эту... на стул постилку мягкую, шерсть выстриги: спрядешь – носки свяжем. А мясо сварим.

Ну и вот. А медведь-то ходил по лесу на трёх лапах и – что придумал! – сделать себе костыль. Сделал осиновый костыль, а костыль поскрипывает. И вот он решил ходить и отомстить деду с бабой, не давать им покою.

Дед ушёл на охоту и запоздал, а баба дома. Прядёт сидит, огонь горит. Хлоп! Слышит, медведь:

– Я на липовой ноге,

На берёзовом крюке!
Все по сёлам спят,
По деревням спят,
Только баба не спит,
На моей шкуре сидит,
Мою шорстку прядёт,
Моё мясо варит!

А сам опять скрип, скрип, скрип: вокруг избы хо-одит, хо-одит. Бабе страшно становится. Дверь-то у неё закрыта. Она свет потушит и на печку заберётся. Ну, он ходит, ходит, стучит, стучит. В избу не попасть!

Вот и так он не один раз приходил. Потом баба, значит, рассказала старику, что не даёт никак медведь покоя. Дед решил так: «Погоди, – говорит, – мы его поймаем!» Собрал своих охотников, и тихонечко пришли в избу. А бабе говорит:

– Ты опять так же зажигай лампу, садись пряди, а мы в избе будем сидеть тихонько, а как только, – говорит, – он придёт, ты свет-то вы... лампу-то потуши. А дверь не запирай. Пусть он в избу войдёт!

А сами взяли открыли вот такую же... вот такую же подпол дырку...куда в подвал, дырку, дверку эту открыли, в потьмах, конечно. Это всё они приготовили раньше. И вот медведь идёт. Опять:

– Я на липовой ноге,
На берёзовом крюке!
Все по сёлам спят,
По деревням спят,
Одна бабка не спит,
На моей шкуре сидит,
Моё мясо варит.
Мою шорстку прядёт!

Стук, стук вокруг избы! Бабка сразу свет потушила – и на печку!

А у охотников приготовлен постельник* большой, не набитый, пустой. И вот они, значит... А он походил вокруг, на крыльцо идёт, дёрнул за дверь – дверь не закрыта, он опять в избу идёт:

– Я на липовой ноге,

На берёзовом крюке!

Хлоп! – и подвалился под пол. Подвалился – охотники скорей, баба свет зажгла, охотники сразу взяли этот мешок да над дыркой постельник этот над дыркой и держут. А он-то на свет лезет оттудова и в этот мешок и забрался, забрался в мешок. Тут они его скрутили-связали и утром повезли в город. В городе они его продали одному шарлатану-цыгану.

Он... А цыган его научил этого медведя разным разностям. Ну, как сейчас в цирке показывают, так он ходил по улицам, значит, показывал медведь эти разные шутки и за это собирал деньги. На это и кормился. И вот научил он его:

– Ну, покажи, Миша, как солдат с фронта идёт!

А Миша-то на костыле... специально прихрамывает. Костыль этот поскрыпывает.

– Хорошо, Миша, хорошо!

Ну, тут деньги ему платят. Собравши зрители.

– Миша, а теперь покажи, как ребята горох воруют!

Миша ляжет на живот, к земле прижмётся и ползёт, ползёт ползком. Все смеются, радуются!

– А теперь, Миша, покажи, как мужик барину кланяется!

Миша снимет шапку, на колени встанет и низко в землю кланяется.

– Хорошо, Миша, хорошо!

Всем хорошо. Они выкуп за медведя получили. И шарлатану-цыгану хорошо: он за это кормится. Вот и сказке конец.

№ 19 (12) СКАЗКА ПРО ВОЛКА

Жил старик со старухой в плохонькой, старенькой избушке, у которой двери даже плотно не закрывались. Жили-поживали они на самом краю деревни. Имели они семь овец. Однажды, поздно вечером, подошёл волк к маленькой избушке, к этим старикам, и стал просить старика (надо грубо говорить):

Жил жилец,

Было у него семеро овец.

Подай без греха, старик, овцу!

Старик молчал, а шёпотом старухе: «Прячься под корыто!» А волк всё рвётся за овцам! Старик спрятал старуху под корыто и сказал: «Молчи, старая!» А сам пошёл овцу выпускать волку. Волк съел овцу. Но ходил к деду с бабой, пока всех не выманил.

Раньше старик со старухой носили лапти, портянки закручивали оборам*: тесёмки такие. И эта оборина* с-под корыта у бабы и торчала. А старик на печку спрятался.

Волк вскочил в избу, углядел оборину, схватил за неё старуху и поволок по крыльцам в лес! А старик слез с печки и побежал народ в деревне собирать! Все побежали: кто с вилам, кто с кольям, кто с топором! И отбили старуху!

Старик со старухой пришли в свою избёнку и стали век свой доживать и добро наживать.

№ 20 (13) ВОЛК И ДЕД СО СТАРУШКОЙ

На этой на горушке
Жил дед со старушкой,
Было пятеро овец
И конь-голубец,
Сучка-бобровка,
Курочка-хохловка.

Пришёл волк, стучит бабушке и дедушке. Открыли. Он поёт:

На этой на горушке
Жил дед со старушкой,
Было пятеро овец
И конь-голубец,
Сучка-бобровка,
Курочка-хохловка.

Дали ему сучку.

На этой на горушке
Жил дед со старушкой,
Было пятеро овец
И конь-голубец,
Сучка-бобровка,
Курочка-хохловка, –

пришёл и поёт ему. На них же набросится! Вот они и дали ему курочку-хохловку. Курочку съел, опять кричит:

На этой на горушке
Жил дед со старушкой,
Было пятеро овец
И конь-голубец,
Сучка-бобровка,
Курочка-хохловка.

Подали ему сучку-бобровку. Съел, всё с костям, всё с костям съел!

Опять, опять кричит:

На этой на горушке
Жил дед со старушкой,
Было пятеро овец
И конь-голубец,
Сучка-бобровка,
Курочка-хохловка.

Всё. Опять, надо опять ему чего-то давать! Ну, тогда уже дали... кого там, коня-голубца, коня-голубца подали. Всё съел, и с костям, и со всем проглотил!

Опять кричит, опять:

На этой на горушке
Жил дед со старушкой,
Было пятеро овец
И конь-голубец,
Сучка-бобровка,
Курочка-хохловка.

Опять дедушка с бабушкой боятся. В них же больше давать нечего!

Они скорей взяли спрятались. Дед на полати*, баба на полку под горшок. Спрятались кто куда.

[— А пятеро овец?]

Аще ж овечек! Одну овечку дали. Съел, всё!

Опять:

— На этой на горушке
Жил дед со старушкой,
Было пятеро овец
И конь-голубец,

Сучка-бобровка,
Курочка-хохловка.

Отдали всех овечек ему. Всё, съел и проглотил, и всё.

Ну, думали, теперь наелся! Наверное, наелся! А он не наелся, значит! Опять пришёл, кричит. Они тогда спрятались, баба на лавку под горшок, а дед на полати.

А он пришёл и опять поёт:

На этой на горушке
Жил дед со старушкой.
Было пятеро овец
И конь-голубец,
Сучка-бобровка,
Курочка-хохловка.

Всё! Пошёл, лезет! Прыг на лавку, прыг на полати – жух горшок! «А, бабушка, я давно тебя дожидал!» Всё, бабушку съел! Остался один дедушка теперь.

Опять:

На этой на горушке
Жил дед со старушкой.
Было пятеро овец
И конь-голубец,
Сучка-бобровка,
Курочка-хохловка.

Опять туда прыгал, прыгал, прыгал! Прыг туда – дедушка! Ага! И дедушку съел. И остался всё, домик остался пустой! Всё! Волк съел всех. Вот такой волк нехороший!

№ 21 (14) ДЕД С БАБОЙ И ВОЛК

Жили дед и баба. Жили сильно богато:

Был у них конь-жеребец,
Ещё семеро овец,
И была сучка-багровка,
И курочка-хохловка
(раньше все курочки с хохлами были),
И Ванюшка-коток.

И повадился к ним волк ходить. А в избушке раньше окошки низенькие были. Подойдет под самое окно – надумал полакомиться. Подошёл волк и говорит:

– На этой на горушке
Живё дедка со старушкой,
В яво есть конь-жарябец,
Ещё семеро овец,
Ещё сучка-багровка,
И курочка-хохловка,
И Ванюшка-коток.

– Дед-дед, дай мне овечку, а то съем старуху, коли не дашь!

Ну вот. Ходил так до сями раз, пока всех овечек не съел. А дед всё старуху сохранял.

Потом маленько волк притих. Дед успокоился.

Не! – опять подходя с такой песней:

– На этой на горушке
Живёт дедка со старушкой,
В яво есть конь-жеребец,
Ещё семеро овец,
И сучка-багровка,
И курочка-хохловка,
И Ванюшка-коток.

А каво ж? Уже овец нет!

– Дед-дед, подай мне коня, а то бабу съем!

Дед глупый был – не мог его в окно вбить! Дед и подал коня. Он забрал его и повёл за гору.

Через несколько дней опять приходя и поё:

– На этой на горушке
Живёт дедка со старушкой...

А каво ж? У деда уже и овец нет, и коня нет. Что ж делать? Потолковали – подал сучку. Скоро волк сучку съел.

Опять идё. Подошёл под окно и поё...

Долго дед Ванюшку-котка не хотел подавать – жалел. А волк уже в окно лезя – подал. Одна курочка осталась.

– Что ж, – бабка говорит, – уже не пойде!

И опять пришёл! Дед думал-думал – подал курицу: «Все равно нам не живать: и нас съись!»

Сидять – думают: «Как нам сохраниться от этого зверя?»

Бабка влезла в печку, горшкам заставилась, заслоной* заслонила. Дед полез в трубу – весь перепачкался там в сажу. А дом не закрыли: что волк придёт, посмотря, что никого нет, и уйдёт.

Вот волк пришёл, поёт песню:

– На этой на горушке

Живёт дедка со старушкой...

А сам ходя там, топоча! Дед от страха – пук-пук! – там, в трубе. Волк как подхватил бегом за гору туды – и назад не оглядывался!

Дед тогда подумал: «Вот бы раньше так!» А то вот беда деду: всё отдал волку!

№ 22 (15) ПРО ВОЛКА

Жил жилец,

Был соломенный крылец,

Была сучка-бобровка,

Была чёрная коровка,

Был конь-воронец,

Была тройка сивых овец.

Приходить волк:

– Дед, а дед, дай овец!

Дед подал. Поволок волк овцу, съел. Опять идти, говорить:

– Жил жилец,

Был соломенный крылец,

Была сучка-бобровка,

Была чёрная коровка,

Был конь-воронец,

Была тройка сивых овец.

Дед, а дед, дай овечку!

Пришлось отдать! Опять съел. Идти и говорить:

– Жил жилец,

Был соломенный крылец,

Была сучка-бобровка,

Была чёрная коровка,

Был конь-воронец,
Была тройка сивых овец.
Дед, а дед, дай овечку!

Отдал дед последнюю овечку.

Собрались дед с бабой, стали думать, что им делать теперь? Дед взял бабу, посадил в горшок и поставил на полку, а сам под пол залез.

Приходить волк, бабу увидел и забрал с собой, съел.

Опять приходит и говорить:

– Дед, тебе баба велела приходиться. Они все за крючей* спрятавши и тебя ждуть!

Дед пошёл, а волк его тоже съел.

Усё, сказка вся, говорить больше нельзя.

№ 23 (16) ПРО ВОЛКА И ДЕДА С БАБОЙ

Жил жилец,
Был соломенный крылец,
Была сучка-бубровка,
Была горенька-коровка,
Был и конь-гылубец,
Было сёмыро овец.

Приходить волк и говорить:

– Дед, а дед, дай мне овечку, а то я тебе съем!

– Ну, на!

Подал овечку.

Волк понёс, сожрал и опять идёть, опять свою песенку:

Жил жилец.
Был соломенный крылец,
Была сучка-бубровка,
Была горенька-коровка,
Был и конь-гылубец,
Было сёмыро овец.

– Дед, дай мне овечку!

– На, жри!

Понёс волк овечку. Сожрал.

А дед с бабой тут говорить: «Как нам от яво откататься*?!» Дед говорит:

– Давай, я тебе посажу в горшок и поставлю на полку, а сам у печку влезу!

Ну, дед узял её поставил на полку, а у яе оборинка* болталась! А сам у печку улез. Приходить волк, пошёл: зирьк-зирьк – нету! Нюх-нюх – гврить [говорит]:

– Русским духом пахнет!

Ауа. Подошёл, дёрк за оборинку – грох баба об землю! Убилась до смёрти. Ну, тогда он полез на печку. На печку взлез, сел на печку, ка-а-ак пернеть – так печка обвалилась! И деда задавила.

Всё, сказка вся.

№ 24 МАШЕНЬКА И МЕДВЕДЬ

Ну вот, жила баба, Машенька была у ей девочка. Пошла Машенька это... с подружкой это... за грибом у лес и заблудилась: грибок за грибом и забегла далёк. И заблудилась.

Ишла-ишла, нашла избушку. Пришла в ету избушку. А у етой избушке мядведь жил. От она там порядок навяла! Мядведь пришёл, видить, что ето... в избе кто-то побыл... и... разъябенил*. Пришёл, а Машенька спить. На кровати на явоной. Ну, от, он и оставил её. Сказал:

– Будешь у менé готовить и будешь жить со мной!

А ён на охоту уходить. Ёот, он войдётся на эту, а Машенька взяла достала лукошки*, напякла мног пирожкоў и думайть: «Как же мне ево омманить, штоб ён менé к бабушке отпустил с дедушкой?»

Ну, от приходит мядведь, а Машенька говорить:

– Я напякла пирожкоў, а ты должен отнести моей бабушке с дедушкой. И наложила у мяшок. Ну, ён сказал:

– Ланно, приду с охоты, – мядведь ей так, – и снясу!

Ну от, она наклала пирожкоў, сама залезла в еты пирожки, мяшок завязала и сидить у мяшке.

Мядведь взвалил на плячо и понёс, пришёл. Нясётся-нясётся: «О, тижало! Сяду на пянёк, съем пирожок, дальше пойду!» А Машенька с мяшка:

– Ня садись на пянёк, ня ешь пирожок! Я всё вижу, всё слышу!

И ён опять кутюлёк* на плячо и опять пошёл. Шёл-шёл опять, заморилси. «Сяду на пянёк, съем пирожок!» А яна опять:

– Ни садись на пянёк, ня ешь пирожок! Няси дедушке с бабушкой!

Так и донёс!

Донёс. Развязала баба... Принёс – бабушка с дедушкой выскочили!

Бабушке с дедушкой:

– Пирожок мешок Машенька твоя прислала!

Яна развязала мяшок, а ... А Машенька и выскочила с мяшка. К дедушке с бабушкой.

Вот я, бывало, эту ей [внучке] расскажу сказку...

№ 25 КОЗА-СТРЕКОЗА

[– Расскажите про сказки, что вы знаете?]

– Сказку. Таку. Вот и жил мужик и баба. Бýла у них девочка. И они держали козу. Ну вот, и по... Дедка очень любил козочку свою.

Ну вот по... Послал дочку у поле, Машеньку свою:

– Иди паси козу!

Ну вот, она пасла-пасла: накормила, напоила. Гонит домой. А отец встречает козу и го[в]орить:

– Козонька-матушка, пýла ль ты, ела?

– Не, я не пýла и не ела. Я бежала через мосток, ухватила кленовый листок.

Дедушка рассердиўся, дочку побил.

На зав... Второй день сказал хозяйке:

– Погонишь ты козу!

Ну вот, погна́ла хозяйка козу, тоже кормила, напоила, гонит домой. И дед опять спра...

– Козонька-матушка, пýла ль ты, ела?

– Не, я не пýла, не ела. Я бежала через мосток, ухватила кленовый листок.

Дед и бабушку по... побил. «Ну, – думт, – ланно, надо са́мому гнать!» Погнал на третий день сам.

Тоже пас-пас, пас-пас: накормил её, напоил, забежал наперёд и спрашивает:

– Козонька-матушка, а пи́ла ль ты ела?

– Я не пи́ла, ня ела. Я бежала через мосток, ухватила кленовый листок.

Дедушка рассердился: «Ах, ты, такая! Врёшь всё мне! Навра́ла, я и дочку побил, и хозяйку побил!»

Рассердился дед, стал козу резать. Зарезал козу. Не. Надо снимать ему это... как назвать... ко.. кожи или...[Шкуру].

Шкуру. Ну вот, у неё... Нача́л, один бок немножко отодрал. Затупился ножик. Побежал ножик точить. А в это время коза оборвалась и убежала.

Бежала, прибежала в зайчикову изобку*. Зайчик и ето... А зайчик был на работы. Приходит зайчик с работы, видит: кто-т(о) в ево доме ... новым.

Он и говорит:

– Кто там?

А она говорить:

Я – коза-стрекоза,
Полбоку лупленого,
За три гро́ша куплена,
Тапы-тапы ногам!
Заколю те(б)я рогам!
Хвоссиком замячу́,
Ножкам затопчу!

Зайчик испугался, побежал... назад. Навстречу яму идёт петух и говорит:

– Заинька-заинька, а чё ты плачешь?

– А как мне ня плакать? Бы́ла у меня изобка, а кто-то пришёл в мою изобку и выгнал меня и домой не пускает.

– Пойдём, я выгоню!

– Не, ня выго...

– Пойдём, выгоним!

Приходить пятах и говорить:

Я, куру-ку-ку!
Пришёл в красных сапогах,
Принёс косу на плечах:
Хочу тебя посечí!
Слезай, коза, коза, с печи!

Коза испугалась и убежала.

№ 26 (17) КОЗА-РОГОЗА

Жыл дед и... и баба, и внучка. Ы́ла в их коза. Ну вот. Дед и говорить:

– Баба! Гони козу у поле и хорошо-хорошо паси! Я буду караулить, что напасёшь ты ай не!

Ну, погна́ла ина козу у поле. Пасла, пасла; напасла-а, напасл-а-а. Наелась она [коза], что бочка, наелася. Гонит [баба козу] домо-о-й. Дед стоять, дожидаеть:

– Ко-озынька, милая, ти пи́ла что, ти ела?

– Дедынька, я ня пи́ла и ня ела! Ишла́ чэрез мосток,хватила кляновый листок та водички маленько!

Ну вот.

– Ах, ты, баба! Что ж ты, баба?! – заругался [дед] на яё, закричал на бабу.

Ланно. Поругал бабу, покричал на бабу. Ругал бабу, бил бабу, бил бабу. Послал, таперь послал внучку:

– Иди-ка ты попаси! Баба не напасла.

Пошла внучка. Пасла, пасла, пасла – напасла. Поуна́лась домо-о-й. Приходить. Встречает дед:

– Ко-озынька, ми-и-лая, ти пи́ла что, ти ела?

– Дедынька, я ня пи́ла, ня ела! Ишла́ чэрез мосток,хватила кляновый листок, водички капельку.

– Ах, ты! Внучка! Что ж ты наделала?! Что ж ты не напасла?!

И нача́л бить, и нача́л бить! Бил, бил яё. Набил. Внучка заплакала.

«Ну, теперь погоню сам у поле я! Сам, сам попасу! Вот я сам напасу!» Погнал. Па-а-с, па-а-с. Напа-а-с, напа-а-с. Погнал домой. Забег напярёд:

– Козынька, милая, ти пи́ла чть, ти ела?

– Дедынька, ня пи́ла и ня ела! Шла́ чэрез мосток,хватила кляновый листок, водички маленечко! И иду голонная!

– Ах ты... маткин берег*! Коза ты, рогоза́!

И нача́л яё бить. Бил, бил; бил, бил козу! Бил козу. И убил.

№ 27 (18) ПРО КОЗУ-ДЕРЕЗУ

Жил дед и баба. Была у них коза-дериза... Илгуння!..
Вот... послал дед Юлю ў поля пасти козу. Пáсла-пáсла – ўонить домоў. Переймаить* дед:

– Ну, коза-деряза, ти ела, ти пилá?

– Не, дедька, ня ела, ня пилá!

Беўла через мосток –

Хватила кляновый листок;

Беўла через канаўку –

Хватила водицки капку*!

Дед напарий* Юлю, напарий – и ў свет отправиў*!

[– А Юля это кто? – Ну дак... ўнучка.]

Ну, поўнала Люба ў поля. Накормила, напоила козу,
ўонить дамоў. Дед переймаить и спрашиваить:

– Ну, коза-деряза, ти ела, ти пилá?

– Не, дедька, ня ела, ня пилá!

Беўла через мосток –

Хватила кляновый листок;

Беўла через канаўку –

Хватила водицки капку!

Напарий, напарий Любу и ў свет отправиў!

Ну, поўнала Женя ў поля. Пáсла, кормила, старалася...
ўонить дамоў. Переймаить дед:

– Ну, коза, ти ела, ти пилá?

– Не, дедька, ня ела, ня пилá!

Беўла через канаўку –

Хватила водицки капку;

Беўла через мосток –

Хватила кляновый листок!

Напарий Женю и – отправиў ў свет!

Ну, поўнаў... Некому ўнать! Поўнаў дед сам. Накормиў
козу, напоиў козу. Ўонить дамоў. Зайшоў и переймаить:

– Ну, коза, ти ела, ти пилá?

– Не, дедька, ня ела, ня пилá!

Беўла через мосток –

Хватила кляновый листок;

Беўла через канаўку –

Хватила водицки капку!

Усэрьдиўсь дед, ўзяў ету козу уж... Схватиў ножика – резать!..

Несколько там резнаў – ножик зломаў. Пошэў ў кузьню* кувать. Коза убегла ў болото...

Там коза козлянилася и стала жить. Живёт, живёт. Дед козу не нашоў. Исаў, не нашоў. Жила, жила. Ну что ж, тогда там ей хатку сделали. И вот ина там и жила, растила своих козлянят. Пошла добывать сабе продукты, чтоб козлянят кормить. И приходит и ўсёгда ўовóрить, што:

– Вы, ребятушки,
Вы, козлянтушки,
Отчынiтeся*,
Отворитeся:
Поўны сиси молочка,
Поўны рожки творожка!

Ну, ей козлянты отложутся*, и всё ина з йим там и бывает, кормить йих, делает ўсё. Вот ина так раза два сходила. Придёт, опять так говóрить, что «отчынiтeся, отворитeся, там, поўны сиси молочка, поўны рожки творожка». Козлянты ей отложутся, ўсё.

Подслухаў воўк ета ўсё. Приходить. Коза пошла за продуктами уже добывать где там ў лес. А воўк приходит [грубым голосом]:

– Вы, ребятушки,
Вы, козлянтушки,
Отчынiтeся,
Отворитeся:
Поўны сиси молочка,
Поўны рожки творожка!

Козлянты еты и ўовóрють:

– Слышим, слышим: не маткин ўолос! Покажи лапы ў вокно!

Ён торьк! – чёрная лапа!

Ну, тоўда воўк что придумаў? Пошэў ў кузьню и на кузьняца ўовóрить:

– Скуй мне ўолос такéй, как у козы!

Ну, кузнец яму җолос скувáў. Он пошëў на мельницу,
увесь обкачáўся* ў муку, стаў белый, как коза. И приходить:

– Вы, ребятушки,
Вы, козленятушки,
Отчыннися,
Отворнися:
Поўны сиси молочка,
Поўны рожки творожка!

Ну... яны ўлядели-ўлядели:

– Покажи лапу ў вакно!

Ён показáў лапу ў вокно: ну, белый! Ўсë. Яны ўзяли
отчыннися яму. Ён ўзяў козленят етых поеў. Один где-то забиўся
ў шёлку там...

Ну. Приходить коза и җовóрить:

– Вы, ребятушки,
Вы, козленятушки,
Отчыннися,
Отворнися:
Поўны сиси молочка,
Поўны рожки творожка!

Никто ничоx не отчыннiўся... Вот тада ўзялá коза ўлезла
ў вакно, ўлезла ў вакно. И козлянёночек етот тада вылез, җде ён
забившись быў, к козы. Ну, что ж? Үоре козы!..

Ну, думаеть, что это всë ина знала, что это воўк
натворил. Ну, и стала делать помин по козленятам. Затопила
печку. Ў печку – кочарежку* туды. И зварила кутте*. И пошла
воўкá звать поминать. Пришла к воўкú и говорить:

– Ходи... Кто-то моих ўсих козленят де-то ти поеў, ти
што! Ходи! Ужо помянём!

Воўк пришоў.

Ну, – җовóрить [коза], – разевай рот пошірей! Я табе...
(А у ей ложка такая была, и куттë почёрнула.) Я табе счас
кутьтá...

Воўк разинуў рот, а ина ну – кочарежку красную
ўсунула! Ён яркотаў*, яркотаў... А тада... вышеў недалёк и
ўсë... И здырдиўся*! Ўсë. Ўся моя сказка!

– [Внучка] А козлята?

- А?
- [Внучка] А козлята?
- Ну дык, козляток жа ён поеў! Яны ж остались козлянёнок с козой жить тада уже. А волк ўсё! Ўсё. Да.
- [Внучка] Жалко!
- Жалко, ага! Вот. Вот так.

№ 28 (19) СКАЗКА ПРО ЗАЙКИНУ ХАТКУ

Жиў заяц, и рядом – коза. Тода жили́ и жили́. Стало... Коза сабе построила хатку со снеуу, а заяц – с прўтты... Стало тяплеть – козіная хатка потякла. И неўде козы жить. Ина ўзяла да зайца выгнала с сваёй зайцевой хатки и стала жить.

Заяц вышэў на вулицу да й плакаў ўсё, сёдя.

Идэть лисица:

– Ну, что ж ты, серый заяка, плачышь?

А ён ей и ўовóрить:

– Как жа мне ня плакать? Пастроиў сабе хатку, а коза ўзяла мене и вы́гнала!

– Ходи, выўоним!

– Ня выўоним!

Ну, пришли. Только пришли, а коза:

– Хто к моей хатке идэть – роўам збоду* и хвостом замяту!

Ну что ж! Спужались – пошли.

Опять зайчык вышэў да и плачыть. Плачыть и плачыть.

Идэть воўк:

– Что ты, серый заяка, плачышь?

А ён ўовóрить:

– Как жа мне не плакать? Хатку построил, а коза взяла мене и вы́гнала вон! Мне неўде жить!

Вот тода воўк и ўовóрить:

– Ходи, выўоним!

– Не! Мы, – ўовóрить, – з лисицей выўоняли-выўоняли – ня выўоняли! И с тобой ня выўоним!

– Ходи, выўоним!

Только идуть – коза тут и роўам, и копыта́м бьеть ў дзвери:

– Кто к моей хатки идёть – роуам збоду и хвостом
замяту!

Ну, тогда яны спужались, пошли уходить!

Идёть медведь. А зайчык усё плачыть.

– Что ты, серый заяц, плачышь?

– А как же мне, – ўоўорить, – ни плакать? Во построй
хатку, а коза

мне ўзяла да й выгнала с хатки вон! Мне неуде теперь жить!

– Ходи, мы с тобой выгоним!

– Да не! Я, – ўоўорить, – з лисицей выгоняў-выгоняў – ня
выгнаў! Я и з воўком выгоняў-выгоняў – ня выгнаў! И с тобой
ня выгоним!

– Ходи, выгоним!

Вот яны только идут к хатке к этой, а коза там и роуам,
и ноуам! Ўсё там кричыть:

– Кто к моей хатке идёть – шшас роуам збоду и хвостом
замяту!

Ну, что же? Постояли: страшно дужа*! Не пошли!

Ланно. Сядить заяц и плачыть. Идёть пятах.

– Что ты, зайчик, плачышь?

– Как же мне, – ўоўорить, – ня плакать? Хатку построй,
а мене во: выгнали коза вон, и мне жить неуде!

– Ходи, выгоним!

– Что ты, – ўоўорить, – я з лисицей выгоняў-выгоняў –
ня выгнаў! Я и з воўком выгоняў-выгоняў – ня выгнаў! З
медведем выгоняў-выгоняў – ня выгнаў! А с тобой ужэ нам ня
выгнать!

– Ходи, – ўоўорить, – выгоним!

Так. Только идут к хатки, а коза:

– Кто к моей хатке идёть – роуам збоду и хвостом
замяту!

А пятах – раз! – подняўсь высоко и запяў*:

– Кто... кто у этой хатке живёт, косу ўолаву знясу!

И опять так пяёт:

– Кто в этой хатке – шшас косу ўолаву знясу!

Коза спужалася – и уходит!

А остаўся заяц и пятах жить там. И сейчас яны живут,
вот, и дужа весело живут!

№ 29 (20) ГОРОШИНА

Жили-были дед с бабой и курочкой-рябой. Курочка нашла горошину. А дед с бабой посадили её в бане под полок*.

Горошинка выросла под самый полок. Дед разобрал полок. Выросла горошинка под самый потолок. Дед и потолок разобрал. Доросла горошина до крыши. Дед и крышу разобрал. Росла-росла горошина и выросла до самого неба.

Решили дед с бабой залезть на небо и, чтобы не расставаться, взяли по верёвочке. [Очевидно, дед с бабой берут в зубы концы веревочки.] Лезли-лезли они. Баба захотела спросить что-то у деда. Верёвочка выпала, и баба упала на землю и разбилась.

Дед полез посмотреть, что с бабой. Показалось ему, что баба смеётся над ним. Дед осерчал и бабу убил и схоронил.

А сам один отправился на небо. Лез неделю, лез другую, лез третью. Наконец попал он на небо. Там увидел расписные терема, столы конфетные, ложки пряниковые, напитки медовые. Дед отломил кусочек стола и съел. Всего понемножечку попробовал!

На этом сказке конец, а кто слушал, молодец. И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло – в рот не попало.

№ 30 (21) СКАЗКА ПРО ГОРОШИНУ И БОБ

Жили-были дед и баба. Были у них курочка и петух. Ну, пошли они гулять. Курочка нашла горошек, а петушок – бобинку. И пошли они домой. Пришли они домой, дед и говорит:

– Давайте нам горошек с бабушкой, мы его напололам съедим, а бобинку посадим под пол!

Посадили они [бобинку], выросла она до пола. Пол разобрали. Росла, росла, выросла до потолка – потолок разобрали. Выросла до крыши – крышу разобрали.

Выросла до неба. Дедушка полез по бобине на небо. Пришёл, а там всё, что хочешь: и пить, и есть. «Вот, – думает, – сейчас наемся!» Дед сел за стол и поел. Только поел, слышит:

бежат козы, думает: «Куда прятаться?» Раз – под корыто! Козы прибежали и говорят:

– Фу, нерусским духом пахнет!

Дед думает: «Сейчас меня увидят!»

Потом козы ушли и оставили козу-одноглазку сторожить. Старик говорит:

– Спи, глазок, спи, спи, спи!

Она походила, походила и заснула, а дедушка вылез из-под корыта и стал есть опять. Слышит, козы: «Бе-е-е!» – назад бегут! А дедушка опять под корыто схуался*, а они прибежали и опять закричали:

– Фу, нерусским духом пахнет!

Ту козу как начали бить – чуть не забили!

На второй день оставили козу с двумя глазами. Он говорит:

– Спи, глазок, спи, другой! Спи, глазок, спи, другой!

Она и заснула. Он вылез и опять стал есть. И слышит: опять бегут козы. Он спрятался. Они побили козу.

На третий раз оставили козу с тремя глазами. Дедушка под корытом лежит и говорит:

– Спи, глазок, спи, другой!

Два заснули, а третий остался и всё видит. Он встал, а коза как закричит! Все услышали, прибежали и били деда, а дед говорит:

– Козоньки, миленькие, не бейте меня! Я вам бабушку на хозяйку принесу!

– Ну, принеси, тогда бить не будем!

Он опять полез вниз:

– Баба, баба, иди к козам хозяйничай!

А она сказала:

– А как мне туда залезть?

А дед сказал:

– А не знаю! Ну, ладно! Садись ко мне в штаны!

Баба села в штаны, и они полезли наверх. Лезли, лезли – вдруг штаны порвались, и баба вывалилась и разбилась!

Дед сделал гроб и пошел нанимать голосить*.

Бежит волк:

– Дед, а дед, куда идёшь?

– Разбилась баба, иду нанимать голосить.

- Найми меня!
- А ты умеешь?
- Умею.
- Ну-ка, попробуй!
- Уу-у-у-у!
- Не-е, не умеешь!
- Идётся медведь.
- Дед, а дед, куда идёшь?
- Разбилась баба, иду нанимать голосить.
- Найми меня!
- А ты умеешь?
- Умею!
- Ну-ка, попробуй!
- А-а-а-а-а!
- Не, не умеешь!
- Лиса встречается.
- Дед, а дед, куда идёшь?
- Разбилась баба, иду нанимать голосить.
- Найми меня!
- А ты умеешь?
- Умею!
- Ну-ка, попробуй!

Лиса голосит.

- Молодец, умеешь!
- Ну, я пошёл за водой, помоем косточки*. И ты поголосишь еще.

Он пошёл. А пока он за водой ходил, лиса все косточки обгрызла.

Дед пришёл и не понял, что косточек меньше стало, а второй раз пошёл за водой и заметил, что косточек нет и лисы нет. Он так и подумал, что лиса съела кости и меня обманула.

№ 31 ТРИ ИВАНА

У царя были три дочки. Каждый день надо было возить царю по дочке на море на съедение трёхглавому змею.

Жили три Ивана: Иван сучий, Иван девичий и Иван царёв сын.

Повезли первую дочку. Ивану царёву ничего не сделать было со змеем, и он стал просить съездить Ивана сучьего (у суки Иван сын был). Поехал он. Глядит Иван сучий: волны забились, море взволновалось – змей выплывает. А на берегу девка сидит и плачет: счас её змей съест! Иван как вдарить, так одну голову и снёс! А девка рада домой побегла!

Пришла очередь Ивану девичьему на море дочку спасать. Опять просить Ивана сучьего за яго съездить. Поехал Иван. Море взволновалась: змей выплывает с двум головам. Коня как лапнуть*! Иван как вдарить – и вторую голову снёс! Змей скрылся, а даячонка довольная домой побяжала.

Поехал Иван последний раз на море. Море взволновалось – выплывает змей с одной головой. Иван и последнюю ему снёс!

Собрал тогда царь всех дочек, и Иванов этих собрали. Царь говорить:

– Кто вас спас, я на тех вас и женю!

Они как закричать:

– Этый нас спас! – и бросились каждая к своему Ивану!

Вот так и поженились. Стали жить-поживать и добро наживать.

Сказка вся, говорить больше нельзя.

№ 32 (22) ПРОТУПЕЙ-ПРАПОРЩИК

Один царь построил для своей девки замок на берегу моря, и не было в этом замке ни ходу, ни выхода, лишь только одно окно на море, чтоб её никто не видел. И вот однажды поднялась буря и унесла царевну. Царь объявил: тот, кто найдёт, будет женихом. Простой солдат согласился, царь назвал его Протупеем-Прапорщиком и дал в помощь двух солдат.

Сели они в лодку, поехали. Приехали на остров. Там стоит один дом большой, а [в нем] комнатка маленькая, и ни окон, ни дверей. А в комнате большой котёл стоит, а есть нечего. Пошли на охоту, один принёс дичи, стал готовить обед. Не успел ещё приготовить, как пришёл Немал-человек. Он попросил:

– А нельзя ли пообедать?

– У нас свои братья, да и я голодный, – ответил.

Немал-человек тогда как стукнул его, тот и обалдел. Пришли с охоты: он лежит. Братья подумали, что он просто угорел*.

На следующий день остался другой. С ним то же самое.

Потом остался Протупей-Прапорщик. Приходит к нему Немал-человек:

– Нельзя ли пообедать мне?

Протупей-Прапорщик и согласился:

– Для хорошего человека ничего не жаль!

Немал-человек стукнул по столу и появилось всё. Пили, ели с ним. Немал пьёт, а Прапорщик всё под стол льёт. Немал потом и опьянел.

Протупей-Прапорщик и слышит: рояль играет, а ходу к нему нет. Стал искать и нашёл. Видит: царевна сидит и играет.

– Как ты сюда попал? Мой муж увидит – не уйдёшь с острова! – царевна говорит.

Он ей всё и рассказал, что муж её убит и что он [Протупей-Прапорщик] её ищет.

Потом они услышали шум. Подумали, что муж ожил. «Пропала!» – девка думает. А это двое товарищей пришли и гуляют.

Царевна дала Протупею-Прапорщику своё кольцо. А он, когда мылся, положил на окно и забыл. Поехали к морю. Прапорщик вспомнил про кольцо и побежал узад за ним.

Остальные стали уезжать. А один сказал, чтобы все поклялись, что это он отыскал [царевну].

Протупей-Прапорщик приходит, а лодки нет у моря! Он посидел, посидел у моря и вернулся в дом.

Тут появился человек с цветами. Он помог ему, посоветовал, что делать.

Пошёл тогда Протупей-Прапорщик к морю. А там крокодилы, змеи! Съел Протупей-Прапорщик один цветок – всё исчезло: перед ним чистая дорожка. Потом сильные волны. Съел другой – исчезли. Съел третий – перешёл через море.

Приходит, а там свадьба. Царевна обносит всех водкой. Говорит:

– Выпейте за погибшего Протупея-Прапорщика!

Поднесла ему и увидела кольцо.

Так она и ахнула:

– Вот кто меня отыскал!

Царь:

– Отрубить этому мошеннику [самозванцу, присвоившему себе подвиг Португепя-Прапорщика] голову!

№ 33 (23) БЫЧОК-ДРИСТУНОК

[Жили-были дед с бабой] У них была девочка – ўнучка, вот как мой Юра. Ну, девочка та встала наутро и говорит:

– Бабушка, пусти ты меня в ягодки!

Она говорит:

– Заблудишь!

– Ничяго не заблужу, пусти!

– Ну, иди!

Она взяла корзиночку и пошла. Ишла-ишла и заблудилась. Встрячает волка. Волк и говорит:

– Слушай, девочка, я тебе съем!

Она говорит:

– Ня ешь мене, я маленькыя!

Ну, что ж, тогда он, он говорить...

Да! Откуда ня взялся, бычок-дристунок:

– Девочка, садись на мене, я тебе повязу!

Она села на яво, он и поехал, то есть побяжал, повёз девочку. Ну. И волк бяжить. Волк как хотел девочку схватить! А он ка-а-к дриснетъ прямо в рот яму! Ох как начал он лапам терябить! Терябил-терябил – бычок далёк уже с девочкой! А он, чёрт, вымыл рот да и опять за бычком! Опять догоняет! Вот как догнал, только рот разинул, хотел девочку ету схватить, а ён опять ка-а-к дриснетъ ему в рот! Опя-ять бычок, то есть опять волк в лошшы́ну*! Так [бычок] и свёз внучушку домой!

Вот, и осталась девочка живая.

№ 34 СКАЗКА ПРО ЧЕРЁШЕЧКУ

У кого детей не было, брали люлечку и колыхали*. И выколыхали* сына Черёшечку. Рос он не по месяцам, а по часам и минутам.

Он поехал рыбу ловить.

А была баба-ведьма, и она подкараулила, что он пошёл.

Когда он уходил, мать ему говорила, что принесёт ему еду на берег и позовёт его. А ведьма это подслушала. Она пришла на берег и говорит:

– Сынок Черёшечка! – тоненьким голоском. – Иди на бережок, я мать твою, тебе есть принесла: полны рожки творожка, полны сиськи молочка.

Он приплыл, а она его схватила в когти.

Принесла домой, а дома у неё дочка была. Дочка печку топила. Ведьма дочке говорит:

– Сади его на лопату!

А сама ушла.

Она ему говорит:

– Раскапусти* руки и ноги протяни!

– А я не могу так. Ты покажи [как надо сделать], тогда я сяду на лопату!

Она села, показала, а он её – в печь! Она там и сгорела.

У ведьминой дочери было золотое кольцо. Ведьма пришла (не знала, что её дочка в печке), поела и нашла кольцо. Она вышла к дубу и говорит:

– Покачаюсь*, поваляюсь, наевшись Черёшечкиного мяса!

(Она не знала, что свою дочку съела). А Черёшечка влез высоко на дуб и говорит:

– Покачайся, ведьма, поваляйся, своей дочери мяса наевшись!

Вот она прибежала, схватила топор, рубила-рубила, а топор тупой – никак не срубить! Пришлось зубами грызть. Пока грызла – осталось совсем немножко, чтобы дуб свалился. А мимо летели гуси – Черёшечка им говорит:

– Гуси-лебеди, возьмите меня, донесите меня к отцу, к матери! Вас там накормят, напоят, в зелёный сад погулять пустят!

А они ему отвечают:

– Там сзади гусёнок зашши́пленный* летит, он тебя возьмёт!

Черёшечка попросился к тому гусёночку, тот его взял. Прилетели они, [мать, отец Черёшечки] гусёнка накормили, напоили, в зелёный сад гулять пустили. А Черешёчка жив остался.

Я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

№ 35 (24) ТЕРЁШЕЧКА-С-ПОЛЕШЕЧКА

Жили дед с бабой, и не было у них детей. Взял дед полешечко, отесал, завернул и положил на печку. Услышали дед с бабой, что ребёнок на печке плачет. Подошли, смотрят: мальчик! Назвали они его Терёшечка-с-полешечка.

Рос он не по дням, а по часам. Стал он больше и говорит:

– Я поеду рыбку ловить!

– Куда ты? Ты же маленький, – говорит баба.

– Нет, поеду, – отвечает мальчик, – вы мне покушать пришлите!

Ушёл он.

Пришла к нему мать, принесла покушать и кричит:

– Терёшечка-с-полешечка, плыви, плыви к бережку!

Он приплыл, она его покормила и ушла.

Первый раз не слыхала Баба-Яга, как мама его звала, а во второй раз услышала и решила его поймать. Вот и кричит она грубым голосом:

– Терёшечка-с-полешечка, плыви, плыви к бережку!

Говорит мальчик: «Это не мамин голос, это Баба-Яга зовёт меня!»

Баба-Яга прибежала к кузнецу, чтобы он сделал ей язычок потоньше. Вот пришла снова Баба-Яга и зовёт:

– Терёшечка-с-полешечка, плыви, плыви к бережку!

Он приплыл, она его и схватила. Мама пришла, а его нет!

Баба-Яга пришла домой и говорит:

– Стопите баню, вымойте его и зажарьте, а я его съем!

Сестра Бабы-Яги вымыла мальчика и стала его в печку на лопате пихать, а Терёшечка-с-полешечка и говорит ей, что она не так делает.

– А как нужно? – спрашивает сестра Баба-Яги. – Покажи!

Села она на лопату, а он её и пихнул в печку!

Баба-Яга съела её, а Терёшечка-с-полешечка смеётся: «Баба-Яга свою родную сестру съела!»

Так Терёшечка-с-полешечка ещё с двумя сёстрами Бабы-Яги поступил, которых она тоже съела. Затем Терёшечка-с-полешечка и саму Бабу-Ягу в бане вымыл и в печку сунул, а сам домой вернулся.

№ 36 (25) ИВАШКА

В маленькой избушке жили мать с отцом. Отец далеко работал в поле. А мальчик [сын] носил ему в поле еду.

Недалеко от поля, в лесу, жила ведьма. Она превратилась в старушку и украла мальчика. И унесла мальчика в лес, в избушку на курьих ножках.

А отец так и не дождался Ивашку, чтоб он принёс ему еды. Вечером отец спрашивает:

– Где Ивашка? Мать ему отвечает:

– Не приходил!

Отец и мать горюют!

Прошло много времени, отец и мать уже состарились.

Ведьма хотела поджарить мальчика в печке. На лопату посадит, а поджарить – никак: мальчик ногами упирается.

Однажды ведьма села на метлу и улетела. А в это время летели с юга гуси. Мальчик просил то ласточек, то гусей:

– Помогите мне, возьмите меня домой!

Один гусь был раненый, мальчик его вылечил. А потом сел на крылья, и гусь принес его к дому.

Мать напекла блинов. Мать [отцу]:

– Тебе блин, мне блин!

А за окошком вдруг:

– И мне блин!

Дед:

– Кто-то под окном?!

Открыли: а там Ивашка!

И блины стали делить: «Тебе блин, мне блин, Ивашке блин!»

С тех пор жили они вместе и дружно.

№ 37 (26) СКАЗКА ПРО ЧУРИЛУШКУ

Чурилушка... Ну, будто был бедный мальчык, и его утащыла (да это сказка известная, я думаю, где-то и в книгах есть такая), утащыла его, это, Чума. Притащыла, значыт, через лес – а он будто бы камушки бросал по дороге, там, или, я не знаю, какие-то приметы делал – и в дом (как будто бы Чума, мне кажется).

Ну вот, воды наносить в печку, значыт, эти, котёл. Печку... дров принести нужно было. Принёс он дров. Она заставила его, значыт, его печку разжечь. Когда разожгла печку, тогда она говорит, что это:

– Садися на эту, на лопату (как раньше же хлёбы-то пекли), на эту лопату и я тебя в печку положу!

А он-то ноги, значыт, когда она в печку, это, она приказала, значыт, он и подчылся ей. Ну вот, на лопату-то он сел, а ноги-то он, это, расширил. И ему-то было, это, и ей в печку-то не сунуть. Тогда он, значыт:

– Ты покажи, как это делать!

[Сама туда села, и он ее запихнул] запихнул в печку, заслонкой закрыл и так домой вернулся!

№ 38 ВАСЯТКА И БАБА-ЯГА

В одной деревне жила бабушка. И был у неё внучек... Васятка. Волоски белые льняные, глазки голубые, щёчки румяные, ну такой умница, такой помощник бабушке на старости лет! Он и воду таскает, и дрова носит, и двор подметает! Ну, не сидит без дела нисколько! А в свободное время ещё и рыбу ловит. Вот бывало... Бабушка ему челнок*

купила маленький. Сядет в этот челночек*, вудочку и поедет по речке рыбу..., может быть, даже и по Кунье, рыбу ловить.

Ловит рыбу, а бабушка утром (он вставал рано, как только солнышко первым лучом землю осветит, и уйдёт на речку), бабушка утром всё приготовит, печку стопит, завтрак ему приготовит, завяжет в узелок и идёт на речку. Придёт на бережок и кричит:

– Внучек мой Ва-асенька, плыви-плыви к бё-ережку, я тебе ку-ушать принесла!

Он приплывёт к бережку, покушает, отдаст рыбу, которую наловил, бабушка возьмёт. И поедет он. Он опять поедет по речке рыбу ловить, а бабушка домой идёт.

И всё бы хорошо, да прознала про это Баба-Яга, что Васятка один на реке бывает (и тоже наука была: река рядом-то окол дома протекала), что Васятка один на реке бывает. Подслушала она, как бабушка кличет внука, выучила всё дословно и однажды пришла. Выбрала момент и пришла вперёд бабушки и кричит:

– Вася-ятка, плыви-плыви к бё-ережку, я тебе ку-ушать принесла!

Васятка приплыл. Она его – хоп, цап-царап, в мешок да за плечи, да в лес!

Приносит к избушке на курьих ножках и на бараньих рожках. А в этой избушке с Бабой-Ягой была её дочка, жила. Вот она принесла Иванушку [так!], развязала да и говорит:

– Вот тебе мальчишку принесла, сейчас ты его тут изжаришь, а я в лес пойду, может, ещё кого поймаю!

Затопила дочка, затопила печку. А Иванушка думает: «Вот когда попался, и дороги теперь не знаю: ведь в мешке несла!» Вот затопила печку. Печка топится жарко. А она уже, видно, дочка-то, не первого мальчишку жарит в печке! Принесла лопату (вот как деревянной лопатой хлеб пекут), принесла лопату и говорит ему:

– Садись, играть с тобой будем!

А Ванюшка смекнул, какая это игра, сел на лопату, взял руки и ноги расставил в стороны: ей никак его не впихнуть в печку. Чтобы... в чело*-то сел, а в печку не впихнуть!

– А ты не так!

– А как?

– Руки убери!

Он взял руки убрал, а ноги-то не убирает. Опять она его – никак не заходит он в печку!

– Ты не так!

– Ну так а как? Покажи!

Ну, она и скок на лопату! Руки сложила, ноги поджала, голову пригнула – ну, колобок, да и только! Иванушка – раз её в печку и впихнул! В печку-то её запихнул. И печку заслонкой закрыл, а сам побежал на улицу.

А сам не знает, где Баба-Яга: как бы не попасться! И выбрал самое толстое дерево. Забрался на дерево и сидит.

Сидит, вдруг является Баба-Яга. Является (она ж не знает ничего про это). Открывает дверь, зовёт свою дочку – не откликается! Ну, она поругалась, говорит: «Наверное, опять малиной где-нибудь обжирается!» Заругалась. Достала (чувствует: пахнет жареным), достала кочергой из печки, поела и пошла на улицу.

Легла на травушке и поёт: «Поката-аюсь я, поваля-яюсь я, мясца свежего поевши!» Но мальчишка... услышал, ему хочется её подразнить, и говорит: «Поката-айся-ка, поваля-ййся-ка, свою дочку съевши!» Она опять: «Поката-аюсь я, поваля-яюсь я, свежего мясца поевши!» А он опять ей твердит: «Дочку свою съевши!» Она и подслышала. Подслышала, соскочила, бегаёт по этому, по лесу, ищет. А он сидит, в веточках спрятавши.

Ну, нашла, на каком дереве он сидит. Дерево толстое. Она взялась, было, хотела забраться – никак: горб мешает. Слезла и давай сначала это дерево зубами грызть. Грызёт зубами, как пилой пилит!

Летят гуси, а Иванушка:

– Гуси-гуси, возьмите меня на крылышки, отнесите домой к бабушке!

А гуси:

– Нам некогда, там другие летят, может, те возьмут!

А Баба-Яга гложет дерево, дерево уже ветер начинает качать, ветром качаться. Летят ещё гуси.

– Гуси-гуси, возьмите меня на крылышки, отнесите к бабушке!

– Там ещё летят, может, те возьмут!

Опять (а она грызёт дерево), опять летят, летят гуси.

– Гуси-гуси, возьмите меня на крылышки, отнесите к бабушке!

Взяли гуси Иванушку на кры... мальчика на крылышки Васятку. Только понесли, а дерево – ух! и прямо на Бабу-Ягу. Придавило Бабу-Ягу, тут ей и конец пришёл. И на этом месте загорелся костёр большой, всё сгорело с прахом.

А гуси принесли мальчика в избу... и посадили на крышу. А бабушка дома блины пекёт. Пекёт (в них ещё был кот). Она сидит, значит, спекёт блин, бросит себе: «А это, говорит, мне, а это тебе, а это мне!» А Васятка с крыши:

– А мне?

Она говорит:

– Ну, кто ж это так? Кто ж это у нас ещё блинов просит?

Вышла на улицу: Васятка на крыше сидит! Вот сняли его с крыши и стали жить-поживать ещё веселее, ещё дружнее, чем раньше.

Вот и сказке конец, а кто слушал, тот молодец.

№ 39 (27) СНЕГУРОЧКА И БАБА-ЯГА

Жил-был дед Мороз, и была у него Снегурочка. Пришла зима, и ребятишки начали справлять Новый год.

И вдруг прилетел белый аист и увидел Снегурочку и деда Мороза. И на другую ночь прилетел к деду Морозу и увидел Снегурочку, посадил на спину и унёс к Бабе-Яге.

Баба-Яга хотела посадить её в горшок. А Снегурочка сказала, что не знает, как туда сесть, попросила показать. Баба-Яга села в чугунок, а Снегурочка двинула в огонёк, и сварилась Баба-Яга!

№ 40 (28) СКАЗКА О ТРЁХ БРАТАХ, ВЕДЬМЕ И ВЕДЬМИНЫХ ДОЧКАХ

Жили́-были́ три братá. Двоя вумных было́, а третий – Ванька-дурачок.

Повади́лися браты́ к ведьме у сад, яблоки собирать. Вумные тихо-онька через азу́ароду* лезуть. А дурачок (что з я́уо узять!) только жердям тряшшыть, а як перевалитца, так и бяу́ить прямым ходом у ведьми́н сад. На́йди́ть яблoк красны́й да спелый и кричыть:

– Оуо-уо, братцы, яке́й я нашоу́!

Яны на я́уо цыкають да пальцем яму у́розять, шoб не уомони́у, а Ванька только пушчэ о́реть:

– А что мне тая ведьма? Я яе не боюся!

Услыхала ведьма, прибеу́ла, похвaтала брато́у и под печку за́пихала.

Сбираетца у вечери на посиделки*, а дочкé старшей наказ даёть:

– Достань братá, насоли яму бока, на за́унет* посади да у печь за́пихни!

Только старуха за порóх, а дочкá к печке:

– Вылазь-ка который, буду тебе на лопату сажать да у печку пихать! Вумные браты переглянулись да на младшеуо пенять:

– Ты, Ванька-дурачок, нас пад монастырь подвёу́, по тебе и панихиду служить!

Делать нечэуо, вылез дурачок с-под печи да на за́унет и ждéть долюшки своей. А ведьминá дочкá яму бока насолила, на за́унет усадила и у печь я́уо пихаить! Ванька упёрся ноу́ам у стенки и не даёть себе на под* посадить.

– Ты ни так, – ведьминá дочкá уoвóрить, – на лопату садисся! Нада прищуриться, сожмуриться, калачыком прикинуться!

Дурачок з лопати – прых и отвечает ей:

– Покажь ты мне, а то непонятливый я, ня ведаю, яко на лопату садятся!

И тольки ведьминá дочкá на заўнет успрыгуну́ла, Ванька поднатужиўси – и у печь яе засадиў, а сам под печь ўлез и ждeть, чэуо дальшы будeть?

Ведьма домоў воротилася, за стол садилася, дочкú сожрáла, кости оулодала, мясо похвалила – и-и-и спaть завалилась!

Сбираетца у вечери зноў на посиделки и новый наказ сяредней дочкe даeть, чтоб тая друуóоу брата на поду запякла.

Но Ванька и тутa не сплoхoвaў. Тoльки ведьминá дочкá яму бока насолила да на заўнет усадила, дурачок ноуи растопыриў, у стенки упёрся и сидить. Стала ведьмачка яму толковать да паказывать, яко на лопату садиться надо, а ён и яe ўслед за старшей сястрицей отправиў. Сам под печь ўлез и ждeть, что дальшы будeть?

Ведьма дамоў воротилася, за стол садилася, дочкú сожрáла, кости оулодала, мясо похвалила – и-и спaть завалилась!

Сбирается у вечери на посиделки и вялить младшей дочкe опоследнеу запечь. Ну, а Ванька топерича умён да учён быў, и опоследнюю ведьмачку тож на лопату да у печь. А сам под печку к братáм забраўся и сидить тама, ждeть, чауо дальшы будeть?

Ведьма домоў воротилася, за стол садилася, дочкú сожрáла, кости оулодала. Ўлядь – на столе колечко осталóся, аккурат, якое у дочкe младшей на пярсте* былó!

Сокумекала ведьма, у чым дело! Озлилася дужа*, да к подпечке*:

– Вылазьтя! – ўовóрить.

А браты як выскочутъ, схватили ведьму да у печь яe, на жаркий под! Так и спяклася старая на горячих уооллях.

А браты домоў отправилися и жили дома припеваючы, ўоря-бяды не знаючы.

№ 41 КАК ВАНЯ-ДУРАНЯ ЗА ОГУРЦАМИ ХОДИЛ

[Это вам бабушка сказку рассказала?] – Ну да, да.

Жили-были три брата: Мишка, Гришка и Ваня-дураня. Пошли... Один раз пошли, собрались три брата пойти за

огурцами. Пошли они в чужой огород, а этот огород был Баби-Яги. Стали собирать они ночью огурцы. Ваня-дураня найдёт большой огурец и как закричит:

– Ох, братцы, какой большой огурец!

А Мишка, Гришка и говорит:

– Молчи, дурак! А то Баба-Яга услышит!

Он ещё больше огурец найдёт [и ещё громче кричит]! А они ещё ему:

– Молчи, дурачина! Услышит Баба, Баба-Яга!

Ну вот. Ну никак не остановить было Ваню-дураню! И действительно: Баба-Яга услышала, в огород зашла, поймала их и привела к себе. Посадила она под печку, заперла их. Сидят они там... втроём, под печкой. При... это, ночь сидят.

Утро пришло, Баба-Яга затопила печку. Ну что? Кого-то надо есть первого! Затопила. Топится печка, она подходит, открыла их, так, приоткрыла... Как раньше мы говорили: ленуха*.

– Вылезай! Один кто-нибудь.

Вот Мишка, Гришка поумнее, они говорят:

– Вань-дураня, из-за тебя Баба-Яга нас поймала, полезай ты теперь к Баби-Яги!

Ваня-дураня вылез.

– Ну что, бабуля? Что мне делать?

А бабуля говорит:

– Ну что, садись, дурак, на лопату! И я тебе в печку – туда – затолкну, жарить тебя буду!

Вот. Поста... Положила она так лопату, Ваня-дураня сел, раскапустился*, раскорячился. Никак не всадить Баби-Яги в печку!

– Вань-дурань, так ты сядь поаккуратней!

– А как мне сесть? Покажи, я и сяду!

Вот Баба-Яга села, скорчилась, скрючилась. От, Ваня её, дураня, толкнул в печку, заслонил* – и Баба-Яга там скакала-прыгала, прыгала-скакала там! Сжарилась.

Ну что? Подходит [Ваня-дураня] к подполью*, говорит:

– Гришка, Мишка, вылезайте! Пойдём домой!

Вот они вылезли, стали уходить домой. А Ваня-дураня и говорит:

– Ой, братцы, какая дверь красивая у Бабы-Яги!
– Дурак, дурак, дурачина! Зачем тебе дверь?! Пойдём, давай бежать!

– Нет, братцы! Я возьму эту дверь!

Взял эту дверь, взвалил на спину и несёт.

Шли-шли они так, ночь застала их. Ну, где ночевать? Страшно так под ёлкой ночевать: вдруг – эти, разбойники? Ну, они полезли на ёлку. Залезли на ёлку, сидят, ночь коротуют.

Пришли разбойники, сели это... под ёлкой и сидят обедают так. А Ваня-дураня и говорит:

– Ой, братцы, не утерпеть! Писать хочу!

А Гришка и Мишка говорит:

– Терпи, дурачок! Писай в штаны.

– Ой, братцы, штаны замочу!

– Нет уж, писай туда!

Вот он стал писать в штаны. А разбойники и говорят:

– Оуо! Божья росичка кап...закапала!

Вот Ваня-дураня сидит и говорит:

– Братцы, какать хочу – не могу!

– Какай в шапку, дурак!

– Нет, не буду... шапку испачкаю.

И стал так какать. Они:

– О, уже шишки с ёлки повалились!

Сидят дальше. Потом:

– Ой, братцы, не могу! Не удержать мне эту дверь!

– Держи, Ваня-дураня!

– Нет, не удержать!

Эта дверь как хлопнет! Упала. Всех разбойников придавила, один разбойник убежал.

Ну что? Братья это... стали слезать. Слезли они с ёлки, со стола там... мёд, там все явства, что были, собрали, наелись и с собой взяли. Ваня-дураня взял мёд, и, это... И идут так по лесу.

И вдруг это разбойник из кустов, один, который убежал:

– Ва-а-аня-дураня, дай медку попробовать!

А тот:

– Иди сюда ближе!

Вот он подошёл Ване-дуране, он ему раз! – ножичком по языку! А он:

– Ой, язы-язы-язы! – закричал!

А все разбойники, которые остались, думают: «Держи! Держи! Держи!» И – дальше наутёк! И все разбежались.

А эти три брата остались... и целы-невредимы и ещё с... со жратвой. Вот так.

Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец.

№ 42 МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК

(Как помню, так и буду рассказывать. Только знаешь что, она может и книжное напоминать. Как и в книжке бывает «Мальчик-с-пальчик».)

Жил-был бедный дровосек с семьёй. Было у него семь детей. Шесть настоящих мальчиков, а седьмой был маленький Мальчик-с-пальчик. Жили они очень бедно. Вот отец с матерью и говорят:

– Надо детей в лес свясти и оставить там. Пусть они там хоть ягодами питаются. Больше нас... нам кормить их нечем.

А Мальчик-с-пальчик всё слышал. Вот мать... встали утром, посадила мать их за стол, испекла лепёшку из последней муки, разделила на кусочки и говорит:

– Теперь пойдём за ягодами в лес.

И пошли.

А Мальчик-с-пальчик-то всё слышал, что их в лесу хотят оставить. Вот он идёт и кусочки лепёшки побрасывает, побрасывает на дорогу, чтобы... примечает дорогу. Пришли в лес, собирают ягоды. Мать – кустик за кустик, деревце за деревце, и ушла от детей.

Поняли они, что остались одни в лесу, ходят, аукают, но никто не откликается. Вот мать..., вот тогда Мальчик-с-пальчик и говорит:

– Подождите, я бросал крошки лепёшки по дороге.

Пошли смотреть, а крошки-то птички съели. Так они и не нашли дороги. Шли-шли они по лесу тёмному. Мальчик-с-пальчик хоть маленький, а смыслённый был: забрался на дерево

и посмотрел, в какой стороне огонь виден. Смотрит, правда, в одной стороне виден огонь. Он и говорит:

– Пойдёмте, там поночуем, а может быть, и дорогу спросим!

Приходят: дом хороший, ворота высокие. Постучались, вышла женщина, они просят у неё поночевать, а она и говорит:

– Ой, детки, куда вы попали, здесь живёт людоед.

А и дальше идти, ребята дороги не знают и темно кругом.

– Мы, – говорит, – так и так пропали.

– Ну, – говорит, – давайте, тогда я вас спрячу, – женщина говорит.

Вот она их впустила в комнату и всех под кровать и запрятала. Спрятала, сидят они там тихонечко. Вдруг является людоед. А у этого людоеда тоже было семь дочек. Но уже эти дочки спали – дело-то было вечером. Пришёл людоед и спрашивает:

– Почему у нас русским духом пахнет?

Как бы ни таила женщина, всё равно он начал искать и нашёл их, и таскает за ноги по очереди из-под кровати. Вытаскал всех и говорит:

– Сегодня я им... их не буду трогать, а завтра я их всех зажарю и съем, а сегодня ты их накорми получше и положи спать.

Вот... поели они, накормили их, и повели спать как раз в ту же комнату, где спят дочки людоедов. А женщине-то жалко мальчиков. А они, видимо, так не первый раз уже людоед делает, потому что вот этим мальчикам даны были каждому кроватка, и на ночь, чтобы он одел на голову шапочку, мальчик. Заставила женщина одеть эти шапочки на голову им, положила их всех по кроваткам, а дочки людоедов тоже спали, каждая в кроватке, но у каждой на голове был веночек. Лежит. Все дети спят, а Мальчик-с-пальчик никак не может заснуть, боится, что ж дальше будет. Он как узнал, что все уснули в доме, он взял и передел*, дочкам одел шапочки, а мальчикам-братцам и себе одел веночки. Одел и лежит. Лежит, вдруг ночью является людоед с ножом. Шчупает по головке: если шапочка – отрезает

голову, если, значит, веночек... И вот у всех, у кого были шапочки, все эти головы в шапочках и обрезал, обрезал и пошёл себе (теперь он своё дело сделал), пошёл дальше досыпать.

Вот Мальчик, Мальчик-с-пальчик разбудил скорей своих братьев, женщина их в окошко выпустила, и побежали они... указала дорогу (теперь уже светло), и побежали они домой. Бегут-бегут, бегут-бегут, а людоед проснулся, увидал, что убиты-то дочки оказались, рассердился, взял свои сапоги-скороходы и побежал, побежал догонять братцев. Бежит-бежит, бежит-бежит, а Мальчик-с-пальчик слышит погоню сзади. Вот они забрались на дерево и сидят тихонечко на дереве. Людоед бежал-бежал, бежал-бежал, притомился, лёг отдохнуть – сапоги-то скороходы и снял. А сапоги большие, вот Мальчик-с-пальчик взял всех своих братцев в эти сапоги, да и сам одел, и побежали они в этих сапогах-скороходах по дороге. А людоед проснулся: босиком-то даляко не убежишь. Бежал-бежал, бежал-бежал, да в болото попал. Там он и утонул. Так ему и конец.

А ребятишки пришли домой. Отец с матерью рады. Отец с города приехал, денег привёз, пирогов напекли, рады-радехоньки, что все вместе собрались.

Вот такая сказка.

№ 43 ПРО БРАТЬЕВ И ЧЁРТА

Жил мужик, трое сынов у яво было. Вот они выросли, батька йих и справляеть, мол, идите, куда глаза глядеть, ищите работу сабе. Ну, яны пойшли вон из дяревни; йшли-йшли, глядь: дьве дороги разбгаются. Ну, старшой со сренним малому говорять, мол, иди своей дорогой, а мы – уместе.

Ну, и пойшли еты два злодея. А млаччий, подумавши, спугалси онному-то быть, да и тож побрёл за йим. А по дороге ему встретился парень, говорить, мол, я тож работы ишшу, пойшли уместе, удвоём усё не так скушно.

Идут, глядь: как усадьба какая, там дом большунный, ворота, мужуки усё делают, братьёв евоных выглядели*: яны там работать напросилися. Ну, и яны пойшли к барину тамошнему, стали проситься:

– Возьми нас к себе, всяк работать будем, кем хошь, усё делать согласные!

Ну, барин и узял йих, да выйшло так, что должностью-то млаччий повыше братьёв своих стал. Ну, братья задумали худое: барину тому наговорили, шо млаччий-то хвалится жар-птицу достать, мол, пусть тока прикажут – умиг принесёт! Барин малова к себе кликнул, приказал достать жар-птицу. Тот прийшёл, ну, туда, где жили они с парьнем тым, ну, попутчиком ёным, рассказал, что приключилося, тот и говорить, мол ня плачь, усё образуется.

А на утро устал малой, а у клетке жар-птица бьёцца (ну, ето напарник етот помог так). Ну, ён клетку – хватъ, побёг к барину. Тот сделал млаччему звание хорошее.

А братья ишшо пушшэ злятся: говорят барину, мол, брат йих хвалилиси достать девицу красоты страшной, так что посмотришь – сразу улюбисси. Ну, барин малова опять позвал, грозить стал: если тому ня сыскать тую девицу, голова с плеч. Тот заплакавши пойшёл опять к попутчику своёму: помоги мол! Ну, тот приказал спать идти и ня горевать.

Чуть свет, малой глядь: девица страшной красоты стоять пред йим, ён девицу-то к барину свёл. Тот таку должность дал ёму, что старшой брат задавилси со злобы. А сам малой пойшёл да напилси: тая девка понравилась ёму, а барин на ей жаниться захотел, уж и свадебные приготовления там усякии начал. Тока на третий день явилси, праўда, читый*.

Прийшёл к парню тому, говорить:

– Сил нет моих, ня дам барину на ей жаниться, сам люблю!

Парень тот и говорить, мол, сходи, как солнце сядеть, пойди к ручью, там девица ета ходить любить; спроси у ей, с кем замуж поидеть: с тобой ай с барином. Ён так и сделал, прищечки, подождал девицу, тая: скажи, мол, ня хочу, ня пойду за барина старого! Ну, яни побегли оттудова, а потом и венчаться у церкву пойшли, стали уместе жить.

Оннажды йшёл малой брат домой к жёнке етой своей, вдруг глядь: попутчик тот идеть. Ну, устретились, заомнималися*, стал брат етот малой того спрашивать, что да

чево, а тот яму мешок с дянъгам даёт, мол, ет ты заслужил, бяри, твои. Млаччий и стал яво спрашивать:

– Что за человек ты такой, ничё ня нужно, усё мне помогал, а собе даж денег брать не хошь?

А тот и говорит:

– Я усё, что хотел, получил. Брат твой от зависти задавился – мне радость, барин, как девицу ты забравши убег, свихнулси уовси да и помёр – опять мне прибыль, а брат твой серенний денег у барины стащил, как тот помёр, у леса убег, там бандиты яво и словили. Вот и выходит, что я усё, что хотел, получил. Чёрт я! Да ты ня бойси! Ты мне помог, бяри своё золото и помяни меня хорошим словом!

Отставил мешок и исчез.

Так и вышло, что млаччий брат, сам не знавши, с чёртом водилси*.

№ 44 КАК ПОКОЙНИК К СВОЕЙ ВДОВЕ ХОДИЛ

(Ну, как она рассказывала раньше... прежняя бабушка еще... В совсем прежнее время... ну...)

Жили молодые. Умер муж. Похоронили. Она очень плакала. Так плакала! А потом стал приходить он к ей. Смотрит – ага, идёт! Она обрадовалась!

Он... раз был, второй раз был и долго ходил. И стала уже на работу ходить такая весёленькая. Грит:

– А чё ты плакать перестала?

– А ён ко мне каждую ночь приходит!

– Как это так?

– А он приходит, мы спим. И нормально, я уже теперь не скучаю!

– Ой, доченька, это же леший ходит к тебе! Разве это можно? От ты вечером ждёшь – сделай крестик на окно, на дверь: везде сделай крестики... и увидишь, кто он.

Она сидит и ждёт. Он идёт, видит: крестик на окне, на двери! Ему уже не попасть... Погрозил ей, грит:

– Вот сегодня б я тебя задушил!

Вот и конец одной сказке.

№ 45 ЖЕНИХ-МЕРТВЕЦ

(Такую тоже присказку* [бабушка] тоже говорила.)

То же самое: скучала очень, потом он грит:

– А поедем со мной!

– Ну, поедем!

– Собирай вещи!

Она собрала вещи, и едут на тройке, как положено. Он везёт невесту к себе. Приехали на кладбище. Она видит, что на кладбище.

Подъехали к его могиле. Могила... могила открыта, гроб открытый. Ну, он грит... Это... скидали вещи туда, грит:

– Ну, прыгай, а потом я прыгну!

Она – ну что? Перекрестилась: «Господи, благослови!» И могила закрылась, и покойник куда-то делся! И она напугалась и убежала, и вещи оказались не в могиле, а на могиле. А ей в глазах казалось, что открыта могила.

Вот такие две сказки она [бабушка] рассказывала.

№ 46 МУЖ-МЕРТВЕЦ

У Масленицу был обычай ездить в посиделки*. И одна молодуха уехала к матери на неделю. А в это время у нее помер муж, а она не знала.

У ноци приезжает к ней яе муж:

– Поехали домой, что ты здесь сидишь?

Едут они. Светлеет месяц (сейчас называется месяц, а раньше звалось луна). И он ей говóрить:

– Ти знаешь ты, с кем едешь?

И приговаривает:

– Луна-месяц светит,

Живой с мёртвым едет.

Ти боишься, ти не?

– Не, не боюсь!

Едут дальше, он опять:

– Луна-месяц светит,

Живой с мёртвым едет.

Ти боишься, ти не?

Она опять:

– Не! (Она думает, что с мужем едет!)

Приезжают на кладбище. Стоит каплицка*. Он ей сказал: «Ты здесь постой!» – а сам побег в каплицку.

Она ждёт, ждёт, потом не дожидаться – глядь в окно, а он в каплицке макает блинами у кровь и ест.

Она побегла, он за ней вдогонку. Видит она – догоняет он яе. А ей мать дала петуха у дорогу на гостинец. Она – хлоп петуха по головы, он: «Ку-ку!» Пропадут [так!] чёрт!

Так и добежала до деревни.

№ 47 (29) ХРОМОНОГАЯ УТОЧКА

Да. Жил мужик и баба. И вот, значит, баба деду и говорит:

– Дед, а дед, пойдём за грибам!

– А, баба, пойдём!

Ну и пошли они за грибам. Ходят за грибам, вот баба и крычит деду:

– Нашёл?

– Не, ҫо-ҫо-ҫо-о! Баба, не, не нашёл!

Ну вот, потом она кры[чи]т:

– Дед, иди-ка ты сюды! Дед, а дед, ҫо-ҫо-ҫо-о! Иди-ка ты суда!

И вот-от баба нашла курочку хромоногую (уточку, не курочку!), уточку хромоногую и сидит, у ей одной ножки нету. Ну вот:

– Вот я нашла!

Ну и взяли эту курочку (уточку!), принесли домой, под кровать положили. И сидела под кроватью.

Как онé уйдут, эта уточка делается человеком. Вот они:

– Дед, пойдём за грибам!

– Пошли, баба, за грибам!

Уйдут, а она им тут и печку стопит, пирогов напекёт, самовар поставит, чаю согреет! Онѣ приходят и не знают, хто им тут это наготовил столько? (Оны не думают, шо это уточка).

Ну, и вот и на третий день так оне уходят опять. Она справила им всё, вышла на крыльцо: лятят гуси. Вот она и крычит:

– Гуси-гуси, киньте мне пёрушко!

Оны ей кинули пёрушко. Потом посидела на крыльце: летят лебеди. От она и лебеди:

– Лебеди-лебеди, киньте мне пёрушко!

Оны ей кинули пёрушко. У ней крыло приросло, и она улетела.

Оны пришли – и ничего нету. Ничего нету: ни уточки и ни чаю – ничего нету! Вот и не знали, хто и как им делал такое вот!

И сказка вся.

№ 48 ПРО КАМЕННОЕ ЦАРСТВО И СОЛДАТА ИВАНА

(Скажу вам сказку про камянная царство и солдата Ивана! Слушайте!)

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был солдат Иван, служил верой и правдою царю своему, да геняралы яво чаво-то ня взлюбили, заели совсем! И задумал солдат думу тайную: решил ён бяжать со службы своей. Собрал ён суму сябе и пошёл ён в иное царство, тридвятое государство.

И ряшил Иван на короля ихнего поглядеть. Пришёл солдат к королю, всё как следует, по форме одет и встал как вкопанный. Король Ивана вопрошает:

– Скажи, Иван, отколе ты идешь и куды свой путь держишь?

Иван яму отвечая:

– Не вяли, государь, казнить, а вяли слово вымолвить!

Сознался ён во всём королю да покался слёзно. Тут король яму и говорить:

– Иди, Иван, ко мне службу служить, мой сад сторожить! Сповадился кто-то в мой сад деревья ломати. Коли усторожишь, получишь деньгу немалую!

Подумал Иван и согласился, стал у саде караул держать.

Год служить, второй служить. Как стал третий год подходить, случилася беда: пришёл Иван в сад и видить, что

деревья в ём поломлены. Закручинился солдат, буйну голову повесил и думает: «Как король про это узнает, то велить меня казнить!»

Пошёл ён, куды глаза глядят. Вдруг слышит треск да шум страшный! Глядит добрый молодец: прилетела птица дивная и давай дрявья валить! Иван побяжал за ней, да ня споймал: вбяжала она больно скоро и в яму скакнула. Солдат за ней! Очнулся он под зямлём и видит: свет там, как и на зямле!

Шёл ён, шёл и пришёл в большой город. Ходить по улицам, видеть людей, а яны не шаволются. Пригляделся Иван – а яны с камню!

Тут видит Иван дворец красивой, расписной. Зашёл он во дворец, ходить по хоромам да глядеть усё. Видит: стол стоит с яствами усякими да с питьём. Сел Иван за стол, стал йись да пить.

Тут шум поднялся громкий. Спужался солдат, з-за стола вскочил! Входит в хоромину прекрасная королевна с мамками да с няньками и говорить Ивану:

– Здравствуй, служивый! Куды путь держишь?

Иван ей и говорить:

– Повадилася у королевский сад дивная птица лятать да дрявья там ломать. Побяжал я за ней и тут очутился!

Королевна яму отвячая:

– Эта птица, Иван, моя сястра рódная. Яна на моё царство бяду наслала: весь народ окаменила! Сослужи ж, Иван, мне службу верною! Вот тебе книжка. Сяди в хоромины етай и книжку чатай. Какия б тебе страсти ня казались, ты книжки етай ня кидай! Коли сослужишь ты мне службу верною, то через три дня выйду за тябя замуж!

Подумал Иван и сказал:

– Ладно, королевна, будь по-твоему!

Как стямнело, взял Иван книжку и стал чатать. Вдруг всё застучало, загудело, шум страшный встал! Но Иван на это всё ня глядит, а знай сябе книжку чатает! Пятухи запели, и всё сгнуло!

На другую ночь яще лише* былó, а на третью ночь и того пуще! Но как только пятухи запели, то всё сгнуло! В тот час королевство усё ожилó, во дворец пришла королевна с

мамками да с няньками, и стали все Ивана королём вяличать. Жанился ён на прекрасной королевне и зажил с ней долго и счастливо.

Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец! ([Смеется]).
Вот вам и сказка, девки!)

№ 49 (30) АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Пошёл дед в другое царство. Одна дочка попросила привезти жемчуг, вторая – перстень, а младшенькая попросила привезти аленький цветочек. Старшим дочкам всего достал: и жемчуг, и перстень, а младшей – ничего.

Пошёл он искать аленький цветочек. Пошёл дед к нему через лес, кусты непролазные, и на поляне цветочек увидел. Его сорвал он.

И вдруг всколыхнулась земля и лес, и зарёв зверь голосом. Испужался старик. Подошёл к нему зверь и говорит человеческим голосом:

– Кому цветок сорвал и зачем?

А дед отвечает:

– Дочка моя младшенькая просила привезти ей аленький цветочек!

– Ну, ладно, – говорит, – бери, но за то пришли её мне, а не то убью!

Пошёл старик домой. Рёздал дочкам подарки, а сам сидит невесёлый. Спрашивают его дочери:

– О чём запечалился, батюшка?

– Да вот, цветок-то я сорвал, да должна дочка которая-нибудь к чудищу пойти, – отвечает им отец.

– Ну, раз подарок для меня, то я и пойду, – сказала младшенькая дочка.

И пошла она. Нашла это место, где цветок рос, и выпал он у неё из рук и зацвёл ещё пуще.

Прошла она в комнату. Всё, что задумает, всё делается. Захотела есть – стол перед ней накрылся; захотела спать – кровать приготовили.

Живёт день, живёт другой, третий. Всё есть, а никого нет. Хоть бы объявился кто! Стала она днём в сад выходить.

Разговаривает с ней кто-то, а видеть его она не видит. Стала она просить, чтоб показался он ей. А он всё одно твердит:

– Зверь я лесной, чудище морское, глаза у меня ястребиные. Испугаешься ты меня и уйдёшь навсегда!

А девушка всё равно просит показаться. Через три дня показался он ей. Перебег дорогу – она и сомлела*.

Пожила она, пожила и захотела домой съездить. Стала проситься у чудища. Отпустил он её, но сказал, чтоб в определённые часы вернулась.

Приехала она домой. Привезла всем подарки дорогие. А сёстры ей и позавидовали, что так хорошо сестра их живёт. Она рассказала, что должна возвратиться в определённое время опять туда, не то умрёт чудище. А сёстры часы взяли и подвели. Но чует сердцем девушка, что время подходит уже, и повернула она колечко, подаренное чудищем, и вмиг очутилась в том месте.

Видит: лежит чудище мёртвое подле цветка. Стало жалко девушке его. Ринулась она и заплакала горько. Стала причитать:

– Оживи, чудище! Коли старый ты человек, будешь отцом мне, коли юный – братом станешь, а коли молодец – то и другом названным!

Поцеловала она его. Тут всколыхнулась земля и лес, и ожило чудище и стало красивым молодцем!

Рассказал он девушке:

– Меня мать прокляла, когда я ещё в утробе был. И нужно было, чтобы меня, такого страшного, полюбила девушка. Вот одиннадцать уже приходило. И все пугались, ничего им не надо было! А ты спасла меня!

№ 50 КАК ПАРЕНЬ У ПОКОЙНОГО ДРУГА ГОСТИЛ

(Вот када маленькая была, мой уже дед леуенду рассказывал, как сейчас помню.)

Жили-были, как в сказке, да, два друуа. О, дружба крепкая у них была! Вот как-то один из них уговорит другому:

– Давай-ка, друх, если я первый помру, то ты, коли бушь жениться... ну, када будешь перед женитьбой... ты заўлянёшь ко мне на кладбище, а если ты умрёшь, то, наоборот!

Вот и доуговорились, и заключили они такой ууовор дружеский, можно сказать.

А получилось так, что тот, который уоворил это, действительно помер. А коуда пришёл... пришёл черёд, ну, время пришло второва жениться, то решил не нарушать данного слова, вот. (Что говорила-то?) И поехал перед свадьбой к умершему друуу. Куда б вы думали? На кладбище!

И вдрух, – ой, ой.. не передать! – растворилась моуила... Ой, не на ночь улядя, девочки, рассказывать! Появился друх умерший и уоворит:

– Ну, брат, поздравляю! Давай-ка ж выпьем за твоё счастье!

Выпили, ууу! – сто лет прошло! Ещё выпили – двести лет прошло, токо никто не замечает этово. Ну, жених уоворит:

– Ну, друх, пойду я....

А покойник останавливает:

– Ну, давай, брат, ещё на прощание! Ты своё слово держишь, больше мы с тобой и не увидимся, так давай же ещё на прощание!

Выпили они – и ещё триста лет прошло. Сказка! И вдрух всё исчезло: ни моуилы, ни кладбища, только трава одна высокая!

Побежал жених до деревни, спууался. А деревня уже эта не та: всё друуое, всё! Вот такая вот ситуация. Что делать? Ну, к кому бежать? Побежал он к попу, решил. И стал спрашивать про ту деревню, в якой он жил. Поп ему поведал такую историю о том, что трыста лет назад – представляете? – была такая деревня и что стоко же лет назад, ну, то есть трыста, вот, жених на свадьбу не явился и будто его друх умерший с собой на тот свет забрал.

И-и-и! И понял тада парень этот, и поп-то этот... что поп про нею уоворил. И-и! И закричал, что было мочи, потому что понял, что всё это с ним произошло.

Вот такая история. Може, сказка, может, вымысел какой-то, а, может, хто... а може, и правда была, хто его знает? Ну, вот, сказывают. (Что ещё вам сказывать?)

№ 51 (31) МАЧЕХА, ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА

Жили-были муж с жаной. Жана померла. И осталась от неё дочка Наташа. Отец женился ещё раз и взял в жёны злую бабу с дочкой. Мачеха не любила несвою дочь. И всё думала: как бы нам её сжить? И вот как-то раз сказала ей на тихое ушко:

– Наташа, иди в баню и пряди там цельную ночь!

И пошла Наташа в баню да взяла с собой под фартук спрятала петушка.

Ну вот, сидит она, и вдруг парни приходят и спрашивают:

– Ты чего здесь сидишь?

А она отвечает:

– Меня мачеха послала, работать заставила.

А они ей:

– Наташа, не говори ничего! Но выйдешь ты отсюда барыней. Только послушай нас!

Наташа-то им отвечает:

– Так у меня ж нету ничего. Платье рваное, грязное, башмаки стоптанные. Я только курей да голубей дома кормлю.

Ушли парни. А Наташа, по их совету, петушка потрясла за хвост – и сразу платье стало в ней золотое, башмаки с^{III}еребряные.

А в это время хозяйка дома блины печёт, а собака:

– Тяф, тяф, а Наташа-то вся в золоте!

Хозяйка говорит:

– Кыш! Чтоб тебя волки съели за твои слова!

В это время входит Наташа. Платье на ней блестящее, монисты на ней брильянтовые. Идёт – вся сияет! Мачеха спрашивает:

– Как так смогло случиться? Ты теперь тут сиди, а я свою Марью пошлю!

И послала. Да только Марья про петушка не знала. Сидит Марья в бане, прядет. Пришли опять парни и спрашивают:

– Чего ты тут делаешь?
А у Марьи один ответ:
– Вам и дела нет!
Рассердились они – а это ж черти были! – избили её всю, истрепали, измазали!
Собака дома лает:
– Тяф, тяф! Марья идёт – платье в лоскутьях!
Мачеха выгнала собаку и тут Марью увидала, грязную да битую!
А тая Наташа замуж вышла. А эта так с маткой так и осталась в девках.

№ 52 (32) МОРОЗКО

Жили мужик да баба. Была в деда девочка, и у бабы тоже была девочка. Невзлюбила баба дедову дочку. Вот один раз и говорит деду:

– Куда хочешь ону заводи!
Жалко стало деду своей дочки. Запряг он коня и говорит ей:

– Поедем, доченька, в лес за дровами.
Приехали в лес. Там стоит избушка.
– Дожидай, пока я нарублю дров и за тобой приеду, – сказал дед дочке.

Привязал к берёзинке дощечку. Дощечка стучит по берёзинке. «Тятенька мой запоздал», – думает девочка. А он уже был въехавши.

Сидит она. Мчится лошадиная голова:
– Девочка, девочка, открой мне ворота, с порога на лавку меня посади, накорми-напой и спать уложи!

Девочка так всё и сделала. Утром встала она, а лошадиная голова и покатилась.

Холодно. Мороз трещит. Девочка говорит:
– Мороз, Мороз, меня тятенька завёз!
Мороз и скинул ей шубку, потом – валенки. Она всё Морозу спасибо давала. Потом он пару коней, сундук с добром ей дал, и поехала девочка домой.

Приехала она, а собачка лает:

– Тяф-тяф, дедова дочка домой едет!

Баба блины пекла и говорит:

– Косточки везёт!

Посмотрела баба в окно и увидела дедову дочку. Позавидовала она и сказала деду, чтобы вёз её дочку в тот лес за богатством.

Завёз её дед и на то же место и посадил. Вот мчится лошадиная голова:

– Девочка, девочка, открой мне ворота, с порога на лавку меня посади, накорми-напой и спать уложи!

– Не важная птица, сам покушаешь! – ответила девочка.

Лошадиная голова переночевала, а утром говорит:

– Полезай мне в правое ухо, а в левое вылезешь.

Вылезла она оттуда очень старая. Мучилась она на морозе (Дед Мороз не помог ей).

Приехал дед за ней, а баба дома блины пекла, дожидала. Собачка залаяла:

– Тяф-тяф, дед косточки везёт!

– Замолчи, – говорит баба, – дед барыньку везёт!

Выбежала баба на улицу, увидела свою дочку без богатств и заплакала.

№ 53 (33) ПРО ДВУХ ДЕВОЧЕК И МЕДВЕДЯ

Жиў дед и баба. Была у их две девочки. Одна была родная, а друуя была няродная. Ну и вот, ўсё мачеха не любила няродную ету девочку. И так инá яé всё не любила и всё не любила. Таўда и ўовóрить на деда:

– Ти, – ўовóрить, – яе завяди!

Ну, дед иé дужа* и жалеў, но повёў... Повёў у лес и повёў у лес, и далёко завёў у лес.

– Ну, – ўовóрить, – дочка, собирай, вóй де яўоды, и я буду вóй де рубить дровы. Ну... Ланно. Дочка собирает яўоды, а дед ўзяў, привязаў досóчку к бярэзины:

Ветер – хук, досóчка – стук!

И ето всё девочка ду... думала, что ён дрóвы рубить:

Ветер – хук, досóчка – стук!

Йинá всё думала, что дрóвы рубить.

Стало тёмно в лясу. Ета девочка уж ничо́го ня видить.
Пошла туда, где батька дрóвы рубить. Пришла – там нет никох!
Только досóчка ета стукает...

Села инá там и плачеть. Идётся медведь и кричить:

– Хто ў лясу? Хто ў бору?

Хто придётся ночку ночувать?

Ну, что ж? Мядведь там на увесь го́лос кричить:

– Хто ў лясу? Кто ў бору?

Кто придётся ночку ночувать?!

Ну, что ж? Девочка ета:

– Я ў лясу! Я ў бору!

Я приду ночку ночувать!

Так. Забраў мядведь ету девочку и привёў домоў. И сказаў:

– Стяли мне постель:

Ряд ка́мёння,

Ряд полёння,

Ступу ў го́ловы клади!

Ина́ ето всё сделала.

– Тяперь, деўка, – го́ворить [медведь], – на табе во еты ключи: будешь беуать. По хате. Ну. А-а не йди туда, где лыком завязано и ўлиной замазано!

Вот. Та-ак. Ета он ей ўсё предупредил. Вот девочка ета ўзяла ключи и стала [бегать по хате]: вот там – лясь! Вот там – лясь! [Исполнитель показывает в разные углы комнаты.] А ён [медведь] тада махаў* каменнем по етый девочке! Там. Подбеула мышка, да й го́ворить:

– Девочка, девочка, дай мне ключи!

Ина́ ўзяла и отдала еты ключи мышке. Ну, а мышь жа бегаешь круто*! Вот тут – ляжь! Вон там – ляжь! Вон там – ляжь! [Исполнитель показывает в разные углы комнаты.] Мядведь не попадётся!

А девочка эта сходила туды, где лыком завязано и ўлиной замазано. А у тым складе было́ ўсяуо-ўсяуо-ўсяуо у мядве́дя! Вот инá сабе ўсё набра́ла там, что надо. Так уже инá знарядилася, что даже нихто б яё не признаў!

Ну, и пошла ина уходить. Ишла-ишла, ишла-ишла: стоять... кони.

– Деўка, деўка, распутай нас и напой нас!

Ина ўзяла распутала и напоила.

Идэць-идэць: стоять овечки.

– Деўка, деўка, обстрыги нас!

Ина ўзяла обстрыгла-а.

Идэць-идэць: Стоять... Коровы, верно.

– Деўка, деўка, подой нас!

Ина ўзяла подоила.

Идэць так. И всё дальше идэць. Идэць-идэць: стоить дуб.

– Деўка, деўка, обмяти мяне и ўлезь у мяне!

Так. Ина это всё... Сделала.

А сзади бяўить мядведь. И спрашивает:

– Кони, кони, ти видели деўку?

– Не, ня видели!

Там. Бяўить-бяўить: стоять овечки.

– Овечки, овечки! Ти видели деўку?

– Не, ня видели!

Бяўить-бяўить: стоять коровы.

– Коровы, коровы! Ти видели деўку?

– Не, ня видели!

Бяўить-бяўить: стоить дуб.

– Дуб, дуб! Ти видеў деўку?

– Не, ня видеў!

Так ён и побег [ни с чем].

Деўка эта так нарядна! Так нарядна! И мяшок большэй нясэть домоў этоуу добра. З дубу ина вылезла. Нихто. Нихто ие ня продаў: ина всё, вси обязанности выпоўняла.

Как пришла ж домоў – нихто ие там ня узнаэть: ни батька, ни мачеха – нихто ня узнаэть! Такая красивая, рослая, всё!

Тада трóху пожили́, ма... matka эта и ўовóрить:

– Завяди ты и рóдную туды!

Ну, что ж? Повёў дед и рóдную дачку́. Дужа ж жалеў!
Ўсё. Но а повёў!

Вёў-вёў, вёў-вёў – привёў на тоя место, де и ету ён остаўляў. Привязаў там, это, досочку к бярэзинке. Ну и ўовóрить:

– Дочушка, ты собирай вой де яґоды, а я буду вой, вой тут дрóвы сечь*. Ну, ветярок – хук! Досочка – стук! Ну, что ж? Сяку, сякеть жа дрóвы – и ўсё! Ветер – хук! Досочка – стук! Ся... Ну, сякеть дрóвы батька!

Да... Тада. Что ж? Тёмно стало. Пошла ета девочка туды, де дрóвы сякуть. Пришла: там одна березе... ета досочка привязана к бярэзинке! Ну, что? А тёмно! Ина́ села. Плакала. Ну, и корзиночку свою з яґодам, ўсё.

Как идётъ жа мядведь, как кричить по лясу:

– Кто в бору? Кто в лясу?

Хто придётъ ночку ночувать?

Ну, ина́ ўсё моўчала. Тада опять кричить мядведь:

– Кто ў лясу? Кто ў бору?

Хто придётъ ночку ночувать?!

Ну, ина́ стала откликаться:

– Я в лясу! Я в бору!

Я пойду ночку ночувать!

Так... Мядведь подыйшоў, взяў ету девочку и повёў к собе ночувать.

Привёў и ўовóрить:

– Стяли мне постелю:

Ряд ка́мёння,

Ряд полёння,

Ступу ў ўóловы клади!

Ина́ ето ўсё сделала.

– Не ходи туда, де лыком завязано и ўлиной замазано! Так. На тебе ключы и будешь беґать во так. Чтоб по ха-ате!

Ина́ взяла ключы и стала беґать. По хате. А ён усё махаить* ка́мённем по ей! Что де еты ключы ляскочуть* так ина, ён туды и махаеть!

Подбеўла мышка:

– Деўка, деўка, дай ключы!

Ина́ мышке не подала ключы.

Так. Теперь... Сходила. Медведь заснуў. Сходила туда, де лыком завязано и ўлиной замазано. Тож, набра́ла себе ўсяґо. Ўсё. И давай уходить!

Ишла-ишла-ишла: стоять кони.

– Деўка, деўка, распутай нас и напой!

– Мне не́коли*! – ответила. Всё.
 Идётся-идётся: стоят овечки.
 – Деўка, деўка, обстрыги нас!
 – Мне не́коли!
 Ну и. Идётся-идётся: стоят... коровы.
 – Деўка, деўка, подой нас!
 – Не́коли!
 Ну. Идётся-идётся: стоит дуб.
 – Деўка, деўка, обмяти мяне и ўлезь у мяне!
 Ина́ дуб ня обмяла, а ўлезла в яўо.
 А сзади бяўить мядведь:
 – Кони, кони, ти видели деўку?
 – А вот только йшла!
 Бяўить-бяўить: стоят овечки.
 – Овечки, овечки! Ти видели деўку?
 – А вот только прыйшла!
 Бяўить-бяўить: стоят коровы.
 – Коровы, коровы! Ти видели деўку?
 – Только прыйшла!
 Подыйшоў к дубу:
 – Дуб, дуб! Ти видеў деўку?
 А ён сказаў:
 – Во мне. Сидить у дупле!
 Ён ўзяў вытянул. Деўку ету усю поломаў. Там поел, что
 надо было. А кости ўзяў да и подвеший на сучок на дубу.
 Вот пякёт ужу матка блины, а собачка:
 – Тяўк-тяўк! Твоей дочки косточки висят на сучку! Тяўк-
 тяўк! Твоей дочки косточки висят на дубу!
 Ну, а ина тода чапэльніком* по ётый, по собачонке!
 Так. Тада. Пошли искать уже яны, что нет деўки. Ишли и
 собачку ету узяли. А собачка етот, когда подыйшоў, де кости
 подвязаны на дубу, задраў ўолову́ и брехаў, что увидел это уже
 ўсё.
 Ну вот. Так девочка ета не вярнулася, ро́дная.

№ 54 (34) РЕЧКА СЛЁЗ

[Жили-были дед и баба] – в звуковом файле этой фразы нет.

Было у их три девочки. Баба. Баба, мать умерла, мать. Дед ужанивши, ўзяў мачеху. Сабе. Ето самое, ето сказка. Ето ўде-та. Ўзяў и привёў мачеху. И ета мачеха этих девочек трёх, троёх не ўзлюбила.

– Ня надо ета, нам девочки. Ня надо, ня надо! – на деда на етаўо, на мужака. – Куды хошь, их дявай! Куды хочешь, их дявай!

Ну он гврит: Ну что ж?

– Повязу я в их, эта...

– И вязи, вязи их ў лес и завязи етых девочек!

Он грит:

– Ну ладно, повязу в лес.

Ўзял этих девочек, ета, забрал троих и повёз, и далёко-далёко у лес, як бы ў яўоды, летом. Повёз ў лес! И там сделал такие трящёлочки, такие. Сделал, навёл [такие], что они от ветра, эта... так всё... ну, такие сделал трящёлочки, что они так: «лясь-лясь-лясь-лясь!» – сами. – «лясь-лясь!»

– Вот мои, ета, деточки, собирайте яўодки. И слушайте, а я усё вот тут буду дрóвы сечь*, дрова буду сечь. А потом я... вечаром, вечарком и вас забяраю. Домой забяру. И связу домой.

Аны так довольны, яўодки бяруть. Это трое девочки яўодки бяруть. А ён, ета... А ён уже поехал домой! Уже к своёй этый к жёнке к молодэй. А эты усё палочки «лясь-лясь-лясь-лясь!». Одно:

– Нашёлся папочка, дровы сякеть. Скоро за нам приедеть.

«Лясь-лясь-лясь!» До самоўо вечара ўсё: «лясь!» А потом перестали. И стала ночь. И, и за им никто не приехал.

Оне ўтроих ўсели в кучечку. Ў там. И стали плакать. Плакали-плакали, плакали-плакали, до сáмоўо до утра плакали.

И от ихних, от ихних слёз получилась большая ўлубокая река. И река тады шла до самоўо царя. Царь спать ложился – ряки не было. Проснуўся – больша, большая, большая ўлубокая

ряка пришла к явоному окну, к дому. И ей больше конец. Дальше она не йдеть.

Царь ахнул и ўовори, что:

– Слуґи мои верные! Идитя, найдитя этой ряки конец! Ўде этой ряки конец? Откуда она ўзялась за эту ночь?

Они ишли-ишли, ишли-ишли и нашли этой ряки конец. Сидять три девочки. Плаканных. И на концу этой ряке. Ўси заплаканные.

Ён... Аны приехали, царю доложили. Он сказаў, что:

– Идите, их забярите ко мне.

Они приехали и привязли етых девочек к царю. Вот.

Царь их ўзял. И оны ўсё яму рассказали, ну, как это получилось. Он уже понял, что река – эта от девочек. Вот.

И ён стал ўоворить:

– А чым вы будете заиматься?

Одна сказала де[вочка], ето, старшая, что:

– Я..., я одним повесом* увесь мир одену!

Друґая сказала:

– Я... одним... (А поди, забылась. Ну, повариха эта которая, повариха!) Я... одним... увесь мир... (забылась!) Я одним хлебом ли (фу ты за[былась]) увесь мир накормлю!. А, да! Я одним хлебом (как Христос, а накормил мноґоу людей одним хлебом), я одним хлебом людей накормлю. Всех.

А малая сказала, что...

– А ты?

– А я двенадцать сынов рожу, ўолос в ўолос, волос в волос, ўсе будут, как один!

Вот этот... Тоды уже царь этот ўзял эту малую замуж. Которая двенадцать сынов родить.

Ўзял её замуж. И тут... инá уже стала бяременна, и стала война. Вот.

Ина родила... Пошёл на войну. Ина родила двенадцать сынов, ўолос в ўолос и волос в волос. Это двенадцать сынов. И вси похо..., вси похожи, как один.

А раз царь ўзял. А яны, эти, ткачиха, повариха, оны жили ўси ўместях. Им стало áвидно, что она... что ее царь замуж ўзял.

Царь писаў ей письма. Этой своей, ну жа..., жаны этой своей. А носил почталион. А яны почталиона это зловють, поймають, возьмутъ ето яуо напоють, накормють, а свою урамоту* напишутъ, свою урамоту яму в сумку положутъ, что:

– Эта...Твоя жана родила... две... двенадцать... там, и ляуушки, там, и квакушки – ўсяк-ўсяк! И звярюшки – таких народила.

Ўсё это царю посылали. А царь [нрзб] думал, что это правда. Что письмо пришло сюда, он думал, что это инá пишет. А это всё ткáчиха с поварихой, сёстры там всё писали, омманывали так.

Царь приказал, это, двенадцать этих сынов и яе усадить ў бочку. И-и пустить на море.

Слууи это, ўзяли ие, усадили ў, это, ў бочку, забили и пустили на море.

Эта бочка поплыла-поплыла, плыла-плыла, плыла-плыла, качалась по морю, ууля... и прибилась она к береуу. И е... И етот, и уорить, и етот ужо, и етот ужо, там, ён как-то, как ёны тама? Бочку эту, как-то, уовóрить, да яны [сыновья] там как-то и выломали и вы... или доно* вытискали* это или как? И стали уже большие, взрослые – вытискали что это доно, как-то там, как-то надо было, выскочыло. И оны уже усталися живы. Как оны вылезли, на берех выкатило, там появился большэй-большэй уород. Стаў уород. Вот. И оны там осталися жить на этом, на этом беряуу.

И там стаў уород, и стало там так хорошо, такое боуатство, и етот, и, и етый, и етый самый старший сын и стаў царём. Стаў царём, стаў царём, там царём стаў.

А эти царь, царь Султан это он стал и жил ўже. Война пришла. Ён, ён не искал уже: война пришла, уже ўтопили и ўсё! Ён слышитъ:

– Что й такое там стаў уород большэй? Там кае и птица тая, и белка та орешки шы... шы... шы... шшолкаеть, там и церьква, там ўсё-ўсё-ўсё! Такой уород, такой уород! На острову такой уород!

Ну царь Салтан уовóрит, что... А тада ужо яны, яны стали писать ў царю, писали. Или как-то он ўзнал, что там такой открылся новый уород.

Царь получил тое письмо и ўоворить:

– Надо мне, – ўоворить, – как-то этот ўород навясти-ить!
Надо навясти-ить!

И царь Салтан приехал в этот ўород. Приехал в этот ўород, где оны жили ўси. И узнал эту свою жон[ку], невесту. Узнал свою.

А етыт, а там ешшо ведь белый лебядь етыт. Как оны, как это оны ходили на охоту, да убили этоуо, да убили этоуо, убили. А белый, а это, белый лебядь купалыся. А коршун прилятел. Клёў, клёў вострый, вострый, вострый клёў наточыл. (Как там? Да... Вот как, забылась!) Клёў... Вострый, клёў вострый наточыл. (Как-то забылась!) Хотел лебедь тую, ну-у, убить ия. А етый старший сын, он, у яуо была роуатка. Он взял выстрелил, убил... и убил этоуо лебядя [коршуна]. Он свою кроў в море пролил. И спас этоуо лебядя. Этот лебедь... сказаў – ужо ина девушкой ужо топерь ўже ина стала – вот ина яму стала встречаться. Ён ей стал ўоворить, что, это, ну чтоб она замуж за яуо вышла. А ина сказала, что:

– Не-е! Обожди! Шшас нельзя. Жана ня рукавица, с белой ручки не стряхнёшь, за пояшечек не заткнёшь. Обожди! Надо ешше... поглядеть да подивиться, как, как... Кто ты такей, я не знаю!

А потом уже яны, када яны ужо жанилися з ей, тада уж царь Салтан приехаў. Царь Салтан приехаў, узнаў своих сыновей и свою жану, ўсих узнал! И царь, этот, обнимал и царицу, и сынка, и эту, и молодицу. Обнимались-целовались. А этых ужо, а ткачиху с поварихой, с бабо[й], Пабариху – этых ўсих прогнал. А стал жить там вот остался. Стал жить с своим сынám и своей, этой, невестой.

Вот така, такая сказка.

№ 55 (35) РУЧЕЁК СЛЁЗ

Жил дед и баба. Была в йих дочка. Мать умерла, а дочь осталась с баткой. И дед оженился на второй – тоже взял с дочкой. Ну вот, как ли никак, а мачехе всё ж эта дочка надоела. Да.

– Вот, – говорить, – как хошь, а всё же куда-то её девай: хошь вбей, хошь занеси, а я не могу с ней жить!

Ну, что ж деду делать? Жалко с дочкой расставаться, и хороша баба.

Думает: «Буду с бабой жить и заведу дочку в лес».

– Дочушка моя, поедem в лес! Я буду дрóвы рубить. А ты собирай ягодки...

Он вговорил – она взяла корзиночку, а он – топор. И пошли в лес. Она всё удивляется:

– Батюшка, мы далеко идём!

А он говорит:

– Там ягодок много!

Сперва он ляпал* дровцы, а она собирала ягодки и кричит:

– Пап! Я уже полкорзиночки набрала!

Тогда он уходит всё дальше и дальше и придумал её обманить. Залез на высокое дерево и привязал к берёзине полешко – и слез. Ветер-то дуя, а полешко стучит об берёзу. А он уже где и есть – скрылши!

Вот она корзиночку набрала, кричала-кричала, потом подошла к этой берёзы: видит, что это стучит, села и заплакала.

От ейных слёз протёк ручеек – в царёв дворец. Встали утром царёвы слуги: какой-то новый ручеек в дворце появился! Доложили царю. А девочка уже спала под деревом.

Тогда царь и говорит:

– Вы запрягайте лошадей в карету и по этому ручейку следуйте: откуда он взялся?

Слуги поехали, поехали по этому ручейку, приезжают в лес: сидит девочка под деревом уснувши. И вот её взяли с собой, повезли. Она рассказала о своем положении. Там её приютили, переодели, дали комнату и няню. И стало ж сильно ей жить хорошо!

Тогда батька пошёл на тоё место. Пришёл в дом, похвастал мачехе:

– Вот теперь моей дочушке хорошо!

Тогда мачеха кричить:

– Ты свою дочку определил. Теперь скажи, [куда], гад-поганик, чтобы я свою дочку завязла!

И оставила она свою под деревом. И девка эта сидела просто так под деревом – ни ягоды собирала, ни что...

Ждала счастья, думала, счас её постигня радость! А тут вместо счастья этого напал на её медведь и всю сломал.

Назавтра пошла матка. «Ну, – думая, – моя дочка определён!» Пришла на тое место. И уже девочки нет – только нашла голову да руки, а девочка вся прибран в медведя.

Вот и всё.

№ 56 ПРО ПАДЧЕРИЦУ И МАЧЕХИНУ ДОЧКУ

У мачехи – две дочки – дочка родная и падчерица. Дочку она берегла – она ниуде не работала, а падчерицу всё заставляла прясть на веретёнце. И до такой степени она пряла-пряла, что она проколола палец... Ну что? Пошла она в колодец, подходит к колодцу – замыть этот пальчик и веретёнце. Наклонилась в колодец и упала туда.

Упала в колодец и идёт... Куда-то попала она... такое как... видит перед собой дорожку. И пошла она по дорожке. Стоит яблонька. И просит у яё:

– Девушка, девушка, у меня яблоки созрели! Собери мои яблочки! Тяжело мне держать эти яблочки.

Вот эта девочка собрала яблочки и идёт дальше. Она её это... похвалила:

– Какая ты хорошая девочка!

Идёт дальше. И видит домик. Заходит в этот домик, а там живёт бабушка. Она её пригласила к себе и говорит:

– Ну, проходи, внученька, будешь ты мне помогать. Будешь мне перину трясти, когда я буду ложиться спать, чтобы она была у меня мягкой, подметать полы...

Ну, девочка согласилась. Вот, как ложиться спать, так она перину взобьёт бабушке. А перину вот это... взобьёт – это значит, снег падал на землю людям, укутывал землю. Вот, и она так уберёт, подметёт дом – бабушке очень понравилась эта девочка.

Но эта девочка живёт и живёт, и стала скучать она по дому. Бабушка и говорит:

– Ну что ж ты такая скучная?

– Да вот, я по дому... очень хочу я домой!

Она говорит:

– Ну, пойдём. Я тебя провожу.

И вот она подвела к воротам её и в ворота...

– Ты очень хорошая девочка, трудолюбивая!

И посыпалось на эту девочку золото, наря... это тут... это... нарядная она стала – прошла через эти ворота. Богатая такая стала! Красивая!

И вот... Пришла она домой такая вот вся разнаряженная, вся красивая девочка.

А вторая – мачехина дочка – позавидовала ей:

– Меня тоже туда надо! Веди меня туда!

Ну, подошла она к колодцу, так, туда вошла. Вот идёт мимо... А так же яблонька встретилась, попросила яблоки собрать. Она:

– Вот еще чего не хватало! Я и так устала!

Идёт дальше... А! Печка проснулась:

– Девушка, – пироги там горели, – вытащи нас!

– Во-о-от ещё! Буду я пачкаться! Пироги вытаскивать! –

Обойдётся!

Дальше она пошла. Опять же домик она встретила. Бабушка там:

– Вот, будешь трясти!

– Во-о-от ещё! Буду я работать! Не буду ничего делать!

Ну, пожила она так три дня и говорит:

– Бабка! Наряжай меня, как от была до тебя Алёнка, наряжай меня точно так же! Всё! Я уже соскучилась! К матери хочу!

– Ах, так!? Ты уже устала?! Соскучилась?! Ну, пойдём, дорогая! Пойдём!

Подвела к воротам, это... она ... Посы... Полилась там от эта смола чёрная, дёготь, и запачкала эту девочку всю!

Та расплакалась:

– Что это такое? Где богатства?!

– А-а поделом тебе! За твой труд вот тебе и угощение!

И вот, привели её всю это... перемазанная, страшная! Все смеются над ней!

Ну, вот так, вот. Это за тунеядство, за... лодырь вот, вот так и награда. Вот так дочку отблагодарили – на смех*!

№ 57 (36) ГРУСТНАЯ СКАЗКА ОБ АЛЁНУШКЕ

Ну жил дед и баба. Была у них дочушка Алёнушка и коровка Бурёнушка. Умерла у Алёнушки мать. Ожанился отец на друуой. Взял мачеху. И у Алёнушки была мачеха. И от этой мачехи ужо было две девочки. И стали Алёнушку обижать. Всё ина ходила пасти Бурёнушку. Выюнялась в поле.

– Иди, Алёна, паси короўку в поле!

Вот она пасёт, пасёт. [Мачеха] своих-то дочушек жалела, одевала хорошо, обувала.

Ну вот... Потом выдумала эта мачеха: надо давать, чтоб она [Алёнушка] там работала. Даёт мех* кудели*:

– Бери, Алёнушка, мех кудели, чтоб спряла, соткала, в трубочку* скатала!

Она [Алёнушка] поюнит эту короўку, плачет, плачет! Жалуется:

– Как я её спряду, как я её сотку?

А Бурёнушка уоворить:

– Не плачь, Алёнушка! уони мяня за уорú. Ё́ одно ушко мне толкай кудельку*, а в друуое будет выходить полотенце!

Вот она, чтоб нихто ня видел, она заюнит эту коровку на уорку, в одно ушко толкаить кудельку, а в другое ужо выходить полотенце. Она их в трубочку скатает. Домой приносит. А мачеха встречает:

– Ай-ай-ай, всё соткала и спряла! Боже мой!

На друуий день ещё больше даёт мяшок кудели. Дала мяшок кудели и послала своих дочек, чтобы покараулить: как она так может всё спрясть, соткать? Никово нет! Прино́сит уже новиночку* холста!

И вот эти дочки подкараулили. Бурёнушка уоворит:

– Опять я табе помоу. Толкай мне ё́ одно ушко кудельку, а в друуое будет выходить полотенце! Она спряла, соткала. Приюняет домой Бурёнку. А мачехе уже сказали дочки. Как ошалела эта мачеха! И на деда, что:

– Зарежь ты Бурёнку! Зарежь Бурёнку! А зачем она помоуает этой сиротке?!

Точуть ножики буланные, точуть. Бурёнку резать уже собираются. Алёнушка обнимает [Бурёнку] и плачет:

– Моя милая Бурёнушка, кто ж мне тяперь поможет?

Плачет эта девочка. А Бурёнка говóрить:

– Ладно, девочка. Вот нарежут мене, а ты пойдёшь мои кишочки полоскать, и там будут зёрнушки от яблочков. И ты посади тые зёрнушки. Вырастет табе садочек на память. Ёде ты будешь жить, и всё садок будеть с тобой.

Ну вот, зарезали. Плакала эта девочка на речке, полоскала она эти кишочки, потрошки и нашла эти зёрнушки, и завязала в платочек. Всё хранила. Потом посадила эти зёрнушки на урядочки, посадила. И так стал быстро этот расти садик, так быстро, не по дням, а по часам!

Вырос садик какой! Выросли уже яеные [мачехины] дочки и она – невесты. Стали сваты́ приезжать (уже раньше же ездили сваты́). Надо ууошчать. Она посылает своих дочёк, там Катя или Маруся:

– Идите, сорвите яблoк!

А они подбеуать, а эти сучки так раз! – вверху подымутся, чтоб они не сорвали, мачехины девочки, яблоки. А тоуда уже она:

– Алёна, ты, можа, там достанешь? Иди! – уже она так на падчерицу. Алёнушка пришла, а они все так и наклонились!

Она сорвала яблочек. Принесла вазу на стол. Ой все сваты:

– Во как Алёнушка! Во как. Там такие яблоки, что не ўзнать, как их кушать!

Ну вот и взяли Алёнушку замуж. Еты [мачехины дочки] нарядные, хорошие, а взяли эту сиротку Алёнушку: «Кто нам яблочков принёс, тоуо мы замуж бярём!»

Вот и посватались. Приехали. Сыгuralи свадебку. Сели, повезли Алёнушку. Куды Алёнушку повезли, а садок за нею сзаду пошёл. Алёнушка стала жить. Садок возле окошечка проти домика стал жить. Алёнушка хорошо живёт.

Я там была, пиво пила.

№ 58 (37) СИВЧИК-БУРЧИК

Три брата жили. Два умных, один дурак. Ну вот кто-то повадился к ним ходить овёс есть. Раз придуть – всё стоптано, и два. Ну вот, ходили вумные братья, всё сторожили. Никому никак не поймать, никого не видать: заснуть и проспать!

На третью ночь пошёл Иван-дурак. Сидел, сидел, наутро поглядел и видеть: Сивчик-Бурчик, такой красивый, как в сказке сказать! В это время Иван подкрался и цап этого Сивчика-Бурчика и тянуть! Сивчик-Бурчик говорит:

– Отпусти меня, отпусти! Что хотишь, всё для вас сделаю, какую хочешь службу я вам сослужу!

Ну вот, Иван его отпустил. Пришёл домой и залез на печку.

Братья:

– Ну что, Иван-дурак, поймал кого? Видал?

– Никого и не поймал, никого не видел!

Не признался Иван.

Ну вот, а тут стал царь собирать всех. Надо замуж дочку отдавать. И вот он посадил её на втором этаже и говорит:

– И кто руку моей дочки достанет, кто подскачет, достанет руку моей дочки, за того я свою дочку замуж отдам!

Все собирались, приезжали. А до этого Иван пошёл на то место и говорил:

– Сивчик-Бурчик, вещий Каурчик! Послужи мне такую службу: вот сегодня все поедут к царевне, будут прыгать, чтобы руку достать. И ты меня связи!

– Хорошо, приходи вот к такому-то времени и только крикни: «Сивчик-Бурчик, вещий Каурчик, встань передо мной, как лист перед травой!» Я и прибегу к тебе.

Ну, вот и тут стали уже многие, знатные и богатые, все собираются. Надо же кольцо снять, с руки царевны кольцо снять! Кто снимет кольцо, за того она выйдет замуж.

Господи! Как там ни скакали, каких там молодцов ни было! Напоследок как прилетел Иван-дурак на Сивчике-Бурчике!

– Ну, Сивчик-Бурчик, вещий Каурчик, ну, помоги мне!

Он как прыгнул, Сивчик-Бурчик, сразу достал до окна, и [Иван-дурак] кольцо у царевны снял. Боже мой!

Как отпустил этого Сивчика-Бурчика, сам залез на печку. Залез на печку, как развернуть кольцо, оно как блеснуть, как свет в доме!

А братья:

– Что там у тебе? Не балуй со спичкам, дом не спали! Что ты там?

– А это я закуриваю! Ничего у меня нет.

Никому не сказал.

Царь собирает всех: надо же знать, кто такие, откуда? Откуль прибяжал? На таким коню! Что какой же зять будет?

Вот собрал их. Заказал такой бал. Приходите! А там уже записывали всех, кто приязжал.

Ну, вот все пришли. Господи, красивые, нарядные! А Иван-дурак такой пришёл, одетый простенько! Господи! Вытаскивает кольцо! А боже мой! А тут все и заволновались! Такие знатные, богатые, а он такой пришёл с кольцом! Как тут отдавать царевну замуж? Царевна говорит:

– Как бы ни было, раз был договор, я пойду. Я пойду, папа, за него, раз был договор.

Ну вот, потом его стали звать Иван-царевич. Сделали свадьбу, такой пир. Ой, такого мнения сделался о нём отец! Стали они с этой царевной жить да поживать, да добра наживать.

И я там была и пиво пила. По усам текло, в рот не попало. Кончилась свадьба, я домой пришла.

№ 59 (38) СИВКА-БУРКА

Жил дед и баба. Было ў их три брата [сына]. Два умных, а третий Ваня-дураня. Ну вот. И а там... И ў их повадиўся... ў поле, ў пшаницу хто-то повадился. Топтался, топтался там по пшанице, ел пшаницу, а хто, не знают. Ну вот, отец и говорить:

– Что, сынки, что будем делать? Надо как-то покараулить, хто ходит у нашу пшаницу!

– Ну, – старший брат говорить. – Ну я, отец, я пойду!
Посижу, покараулю!

– Ну, сходи, сходи!

Ну, вечером пошёл, сел. Сел под кустком, сидеть караулить. Сидел-сидел, спать захотел, запозывал и заснул. Кто там пришёл, там поел, там потоптался, кто там был, неизвестно. Ну вот... Просыпается и пошёл домой. Видит, что потоптано. Пошёл домой. Приходит. Ну, отец спрахывает:

– Ну что, сынок, кто там был?

– Никого ня видел, пап, никого ня видел! Ня знаю, кто был.

– Ну, ладно!

Ну, вторэй сынка [отец] говорить:

– Ну ты сходи таперь!

– Ладно, давай я схожу, посижу, покараулю!

Пошёл. Тоже так сел. Сел, сидел-сидел, караулил-караулил, заснул. Заснул. Развѣднело*. Устал, пошёл домой. Видит: хто-то был, ну, пошёл домой. Пришёл домой и не сказал, что кто там был, кто ня был.

Ну вот, а Ваня сидит да говорит:

– Ну-у-у, что вы! Вот я пойду. Я так уже сразу поймаю, укараулю!

– Ой! Что ты! Укараулишь?! Мы не могли укараулить, а ты-то укараулишь!

– Ну, ланно, я схожу, посижу.

Встал с печки, пошёл. Пришёл, сел. Сидел-сидел, сидел, долго сидел. Когда бязить... конь! Бязить, даже зямля дрожить! Как прибег: как начал пшаницу хватать! А ён [Ваня] хватя яво [коня] под узду:

– Стой-ка, стой-ка! Вот хто сюда ходил!

Ну вот. А он [конь] и говорить:

– Знаешь что, пусти меня, я, – говорить, – тебе буду службу хорошую служить. Как ты меня позовёшь, так я к тебе и прибязу, и службу тебе сослужу!

– Ну, какую ж ты мне службу?

– А вот, – говорит, – кричы меня так, пришедши сюда: «Сиўка-Бурка, вечная Каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» Я, – говорить, – к тябе прибязу.

Ну, ланно. Встал и пошёл. Пустил [Ваня] яво и пошёл домой. А конь побёг у лес.

Пришёл [Ваня]. Залез на печку. Ну, спрашивают:

– Ну, кто, кого видел ты?

– Видел, поймал!

– А где ж тот, кто ты поймал?

– А я отпустил яво, ён мне будет службу служить.

– Ой! – братья засмеялись. – Какую-то ён табе будет службу служить?!

Ну, ланно. Стали собираться [братья]. Собираться стали. Там слышали, что царь дочку замуж отдаёт. Отдаёт замуж. Вот. И куды-то он её там посадил высоко: «И хто поцалуёт, достанёт, поцалуёт, за того и замуж отдам!». Братья тоже слышали, стали собираться. Стали коней собирать, оседлали и поехали.

А Ваня посидел-посидел, да и говорит:

– Попробую-тко и я свою, свою лошадь, коня, коня своего позвать! – Встал с печки оделся и пошёл. Пошёл-то на тоё место и кричать:

– Сиўка-Бурка, вечная Каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Когда лятить конь! Земля дрожить, [конь] пыхтить!

– Ну что, Ваня, что надо?

– А вот, – говорит, – что надо: там, – говорить, – мои братья поехали. Там царица, говорит... замуж отдаёт царь. И кто яё поцалуёт... И кольцо у яё есть: кто кольцо снимет, тот... за того [царь] замуж отдаст.

– Ладно, это, влезай мне в ухó в правое, в левое вылезай! Мы с тобой и поедем!

Влез. Красивый вылез, нарядный вылез!

– Ну садись, поедем!

Как помчались! Как поехали!.. Как прыгнул!.. Сразу в лоб поцеловал, и кольцо надела [царевна] яму на палец.

Ну вот. Слез. Всё. Слез с коня, с коня слез. Вернуўся домой. Конь побежал. Поблагодарил коня своего. Конь убежал. Он пошёл домой. Пошёл домой и полез на печку. А братья сидят и толкуют:

– Ну кто ж там был? Кто ж там был такой? – говорить. –
Хто так быстро достал, и уехал?

– А, братцы, а это ж я был!

– Ой, ой, дурак!

– А вот нате, погладите моё колечко! Вот, и мне колечко
надела на палец.

Ну что, братья подумали-подумали: «Ну что ж такое? Что
ж это было?»

Послышуть... Царь, царь, царь узнал, что это был Ваня.
Созвал, Ваню созвал, и стали делать свадьбу, свадьбу делать,
жанить. Он [Ваня] тоже (вот так я не сказала), тоже позвал эту
лошадь – Сивку-Бурку, попросил, позвал:

– Си́йка-Бурка, стань передо мной, как лист перед
травой! Сивка-Бурка прибёг, ён опять в правое ухо влез, в левое
вылез. Нарянный стал, красивый! И поехал. Сел на этого коня
на своего и поехал на свадьбу. Ох, как свадьбу делали-и! Какая
была свадьба! Всея мир – пили, гуляли! На всея мир был пир!

И я там была. И мёд, и пиво пила: по усам тякло в рот... –
а в рот не попало.

№ 60 (39) СИВКА-БУРКА

Жил старик со старухой, и было у них трое сыновей.
Старший – умный был детина; средний – и так и сяк, а третий
вовсе был дурак. Жили они, жили, старуха умерла, а старик
позвал детей и говорить:

– Вот, мои детки, когда я умру, то вы ко мне будете
приходить. Первую ночку придеть старший сын на мою могилу.
Вторую ночь придеть средний. А третью ночь придеть Ваня.

Умер старик. Надо идти старшему сыну. А он же боится
ночью идти на кладбище! Он стал просить брата:

– Ванечка, брат, сходи за меня ночью, подежурь!

– Не пойду! Что я там буду делать? Не пойду!

Но потом согласился:

– Дайте мне белую шубу, красный кушак и пирог, и я
пойду!

Вот дали ему белую шубу, красный кушак подпоясали, и
пошёл, бобов ещё всыпал в карман. Идёт, считает звёзды,

идеть. Приходить на могилку. Палочкой стук-стук по могилке. Говорить:

– Могилочка, раскройся, а батюшка, встань!

Могилка раскрылась, батюшка встал.

– Здравствуй, – говорит, – папа!

– Здравствуй, Ваня. А что же Артюха?

– Боится тебя, папа!

– Ну что ж, раз боится, то ладно!

Вот он [Ваня], сколько мог, Богу помолился, постоял.

Тогда [отец] и говорить:

– Вот, сынок, тебе по наследству коза-золотые рога. Ты тогда только позовешь Сивку-Бурку, он тебе всё расскажет.

Ну вот, шёл домой, шёл и думает: «Как же я так домой приду?» Он пошёл, шубу порвал. Идёт. Пришёл домой.

– Ну что там тебе батька сказал?

– Да меня батька чуть не замучил! (Он приврал им).

Пришёл, лёг на печи, [в] дудочку играть и поеть песню.

Дурак по- дурацки делает.

Приходит вторая ночь. Вторая братова* бегаёт коло яго, ласкова, пирог ему сделала получше, побольше. Этот уже Филарет отвечает:

– Братетка, сходишь за меня, ночку подежуришь?

– Не пойду! Меня там батька чуть не замучил, а теперь, может, совсем замучает!

– Ну, сходи, братетка, сходи!

Ну, и согласился. Только белую шубу, красный кушак и пирог за пазуху. Вот он и пошёл. Приходить на могилку. Палочкой стук-стук по могилке: «Могилка, раскройся, и батюшка, встань!» Могилка раскрылась, и батюшка встал:

– Здравствуй, – говорит, – папа!

– Здравствуй, Ваня. Опять ты, Ваня?

– Да, боится тебя, папа!

Что и мог, Ваня Богу помолился. И тогда [отец] говорить:

– Ну вот, сынок, теперь тебе свинка-золота шерстинка тебе в наследство!

Ну, вот и пошёл домой. Шёл домой, шубу порвал всю в кусочки и выкатил* всю в грязь и, как переступил порог дома, так и повалился:

– Вот, – говорит, – как меня батька замучавши, чуть живой остался!

А ты уже рады, ихнюю ночь откараулил – и всё! Тогда приходит явная ночь. Он ни у кого ничего не спрашивает, одел свою свитку*, ўсыпал бобов в карман, подпоясавши верёвкой и пошёл. Приходит на могилку, стук-стук по могилке и говорить: «Могилка, раскройся, батюшка, встань!» Могилка раскрылась, батюшка встал:

– Ты, Ваня?

– Я, папа.

Богу [Ваня] помолился.

– Всё, – говорит, – сынок, служил мне всю жизнь Сивка-Бурка, теперь будет служить тебе.

Он крикнул громким голосом, богатырским свистом. Жеребец этот бежить – земля дрожить. С ноздрей полымя, из ушей дым, а с жопы жар* сыпится. Вот и говорит Сивке-Бурке:

– Сивка-Бурка, ты служил мне по гроб жизни, а теперь служи моему сынку Ване! Что он тебе прикажет, ты это делай! Теперь, Ваня, сядь верхом на него и покатайся!

Ваня вот как сел, и как начал... он [конь] не по земле бежал, он летел по воздуху! И сколько ни летал, а он [Ваня] сидел! И тогда опять к могилке пришли. И тогда [Ваня] в левое [ухо] влез, в правое вылез и стал опять дураком. Теперь и говорить:

– Теперь, папа, я пошёл!

– Теперь до свиданья, сынок! И ты, Сивка-Бурка, делай то, что Ваня скажет!

Утром приходит [Ваня] домой. Пришёл, разделся, влез на печку и там делает своё: [в] дудочку играет, попелем* перетирает. Сколько так набыло.

У царя была красавица-дочь. Две были замужем, а третья была очень красивая, и она женихов не подбирала. Это в царя, она повешала объявление такое: она будет на третьем этаже, и кто с ходу на лошади вспрыгнет туда и достанет её портрет, она успеет надеть ему кольцо на палец. И всё.

Значит, пришёл тот день. Надо ехать. Вот собираются братья. А приказано так: со всего государства все, все, все мужчины, кроме совсем старых. Собираются братья, а Ваня говорит:

– А можа, и меня б взяли б?

– Тьфу, дурак, кому ты там нужен?

Ну вот, они поехали. Он там через день, через два, там через сколько говорит:

– Дайте, братовы, корзинку, я пойду в грибы!

Дали братовы корзинку, он, значит, пошёл. Дошёл до первого леса, корзинку повешал на сук, крикнул громким голосом, богатырским свистом. Жеребец бежить – земля дрожить! Ну вот, когда прибеж, говорить:

– Что тебе, Ваня, за тужба*, а мне служба?

– А вот, – говорит, – так: надо царевну поцеловать на третьем этаже!

– Нет, – говорит, – мальчик, штаны у нас еще коротки. Но мы поедem, но мы этого не сделаем.

Он [Ваня] в правое влез ухо, в левое вылез. Он такой стал красавец, такой одетый красиво! Он сел верхом в седло на этого коня и поскакал. Он догнал братьев: одному плёткой и другому.

– Митюх, какой-то парень красивый, за что он нас ударил?

Он [Ваня] как летел, так на первый этаж вскочил. А царевна как увидела, так закричала: «Держите его, держите...» (Он ей сразу понравился. Она бы за этого парня сразу замуж пошла). Ну, кто попытался держать, того эта лошадь стоптала! Он помчался, так доехал до своей корзинке. Опять в левое [ухо] влез, в правое вылез. Опять стал Ваня-дурак. Пошёл по лесу, набрал всяких разных грибов, какие ему попадались: и червивые, и всякие. Набрал корзинку, принёс и говорит:

– Натe, братовы, варите! Ты ж приедуть голодные, они съядуть.

Они стали перебирать, а там грибов нет, там все плохие.

Приехали братья, приехали и говорят:

– Да, – жёнам рассказывают, – есть у нашем государстве человек! Лошадь – мы таких не видали лошадей,

какая лошадь! Но парень там в седле, он страшно красивый! А за что он нам по разу плёткой? И он как летел, так ускакал на первый этаж. Царевна закричала: «Держать!», но никак его не удержать! Никто, никто! Он опять ускакал.

Тут она [царевна] опять объявление [повесила] через несколько дней, чтоб опять собирались. Собрались. Опять братья собираются ехать. Он [Ваня] опять просится:

– Возьмите, братетки, меня!

– Иди, дурак! Там без тебя хватает!

Несколько дней подождал, потом:

– Дайте, братовы, корзинку, я пойду в грибы!

Дали корзиночку. Он пошёл. До лесу дошёл. Крикнул громким голосом, богатырским свистом. Жеребец баять – земля дрожить, с ноздрей полымь, с ушей дым!

– Что, – говорит, – тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

– Царевну надо поцеловать на третьем этаже!

– Не, – говорит, – подождём. Мы ишшо не созрели, чтобы нам высоко скакать. Мы поедем всё равно.

Он [Ваня] в правое влез, в левое вылез. Он был красив, стал ещё красивей. Сел в седло и поскакал. Догнал братьев, по два раза плёткой им – и поскакал! Как летел, так на второй этаж залетел! Но тут она закричала: «Держите как-нибудь, держите!» Кто попытался держать, того конь стоптал. Поднялся почти по воздуху и полетел.

Дошёл [Ваня] до своего места, набрал всяких разных грибов, принёс:

– Нате, – говорит, – братовы, варите! Приедут тые голодные. Они тогда ўсё съедать.

Стали братовы перебирать: там нет грибов хороших. А он на печку влез и дело свое делает.

Ну, приехали братья, говорить:

– Всё-таки есть у нас человек красивый! А лошадь там – мы не можем представить, какая лошадь! Она прямо разрисованная вся! И, – говорить, – вскочил на второй этаж, а царевна закричала. А там ведь собрали военную часть. Боже спаси: никто не удержал! Он улетел.

Тогда через день появилось объявление (ей не терпелось: ведь есть красивый человек в государстве!) Собираются опять братья. Он опять просить:

– Братцы, возьмите меня!

– Замолчи, дурак! Что тебе там делать?

Они поехали. Он опять попросил у братовых корзинку. Пошёл в лес, крикнул громким голосом, богатырским свистом. Жеребец бежить – земля дрожить, с ноздрей полымь, а с жопы жар сыпится! Такой красивый, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Прискакал и говорит:

– Что, тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

– Царевну надо поцеловать на третьем этаже!

– Ту, это не служба, а службишка! Щас садись в седло, щас поедем, токо крепче держись!

Он [Ваня] в левое [ухо] влез, в правое вылез – он был красивым, а стал ещё красивше, одет красиво! Сел верхом и поехал. Догонять братьев – по три раза плёткой каждому. И как летел, так на третий этаж вскочил. Она успела его поцеловать, свой перстень одела ему на палец. Тут уж все полки попытались его задержать, а он поднялся в воздух и улетел.

Прилетел к своему месту. В правое [ухо] влез, в левое вылез и опять стал Ваней-дураком. Набрал грибов всяких разных, принёс. Братовы стали смотреть, а там и нет хороших!

Братья приехали и говорить:

– Да, всё-таки есть у нас в государстве красивый человек! Но его никто не задержал. Яго лошадь поднялась в воздух и улетела.

Он [Ваня] лежал на печи (да, когда он в правое [ухо] влез, в левое вылез, видеть: на пальце сильно блестить; он его [палец] тряпкой закрутил, которую оторвал от портянки). Когда лежал на печи, захотелось ему посмотреть на кольцо. А отвязал тряпку, и в комнате стало светло. Братья закричали:

– Что ты, дурак, там делаешь, хату спалишь!

А своим жёнам рассказывают:

– Есть в государстве парень!

А он говорить:

– А можа, это я был там?

– Тьфу, дурак!

– А вам, – говорить, – диво? А мне было!

Где ж они могли поверить!

Через некоторое время появилось объявление, чтоб все явились, кроме совсем лежачих. Явились. Собираются все, опять Иван просится:

– Братья, давайте и я поеду!

– Еще таких дураков не хватало!

Все поехали, а он крикнул громким голосом, богатырским свистом. Лошадь прибежала. Он в правое [ухо] влез, в левое вылез и стал красивый. Доехал до дворца. Опять в левое влез, в правое вылез. Стал опять дураком. Пошёл на кухню во дворец. Там кухарки то косточку ему дадут, он обгложет. Там он несколько дней жил.

А принцесса сначала обносила гостям водку. Водку дать и глядеть на палец. Сначала генералам да адмиралам, полковникам, всем военным, потом служащим, потом крестьянам, и всё нет его! Потом всем старцам*. А его все нет!

Вышла кухарка и говорит: «Ещё у нас один есть человек!» Принцесса пошла на кухню, глядеть, а у него палец завязан. Развязала грязную портянку, глядь, а у него кольцо! Она обтёрла ему сопли, поцеловала. «А как же могло случиться, что он был таким красивым?» Она пошла, сказала отцу: так и так. А у отца сразу костюм Ивану нашли хороший и давай венчать его. Царь сообразил: «Не мог же такой старец ездить на такой лошади. Здесь что-то фальшиво!» Пока собирались венчать, Иван влез в печку, перепачкался в пепел, его вынули, вымыли, одели хорошенько, и пошёл он под венец. И повенчали.

Стали они жить. Царь ничего не понимает! Ивану построили будку и говорят: «А ты гоняй воробьёв!» Он воробьёв погоняет, ляжет в будку и спать.

Узнал в другом государстве царь, что такая красавица мучается замужем за дураком. Присылает он в это государство такие сведения, чтоб представили царевну ему в жёны. А не преставять – поидеть войной. Пришла царевна в будку и говорить:

– Ванечка, меня отбирают из другого государства. Если я не пойду туда, то пойдут войной.

Ваня ответил:

– Будем воевать, а туда не ходи!

Она сказала отцу, отец тоже не разрешил: лучше умереть!

И вот поехали на войну. А Иван крикнул громким голосом, богатырским свистом – прилетел жеребец. Говорит:

– Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

Ваня говорить:

– Надо того государя всё войско разбить.

– Тьфу, – говорить конь, – это не служба, а службишка! Сейчас помочи метлу в навоз!

И когда выстроилось войско, Иван поехал вдоль него и повёл метлой по одной стороне и по другой – и побил всех до единого!

Государь собрал второй раз войско, опять присылают послов. Царевна пришла в будку и говорить опять... А когда побил Ваня всех, тогда царевна подошла и говорить:

– Добрый молодец, поедemте в наше государство, вас отец наградить!

Он сказал:

– Я буду, только не сейчас.

Он поехал своей дорогой, а войско – своей. Значит, присылают второй раз. Царевна пришла и опять говорить Ване. Он: «Будем воевать!» Царевна сказала отцу, он выставил своё войско.

Ваня крикнул громким голосом, богатырским свистом. Жеребец бежит – с ноздрей полымь, с ушей дым. Говорит:

– Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

Ваня сказал, а жеребец:

– Тьфу, это не служба, а службишка! Поедем!

Ваня в правое [ухо] влез, в левое вылез. Опять стал сильным, и лошадь стала сильной. Сев в седло и поехав. Когда приехав, войско готово воевать. Ваня опять метлой побил всех. Тому царю больше нечем воевать.

Потом царь обдумав: у него когда-то закрыто где-то осилок* самый сильный. Через несколько месяцев он истощав. Приходит [царь] к нему [к осилку] и говорит:

– Можешь воевать?

– Нет, сейчас не могу. Мне нужен отдых и поесть: за день выпивать двенадцать бочек вина, съесть двенадцать волов и двенадцать печей хлеба, тогда я буду сильный.

Так он ел двенадцать дней. Опять царь спросил:

– Можешь воевать?

Он сказал:

– Вкопайте столб, и я весь свет переверну!

Опять к царю претензия: чтоб дали невесту, а то войной пойдут. Царевна опять пришла к Ване:

– Ванечка, там теперь осилок, и наше войско всё погибнуть!

– Нет, – говорит Ваня, – будем воевать!

Опять Ваня крикнув громким голосом, богатырским свистом – жеребец бежит, земля дрожить, с ушей полымь, с ноздрей дым, с жопы жар сыпится. Сильный! Говорить:

– Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

– Надо осилка своевать!

– А, это не служба, а службишка!

Приехали, осилок уже готов, спросил:

– Ты согласен воевать?

Ваня говорит:

– Согласен!

Осилок говорит:

– Я съедаю за день двенадцать бочек вина, двенадцать печей хлеба и двенадцать волов!

А Ваня отвечает:

– Так ты обжорливая корова? А я, – говорит, – стаканчик винца и кусочек хлебца. А воевать попробуем! Разъезжайся!

Когда разъезжались, осилок ранил Ваню в руку и лошадь в ногу. Царевна подскочила, порвала свой шарф и золотую цепку. Забинтовала ногу лошади и Ване руку. Съехались ещё раз. Ваня дал осилку, тот загремел с лошади, как гром, и насмерть сразу! Война кончилась, тут подскочил царь, царевна:

– Поедьте в наше государство. Я вам опишу* государство, только поедьте!

Он [Ваня] сказал:

– Я буду у вас, но только не сейчас.

Разъехались. Ехать было нельзя. Где комыльнёт* лошадь, там яма. Всё-таки он [Ваня] уехал на своё место. Залез в будку и лёг спать. Но залез таким же красивым. А когда приехали, царевне надо ж Ване сообщить, что был такой человек, что своевал того осилка. Она как улезла в будку, как глянула, чуть не обомлела! Тот же красивый парень лежить в будке! Она посмотрела: ейные цепка и шарф. Но лошади нет. Она [царевна] отбежить от будки – вернется, думает: «Я обгляделась*!» Снов прибежить: а он спит крепким сном. Она побегла к отцу:

– Папа, это Ваня воевав!

Отец:

– Да ты что говоришь? Дурак так будет воевать! Нет, не верю!

Пришѐв царь, обглядев*. А он спит. Царь говорить:

– Да, правда, он воевал! Сюда надо наших солдат, всех слуг. И как чуть пошевелится, так ударить музыка, и к нему все слуги: нужно, чтоб он опять таким не был.

Войско пришло. Он спал, проснулся и думает: «Я ж ничего не сделав, таким сплю, каким воевал!» Глядит: рука забинтована, царевна рядом сидеть. «Что же делать, – думает, – бежать? нет?» Пошевелился – к нему все слуги, под ручки его взяли и повели в государство. Там угощение. Царевна не наглядится на него!

Царь вычитал, что где-то в степях есть коза-золотые роги. И он сказал зятям:

– Кто достанет, тому треть государства.

Собираются два зятя. Им сушат сухари, шоколад готовят.

Царевна пришла к Ване, опять говорить:

– Ванечка, поедут твои свояки, там, в степи, есть коза-золотые роги. Если они приведут, то царь даст им треть государства. А мы тогда куда?

Ваня:

– Тише, баба, не плачь. Это цветки, а ягодки еще будут!

Поехали они. Через несколько дней Ваня крикнул громким голосом, богатырским свистом – жеребец бежить, земля дрожить.

– Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

Ваня:

– Козу-золотые роги надо поймать!

– Тьфу, это не служба, а службишка! Она ходить вместе с нами.

В правое [ухо] влез, в левое вылез, сел верхом и поехал. Приехали, поймали козу. Лошадь сказала, и коза пошла непривязанной. Ехали и устали. Раскинув Ваня ковёр, кинув овса. А свояки только туда едут. Они увидели козу и бросились, хотели поймать, а лошадь как дасть! И чуть не растоптала!

Они стали кричать:

– Кто у этой козы хозяин, продайте!

Ваня проснулся и говорит:

– Она не продажная, а заветная*.

Они:

– А что за заветность?

Ваня:

– А с руки по мизинцу, отрежу и дам козу.

Согласились. Ваня отрезал [пальцы], положил в бумажку, в карман.

Пока они искали козу, царь услышал о свинке-золотой шерстинке. Они не успели одуматься – им новое задание! Царевна опять к Ване:

– Ванечка, отец описывает* полгосударства, кто достанет свинку-золотую шерстинку.

Ваня:

– Тише, баба, не плачь, это только цветки, а ягодки еще будут!

Ваня:

– Иди, проси у отца лошадь, и я поеду.

Пришла к отцу и говорить:

– Папа, Ваня просит лошадь, он поедет!

Царь:

– Дайте ему тую лошадь, на которой воду возять!

Ваня сел задом наперёд, хвост в зубы, ладошкой по заднице – и пошёл! Заехал за сад, тряхнул за хвост, вытряхнул мясо: «Ешьте-клюйте, вороны, свежее мясо!» А сам крикнул

громким голосом, богатырским свистом – жеребец бежить, земля дрожить, с ноздрей полымь, с ушей дым:

– Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

Ваня:

– Надо найти свинку-золотую шерстинку, где-то найти!

– Она ходить вместе с нами, – говорит конь.

Ваня в правое [ухо] влез, в левое вылез – стал такой молодец! И поехал. Догнал и обогнал тех зятьев. Доехал в степи, свинку эту нашёл, она сзади за ним и пошла.

Вот он ехал, ехал, долго ехал, раскинув ковёр, насыпав овса. Свинка есть, лошадь есть. А сам лёг спать.

Пока спал, зятя приехали. Видять: свинка стоит, золотая шерстинка. Они тоже хотели её поймать. Одни – с одной стороны, другие – с другой. А лошадь как бросилась, чуть не укусила их! Тогда они стали кричать:

– Кто этой свинки хозяин, продайте!

Ваня проснулся и говорить:

– Она не продажная, а заветная.

– А что за заветность?

– А заветность такая: с ноги по мизинцу.

Те думают:

– Это не беда, врачей много!

Согласились, Ваня обрезав по пальцу и в бумажку, в карман. И эта свинка уже пошла с ними.

Когда привезли в государство, сёстры были так рады, смеялись над своей сестрой:

– Вот ты подобрала себе дурачка, а наши мужья вот что подостали!

Царь в это время вычитал ещё, что где-то в степях ходит кобылица и в ней двенадцать сыновей.

– Кто достанет эту кобылицу, тому будет описано* всё государство, а я буду подчинённым! – сказал царь.

Царевна опять пришла к Ване:

– Ванечка, братетка, что будет нам?

Ваня:

– Тише, баба, не плачь. Это только цветки, а ягодки будут! Не плачь!

Собираются ехать те зятьи. Им и шоколада, и конфет полны мешки ўсего накладывают. Царевна пришла к Ване и говорить:

– Что будем делать?

Ваня:

– Иди проси у папки лошадь, и я поеду!

Она пришла и говорит:

– И Ваня просит лошадь, и он поедет.

Царь говорит:

– Дайте ему ту кобылу, что воду возить.

Ваня опять садится, как обычно, задом наперёд: хвост в зубы – и пошёл! Он заехал за сад, как хватил коня за хвост, так в руке шкура осталась, говорит: «Ешьте, вороны, свежее мясо!» А сам крикнув громким голосом, богатырским свистом – жеребец бежить, земля дрожить, с вушей полымь, с ноздрей дым, с жопы жар сыпится.

– Что, – говорит, – тебе за тужба, а мне за служба?

– Вот, – говорит, – кобылицу надо поймать, у которой двенадцать сыновей.

– О, – говорит, – вот тут я тебе уже не помогу! Это наша мать, у неё нас двенадцать. Но я тебе только подскажу, будешь делать сам, я тебе помогу. Ты достань двенадцать бочек смолы и засмолишь мне двенадцать конских кож. И выкопай в лесу глыбокую яму, а я стану около ямы, и ты положишь одну кожу и выльешь бочку смолы и засмолишь мне двенадцать кож и двенадцать бочек смолы. А сам влезешь в яму и возьмешь уздечку. В яму влезешь и будешь стоять. А я как заржу, так мать мой голос узнает. Она когда прибежит к яме, так мене и не узнает. Как хватить меня зубами, так все эти кожи слетят, а я вловчуся* и дам ей задом в ухо, она ввалится в эту яму, а ты не зевай: одевай оброть* и кричи: «Тпру, волчье мясо, я твой хозяин!»

Ване тут большая задача. Он поехав в город, купил двенадцать бочек смолы, двенадцать кож, привёз в лес, выкопал глубокую яму, коло ямы засмолил своего Сивку-Бурку, а сам влез в яму. Когда он заржав (а когда эта кобылица бежала, то с дерева сыпались все листья, лес стал голый: такое было дрожение), а как прибежала [кобылица],хватила зубами кожи –

и все свалились, а он [Сивка] уловчился*, дав задом, так она в яму и вскочила. Он [Ваня] уловчился, уздечку надел и верхом сел, кричит: «Тпру, волчье мясо, я твой хозяин!» Она выскочила из ямы и стала подчинённой Вани.

Тогда на этой кобыле Ваня поехал, а двенадцать жеребцов сзади пошли: вот он ехал, ехал усталый. Немножко проехал, так устал, что больше дальше ехать не мог. Раскинул ковёр, насыпал овса, все лошади едят, а он спит, отойшовши.

Подъехали те зятья. Видят, что тут все лошади, хотели ближе подойти, а они не допустили. Стали кричать:

– Кто этим лошадям хозяин, продайте всё!

А он всё спал, так спал, что ему уже кричать перестали. Тогда проснувшись и говорить:

– Это лошади не продажные, а заветные.

– А что, – говорить, – за заветность?

– Со спины до самой задницы по ремню.

Это была задача похужей... Но ничего, дохторов много – они залечут, и [зятья] разрешили. Он [Ваня] подошел и вырезал им ремни такие, со спины и до задницы. Завернул – и в карман. И это, говорить: «Я на одной лошади доеду». А эти пошли сзади.

Он доехал до своего места. Опять в левое [ухо] влез, в правое вылез. Опять стал дурак, а в кармане лежить это всё.

Тогда зятья привели коней. Царь собрал зятьёв и будет описывать* государство. И Ваню туда пригласили. Когда собрали всех за стол, Ваня сразу выложив из кармана пальцы с рук.

– Это, – говорить, – коза-золотые роги!

Потом пальцы с ног:

– Это – свинка-золотая шерстинка!

Потом ремни, царь даже удивился.

– А это, – говорить, – кобылица с двенадцатью жеребцами. Всё доставал я.

Царь сейчас же сказав, чтоб зятьёв на конские хвосты порвали.

Остался в государстве Ваня с женой.

№ 61 ПРО ЖАР-ПТИЦУ

(– Может, сказку какую-нибудь знаете?

– Ну сказки, сказки – это детские. Сказки я только знаю про жар-птицу.

– А расскажете?)

Ну, в некотором царстве, в некотором государстве жил был царь, было у него три сына. Два было умных, один был дурачок. Ну, и была у него в саду яблоня с золотыми яблоками. Наладился вор ходить к ним, эти яблоки рвать, ну старый говорит:

– Сынок, иди-ка ты покарауль, я уже старый, я не могу, иди-ка ты покарауль, кто это ходит к нам воровать яблоки.

Ну, пошёл он, сидел-сидел под яблоней и уснул; жар-птица прилетела, яблок сорвала и улетела. Проснулся, приходит:

– Кто, не знаю: я уснул.

Ну, другого послал, другой тоже так же уснул. Ну, Ванька-дурачок валит с печки и говорит:

– Пап, давай я пойду!

– Ну, иди!

Ну а братья за плечами:

– Пап, кого ты отправляешь, он же такой глупой!

А тот сидит под яблоней, ну, захотел спать, взял, чаю попил и сидит, сидит. Вдруг осветилось всё красным, подлетела эта жар-птица и – за яблок, а он – за неё! Она прыг и улетела, а у него осталось два пёрышка с хвоста. Ну, приходит домой и говорит:

– Пап, я вот укараулил вора!

– Да как ты?

– А вот как: летает там жар-птица!

– Ну, а чем ты докажешь?

Вытаскивает эти перья из карманов:

– Пап, вот смотри!

Освятило этот зал сразу, осветило.

– Да, – говорит, – сынок, как же эту жар-птицу нам поймать?

И отправляет сыновей. Поехали, дал коня одному и другому, а Ванюшке дал клячу какую-то. Ну, Ванечка едет-едет,

доехали до крестов*: туда поедешь – головы не снесёшь, (вправо поедешь – головы не снесёшь), влево поедешь – на банки налетишь.

– Вы как хотите, а я поеду прямо, прям на волков.

Ну, едет-едет, сидит волк на дороге и говорит:

– Куда ты едешь?

– А вот так и так, – говорит, – начала жар-птица воровать яблоки!

Волк:

– Давай мне коня, а потом я тебе покажу, где она живет.

Ну, волк этот лошадь съел.

– Теперь, – говорит, – садись на меня!

Волк наелся, Ванька сел на волка и едут. Доехали до этого царства и говорит:

– Иди, только клетку не бери; бери жар-птицу, а клетку не бери!

А Ванька зашёл, видит: птица жар красивая, а клетка ещё красивее, хотел взять. Вдруг зазвенели звонки, вбежала стража, Ваньку схватили, повели к царю. Привели к царю.

– Ты вот поезжай в тое царство, привези мне лошадь с золотой гривой!

Идёт Ванька с волком и говорит:

– Вот, так и так!

– Садись, я тебе говорил: жар-птицу бери, а клетку не тронь!

Ну, поехали дальше, приехали до этого и говорит:

– Вот, теперь иди, лошадь бери, а уздечку не тронь, бери лошадь за гриву, а уздечку не тронь!

Ну, как Ванька так? Конь красивый, а уздечка ещё красивей! Ну, взял покачал на лошади уздечку, опять стража выбежала. Вот. Тогда опять повели к этому царю. Ну что делать?

– А ты води мне теперь в том-то царстве, в том-то государстве Василису Прекрасную!

Волк:

– Садись!

Ну, поехали они, доехали до этого царства, волк и говорит:

– Знаешь, ты тут сиди, а я пойду сам!

Ну, гриву на лошадь надел, гриву надел, пошёл.
Приходит:

– Вот я вам привёз лошадь, дайте мне Василису Прекрасную!

Она спит в своей спальне, ну волк как волк – Василису схватил, через плечо повалил – приносит и на коня Василису сажает (приехал на лошади) и говорит:

– Поехали, чтоб коня нам отдали, я сам пойду!

Садится, волк сам на себя зовёт Василису Прекрасную, сажает и говорит:

– Ну вот, я привёз вам невесту, а вы мне оставите лошадь?

– Оставим!

Он схватил этого коня и эту Василису.

А Ванечка на дороге стоит. Прибегает и говорит:

– Теперь поехали.

Приехали, вот, говорит:

– А теперь я одеюсь в Василису Прекрасную.

Снял [с] ее [одежду], оделся.

– Я, – говорит, – потом вас догоню, а вы садитесь и поезжайте!

А Василиса Прекрасная голышом, только трусики. Привёл, мол, вот вам лошадь, вот вам Василиса, всё! Эти сели поехали потихонечку, волк выскочил, жар-птицу подхватил, и едут они.

Едут они, едут, вдруг братья на этих лесах встречаются, видят: Ванька едет на хорошей лошади, волк сзади бежит, Василиса Прекрасная сидит. Братья подумали, подумали: «А давай его убьём!» И его уничтожили, а волк спрятался за кустом, всё видел. Ваньку уничтожили, на Ванькиного коня сели, Ванькина кляча пропала, её уже нет, поехали домой.

Приехали домой, и заспорили старший с младшим, чья будет невеста. Старший говорит:

– Наверное, моя!

– Ну, твоя так и твоя!

А батька переживает, где ж Ванечка дорогой делся? А Ванечку же убили, а волк из-за куста выскочил, покричал, посвистел, слетелись птички. Он и говорит:

– Слушай, полети туда-то, возьми водички живой и мёртвой, у того родничка!

Ну, и полетела птичка, принесла два пузырьёчка. Плехнул птичке одной – птичка омертвела, плехнул другой водички – птичка оживела. Вот из этой водички Ванька оживел, волк его домой привёз, там свадьба, пир идёт на весь мир! Василиса Прекрасная увидала и говорит:

– Вот это мой кавалер, а это все не мои, я их знать не знаю!

И вот я там была, водку пила, по усам текло, а в рот не попадало.

№ 62 (40) ЕСТЬ ЛИ ПРАВДА НА СВЕТЕ

Шли два парня правду узнавать. Один говорит, что есть на свете правда, а другой говорит, что её нет.

Пришли они к священнику. Спрашивают про правду, а он им говорит:

– Вот служу, служу, а надоест, так я и выброшу куплет!

Ладно, пошли они дальше. Шли, шли, и уже есть нечего. Один пойдёт, налгет, а его и покормят. А другой со своей правдой идёт голодный.

Зашли они к бабке. Дала она одному поесть, а другому нет. А тому-то тоже есть хочется! Он и говорит:

– Дай и мне поесть!

А тот ему:

– Тогда я тебе глаз выкопаю*!

Согласился парень. Поели, идут дальше.

Опять просит парень поесть. А тот ему:

– Давай другой глаз выкопаю, тогда дам поесть!

Подумал, подумал парень, что всё равно помирать, и согласился. А тот выкопал глаз и бросил парня в лесу. Куда ему деться? Вот он подполз к дубу и залез. К нему [дубу] подходят трое и говорят:

– Вот тут пройдешь три шага, покопаешь и найдешь один пузырьёк, который помогает всем слепым. А если ещё покопаешь, то найдешь еще один пузырьёк с лекарством, которое вылечит царскую дочку.

Поговорили они так и ушли в двенадцать часов.

Парень слез с дерева, прошёл три шага, покопался и нашёл один пузырьёк. Помазал глаза лекарством и стал зрячим. Покопал ещё и другой нашёл пузырьёк. Взял его и пошёл к царю. А там сторожа и не пускают его, а он говорит, что может дочку царя вылечить. Велел царь пропустить его. Дал парень дочке лекарство – и всю хворь как рукой сняло. Стал царь спрашивать, чего парень хочет. А он ему сказал, чтоб ему [парню] дали два коня, линейку* и золота. Дал ему царь всё и отпустил.

А второй думает:

– Сдох, наверно, за свою-то правду!

А парень приезжает, да ещё на двух конях, зрячий и с золотом! Ну, и рассказал всю правду, как было.

Тогда и тому захотелось вылечить царёву дочку. Нашёл он тот дуб, залез и дожидает, когда к нему трое придет. Вот наконец пришли и говорят:

– Кто царёву дочку спас? Наверно, подслушал кто-то нас. Давайте-ка посмотрим!

И нашли они этого парня на дубу и выкололи ему глаза.

Правда есть правда!

№ 63 (41) МАРКО БОГАТЫЙ

Жил-был Марко Богатый. У Марко Богатого не было дтей. А потом жана забременела. В этого Марко Богатого жил работник, Иван Пятрович, двадцать пять лет. Марко Богатому захотелось чзрез ряку́ построить мост людя́м: не было мо́сту, мучалися люди, ня знают, как... ни весной, ни зимой, ни летом. Этот Марко Богатый построил мост и говорит:

– Иван Пятрович, сходи-ка под мост, послушай, что люди говорят: помолют ли оны за мяня Боуу-то, что я такую благодать им сделал?

Ну, Иван Пятрович пошёл. Сидит. Люди идут, Богу молят, здоровья жалают. Вдруг слятелися ангелы и Христос. Ангелы и говорят:

– Свет Христос! Марко Богатый всем шчастьем наделённый, а тяперь чым вы надялите?

А он говорит:

– А вот тяперь, чым надялю. В их не было дтей, а тяперь жана забяременела, будет в их сын. Этот сын (назовём яго Малый Юнош), этот Малый Юнош что ни спросит в Бога, выйдет на чатыре стороны, перякрестится, что: «Создай, Господи!» – в эту ж минуту, не успеет оглянуться, как всё яму уже ёстя.

Ну, этот Иван Пятрович всё выслушал, пришёл домой, ну и говорит, что:

– Кто Богу помолит, кто скажет спасибо!

И всё.

Марко Богатому надо ехать куда-то в командировку, а жана должна вот-вот родить. Он и говорит:

– Иван Пятрович! Вы уж присмотрите за жаной-то, помош ей окажите, когда понадобится!

– Будьте в спокойе: всё будя хорошо!

Ну, вдруг жана рожает. (А раньше ж было ни етых, как сказать, ни скорых, больницы далече. А были бабки* дерявенские.) И он к бабкам не заявился, что: «Помогите Марко Богатому жаны», сам распорядился. Она родила мальчыка. Что он сделал? Зарезал шчанёнка (сучка шчанивши б́ыла), зарезал шчанёнка, намазал губы кровью этой женшшыны, руки по локоть, мальчыка этого запрятал, куда там он мог, собрал весь народ как бы судить ону. Ну, и судьи осудили: живой глаза выкопать*, живую в землю положить! Так и сделали.

Приехал Марк Богатый, встрячает яго Иван Пятрович.

– Ну, как, Иван Пятрович? Что-то моё сердце чуяло нядоброе!

– А, Марк Богатый! Вот так-то и так: жана-то заела мальчыка!

Мальчык родился, и она заела.

– Ну, как же это так?

– А вот так!

– Какой позор! – ему плохо стало, Марко Богатому.

Ну что? Пожил Иван Пятрович три дня и говорит:

– Марк! Мне надо расчёт взять. Я не могу: я такое наглядился, я в вас больше жить не могу!

Робёнка-то он отвёз уже в соседнюю дярвенню. Дал золота, дал денег, раз сам хозяин во всём: «Ну, вот спялёговайте* до моёго приезда!» Ну, и воспялёгут* яго.

Ну что? Марко Богатый поплакал-поплакал, потужил-потужил:

– При таком-то горе! Иван Пятрович! Двадцать пять год отслужил, а при таком горе мяня хочышь оставить!

– Уязжаю! Не рассчитаете, я так поеду.

Ну, что? Марк Богатый яго наградил всякой всячиной: и золота, и денег, и яды всячины дал.

Ну, приехал [Иван Пятрович], забрал Малого Юноша, поехали. Малый Юнош растё не по дням, не по часам, а по минуткам. Малый Юнош уже вон куда поднялся, покуль яго не было! Едут-едут, приехали к одной дярвенне. Захотели есть. Поели, попили, опять поехали.

Ну, долго ль, мало проехали до явоной дярвенни, где он жил, до сяла. В этом сяле жил богатый. Этот богатый – ня меньше богатства, чым у Марка Богатого, было. В этого богатого была дочка Настя. Эта дочка ни с ким ня зналася, не дружила ни с ким, никуда не ходила. Вдруг этот Иван Пятрович появился и говорит:

– Малый Юнош! Пойдём на Божью волю, перекрестись на вси чатыре стороны и скажи: «Создай, Господи, Ивану Пятровичу, чтобы в яго дом был лучше, чым в этого богатого!»

Ну, не успел оглянуться, как дом уже построился, и на каждом окне и серябро, и золото обито. Встают, богатый встает: что ж такое это, горит всё вязде от золота да от серебра? А на солнце!

Ну, с этой Настей встретился этот Иван Пятрович. Ну, разок и другой – заявляет на свадьбу, чтобы пожаниться. Она:

– Да вы что? Да я вас ня знаю! Да как это всё случилось?

Он и говорит:

– Ну, тогда я другую найду.

Ну, Насте что делать?

А он этому Малому Юношу тоже сказал, что выйди на Божью волю, попроси, на чатыре стороны перекрестись и скажи: «Господь, создай, Господи, чтобы Настасья была моей матерью!» Ну и что? Она согласилась выйти замуж. Отцу заявила, что я выхожу замуж. Отец проти, ну, она ни в какую: «Пойду замуж, да и всё! Он богачы нас».

Ну, собрал народ на свадьбу. Уязджать к вянцу. А нет нигде ничаго! А Малого Юноша (о)дного оставляют. И говорит:

– Малый Юнош, перябери ты мерку* гороху по сортам! И чтобы на столах всё было, столы накрыты, и самовары кипели!

А он и прозабылся, что надо выйти на улицу да перекреститься-то! Сидит и плача: «Тяперь он меня убьёт! Где ж я всё возьму: ничаго нет, и я один!»

Заходя старичок, сядая бородка, и говорит:

– Малый Юнош, что ты пригорюнился?

– Дедушка! Папа поехал с молодой жаной вянчаться, а мне приказал мерку гороху перябровать, а яго и нету! Столы накрыть, а где ж мне всё взять: и на столы все кушанья поставить, и самовары чтоб кипели!

– Не печалься, Малый Юнош, всё будет!

Не успел Малый Юнош оглянуться, как всё на столе и мерка гороху перябрáная.

Приехали свáдебные*. Попировали, погуляли. Разъехались вси домой. Подходит ночь. Лягли спать молодые, а Малый Юнош и думает: «Полезу-ка я под кровать: что оны будут говорить?» Он уже всё понимал, как бы и взрослый такой, разумный. Полез под кровать, она [Настя] и говорит:

– Иван Пятрович, я ваша жана, вы мой муж, тяперь вот вы призналися б мне, как же это всё у вас получилось? Мой отец годам строил, и то ишчо ня то, всё ня так, как яму надо. А вы не успели оглянуться, как в вас уже всё: как царство.

Он:

– Не скажу!

– А не скажешь – я завтра домой уйду!

Ну, что? Яму страшно стало, что жанился, и [жена] уйдёт. Смех будет! Тогда он признаётся, что:

– Жил я у Марко Богатого, родила жана, я взял зарезал щчанёнка, намазал ей губы, руки по локоть и собрал собрание (как бы сходка по-раньшему), чтобы ону наказывали. Ону наказали: живой глаза выкопать, живую в землю положить. Ну, а я Малого Юноша отвёз в дяревню. Покуда я явился, яго воспялэгали в дяревне. Ну, вот и сказка вся!

Ну, ладно. Мальчик этот всё выслушал, вышел на улицу и говорит: «Создай, Господи, Ивана Пятровича псом!» Ня успел оглянуться, как Иван Пятрович уже собачкой, псом. Ну, что?

Тройку запрягли, тройку лошадей, этот богатый этому Малому Юношу: отправляют яго [Малого Юноша]. Он подходит к этой Настасье и говорит:

– Ну вот, мама, оставляю всё богатство вам. И вам большое спасибо, что вы мяня выручили!

И уязжает. Ну, уязжают. Едут, едут, доехали до дяревни. Захотел Малый Юнош покушать. Заехали в одну дяревню, в избу:

– Разряшите покушать!

– Пожалуйста!

– И жаркú* в чарёпочку псу!

А хозяин и думает: «Да как же это так: жарку в чарёпочку псу?» Подходя и говорит:

– Малый Юнош, век отживаю, но такого ня видывал и ня слыхывал, чтобы пёс ел жар*!

– А вот я, – говорит, – тоже ня слыхывал и ня видывал, чтобы родная мать заела своего сына, я тоже ня слыхывал и ня видывал!

А яму старик и отвечает:

– Да вот у нас тут естя такой Марко Богатый. Но он даляко от нас, а слыхи-то ведь идут. Да, жана вот это сделала.

– Ну, вот поетому пёс и жрёт жар!

Ну, поели, попили, отблагодарили – поехали.

Едет-едет опять: ехать даляко! Захотел есть – опять в дяревню въехал, попросил разряшения, чтобы дали перекусить яму. Опять жаркú в чарёпочку. Опять к яму подходят:

– Малый Юнош, да как же это так? Неужель мы не дадим поесть псу? Как же он жар? Только слюна по губам! А он и говорит:

– Я б тоже дал, у мяня всё естя поесть. А только такое яму и надо есть.

– Малый Юнош, да ня слыхывали и ня видывали такое, чтобы пёс жрал жар!

А он и говорит:

– Я тоже ня слыхывал и ня видывал, а мне уже порядочно год стало, – говорит, – чтобы родная мать заела своёго дятёнка!

А яму отвечают:

– Да в нас недалеко Марко Богатый. Вот яго жана, покуль он был в командировке, его жана родила и заела сына.

– Ну, вот поетому, – говорит, – жар и ист пёс!

Ну, приехали к этому уже Марко Богатому. И проязжает он напролом. Слуги не пускают, а он проязжает напролом. Пёс сзади. Слуги не пускают: «Да что это такое? Какой нявежа! Да что ты это напролом?» А он ни в какую, никого не слушает... Выходит Марко Богатый. Марко Богатый ничаго яму не говорит. Тогда он и говорит:

– Отец! Перекусить, может, дадите?

– Пожалуйста, дадим!

– И жарку в чарёпочку!

Ну, жарку в чарёпочку награбили*.

– Ну, пёс, жри жар!

Пёс жрёт жар, а он [Марко Богатый] подходя и говорит:

– Малый Юнош, что ж это такое – собака жар жрёт? Как же это так?

А он и говорит, Марко Богатый:

– Ня слыхывал и ня видывал на своем вяку, чтобы пёс жрал жар!

А Малый Юнош отвячае:

– Отец! Я не слыхывал и ня видывал, чтобы родная мать заела своёго сына!

Отцу и плохо стало, что это в яго такое случывши!

Ну, отца там, как могли, откачали, отцу стало хорошо. Тогда Малый Юнош говорит:

– Отец! Можешь собрать народ на мамину могилку?

Отец и глаза на лоб: что ж такое это: «На мамину могилку!»

Ну, на мамину могилку народ собрался. Пришли – он перекрестился на все чатыре стороны, Малый Юнош:

– Сырая зямля, разройся! Гробовая доска, откройся! Мамушка, встань, такая живая, как ты и была!

Зямля разрылася, гробовая доска открылася, мамушка встала такая, как и была: и глаза, и ничем нерушима. Тогда он опять перекрестился:

– Создай, Господи, чтобы пёс был Иваном Пятровичём!

Все смотрют: что ж это за кино такое? Иван Пятрович, и мать встала!

Ну, вот. «Живому глаза выкопать, живого в землю положить!» – он [Малый Юнош] так сказал яго. И рассказал всем такое дело, что моей матери намазал губы, руки по локоть, мяня отобрал, шчанёнка зарезал, а мяня отобрал, сказал, что мама заела мяня.

Вот и сказка вся. И я там была, мёд-пиво пила, по усам тякло, в рот не попадало.

№ 64 (42) РУКИ В СЕРЕБРЕ, НОГИ В ЗОЛОТЕ

Жили брат с сестрой. Мать с отцом у них померли. Брат женился. Возненавидела жена брата сестру. Зарезала она коня, а потом и своего меньша ребёнка. Сказала мужу, что сделала его сестра, сказала отвезти её в лес. И что ж? Везёт, не прощает её брат!

– Ну что же, сестрица, признайся, как ты могла это сделать?

– Братенька, милый, ничего не знаю!

– Не буду тебя губить, ложи руки на пень!

Отрубил руки.

Что ей делать? Ходила, ходила, стала в сад забираться к человеку богатому, рвала яблоки. И не поймають её сторожа: сторожили, а никого не найдут! Пошёл царь в сад:

– Откликнися! Мужского полу, старше меня – будешь мне отец; женского – мать; млаже меня мужеского – будешь брат; женского – сестра, а ровня мне – жена!

Она откликнулася:

– Я вровне, но без рук.

Она красавица была. Красивая, а рук нет. Взял её царь в жёны:

– А чем ты мудра и хитра?

– А ничем не мудра! Рожу тебе сына – руки в серебре, ноги в золоте, на макушке месяц, а во лбу звезда!

А сам поехал (цари же дома не живут!). Матери наказал:

– Если кто народится, без моего позволения никуда!

Родила она сына. Свекровь довольна, пишут царю письма.

А письмо к брату попало (царь у брата своей жены случайно остановился). Невестка подменила письмо и написала, что родился не то лягушонок, не то мышонок. «Без моего разрешения – никуда!» – пишет царь.

Опять ловит невестка письмо и пишет, чтоб очистили квартиру. Свекровь плачет, подвязывает к женщине ребёнка (рук-то у неё не было) и отпускает её.

Ходят они, ходят – пить захотелось! Наклонилась над ручьём, ребёнок – брык в воду! Одной культёй – раз ребёнка, и появилась рука, другой – и стали* руки у неё!

Пошла к брату, просится переночевать, а жена его кричит:

– Не надо её пускать!

А муж видит: вроде на сестру его похожа, но с руками. Стала она рассказывать, как я вам всё рассказала. Узнал брат сестру! Стала пеленать ребёнка, подходит царь:

– Что там сияет?

– Да ничего!

Понял вдруг всё. Да как взрадуется!

№ 65 ПРО ВЕСЁЛУЮ ВЕСЁЛКУ

Был-жил брат с сестрой. А это брат дружил с девочкой [Весёлой Весёлкой]: ну, она такая боевая девка. Ну а, это, ещё Пахмура-Пахмурочка была. Так вот сестра всё говорила:

– Ты дружи с Пахмурой-Пахмуркой, эту не бери!

А он не послушал – взял эту Весёлую Весёлку.

Ну вот, взял Весёлку Весёлую. <...> Не хотела сестра. А он не послушался, да и женился на ней.

А женился, а они [он?] куда-то отправили [отправился?] работать. Ну вот, а брат да и говорит [уезжая], как оно там называется:

– Сестра, ты, это, тут береги свою, это, невестку, мало ли с ней что будя!

Ну вот [уехал брат], а она [сестра], что ни сделая, всё на эту на явоную, всё эту жёнку [валит].

Вот он приезжает.

– Вот ты говорил, береги сестру, а она, – говорит, – вот я была в положении, а она заставила убить ребёнка!

Ну, что делать? Он взял тогда, не знает: и сестру жалко, и эту жалко. И всё-таки он тогда решил сестру завезти. И он повёз эту в лес. Завёз он в лес, и вот она в лесу там и была. Жила, и уже руки отрубил он ей вот так [показывает на запястья]. И без рук завезена была в лес.

И вот там, в том лесу, царь, царёв сын.

Раньше цари были с собакой своей. И вот раз эта собака нашла след этой девушки: она была-то, что без рук.

Ну что делать? Вот она ето, а он и говорить:

– Выйди, дай мне хоть поглядеть!

А вона говорит:

– Я голая, раздетая! – говорит. Ето когда она уже в сад пришла, поэтому, когда они ушли.

А он приходит и говорит:

– Папка, – говорит, – я такую красавицу видел в лесу! Ну, – говорит, у неё рук нет!

А отец и говорит:

– Сынок, ведь нам ничего не делать она будет, – говорит, – только дома.

<...> И он принёс одежду, и она говорит:

– Положь там, я переоденусь тогда!

Уже в саду она уже. Приползла в сад явонный к царю.

Она красивая была. «Ну вот», – говорит. Эта, переделалась она и вышла. Правда, она красавица! И вот отец пришёл:

– Женись, нам ничего не делать всё равно! – говорит.

И вот она родила двух ребят, двух мальчишек с царёвым сыном.

Ну, и опять разузнала [ее золовка], что она родила сынов. А он [царев сын] был отправлен куда-то, [куда] писать далёко.

[Очевидно, опущен эпизод оговора царицы Весёлой Весёлки, будто бы родившей «неведомых зверушек»]

Ну, и вот оттудова она [золовка] пишет, как от мужика [будто бы от царева сына], что куда-нибудь день [народившихся], что до мово приезда куда-нибудь день, раз они таки.

<...> Это, матка плакала неродная, свекровушка, плакал свёкор! Её справили, подвязали ребят, за пазуху положили. И <...> пошла опять она: раз приказано, куда ты денешься?

И вот она ишла, ишла, ишла, ишла. Захотел малый пить. Ну, пить захотел! Она:

– Сынок, ну как я тебя же я тебя напою? – говорит, – <...> у меня ведь ручек нет!

– А ты, – говорит, – пригнися, – а [я], говорит, – нагнуся и, – говорит, – напыюсь.

Ну, когда один сынок стал один пить, и ей руки приросли. Руки стали*. Ей руки стали! Она оделась опять-то, перекрестилась. Напоила их и пошла, пошла.

И как раз вот в этот дом она пришла, где брат ейный с вот этой невесткой. Пляшут, скачут, всякие там делают, гармонь! <...>

Она подошла и стучалась, постучалась, чтоб ночевать пустить к нам. Ну вот, эта сама вот эта невестка-то ейная:

– Нечего делать! Тут и так теснота.

А мужик-то и сказал:

– Места хвати, пускай щё! Она на лежаночку ляги с ребятами, буди спать на лежанке!

Ну вот, ону впустили... Пустил ону, а потом етот [брат] спрашивает:

– Быть может, былицу* кто зная какую, что как это всё пригодится?

А мальчишка один [из сыновей Весёлой Весёлки] и говорит:

– Я, – говорит, – знаю былицу такую, как брат сестру завёз в лес.

Вот тогда и говорит: так и так! Признался [брат Весёлой Весёлки]: всё было!

Они там много говорили. А потом взял он жену и разорвал на куски, на конские хвосты:

– Ты, – говорит, – мне жизнь сгубила, и детей погубила!

И дети остались жить. Она с детям, и этот мужик стал с ей <...>

№ 66 (426) ПРО СЕСТРУ, БРАТА И ЗЛУЮ ЖЕНУ

Жили братец с сестрой. Родители у йих помёрли, ўот и жили они ўдвух. Ён охотиться ходил, а дом на ёй был.

Прийшла пора братцу жаниться. Ён сястре-то своей говорить, мол, я жанюся, но забижать тябя никому ня дам, с нам жить будешь. Яна-то, сястрица, умная была, яна и сказала, что нет, ня буду с вам жить, мяшать ня буду, ты тока поставь мне избушку у поле – я тама и посялюся, а ты заходи почашше, ня забывай.

Ну, так и стало: брат жанивши (а жанивши ён был на ведьминой дочке), а сестра онна-одинёшинька у своём дому живеть. Но брат яе ня забывал, каждый божий день к ёй захаживал и долго с ёй сидел, домой ня йшёл. А жана яво сястрицу-то ету нявзлюбивши, ой, как нявзлюбивши была! Яна и мужуку своему ўсё шаптала, мол ня ходи туды, а ён ня слушал и йшёл.

Раз брат уехавши был далёк, а жёнка яво возьми да руку собе разрежь. Брат вярнулси, а яна с порога:

– Глянь-к, что твоя сястрица любимая наделала: с ножом на мяня бросалася!

Брат пойшёл к сестре, она к яму кинулася:

– Братик мой милай, как я по тябе соскучала!

Ну, ён посидел у ёй, а потом и домой пойшёл, ничаво ня сказавши.

Потом брат опять отлучалси. А жёнка явоная ўсих овец выпустила, тые ўси убегли, а как мужик-то приехал, сказала ўсё на сестру явою.

Ён снова к сестре сунувшись был, да ня сказал и слова про овец етых проклятых. Жёнка ишшо пушшэ злиться стала.

Опять ён собралси, а жана, пока ён ездил, сынка-то йихнего ўзяла, да камушком головку пробила. Ён и помёр. А как брат пришёл, сказала, мол, прибегла сястрица твоя ронная, сумашеччая ўся, сынку-то головку и пробила. Говорить:

– Что, и теперь к сестре побяжишь, к убивице етой?

Ну, брат ня стярпел, ўзял топор и пошёл к сестре. Она кинулася яму на ўстречу, ён ўзял яе за руки, да руки-то и обрубил. И прогнал яе.

Яна пошла, одна-одинёшинька, долго йшла. Потом яблоньку увидала, ничейная вроде, стала яблук рвать, а – никак, рук-то в ей нет! Тогда яна ртом взяла, сорвала яблочко и пошла, заплакавши. На другой день ўсё поўторилось, на третий тож.

А яблонька тая была царская. Царь, узнаўши, что яблоки на ей пропадают, наказал дяжурить ўсим. А никто ня углядел. Царь ряшил тогда и сам дяжурить, пришёл ў сад, лёг, стал дожидать. Ў полночь увидел девку, да такую красивунную, што позвал к себе, просил жаной яму быть. Тая и согласилась.

И жили долго и счасливо. А потом царь на войну стал собираться, а жана явовая уж дитё под сердцем носила. Ён ўсем наказал, мол, нясите мне вести, как и что.

Царица бязрукая родила, а родила двойнят*! И собрали гонца к яму, ну, к царю. И царица тая яму говорить, мол, ночуй ў поле ў доме, тока дъверь запри, чтоб никто ня явивши был.

А ён и забыл, а золоўка-т свет увидала да примчалася. Ну, ён и сказал ёй, что счастье такое случилось. А спать лёг, тая у яво письмо онное вытянула, а своё сунула, где написан, мол, жана яму, царю, котят родила.

Царь письмо тое прочитал, написал ответ, мол, вярнуся скоро, дожидайте. А гонец-то опять ў том дому ночевал, опять дочка ведьмина письмо омменила.

Привёз гонец письмо, а там!.. Там написан, чтоб детишек умертвили уместе с матерью йихной.

Ну, что ж делать-то? Мальчишечку оннова ў хлеў кинули, думали, быки забодають, а яны на рога понняли мальчика и качають: «Спи, царёк, бяз матушки, ожидавши батюшку!»

Другого мальчика ў воду кинули, а рыбы яво пожалели, стали на воде качать: «Спи, царёк, бяз матушки, дожидавши батюшку!»

А царица тая пошла у лес. Грудь-т у ей разболелася, села яна на пенёк, заплакавши. Ўдзуг подлятел к ей журавель и ставши молоко с онной груди пить, напилси, а яна глядь! – у ей рука онна выросши. И с другой стороны прибег лев, молоко с другой груди пьеть, глядь! – и тая рука у ей выросши! А журавель с тым львом ў людей обратилися, и сказали оны ей, как йих ведьма так оборотила, что пока молока грудного не попьють, людям ня стануть.

И пошли еты ўтрэх* у лесную чашшу, а там замок стойить: тые два принцами были, пока йих ведьма ня оборотила. И стали тама жить.

А царь воротилси домой, как узнал, что жану яво и детушек бесъчесно умертьвили, чуть разума ня лишивши был. Яму рассказали, что дети яво живыя, а жана ушеччи, куды глаза глядят. Ён мальчонков-то своих расцаловал и поехал по свету жану искать.

Долго ён ехал, йискал, приехал ў лес, темно уж, видить: огонёк горить, едеть дальше: ет замок! Ён постучалси, яво ўпустили, обогрели, ён глядь, а яду на стол носить девушка красивунная! И на жану явоную похожа, да только у етой руки на месте. Ён на ее смотревши и заплакал.

А девушка тая яво пожалела, говорить, мол, ня плачь, я тебе сказку скажу. Жили брат с сястрицей, да брат жанилси, а сноха невзлюбивши сястру была, наклеватала, брат ей руки и поотрубал, сястрица пошла, куды глаза глядят, да не умерла, Бог миловал, царицей стала. А царю злые люди сказали няправду, ён царицу с детками убить наказал, а деток звери дикие – и те пожалели, а у царицы руки выросли.

Царь заплакал йишшо пушшэ, упал пред ей на колени, говорить:

– Я понял ўсё, прости мяня! Мяня омманули, тябя омманули... А ўсё ета ведьмина дочка!

И приказал царь ету злодейку привязать к хвостам кобылиц и пустить тех ўскачь, чтоб они ее разорвали.

А сам с жаной и рябятam своим стал жить долго и счасливо. А принц-Журавель и принц-Лев у йих частенько у гостях бывали.

№ 67 (43) БЕЗРУЧКА

Жил мужик, и был у него сын женатый и дочка. У сына мальчик народивши. Когда батька умирал и говорит:

– С работы пойдешь – к сестре заходи; на работу поедешь – к сестре заходи!

Отец умер, сын стал сестру проведывать. Вот он с работы идти – заходить. И на работу идти – заходить. Жена и приревновала его. Взяла зарезала его собаку и говорить:

– Вот ты всё к своей сестре заходишь, а она твою собаку зарезала!

Он промолчал. Опять на работу идти – заходить. И с работы идти – заходить. Жена тогда коня убила. Говорить:

– Вот ты к сестре заходишь, а она твоего коня убила!

Опять промолчал мужик. И снова заходить к сестре каждый день. Жена взяла тогда и мальчика зарезала. Говорить:

– Вот ты к сестре всё заходишь, а она твоего любимого сына зарезала!

Собрался тогда мужик молча и пошёл к сестре и говорить:

– Справляйся, со мной поедешь!

Посадил и мальчика зарезанного в сани положил, поехали. Приехали в лес. Ён и говорить:

– Ты собаку мою убила, коня загубила, любимого сына зарезала!

– Милый мой братец, ничего я этого не делала! Отруби ты мне руки по локти, к груди привяжи ребёнка и отпусти в лес!

Так ён и сделал. Она три года ходила по лесу с этим ребёнком. Пока она ходила, мальчик и ожил у неё на груди.

– Милая тётушка, напои меня, я пить хочу!

– Как же я тебя напою, у меня же рук нет?

– Ты подойди к реке, нагнись – я попью!

Она нагнулась, он оторвался, поплыл:

– Милая тётенька, поймай меня!

– Как же я тебя поймаю, у меня рук нету!

– А ты попробуй!

Она болтых одной рукой – рука стала*! Она болтых другой – другая стала!

Вот она вытянула мальчика, пошли они в деревню. Они ходили-ходили, ночевать просюются в деревне. И попали как раз к этому брату. Он говорить:

– Пущу, если сказку расскажете!

Сестра говорить:

– Я-то не знаю сказку, вот если мальчик расскажет!

– Я скажу. Но если будете поправлять, то за первую поправку двести рублей давайте, за вторую – триста, а за третью – ещё больше!

Зашли они, и мальчик начал рассказывать сказку, всё как это было. Что жил брат с сестрой, как батька их умер, что брат заходил к сестре каждый день, а жена приревновала и убила она собаку. Тут жена как закричить:

– Неправда, неправда, не ври!

– Денюжку выкладывай!

– Ладно, выложу!

Опять мальчик говорить, как это было. Как дошёл до того, как коня убили, опять жена закричала:

– Неправда, неправда!

Пришлось триста рублей ей выложить.

Опять мальчик продолжает говорить. Как дошёл до того места, как сына зарезала, тут бабу забрало, она как закричить:

– Не ври! Вон!

А мужик говорить:

– Нет, погоди! Говори дальше!

Дошёл мальчик до того места, как они в дом проситься стали:

– Вот, здорово, папа! Это я да тётка!

Тогда мужик взял жену, да и застрелил. А сам стал жить с ними.

№ 68 ПРО БЕЗРУЧКУ

У одного богатого барина была в работницах красивая русская девушка. А у него был сын, у барина. И сын был озорной, нехороший, ну и он эту девочку обольстил, эту девушку. Обольстил, обещал взять замуж. А по положению..., они встречались все тайно, с ним всё время случались тайно, а когда барин узнал, что у неё будет ребёнок, он её и выгнал с работниц.

Куда идти? С горничных. Куда идти? Домой пошла, к родителям. А тогда законы были строгие. Это считалось большим позором, если у девушки рождается ребёнок. Разгневался отец на дочку, отрубил ей руки, обе руки, привязал ей грудное дитя полотенцем на грудь и вывел за ворота, в надежде на то, что она погибнет где-нибудь в дороге.

Шла бедная девушка, питалась она ягодами, прямо ртом срывая с веток, плодами, какие попадали, прямо с яблони откусывала яблоки, всё, чем могла, рук-то не было. А когда захотела пить, никак ей, жажда мучит, и никак не попить. Дошла она до колодца, наклонилась к колодцу, чтоб воды попить прямо ртом из колодца, а ребёнок и вывалился, вывалился и плавает этот свёрток поверху. Смотрит мать, пропадает дитя, молится: «Господи, спаси ты мою крошку, помоги мне, Господи, невинную душу спасти». И свершилось чудо: выросли у неё руки, ухватила она этого ребёнка на руки и пошла.

Идёт она по дороге, встречается ей на коне добрый молодец и говорит:

– Куда ты идёшь, девушка?

– Иду, сама не знаю куда.

И взял он её к себе, и стали они жить богато и счастливо.

Ну вот тебе и эта сказка.

(Это хотят то ущипнут, то толкнут, то как эту вот горничную. А горничных-то, а горничных-то брали девушек всё красивых, стройных. И до тех пор горничная живёт, пока одна. А как только хозяин да хозяйка учувствуют, что у неё что-то будет, так её и выпроваживают: «Иди на все четыре стороны».)

№ 69 ЖЕНА ЦАРЕВИЧА И ЗАВИСТЛИВЫЕ СЁСТРЫ

Жили-были три сестры. Сын царя любил младшую. Старшая работала поварихой, вторая была прислугой. Старшая хотела замуж за царевича.

Он приедет, побудет и опять уедет. Младшая в это время забеременела. Царевич уехал, а она тут осталась. Царевич письмо напишет, а сёстры переймут, не отдадут! Она тоже напишет, а они опять перехватят!

Тогда повариха написала письмо царевичу, что родился ребёнок, и нехороший ребёнок! А она хорошего-хорошего родила мальчика! Он рос по часам и минутам, а не по годам. И вырос он очень хороший.

Думали-думали [завистливые сестры], куда их деть. Повариха придумала посадить их в бочку, а бочку бросить на озеро.

Царевич приехал, а они ему всё рассказали. Пришёл он туда, где рыбаки рыбу ловят и говорит:

– Вы не видели нигде тут развалившуюся бочку? (Сын, когда вырос, упёрся ногами в дно бочки, бочка и развалилась. Выдавил дно и на берег вышел и мать свою вытащил).

– Нет, – говорят рыбаки, – не видели! А вот мы видели чудо: на той стороне озера ничего не было, а теперь такой поставили терем, и так там красиво! И там мать с сыном живут.

Царевичу никак туда не добраться было. Всё он хотел, чтоб ему мост построили.

Когда мать с сыном вылезли из бочки, они там город построили. И церковь у них была, и всё было. Так Бог дал.

И добился царь, чтоб ему мост построили, хотя туда совсем не было прохода. И нашёл он свою жену с сыном. А повариху рассчитали и посудили. Судил её царевича сын.

№ 70 (44) ЖЕНИХ ИЗ БОЧКИ

Велела мачеха заковать своего неродного сына в бочку и бросить в море. Так и сделали. Долго плавал он в бочке по морю, пока не вырос, сил не набрался и не стал у той бочки дно выламывать.

Однажды одна девушка стояла на берегу и смотрела на море. Видит: плывёт по морю бочка, а в ней кто-то дно выламывает.

Сказала она об этом родителям. Поехали родители и вытащили бочку. А в ней красивый парень. Познакомились девушка с парнем, полюбили друг друга и поженились.

Жили они долго и счастливо.

№ 71 ПРО БАРИНА, ПЕТУШКА И ГРИВЕННИК

Однажды один, это, петух... Жил-был петух. Нашёл он гривенник*. И... А его поймал барин и отобрал у него этот гривенник. От петушок всё время за этим гривенником! Придёт к этому барину, взлетит на изгородь и кричит:

– Барин-барин, отдай мой гривенник!

От барин и говорит:

– Поймайте этого петуха и запрягите в баню! Натопите хорошо и запрягите его в баню!

Ну, поймали слуги этого петушка... А-а-а! Не в бане первый раз, а это... за... «Утопите его в бочке!» От, взяли его в бочке и утопили. Он, это, в бочке сидит с водой... Не утопили, ну, посадили его в бочку с водой, а он сидит и гово... и приговаривает:

– Попа-попа, пей водú! Попа-попа, пей водú!

Выпил всю вóду, выскочил оттуда. На следующий день опять кричит:

– Барин-барин, отдай мой гривенник!

Ну что с этим петухом делать?!

– Запрягите его... Натопите жарко баню, запрягите туда его в баню! Ну так и сделали слуги: натопили баню, заперли яво. Сидит, кричит: жарко там! Ну, он что делает?

– Попа-попа, лей водú! Попа-попа, лей водú!

Залил эту баню, это... водой и вышел живой и невре... неведимый. На третий день опять он кричит:

– Барин-барин, подай мой гривенник! Барин-барин, подай мой гривенник!

– Да как же он мне надоел! Добрые слуги, зарубите ему, отрубите ему голову и сварите мне суп!

Ну так слуги и сделали: отрубили ему голову, барин съел его. Съел этого петушка. Захотел он в туалет! Пошёл в туалет, это... снял штаны, стал... хотел покакать там. Только это присел, и вдруг! – вылезает голова и опять кричит:

– Барин-барин, подай мой гривенник!

Он говорит:

– Слуги, рубите ему голову!

И слуги подскочили, как ахнули! И барину там... отрубили ноги! Ну, вот так [показывает]. Промахнулись, мимо петушка и досталось барину! И вот теперь барин стал... пострадал. А петушок опять вышел живёхонек, и опять... ещё кричал:

– Барин-барин, отдай мой гривенник!

Пришлось барину отдать гривенник этому петушку. И сам пострадал, и деньги отдать!

[Смеется] Ну там это вот так говорится: «Попа-попа...». А бабушка рассказывала: «Жопа-жопа, пей воду! Жопа-жопа, лей воду!»

№ 72 (45) ВЕЩИЙ СОН

Жило два брата: богатый и бедный. Однажды бедному приснилось: «Иди к реке, к двенадцати часам, к папоротнику. Лежить там твой дворовый* в красной рубахе».

Приходить и видеть: спать старик. Разбудил ён старика, а тот говорить:

– Ну, иди домой!

Приходить домой, а у дому всё богато. Так и стал ён богато жить.

№ 73 КАК СОЛДАТ КЛАД ДОСТАЛ

Мужик построил новый дом. Пошёл сын туда спать. Он лежить и слышит, что кто-то говорить:

– Вылезу! Вылезу!

Сын спужался и ушёл. Пришёл и говорить, что там кто-то кричить.

Тогда пошёл батька сам спать. Как двенадцать часов ночи – слышит:

– Вылезу! Вылезу!

Тогда баба пошла. И тая тоже так.

Идет солдат. Заходить, просится в дом ночевать.

– Мы пустим, только в новую избу, – говорить хозяин.

Солдат и согласился.

Лёг спать и вдруг слышит:

– Вылезу! Вылезу!

– Вылези!

– Вылезу, вылезу!

– Да и лезь, хвороба с тобой!

– Развалюсь!

– Разваливайся, хвороба с тобой!

Раз – сундук: и развалился! Это, значить, клад, золото.

Пошёл солдат мужика будить. Рассказал солдат всё, как было.

Стали они жить-поживать да добра наживать.

№ 74 (46) САПОЖНИК И КУПЕЦ

Жил на свете бедный сапожник. Бедный он был потому, что пил. Заработает деньги – пойдёт пропьёт, прогуляет. И был у него сосед – купец. Купец был богатый. Много у него денег было, да вот только был купец невесёлый. Боялся, что деньги у него украдут. Вот видит купец, что сапожник весёлый, и ему тоже захотелось таким быть. Вот пришёл он к сапожнику и говорит:

– Брат сапожник, возьми мои деньги!

– А на что мне они? – спрашивает сапожник.

– Да так просто. Хочу быть весёлым, да из-за денег не могу.

– А что мне с ними делать?

– Да хоть пропей! – ответил купец.

– Ну, ладно. Неси!

Вот стало у сапожника много денег. Только страшно ему стало по ночам: вдруг воры унесут деньги! Вот мучился-мучился сапожник, да и отнёс обратно деньги купцу:

– На, возьми своё богатство, – говорит сапожник, – от них один вред и мука.

Отдал их и снова стал весёлый. Стал гулять и ни о чём не думать.

№ 75 (47) НАЛИВНОЕ ЯБЛОЧКО И ЗОЛОТОЕ БЛЮДЕЧКО

Жил мужик с бабой, было в их три дочки: две модницы, а третья – тихоня. Которые боевые, эти всё были первые, а она – всё позади.

Однажды поехал отец в город и спрашивает:

– Что вам, доченьки, привезти?

– Хорошее платье!

– Туфли на высоком каблуке!

Третья молчала.

– А тебе, доченька, что?

– А мне, папа, привези золотое блюдечко и наливное яблочко!

Когда приехал отец, его встречают с радостью, мерюют, а она всё катает яблочко по блюдечку и смотреть, потому что там всё видно: всякие города, всякие моря, всякие горы... всякое всё, что есть на свете!

Когда обнаружили это сёстры, сильно им понравилось: интересно! Одна отдаёт свои туфли: «Дай яблочко!» Другая: «На платье!» Она: «Нет!»

И они решили её убить. Позвали за ягодами, завели в лес, в далёкий, там они её убили. А зарыли неподалёку от дороги.

И прошло уже не так мало времени, и выросла там на могиле всякая трава и тростина* одна. В то время проезжал там горшан* (приезжая, бывало, в деревню – тук-тук кнутовьем* в окно: «Эй, хозяйка! Выходи, не надо ли горшков?»). Срезал он эту тростину и сделал себе дудку. Хотел он поиграть, и запела дудка:

– Поиграй-ка, дяденька,
Поиграй-ка, родненький!
Нас три сестрички было –

Меня, третью, сгубили
За золотое блюдечко,
За наливное яблочко!

Удивился горшан!

Приезжает он в деревню эту. Собрались бабы евоны
горшки покупать. Он и говорит:

– Бабы, хотите, я вам [в] дудку сыграю?

– Сыграй, сыграй!

Дудка запела:

– Поиграй-ка, дяденька,
Поиграй-ка, родненький!
Нас три сестрички было –
Меня, третью, сгубили
За золотое блюдечко,
За наливное яблочко!

И там была как раз её мать. И все удивлялись, что дудка
всё одно поёт. Тут взяла её мать:

– Поиграй-ка, маменька,
Поиграй-ка, родная!
Нас три сестрички было –
Меня, третью, сгубили
За золотое блюдечко,
За наливное яблочко!

Тогда его [горшана] спросили, где он взял эту дудку. И
что? Он свёл их на эту могилу, разрыли и эту девочку нашли.

Тогда были эти убийцы строго наказаны.

№ 76 (48) СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЕЧКО И НАЛИВНОЕ ЯБЛОЧКО

Жили дед да баба, и были у них три дочки. Две
нормальные девки, а третья, младшенькая, забитая уж очень
была, вроде как и неумная. Вот как-то собрался дед в город
ехать и спрашивает у дочек, что им привезти. Одна говорит:
«Папа, купи мне платье хорошее!» Вторая: «Мне юбку с
кофтой!» А Машенька молчит. Дед спрашивает:

– Машенька, а тебе что?

– А мне, батюшка, серебряное блюдечко и наливное яблочко привези!

И уехал дед в город. Всё купил, приезжает домой. Старшие девки перед зеркалом вертятся, примеряют обновки. А Машенька отошла в уголок и притихла там, приговаривает:

– Катись, катись, яблочко наливное, по серебряному блюдечку и покажи все моря и города!

Катится яблочко по блюдечку и показывает, что на свете делается.

Забрала тут сестёр жадность. Замыслили они злое дело. Позвали они Машеньку в ягоды, убили её и положили под выверток*. А сами пошли домой, а отцу сказали, что она заблудилась.

Пригнал к выворотку* свое стадо пастух. А в ту пору вырос на выворотке стебелёк. Срезал его пастух и сделал пастырелочку*. Заиграл на ней, пастырелочка и запела:

– Не ты меня убил,
Не ты меня загубил,
А убили меня две сестрицы
За серебряное блюдечко,
За наливное яблочко!

Узнал про это отец, прогнал своих злых дочек из дома. Машенькины косточки привёз и захоронил.

№ 77 (49) УГОДНИК И ЖАДНЫЙ ПАРЕНЬ

Ишёл Угодник*. Подходит к нему парень и говорит:

– Пойду с тобой!

Ну, и пошли. Ишли, ишли и захотели есть. У Угодника была просвирочка. Разломал он её на три части: одну парню дал, другую сам съел, а третью на руке оставил. Сам отвернулся, как бы поглядеть в сторону, а парень – хватать её и съел! Поворачивается Угодник, а просвирочки нет. Говорит:

– Ты съел просвирочку?

– Нет, не я! – говорит.

Ну, пошли дальше. Подходят к речке, а Угодник говорит:

– Пошли прямо!

А парень ему:

– Ты что? Утонем же!

Ну, ладно, пошли они. Идут по речке, как по мосту. Угодник спрашивает:

– Скажи, ты просвирочку съел?

– Не, не я! – отвечает парень. Стал он по колено проваливаться.

Ладно, идут дальше. Опять Угодник спрашивает:

– Скажи, не ты просвирочку съел?

– Да не, не я! – отвечает парень. Стал парень проваливаться по пояс, а всё равно не говорит.

«Ладно, – думает Угодник, – всё равно скажешь!» Идут дальше. Опять Угодник спрашивает про просвирочку, и опять парень не признался. Стал он совсем тонуть, и вода уже в рот, а всё одно не говорит!

Пожалел Угодник парня. [Вытащил из воды.] И пошли они в лес. В лесу нашли кучу золота. Стал Угодник её на три кучки делить. Одну себе взял, другую парню дал, а третью опять оставил. Парень спрашивает:

– А кому ты третью оставил?

А Угодник говорит:

– А это тому, кто просвирочку съел!

– Так это ж я её съел! – сказал парень.

– Вот видишь: за золото и сознался, а за жизнь не хотел! – ответил ему Угодник.

№ 78 (50) БЛАГОДАРНЫЙ ЧЁРТ

Я шёл около речки. Вижу: на берегу реки сидит мужик. А к нему подкрадывается волк. Так я ему крикнул:

– Мужик, волк съест!

Он так в реку и увалился! Я его спас.

Пришёл домой, лёг спать: завтра везти лён на базар. И вот во снах этот чёрт пришёл и говорит:

– Ты завтра лён поедешь продавать. Я там буду. У тебя двадцать головок*. А я сделаю больше. Сяду на весы, и лён будет тяжким*. Много получишь денег!

Мужик поехал продавать лён. Лён тяжкий, грузный*.

– Да, правда, чёрт не омманил: сидит на весах!
Теперь мужик приехал домой, привёз полный кошелёк денег.

Во снях опять пришла нечистая сила.

– Доволен? – спрашивает меня.

– Доволен, – говорю я.

Вот чёрт-то хитёр!

№ 79 КАК ЧЁРТ БОГУ ЖАЛОВАЛСЯ

Собралися однажды Бог и чёрт на горе, походивши по миру. А чёрт и говорить:

– Чаго хожу – усе мяня ругають? Пойдём, хочишь, уместе – ты сам посмотришь!

Ну, и пошли они. Взошли ещё на одну гору. А там тьялёнок завалилси у канаву, и хозяева никак ня могут выташшить яво и кричать:

– Вот чёрт яво туда заташшил!

А потом наконец-таки выташшили и говорить:

– Слава тябе, Господи, Бог помог!

А чёрт тада и говорить Богу:

– Вот видишь! Как жа так? Ведь ты тама ж ня был, а тябя хвалять!

№ 80 КАК КОРОВУ ТЯНУЛИ

Корова зашла в трясиноу. А сидел Ыосподь и чорт. На берягу. Пришли её тянуть и... ну, народ, там, хто. И гврит [говорит]:

– И куда теё черьти занясли?!

А чорт и гврт:

– От видишь, ну, я ж не мяшал! Я ж её не пихал туда!

Когда вытянули [посмеивается], гврят:

– Слава тебе, Ыосподи! Ыосподь помог: вытянули корову!

Гврит:

– Вот и ты ж не помогал, зачим же оны так говорят?!

№ 81 КАК ДЕД ЧЁРТА ИЗ БАНИ ВЫГНАЛ

Жили-были дед с бабой. У их хатёнка нейкая*, клятушка старая, ды банька кривая. Вот яны каши просянэй* наварють, наядутся и качаются* удвоих по пёчы. А ў концы нядели дед баньку стопить, намыются, раскрашнейются! И живут так, ўоря не знаўши.

Только чериз какая-то ўремя начáў дед примечать, что ў баньки нешта неладное творится: то шайку нехто схуваить*, то водой ўорячей с каменки прызьнить, а то напусьтить уўару целую баню – са-а-ўсим мыться невозможно!

Вот и ряшиў дед подстяречь тóуа, хто яму бяду тварить. Отчыниў* ноччу баню, залез на полук, притулиўся в уўолочку и сядить не шелохнуўшись.

Сидеў-сидеў – нет ниде ничох! «Ну, – ряшиў, – верна, ни даждуся!» Только собраўсь домоў идти, ноўи з палка звесиў... и абамлеў увесь: з-за пёчы на яўо два ўлаза ўлидять, красными такие, как вуўли!

Спужаўсь дед дужа, а яму и ўовóрють с уўла:

– А что эта тебе, дед, ноччу на полук усыпёрла? Ай попариться захотеў? Ходи, удружу!

Тут шайка с полка подскочыла, чарэп* воды с котла ды на каменку! Как навалило па-ару! (А баня ужу три дни как ня топлена!) А тут и веники: давай деда по бокам стебать! Кой-как увярнуўсь, одяжонку схватиў ды бечь оттуль! Насилу утёк!

– Та-ак и та-ак, – ўовóрить, – завёўся у наший баньки ... чорт!

Послухала баба и ўовóрить:

– Ну-у, з етый бядой, Боу дась, справимся!

Наўчыла баба деда, что как сделать надо.

Пошёў дед на друўей день опять у баню: перекрестил уси двери, вокошечка маленькая, а тады и по уўлам хрёст положил.

Чуить только, как-т хрипить нехто да зубам скрижашшыть. Видать, ня дужа* хрёст святэй чорту по нутру пришоўсь!

А дед опять баньку натопиў ды у первый дух и полез на полук. Чуить – пишшыть нехто в углу. Ўлядь: сядить чартёнок, ма-аленький, лохма-атенький, только ўлазёнкам лупаить*.

– Отпусти ты мене, – ўоворить, – я тебе больши ничох тварить ня буду!

А дед яму:

– А хто тебе тут дяржить? Откуль узяўсь, туды и отправляйсь!

– А чартёнок яму:

– Ну, прочыни* задвижку троху*, я и вайдў, а тебе больше тревожить ня бу-уду!

– Протянуў дед руку к задвижке, а сам думайть: «Вот тут я тебе, нечысь, и обману!» Тольки чартёнок ускочыл на полук, а дед хватъ яўо за хвост и давай веникам обхаживать, а тады – ма-а-ахиль яўо у котёл с кипятком! Чорт только ноўи унёс от деда!

А у баньки с той пары, праўда, ниhto больше ничох не творить. А на кажное Хряшшэння на двярыне хрястки* рисують, чтоб никакая нечысь не завялась.

Яно и сичас, как мыишься у бани ды пляснёшь на каминку шайку вады, дык кипятук ува вси-и стороны лятить: эта чорт усё злится да слинькам* воўненным плюётся!

№ 82 СОЛДАТ И ВЕДЬМА

Как бывало раньше: идеть солдат домой, подходит к погосту*, а навстречу ему девушка, хорошая дивчина. «Хорошая девушка, да не объезженная!» – говорит солдат.

Приходит домой. А дома у него ещё бабушка жива была. А та и спрашивает:

– Как ты со службы домой шёл-то?

Солдат и рассказал всё. А она и говорит:

– Это же нашего попа дочка! А она колдунья. Теперь горя не оберешься! Сегодня ночью придеть к тебе!

И учит его:

– Ты бери уздечку. Только переступит порог, накинь её и бей по голове!

Так и было. Вскочил он на неё верхом, держит за уздечку, а сам бьет поленом! Кобыла повертелась и сдохла.

Наутро слышать: попова дочка умерла.

Приходить поп и просить солдата:

– Послужи службу! Покарауль дочку!

Солдат и говорит:

– Сперва к бабушке схожу спрошу!

– Ну, иди!

А бабка и говорит:

– Идти нехорошо, а не идти ещё хуже. Иди!

И посоветовала ему спрятаться в печку.

Он так и сделал. А попова дочка ночью стала его искать.

Искала, искала, да так и не нашла: не успела – петуны* пропели.

Поп дал ему сто рублей.

На следующую ночь – то же сама. Пошла она искать, а он на печку спрятался. Она опять не успела найти. Дал поп ему сто рублей.

На третью ночь приходит поп и просит посторожить. Бабушка советует:

– Бери сковороду, сядь на колпак*.

Так он и сделал. Встала поповская дочка. Искала, собрала чертенят – не нашли! Сходили за главным. Тот пришёл и нашёл сразу. А взять-то нельзя! Он и говорит:

– Бежите по полю, собирайте огарки* от костров!

Побежали чертенята по полю, но не успели: петухи запели – солдат остался жив.

Приходит поп на следующий день к солдату и просит:

– Сослужи службу, похорони дочку!

Спрашивает солдат совета у бабушке, она и говорит:

– Положи в гроб, набей три обруча, сядь на гроб и поезжай! Лопнет, – говорит, – первый обруч – сиди, лопнет второй обруч – сиди! Лопнет третий обруч – вперед кобылы задом!

Так он и сделал: положил в гроб, набил три обруча и едит. Лопнул один обруч – сидеть, лопнул второй обруч – сидеть, лопнул третий – он встал и пошёл впереди первой кобылы задом.

Поповская дочка выскочила, бегала-бегала, искала, но не нашла. Кончилось её время, нужно было ложиться в гроб.

Похоронил её солдат и кол осиновый забил.

А поп вечером и говорит ему:
– Сильная* у меня была дочка. А ты еще сильнее!
И дал ему двести рублей.

№ 83 (51) СВЯТОЙ НИКОЛА И МУЖИК

Боуатый... Это. Бедный у боуатого денех одолжил мноуо. Да. А у него отдать нечем денех... (Вы включили? Не надо. Аүа. А то, може, я... А потом я переправлюсь.)

– Отдай мне долх!

– А у меня ничего нет.

А у него нечем отдать.

– Отдай!

А у него нечем отдать, бедному. А у него ничо-ничо нетути. Потом он уовóрить, что это: «Как же мне его обмануть?» А у его была икона, это.. название от... Никола*, Никола такая была, Отче Никола*. Он [богатый] пришёл и уовóрить, что это:

– Будешь отдавать деньги или не? А то я сейчас с тобой разбюраю. Отдавай мне долх!

[Бедный отвечает:]

– Знаешь что? Это... Я... Былй у меня деньги, а я ўзял, положил ў божницу*, а Отче Никола ўзяў деньуи, и ня знаю, где деньуи, не отдаёт мне деньуи. Куда делись деньуи, ня знаю.

(Икона... На эту икону свалил.)

Ах, дак это так! Он [богатый] взял эту икону, снял икону и повёз ее дороуой: «Я сейчас деньги буду брать у ей!»

Вёз-вёз. И начал он эту икону бить. Стебал он её там, стебал:

– Отдай деньуи! Отдай деньуи! Отдай деньуи!

(Икона же ему не отдаст деньуи!) А ехал один человек молодэй, неженатый, холостэй человек ехал. (Уже давно слыхала, уже забыла. Молодая – это я помню. А чтобы старая стала – это я быстро забываю.)

Едет человек молодэй:

– А что ты делаешь?

– А это, – грить, – я Отче Николу бюу.

– А зачем ты его бьёшь?

– А ён денех мне должен. Мне человек должен денех бедный. Ён положиў деньџи в икону, мне долх отдать. А ён деньџи не отдаў. Забраў деньџи и не отдаётъ мне деньги.. А я яго бью. Пускай мне отдаст деньџи!

Он грить:

– Слушай, а сколько тебе тот мужик должен денег?

– Вот стоко да и стоко.

– Ну хорошо. Отдай мне эту икону, ня бей больше, отдай мне яе, а я тебе отдам деньџи! Отдам долх тябе.

Взял, заплатил, а эту икону взял сабе и повёз. А деньги яму отдал. Этот рад, доволен, икону эту кинул. Рад, что тот деньџи отдал ему.

Вот и этот человек, который взял эту икону, он стал встречаться с Отчем Николой, живым, живым Отчем Николой стал встречаться, после этоџо всяџо. Он стал яџо видеть, встречаться з им.

И тута вдрух стали тады уже при цари (это ж при цари-при цари!) стали яџо [молодого человека] брать в армию. И надо было ўсим царю подарок несть какой-то. Для царя. Такой был закон. Что-то надо царю несть на подарок. Ён ўлядит: кто какой подарок принёс, куды он определит этоџо солдата.

Вот. Он [Никола] сказал, что:

– Ты подарок не купляй, я тебе дам подарок царю.

И ён дал яму подарок:

– Ўляди, никому не показывай и сам не ўляди. Отдай только царю (этот подарок)!

Он же ня знал, что он там купил. Вот вси подарки нясутъ-нясутъ, солдат мноџо. Вси даютъ подарки. Царь ўлядитъ, откладываетъ-откладываетъ: тоџо туда, тоџо туда служить, тоџо туда. А тоды отдал ён подарок. Он подарок поўлядел, поўлядел на этоџо человека [молодого человека] ничего не сказал. Грить:

– Ты служить не пойдёшь, ты будешь дома, не пойдёшь служить!

Вот. И он яџо в армию не послал. (Ну Отче Никола знал же, что он яму дал.) Яџо стал встречать Отче Никола, этоџо человека. И сказал яму так, что, это:

– Есть закаятая* деушка, закаятая. И ты должон её отчитать*! Её надо отчитать. И ты яё отчитаешь!

Наставлял яю: үде яна ляжит в гробё:

– Отчитай!

И ён всё эту деушку отчитывал*.

– Эта девушка будет твоя. Ты должён отчитать яе!

(Заклятая. Так раньше заклинали* ж людей! Это сейчас уже не.) Он эту девушку отчитывал. И читал*, и читал ей много дней, много ночей. Читал и читал. Один только з ей был один на один. Только вдвоём*. А она вспрыгивает, беует, носится, кидается!

– Читай, и пока будет беует, и накинь ей хрест на шею. Накинь хрест ей на шею. Тоуда уже ты яе не бойся.

Почитал*, почитал. Читает, читает ночь, и одну, и друую, и третью. Она вспрыгивает. И там бросают чем-то на яю. Поленьям, мешкам махают на яю (Ужо она ж закаятая, это нечистая сила!). Она вспрыгнет, уоворить, его кровью запрыгали, всем запрыгавана она.

– (Она) вспрыгнет, беует, а ты не бойся и не уляди, и не уляди! (Так он учил яю) И не уляди никуда и не отдыхай! И читай, и читай, и читай, чтоб перядо́ху не было! Ты не бойсь, она тебе ничаю не сделаеть.

А она вскочила, кровью яю прыгала, кинулась, беуала, веялась* там ўсяк-ўсяк. Потом читал-читал последнюю уже ночь, читал-читал-читал-читал. Потом ўскинул ей хрест на шею. Она вскричала, как взорала, как взорала, как вскричала! Но всё, он уже отчитал, она в гроб уже не ляула. Отчитал от нячистой силе.

Тогда Отче Никола яму повстречался, сказал, что:

– Это будет твоя жана.

Она такая добрая такая, сильно уж умная такая; жану яму такую посоветовал, ну только отчитать яё надо было.

Вот гово́рить:

– Тяперь ты з ей будешь жить ўод. Не пускай её только, уляди, к воды, к воды не пускай, ўод не пускай её к воды. И ўод з ей живи, но уляди, только з ей не живи так, как с жано́й, не живи, а так живи, как с девушкой. Она тебя будет просить, молить, умолять – будет тебе ўсяк и поўсяк! Смотри, з ей ўод, чтоб ты з ей ўод ничаго, чтоб ты з ей никакого ўрэху не имел бы.

Так живи, как с чужим, как с сестрой, как з матерью! Цельный год ты должон так жить, цельный год. Нельзя!

И вот ён жил з ей под год. И всё Отче Никола ему встречаёся, всё спрашивал, всё оговорил з им, всё советовал, помогал ему ў жизни, Отче Никола. А потом, коуда год этот пройшёл, коуда он стал з ей жить, тоуда Отче Никола уже ему встречаться больше не встал (когда он уже поимел үрех): тогда оно уже не положено ему было встречаться.

(И он так стал с этой девушкой остался жить. Так старуха рассказывала.)

№ 84 (52) БОГАТЫЙ ЖЕНИХ

Вот случай расскажу. Он был в солдатах и жил далеко. Он девушке говорил, что у меня лавка, мельница. Привёз и показывать стал: лавка – садятся на которую, а мельница – жернова крутят.

№ 85 (53) КАК ОДИН МОРЯК НАИГРАЛ ДЕНЕГ МНОГО

Был богатый. У него был сын и дочка. Дружил с попом. Богатый уехал, а дочку оставил в своем богатстве. А уезжая, наказал за хозяйством глядеть, по дому справляться. Она и глядела.

Как-то пошла она в баню мыться – и священник за ней в баню! Она и говорит:

– Ты зачем пришёл?

А он:

– Я пришёл тебе спинку потереть!

Он разделся и только морду показал, она на него и вылила кипяток! У него чуть шары не вылезли! Он остался лежать ошпаренный, а она вымылась и пошла домой.

А его зло взяло, и написал он её отцу письмо, что твоя, мол, дочь гуляет и всякие нехорошие дела делаеть.

Барин и говорить сыну:

– Поезжай, узнай и отруби ей голову!

Приезжает брат домой, а сестра и хозяйство ведёт, и по дому справляется, и в избе у неё чисто. Брат говорит сестре:

«Ехал я, мол, так и так!» А сестра и рассказала ему всё. Брат-то и говорит:

– Ты войди* с батькиного царства!

Она немножко взяла себе [добра] и ушла. А брат отрубил собаке голову и повёз домой. Привёз, а отец и говорит: «Собаке – собачья смерть», – и выкинул голову за двор.

А сестрица шла-шла и зашла в лес, в избушку. А там разбойники жили. В первой половине – собаки, во второй – ружья стоят, а в третьей они спят. Разбойничистые* на работе были, один повар остался. Попросила сестрица поесть. Накормил её повар. Посидели они, и положил он её спать, наказав:

– А ты, когда пойдут мои разбойнички, только братьями их называй!

Вернулись разбойнички. Повар им и говорит:

– У нас есть сестрица, она сейчас спит.

Позвали её, и стала она там жить.

Узнал брат, что она жива, и прислал ей с бабкой гребешок и чёрное платье. Только она впихнула гребешок в волосы и одела платье, сразу и заснула. Братья думали, что умерла, в стеклянный гроб положили, а сам гроб под дуб поставили, чтобы, когда шли на работу, к ней заходили.

А тут однажды моряк поехал с друзьями на охоту и увидал гроб под дубом. Видит, что лежит как живая! Приглянулась она ему. Забрали они её и привезли в царство уже другого барина. Привезли и поставили в сарае. И просит моряк, чтобы мать в дом разрешила занести:

– Мама, лежит во всём чёрном, купи ей белое платье!

Мать посмотрела, пожалела и купила ей белое платье. Как только накинули, она мелькнула* глазом. Сын говорит:

– Одевай, одевай скорей!

Как одели – оживилась, села и сидит.

Ну, и стали они жить. Живут они и живут. Сколько лет они живут, а захотелось ей узнать, как родители живут. Договорились они с муженьком, посадил он ее на корабельник, а сам говорит:

– Потом приеду!

Ехали они, ехали, понравилась она шибко корабельщику. Стал он к ней приставать. Бросилась она у воду, добралась до берегу, а там старушка её обогрела.

Приходит она в избушку к родителям и просит, чтобы взяли на работу. Взяли её курятницей.

А тут – хлоп, приезжает у гости моряк! Сели они за стол, пригласили всех, а он говорит:

– А уж больно мне ваша курятница понравилась!

Пригласили и её. И тут поп ошпаренный у гостях сидит. Все за столом на курятницу смотрят, что, вроде, на дочь [богатого] похожа.

– Ну, кто будет чего рассказывать?

Моряк рассказал про невесту, как он женился и говорит:

– Всем молчать, но всем признаваться в своих грехах! Кто скажет слово – сотню на стол!

Курятница и рассказала про жисть свою. А поп-то и закричал:

– Каюсь, я это был!

По уговору молчать надо, ну и положил поп на стол сотню. Потом батьку заставили сотню положить. Потом батька стал рассказывать и рассказал про дочку свою.

Тут-то и говорит моряк:

– Плох отец, что выгнал детёнка из своего царства!

Ну, и рассказал всё отцу.

– Я живу, – говорит, – с твоей дочкой, как барин.

И подписал тогда батька её всё именем моряку.

Вот как один моряк денег наиграл!

№ 86 (54) ПРО ИВАНА И МАРЬЮ

Жили-были брат и сестра, Иван да Марья. Жили они счастливо, помогали во всём друг дружке, слушали один одного. И всю свою жизнь они не хотели разлучаться. Прошло время, задумал Иван жениться. Взял за себя девушку из соседней деревни. Была она красива лицом, но зла сердцем. Невзлюбила она Марью за то, что та была красивее её, и решила погубить. Стала мужу наговаривать, но не слушал её Иван.

Тогда решилась она на хитрость. Пошли они с Марьей как-то в лес за птичьими яйцами, и набрала Анна вместо птичьих змеиных яиц, а придя домой, подложила их Марье. Марья съела их, и страшная болезнь напала на неё. С каждым днём она становилась толще, дурнее. Анна опять стала мужу наговаривать, чтоб выгнал из дому сестру, а то она и на них порчу напустит, но не послушал её Иван.

Прошло время, и родился у Ивана с Анной сын. Очень любил Иван сына, но случилась беда. Анна по неумению своему и неопытности заспала* ребёнка, а чтоб оправдаться перед мужем, взяла и схоронила его. Потом убила курицу и вымазала кровью спящую Марью. А когда вернулся из лесу муж, сказала, что его сестра съела ребёнка. Как ни плакала Марья, как ни говорила брату, что не съедала она ребёнка, ничего не помогло. Выгнал Иван из дому свою сестру, поверил жене. Некуда было деться Марье, и пришлось ей бродить по лесу, питаясь ягодами да кореньями.

А случилось так, что однажды через лес проезжал молодой и красивый принц. Испугался он при виде Марьи, но, когда узнал, что с ней произошло, понял, что на неё напустили порчу и наговорили на неё. И поехал он к колдуну за советом. Колдун ему и сказал, что, чтобы выгнать из неё порчу, нужно привязать Марью вниз головой к дереву, под голову поставить корыто с водой и кругами водить по воде палкой. Так принц и сделал. А когда мешал воду, то вылезли из Марьи змеи, что вылезли из змеиных яиц. И стала она красива, как прежде. И решил принц на ней жениться. Увёз к себе, сыграли свадьбу.

Прошло много лет. У Марьи родились сын и дочь. И когда они подросли, то стала [Марья] просить у мужа отпустить её съездить в гости к брату. Не хотел её долго отпускать принц, но после долгих уговоров согласился.

Собралась она в дорогу, взяла своих детей и приехала к брату. Ни Иван, ни Анна не узнали в королеве Марьи и приняли её с радостью. А когда наступила ночь, то начала Марья рассказывать своим детям сказку о том, как злая Анна погубила свою золовку. И когда она эту сказку рассказывала, то кровать, на которой спал Иван и Анна, уходила под землю. Только от

Ивана остались одни волосы торчать! Ухватила Марья за волосы и вытащила брата, а злая Анна провалилась в бездну.

Узнал Иван свою сестру, выслушал от неё всю правду и стал горько плакать и жалеть о случившемся. Но у Марьи доброе было сердце, простила она брата своего и забрала с собой.

И долго они жили все вместе в любви и согласии.

№ 87 ПРО НЕВЕСТКУ, СВЁКРА И ВНУЧКА

(Раньше же корова тялется, тялется корова... и корову... тялёнка нясут в избу... В избы... Загораживают. Вот такая мода была... тялёнок пока обсыхал, пока он нямножко. Он был в избе вот.)

...А свёкор со свякровкой живут, и сын жанатый, и внучку́ было пять лет.

И вот приехал дед с базара, стал деньги считать... как это?... слизнул тялёнок – три рубля раньше-то были деньги. Куда делися деньги? Он на нявестку, что ты взяла! Невестка там всему ему помогала. Она клянётся, божится, что, это самое:

– Батюшка, я ня трогала и всё! Я даже задавлюся, если будете говорить!

Ну, мать говорит:

– Ну что ты, – говорит, – напал на яё?

– А знаешь что? (А в их там недалёко в дяревне колдун жил.) Поеду-ка я к колдуну – что он мне скажет?

А мальчишка-то:

– Дедушка, дедушка, возьми меня с собой! Дедушка, возьми с собой!

– Ну, ланно, ну возьми, что тебе, возьми! Нявестка плачет – что тебе, возьми!

Ну, приехали к колдуну. Холодно. Мальчишку-то на печку посадили, что тёпло. А сам-то он разговаривает – не знаю, как яво называли, – что:

– Вот какое дело, – говорить, – ты мне скажи, что тялёнок, может быть, это или нявестка зьяла?

– А ты, – говорит, – выйди за двери, – говорит, – а я ... пообщаюсь кой с кем и скажу тебе.

А мальчишка на печке ляжить, всё видя, а он и забыл про мальчишку-то, что мальчишка на печке-то.

Вот он открывая подвал и говорит:

– Сямён! – в подвал (уже мальчишка-то потом рассказывал), значит, – Сямён! – говорит.

И вылезая чорт с копытам.

– Ты, – говорит, – скажи, деньги-то куда, – говорит, – делися?

– А вот знаешь, деньги, – гврить, – слизнул, – гврить, – тялёнок. А ты скажи на нявестку, так она задавится, и мы на ей воду́ возить будем!

Ну и всё, и закрыл подвал.

Ладно, мальчишка ляжит. Ну, что, вошёл:

– Как?

– Вот такие дела: нявестка взяла, – говорит.

Вот он приехал – на невестку и начал бить, и всё, бить, нявестку-то... всё до такой степени, что: «Ты взяла!»

А мальчишка-то ляжит дома-то. Говорить:

– Ня тронь маму!

– Почаму?

– А потому, что ня мама взяла, это самое, деньги, а тялёнок слизнул!

– Как так тялёнок слизнул?

– А так! Вот дед открыл подполье и спрашивая: «Сямён!» – говорить. Вылез дедушка, вот такой, с рогам, лохматый, вот таки копыты (широко размахивает руками). Вылез, – говорить, – такой, – говорить, – как козёл (ну рябёнок-то глупый)! Он, – говорить, – его спрашивает: «Семён, кто деньги взял?» – «А, – говорит, – деньги слизнул тялёнок. А ты скажи на маму, на мою: а мама задавится, оны на ей воду будут возить».

Вот дед сразу стал в таких попыхах, как хватил топор... телёнка-то убил. Потрошили сразу: что тройка, три рубля, это самое... И три рубля нашли в жалудке.

№ 88 (55) УМНАЯ НЕВЕСТА

(Еще даже вот приходють, говорили.)

<...> хитрыя. А она [девка] не знала, что сваты придуть. Она (холстинку раньше самы ткали), и яна сидить и юбку протре, а матка:

– Протрешь! (Все по поножам* ходить, и двигаешься) Протрешь ситцевик*! Одень, это...

А она спустила [юбку], да и сидить у этой рубашке. И тка́ла эту (Ста́вы* такие бы́ли, холстинку ткали).

А сват этот пришёл, а видя, что нявеста-то сидить в рубашке за этим [за ткацким станом]. А он и говорить:

– Что-то в вас эта... двор...то есть... не, погоди <...> сорока бяз хвоста?

А нявеста, а нявеста эта, нявеста и ответила:

– В нас двор бяз уш!

Он и говорить:

– Вот будем сватать: она умная. Ишь ответила!

(Она сказала, в том, что собаке нет: гу́лу* не да́ла. А он сказал, что сорока бяз хвоста: значит, она бяз юбки сидить. А ужо, а она ответила вумно яму, что в нас двор бяз уш).

№ 89 (56) УМНАЯ НЕВЕСТА

Приехали сваты, застали невесту без платья, спрашивают:

– Почему сорока без хвоста?

А в доме нет собаки, им отвечают:

– А у нас двор без ушей!

№ 90 (57) УМНАЯ НЕВЕСТА

Приехал жаних в сваты. А матери ейной не было. Она их приглашае к столу.

– А чэм же ты нас угостишь?

Она и говорит:

– А прибыль на убыль, из жопы харч.

А который приехадши с им в сваты и говорит:

– Поедем домой! Это какая-то дурочка!

И уехали.

Приехали домой. А мать и говорит:

– Вы чаво так скоро?

А этот... сваха и говорит:

– Да какая-то дурочка! Кого ж ты хвалишь ону?

– А чэм она дурочка? Как вы приехали, что она делала?

– Ну, тка́ла!

– Ну, так какая ж она дурочка? Ну, и что вам потом?

– А что? Она сказала, к столу нас пригласила на угощэние, а мы спросили: «А чэм ты будешь нас угощать?» Она нам говорит: «Прибыль на убыль, из жопы харч!».

Прибыль – это молоко, на убыль – это там что... (я забыла уже что, прибыль на убыль, от, чаво-та я забыла). Из жопы харч – это яйцо называется. А оны поставили ону за дурочку.

– А где родители?

– А родители уехали иржі имя давать.

– Ну, шчырая* дура! Поедем домой!

И уехали.

Ну, вот оны матери-то всё разъяснили, а она и говорит:

– Вот вы-то два дурака! Имя-то давать поехали – это рожь оны мелют: а потом-то буде мука! А прибыль-то – это молоко. (Вот на убыль-то что ж, я позабыла? Прибыль на убыль... Ой, позабыла, что ж прибыль-то на убыль?) [«Убыль – свинины даст вам на закуску-то: мяса-то кусок возьмёшь – там уже убывает!»]

Вот она им и растолковала, что не она дура, а оны дураки. Вот поехали по новой свататься. И привязли молодую на другой день.

(– Так что мать сказала сватать!

– Да.)

В квадратных скобках вставлен недостающий фрагмент сказки, который исполнительница припомнила позже.

№ 91 ЦАРЬ И КАМНЕТЁС

Пётр Первый подходит, ну, не только Пётр-то Первый – царь. Подходит к камнетёсам, работают камнетёсы.

(Камнетёсы, ты слышала такое выражение? Знаешь, чем занимаются камнетёсы? Ну, огромные валуны, камни или там, скалы – отделывали их: отбивали, шлифовали, ну, делали для постаментов, для памятников. Понимаешь? Вот. И так далее... эти шли отделанные камни. Вот, они зарабатывали очень хорошо.)

Царь спрашивает одного:

– Сколько ты зарабатываешь – в день?

А он говорит:

– Восьмьсят копеек, ваше это... император...

А он гт [говорит]:

– Ого-го, такие деньги! А куда же ты их тратишь?

– А вот, – говорит, – двадцать копеек – я долг отдаю, двадцать копеек – я в долг даю, двадцать копеек за окно выбрасываю и на двадцать копеек сам живу со старухой.

Царь думал-думал, гт:

– Слушай, ты мне разъясни всё-таки, что-то до меня не доходит, что ты даже и за окно выбрасываешь деньги!

– Долг отдаю – это я родителей старых кормлю.

(Смысл поняла? Старых родителей, которые его воспитывали раньше, вот, вырастили, вот он долг отдаёт, кормит старых родителей.)

А в долг даёт – это я сыновей ращу. Сыновей! А за окно выбрасываю двадцать копеек – я дочек ращу.

(А почему? Потому что он работает-работает им на приданое, дочкам, а потом замуж отдаст – всё! Её дома нет, она уже в чужой семье. А раньше как в чужой семье, она могла и не прийти никогда к своим родителям: не отпустят, нет когда, там упирались, работали, именно особенно крестьяне. Она уже была... себе не принадлежала, она находилась в распоряжении чужой семьи. Вот и поэтому считалось: двадцать копеек за окно выбрасывает отец, родители, – дочку растят [смеется]. Понимаешь? Приданое чем богаче, тем (нрзб.) больше.

В старые времена, в старой России, родится девчонка, народится девочка в семье, родится – на неё землю не давали, давали землю только на сыновей. Понимаешь? Даже не давали землю на девчонок. А на сыновей давали. Потому что считалось, что девчонка, она замуж выйдет, у того парня, её уже, уже её мужа, он землю будет иметь: ему давалась земля.

А приданое обязательно – большой кованый сундук, отделанный медью, окован, расписан, и замок музыкальный*. Вот в этом сундуке складывалось всё новое, постельные принадлежности и её там всевозможная одежда.)

№ 92 (58) ЦАРЬ ДОДОН (ПРО ВАСИЛИЯ БЕССЧАСТНОГО)

Эта про Василия Бессчастливого. Но называется она «Царь Додон».

Этот царь Додон собирал дань ото всяго народа, от всей округи. Этому царю Додону сообщчили, что в одной дьявине осталась вдова: муж помёр, осталось семь робёнок, и яшчо народился уже бяз мужа: как муж помер, она была бременная. Ну, и что? Этому царю всё это сказали, что и волк заел корову в этой вдовы. Ну, ладно.

Потом царь этот, Додон, знался с Христом. И говорит:

– Приходи ко мне в гости! Я ковёр расстялю от самой дороги до самого моего двора!

Ну, Христос согласился:

– Хорошо, приду!

Ну, идёт старичок с палочкой. А поставлена стража по обеим сторонам. И эта стража не пускает старичка по этому ковру. А он и говорит:

– Ну, и хорошо, я и сторонкой пройду!

И идёт с дубиночкой* сторонкой. Идёт, идёт, идёт – прям во дворец зашёл. Не пускают слуги:

– Куда ты, нишчэнка, идёшь! Что тебе надо?

– Да я иду к царю в гости: царь Додон меня пригласил в гости.

– Ну да яшчо, в гости!

Ну, что? Не пустили. И царь вышел и тоже не пригласил яго. А пир на весь мир заказано! Ну, пир состоялся, а Христа-то нету! Ну, старик и старик! Да, он и говорит:

– Ну, укажите мне, где хыть рига* топленая перяночавать, раз ня получилось в мяня с гостям!

Яму указали ригу, он пошёл под ригу и лёг на печачку, и ляжит.

А дочка была любопытная в царя Додона, и она уже взрослая была, как бы сказать. Ну, ня взрослая, но всё понимала, сображала. И говорит [дочка]:

– Папа, я пойду этого дедушку покормлю! Всё ровно всё остаётся, будете собакам выбрасывать!

– Куда ты яшшо пойдешь? К нишчэнке! Надумала кормить!

– А я пойду!

Ну, вот, она набрала яды и пошла. Приходит, а там такой гомон*! Вечаром это уже, и она не испугалась. Значит, так было Боуу надо. Стоит кыл двэри, и разговаривают:

– Ну, свет Христос, что тяперь? Как вы накажете тяперь этого царя Додона?

А он и говорит:

– А вот как тяперь накажем. Во вдовы восемь робёнков, заел волк коровку, и в ей естя сын: рожено нядавно. Етот сын – Василий Бяссчастный – отовладеет всё богатство царя Додона и потом возьмёт в жёны дочку явонную.

Она это всё выслушала. Замолкли там говорить, улятели ангелы. Стучыт. Никто не отвячае, она дверь открывает и идёт:

– Здравствуйте, дедушка!

– Ну, здравствуйте!

– Дедушка, я вам покушать принясла.

– Ня надо, деточка, ня надо! Я сыт, сыт! Ня надо!

– Не, дедушка, не понясу обратно! Я от вам покушать принясла.

Пришла домой и говорит (в тую ночь не сказала, а назавтра утром). И говорит отцу:

– Вот, отец! Это вовсе ня нишченка был, а Христос! В яго были ангелы и говорили, что тябя накажет тяперя, что будет Василий Бяссчастный – вот в такой-то дяревне восемь робёнков,

восьмая дочка украдена в Змея двенадцатиголового. Вот. А шчастье всё отовладеет он от тябя и богатство и потом мяня в жёны возьмёт, на мне поженится!

Он всё выслушал и поехал в эту дяревню. Забрал кучара, приязжает в эту дяревню. А дань-то вся округа плотит! Собрал сходку, как по-раньшему говорили. Сходку собрал, весь народ, что вот я хочу как бы крёстным быть этому мальчыку.

Ну, назовёмте яго Василий Бяссчастный! (А он уже знает, дочка-то рассказала, что называли ангелы с Христом: Василий Бяссчастный). Василия вот Бяссчастного я забяру сябе – и дань ня будете никто платить.

Вси уговаривают эты соседи ону – она ни в какую!

– Где сем, где шесть, там и сем! (Дочку уже не считае, раз она потярявши.) И етот вырастет. Нет! Я со своей сряды буду кума брать: куда мне таких богатых такой нишчэй!

Он и говорит:

– Я всё вам привязу: и на крестьбины*, и обую-одену – только возьмите с моей стороны куму и мяня в кумовья!

Не соглашается! Ну, вси мужуки:

– Что ты! Что ты будешь делать с им: голодная, холодная, голь-голь, полосинка вдоль? Что ты будешь делать? Согласися! Он так тябе будет помогать!

Он сказал:

– Я по гроб жизни вам буду помогать, только возьмите в кумовья!

Ну, она как бы согласилася.

Ну, потом приязжает, когда на крестьбины, к этому Василия Бяссчастного крястить, и говорит:

– Отдай яго мне в сыновья!

Она не соглашается. Собирает сходку, весь народ, что уговорите ону, чтобы отдала своего сына мне:

– Куда ж он в ей буде растеть, рванный и ободраный! А в мяня будет учоный, будет что сыр в масле кататься!

Ну, народ:

– Что ты это думаешь? Дань ня будем платить! И с тябя, с тябя-то что брать? И всё равно дёрет*!

Ну, как бы согласилась она:

– Ладно! Только чтобы мне яго повидать когда!

Ну, согласился, что вы яго видеть будете, я даже сам привязу!

И хорошо он привёз! Ехали-ехали со своей кумой, доехали до крючи* (такая крюча глубокая! зарослая!), в эту крючу и снясли и положили во всём наряде (а наряд привязли, и одяяло шёлковое – всё; одели, как следуе быть, младенца).

А дань-то плотют другие, ездют с других-то деревён! Едут-едут, проехал первый и говорит:

– Что-то такой где-то писк?

Ну, и внимания не обратил. А последний едет: робёнок плачет, и здорово! Он и кричит:

– Постойте! Что-то, – говорит, – тут ня ладно в крючы! Детский крик здесь!

Ну, установились, прибегают – а это робёнок брошенный. А в этого последнего не было дятей. Он и говорит:

– Ну, вот, робяты, я забираю сябе сына. От, жаны подарок-то привязу!

Ну, приехали к этому царю Додону. Всё разглядывает [царь] дань, а дывчонка эта по павозкам бегае, ныряет: хто что привёз. И заглядела этого мальчыка! Заглядела этого Василия Бяссчастлиного и бягёт к отцу:

– Отец! Вот сягодня-то нам дань привязли, так привязли! Никак братика?

– Как братика?

– А вот на посленей повозке естя мальчык наряженный, ляжыт!

Ну, он [царь] ня тут-то и было! И говорит:

– Убирайте дань свою обратно, уязжайте, а етого мальчыка мне в сыновья отдайте!

– Да что вы, царь Додон! У мяня нету дятей! Да мне жана как бы была рада, что я привязу ей сына!

– Никаких! Отдайте мне! Дань ня будете платить!

Ну, мужики говоря [мужику, взявшему ребёнка]:

– Что тябе робёнок чужой? Подумаеш! И дань ня будем платить! И сейчас всё домой повязём!

Ну, согласился, отдал. Ну, ладно, отдал этого мальчыка. Что с этим мальчыком яму делать? И говорит [царь] слугám:

– Привяжите бочку!

Привязли бочку. Зачым бочка?

– Ну, вот сажайте яго в эту бочку, этого Василия Бяссчастлиного, и упустите!

Вот оны [слуги] бочку принесли, положили яго [ребенка], а яму дали большую такую марлю с ядой, чтобы он сосал (соски-то раньше ж такие сосали дети: в марлю хлеба или что. Ну, раз он был богатый, так оны нашли что дать, слуги-то). Засмолили бочку, отправили. Плывёт эта бочка...

А на той стороны вдалье жили монашки. Он [царь] к этим монашкам тоже за данью ездил. А там была монашка самая главная, уже пожилая-пожилая.

И вдруг эта бочка на песок выкатилась. Пошли женшшыны за водой, смотрят: бочка! «Что это такое – бочка? Откуда-то появилась! У нас не было бочек!»

Докладают этой старшей. Ну, что делать?

– Давайте расколачивать!

Никак не расколотить! Вот он [ребенок] впёрся ногам – это дно выскочило. Глядят: а там неописанный красавец, растёт не по дням, не по часам, а по минутам да по сякундам. Ну, что им делать? Ну, оны собрали скоро. Эта главная и говорит:

– А он будет тяперь замашать мяня, вырастет: я тяперь скоро умру.

А он [царь] за данью-то и к им [монашкам] ездит! И вси комнаты обойдёт, и вси кладовые в их обойдёт! Ну, живут да поживут; Василий Бяссчастлиный уже большой, всё помогает им делать – всё вкράдках*, чтобы никто яго не увидел.

Вдруг приязжает царь Додон за данью, обходит вязде всё и напал в последней комнаты на этого Василия Бяссчастлиного:

– Как вы смели? Вам не разряшён такого!

Она [старшая монашка] и говорит:

– Я тяперь старая, скоро умру, а взамену нету. А мы Василия Бяссчастлиного выучым, и он буде замашать мяня.

– Никаких! Василия Бяссчастлиного забираю я! Я тоже тяперь пожилой. Вот. И с вас дань не возьму, а забираю Василия Бяссчастлиного!

И забрал и уехал. Уехал. Как яму сбыть яго? Куда яму сбыть яго? Пишет письмо: двянадцатоголовому Змею на съядение этого Василия Бяссчастлиного!

Идёт Василий Бяссчастный с этой записочкой, попадает старичок навстречу:

– Куда ты, Василий Бяссчастный, идёшь?

– Дедушка, а я иду туда, и сам ня знаю, куда! Вот послал царь Додон мяня с этой записочкой, а я и сам ня знаю, куда я иду.

– Ну, ладно, – говорит, – ну, вот где пойдёшь, что в тябя будут спрашивать, всё запоминай. Дай мне эту записочку!

Эту записочку взял и отправил яго, благословясь.

А через реку только этот царь Додон ездит за данью, больше туда никто ня ездит. И ета вот сястра явоная [Василия Бессчастного] старшая за Змеем двенадцатиголовым, украдена, и он с ей живёт.

Встрячает она яго [Василия]: «Что? Что это такое? Никого никогда не бывает – кто-то идёт!» Он пришёл, она виде, что это похож на ихнюю родню, схватила:

– Как ты сюда попал? (Знала, что он народивши, Василий Бяссчастный).

А он говорит: «Вот так-то и так!» Всё он ей рассказал, что царь Додон мяня послал с записочкой, а старичок мяня встретил, записочку утобрал и отправил мяня на лодке.

Перявошчык перявёз яго и говорит:

– Где будешь, спроси там, долго ли я буду перявозить!

– Хорошо, спрошу!

Кол дуба захотел посидеть, дуб спрашивает:

– Василий Бяссчастный, куда идёшь, спроси там, долго ли я буду стоять?

– Хорошо, спрошу.

Ну, ладно. Едет он, пришёл он к ей [сестре], схватилися*, поцеловались-помиловались, накормила, напоила и говорит:

– Ну, тяперь, – а был комод высокий, и салфетка бы́ла спушшен до самого пола; она отодвинула этот комод и говорит, – вот тяперь уже время яму прилятать домой, а мне тябя надо запрятать. А что я буду в яго спрашивать, ты всё запоминай! Хорошо запоминай!

Ну, накормила-напоила, положила яго, запрятала.

Вдруг прилятает [Змей]:

– Фу! Фу! Русским духом пахнет!

Она и говорит:

– Да, удала голова, по всему свету лятал – нанюхался русским духом. Так и я-то русская ж!

Ну, ладно. Поел, попил, лягли спать. Она и говорит:

– Вот я тебе не успела сон рассказать. Какой мне сон сегодня снился! Вот где-то я ехала на лодке, спрашивает перявошчык, долго ли он буде перявозить. А он, Змей, говоря:

– До тех пор буде перявозить, покуда выхарнет* двадцать пять золотых кораблей и сребряных, тогда ня будя перявозить.

– Вот кол дуба я сидела, дуб спрашивае: «Долго ль я буду стоять?»

А он и говорит:

– А до тех пор буде стоять, покуда кто перяедет, наиспашку* ногой поддаст, тогда он рассыплется на сярэбро да на золото в котлы, тогда ня будет стоять.

Вот он всё выслушал, утро настало, Змей двенадцатоголовый улятел; она [сестра] яго [Василия] отправила домой; дала всяго яму на дорогу и отправила.

Отправила. Подъехали... подошли к ряки. Перявошшык перевозит. А он [Василий Бессчастный], и говорит:

– Перевязи на ту сторону мяня, тогда, я тебе скажу!

Ну, перявёз на ту сторону, он и говорит:

– А вот тогда ня будешь перевозить, когда вот выхарнешь двадцать пять кораблей золотых и двадцать пять сребряных, тогда ня будешь перявозить! (Да, про кит-рыбы, пропустила!) Тогда ня будут твои кости тяреть!

Ну, выслушал всё [перевозчик], сел, поехал. Поехал [Василий Бессчастный] до дуба. Забегает к дубу, дуб спрашивае:

– Василий Бяссчастный, спросил, где был, долго я буду стоять?

– Спросил! – и как шарахнул наиспашку ногой – он [дуб] рассыпался на сярэбро да на золото в котлы.

Ну, тот Василий Бяссчастный всё подобрал. Едет. Горит от золота всё да от сярэбра! Затопотался царь Додон!

– Что это такое: на исьядение посылал, а он что сделал! Сам на разборку – некогда яму дань принимать! Он с такой

данью! Яму никогда такую дань не платили! – на разборку к двенадцатоголовому Змею побяжал!

Бег-бег, прибяжал к этой лодке. А перявошшык и говорит:

– Вот перевязу на ту сторону, тогда ты мне скажешь.

А он [царь] и говорит:

– Как ты мяня перевязёшь на ту сторону?! Мне надо вот на эту сторону!

А он и говорит:

– А вот перевязу я на тую сторону, тогда и вылезешь!

Перевощик перяехал на тую сторону, поддал лодку ногой наиспашку – и царь перявозит посейчас!

Царь Додон уже стал перявошчыком по лодке, а Василий Бяссчастный стал царём, пожанился на дочке [царя].

И сказка вся, говорить няльзя.

№ 93 (59) СЕСТРА И РАЗБОЙНИКИ

Жила семья: отец, мать, девять сыновей и одна дочь. Отец умер. А девять сыновей без отца пошли в разбой. А дочка тем временем вышла замуж и уехала жить к мужу.

Однажды дочь решила проведать мать. И дочь поехала со своим мужем к матери в гости. Ночью на дороге на них напали разбойники и убили их. А утром, когда разбойники пришли на то место, то увидели, что убили своих.

Вот такая грустная сказка.

№ 94 (60) ДЕД И ВНУК

Это раньше старики говаривали, что раньше завозили в овра-аги старух. Вот повезуть в овраг куды-нибудь; дадут хлеба на три дня – и повязли! Видють, что старушка савсим дряхлая или старичок, и повязли.

Вот один сын взял да и повёз своо старика в овраг... на санках, взял своо внука, я думаю, или правнука, я думаю, внука:

– Повязём деда в овраг!

И повязли. Привязли в такой овраг, взял дровяшки* этот сын, пустил туды, в овраг, с горки и пошёл сам домой.

А идё со внуком домой. Внук и говорить:

– Дедушка, вот чаго ж ты бросил санки?

– А чаво?

– А вот ты будешь старый, я тябя привязу, на чом же я тебя повязу?

Вот тогда дед вернулся, да этого старика домой и с санкам привёз!

И вот с тех пор всё, говорят, что с тех пор и не возют в овраги. Хоронять дома.

№ 95 (61) КТО ПЕРВЫЙ РАССЕРДИТСЯ

Я нанялся работать у богатого мужика. И вот стали мы с ним договариваться: кто вперёд рассердится, тому нос отрежут.

Живут они так, живут. Послал хозяин меня вымазать [дегтем] линейку*. Я пошёл, перемазал все доски, которые обшиты сукном. Прихожу к хозяину. Он спрашивает:

– Вымазал?

– Да, – отвечаю я, – всё в порядке!

Хозяин пошёл посмотреть, что я наделал. Приходит.

– Ну, что, рассердился? – спрашиваю я его.

– Да нет! – говорит.

Теперь посылает хозяин меня:

– Иди вычисти коней! Чтоб были чистые, ни одной шерстинки!

Я думал-думал: как это сделать? Был у меня котёл. Налил я в него воды, вскипятил. Привёл я коней тогда, ошпарил их водой. Только одно мясо осталось!

Хозяин опять пошёл смотреть. Поглядел, испугался: что он сделал?! Думал-думал, рассердился он! Идёт домой. Пришёл, а я его и спрашиваю:

– Рассердился?

Молчит! Опять спросил. Молчит! Три раза спросил. Хозяин молчит. Я схватил нож и отсадил нос хозяину.

№ 96 (62) БАРИН И РАБОТНИК

В одного барина не уживались работники. Он плохо их кормил, ругал. Вот услышал один мужик про это и решил проучить барина. Пошёл он, и идет ему навстречу барин. Мужик и говорит:

– Можно, к тебе на работу наймусь?

Согласился барин, но сперва решил проверить мужика. Поднял кобыле хвост и спросил, что это такое. Мужик ему ответил, что это... «Нет, такого работника не хочу!» – решил барин.

Поехал дальше. А мужик прошёл, да и опять к барину навстречу попался. Барин спрашивает:

– Куда, мужик, идешь?

– На работу наниматься, – отвечает он.

– Пошли ко мне! – просит барин.

Согласился мужик. Барин хочет проверить работника. Поднял кобыле хвост и спрашивает, что это такое. Мужик говорит:

– Трубица*.

Ну и взял он его в работники. Привёз домой. И говорит мужик:

– Если ты меня отгонишь, то ты мне тысячу рублей даёшь, а если я сам уйду, то я тебе даю тысячу рублей.

Барин подумал-подумал и решил согласиться: откуда у мужика тысяча рублей?

Пошил молотить. Молотили целый день, устали. Мужик говорит другому:

– Подержи мешок, я зерна насыплю.

– Да что ты! Барин убьёт! – отвечает другой.

– Не бойся, не убьёт! – сказал мужик.

Ну, насыпали они зерна. Ввалил мужик на спину и понёс продавать. Продал, купил бутылку и закуску. Принёс на поле. Всё выпили, поели. В это время барыня принесла пить работникам. А мужик и говорит ей:

– Лучше бы солёненького чего-нибудь!

Пришёл барин и говорит барыне:

– Надо людей получше кормить. Надо резать овцу.

Послали мужика. А тот и спрашивает:

– А какую же мне резать?

Барин ему:

– А какая на тебя посмотрит, ту и режь!

А мужик взял и всех овец перерезал барину. И сказал, что они все на него смотрели. Подумал, подумал барин, но не стал выгонять мужика за такие проделки.

Послали мужика в лес за дровами. Долго его нет. А он встретил другого мужика. У того лошади плохие, а барские-то сытые да добрые. Ну, поменялись они. И поехал мужик домой. Увидел барин, что мужик на дурных лошадях едет и решил, что задумал мужик разорить его поместье. И сам выгнал мужика и в придачу тысячу рублей дал.

А ещё мужик ему такого натворил! Когда барин на Рождество ездил, то оставил мужика ждать его на улице. А мороз лютый был в тот день. Замёрз мужик до костей. А чтоб согреться, взял да и зажёг амбар! Барин едет и видит, что его амбар горит. Спрашивает:

– Что это ты наделал, такой-сякой?

А мужик ему отвечает:

– Холодно было, вот я и греюсь!

Вот такой аферист нашёлся и барина провёл!

№ 97 ЧТО МУЖИК НА ТОМ СВЕТЕ ВИДЕЛ

В Опочецком районе, там жил барин. И вот там один дядька умер. И там он сколько-то дней проспал, и он встал. И вот этот барин послал своих там работников:

– Привядите мне вот этого мужука. Вот я хочу узнать, что если я тут барин, значит, я... и что я буду на том свете делать?

Ну вот, привяли этого мужука, он стал спрашивать. А он и говорит ему:

– Ну, что там работать? Люди работают, а барин сидит. И вы как тут барин, так и там будете барин, вы будете сидеть... в котле, а люди будут носить дрова и кипятить смолу, а вы в этой смоле кипить! [смеется]

Вот такой был разговор.

№ 98 (63) ПРО ВАНЮ-ДУРАНЮ

Жил-был дед с бабой. И было у них три сына. Два сына вумных, а третий – Ваня-Дураня.

Ну вот. Позвали этих двух братьев на свадьбу. Ну, говорят:

– Ваня, а ты сиди дома, никуда не ходи! Сиди дома коло двёри, а мы пойдем гулять.

– Идите, братцы, идите! С богом идите! Я тут всё укараулю.

Ну и пошли. Гуляют на свадьбе, гуляют, гуляют. А ён сидел, сидел, Ваня. Снял двярину с етой, с хате, – на плечи! С петель снял и пошёл туда, на свадьбу.

Приходить. Поставил эту дверь у колидоре и заходить. Заходить. Стоить у пороге. Один говорит:

– Ай, братец, наш брат пришёл!

– Ну? – говорит [другой]. – Пришёл?

– Пришёл!

– Ой! – говорить. – Ваня, что ты наделал, куда ты пришёл?

– Сидите, сидите, братцы! Гуляйте: двярина тут! [смеется]

– Ой, лихо моё! – спугались оны. И г(о)в(орят):

– Ой, ой, ой! Двярину ж принёс, двярина стоить!

Схв́а́тили эту двярину, побёгли домой.

Приходят домой: никого нигде нет, а ўсё обобра́но! Ўсё обобрали там, что было у их у комнате!

– Ох, что ж делать? Ой, ой, что делать?

– Давай у свет уходить* от этого дурука!

– Давай!

– Давай будем сушить сухарей! Насушим сухарей и увайдём!

Насушили сухарей два мешка.

– Ну, давай будем уходить!

– Давай!

Вышел на улицу один, другой тут мяшок завязывает. И этот [Ваня] пришёл. А этот счас, Ваня, сел у мяшок, сел у мяшок и сидить, пока оны не видели.

Ну вот. Один взял мешок, другой взял – и пошли.

– Ну, пойдём! Как хошь ты тут! Мы пойдём!

И пошли. Идут, идут. Один подтряхивает:

– Ох! – говорит. – Как тяжко!

– Не, – [другой] говорить. – Мне ничаво!

– Ой! – [первый] говорить. – Как тяжко! А мне сильно тяжко, я всей мокрый [смеется]! Давай, – говорить, сядем-ка лучше (к ручайку подошли)! Давай сядем, посидим, сухарьков помочым, поядим, отдохнём!

– Ну, давай!

Один с плеч снял, а другой – шлёп мяшок! А ён [Иван], – пердь там в мяшке!

– Ох! – говорить. – И Ваня ж тут! Что ж нам делать? Ах, лихо!

– Ну, давайте, братцы! Давайте, братцы, давайте! И я с вам сухарьков поем, попью!

Ну что делать? Ну что? Сели, попили, сухарьков поели.

– Ну, пойдёмте! Ну, пойдёмте!

– Куда? Куда нам деться от яво?

– Давай, – говорить брат, – давай, давай полезем на сósну!

Забрались на сósну, а ён сел под сósну, сидить.

– Ой, брат, – говорить, – я ссать хочу! (ти можна ета гаварить?)

– Ой, ссы на яго!

А ён, Ваня, говорить:

– Ой! Божья росичка сыплется!

– Брат, я срать хочу!

Г[овори]ть:

– Сяри на яго!

Он [Ваня]:

– Ой! Божьи шишечки валются!

– Опять, – говорить, – опять никого! Сидить! Опять сидить!

Сидить-сидить...

– Ну, давай, брат, слезать! Ничаго не выйдеть! Пойдём домой.

Слезли. Пошли домой. И стали дома жить, вси втроём.

№ 99 МУЖИК И МЕДВЕДЬ

Значит, пошёл мужик вырубать... лес вырубал. Вырубил, корнй все вытягал и посеял пшеницу.

Вот выросла пшаница хорошая. Стал жать. Сжал. Вози... этого... Когда сжал пучки и вот повёз домой вот эту пшеницу в пучках-то и один пучок потерял. А медведь-то ишёл и нашёл это, это, это пучок-то нашёл. Ну, попробовал: вкусно!

(Не-а. Он как-то с мужиком, этого. Я вот не знаю. Когда мужик стал жать, и пришёл мужик. Ой! Пришёл медведь. Пришёл медведь, когда мужик стал, этого... Медведь стал требовать себе долю.) Ну и они стали... это, с медведем. Они стали делиться. [Реплика, по-видимому, родственника рассказчицы: «Они договорились!»] Они договорились, значит, чтоб [снова реплика: «Мужику вершки»]. Да вершки, а медведю корешки.

И вот когда мужик-то собрал корешки [вершки], повёз домой – потерял сноп. А медведь-то... а медведь стал тягать корешки свои, класть в кучу. Нашёл снопик-то, стал есть-то – и смотрит: пшеница-то вкусная! А в корешках-то и ничего нету! Ну вот, значит:

– Ах, – говорит, – ну, ладно ж! Я припомню, значит, на... на следующий год!

На следующий год опять мужик пришёл туда, посеял репу. Приходит медведь и говорит:

– Ты что ж, меня, значит, [обманул]? Я теперь не буду брать верешки*, а, это, корешки, а возьму верешки!

Так? Да. Ну, что ж! Ну, опять договорились мужик с медведем. Значит, тебе верешки, а я возьму корешки.

Ну вот, пришла осень. Мужик опять собрал, значит, репу, снял, корешки взял, а верешки медведю. И вот медведь-то ест верешки-то, нашёл репину: опять мужик потерял репину. Опять смотрит: опять репа-то сладкая! А верешки-то опять...

– Ах, – говорит, – опять он меня убманил! Ну, думаю, ладно ж, я ему припомню!

Ну, что делать? Вот, значит, поехал мужик за дровам в лес. А медведь подкараулил. Вот. (Видите, это ведь сказка!). А мужик-то догадался, что не встретить-то там медведя! Взял жену. Поехали с женой. Взяли [посмеивается], взяли ухват. (Знаете, ухват, которым в печку ставят чугунок?) Ну вот.

И, значит, идёт медведь. Идёт. А мужик-то видит, что медведь. «А!», – говорит. [Взял ухват как ружье] и кричит бабы, баба-то не кол него:

– Э! Софья, ты не видала ль там зайцов, медведёв? Волков, зайцов, медведёв?

Она:

– Нет, не видала!

(А-а, не так! Опять ведь, вот всё, видишь, какая память!)

Так. Так. А это баба, значит, так говорила, значит.

Снова: баба осталась [у саней], а мужик, мужик стал дрова пилить. Идёт медведь... А...(Как же (э)то? Он к бабы, наверное, к бабы он, наверное, ишёл, что мужик взял ухват как ружье кричит):

– Эй, Софья, ты не видала ль там зайцов, волков, медведёв?

А медведь-то услышал, [испугался] и говорит:

– Баба, скажи, что не видала!

А баба да и говорит:

– Нет, не видала!

– А что там тьмнеется?

А медведь-то говорит:

– Баба, скажи, что пень, колода!

А она и кричит мужику:

– Это колода!

– А-а, колода! Ну, если колода, так положи на дровни!

А медведь-то говорит:

– Баба, ты мене положи на дровни, я лягу!

Ауа. Ну, ладно: «Это коло-ода!» На дровни положила. А там: «А если колода, так ты привяжи!» Вот баба стала привязывать. А медведь-то просит, что: «Баб, баба, ты привяжи меня на верёвку-то тихонько!» Ну, баба и затянула!

Ауа. А этого опять:

– Эй, баба, ты там не видала зайцѳв, волков, медведѳв?

– Не, не видала!

– А что там у тебя черное-то?

– Так это ж колода!

– А если колода, так вторни* топор!

Вот баба ка-ак размахнулась и как дала – голову и (о)трубила! [смеется]. Голову и (о)трубила.

Вот привезли наместо дров привезли медведя. Ну, сняли медведя, всю зиму ели! [Реплика: «Медвежатинки поели!»]. Да [смеется]. Всю зиму и кормили ребятешек!

Вот такая. Вот.

№ 100 МУЖИК И ЧЁРТ

Стал чёрт к мужуку на горѳд лазить: то то сопрѳт, то другое стащит! Мужик тѳго чёрта словил, пруток где-то выломал и ну по хребтине охаживать! Еле убег чёрт от яво да как начал ошалевать*:

– Вот что ты мне бока намял, будет тада ѳся семья твоя мучиться! Или, от, отдавай мне вон с тѳго поля половину ѳсяго урожая!

Мужик задумалси да и согласилси, говорит:

– Ланно, ты себе ѳси коренья забирай, а я себе ѳси верхушки возьму!

А посеян была там у мужука рожь. Вот сжал мужик ѳсю рожь, а ночью, слышь: зямля гудит, трясется ѳся! У такую рань пойшѳл ѳн туды смотреть, что и как. А там, винно, чёрт той ночью был прищеччи: поле чистое, ни корешка нет, как ѳспахан усѳ!

На другой год мужик репу стал сажать. Глядь: опять чёрт! Ён и говорит мужуку:

– Ты мяня омманил, топерь я буду выбирать! Топерича я себе верх возьму, а тебе пусь коренья будут!

Мужуку того и нады.

Пришшло время, слышит: ветер такой поднялси! Побег на поле за город, глядь: ѳся ботва как скошен! Ну, от ѳн репу и забрал ѳсю.

На третий год, чуть снег стаял, чёрт идетъ, злющий!
Говорить:

– Ты мяня снова омманил! Топерича мы так положим: или ўси родичи твои мучиться будут, или отдай мне своего скота, скоко снясу!

Мужуку страшно стало, что нечистый усех детей яво загубит, ён вот что придумавши: повел чёрта у хлев, а там токо свинья была тада, повел у хлев и говорит, мол, бери ўсё, что хошь! А ён сам из хлева-то как выскочит, как дверь закроит!

Ну, чёрт стал в потьмах шарить да на свинью-то и наткнись. Яна как завижжит! Чёрт как выскочит, спугавши, прям в трубу, тока яво и видали!

И не приходил больше никогда к мужуку тому.

№ 101 (64) ПРО БЫКА

Про быка. Тоже как-то жил... Баба деду говорит... Поставили байню*, на байне выросла большая-большая трава. А у них был бык. Она и говорит:

– Дед-дед, давай-ка посадим быка на байню.

Ну вот, посадили они быка. Стали снимать – никак. Деда задавил.

№ 102 (65) СКАЗКА ПРО ЛАТОНЬКУ

Жил дед и баба, и был у них сынок Латонька. И вот баба эта дрóвы клала, там, на заўнет*, а дед с Латонькой <...> на улице были. У неё дровина звалилася и прямо сюды, она закричала на Латоньку. Пришёл дед:

– Ну чо́у ты кричишь?

– Ай, деданька, когда б был наш сынок Латонька женатый, да был бы у него мальчик, да сидел бы тут, прямо б убило б яго!

И деду стало страшно, и дед закричал. Приходить Латонька:

– Чо́у вы кричите?

– Ай, сынок, когда бы ты был женатый, да был у теа мальчик, да сидеў бы тут, а дровня* развалилась, она бы его сразу убила!

– Ай, дураки, пойду я от вас! Ня буду я з вами жить!

Вот пайшоў. Идётся, а там старик со старухой корову тянуть на байню* траву йисть. Завязана ета, за роги тянуть.

– Что вы делаете?

– А трава на байне выросла!

– Ай, дураки!

Полез, сорвал эту траву, кинул йим. Яна стала корова исть. Пошёл дальше.

Приходит дальше. Мужик коня запрягает. И взято, хомут вот так вот распято и выводят яю.

– Что ты делаешь?

– А хотим ехать, да вот коня надо запречь.

– Ой, дураки вы, дураки!

Взял коня, запрях яю, и поехали. И пошёл дальшы.

Приходит дальшы. Вот дед с бабой обедают. В одной хате кисель, а в другой хате молоко. Вот ложку зачернуть – побегут за молоком.

– Что вы делаете?

– А кисель з молоком едим!

– Ай, дураки вы, дураки!

Взял, принёс сюды.

– Ешьте тяперь в одной хате!

И пошёл домой. Приходить: «Думал, что дальшы пошёл [там люди умнее] – яшшо хуже!»

Всё!

№ 103 (66) КАК ДЕД ДРУГУЮ ЖЕНУ ИСКАЛ

(Суть сказки такова, что) жили-были дед с бабкой. Мирно, дружно жили много лет, потом что-то там разругались-разладились. Всё это деду надоело, и решил дед найти себе новую бабку: умную, красивую, молодую! На свою, значит, сказал:

– Сиди ты дома, ты не такая! Я пойду себе хорошую искать!

И пошёл. Пошёл сначала в Мякишево – это в ближайшую деревню. Смотрит: там одна избышка стоит такая покосившаяся, вся травой поросла. Рядом баня, тоже с зелёной травой на крыше. Смотрит: бабка с поросёнком! Ташит, привязала к поросёнку там какие-то вожжи или верёвку, тянет поросёнка на крышу. А поросёнок вижжит, пищит! Не хочет на крышу лезть! Баба его тянет! А дед смотрел, смотрел через изгородь: «Что в Мякишево за бабы такие?»

Подошёл и говорит:

– Баба, а баба! Что ж ты делаешь?

Она:

– Как что делаю? Купила вот поросёнка, в Опóчку на ярмарку съездила, привезла. Поросёнок травы хочет!

Он говорит:

– Господи помилуй! Так надо было тогда во Псков съездить, трава ж во Пскове ещё лучше!

– Не-е! У меня на крыше самая лучшая! Я вот только на крышу щас его только засажу, он наестся травы и будет хороший и здоровый. Мне сказали, очень витамины полезны!

Дед посмотрел на эту картину:

– Не, – говорит, – баба, ты не тем занимаешься! Спусти поросёнка на землю, трава у тебя и так хорошая!

Баба:

– Да?

– Да, и тут хорошая трава!

Спустила баба поросёнка. Поел поросёнок травки, пощипал, побегал. Дедушка говорит:

– Хорошо, бабушка, я пошёл, дальше пойду туда, к Алóли, там река хорошая, может, там себе новую бабку найду!

И пошёл в сторону Алоли. Шёл он шёл, шёл он шёл, пришёл в Алоль. Там река течёт-бежит, холодная, студёная. Стоит конь возле моста, и какая-то бабка высыпает... На дрóгах* там лежит несколько мешков с мукой или с чем-то, может быть, с отрубями. Высыпает она эти отруби в речку. Дед смотрит: один мешок высыпала, второй мешок высыпала. Кони распряжён. Что баба делает? Подошёл он и говорит:

– Послушай, что ты делаешь?

Она:

– Как что делаю? Еду далеко, на мельницу вот ездила. Туда, в ту сторону. (Где там эти наши жили? Мельницу которые имели, бабушка?) В Бакино вот еду, везу вот отруби, вот муку. Хочу коня напоить! Вот и высыпаю, уже два мешка высыпала, а конь всё никак не напьётся.

Посмотрел дед, посмотрел и говорит:

– Господи! Такого я ещё не видывал! Не, баб, так не делают! Но ты мне совсем что-то не нравишься!

Покрутился дед, покрутился возле мостика Алоли и думает:

– Не! Пойду-ка я назад в Паново: у нас, наверно, бабы лучше!

Развернулся дед, да и пошёл опять к своей бабке. Вот это вот и сказочка такая.

[– И бабка понравилась.]

(Да, бабушка связывала нам вот именно с близлежащими окрестностями. Там, в Алоли речка действительно. Тут, в Мякишеве, там это дома старые стоять.)

№ 104 (67) ПРО САПОЖНИКА И ЕГО ЖЕНУ

Вот был один сапожник. У него была жена. И вот она раз (всё так говорили):

– Ты меня не любишь!

А он говорит:

– А можа, ты меня не любишь!

– А я помру, как ты будешь плакать?

Ну, мужик и говорит:

– Я-то уж буду!

А жана и думает: «А как же ён будет плакать? Ну-ка, дай я притворюсь, помру, погляжу!»

Вот жана «померла». Мужик сапоги шил, а жана-то не говорит. «Не померла ли?» – думает мужик. Глядит: померла! Ён повалил ёну на лавку, накрыл точивом* и плачет:

– Желанная ты моя жана! На ково ж ты меня бросила?

Вот, значит. А жана тихонько точиво приоткрыла поглядеть, текут ли слёзы. А он-то и заметил. Взял да и тукнул молотком по лбу: «Мёртвые с-под точива не выглядывают!»

№ 105 ПРО ДЕДА И БАБУ

а

[Баба] ряшила помяреть [притвориться мертвой], а сама была живая. И мужик по...

[– Она хотела проверить, любит ли ее муж?]

– Да, будет ли мужик плакать по ей. Яё положил мужик, там, в пёред*, а сам затопляет печку, вот как оны, называем мы, гонты*.

А баба [смеется] захотела поглядеть, плачет ли мужик по ей. А он яе вдарил гонто́м и убил, гврит: «Смерть не люблю, кто помёр ды глядить!»

б

Жили дед с бабой. Мног лет яни прожи́ли, вот сидят как-то в избы, дед ко́су набивайит*, баба – ну чим яна з́анят б́ыла – ня знаю, факт тот, что баба и думайит: «Уот помру, как дед без мяня будет?»

Яна возьми и спроси у яво. Ён ей и говорит, мол, плакать буду, а и сам помру следом!

Баба яму ня верить. Как стало святать, дед бабу будить пойшёл, а яна не двинецца. Ну, решил ён, шо помёрла бабка. Гроб приготовил. Понесли бабку на кладби́шше, стали в могилку-то спускать. Уси плачуть, кричать страшным голосам, онно́ва деда ня слышно. Бабка ляжить в гробу, слышать, что дед по ёй ня плачить, думает: «Дай, гляну на яво, чим ён там занявши, когда жёнка помёрла?» Ну, яна в гробу и поння́лася. Поння́лася, села, глядь: дед ее напротив стоит, опечаливши.

А ён возьми да и огрей ее палкой: «Помёрла – так ляжи, где ляжишь!»

№ 106 (68) КАК МУЖИК ЖЕНУ ЛЕЧИЛ

Жили мужик с жаной. Жана была дюже* здоровая, толстая и ўсё болела яна, болела. Она и уо́ворить:

– Хозяин, на тебе денег дам, а ты сходи в наместырь* помолися Богу за мене.

Да, уговорить:

– Ладно, – уговорить.

А так через дорогу у соседа день рождения рябенку. Её позвали на день рождения, а яна любила попу. Ага, да. (?)и его звали, а ён ня хочеть, что ён будет-то, поулять с попом надо ей тут это.

– Ланно, – уговорить, – я, – уговорить, – пойду и помолюся Богу за тебе, только б тебе здоровья Бог бы дал, чтоб получилела б ты. Вот, ага.

Вот наделся, итить, вот так сосед, такой Ыришка (неразборчиво). А Ыришка говорить:

– День рождения справляют и ета... и попу позвали. Это вот не у соседа было это, а так, как Лысая гора. Вот там это. Этот вот указал яму, какой хозяин и куды яе позовут и какого попу позовут.

Взял охачку соломки да берёзинку, увязал, в мяшок уложил, да и пошёл. Пришёл, яна позвана, люди собрались позднечком, поздно, спать надо ложиться. Пришёл в эту хату, да и говорить... А яна за столом, яна ня видит, что ён пришёл, да. Говорить:

– Пустите вы меня поночевать.

А яна тоды и говорит, хозяйка:

– У нас ночлежников дюже мног!

– А я под зау́нетом* на своей соломке, я не полезу туда! Да, ага. Я не полезу – говорить – ни к столу к вашему, ничё.

Там что-то хозяйка ему под зау́нет дала поисть.

Вот они наелися, напились, да, и того соседа позвала, что эта, что ён говорил ему, рассказывал. И давай яна плясать! И поп тот пошёл плясать! И вот пляшеть: «Хто в наместырь пошёл, чтоб оттуда не пришёл!» – припаваеть. Ага! Вот. А ён тады устал: «Солома, моя солома, ти ўсё в тебя в порядке дома?» – и ён пошёл плясать. А яна пьяная, напилася, не разулядела, что то её мужик, ага, пьяныя. Пляшет, пляшет – тогда обнимется да поцалуется с попом. Он тады взял ремень – то по попу, то по ей, вот:

– Солома, моя солома, ты ўсё в тебя в порядке дома? А кто в намастырь пошёл, тот оттуда и пришёл!

№ 107 (69) КАК ПАСТУХ ТЯЛЁНКА ИСКАЛ

Вот раньше пасли пастухи, нанимались. Ну, пас мужчина коров, и не пригнал тьялёнка соседу, вечаром. А мужчины и говорит сосед:

– Вот такую твою мать! Если тьялёнка не найдёшь, корову отбярю или голову отрублю!

– Да куда ж твой тьялёнок делся? Я на чистины* пас: некуда ему деться!

Хозяйка и говорит:

– Ну, куда ж ты тьялёнка-то дел? Тяперь с яго сдеется: корову отберё, а нет – голову отрубя!

Ну, дед раздосадовался. А раньше риги*-то топили; пошёл под ригу спать: «Хоть отдохну пойду!»

Пришёл под ригу спать; только задрямал – дверь скрипнула! А уголья-то ещё не замеркли, горящие: яму всё видно по этой, по риге-то. Глядит: «Хм, Ванька с Катей идут!» Он повярнулся, глядит: Катя несёт сумку, Ванька сзади. Сели против угольков, сидят, выпили, закусили. А он и говорит:

– Миленькая ты моя, сколько мы с тобой гуляем, а ведь я ня знаю, что в тьябя есть. Покажи!

Ну, она и показала. А он и говорит:

– Ай, я-я-йй! И утки плавают, и гуси плавают!

А дед и говорит:

– Нет ли моёго тьялёнка тут?!

Они как грабнули* бечь! Сумку-то оставили, бутылку оставили!

Дед встал, напился, наелся, выспался.

Назавтрие гонится в поле – что гул в головы, песни поёт. А бабы-соседы:

– А змей такой-сякой, рогатый! Человека с ума вывел! Человек с ума сошёл: молодой песни ня пел, а это старый поёт песни!

А он пьяный был! А он пьянушчий!

Теперь что? Тялёнок нашёлся, никуда он и девши не был: выгнался в поле, а тялёнок там за двором ляжет себе!

Ну, что теперь дед делает? К Ваньке придёт, а Ванька говорит:

– Нюшк, налей-ка деду!

Нюшка ня знает, за что деду налить! Наливает. К Катке придёт:

– Саньк, налей деду!

Тоже Санька ня знает, за что деду наливать!

Так и продолжают, и по сейчас всё ещё!

№ 108 (70) СКАЗКА ПРО УПРЯМУЮ ЖЕНУ

Косил мужик сено с женой коло реки. Ну и расскандалили они с женой. А в мужа было прозвание Вшивый. Ну, она его и впрякнула: мол, ты вшивый. А мужик рассердился на жену, схватил ону и кинул в реку. Жена потонула.

Мужик кончил косить и пошёл встречать* воды. Да. Встречается ему сосед и говорит:

– Куда, Иван, идёшь?

– Да, жана потонула, иду ону искать.

– Так что ж ты вверх идёшь? Она-то вниз поплывёт!

– Не, она в меня усю жисть встречать* шла! И по воды встречать* поиде!

Вот и конец.

№ 109 (71) ЖЕНА-ДОКАЗЧИЦА

Жили-были муж с женой. И так они не ладют, плохо живут!

– Ты дурак! Я у батюшки была надета, набута, а как вышла за тебя – голая и босая!

– Вкраду деньги у барина как-нибудь! Я видел, где оны закопан в саду под яблоней. Достану денег и тебя надену. Только не называй меня дураком.

Жена думает: «Посодють, поймають! И слава Богу, что посодють!»

И кто-то увидел, как он украл. Барин поставил тех людей у свидетели в суд. Жена говóрить:

– Вот стоит тебе, змей-гад! И я стану в свидетели, что ты украл деньги!

Ну, как же жёнку обманишь? Надо как-то жёнку обманить!

Нашёл щуку в мережи*, тогда снёс на сосну мережу, привязал, да тую щуку уложил, да и говóрить:

– Как это помогло щуке такой? Я на сосенке мережу привязал, – влезла щука большая! (Ну, когда она влезет?)

Привёл яё и показывать:

– Ага, в мережу влезла на сосны щука!

Тоды ходил-ходил, сделал такую штуку и ловить зайцев. И поймал два зайца. Взял мережу, поставил в реке, да тех зайцев усадил в мережу, да и говóрить:

– Знаешь что, баба, какие два зайца в мережу влезли! (Ну, где ж зайцы в мережу влезут!) Пойдём, поглядим!

А ён яё взял привёл, в чёлн посадил, а они [зайцы] тамочки еще полощутся живые. И этих зайцев он вытянул, ей показал.

Она пекёт блины, пекёт и кидает. А ён этих блинов набрал, по изгороди навешал. Тады и говорит на яё:

– Ходи ты, погляди, какие чудеса: блинный дождь шёл! Всю чисто загороду обклал!

– А вой, а вой! Ти можно их убирать?

– А чего ж ня можно!

Прислали повестку ему на суд. Она печку топить. И говорить [муж]:

– Ну, пойдём, – говорить, – на суд.

А она печку топить:

– Ну, пойдём, – говорить, – на суд!

А телята-то не поены, ревать.

– А что это так ревать?

– А барина черти деруть!

Пришли на суд. Ей говóрять:

– Твой муж откопал под яблоней деньги. А ты видела, как муж деньги украл?

– А как же! Это было в тот день, когда шука влезла на сосну!

Все говорят: «Баба неумная!» А она:

– Как раз в тот день блинный дождь шёл, черти барина драли! Посодьте его, гада, это он украл!

№ 110 (72) СКАЗКА ПРО КЛАД

Дед с бабой жили-жили. И соснился деду клад. Чужим дед говорить не захотел, да и с бабой ругались часто. Решил дед схитрить:

– Баб, напяки блинов!

Напякла баба блинов. Идут, дед кидает блины: и направо, и налево! И направо, и налево! Нашли клад. Пришли домой. Жили и поругались. Говорит баба деду:

– Я всё расскажу, пойду в волость*!

Призвали деда в волость:

– Говори про клад!

А дед:

– Я ничего не знаю, что вы!

Вызывают бабу на личную ставку*. Говорит ему баба:

– А помнишь, мы шли, и ещё блинная туча шла?

Ну и приняли бабу за дурную, а деду поверили.

№ 111 (73) СКАЗКА О ХИТРОМ МУЖИКЕ

Не зря сказка была зложена, что у мужика жёнка сильно лянива была, а ён... ён заботливый. И, бывало, пойдёт в я-ягоды, урибы-ы – всяго наберётъ.

А раньше, это, старые люди клали деньги у эту..., закладывали у клад. Клад назывался, клад. И закопають эти деньги. А ён пошёл в ягоды и нашёл клад денег. А жёнка сильно сварливая была! [Мужик думает:] зарууается, барину скажетъ. Ну, как же это быть? Надумал!

А ён становил вержи*. И, забыла, ну, в обшшэм,...были́ это...хто у яго? Заяц усажен у ету... у воду́. А шчука – на суходоль*! У яго... так уже он перяделал. Он ловил. Ужо переделывал так. А жёнке говóрить:

– Завтра рано вставай, пяки блинов!
 И она напаякла блиноў. А ён еты блины... вперёд забег, кругом поторкал....
 Пришли. [Баба удивляется:]
 – Ай, дедонька, какой дурак заяц – ў воду полез!
 – Ай, дедонька, какая шчука дура – на суходоль упала!
 (Она ж неживая была.)
 А ето... А блинная туча...
 – А ета, – ўговорить [мужик], раз деньуи – так вот блинная туча [прошла].
 Тоуда идут домой. А у барина коза кричить.
 – Ай, дедонька, что это?
 – А эта барина чорт дерёт!
 Пришли домой. Жили́, жили́. Рассярдилась баба! Мужуку:
 – Пойду барину расскажу, что ты деньги... (а надо ж было деньуи отдать барину!).
 Ну и пошла. Пришла:
 – Так от так!
 – То когда ж, бабушка, это было?
 Уговорила, ўговорила:
 – Буде Бог, я запомнила! Панячок*, панячок, панячок!
 Как тебя чорт драл!
 – Ах, ты, блядь старая! Уйди вон! Ты с ума сошла! С мужиком разрууалася! Чорт меня драл?!
 И так ничо́уо не было́ мужуку. И деньги развёў. А так бы, если ён не сотообразил бы это сделать...
 (А ён делал, да бабы правду всю не ўговорил. Бабы правду век не ўговорить!)

№ 112 ХОМКА И ХОНЬКА

Хомка и Хонька. Ну вот. Хомка был человек забочый, а Хонька была лянтяйка, такая, как и ня я, ну вот. Пойде, бывало, жать, вси жнуть, а Хонька нажне там стоянку* или дьве, лягя под стоянку и спит, ну вот.

Потом придумывает Хомка, ну, как жёнку отучить, чтоб яна ня спала, а работала на поле. Ён взял, ета, обстриг яну,

перья, колоницей* намазал, прицапил к ей такие шарики сюды на голову всякие.

[— А колоница, это что?

— Колоница? А колоница, слушай, дочушк, колоницу делали с этой, с бярёзовой листвы. Не, не с листвы, а с коры. Да, дед? Кору, гнали раньше колоницу. Колонишники* — он в нас в Хрытове жили колонишники, зато их...

— Это клей?

— Ня клей, дочуш! Ето...Ты выключила [магнитофон]? Ну вот, колоницей етой, слушай каво, мазали раньше тялеги. Не было вот этой ни, ни етова... как? силидолу, никаво. Мазали вот с этой тялеги. А гнали как? Ну, я ня знаю, точно сказать. Но знаю, что вот, вот так просто. Делали там, ну, как бы ето, ну рыли, как, как печку. Рыли как печку, набирали вот это с бярёзы, я точно не скажу, с листвы или с коры, дед? Кора, ну кора, ни с листвы, с коры! С коры, с бярёзовой! Ну, и яну растопляли на етуй. И там она выделялась, такой сок, чёрный сок. Колоница вот это и есть. Вот в нас в Хрытове гнали колоницу, всё йих и звали: колонишники да колонишники! Вот так. Продавали потом на етой, на ярмарке.]

Намазал ён, чтоб она как клей, колоница эта б́ла как клей. И никто: такая чёрная, дурковатая, да! Ну, и сделал дурочкой яну!

Яна проснулася, плача! А тут ня знашь каво [делать]!

Вот яна и пришла к яму и говорит:

— Хомк, а Хомк! А где твоя жёнка?

— Моя жёнка, — гврит, — дома!

— Хом, а чья я жёнка?

— Ня знаю. Моя жёнка дома!

Ну и пошла, ей деться было некуда. Вот пошла, пошла, на какой-то островок зашла. А там жили еты, ну, разбойники; раньше были не разбойники как бы, говорит, воры такие. Ну вот, ходили, воровали всё вязде, где каво. Ну, и там вот оны, когда не́каво воровать, тогда, ето, — репа там б́ла посажен — репу эту тягали, пякли. Яна тут, ну, готовила как бы ем.

Потом оны пошли куды-то в воровство. Ну. И они, ну, где-то овец воровали, всё, да.

Етова батюшку нясуть мужуки через кладки, а яна думала, что ето [разбойники возвращаются с добычей]... Гврит:

– Наши идуть и барана нясуть!

Думала, что барана нясуть на етому... А ет батюшка как спужался! Закрычал:

– Ой, бросьте, бросьте мяня! Ай, бросьте, бросьте!

Мужуки:

– Не! Пойдём, батюшка, ну, пойдём, пойдём, пойдём!

Ну, нясуть:

– Пойдём! – нясуть яво.

Ну, и он чаво добрыкнулся, в эту рячушку и ввалился [смеется]!

№ 113 КАК МАКСИМ ЖЕНИТЬСЯ ХОТЕЛ

(Я этому, как его, Максиму [внуку] рассказывала. В меня Аня были, я говорю...)

Шёл Максим по полю, углядел зайца. Ну что? И говорит:

– Поймаю я зайца, продам зайца, куплю свинку. А свинка мне прынясёт двянадцать поросят. Поросят выкормлю..., продам – будет у меня денег много. Тогда жанюсь. А жёнка прынесё мне Ваську да Ваньку – два сына.

Ишёл, думал про себя. Ну вот. И потом как закрычит:

– Васька, Ванька, вставайте на работу!

И заяц вбёх, и всё боуачество..., и жёнка пропала! И всё боуачество пропало! Крикнул – и заяц убёх!

№ 114 КАК ВАНЬКА МЕЧТАЛ РАЗБОГАТЕТЬ И ЖЕНИТЬСЯ

Вот идёт Ванька по лесу. Вдруг глядит: за-аяц бежит! Он думает: «О-ой, щас как стрельну, зайца вобью! Понясу на базар, продам! Куплю сабе курочку! Курочка мне нанесёт яиц! Я их продам! Куплю сябе вуточку! Вуточка нанесёт мне яиц! Я её продам! Этих яиц. Куплю гусочку! Гусочка опять яиц нанесе, я их продам! Куплю себе порося! А-а! [Сказочница изображает, как у размечтавшегося героя перехватило дыхание при восторге

от открывающейся перспективы.] А порося мне принесёт поросяточек! Я их продам, куплю корову! Потом куплю себе уже и лошадь! Разбогатею!.. Тады женюсь.

А кады я жанюся, жонка родит мне двух сынов! И пусть оны растут и вка-алывають всю жись! А я буду ляжать на печи да покрикивать: «Ва-анька, туды! Ва-аська, сюды!»

Как кри-икнул! Заяц-то вбёг! И остался он с ружьём и без курочки, и без зайчика, и... и без жаны, и без рябят!

№ 115 (74) КАК СВАТЫ ПАСТУХА О НЕВЕСТЕ РАССПРАШИВАЛИ

[Не хватает исходной ситуации.

В архивной записи есть фраза, раскрывающая исходную ситуацию:]

(Пастушок пасеть стадо, едутъ сваты.)

– Скажи нам вот про ету девочку, хорошая она? Мы к ней в сваты едем!

А пастушок постоял да и говорит:

– Если бы она была хорошая, то ей бы и тут жаних нашёлся. И если б в вас был бы жаних хороший, то он бы там нявесту нашёл!

№ 116 (75) КАРТАВЫЕ НЕВЕСТЫ

У одного хозяина было три дочери. Все они были картавые. Много женихов за них сваталось вблизи, но никто их не брал.

Один раз приехал жаних из дальней деревни. Отец приказал дочерям не говорить ни слова, пока совсем дело не уладит.

Жаних сидит час – они молчат, два сидит – они молчат, три часа сидит – девицы молчат! Надоело ему сидеть, он рассердился и хотел уходить. Закурил жаних и бросил папиросу на половик. Он загорелся. Старшая девица говорит:

– Каварер, каварер, половик загорер!

Вторая девица молвит:

– Ты сидера б и морчара б, будто деро не твое!
Третья девушка говорит:
– Сраву Богу, я сморчара, не сказара ничего!
Так они и не вышли никогда замуж.

№ 117 (76) ШЕПЕЛЯВЫЕ НЕВЕСТЫ

Было три девки, все шепелявые. Мать наказала им отвечать на вопросы только «угу» и «да». И вот приходят к ним сваты, а мать из дому кур не выгнала. Одна курица вспрыгнула на стол. Одна дочь говорит:

– Шиш, кур штарый!

Другая:

– А што мамушке шкажу!

Третья:

– От я, девка, марцу и марцу!

Сваты поняли всё и ушли.

№ 118 (77) КАК НЕВЕСТА НА СВАДЬБЕ ГОЛОСИЛА

[– Вера Ивановна, а не могли бы вы показать голос вот, как... голосили?]

[Смеется] Могу показать! Даже могу, как нявеста не умела голосить.

Да говорила, что:

– Павчите меня поголосить!

– Ну дык как тебя поучишь? Свое горе, какое у тебя горе есть, так ты и голоси! Свое горе.

Ну, тогда она (горя у неё не было: отец и мать был), тада пошла она за вянком в чужую деревню: не было в своей. И опановали* собаки. Она и думает: «Вот за всё и буду причытать!» Перепугалась!

Тада, када стали яё надялять, заголосила она! Тада и заголосила, что:

– Как я вчора пошла за вянком

У чужую дяревню,

Мяня опантовали* там собаки!

И как я перепугалася!
И какое у меня там было большое горюшко!
А эти толкают под бок, что не складно, брось! А она:
– И не толкай меня, ронный татонька!
Меня натолкаются теперь чужие людюшки!
Вот вам как голóсуют!

№ 119 (78) НЕСТЕРИШКА

Был мужчына. И звали яго Нестяришка, и было в его ребят шестяришко. Вот. Работать ляннися. Украсть стыдився и боявся.

– Пойду я к барину на совет: как барин мне присудит жить?

Приходить – умение [имение], барин богатый.

– Барин, до чаго я дожил: работать лянюся, а украсть стыжуся и боюся!

Ауа! А ён ўовóрить:

– Вот что, – ўовóрить, – украдь ты у мене на столе у комнаты деньуи, целая банка денег серябра и золота!

Как?! Думал, думал, как это украсть:

– Думаю, украду – барин, посодишь!

– Не, не, Нестяришка, не посажу!

О! Вот ён как обдумал: взял этот куль соломенный, на кол наторнул, тряпкой белое лицо сделал, ўлазы навёл, вўсы навёл. Вот, понятно вам? Ауа, во-во, да! Тоды взял, слышитъ разўоворы, ходить тáмока* и тáмока часовые йих там сторожить. А ёна, барыня, и ўовóрить на барина:

– Барин, ён сбеўить с деньуам, пропадутъ! (А ён недалёк жил).

– Как? Да я же тут расхаживаюсь, да ён не украдетъ! Да ўде ж он в мене украдетъ!

Так он взял туу куклу, пихай-пихай, ды к вокну. А вокно открыто, и деньуи на столе. Да. А етот барин ружьё заряживаетъ.

[Барыня]:

– Барин, (опять ета жёнка) ты, – ўовóрить, – ня стряляй еўо, бедноўо: дятишек жа много!

– Я кверху выстрелю. Я не по йим буду. Я токо попуаю яу!

Да. А этот всё видит, слышит, что уоворють, всё двинет, двинет, двинет. Тоды придвинул туды недалёк от окна. Барин вверх впек* из ружья, а он, Нестерь, – брык об землю!

– Ну, я уоворила! Застрялил человека, так тебе посодять!

Побегли улядеть, вызывать. А ён [Нестеришка] – цап деньуи и попёр!

[Барин] уоворить:

– Вот. Пусть до дня деньуи в яу, а не пойду. Завтра днём тоды пойдём.

Приходить:

– Нестяришка, украл деньуи?

– Украл!

Поулядели, подняли куклу тую, поулядели, уоворить, что:

– Сумел же сделать!

Да. Взял сотню рублей отсчитал, подал ему. Да.

– Вот, – уоворить, – украдь с барыни рубаху!

Да. Думал жа, думал: «Как же мне это украсть эту рубаху?»

Да. Пришёл сюда, к дому. Вокно открыто, она [барыня] чай пьёт, разуовариваеть.

Уоворить [барин]:

– Комнату надо замкнуть!

– Ну во! На что комнату мне замыкать? Мало что надо мне от служанок потрёбить*. Ня надо, не з[а]мыкай, и так ёна [рубаха] на мне: ну как ён может рубаху украсть? Не ўкрадеть! Да. Вкладывайте мяня спать, прислууи!

Эты взяліся. Постелю перятрясли, пярины ей, подушки положили, простынь чыстую – ляула! А ён [Нестеришка] тихонько раком – под койку! А яна уоворить, ета барыня, уоворить:

– Вот собака побех под койку. Мне воздух спортить!

А про этоу, про Нестяришку она не вздумала!

А ён что придумал: котялок колотухи* сварил, колотухи сварил котялок! Как яна уснула крепко, так ён под яё тую колотуху* [смеется] взял и подлил. Вот. Повярнулася – цап:

– Ах! Обвалялася я уся!

Да. Слушайте дальше расскажу! Вот.

– Служанки! – звонок подала, где служанки находятся, ну. – Ходите, меня уберите*! Вчара с вареньем чай перепила. Да [смеется]. Вся-вся обвалялася!

Пришли служанки, простынь сняли, рубаху сняли, с таза жопу вымыли [смеется]. Да. Рубаху под койку подкинули. Нестяришка под пазуху – и покуда был! Ага. Вот.

Ўстала навутро яна.

(Оны же барин в одной комнаты спать, а яна [барыня] в друуёй. В ночное время ня спали паны: а то ж один одного побунтуеь*! Сходилися, дети ёсь, а ня спали вместех, ня так, как мяня Ёаврила обнимеь мой, и руку подложит, и притиснет, и спим так обнявши, а паны ж не!).

Навутро встала яна [барыня], у служанки спрашивает, что я чистая? Чистая?

– Ничеу! – ўоворит [служанка].

– Я хотела в больницу идти. А что мне: ни живот не болит, что мне стряслось это так? Я ня знаю.

Сели за стол:

– Барин, а барин, вот мне так и так пришлось!

– Ай, пришлось! Нестяришка табе сделал! Рубаха у Нестяришки!

Ауа. Барин пошёл, узял сто рублей денех, повёз, подёл. Нестяришка подёл ему у аржаной колотухе* рубаху. Да.

– Вот что, Нестяришка, украл деньги, ўкрал ты ету рубаху с барыни, таперь же украдь самую барыню! Я тебе дам триста рублей вокрух*.

Да. Тоё ня у шшот, яшшо дасть. Да. Сидев, сидев ён [Нестеришка], думал, думал: «Ах, как ето мне сделать? Как это мне украсть?»

А ён [барин] ўоворить, работников потрёбал:

– Запряүите карету, и посодьте [барыню], отвязите в друуое имение, чтоб ён ня ўкрал!

Да. Вот, милая моя, ён на большак* пришёл ўпярёд. А ещё барыня тамока не наделася, да не подхóдилась красиво про Нестяришку! [смеется] Да. Так тоды забеуить [Нестеришка] да

охапкой за бярэзину, – а бярэзіны по большаку* вовець*, – и так ноуам и болтаеця. А ёна [барыня]:

– Посмотрите: во это ж удуленник! – барыня. Аўа.

Тады, покуль они там абязжають, от ён перескочить тот большак на друуей бок – за бярэзину, опять ноуам болтаеця! Да. Тады усё по большаку!

– Ай-ай-йяй, – ўовóрит [барыня], – что это так народ, народ стал давиться, поўляди, а? Сколько ж их ужо, удуленников? Вот что, – ўоворит, – работник, останови коня да й подкинь им травки етой, а сам сходи посчитай, сколько вдуленников. А я, – ўовóрить, – приехавши в имение к барину, барин-то знакомый, я тоды ж расскажу, а ты мужу расскажешь.

Ён и пошёл. А Нестерь сел у карету к барыне ды домой. И украл. Вот.

Приходить работник [к барину]:

– Ти отвёз? Ти отпрёх коней?

– Я утярял барыню! По большаку ўсё люди подавились*!

– Дурак ты! Ты ж дурак! – ўовóрить. – Ну ты ж, я ж табе ўоворил: вязи, не слязай долой! Это Нестяришка яё украл! Вот. А ты, – ўовóрить, – взял бох лошадей и барыню кинуть на большаку одну! Вот. Это Нестяришка украл. яна цела.

Тот плачет себе: ох, накажет барин, барыня пропала! Да. Наутро пошёл, триста рублей денег отсчитал. Зажился Нестяришка!

Вот и вся сказка.

№ 120 (79) ВОР ФАНЫГА

Жил мужик, и было у него три сына. Очень много было леса. Он не знал, что с ним сделать. Позвал сынов идти в лес потолковать:

– Что из няво делать?

Пришли они в лес, старший сын сказал:

– Много можно, отец, домов построить, постройек!

Второй сын сказал, что можно корыты, желоба* коровам, свиньям наделать. Третий сын, младший, что – кить* такой вырезать, и буду ходить воровать в лесу. Отец наругался

на него. Он [младший сын] яво не послушал, остался сразу в лесу.

Едет мужик, везёт полный воз хлеба из мельницы. Он [младший сын] поставил сапог перед ним, потом побяжал другой поставил, а мужик говорит:

– Что ж я с одним сапогом буду делать? Поеду дальше, не возьму!

Поехал дальше: стоит второй сапог. Он [мужик] решил сбегать за этим сапогом, первым. Лошадь привязал и побежал. А вор Фаныга наблюдал. И взял лошадь и поехал домой. Привёз и говорит отцу и братьям:

– Вот сколько вам хлеба привёз!

Отец опять заругался на него, что он таким хулюганским делом занялся: воровать. А он [младший сын] не послушал и опять в лес, опять в лесу сидит.

Едет мужик на базар, ведёт быка большого. Он [младший сын] тихонько ночью прицепился и верёвку отрезал от телеги, быка за роги и в лес. Тоже привёз братьям и отцу. И говорит:

– Вот режьте, много мяса вам будет!

Опять заругались на няво. Он ушёл, не стал слушать.

Вдруг, у него был дядя Крупеня, услышал такое, что вор Фаныга научивши воровать. И пригласил его на испытание, как он может воровать. Приехал [Фаныга] к нему, поехали на лодке на остров от утки яйца красть. Пока они до острова ехали, он даже подмётки отодрал от дяди Крупени, и тот не заметил. А яйца от утки украл, и тоже утка, как сидела, так и сидела.

Хорошо. Теперь услышал барин, что есть такой вор знаменитый. Приглашает яво к себе и говорит:

– Ты вор Фаныга?

– Да, я, барин, вор Фаныга.

– Вот у меня придут гости. Приедут, будут играть в карты, вот укради у них карты! Дам тебе сто рублей.

Так он говорит, что:

– Попробую украду, наверно!

А вор-то перепачкался в такую липучую, потом в перья перекатался, перья – весь как чёрт сделался и сидел наблюдал, когда они будут играть. Он как вскочит – они с испугу все

разбежались кто в окно, кто в дверь, думали чёрт это страшный такой. Он сразу собрал [карты] – и в сад, и там за деревьями и укатил! Потом они очнулись и стали смотреть, что это произошло, смотрят – карт нет! Тогда барин говорит:

– Вот это кто – вор Фаныга!

Призывает его, вор Фаныга говорит:

– Да, это я украл. Давай сто рублей!

Он [барин] отдал ему деньги и говорит:

– Я дам тебе двести, укради от нас с женой рубашки с тела!

Он говорит:

– Ну, хорошо, попробую!

Так они ложатся, ни в ту ночь – это дальше, сразу не стал делать. Спят одну ночь, и другую, и третью. Он тогда развёл дрожжей в бутылочку и, как они заснули крепко, подлил им туда хорошо. Барыня проснулась:

– Барин, – говорит, – кухарка нам плохо чай сварила, не закипятила, и у меня понос, смотри, и у тебя! Давай, сдевай скорей рубашки: грязные, запачкались!

Ну, хорошо. Кричит кухарку:

– Дарья, Дарья, скорей иди, скорей!

Она [кухарка] этого ничего не знает, со сну:

– Кто? Где? Чего случилось?

– Да, что ты? Неси чистые рубашки: у нас понос! Ты же наделала нам делов: рубашки-то запачкали мы, нам понос!

Ну, она принесла им чистые, а эти сунули грязные (Куда их!). Тут он [вор] сразу их схватил и в окно вылез и упорол.

Утром проснулись [господа], она [кухарка] говорит:

– И рубах никаких не брала ваших, не знаю! Но чистые вам принесла.

Так, тогда [барин] призывает яво.

– Ну, ты, вор Фаныга, рубашки украл?

– Да, я украл.

– Ну, вот тебе двести. Укради лошадей с конюшни, дам тебе триста.

Так.

– Ну, попробую!

– Будут замки и будет стража, сторожить будут.

Но вот он тогда растрёпанную одежду взял, одел на себя. Бочонок вина купил и пошёл. Намочился сначала в воде, в канавы. Идёт и говорит:

– Пустите меня погреться, я весь примочился, ввалился в канаву. Несу бочонок вина: жёнка родила, на крестины надо, дайте погреться!

– Ну, грейся, грейся!

Так он стал греться, заснул, захрапел (нарочно он это, специально). Захрапел, тогда они и думают: вот сейчас мы и напьемся, пока он спит. И он всё это слышит. Они открыли бочонок, и эта вина-то напились, успали сразу: вино крепкое было. Успали, а он следит за ними. Он взял от конюха ключи, отомкнул конюшню, вывел самую пару лошадей хороших, опять замкнул и ключи положил конюху. Сам конюх спал. Когда проснулись, испугались:

– Что мы-то наделали, мы же спали, а тут мог кто украсть лошадей-то!

А конюх пощупал:

– Ключ-то у меня, не бойтесь, спите спокойно!

Пошли утром: лошадей нет, хорошей пары нет! Ну, тогда барин опять призывает яво:

– Ну, вот на тебе триста, но чтоб больше к нам не ходить! И так меня разорил! Чтоб не было тебя в доме нашем никогда!

– Ну, хорошо, не пойду!

Теперь он узнал, когда барин уехал на охоту. Пошёл к барыне. А там свинья с поросятками ходит. А он на лошади приехал, на телеге. Говорит, кланяется свинье в ноги всё время. А она [барыня] говорит слугам:

– Сходите, посмотрите, что там мужичку-то надо, свинье всё в ноги кланяется.

А говорят:

– Он с нами не разговаривает, мы сходили, он с нами не разговаривает. Барыня, иди сама!

Барыня пришла, говорит:

– Что, мужичок, тебе здесь надо?

Он говорит:

– Барыня, наша свинья пестра – вашей свинье сестра. Просила вот ей на день рождения, чтоб свинью с поросятами со всеми к нам, я на телеге приехал, увезу их.

Она говорит:

– Вот как нас почитают: даже животных наших уважают! Идите, – слугам, – помогите посадить на телегу!

Посадили на телегу, он поехал.

Приезжает барин с поля, со службы своей, с охоты. Не успел барин войти, она [барыня] и говорит:

– Барин, – говорит, – как нас-то почитают: даже животных наших и то уважают! Тут мужичок-то приехал на телеге. Их свинья пестра – нашей свинье сестра. Вот на день рождения просит, чтобы мы отпустили. Вот поехал.

Он заругался, чуть не побил барыню:

– Дура ты такая, это был вор Фаныга, он тебя омманул. Ты опять дурочкою осталась хороша!

Справился, лошадь запряг догонять его.

А он знает, что догонять это будут, он уже эту свинью с поросятами в лес загнал и привязал, а сам шапку положил и с палочкой стоит, и опять в другую одежду одевши и стоит.

– И тише, тише! – барину – Ты что тако, так быстро едешь?

– Да что? – говорит.

– А ты, – говорит, – кого ищешь?

– Да вот не видел ли, мужичок увёз (а сам не подумал на него, тот же на телеге увёз, одежду другую одел), увёз свинью с поросятами.

– А, видел, проезжал! – говорит.

– Но, – говорит [барин], – ты не мог бы догнать?

– Да как я догоню: мне надо птицу, да тут знаешь, красивая-красивая вот под шапкой вот под этой сидит, и мне надо караулить: как я могу догонять! Ну вот если ты возьмёшься караулить, я поеду догоню. Только мне, – говорит, – одежду твою, чтоб знали, что это барин. А то я в таком лохмотье, кто мне отдаст эту свинью твою!

– Хорошо, ну ладно, буду караулить!

Переоделись они. Он это на лошади на хорошей поехал, догонять уехал, и уехал, и уехал.

И сказано было:

– Если пойдёт такой растряпуга – собак спускайте и навузыкывайте*, пускай его растерзают! (Рассердивши был барин!)

Барин-то идёт – на него собак: ах, он не барин, раз не в шляпе, не в одежде хорошей, без шапки!

А он [вор Фаныга] подъезжает к барыне, подстроился к барыне, такой мужик нарядивши, хороший, умный, хитрой, воровать знает, барыня на ём и женилась.

Вот и сказка вся.

№ 121 (80) СКАЗКА О ЛОВКИХ ВОРАХ

Ловють рыбаки рыбу. Сейчас является обоз с товаром:

– Давай обторгуемся! Дождёмся, пока наловють рыбаки, тогда купим рыбу.

Стоять так, стоять. Пришло четыре человека хулиганов таких. Вот один садится, луночку просек* и говорить: на долото будеть он рыбу удить. (Ну как он на долото будеть рыбу ловить? Ведь нет червяков, ни крючков!) А эти, которые извозчики, говорят:

– Ну, как же придеть она, рыбаина-то?

– А вот поглядите, коли я не наловлю!

Вот взял он эту долото и в воду макает:

– Тут не возьмется, так там возьмется! – все приговариваеть.

А там, где рыбу ловять неводом, там собрана у него была обнизочка* в кармане. Как заглядятся*, он тады цап свеженькую рыбинку:

– А во, – говорить, – глядите!

И говорить этот парень [второй вор], который подошёл:

– Охти, как у меня зубы болят!

Кричить, хукаеть:

– Вот уж коли все зубы заболели!

– Кто ты? Зубы заболели? Я, – говорить, – щепинку даю ковырять в зубах, заговариваю!

Взял пруток лозовый, застругал, пошептал на тую щепинку и подал ему. Тот поковырял в зубах:

– Заднему полегчало!

А что они сделали? Подъехали, у заднего коня сложили товар [с воза] на своего коня и повезли. То значить: «Заднему полегчало!»

– Тут не взялось, так там вóзьмется! – опять ён тута на долото ловить.

А мужики говорить:

– Иди ты, не мутосветь*: а то мы тебя возьмём да в лунку, такого мутосвета*!

А всё равно не поняли, что товар забрали с заднего коня, думают, что полегóшело* ему зубьё.

Извозчики всё дожидають невод, а его никак не вытянуть. Там в него взялось хорошо! [т.е. вору спокойно ограбили весь обоз с товарами]. И вот свалили весь товар да повезли в гавань.

Вот, моя милая, свезли. А они, извозчики, ўсё ещё стоять. Ўсё вытягивають невод. Ўсё дожидають. А мошенники свалили тот товар, а на коне приехали обратно. Тут и невод вытянули. Вору и говорить:

– Батюшка просил, чтобы дали два пуда рыбы: жена померла, на похороны надо (поп просил: вот будут похороны). Весов у нас нету.

Мужики согласились дать, говорить:

– Да без весов можно: он заплатить хорошо!

В мешок навалили большой хорошей рыбы. Они сели и поехали. К церкви подъехали:

– Батюшка! У рыбаков тронулся мужчина ума! (Вот так обманули!) Оны приедут сюда в церкву.

Поп отслужил молебен тому рыбаку: может, ему полегчаёт (ничего не знает, что они взяли рыбы). Тады вот ён даёт людям крест целовать. А поп какую-то книгу на голову кладёт:

– Который в вас головой тронулся?

А яны пришли пять человек:

– Батюшка, заплатите нам за рыбу!

А он:

– За какую рыбу платить?

– Да нам сказали, что у тебя жена померши, тебе на похороны!

Народ кругом сидеть слушает. Поп говорить:

– Я ничов не говорил! Я ни за какую рыбу платить не буду! А мне сказали, чтоб молебен отслужил! (А тут попа обманили!)

Так оны и поехали.

№ 122 (81) ДВА ВОРА (ГДЕ ВОРАМ ЛУЧШЕ ЖИТЬ)

Давно-давно дело было. Идут два вора. Городской идёт в деревню, а деревенский идёт в город.

Встречаются по дороге. Городской говорит деревенскому:

– Куда ты идёшь?

А тот говорит:

– Я в город иду. В деревне совсем стало ничего не украсть!

А городской:

– Э, дурачок, да разве ты в городе украдёшь? Пойдем лучше в деревню! Ну, вернулся деревенский.

Идут лесом, вышли на поле. Мужик пашет на коне. Ну, городской говорит:

– Хочешь, сейчас коня уведу у этого мужика?

А деревенский:

– Ты что? Где ж ты уведёшь? Мужик-то пашет, разве он коня бросит?

– А, – говорит, – стой, гляди! Как только мужик войдёт от коня, так забирай коня и уводи!

– Не знаю, – говорит, – такого чуда, чтобы мужик, пахавши, коня бросил!

– А вот, – говорит, – гляди!

Забрался в лес на дерево, на высокую ёлку и кричит оттуда на всю глотку:

– Вот так чудо! Вот так чудо!

Мужик поглядел-поглядел: что за чудо?

А этот опять:

– Вот так чудо!

Ай, не выдержал мужик: бросил коня, пошёл в лес!

А тот поглядывает, когда тот [другой вор] станет коня деревенского уводить.

– Так слезешь ты или нет? Скажешь мне, что за чудо?

– А вот, – говорит, – такое чудо: я сидел на ели, а твою кобылу увели.

Ну, кого? Пропили кобылу, погуляли вволю. Идут дальше. Идут. Мужик на быках едет, молоко везёт.

– Сейчас, – говорит [один вор], – мы быков угоним с молоком.

– Хм, ну как ты, – говорит, – угонишь? – говорит деревенский.

– А вот, гляди!

Берёт тряпочку, ботинок начищает, кидь на дорогу! А сам в кусты. Сидят. Глядят. Мужик останавливается:

– Тпру!

Поглядел, поглядел. Ну, кого? Один ботинок, другого нет! Где ж он один в хозяйстве? Кинул на дорогу, поехал дальше. Отъехал версты две. Городской думает: «Ага, теперь можно!» Вот он второй ботиночек начистил – кидь на дорогу! Мужик видит: второй башмак!

– Ах, ты, едрит твою!

Остановил быков, побежал за тем [первым] ботинком. Две версты покуда бежал, быков не стало.

Ну, кого делать? Погуляли опять вволю. Идут в деревню. Уже всё, опять обнищали. Идут в деревню. В деревне праздник. Наверное, Казанская* либо какая. Бабы гуляют, господа, пьяные!

– Ну, – говорит, – счас мы и тут поживимся!

Заходят в избу:

– А, здорово, здорово, бабоньки!

Тыры-пыры! Ну, выпили по рюмочке, по две. Ну, один притворился, деревенский, вроде горазд запьянел. Ему сказал городской:

– Ты вот так прикинься, а там потом обворуем баб.

Ну, коль? Этот на балалайке играет, бабы пляшут, рады не помнют, что гармонист нашёлся! А тот, который глядел всё,

вот много всякого богатства у баб. Как так? В чём всё унести?
Не в чем! Вот он пьяный ковыль-ковыль с той половины:

– Всего много, всего много,
Только некуда девать!

А тот на балалайке:

– Эх, женская рубашка –
Тот же мешок:
Рукавы завяжи
И, что хошь, положи!

Набрал мешок – ковыль в окно! Ушёл! Ну, и мужик
давай прощаться:

– Всё, бабоньки, пора!

Ну, так и пошёл. В лесу опять встретились. А бабоньки
хваталися. Вот так.

Где ж вора́м лучше жить, в деревне или в городе?
Вот такой анекдот.

№ 123 ДВА ВОРА

Были два парня. В школу ходили вместе. Ну, с девочкам
дружили. И, в школу ходивши, воровали. Там... то у учителя, то
– меж собой.

Всё, школу кончили. В онно́ва родители заболели. Ну,
этот остался, а другой пошё... поехал в город. Этот звал,
городской, гыт:

– Давай поедем в город! Там можно прожить!

Ну. А етот:

– Не, я родителей ня брошу и буду в дяревне
действовать.

Ну, так и ряшили. Этот поехал, а этот в деревне остался
– па́коссить. Ну, па́коссил-па́коссил. Потом встречающа с
другом. На дороге. Тот с города ехать в деревню, а этот,
наоборот, – в город. Повстречались, поговорили. Ну, што... А
дерявенский гыт:

– В деревне, – говорить, – народ ушлый! Никак не
омманить никого. Ну, не омманить, значыт, не омманить. А
городской:

– А в городе – и подáвнее!

Ну, согласились, пошли в дярвеню. Видють: под лесом пашеть мужик. На лошади. Да...

– Вот, – грить, – и деньги!

– А как? – говорить. – У мужука в руках лошадь. Если она... В рукопашную брать?

– Зачем, – гыть, – в рукопашную? А сделаю, – гыть, – штоб сам мужик вшёл.

Ну, этот пошёл под лесом на ёлку забрался. Ну, а мужик... Такú полянку... эту лошадёнку пашеть. Этот спрятался за этим, за кустам.

– От, – гыть, – как войдётся мужик от лошади, снимай хомут и езжай на тые перякрёстки – дожидай меня там!

Ну, вот подъязжает мужик ближе к лесу, а ён на ёлке сидить.

– Вот чудо так чудо!

Ну, опять мужик разворачывацца, опять едет второй... заходку. А ён опять:

– Вот чудо так чудо!

Да несколько раз так. Мужик останавливайт коня:

– Тпру!

Надо ж посмотреть, что за чудо! [Смеётся] Ну вот, подходить к ёлке.

– Ну, Расскажи, что ты за чудо?!

А ён за голову́ взявши:

– Вот чудо так чудо! Ну, чудо так чудо!

– Так слезь ты же с ёлки! Расскажи, что ты за чудо!

Он уже видит, что хомут долой, товарищ сел, уже верхом погнал коня. Он опять с ёлки слез, нагнул на корточки, за голову́ взялся.

– Вот чудо, – говорит, – так чудо!

Мужик опять:

– Ну, что ты за чудо?!

– А вот, – говорить, – я сидел на ялі, а твою кобылу увяли! [Смеётся]

Ну вот, ввяли, значит, ввяли. Он бац туда: правда! Кобылы нет! Хомут... Хомут да плуга. Ну, пока к этим, к этим гнался, и это, за этим, за мужуком, и етот вшёл.

Ну, согнали на перякрёстке, кобылу прода́ли.

– Вот, – гыть, – и деньги есь!

Дальше идут. Идут по дороге, видють: бабка молоко это...вязёт. В завод. На бричке на такой. На быке (шо это после войны уже). Ну, на быке едет. Городской:

– Вот и мясо!

– А как ты ба... К бабе приставать будешь? Баба возмёт да, понимаешь, закричать. Или что.

– Зачем? – гыть. – Она, – гыть, – са́ма от быка войдёт! Ну, и идут дальше. Городской взял – ботиночки в яво добрые – раз-раз: тряпчочкой подтёр, штоб блессели! Кидь посярёд дороги ботинок! Дальше идут. Ну, отошли километра два и наблюдают. Баба доехала до этого ботинка, слезла с брички, поглядела:

– Эх, ботинок доб*... ды што с ево с онно́ва?!

И кидь, опять кидь яво... на дорогу! Дальше... Ну, а эти наблюдают. «Вишь, уже, – гыть, – клюнуло!» Пошли дальше, отошли немножко, сели... в кустах. Городской раз-раз второй ботиночек... кидь на дорогу! Баба:

– Ах, мать дорогая! Доехала! Да и парныйи!

И за тым ботинком! Пока за тым бегала, понимаешь, эти быка с запряжки вон! Увяли, вот зарезали – и мясо есь!

Дальше идут. Дальше идут, праздник какой-то женский: женшшыны гуляют.

Ну ево...

– Ну можешь эту... в балалайку играть? Балалайку... А сплясать?

– Да, – говорить, – спляшу, – деревенский.

Ну, заходят.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, бабыньки!

А, бывало, бабы – в самом разгаре гульни*. Ну, городской цоп балалайку! И давай наяривать! Во! Женшшыны в пляску. Всё. Да по рюмочке и им. А этот городской мигает:

– Ты ня пей!

И тянеть-тянеть, а сам – за воротник. Чтоб не напицца. Ну, и по-ошёл этот плясать, деревенский. Плясал-плясал, как заморился – бац в отхожую избу! Бабы:

– Ну, пускай поляжит, чё-т заморился. Поляжить...

Оттуда поляжал – опять в пляс пошёл:

– Всяво много, всяво много,
Только некуда дывать!

Ну, а этот балалайку играть:

– Женская руба-шка –
Тот же мя-шок:
Ры-ка-вѣ за-вя-жи –
Ка-во хошь по-ло-жи!

Ну вот, так и сделал: опять поплясал, нашёл рубашонку там, добренько всё [в неё сложил], сходил, за окно выкинул и – до свиданья, бабки!

А бабки потом [догадались]:

– Вот он и припывал!

Им невдомёк.

Вот так и жили: и тряпки есь, и мясо есь, и деньги есь!

№ 124 (82) ЖУЛИК И МУЖИК

Захотел мужик продать быка. Вось они поехали с жаной в город. Приехали, а здесь народу видимо-невидимо! Захотелось жане в магазины и говорить она мужу:

– Привяжи бычка и карауль, а я пойду.

Так он и сделал. Но тут – бац! – жулик идет. Говорит он мужику:

– Отдай быка!

– Не! – говорить мужик.

Тогда жулик и говорить:

– Давай зевать, и, кто перезевает, того и бык!

– Давай!

Зевали, зевали! И всё же мужик перезевал. Но жулик не дурак. Хочется ему быка. Тогда и говорить он хозяину:

– Давай, кто кого пережмурить!

Согласен мужик. Закрыв глаза – и тёмная ночка стала! А жулик отвязал бычка – и поминай как звали!

Приходит жана с покупками: аж нету бычка! И муж с закрытыми глазами! Раскудахталась тут она:

– Ах, ты, эдакий-перездакий, прозевал бычка!

А мужик в ответ:

– Да не прозевал, жёнушка, а прожмурил!
Ну, тут и басня кончилась.

№ 125 СКУПОЙ И ВОР

Дело это перед Пасхой. Все уехали на Всеночную*, т.е. на крестный ход. Остался один старик дома. Был он очень богатый и скупой. Никто его не любил в деревне. На чердаке в чулане было у него много добра: окорока, колбасы, шапки, тужурки.

И вот слышит он ночью, что кто-то по потолку* ходит. Старик спросил:

– Кто там?

А сверху голосом великим:

– Бог!

Старик просит:

– Господи, очисти!

А ему сверху голос и отвечает:

– Очищу, очищу!

А старик жадный был и опять просит:

– И сестру мою, и сестру мою...

А голос отвечает:

– И сестру очищу, если успею!

№ 126 ДВА БРАТА

Вот было́ два брата. Боу́атый брат был и бедный. Боу́атого звали Ёришка, а бедного Ёришута. Да. Ну так, как у Нестяришки: рябят кучка и ничох нет. Вот. Да! Один у яво конь, и тот заболел и сдох тот конь у тоуо, у бедноуо. А боу́атый этот боу́ато живётъ. Ён [бедный брат] и уо́ворить:

– Братец, да ты жа мне что-нибудь да помох! Ребятам поесь(?) да что!

А ён уо́ворить:

– Ничím я табе помоу́ать ня буду!

Да. Вот. Ён взял етого коня, ободрал. (Знаешь, люди были́ дюже* дурны спярва.) Ободрал ету шкуру коню и понёс, как вот, видите, продавать на базар.

Вот. Является. Да. (Ой, сбилася.) Понёс на базар и опоздал. Тады зайшёл к какому-то соседу поночевать. Да. Да не пускает женшшына. А хозяина дома нет, а женшшына не пускает. [Он] ўоворить так:

– Я, – ўоворить, – во де со своим мяшочком под заўнеть* побуду!

А у женщины тогда был полюбовник... вот в шкапé замкнўтый. Да. Тады яна, тады яна ўоворит:

– Пустите!

Во. А ён тады это на печку узлез и кожу тую у мяшке стянув и ляжить.

Хозяйка-то отомкнула шкап и посадила яўо [полюбовника за стол] исьть, и всяўо там яна наставила яму и пол-литра поставила. Да.

Только так ён – ўрох-ўрох! – хозяин пришёл. Она скорей опять яво в шкап и замкнула. А тот усё там ляжить, видитъ ўсё. Да.

Тады ён [муж]:

– Давай, – ўоворить, – вужинать!

А тада на емле (?) стояла похлёбка тая прокислая, яму налила. А в печке всё, всё там ёсь, и ничох не дала. Раз полюбовник, ня надо ёсь. Да. Потом ўлядить: мушшына! А этот замячал. И ест [муж], она там занимается.

Тады ўоворить:

– Ай, – ўоворить, – ночлежник, ходи, – ўоворить, – ко мне суп хлябать: хоть прикис, а я исть хочу, поем!

Ён долой.

– А ето [на мешок со шкурой лошади], – ўоворить, – что в тябе?

А ён [Гришута] ляжался, надумал:

– А ето, – ўоворить, – у мяня волшебник (на коньскую шкуру)!

Да.

– А вот что твой волшебник знаетъ?

– А мой волшебник усё расскажетъ табе, что в тебе в домé вядётъся!

Вот.

– А я, – ҧвóрить, – табе большие деньҧи дам за яво, чтоб я знал!

Ну, зачем ей, она яво не понимаить: крутится там. Да.

А мужик [по коже] ногтём. А кожа была сухая. Ногтём кожу – тись-тьсь! А ета кожа – свись-свьсь! Аҧа.

– Ой, что этот волшебник табе ҧвóрить?

– А мой волшебник ҧвóрить то, что в тебе у печке всё на свете: и блины, и мясо, а ты, ҧвóрить, прокислый суп хлябашь!

Он открыл заслонку*: и правда!

– Ну, давай, будем йись!

А яна [жена] ляҧла, ляжить. Аҧа.

– А яшшо, – ҧвóрить, – ти знаешь?

– А знаю, – ҧвóрить, – открый шкаф: у тябе в шкапé человек!

Уҧу. Так ён открыл шкаф, взял яво [полюбовника жены] сюда. Не пьёт, ни чо. Да. А тады ҧвóрить:

– Я, – ҧвóрить, – у тебе этот волшебник куплю! [Смеется].

Аҧа. Коньская шкура! (Дураки были раньше люди, ня вси вумные!). Да. Вот.

– Что табе дать?

А он:

– Мне, – ҧвóрить, – ҧарник* золота-серебра (На тые деньги старые. Аҧа. Тоды бумах* мало былó!)

Вот он взял, насыпал яму, ён потом завязал, в свой мяшок [шкуру], уложил. Повұжинал [у него Гришута] – и домой!

Нашёл ён ... еты деньҧи хукнул. Вот. Пошёл к маҧазину, накуплял ситцу, одежи накуплял, ҧостинца рябят.

А через сени с братом жили́. Да. Тады привёз это всё, и прибеҧли явонные [богатого брата] рябят, через сени в тую хату к ням. Дядька ж, а ребята ж ня виноваты! Да. Тоды ён йим дал [гостинцев].

Тода [богатый брат] ҧврить:

– А де? А де вы брали?

– А, – ҧвóрять, – дядька дал!

И ён [богатый брат] сам зайшёл [узнать, откуда у бедного брата деньги на гостинцы взялись].

– А де ты брал?

– А я, – ўовóрить, – конь сдох, шкуру снял, мне, – ўовóрить, – жиды* бяо́м расхватали, наносили денех, шкуру хватили. Поглянь, сколько у мяня серябра да золота! (Брата обманил.) Аҕа. Да.

Вот, милая моя. А брат поўлядел, что было десять конёв. «Возьму, своего коня зарежу!» Аҕа. «Быдто я вязу шкуру на базар». Он [богатый брат] взял коня обвалил*, ободрал, высушил [шкуру] и понёс на базар.

Приносит на базар. Являются явреи к яму:

– Сколько шкура стоить?

– Ўарник золота!

– Тьфу, дурак! Два рубля!

Аҕа.

– А мой жа брат вот так и так, на базар и носил и принёс ўарник золота!

– Откуда такёй дурак нашёўся?

Да. Ну что ж! Ён тую шкуру кинул и два рубля ня стал брать, что: «Я такого коня зарезал! Я возьму яво, да и зарежу пришёвши, брата, зачем он меня обманил?!»

Аҕа.

Пришёл [к брату]:

– Я, – ўовóрить, – днём ня буду рябят пууать, а кода, – ўоворить, – заснёшь, то я тябе всё равно зарежу!

Вот. Ну что ж? Так яму и сделал [т.е. отложил расправу до ночи].

Ён [бедный брат] взял (Раньше ж не носили штаны [бабы]), жёнка [бедного брата] заснула, штаны надел ей, рубаху надел короткую, а сам узял да и уйшёл. А этот [богатый брат] пришёл ды жёнку зарезал.

Да. Ну что ж сделать? Ён [бедный брат] взял жёнку обмыл, обхóлил*, посадил у возок – уже ён купил коня и возок – усяго накуплял. Да. Ну она пристягнулася так, платком шалко́вым обвязал и всё – и повёз на базар. Ууу. «Яво – ўовóрит – я никак жита* не (о)бманю? Как-нибудь да обманю! Я,

говóрит, брата обманил и мужука обманил, а бываить и так, и жíта, бывало, омманишь!»

Ну. Приехал у чайную. (А раньше ж чайная, столовая таперь от государства, а тады имеет мушшына.) Вот. Пришёл ён туда, что чайку поуреться. А яна говóрить, эта:

– И мёд ёсь!

– Ну тады дай мядку моей хозяйке: яна, укорилая*, не йдётся!

– А ты сняси сам!

– У мяне яна не возмётъ: сильно укорилая, рассярдилая, натура в ей дюже* худая!

Это ён. А сам узял стакан это чаю, подсластил мёдом ды и пьётъ, а пить ня хочеть: ня знаеть, как бабу тую жида обманить. «Баба, говóрт [говорит], коуда будет, как дай ей под губу хорошенько! Коли пить ня будеть!»

Он пришёл и что:

– На чаю табе! [поправляется:] А! это... мёду табе! На мёду!

Мёду тады принёс – она ня взяла. [Далее часть записи испорчена и восстановлена по рукописному тексту] Размахнётся, как размахнётся, как дасть под губу! [Баба и упала. Гришута выскочил из чайной]:

– О-ой! – закричал, – яврей, – говóрить, – жёнку зарезал!

Ауа. [Часть записи испорчена, восстановлена по рукописному тексту] А яврей кричить:

– Ня выдавай мяне! А то мяне посодют навеки в тюрьму за яе, а я ня резал, это кто-нибудь отрезал! Я тябе чашку золота и серябра дам!

Сказка! Да. [Часть записи испорчена][Гришута поехал на] кладбище, выкопал ямку, закопал [тело жены], поехал... домой. Да.

Приехал домой. Тады говóрить этот. Рябяты прибеули.

– Идите, поулядите, что ён привёз!

– А я, – говóрить, – яво, думал, зарезал, а я, – говóрит, – тётку зарезал, а не яво зарезал! А ён скрылся! – увóрит.

Да. Тады ён говóрить, пришедши:

– Ыде ты яё дел?

– Үде дел! Ляжить. Яврей, нада яну яна, узял да и мне вот чашку золота! – да показыват на ону.

Ён [богатый брат] узял, пришёл ды жёнку зарезал. Аҫа. Зарезал жёнку. Узял да положил яе у крові, да й повёз на базар:

– Үде тут-ко мёртвых людей продають?

Бяҫуть люди:

– Дурак, – ҫоворять, – надо ж хоронить! Что ты с ума сойшёл? Куды ты привёз яе? И вся у крові усё, а ты яё привёз? Надо ж хоронить!

Привёз домой, похоронил. «Топере-ка ужо я свояҫо брата со свету сживу! Топерь мне кобён(?), и хозяйку я прибрал*, поҫнаҫся за золотом [спохватившись:] аҫа, за братом: «Прибярү!»

Да. [Пришел к брату].

– Садися, – ҫоворить, – в мех*: понясу утоплю!

Это брат. Взял у мех посадил яво. А тады – так-то Боуу он нагрязил, жёнку зарезал – поставил яво у мяшку коля церкви, а сам пошёл у церковь Боуу помолиться. Приходить туда, стал Боуу молиться, служба идеть.

А ён у мяшку:

– Ни писать, ни читать ня ўмею, на попы сядють*!

Аҫа. «Ни читать, ни писать ня ўмею, на попы сядють!»

Да. А попа только обстрыҫли*, сняли с должности.

Сзади бяҫить поп. А прибех:

– Что ты ҫоворишь?

– Да во: я писать и читать аза ня ўмею*, а они хочут, чтоб я попом был в етой церкви!

– Давай я буду!

Ён вылез, Үришка, который Үришута, попа взяли, всадил, завязал, а сам пошёл. Домой. Вот.

Пошёл у имение, купил сабе две корови, приҫнал на улицу и ходить, а яны такие, что ах! [А его брат идет домой:] «Жёнку сҫоивши*, коня сҫоивши и брата втопил!» Ён расстроился.

Пришёл, а ён [брат] любитса коровами. Ды и улядить:

– А я, – ҫоворить, – тябе ўтопил!

Вот.

– Как ты [оказался здесь]?

– А я, – ўо́вóрiць, – на дно – там коров мно́го! Я выбра́л
две корови, да и по́унал [на бере́г], а я жив оста́лся.

– Пойду и я!

Вот.

– На, брата́ц, тебе мяшо́к, иди топе́рь ўки́нь мяне ў ряку́!

– Не, – ўо́вóрiць, – ползи сам!

Вот. Уполз ў ряку́. И всё. Сказка вся!

№ 127 (83) КАК БАБА СВИНЬЮ ЗАМУЖ ОТДАЛА

(Как не анекдот, не при́казка. Такая что... При́казка – анекдот. <...>)

В бабе не бу́ло дочкé, а была сви́нья, звали Ха́вронья. И тогда она пошла на я́рмалку (как, бывало, там, на я́рмалки собираются). Она го́вóрiць:

– У людях дети, заму́ж отдаю́ть! А мне хо́ш бы сви́нью Ха́вронью́ хто заму́ж взял!

Один таке́й ловка́ч го́вóрiць:

– Ба́бк, отдай? Я возьму́!

Ну, го́вóрiць:

– Приезжай, отда́м, и при́даного мно́го, отда́м!

Сказала де́ду, де́д го́вóрiць:

– Да ты, ба́б, с ума спя́тила!

Он пошёл на рабо́ту. Приехали. Она [баба] положи́ла добро́ всё сви́ньи. И повя́зли. Она вы́шла и заигра́ла, в ладо́шки захлопа́ла:

– Дороже́нька ми́ла, ми́ла!

Пове́з Ха́вронью́шку Дани́ла.

А Бо́г – по пу́ти!

А злы́ – не му́ти!

Ну, и повя́зли.

Пришёл де́д. Она го́вóрiць:

– Отда́ла Ха́вронью́ заму́ж!

– Да ты одуре́ла, ба́ба! А в кото́рую сто́рону везли́?

– Да вот там, ту́да!

Он сел на же́рябца́ и поеха́л.

Ехал, ехал. А оны вдвоем. Видять, что совсем нагоняеть дед, один слез, сел и шляпу положил на траву. Тоды он говорить:

– Добрый молодец, ти ня видал тут, вязли свинью и сундук с добром?

– Да, дед, видел! Только ты не догонишь. Сядь, покарауль, я тут соловья поймал под шляпой, а я быстро поеду – догоню!

– Ну, добрый молодец, поязжай!

Сидел до вечера, поглядел: там [под шапкой] ничего нет! Пришёл домой и говорить:

– Ну, баб, не одну тебя обманили! И я дурачок. Не анна ты.

[– И коней забрали?

– Да, и коня уунали. И коня уунали. Только шляпу атставили.]

№ 128 (84) СКАЗКА О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ

Как-то поп... жадный, но боуатый, нанял мужука покосить. Пришёл мужик. Ну, дали яму поужинать, мужику. И разулядели, что он жрёт сильно мноуо. Ну и обсудили, что лучше яво кормить за раз: три обеда за день яму отдать.

Заўтрик взяли, заўтрик поставили – мужик поел; обед поставили – почёрнул чуть-чуть; вужин поставили – уже нет охоты ись: наеўся. Он бёреть свой зипун* – и на сеновал: спать после ужина. Поп подумал-подумал, да и уоворить:

– А что это ты, свет, залез, – уврит, – на сеновал?

– Батюшка, а ўсе после ж вужина спяць, а не работают!

Поп пошёл покосил один, покосил, пришёл. Ну, что заўтра будет? Надо ж поулядеть! И заўтра такая песня, и на третий день опять тое ж! Тады и уоворить поп на работника:

– А какая ж, – уврить, – ето работа? Что ты, – уоворить, – пойшь и спать?

А мужик и уоворить:

– А такая, – уоворить, – работа, батюшка, ты дурак что ли, – уоворить, – у нас, – уоворить, – позавтрикают, пообедают,

поужинают после ужинья обязательно спать, а не работают, а у вас что, работают?

Ладно. На чатьвёртый день стали заўтрикать, мужик и ўоворіть:

– У нас за одним столом три обеда не отводят.

Взяли купили два стола яшшо. Заўтрикають на одним, обедають на другим столу, вужинають на третьем. Все равно мужик спать! Поп один работать! Рассудить ня могут никак, что за история такая с мужуком! Жрёт, а не работает. Потом и ўоворить поп на яво:

– Да как же это так, что вот я тябя кормлю, а ты не работаешь?

– А так, – ўоворить, – у нас, – ўоворить, – так у дярвене: позавтрикають – поработают, пообедають – поработают, поужинають – спать ложатся. А я, – ўоворіть, – завтрикаю, обедаю и ужинаю – значит, надо спать после ужина!

Тады поп токо додул!

Он яму дня два покосил, а за неделю плату спросил. Всё равно поп заплатил яму, раз пробыл он у яво.

И больше ничаво!

№ 129 ПОП И РАБОТНИК

Крестьянин где-то прослышал, что, чем дольше ребёнок пьёт материнское молоко, тем он сильнее. Вот родился у него сын. Сказал тогда мужик этой жене, чтобы та сына до десяти лет поила своим молоком. Исполнилось сыну десять лет, отец повёл его в сад, попросил попробовать вырвать яблоню с корнем. Мальчик обхватил дерево, но оно только дрогнуло.

Отвёл отец сына к жене, приказал кормить молоком ещё десять лет, опять повёл его к яблоне – та вся задрожала, закачалась, но устояла.

Ещё десять лет кормила мать сына своим молоком, третий раз отец приказал ему вырвать яблоню. Тот дотронулся до дерева, оно и упало. Отец остался доволен, что теперь такой помощник у него есть.

Да вот беда, не вышло помощника из сына: за что ни возьмётся, всё ломает – слишком много силы в нём. И решил

сына отец подальше отправить из дома, на заработки, пока тот дом в щепки не разнёс.

Шёл-шёл крестьянский сын, пришёл в какую-то деревню, там его взял к себе в услужение поп и обещал в конце года с ним щедро расплатиться. А поп тот был скупым. Он обещание дал, да сразу об этом пожалел.

Пришла зима, поп послал крестьянского сына в лес дров нарубить, смотрит: тот возвращается, в сани впрягся, их за собой тянет с дровами и лошадей. Испугался поп такой силы.

Послал он крестьянского сына к царю, сказал, чтоб тот ему царскую дочку привёз: пусть она попадётся станет, а то ему одному жить не пристало. А сам думает: «Царь дочку не отдаст! А коли её выкрасть кто попробует – на то у царя войско есть».

Вскоре работник, живой и здоровый, возвратился с царской дочкой. Поп его спрашивает, мол, как так? А тот и говорит, мол, царь был против, войско на него послал, – да что ему то войско?! Девуцу взял и пошёл обратно.

Близится срок расплаты. Решил поп известить такого силача. Послал его к чёрту, спросить, сколько попу жить лет осталось.

Пошёл крестьянский сын к чёрту. Пришёл, а того дома нет, только бабка его старая. Она и говорит, мол, полезай под кровать, я сама у внука спрошу всё. Чёрт явился только вечером. Бабка его накормила, напоила, спать уложила. Потом ночью крик: бабка чёртова кричит, чёрт проснулся, она ему и сказала, что ей приснился поп, который спрашивает, сколько тому жить осталось. Чёрт и говорит:

– А, спи спокойно! Меньше года проживёт твой поп!

И заснул.

Крестьянский сын вылез из-под кровати, поблагодарил бабку и пошёл в обратный путь.

Поп видит: работник его возвращается. Спрашивает, узнал ли он что у чёрта. Тот ему и сказал всё как есть. Поп как закричит:

– Нет, не может такого быть! Я только женился! Это ты мне соврал! Никуда ты не ходил – сам придумал это! А значит, я тебе ничего не заплачу!

Кричал-кричал, ногами стучал, вдруг упал, захрипел и помер.

А сыну крестьянскому и деньги попа достались, и дом, и жена молодая.

№ 130 (85) ДЕД-ГАДАТЕЛЬ

Жил старик со старухой. Жили они плохо. Старуха говорит:

– Научился бы ты, дед, гадать!

Тот ей отвечает:

– А как я научусь?

– Знаешь, я пойду к куме, украду барана и спрячу в лесу, а ты сходишь и скажешь, что погадаешь, где её баран, – сказала старуха. На этом и порешили.

Пошла баба к куме, украла барана и спрятала в лесу.

На другой день пошёл дед во двор, видит: кума идёт, говорит:

– Горе! У меня барана украли!

Вышла баба и говорит:

– Попроси деда, он тебе погадает!

Попросила кума. Стал дед гадать, а сам-то знает, где баран спрятан. Ну, и нагадал куме, что воры вели, да на них напали и убили, а баран в лесу привязан. Пошла кума в лес и нашла там барана своего.

Подумали все, что дед и вправду гадать умеет.

У богатого был статуй*. И унесли у него этот статуй три парня. Прослышал он про деда и пошёл к нему. Пришёл, рассказал всё как есть. Приказал барин деду гадать.

Попросил дед у барина новую избу, бутылку и пошёл гадать. А парням-то интересно, как дед гадать будет. Вот один и говорит:

– Пойду, посмотрю, как дед гадают!

И пошёл. Только подходит к окну, заглянуть не успел, а дед стук стаканом по столу:

– Один, – говорит, – есть!

А сам стаканы считает, сколько выпил. Перепугался парень, побежал к своим рассказывать:

– Пропали мы, братцы! Я подойти не успел, а дед уже говорит, что вот один есть. Пропали мы! Убьёт нас барин!

Собрался идти другой [вор]. Пошёл, подходит под окно, а дед опять выпил стакан, стук по столу и говорит:

– А вот и другой есть!

Сильней спужался парень, побежал к своим и говорит:

– И меня дед угадал. Пойдёмте к нему и всё расскажем, а то убьёт нас барь* за пропажу!

– Не, погодите, братцы, пойду и я схожу, если ж и меня угадает, тогда пойдём, – говорит третий.

И пошёл. Подходит к дому, стал под окном, а дед выпил стакан, стук по столу:

– Во, и третий туточки!

Побежал парень к двум другим. Стал рассказывать:

– Подхожу к дому, стал под окно, а дед, не глядячи в окно, сразу сказал, что во, и третий туточки.

Собрались они к деду идти. Приходят, умолили деда не говорить барину, что это они украли стату́й. Дед им сказал:

– Сходите и принесите этот стату́й в сад, поставьте в углу, а я бару скажу, что угадал, где его стату́й.

Так и сделали. Пошёл дед к барину и говорит:

– Иди в сад, в углу найдёшь свой стату́й!

Пошёл барин и нашёл свой стату́й.

После этого все стали взаправду верить в дедово гадание.

Пропали у одного барина деньги. Пошёл он тоже к деду. Собрал дед всех дочерей-сыновей [барина] в одну комнату и заставил молиться. Молились они день, молились другой, молились третий. Устали уже все, а один сын молится, всё молится и молится. Дед и говорит:

– А почему бросил молиться тот, кто деньги украл?

– Нет, я молюсь, – отвечает сын.

Так дед и угадал, кто деньги украл.

Ну, вот и пошла молва и слава про деда.

№ 131 (86) ВАНЮШКА-ДУРАЧОК

Жила семья. Отец с матерью померли, остался дурачок Ванюшка и брат умный. И вот тогда брат старший украл золото. Посылает дурачка к батюшке за безменом:

– Иди и скажи, что нам рожь вешать! Но не золото! Рожь вешать!

Ну, проверил его – правильно сказал. Идёт Ванюшка-дурачок и завалился окол батюшкиного-то двора.

– Батюшка, батюшка, дай нам безмена не рожь вешать, а золото!

Батюшка и говорит:

– Дам безмена, а будет мне доля?

– Придёшь, так Петька тебе дастя! (Старшего [брата] звали Петька).

Вот что ж? Прибегает домой с безменом и говорит:

– Как ты сказал, Ванюшка?

– А я сказал: «Батюшка, батюшка, дай нам безмена не рожь вешать, а золото вешать!»

– Ахти тошненько! – его забранил, его побил дурачка!

Ну, что делать? Он не зная! Пропал он! И говорит:

– Иди, иди, карауль! Как пойдёт батюшка, так ты хвистни, а я буду прятать золото!

Вот что ж: он стал золото прятать, а на воротах встал Ванюшка-дурачок. Идёт батюшка! Идёт к воротам! Он схватил заложку* железную, как дал по головы! Батюшку-то и убил. Убил батюшку, прибегает домой. Петька и говорит:

– Ну, что, идёт батюшка?

– А ён уже лежит!

– Как так лежит?

Пошёл Петька, посмотрел, а он [батюшка] лежит. Ой, тут еще тошнее!

Ну, что делать? Батюшку в яму закопали. И говорит [старший брат]:

– Давай, Ванюшка, иди в церковь, в церковь иди: как там будут, что люди будут говорить: куда батюшка делся? Иди и мне скажи!

Вот Ванюшка пришёл в церковь, встал окол порога.

А Петька, видя такое дело, выкопал яму. Петька яму выкопал другую, батюшку спрятал, а туды [в первую яму] – убил козу, разрубил и положил в эту яму козу.

Ванюшка-дурачок стоит в церкви. Там поют: «Помяни, Господи, батю потерящего!» А Ванюшка-дурачок окол порога стоит: «Помяни, Господи, батю убивающего!» И это до трёх раз, что народ-то и глаза выгалил*: что такое? Говорит:

– Ванюшка, Ванюшка, что ты говоришь? Что ты знаешь о батюшке?

– А я хвистнул его, а там в нас в ямы его закопали мы.

– Ну, пойдёмте, може быть, и правда: что батюшки-то нет!

Пришли и стали яму выкапывать, где дурачок показал. А там батюшки-то не было – уже коза. И вот тогда выкопали роги.

– Ванюшка, Ванюшка, батюшка-то с рогам?

– С рогам!

Выкопали четыре ноги.

– Ванюшка, Ванюшка, батюшка-то с четырёх ногам?

– С четырёх!

Выкопали, ну что ж:

– С шерстью батюшка-то?

– С шерстью батюшка!

И народ-то плюнул и сказали, что дурак дураком он и останется. И ушли.

И золото осталось в Петьки.

№ 132 (87) ПРО ВАНЮ-ДУРАКА

Жил мужик и баба. У него, у него, у них было два сына, ... три сына: два умных, а третий дурачок. Ну вот. И оне, ... это, отец-то с матерью умерли. И братья взяли разделили скотину пополам. И Ване-дурачку достался вот бык.

Ну и вот, Ваня повёл его продавать... на базар. Вядёт, а берёзка:

– Кря!

Он:

– Что, купить хошь? Купи!

Бярёзка:

– Кря!

– Что, купить хошь? Купи!

Взял этого быка и привязал, значыт, к этой бярёзке. И ушёл.

На́утро приходит: быка нету. Вот он взял прут, стебал, стебал – перестебал! Бярёзка не валится! Вот он за вторым прутом пошёл. Пошёл, ну, стебал, стебал – нет! За третьим – бярёзка повалилась, вот. И там котёл золота!

Ну и что ж, значыт? Вот он побежал за браттям: что золото надо убрать. А браття-то, значыт тоже, взяли, убрали и говорят:

– Ваня (А там ходил поп по деревне, значыт, эти, служил службу после какого-то праздника, не знаю: по домам-то раньше ходили попы). Ну и вот:

– Ваня, карауль, а мы, значыт, зарывать будем во дворе!

Взяли его в эту и говорят. Золото-то, значыт, убрали и зарывать. Взяли барана, зарезали и зарыли во дворе. Ну вот поп-то идёт – он хвиснул. Да: «А ты нам хвистни!»

А поп-то идёт. Он поленом [смеется] его хвистнул – и убил попа! Ну, что ж им делать? Значит, он попа-то убил: ведь их посадят! Вот оны взяли этого попа вечером, заташшыли за двор. Положили его, значыт, в гряды.

А там за угородом было озеро, и лодка привязана. Вот ба... Да, и лодка там была. Вот это, посадили его в гряды-то. А баба быстро вышла:

– Ой, кто-то угурцы рвёт!

Ну вот, взяли яго, ударили – он повалился! Вот его на эту лодку поташшыли, посадили на эту лодку.

Эта лодка, значыт... Приходит этот, увидал, что хто-то лодку вбирает. Побежал хозяин-то, ударил – он в реку!

Ну вот так и не прошло это всё. И никого не посадили, а золото так и досталось браттям, а не Ване. Во!

№ 133 (88) ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

Посылают Иванушку в город. В Торопец поехал. Приехал Иванушка-дурачок в город. Покупает мешок мукé,

мешок соли и горшков. Сложил всё. Едет домой. Ехал-ехал – река!

– Что, кони, заржали? Пить захотели? Сейчас я вам помучу!

Бах мешок мукé в реку! Мука вся ушла, кони попили.

Поехал опять, кони опять заржали.

– Что, пить захотели кылы реки? Туда взял мешок соли – бах в реку! Кони опять попили, и поехал.

Едет, едет, едет, едет. Дорога. Большак*. Кылы большака лядо* вырубленное. Надел Ванюша на пешки* горшки и говорит:

– Какие вы красивые стали, мои пешки! Надел я на вас горшки!

Поехал домой. Приезжает домой. Спрашивают батька с маткой:

– Что ты купил? Куды дел?

– А вот ехал, ехал, кылы реки муку высыпал: кони пить захотели. Еду, еду. Опять высыпал соль: кони около другой реки захотели пить. Высыпал соль. Еду по дороге-большаку. На большаке – лядо. На ляде – пни. Пешки вы, пешки, голые вершки, у вас шапочки нет! Надел горшки.

Родители ему и говорят:

– Дурак, ты дурак! Зачем ты всё это наделал? Вёз бы ты это домой! На что ты это сделал? Дурная твоя голова!

№ 134 (89) КАК ВАНЮШКА-ДУРАЧОК ЕЗДИЛ В ГОРОД ДРОВЫ ПРОДАВАТЬ

– [Внучка] Сказку про лося!

– [Рассказчица] Ну, ладно! Слухай сказку про лося... Тут йина́ и ўся!

– [Внучка] А сказку?

– [Рассказчица] А сказку про овец. Тут ей и конец!

– [Внучка смеется] А ясцо какую-нибудь!

– [Рассказчица – про себя] Нету, говорить, что ж.

Быў отец и мать. И у них быў Вáнюшка-сынóк. Ну, он дурачок быў. Ну, они ўжу стали старенький, а сынóк хороший, здоровый, молодэй.

(А раньше ж жили только с своего хозяйства. Что... Если зарóбишь үде на чом свою копейку, то будешь и жить...) И вот... они заўотовили дроў, наклали воз своему сынку... И сынóк заўотоўляў вместе з им... Наложили дроў воз большэй и ўовóрють:

– Ну, сынóк, вязи ў ўорóд... на базар, продай! Проси дороү!

Ну, сынóк хорошо ўзяў за эты дровы: мноүо яму заплатили.

– А когда продашь, то купи соли, ложек, котлоў, чтоб былó ў чым варить и былó, чтоб чым есь, и посолить былó.

Ну, етот сынóк всё так и сделаў. Всё закупиў и поехаў домой. Довольный! Что сказали яму – он купиў: хорошо дровы продаў!

Едить-едить, а ложки: «Бряк-бряк!» А он думаў, что аны говóрють: «Иван-дурак! Иван-дурак!» Ён еты ложки... долоў на дороү! И едить дальше... Едить-едить, а котлы: «Бряк-бряк! Бряк-бряк!» Ён опять, что оны ўовóрють: «Иван-дурак! Иван-дурак!» Ён и котлы еты об землю! И обратно едить, едить... Соль тая: «Шу-шум! Шу-шум!» Яму не понаравивси етыт «шум». И соль – на дороү! И едить.

Едить малец домой... сынóк их. Приехаў домой. Тут мама, папа выбежали з дому:

– Ну, что, сынóк, как дрова продаў?

– Хорошо продаў дрова!

– А купил ли ты что?

– Усё закупиў... Но домой я ничóүо не привёз.

– А почаму?

– Ани меня дражнили! Ложки ўовóрили: «Бряк-бряк! Иван-дурак!» Котлы ўовóрили: «Бряк-бряк! Иван-дурак!» Соль: «Шам-шам!» Тоже мне не понравилось! И я всё ета побросаў по дороүе.

Заруүалась мама! Заруүаўся папа!

– Иди, подбирай! – послали яүо.

Ну, что ж? Соль он не подобрал, ложки по дороге не нашоу, котлы тоже люди подобрали. Приехау етит Ваня со слязам домоу.

Ну что ж... Так и кончилась эта история.

№ 135 (90) ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

Жили-были два брата умных, а третий, младшенький, Иванушка-дурачок. Жили они недружно, вечно обижали Иванушку, за каждый проступок его били. Одежду ему давали самую плохую, самую рваную. В это время было лето, много работы было у братьев в поле. Но Иванушку они в поле не брали. Только сами ходили, а его дома оставляли. Делать-то ему дома нечего, он садился у окна и смотрел в окно. А рядом бочка большая стояла с пивом к празднику. Иванушка сидит, а пиво в бочке всё бродит. А ему кажется, что пиво бродит и его дразнит. Он и говорит:

– Пиво, не броди, меня, дурака, не дразни!

А пиво всё бродит и бродит. Он опять говорит:

– Пиво, не броди, меня, дурака, не дразни!

А оно бродит и бродит. Он взял его и выпустил из бочки. Вся изба наполнилась. Не пройти! Он сел в корыто и плавает по дому. Тут явились братья. Как увидели, что творится, и начали его бить-колотить. Били-били, били-колотили бедного Иванушку, что поделаешь!

Потом опять уехали в поле, а его отправили в город за покупками. И вот должен он был купить горшков, ложек, соли, стол. Всё это он закупил. Стал он укладывать на телегу. Не умещается! Если стол положить, то самому сесть некуда, если сам сядет – стол положить некуда. Думал, думал, как же быть? И решил, что у лошади четыре ноги и у стола четыре: небось сам добежит! Так и сделал. И поехал.

Едет, едет, лесом едет. Видит пни. Думает: «Надо же, ребятишки без шапок, они замерзнут!» Взял все горшки им понадевал.

Едет дальше. Видит – речка. Думает: «Лошадь-то надо напоить!»

Он видел, как братья-то поят лошадь. Привел её к воды, посвистел – не пьёт! Думает: «Надо посолить, наверное, воду!» И высыпал в речку мешок соли. Не пьёт! Рассердился и убил лошадь.

Остались у него одни ложки в торбы. Взял он эту торбу, забросил за плечи и пошел. А ложки-то в торбы – бряк да бряк, бряк да бряк! А ему кажется, что они говорят: «Иванушка-дурак! Иванушка-дурак!» Он и говорит:

– Ложки, не бренчите, меня, дурака, не дразните!

А ложки все бряк да бряк! Он взял их и забросил. И пошёл домой, пустой.

Пришёл домой, братья и говорят:

– Ну, всё купил?

– Всё.

– А где покупки-то твои?

– Да стол о четырёх ногах сам добежит, горшки ребятишкам на головы понадевал, а то небось замёрзнут. Стал лошадь поить – не пьёт, соль высыпал – не пьёт! Я её убил. Ложки стали дразниться – их выбросил. Они всё: «Бряк да бряк, Иванушка-дурак, Иванушка-дурак!» Вот и все мои покупки.

Опять братья так рассердились, что сил никаких нет! Взяли, запихали [Ваню] в мешок, завязали, стащили к речке и решили утопить, избавиться от него. Сами пошли искать камень побольше. Привязать, чтоб он утонул.

А в это время едет купец богатый-пребогатый, но жадный. И видит мешок. Думает: «С чем же это мешок?» Подошёл, пощупал. Слышит, что там человек:

– Чего ты там делаешь?

– Да вот, – говорит [Ваня], – жду, кто бы меня бросил в воду, а там черти мне мешок золота насыплют.

А купец-то жадный был и решил, чтоб золото то ему досталось. Вот он и говорит:

– Ты сперва меня брось, потом я тебя.

Ну, поторговались, поторговались. Все-таки Иванушка согласился.

Вылез из мешка, купец туда забрался. Он его завязал, а сам сел в купеческую тройку и поехал домой.

Пришли братья, бросили купца в воду. Они же не знали, что там не Иванушка, а купец! Привязали большущий камень, что ему [купцу] не вылезти. И пошли домой. Подходят и видят: около дома купеческая тройка стоит. А Иванушка на крылечке сидит и деньги считает: золотые с золотыми складывает, серебряные с серебряными, медяки отдельно и бумажки отдельно. Братья так и ахнули. И стали прощенья просить у Иванушки. А он говорит:

– Ладно!

Взял плетъ купеческую и давай их хлестать! Говорит:

– Вот теперь мы мирно заживём! Я буду вас теперь так бить, как вы меня били.

Братья стали прощенья ещё просить. Ну и договорились.

Иванушка-то теперь денег много имеет, лохмотья все выбросил, приоделся. Рубаху атласную купил, вышитую, пояс с кистями. Решил жениться. Выбрал себе самую красивую на деревне девку. Такая она оказалась работающая, умная, ласковая, хозяйка хорошая! И братьев потом женил. Свадьбу сыграли, да такую, что вся деревня гуляла на свадьбе.

И я там была, медовуху пила.

№ 136 (91) ЖЕНИХ-ДУРЕНЬ

Да, засватав один малец нявесту, да и пришёв к ней. А яна и говорить:

– Знаешь что? Зъездий ты у дрова: у нас нет дров!

Ён поехав чуть свет. Насёк* дрова. Много насёк! Кобыла ня тянеть! Он взял кобылу и вбил. К нявесты приходить, а она:

– Ну что?

– Кобыла ня тянеть, так я яё вбив.

Пошёв домой. Снова к нявесте пришёв. А у доме печка топится: пироги пекуть. Как зайти? А он залез, залез (бочка была на дворе з мазью), влез в бочку, что рядом с домом. Он в бочку влез – вымазался увесь. Залез у дом, да й на печь, да у перья! А там перья на подушки к свадьбе нявеста сушить. Да и перья пристали к рубашке яво.

Пришли удвух*, печку затопили – это уже мать и дочка.

– Этот пирожок тебе, дочушка! Ён дўже* хороший удался! Будем яво украшать. (Там разные и курочки кладуть, и разные тамочка хрястки* по пирогу, крестики: крутють тесто и кладуть вот!)

А яму охота была поглядеть, какой ён [пирог] быв. Стал глядеть, да и с пячи да й звалился! Спужалися все: он у перьях! Да у мази!

(Да и разное было, разное!)

№ 137 (92) ДУРЕНЬ

А тяперь у меня один «Дурень», остался.

[– А что?

– «Дурень».

– «Дурень»?

– Да.]

(Тоже такая, знаете, вот, жила такая старушка, она тоже была, наверное, выдумшшыца какая-то. Ну, и ходил такой, ну, по деревням: вот сягодня побыл, например, в Антушове, назавтра пошёл, там, в Колкиши, в Коларёво, в Сяніўтино; что ни в дярвеню придёт, всё^шё новости другие. А она яво учыла. Вот сейчас я вам расскажу, значыт, как это у неё получилось, значыт.)

Дурень. Пошёл дурень в чужую дярвеню, а в чужой дярвене горох молотили, дурень как приходит и говорит:

– Сорок постель* – решато гороху!

Ну. А что ж он такое говорить: с сорока постель решато гороху! Там дурня побили, там поколотили.

– Ужо пойду, уже бабе скажу!

Ну, приходит и гврит:

– Баба моя, баба, там меня побили, там поколотили!

А она говорит:

– За что ж тебя били, за что ж колотили?

– А в чужой дярвене горох молотили, а я пришёл, а я сказал: «Сорок постелей – решато гороху!»

– Мало ж тебя били, мало колотили! А ты б пришёл, а ты б сказал: «Ни с собой снясти, ни конём связти!»

– Ужо пойду, ужо скажу!

Пошёл дурень у чужу дярвеню. А в чужой дярвенне покойника мыли. [Умер человек.] Он как приходит и говорить:

– Ни с собой снясти, ни конём связти!

И там яго побили, и там поколотили.

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

Приходит, гыт:

– Баба, баба! И там меня побили, и там поколотили!

– А за что тебя били, за что колотили?

– А в чужой дярвенне покойника мыли. А я пришёл, а я сказал: «Ни с собой снясти, ни конём связти!»

– Мало ж тебя били, мало колотили! А ты б пришёл, а ты б сказал: «Вечная память, свечку поставить!»

– Ужо пойду, ужо сделаю!

Пошёл дурень у чужу дярвеню. У чужой дярвенне свадебку играли. Только молодые за стол садятся, он как приходит и говорить:

– Вечная память, свечку поставить!

И там дурня побили, и там поколотили!

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

– Баба, моя баба, там меня тоже побили, там поколотили!

– А за что тябя били, за что колотили?

– А в чужой дярвенне свадебку играли, а я пришёл и сказал: «Вечная память, свечку поставить!»

– Мало ж тебя били, мало колотили, а ты б плясал, а ты б песни играл!

– Ужо пойду, ужо сделаю!

Пошёл дурень в чужую дярвеню, а в чужой дярвенне гувно* горить. Дурень как с песням бжжить, пляшет! И там дурня побили, и там поколотили.

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

Приходит и гт [говорит]:

– Баба, моя баба, и там меня побили, и там поколотили!

– А за что тябя били, за что колотили?

– А в чужой дярвенне гувно горело, а я плясал, а я песенки играл.

– Мало ж тебя били, мало колотили! А ты б с багром, а ты б с вядром бы!

– Ужо пойду, ужо сделаю!

Пойшёл дурень в чужую дярвеню. А в чужой дярвене боровá палили*. А он с багром, а он с вядром! Багром схватил боровá с огня, а огонь с вядра залил. И там дурня побили, и там поколотили!

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

– Баба, моя баба, и там мяня побили, и там поколотили!

– За что тябя били, за что колотили?

– А в чужой дярвене боровá палили. А я с багром, а я с вядром! Огонь залил с вядра!

– Мало ж тебя били, мало колотили! А ты б пришёл, а ты б сказал: «Рёпой* – мясо, вядро сала! В Христово воскресеньеце вам на разговленьице!»

– Ужо пойду, ужо скажу!

Пошёл дурень в чужую дярвеню. А в чужой дярвене кобыла подохла, кобылу обдярають мужики. (Эту шкуру им надо). А он как приходит:

– Рёпой – мясо, ведро сала! В Христово воскресеньеце вам на разговленьице!

И там яго побили, и там поколотили.

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

– Баба, моя баба, там меня побили, там поколотили!

– За что тябя били, за что колотили?

– А в чужой дярвене кобылу обдирали. А я сказал: «Рёпой – мясо, ведро сала! В Христово воскресеньеце вам на разговленьице!»

– Мало ж тебя били, мало колотили! А ты б плевал бы, а ты б не дышал бы!

– Ужо пойду зэлаю!

Пошёл дурень в чужую дярвеню, а как раз был Испас*, мужики токо достали мёд и начáli пробу снимать. Он как пришёл и давай: не дышítь, плюёт! Им в чашку в мёд наплявал.

Так яво и забили! Больше он и не ходил, этот дурень.

№ 138 (93) ДУРАК

Жил-был Ванюшка-дурачок с матерью. Ходил по миру. Однажды смотрит: мужик молотит, и говорит:

– Дай Бог вам три дня молотить и три зерна намолотить!
[Мужик его побил].

Приходит он к матери и рассказал всё. Мать и говорит:

– Надо было сказать: «Дай Бог носивши не переносить, возивши не перевозить!»

Пошёл Ванька дальше. Смотрит: покойника несут, он и говорит:

– Дай Бог вам носивши не переносить, возивши не перевозить!

Его отколотили. Приходит он к матери, рассказал всё. Мать ему:

– Ты бы заплакал, свечку поставил!

Пошёл дальше, видит: свадьба. Он заплакал, свечку поставил, его и отколотили, чуть живого оставили! Приходит домой, рассказал матери, а та ему:

– Ванюшка, ты бы плясал, песни пел!

Ладно. Пошёл дальше. Горит гумно* у мужика, а Ваня как запрыгает, как запоёт! Мужик его отколотил, еле живого оставил. Приходит домой, а мать и говорит:

– Ты бы взял ведро и залил!

Идёт дальше, смотрит: мужик свинью палит* на костре. А Ваня схватил ведро с водой и затушил костер! Мужик взял и отлупил его, еле живого оставил. Приходит домой, а мать и говорит:

– Ваня-Ваня, ты бы сказал: «Дай Бог вам заговеться и разговеться, всё мясо прожить!»

Ладно. Идёт дальше: видит, мужик не на месте сидит, он ему:

– Дай Бог вам заговеться и разговеться, всё мясо прожить!

Мужик взял и отлупил его. Приходит к матери, а мать и говорит:

– Ты бы взял и сказал: «Дурак, ты не на месте сидишь!»

Идёт он дальше, видит: медведь сидит. Он ему и говорит:

– Дурак, ты не на месте сидишь!

Он [медведь] взял и ободрал его, чуть живого оставил. Приходит домой, а мать и говорит ему:

– Ты бы взял ружьё и застрелил.

Пошёл Ваня дальше, взял с собой ружьё, видит: поп едет. Он взял и застрелил его и под пол подсунул.

На следующий день зовут их на поминки попа, мать пошла, а Ване говорит:

– Оставайся дома, дверь стереги!

А Ваня взял, дверь снял и на поминки с дверью пришёл. Мать и говорит:

– Ваня-Ваня, я же тебе говорила, чтобы ты дома оставался, дверь стерёг!

А Ваня говорит:

– Вот дверь!

Все стали попа поминать, а Ваня говорит:

– Ваш поп у нас под полом лежит!

Потом сообразил, что попадёт, взял козла убил и подсунул. Потом, когда все пришли, он и говорит:

– Ваш поп был с рогами и бородой, – и вытаскивает козла.

Так он и не попался.

№ 139 (94) ДВА СВАТА

Встретились два свата. Один другому:

– Здорово, сват!

– Да репу обрезаю.

– А, ну как женил сынка?

– Два мешка.

– Ну как невестка?

– А не крупная, но сладкая.

– Ты, сват, не чуешь*?

– Не, не ночью. Домой поеду.

– Ты, сват, глух?

– На одной, а не на двух.

– Тебе, сват, насрать?

– Зачем бросать? Зима большая, детишки всё съедят!

№ 140 КАК БАБКА ИСПОВЕДОВАЛАСЬ

- Ну, она у церкву пришла, поп спрашивает:
– Бабушка, ты грешна?
А она гврит:
– Аүа, батюшка, в полушубочке пришла!
А он гврит:
– Бабушка, я не про то!
А яна гврит:
– А полушубочек сшит коротко.
Он гврит:
– Бабушка, ты глу́ха!
А она гврит:
– Не, моя сястра Лүха, а я – Солóха!
Он гврит:
– Бабушка, ты – тятёря!
– А некогда, – гврит, – тятёря, так я и завтра приду!

№ 141 (95) СЛЕПОЙ И ГЛУХОЙ

- Встретились слепой и глухой, и решили они сходить у горох. Пришли, слепой и говорит:
– Ой, горох стручист!
А глухому слышится:
– Ой, кто-то стучит!
Поели гороху, дальше идут. Слепой говорит:
– Межа!
А глухому опять слышится:
– Куда бежать?
Наполохали* друг дружку и побегли глаза выгаливши*.

№ 142 (96) СУХИЕ НОГИ

- (А-а ... можно такой инекдот рассказать!)
- Ишёл один у лаптях, а другой... Один у сапогах идёт, а другой у лаптях... так у тюнях*, по развóдью*. (Ну, вы, девочки, вы уже извините: я так расскажу, как есть [смеется]. Молодёжь-то и вы тоже...извините).

Ну, вот. Значыт, идут оне... Идут. А один, значыт, был, в яво ноги были такие сухие. Ну, как... тонкие! Как вам рассказать... В лаптях, там, или тюнях он ишёл. А этот, который идёт в сапогах, и говорит, что:

– В тябя сухие ноги?

(Идут в разводье: вода!). А в яво он был... ноги такие тонкие! А он на яво... А этот:

– А ты килатый*!

И заругались! [Смех].

(Он [один] спросил – что по воды идёт он [его спутник] только в лапотках – что сухие у тябя ноги? Вот. И разругались! [Подумал,] что он смяётся*, что в яво ноги-то сухие, все смялись коло*, что сухие ноги. Этот спросил: «Сухие у тябя ноги?» – «А ты такой-то!» [Решил, что тот] соскорбляить яво, а причём здесь соскорбил? Ну, вы извините меня. Это всё жизненное.)

№ 143 (97) КАК ИНОСТРАНЕЦ РЫБУ ПОКУПАЛ

(Так. Яшшó, яшшо сейчас... «рыбу продадим»!)

Приехал иностранец, приехал, значыт, иностранец в магазин, ну и заходит: продавец продаёт рыбу. Ну, вот он [иностранец] заходит в магазин и гт:

– Слушайте, дайте мне такую рыбу: варишь – красны-красны, класс [глаз] такой цёрно-цёрно, а кота [когда] пéгаит [бегаёт], телаит [делает] хвостиком ляп-ляп!

– Шшука?!

– Та не, не сука! Мне нада такая рыпа: варишь – красны-красны, клас такой цёрны-цёрны, а кота пегаеть, телает хвостиком ляп-ляп!

– Окунь?!

– Та не! Ня вокны, ни рамы, ни тьвери! Мне нада это такой рып: варишь – красны-красны, клас такой цёрны-цёрны, а кота бегаит, телает хвостиком ляп-ляп!

– Плотица?!

– Та не, не сястрица! Сястрица тома [дома], а мне надо такой рып...

- Корюшка?!
- Та не Колюшка! Колюшка – козьяйский сын, по творах пегаеть! А мне надо такой рып: варишь – красно-красно, клас такой цёрно-цёрно, а кота пегаит, делать хвостиком ляп-ляп!
- Карась?!
- Та не, не Тарас! Тарас – у нас козяин! Тома [дома]!
- Лешш [лещ]?!]
- Та он, он, он фсё маленько так припрыкиваит! Клáсы [глаза] такие цёрны-цёрны, а варишь – красный-красный...
- Минога?!
- Та, та! Мне немного, штук десяток...
- Иди домой, дурак!
- Да, да! Десять рак!

(Мы на сцене выступали. Здесь удвух надо! Рыбу говорит* уже продавец, а я всё онным гóлосам говорю. А здесь уже надо рыбу говорить, хотя б вам бы надо было, а я уже своё, ответ этот.

[– А это откуда знаете?] – Это тоже всё моя мама. Моя мама была такая, знаете...)

№ 144 (98) ПОП-ЛЮБОВНИК

В нас в селе был поп и дьяк Ваня. У Вани была жена Настя. Поп был пожилым, у него была своя семья, трое ребят. Так он за Настей бегал! И она сказала Ване:

– Давай уедем!

Ваня ответил:

– А кто ж нам землю даст?

Через несколько дней Ваня сказал Насте:

– Иди за водой и скажи попу, что я уезжаю. Пусть приходит.

Так Настя и сделала.

Поп взял водку, утку и пошёл к Насте. А Ваня начал чистить трубу и насыпал золы с трубы в сундук. Пришёл поп, лёг, догола разделся, а Настя всё не ложится. Тут в окно: стук, стук! Поп спрятался в сундук. Заходит в дом Ваня. И говорит:

– Твоя сестра замуж выходит, ей нужен сундук!

Положил его [сундук] на телегу и возил до утра.

Наутро приехал он в своё село, стал народ созывать:

– Ходите, селяне, я чёрта поймал!

Собралась толпа. Пришла и попова жена. Открыл Ваня сундук, а оттуда поп выскочил весь в золе [– и в лес]. А попова жена не узнала своего мужа и закричала:

– Это самец, надо самку ловить!

Наутро взял Иван одежду, мыло и пошёл в лес. Оделся поп и пошёл домой.

После этого поп дал Ивану земли, больше к Насте не приставал.

№ 145 (99) ВЛЮБЛЁННЫЙ ПОП

Женилася пара. Идёт молодая за водой, допустим, Катя. Идёт мимо священника, а он в окно:

– Ыы-ыы, Катя!

Она поздоровается с йим, а он: «Ыы-ыы, Катя!»

– Вань, никак поп-то дурачок?

– Чаго ж?

– А я поздороваюсь, а он говори: «Ыы-ыы, Катя!»

А Ваня и говорит:

– Кать, ты завтра пойдёшь за водой, он скажет: «Ыы-ыы, Катя!» – и ты скажи: «Ыы-ыы, батя!» Он выйдя к тебе на свиданье-то, а ты и скажи: «Так Ваня-то дома! Ване надо лён вязти, а в нас лошадей-то нет. Дай пару лошадей, а в это время и придёшь ко мне на свиданье!»

Он и согласился! Согласился. Ваня пошёл, лошадей запрягли, лён наложили, батя пришёл. Он говорит:

– А ты медли, Катя! Шевялись помаленьку: я вокруг дярвени объеду и подъеду домой!

Ну что? Объехал вокруг дярвени. Катя шевялится, на стол ставит помаленечку. Он:

– Катя, ну, давай побыстрее!

– Ну, как же, батюшка, побыстрее? Быстрее я не могу: надо сготовить хорошо!

Ну, вдруг стучит!

– Ой, Катя, кто-то стучит!

– А, наверно, Ваня что-нибудь забыл!

(А они договоривши: в Вани насыпана зола в сундук, сажа собранная была – сажу в сундук, и в коридоре поставлено: «Как вярнуса, так поп туда уже явно запрячется!») Ну, куда дваться? Батя чебурах в тот сундук! А там зола да сажа! А Ваня за этим сундуком приехал! А ступенек-то много, как подерявенски, крыльцы-то. Вот они тот сундук по этим ступенькам только гром-гром, гром-гром! Поставили с Катей ко льну сундук, повёз чорта продавать!

[– Чёрта продавать?

– Да.]

Приехал на рынок, лён продал. Подходи барин и говорит:

– А что за товар в вас закрытый?

А батя [Ваня – оговрилась]:

– Это чорта я продаю.

Он и говорит хозяйке:

– Все звярюшки есть – чорта в нас нет! Надо купить!

А он и говорит, у него спрашивает:

– А вы с тарой продадите?

– А дак бяз тары как же? Он от вас убягёт! Продаю с тарой, с сундуком.

Ну, купили. Ехали-ехали, и говорит кучару барин:

– Кучар! Давай поглядим, что мы купили: может, там и нет ничего!

А ключ дан от замка! Открыли. А батя как выскоче оттуда – да в лес! Оны – по сторонам! Барыне худо стало: ну, чорт-то выскочил, убег! А в яго борода черная, одны зубы только: весь перямазавши в саже-то, в золы-то!

Вот добёг до первого ручья, намылся, домой пошёл.

А попа́дья там колóтитца*! Где ейный поп? Куда поп делся? Приходе к Ване:

– Где ж батя-то?

– Я ня знаю! Он мне дал пару лошадей, а больше я ня знаю, где он.

Ну, и пришёл домой. Пришёл домой – она и говорит:

– Где ж ты был-то?

– Где был... Ня спрашивай! Ходил по́ лесу, да и всё.

Ну, идёт Катя за водой:
– Ыы-ыы, батя!
А он и говорит:
– На-ко тябе, Катя!
Вот и хва́ти бате уоуотать! Употчывал Ваня!

№ 146 (100) КАК ПОП ОТЕЛИЛСЯ

Жил поп. У него был работник. Вот однажды поп заболел и послал работника в больницу. Велели работнику принести мочу больного. Работник взял мочу и пришёл в больницу, а по дороге нечаянно разлил. Идёт, смотрит: пасутся коровы! Набрал он мочи от коровы и пошёл дальше. В больнице проверили: в таком-то месяце будет телиться.

В деревне попу позор. Решили уехать. Остановился поп переночевать в одной избе. А в той избе у хозяев должна корова телиться. Вот отелилась ночью корова, телёнка в дом и завели. А поп утром просыпается, видит телёнка и говорит:

– Это я отелился!

Хозяева же говорят, что это корова их отелилась. А поп:

– Нет, это я, у меня и документ есть!

Так поп и доказал, что это его телёнок.

№ 147 (101) БОЖЕ, БОЖЕ, ДАЙ ОГНЯ!

В деревне онной попа мужики перестали уважать. Вот он и решил их чем-нибудь удивить. Вот ён онного мужика-то подозвал и говорить ему:

– Я дам тебе пакли, да ты полезай на церковь. Как я скажу: «Боже, Боже, дай огня!» – ты зажигай пакли да кидай вниз.

Ну, ланно. Залез тот мужик на крышу. А поп зовёт мужиков к церкви и говорить:

– Вот вы меня не слушаете, а меня сам Бог слушал!

И кричить:

– Боже, Боже, дай огня!

Мужик-то с церкви зажгё паклю и кидая. Мужики дивятся! А попу-то понравилось. Он опять:

– Боже, Боже, дай огня!
Мужик опять кидая ету паклю. Вот поп этот кричить:
– Боже, Боже, дай огня!
А мужик-то с церкви:
– Фига, батька! Пакля вся!

№ 148 (102) КАК ПОП В РАБОТНИКИ НАНЯЛСЯ

Как поп в работники наняўся. Вот как-то у одной дярвене жила сямья: два сына и старик со старухой. Один был сын нямножко свихнувши, а друуёй нормальный.

Вот этого нормального сына наняли кумом* перекрестить рябёнка. Поехал к попу, перекрестили, а попу не заплатили ничаю. Поп-то любил вырвать что-нибудь. Ёзял этот поп, нямного думая, да этоуо крёстного батьку ды в анбар: дело к сенокосу: «Выкупять, нёуде денутся*!»

Сидить няделю. Мать этого парня пошла, ды холстинки продала, да чеуо-то попу купила, да снясла – выпустили яуо.

Ну, иди, иди дело дальше и дальше. Этот [нормальный] уже жанивсь. Старикоу уже нет, а тот брат, улупый который, живёт тут с йим.

Поехал этот мужик на базар: ходить поп по базару! Прислушавсь мужик: уоворить там какому-то знакомому, что де-нибудь, уоворить, наймусь к какому-нибудь мужику-лохмаку на уодик, уоворить, поваляю, уоворить, дурака! (А с прихода яуо проунали, не разряшили ё церкви служить: провиниўсь за что-то). На это думает парень, который в анбаре сидел: «Наймёшься ты, – уоворить, – к дураку-лохмаку!»

Подходить к яму да уоворить:

– Батюшка, ты что, работу ишшэшь?

Он уоворить:

– Да, – уоворить, – к кому-нибудь бы нанявсь поработать – уоворить, – сямью кормить надо.

– Поехали, – уоворить, – ко мне!

Привёз яуо к сябе домой, покормили ужином, спать уложили. Ёсё честь по чести.

А тот брат, который у яуо был глупый, сильно был здоровый! (А дураки-то вечно здоровые.) Вот. Значить что?

– Ну, – ҧворить, – батюшка, приступай к работе, я, – ҧворить, – пойду ў поле, а ты дома, – ҧворить. – Пошли! – ҧворить.

А дураку этому, брату своему и сказал:

– Смотри! – ҧворить, – раз, – ҧворить, – позволь, чтоб он тябя завалил, а больше не позволяй, – ҧворить, – за это платить надо!

Вывел попа, етот брат дожидаеть глупой:

– Вот, – ҧворить, – тябе, батюшка, работа: валяй, – ҧворить, – дурака! Что вот завалишь раз, то пятак.

Вот он яҧо цап, этого дурака! Дурак этот кувырк, завалиўсь! Мужик достаётъ из кармана пятак, отдаётъ яму, и уходитъ с двора. А батюшка и ҧворить:

– А если я, – ҧворить, – яҧо буду весь день валять?

– Да, – ҧворить, – хоть и ночь валяй, – ҧворить, – какое мое, – ҧворить, – дело, у меня, – ҧворить, – денех хватит!

Упираўсь-упираўсь поп, упираўсь-упираўсь – больше ни разу не завалил! Не удалось. Замориўсь!

Там обед яму давали, не давали – ня знаю.

На ужин хозяйка несётъ свиннѣм йисть, ҧворить:

– Пошли, – ҧворить, – батюшка, тут, – ҧворить, – у мяня две девицы-свинницы, Дуняшка, – ҧворить, – и Аксюшка, они, – ҧворить, – неперяборливые*, – ҧворить, – потарапливайся!

Ўлила в корыто свиннѣм – и попу йисть с тоҧо корыта с свиннѣм. Няделю поп просидел там, у хлявѣ, с тым свиннѣм. Ел он там с им или ня ел – ня знаю.

До попадьи уже дошло, что живётъ с двум девицам. Винница где-то город есть. Значит, считает попадьа, что с Винницы две девицы у яҧо, работницы, у тоҧо мужика, и поп с ним живётъ. За няделю поп там выцвел* да и ҧворить:

– Слушай, – ҧворить, – мне тут сильно, – ҧворить, – вонишша, – ҧворить, – ҧрязишша, ня моуу!

– А, – ҧворить, – а кто тябе запряшшаеть? Убирай, чтоб було чисто!

И ҧод яҧо там у хлявѣ! Попадья яҧо ня выкупаеть, (потому что он сказал, что – вѣкупять – вѣпушшу), попадьа ня выкупаеть: за девок сердится, ня знаетъ, что у яҧо свинки.

А попу уже невярпёж! Дак, ён еле-эле ўод отвисел*, мужик яго выпустил с пятаком у кармане. Пришёл [поп] и больше закаялся и на работу наниматься, и в анбар сажать, кто платы не принесёт за хрестьбины*.

Вот такая штука.

№ 149 (103) КАК ЦЫГАН ОГУРЦЫ ВОРОВАЛ

Цыган ходил ночью огурцы красть: самому-то лень садить! Ночью не видно, нашла к тому же тучка. Как блеснёт молонья* – огурец виден. Он разошёлся и приговаривает, да громко:

– Моргани*, моланычка*, мне огуречик дай!

Хозяин услышал, взял колышек, да и в огород! Колышком цыгана причастил. Цыган орет:

– Ой, лихоньки, морган оборвался!

№ 150 (104) КАК МУЖИК ОГУРЦЫ ВОРОВАЛ

Один мужик горазд жанным был. У его суседа горазд хорошие огурцы. Вот он и ряшил, знаешь: «Дай-ка я ночуй-то натягаю в яго огурцов етих!» Взял он мешок и в ночь к суседу-то на огород и залез.

А в тую ночь была гроза. Ночь-то тёмная. Вот этот мужик-то и говорить:

– Молонья*, молонья, моргани*!

Молния-то морганет – светло сразу. Мужик-то и давай огурцы собирать!

Потом опять:

– Молонья, молонья, моргани!

И опять рвёт эти огурцы.

А молонья-то яркая: всё осветить! Вот сосед-то заметил, что кто-то в его грядках ходить. Ён взял палку, да и пошёл туды. А мужик-то не видел. Ён и говорить:

– Молонья, молонья, моргани!

А сусед как зараз даст яму по хребту палкой-то! А мужик повалился и кричить:

– Ой, молонья, молонья, не моргай*!

№ 151 (105) КАК ЦЫГАН И МУЖИК СОЛНЦЕ УГОВАРИВАЛИ

Цыган работал у мужика, устал, зашёл за куст и просит у солнышка:

– Солнышко, ниже, ниже!

А мужик услышал и говорит:

– Солнышко, выше, выше!

А тогда и говорят:

– Иди, как шло!

№ 152 УДАЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Жили мужик с жёнкой. Мужик был плюгавенький такой, усяво на свете боялси, трясси, што лист, ну, етот, на бярэзине. Ну, ўся дярвеня над йим потешалася!

А жёнке яво надоело ўсё это, ну, она возьми да разозлись, хватъ ружьё з-за печки-то, суеть, мол:

– Чтоб духу твоёво здесь не был! Или воротисся с добычей какой-нить, или не приходи уовси!

Ён заплакал, ўзял ето ружьишко, да и пошёл у лес. Идетъ, трясетси, от страху, только что у штаны не наложил!

Тут сверьху как кто-то крикнетъ! Ну, птичка какая-т. Мужик тот так и сел... А ружьё и выстрели! И прям у птицу угодил! Ну, птица тая и свалилася ўниз. Прям на ўолка – тот мимо бег, так птица тая прям на бóшку-то и свалилася, а ён как стоял, так и ўвалилси у ямину. Там кабан йшёл, ўолк – на кабана свалилси, тот и помёр.

Увидавши, что помёр кабан, для* него ўолк тоже умерши ляжить да птица ета тож, мужик ўот так ўот связал йих ўсих, домой жёнке потащил!

Ну, а люди-то ўсё видють, ну, видють, что свинью дикуую тащить – кабана, да ишшо и ўолка, и птицу, ўси ўраз, мол:

– Зря мы мужука тóго взабижали совсем, ён вон что жёнке принёс!

И больше над йим ня смяялись никто.

№ 153 (106) ПРО НЕВЕСТКУ, КОТОРАЯ ЛГАТЬ ЛЮБИЛА

Вышла дочь замуж. А она сильно любила врать. Говорит отец:

– Отдал замуж!

И потом приходит проведать.

– Ну, как моя дочка тут?

– Да так, хорошо. Да сильно любя врать!

И вот вдруг является она. А свекровь-то и говорит:

– Ну-ка, солги что-нибудь!

А та говорит:

– Некогда лгать: берите бельё, веники и идите в баню!

Ну, а свёкор-то подумал:

– Отец родной пришёл, так она не будет лгать!

Ну, и пошли они в баню. Пришли они в баню, а баня-то холодная!

№ 154 (107) НЕБЫЛАЯ НЕБЫЛИЦА

Один охотник ходил на охоте, а рыбаки ловили рыбу. И пришёл ет охотник, а они жгли костёр: рыбу ловили и на берегу жгли костёр. Он пришёл и говорит:

– Разрешите мне огоньку вашего прикурить!

А они говорят:

– Не, так не разрешим: расскажи что-нибудь!

– А я, – говорит, – ничего не знаю!

– Ну, что-нибудь расскажи!

– Ничего я не знаю! Если хотите, небылую небылицу.

Ходил я по охоте. Гляжу: сидит утка-наседка. Думаю: надо застрелить! Выстрелил. Утка улетела, яички остались. Я пришёл и думаю: «Яички-то я заберу!» Стал забирать, а не во что! Я взял снял голову свою с плеч, расколол напополам. В этот череп, в половинку, склал яички и понёс домой.

Принёс домой сжарить, а у меня дров нет! Я тогда взял топор, заткнул за ремень, сел на лошадь верхом и поехал за дровами. Ехал-ехал – не идёт лошадь! Гдядь назад: топор вылез из-под ремня и отсек задок. Я тогда пошёл, взял задок, приволок

к передку прибить. Нечем прибить! Пошёл отсек осинину, заострил кол, прибил задок к передку и поехал.

Ехал-ехал, не идёт лошадь! Оглянулся: осинина дала отросток, зацепилась прямо в небо: лошадь не идёт!

Я по этой осинине полез. Влез на нёбу, ходил-ходил... Ну, сколько там будешь ходить? Домой надо возвращаться, а мне того места не найти! Искал-искал – не нашёл! Ну, что мне делать? Взял свою одежду, свил верёвку. Вижу: короткая! Взял, вытягал волосы, надставил. Ну, теперь хватить! Привязал к нёбу, стал спускаться – коротка! Висел-висел. Ну, что делать? Оторвался, полетел прямо в болото! Только руки поднялись и голова не в бузе*.

Сидел день, сижу два, сижу три. Хоть кричи-не кричи – никого нет! Идёт волк, подошёл, понюхал, повернулся уходить, а я цап за хвост! Он как рванул сразу убежать! И вырвал меня с той пропасти. Я держался за хвост, пока он выволок меня на крепкий материк. Волк побёг, а я пошёл своей дорогой.

Вот так и пришёл к вам.

№ 155 УДАЧНАЯ ОХОТА

Вот у нас в дяревне такой был один мужик-чудак <...> Ну вот, помню явоную присказку*.

Кто вот... он шёл, ходил [на охоту] на уток. Одну палку кинул – перекинул! Вторую палку кинул – недокинул! Третью палку кинул – не попала! Обобрал* всех уток и пошёл домой.

№ 156 (108) КАК ХОДИЛИ КОЗЁЛ В ЛЫКИ, А КОЗА В ОРЕХИ

Жил. Жил дед и баба. Была, был у их козёл и коза. Ну... Послали. Пошоў козёл у* лыки*, а коза пошла ў орехи. Пришоў козёл з лык – нет козы с орехуў:

– Ну, поўоди ж, коза, пошлю я на тебе воўкоў! Воўкоў.

Воўкі не йдуть козу искать –

Нет козы с орехуў!

– Поўоди ж, воўкі, пошлю я на вас стрельцоў*!

Стрельцы не, не йдуть... воўкоў стрелять,

- Воўкі ня йдуць козу іскаць –
 Нет козы с орехуў!
- Ну, поўо[ди], поўоди, пошлю я на вас... дубьё*!
 Дубьё не идéть стрельцоў ломать*,
 Стрельцы не йдуць воўкоў ўоняць,
 Воўкі не йдуць козу іскаць –
 Нет козы с орехуў!
- Поўоди, дубьё, пошлю я на тебе топор!
 Топор не идéть дубьё рубить,
 Дубьё не идéть стрельцоў ломать,
 Стрельцы ня йдуць воўкоў стреляць –
 Нет козы с орехуў!
- Поўоди ж, дубьё, пошлю я на тебе, на вас топор!
 Топор не идéть дубьё рубить,
 Дубьё не идéть стрельцоў ломать,
 Стрельцы ня йдуць воўкоў... ўоняць,
 Воўкі ня йдуць козу іскаць –
 Нет козы с орехуў!
- Ну, поўоди, топор, пошлю я на теé камень!
 Камень не идéть топор тупить,
 Топор не идéть дубьё рубить,
 Дубьё не идéть стрельцоў ломать,
 Стрельцы не йдуць воўкоў... стреляць,
 Нет козы с орехуў!
- Ну, поўоди ж, воў... (Не доказаў тут, ну ланно...
 Камень был.)
- Ну поўоди ж, камень, пошлю я на тебе оўонь!
 Оўонь ня идéть камень... камень палить,
 Камень не идéть топор тупить,
 Топор не идéть дубьё рубить,
 Дубьё не идéть стрельцоў ломать,
 Стрельцы не йдуць воўкоў ўоняць,
 Воўкі не йдуць козу іскаць –
 Нет козы с орехоў!
- Поўоди ж, оўонь! Пошлю я на тебе воду!
 Вода пошла огонь тушить,
 Оўонь пошоў камень палить,
 Камень пошоў топор тупить,

Топор пошоў дубьё рубить,
Дубьё пошло стряльцоў ломать,
Стряльцы пошли воўкоў, воўкоў ўоняць,
Воўкі пошли козу искать –
Как идéть же коза!
Как же нясéть орéхуў!
И на роўах!
И через спину!
Ажно* сама соўнулася.

Сказке конец. Ўсё.

№ 157 (109) КОЗЕЛОК

Пошёл козялок
Ў чысто полюшко ўуляць,
Ён на ельнічык, на березничык.
Ён ўстретил, козялок, шерый* воўчэнька:
– А и воўчэнька, ти ня смерть ты мяя?
Ти ня зьэш ты мяня?
– А ты, дўрен козёл,
Неразумен козёл!
Мы поборемся с тобой,
Угавóримся с тобой,
Чтоб один (о)дноуó ня бить,
Под колено не валить.
Как ўзял волк козла,
Сярéд живота –
Ўолова да язык
На колоде ляжить!

№ 158 (110) ЖИЛА-БЫЛА СВИНЬЯ

Жила-была свинья.
– А где свинья?
– У дырку влезла!
– А где дырка?
– Травой заросла!
– А где трава?

- Быки выщипали!
- А где быки?
- За гору ушли!
- А где гора?
- Посреди двора!
- А где двор?
- Где я живу!

№ 159 (111) ЕРЗЫ-ЕРЗЫ

- Ярзы́-ярзы́,
- Наша свиночка во ржи!
- Где она ўлезла?
- В тюшечку* сгородки*!
- А где тюшечка сгородки?
- Водой заплыла́!
- А где вода?
- Быки выпили!
- А где быки?
- За горú ушли!
- А где гора?
- Цветами заросла!
- А где цвяты?
- Деўки вышшыпали!
- А где деўки?
- Замуж выскакали!
- А где их мужики?
- В разбой пошли!
- А где разбой?
- Под Хилипповой избой!
- А где Хилипп?
- К избе прилип...
- Кто сватался, тот спрятался,
- Кто коня держал, тот и сам заржал.
- И-yo-yo!

№ 160 ТУРЛЫ-БУРЛЫ

Турлы-бурлы
Свинья во ржи!
– Куда вылезла?
– У дирочку!
– А где дирочка?
– Водой заплыла!
– А где вода?
– Быки выпили!
– А где быки?
– За гору вошли!
– А где гора?
– Цвятам заросла!
– А где цвяты?
– Девки выщипали!
– А где девки?
– Замуж выскакали!

№ 161 (112) КОВ-КОВ ДЯТЕЛ

Коў-коў дятел,
Сел на ворота,
Ясные* боты*.
Боты разгорелись*,
Птицы разлятелись.
Как стал почытать*,
Как кого звать:
Свинка – Будинка,
Да боров – Васинка,
Корова – Домка,
А бык – Ярёмка.
Утка – Агатка,
Селезень – Игнатка,
Кобыла – Нянила,
Жеребец – Гаврила,
Коза – Улита,
Козялок – Никита –

Все ушли ў жито*!

(Ну, а там можете что-нибудь яшшо па... подобрать, вы ж люди грамотнии!)

№ 162 (113) ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

Жили дед да баба, и была у них курочка Ряба. Положила* яичко. Мышка бежала, хвостиком вильнула – яичко покатилося и разбилось. Дед на бабу говорить:

– Не плачь, баба, не горюй: положить другое!

№ 163 (114) КУРОЧКА РЯБА

Жив дед и баба. Была у их курочка Ряба. Положила* курка* яичко. Дед бив, бив – не разбив. Баба била, била – не разбила. А мышинка* бегла, хвостом махнула – яичко свалилося и разбилось.

Баба плачить и дед плачить, а курочка кудахчить. А потом курочка и говорить:

– Не плачь, дед, не плачь, баба, положу я вам яичко не простое – золотое.

Дед на бабу и говорить:

– Не плачь, баба! В нашем полку нет толку! Разведём курей и вуюток, и будеть яиц полно.

№ 164 КУРОЧКА РЯБА

(...Я только ребятам горожу*...)

Курочка Ряба положила* яичко золотое. Дед бил-бил – не разбил! Бабушка била-била – не разбила. Вдруг мышка подскочила на полочку, зацепила хвостиком яичко, яичко и разбилось.

Плакал дед, плакала баба, а курочка говорит:

– Я вам положу яичко, только не золотое, а простое!

И положила курочка им простое яичко.

Потом дед с бабой стали жить-поживать и внучке сварили это яичко, а внученька съела.

№ 165 КУРОЧКА РЯБА

Жил дед да баба, была у них курочка Ряба. Снесла яичко не простое, а золотое. Дед бил-бил – не разбил. Баба била-била – не разбила. А мышка пробежала, хвостиком махнула и разбила яичко.

№ 166 КУРОЧКА РЯБА

Жил дед и баба. Была у них курочка Ряба. Снясла курочка яйичко, не простое, а золотое. Дед бил – не разбил, баба била – не разбила. Мышка бяжала, хвоссиком махнула. Яйичко свалилось и разбылось.

[– И всё?]

– И всё.

№ 167 (115) КОЛОБОК

Пекла баба колобок, положила на окошко простывать*, а колобок – прыг! – и побежал. Бег, бег и встретив медведя. Медведь и спрашивает: «Куды бяжишь, колобок, жирный бок?» А колобок отвечает:

– Я от деда вбег,

И от бабы вбег

И от тябя вбягу!

И покатился дальше.

Бег, бег и встретив волка. Волк и говорить: «Куды бяжишь, колобок?»

– А я от бабы вбег,

От деда вбег,

От мядведя вбег

И от тябя вбягу!

И побег.

Бег, бег и встретил лису. Лиса Патрикеевна его и спрашивает: «Куда ты бяжишь, колобок?» Колобок в ответ:

– Я от деда вбег,

Я от бабы вбег,

От мядведа вбег,
От волка вбег
И от тябя, лиса, вбягу!

А Лиса говорить:

– Ты устал, колобок! Садись ко мне в роток, я тябя
донаюсу!

Колобок поверил и сел ей в рот, а она его – хам! – и
съела.

Мядведь ня мог съесть, волк ня мог съесть, а лиса съела,
потому что хитрая была!

№ 168 ПРО РЕПКУ

Посадил дед репку. Выросла репка большая-
пребольшая! Стал дед репку с зямли тянуть. Тянуть-потянуть
[делает жест руками, будто что-то тянет] – вытянуть ня можеть!

Крикнул* на помошш бабку. Бабка – за дедку, дедка – за
репку [делает жест руками, будто что-то тянет на протяжении
всего повествования при словах «тянуть-потянуть»]: тянуть-
потянуть – вытянуть ня могут!

Бабка послала внучку. Внучка за бабку, бабка за дедку,
дедка за репку: тянуть-потянуть – вытянуть ня могуць!

Внучка крикнула... А каво ана?.. Кошку, я думаю.
Кошка – за Жу... Не, Жучку! Жучка за внучку, внучка за бабку,
бабка за дедку, дедка за репку: тянуть-потянуть – вытянуть ня
могут!

Жучка крикнула на помошш кошку. Кошка – за... за
Жучку, Жучка – за внучку, внучка – за бабку, бабка – за дедку,
дедка – за репку: тянуть! Ня вытянули репку!

Кошка крикнула мышку. Мышка – за кошку, кошка – за
Жучку, Жучка – за внучку, внучка – за бабку, бабка – за дедку,
дедка – за репку: тянуть-потянуть – вытянули репку!

№ 169 (116) БАЙ

– Ишёл бай* по стене,
Нёс лапти в кошеле*,
И себе, и жене,

Ребятишкам по лаптишкам.
Тебе сбавить* али нет?
– Сбавь!

(Дальше повторяется снова)

№ 170 (117) МАРТИН-СИРОТА

Когда-то, где-то в старые времена осиротел мальчишка. Отец сгинул где-то на войне, на чужой стороне, а мать умерла, но были еще живы дедушка с бабушкой. Забрали к себе мальчишку. Но не успел, как говорится, мальчишка подняться на ноги, как смерть пришла сперва за дедушкой, а потом забрала и бабушку. И пошёл мальчишка в чужие люди себе кусок хлеба зарабатывать от двора к двору, от села к селу. Жил у богатых мужиков, жил в лавочника, в мельника, и в попа, и даже в помещика. Где бы лето ни жил, а на зиму не оставляли: зимой-то малому работать нечего.

И всё время он на хутор к старухе приходил. Зимой ей воду таскал, дрова рубил и коровёнку кормил, поил, а старуха за ето кормила и на печь спать укладывала: на полу-то холодно, нет одеяла, чтоб укрыться. А по весне сама старуха вновь его отправляла в люди кормиться, но просила, чтоб приходил.

Так мальчишка и дожил до тех годков, в какие в солдаты в те времена брали. Пришёл день в солдаты уходить. Пошёл на хутор, бабке и говорить:

– Бабушка, царю-батюшке в солдаты ухожу служить, нынче к зиме у тебе не быть. Пришёл дровишек тебе на зиму нарубить.

Нарубил старушке дров. Старушка ему в дорогу пирожок спекла и рубль дала и говорить:

– Отслужишь, придешь, может, меня и не найдешь, но всё равно приди, потому как ето твой зимний приют!

– Спасибо, бабка, – говорит Мартин, так его звали, – я же один! Меня только в этой избе ждали. Обязательно приду! А ты, бабушка, живи и жди!

И ушёл служить. А бабке не пришлось долго жить, вскоре умерла, даже дрова, которые заготовил Мартин, не

пережгла. В соседнем селе в молодой вдове завалилась изба. Ну, как изба завалилась, вдова на хутор переселилась: изба-то ничейная, и земляца неплохая. Живёт себе да поживаеть. Работать, косить да пахать мужиков нанимаеть.

Вернулся со службы Мартин, идеть одинёшенек-один и гадаеть: если бабка жива, у няе поселюсь; а там присмотрю бабёнку, да и женюсь, да и с женой рядом с бабкой поселюсь, помогать ей стану. А своего села не помнить, где родился, да и селяне давно о нём уже забыли.

К ночи до хутора дошёл, видить: огонёк в избе светится, рад-радёхонек, что старушенция живая! А когда постучал, ему открыла дверь не старуха, а молодая, да такая ладная! Без слова пустила Мартина поночевать, ужином угостила и спать на кровать уложила да еще и одеялом накрыла, о котором Мартин мог всю жизнь только мечтать. Понравился сходу вдове солдат, и решила вдова как-никак, а не упустить. На печь забралась сама и говорить:

– Ты не спишь, солдат?

А Мартин говорить:

– Нет, а что?

– Да я хотела спросить, далеко ли тебе до дому?

А Мартин ей и говорить:

– А я теперь бездомный: где буду работать, там мне и дом.

А про себя думать: «Ты, окаянная, в моем-то доме поселилась и ни у кого не спросилась!» А вдова опять спрашивает:

– А из каких краёв в наши-то края пришёл?

– А я не помню, – Мартин говорить, – я совсем маленьким мальчиком сюда еще до службы забрёл, работал здесь вот в етих сёлах у мельника, у попа, у лавочника, да и так кое у кого в богатеях.

Засобиралась вдова утром на село сходить, нанять покосить, а Мартин и говорить:

– Я тоже могу покосить, мне некуда спешить.

Вдова рада, косу Мартину дала, покос указала, а сама побежала, чтоб порасспросить, что за человек: если он здесь

бывал, его должен знать и стар, и мал. Кое-кто, кое-что порассказали, а один мужик на вдову и говорить:

– Помню я сироту Мартина! Такой, как он, смоляную кобылу сложить, хвост, гриву приладить, да и сам верхом сядить! С таким не пропадешь, если в мужья возьмешь!

Идёт домой вдова и радуется. Народ-то в те времена глупый был: тот мужик о смоляной кобыле пошутил, а вдова думает, что всё в самом деле, можно смоляную кобылу сложить! Нечем купить, а не то каждую весну нанимать яровое поле пахать, а летом озимь тоже надо просить да платить. Уговорила вдова Мартина. Остался тот с ней жить.

Покосились, стали рожь жать. Пожали. Приглядел Мартин на подворье два старых колеса, починил, таратайку* какую-никакую сделал и давай рожь с поля на ней возить. А вечером вдова и говорить:

– А что это мы, Мартин, на себе возим?

– А на ком же возить, кто сейчас лошадь одолжить?

– А на смоляной кобыле что? только верхом ездить, а не возять?

Засмеялся Мартин и говорить:

– А где она-то, твоя смоляная кобыла?

– А ты, – говорить вдова, – сложи!

Легли спать. Мартин и думать забыл, потому что не бывает смоляных кобыл!

Наутро взял свою таратайку* Мартин и пошёл снопы возить с поля один. А жена чем-то по дому занялась. Пришёл на ржаное поле, смотреть – такая красавица-кобылица стоит!

– Ну, чья ты такая, заблудилась? – Мартин говорить.

А кобыла в ответ:

– Твоя смоляная! Бери вот меня, хоть запрягай, хоть верхом садись!

Поклонился Мартин кобыле, как в церкви перед иконой, в самую землю лбом стукнул. И говорить:

– Спасибо тебе, что ты явилась, меня выручила!

А кобыла говорить:

– Не мне спасибо скажи, а тому, кто твою жену обсмеял*, а жена тебе сказала! А меня бабка послала.

Мартин-то не подозревал, что та бабка, что в этом хуторе жила, волшебница была.

– Ну, раз тебя послала бабка, то пухом ей земля, царство ей небесное! Памятник я ей поставлю не хуже, как господам!

– А денег-то ты где, горемыка, возьмёшь?

А Мартин и говорить:

– Тот рубль храню, что мне бабушка в дорогу давала, да хлеба продам, как помолочусь, а обестил* – расплачусь!

Свалил всю рожь в таратайку, кобылу запрег и привез.

– Ну вот, Авдотья, тебе и кобыла смоляная, раз уж ты просила!

А кобыла и говорить:

– Да ты скажи жене своей, чтоб она никому обо мне не говорила, а то не ровен час, уйду от вас!

Но Авдотья не слыхала, что кобыла сказала, слышал Мартин один. Вечером на Авдотью и говорить Мартин:

– Если не хочешь жить без меня и без кобылы, то никому не рассказывай. Кобылу-то ету я украл, ее отнять и меня в острог отправить!

Авдотья и говорить:

– Красть-то нехорошо, но буду молчать!

– Если что, сказывай: купили, и всё тут!

С поля убрались. Стали к Рождеству всё в избе убирать. Авдотья и говорить:

– Мартин, вот етот сундучишко старухин только мешает, а мне его не вынести и не открыть. Что в нём там такое тяжеленное лежить?

– Ладно, вынесу!

Пошла Авдотья корову доить, а Мартину жаль старухину память выносить. Подошёл к сундуку, а сундук сам открылся: полным-преполным золотых! Мартин так и обомлел! Никогда в жизни такое богатство не видал. Набрал денег в карман, чтоб памятник старухе заказать. А сундук велел Авдотье самой лучшей скатертью закрывать: и не будет мешать. Авдотья не могла открыть, а Мартин не хотел говорить, что в нём.

Можете себе представить, как жил Мартин с Авдотьей тем сундуком!

№ 171 (118) МАША И ЗЛАЯ МАЧЕХА

Как-то в одном селе случилась в одного мужика беда: умерла жена. И остался мужик с маленькой дочкой вдвоём. А жил-то он крепко*: и скота полон двор, и сундуки не пустые: жена работающая была. И задумал мужик жениться, потому что никак в яго всё не ладится: ни печь путём не стопить, ни коров подоить, ни свиней, гусей покормить, а тряпчонки постирать – и совсем не придумать! А девчонка совсем мала: так, годика два.

Думал-думал мужик, кого бы на жену подобрать. Девка не пойдёт, да и какая она мать, пока своих детей нет? И вот сыскал в дальнем селе молодую вдову и тоже с дочкой годков пять. Привёл домой. Живут-поживут. Жена новая заявила:

– Я еще детей не стану рожать. С меня хватить твоей дочки, да и своя есть!

– Ну, коль так, – мужик говорить, – можем и не рожать.

Долго ли, коротко ли прожили. Только стал мужик замечать, что жена не разрешает своей дочке с его дочкой играть. Чуть те вместе, сейчас же свою к себе зовёт – и его малышка тоже как к матери идет, потому что свою мать не помнить. Ну, мачеха тут же ее прогнать, а бедняжка Машка сидеть в уголок, пальчик в рот, да так с горя в уголке и уснуть. А дочка жены Марфута подойдёт – то толкнёт, то ущипнёт. Маша проснётся и реветь.

– Ну, рёва! Завела, как волчонок, каждый день воет, до чего ж надоела!

А мужик такой какой-то был не смелый, даже слово не сумеет сказать. На Машку ещё сумеет цыкнуть, та замолчить – и опять в уголочке уснуть.

Как ни жили, а девчонки подрастать стали. И вот Машу всюду мачеха посылает, всюду дергает, а свою Марфуту оберегает. И в куске Машку обижает, и одежку худую ей одевает. А Маша всё равно стройней и красивей Марфуты подрастает. Зло мачеху разбирает, что Марфута некрасивая, а на Машу всяк поглядывает да похваливает. Марфута уже невеста, пора б замуж выдавать, да никто не хочет даже плевать:

леная; как палка, чёрная, нескладная! А Маша ещё молода, а всякий готов бы посвататься.

А тут как на зло какая-то война случилась. Забрали мужика на войну. Так он где-то и сгиб. Еще хуже стало Маше. Ни минуты отдыха нет! Сходить бы хоть в праздник на лужайку, где молодёжь собирается – нечего одеть! А Марфута наряжается, да ещё и наругается:

– Рёва-дрёма, сиди дома!

Но Маша аккуратненько свои платишки чинить, чисто стирать и все равно, хоть в сторонке стоять и недолго, а всё же бывает на лужайке.

И вот как-то в большой праздник понаехали разные паньичи, купцы. Кто продавать, кто покупать, а кто и просто так погулять. Завидел купеческий сынок Машутку и влюбился не на шутку. Подослал к ней слугу спросить, чья такая. А Машутка отвечает:

– Ничья я! У меня нет ни отца, ни матери, а мачеха злая работой замучила, а одеть ничего не даёт. Вот я так и хожу.

– Ну, – говорить слуга, – обожди! Я своему барину доложу, а ты не уходи.

Пошёл слуга.

– Так и так, барин. Ето сирота. Премиленькое создание, но так одета – только воробьёв пугать: латка* на латке и голые пятки! Но, видно, не ленивая.

А барин и говорить:

– Я не на служанку её присмотрел, а на жену, а моей жене заботиться ни о чём не понадобится.

Кое у кого расспросили, где жить, и назавтра же приехали сватать.

– Так, мол, и так, мамаша, мне приглянулась дочка ваша. Прошу её руки!

Принарядила она свою Марфуту и выводит с поклоном:

– Пожалуйста, я не против. Попрошу любить и ценить!

А в барина, в старшего купца, вернее, и глаза под лоб: сын говорил красавица, а тут чучело вывели! А сын даже онемел, и не нашёлсь бы ничего сказать, если б вдруг с доёнкой* молока Маша в избу не вошла. Купчонок сразу нашёлсь и говорить:

– Папаша, вона невестка ваша, а не ета!

Понравилась и старику-купцу сирота. Только Маша говорить на купцов:

– Вы люди богатые, берите вон ее: у ее всё богатство моих родителей, а у меня нет ничего, кроме рук, которые работают за кусок хлеба, который мне, как собаке, кидают.

Старый купец и говорить:

– Вот будешь женой моему сыну, пусть твои руки отдыхают, а эти злые ведьмы от завидок подымаются. Всё я понял. Вишь, как твою мачеху зло трясёт, а тебя мой сын на руках в карету снесёт, чтоб ножки босые не замарать.

Так и увезли Машу.

Вскоре в те места, куда Машу увезли, два солдата пришли: с плена бежали. Припоздали и возле купеческого колодца заночевали. Пришла служанка к Маше и говорить:

– Барыня, два солдата голодные возле колодца ночевать собрались. Позволь я им хлеба краюшку снесу!

А Маша и говорить:

– Не трудись, я сама!

Взяла хлебушка и понесла. Тут же отца признала, мигом к мужу побежала:

– Мой отец, – говорить мужу, – нашёлся!

– В гости пригласи, кого-либо пошли!

– Да он-то здесь сидеть. И ещё человек с ним. Я мигом приведу.

И привела на купеческую беду. Товарищ-то отца служил раньше у старого купца, а на сынке обиду выместил. Сподтишка купца, Машенькиного муженька, прибил.

Так отец, Маша и солдат в купеческом подворье и жили. Маше мужа искали, а солдата сторожить купеческое богатство наняли. Мужик Маши, Машин отец купцами стали. Только ничего не покупали, ничего не продавали, дворовых* не держали. А купцами их по старой памяти купеческого имени звали.

№ 172 (119) БЕДНЫЙ ЛАПОТНИК И БОГАТЫЙ ГОРШЕЧНИК

Поехал как-то старик на базар лаптями торговать. Кобылёнка плошанькая, довелось ему в поле заночевать. Разложил костерок, кобылку распрёг и сидить себе у костра, пока посветлеет. Подходить к нему старичок и говорить:

– Что, отдыхаешь, мужичок?

– Я-то нет, а вот кобыла устала, и пришлось припоздать, а ночью-то в городе где ночевать?

– Слушай, мужик, ты лапти везёшь продавать?

– Да, лапти, а что?

– А вот что: придёшь на базар, там будет мужик горшками торговать, его бы надо проучить!

– А не моё дело в такие дела вступать!

– Да ты дослушай, дурья голова! Ты когда встанешь возле его воза, он тебя начнет ругать, а ты с ним не ругайсь, а только скажи: «Сам ты к чёрту со своими горшками уберись!» И всё. А остальное тебя не касается. Зато тебе его лошадь останется!

– Нет, – говорить мужик, – я чужое не возьму!

А старичок говорить:

– Он-то не боится чужое брать, а ты, горькая нищета, боишься! – сказал, да куда-то и пропал.

А тут денёк заниматься стал. Запрёг мужик свою кобылёнку и поехал на базар. Приехал, смотреть, где бы стать. Нет нигде места пустого! А возле воза с горшками можно встать. Вот и стал мужик с лаптями возле воза с горшками. Свою лошадёнку распрягать, а мужик, что с горшками, на его:

– Куда ты рыло свое поганое суёшь? Ты где торговать своими лаптями хошь? Мне будешь мешать горшки продавать!

А мужик-то с лаптями давно уже забыл, что у костра ему старичок говорил, распрягает молча. А тот озлился и давай месить его кулаками, а мужику с лаптями не понравилось, что тот ни за что, ни про что его бьёт, и говорит:

– Катись ты к чёрту со своими горшками! Где хочу, там и буду торговать лаптями!

Собрал сбрую, под телегу хотел покласть, а мужик с горшками его сбрую схватил, его кобылёнку в свой воз заложил, да и укатил! А мужику-лапотнику своего коня оставил. А конь такой, что не сдержать! Стоить лапотник и вспомнил, что ему старик у костра говорил: «Вот дурья голова, что натворил! Этот балбес с горшками, видно, к чертям на моей кобылёнке покатил!»

Так-то оно и было. Остались от горшечника горшки, кости в горшках, да лапотникова кобыла, которая на старости лет лапотнику жеребёнка с золотой гривой жеребила. Лапотник зажил так, как смолоду. А горшечника черти съели с голоду.

№ 173 (120) СУНДУК, КОТОРЫЙ ВПЯТЕРОМ НЕ ПОДНЯТЬ

У одного богатого мужика сынок полюбил бедную девушку. Но родители разве позволять взять бедную? И так парень страдает! Никакую богатую не хочет брать! Встретился как-то с бедной девушкой своей и говорить:

– Мне батюшку не уломать, не позволяеть тебе замуж брать. Ему, вижь, богатство надо!

А бедная девушка и говорить:

– А ты батюшке условие поставь, если хочешь на мне жениться.

А парень и спрашивает:

– А какое же я могу условие ему поставить?

– А такое: скажи, поедem свататься и возьмём ту, в которой сундук впятером нужно будет с места сдвигать, а не ту, про которую говорят, что богата.

Обрадовался парень.

Пришли Святки*, батюшка запряг лошадь и говорить:

– Ну, сынок, давай-ка махнём к Антипу, посватаем его дочь, правда, она старовата малость и рябовата, но зато богата.

А сын и говорить:

– А ты, батюшка, Антипино богатство не видал и деньги не считал, да и дать ли Антипа приданое большое? Поеду, если будем в каждый дом заезжать, да побогаче выбирать. Вот мое

желание какое: возьми с собой мужиков пять: в которой девки не сумеют сундук впятером поднять, ту и возьмём.

Вот и поехали сын с батей, и ещё мужики впятером. В несколько богатых домов заходили. Мужики шутили, приданое посмотреть хотели, матушки сундуки показывали – вдвоем с места сдвигали! А когда, наконец, к той бедной девушке попали, то и впятером сундук не взяли. Еле всемером подняли! Так её-то, бедную, и пришлось батюшке согласиться взять. Едет домой батюшка Фома, наглотавшись вина, да и говорить на сына:

– Слышь-ка, Макарка, а что могла накласть в сундук Дарка? Ведь нищета, голь несчастная!

А сын и говорить:

– А мне откуда знать? Придётся пора – узнаем.

Вскоре свадьбу сыграли. Сундук тот привезли, в чулане поставили: в избу громоздок больно. Замок пудовый висить, а невестка плошенёк одевается, а до сундука не дотрагивается. Фома с Фомичихой в чулан сходят на сундук поглядеть да и промеж собой и говорить:

– Наверно, наш Макарка будет от нас отходить, зато сундук и не разводить*!

Живут год, живут два. Родила сына Макаркина жена. Фома как-то лежить на печи, да сыну и говорить:

– Сынок, почему ты нам с матерью не покажешь, что в твоей жене в сундуке?

– Обождите, покажу, как печку в избе своей сложу!

Ладился* Макарка отделиться. Изба была уже срублена, но кирпича не хватало. А Дарка, чтоб попасть за Макарку, в сундук сотни три кирпичей наклала. Макарка-то знал, а раз Дарку любил, не говорил.

Отец и говорить:

– Долго, сынок, ты ещё будешь нас морить: не скоро тебе кирпичей достать, чтоб печь сложить!

– Ничего, батюшка, не долго! Я вот на той неделе печку сложу и тогда вам сундук покажу!

Удивился Фома, где кирпича возьмёт, ну, подумал: шутить Макарка! А и нет! Сложил-таки на той неделе печь и говорить:

– Ну, батюшка, теперь смотри иди, что было в Дарки в сундуке.

Пришел Фома: в избе почти пусто и сундук пустой! Ещё больше удивился Фома и говорить на Макарку:

– Где тое, что было так тяжело? В сундуке пусто, в избе пусто!

– Батюшка, а там были кирпичи, теперь они в печи!

– Как так кирпичи?

– А так: богатство хорошо, а мудрость лучше. Не быть бы сложенной так скоро в моей избе печи, если б не были в сундуке кирпичи.

Заорал Фома на сына, а сын и говорить:

– Ты, батюшка, понапрасну не ори; ты же сказал: богатую бери. Вот я и решил с тяжёлым сундуком тебе невестку взять. Ты же не мог и впятером поднять, а что там было, для меня наплевать, я взял ту, которую желал взять! Зато не надо ни мамки, ни няньки, ни повара, ни служанки, ни прачки, ни собачки. Моя жена сама щи варить, сама стирает, сама сына годует*. Живет твой Макарка и в ус не дуёт, а ты заладил: богатство! А богатство, батюшка, что гадство! Ты вот богатую брал да на слуг всё её богатство и промотал. Хоть твоя жена мне и мать, но я не могу богатство такое уважать, где с чужих рук придётся жрать, чужие руки твое тряпье стирают, твой дом убирают, и меня, единственное чадо, чужие кормили! А моя Дарка сварить картошку и кричить: «Макарка, иди поешь, пока картошка жарка!» А мой сынок Антошка уже говорить: «Папка, узе свалилась калтоска, послы злать, пока залкая!» Вот это понимаю – богатство: всюду своя семья!

Стоял Фома, слушал и думал: «А и то правда: какая копейка у моего Макарки заведётся, даром не разведётся*. А я-то, дурак, сколько этим-то служанкам, мамкам, нянькам ухлопал!» Постоял, подумал и домой побежал. Прибежал домой, на жену и говорить:

– Всё, Мотря! Хватить с меня! Будешь сама мне щи варить, мои портки мыть. А всех этих самых слуг, чтоб не было их тут и духу: надоели!

А жена:

– Что ты, Фома, шутишь или в самом деле?

– Нет, – говорить Фома, – не шучу!

А жена ему:

– Фомушка, я давно сказать тебе хочу: мне тоже надоели: начисто раздели-разули и объели! Как это ты надумал всех обжор прогнать? Неужели ж я не сумею сама стирать, убирать да щи варить? Да что там говорить!

Так Фома и смирился, что сын на бедной женился.

Жена как-то Фоме и говорить:

– Фомушка, а что у нашей невестки в сундуке лежит? Тебе, небось, показали, а мене не позвали!

– Мотря! Молчи! В сундуке-то были кирпичи!

– Батюшки, а я-то, дура, думала, и где Макарка кирпичи брал, когда печь в избе клал? Какая умница! Заранее знала, что будет делиться! А я замуж за тебя, Фомушка, шла, золотая шкатулку несла, шляпок десятка два, а от тех шляпок осталось два пера, а от золота ни <...>ра. А Макарка да Дарка молодцы. Я молчу, и ты за кирпичи молчи!

№ 174 (121) ВОЛШЕБНАЯ ТАБАКЕРКА

Жила где-то когда-то старая-престарая ведьма. И была у нее внучка. И часто внучка спрашивала бабушку:

– А ты меня научи, бабуля, как от волшебства жить, ничего не делая, вернее, не работая!

Но бабушка на такие вопросы отмалчивалась, то ли не хотела, чтоб её внучка ведьмой стала, то ли жить долго без смерти желала. Только вдруг заплошало*. Подзывает как-то внучку к себе и говорить:

– Сходила б ты, внучка, поискала мне травицы-живицы. Больно уж мне умирать не хочется, а, видно, умру. Пришла моя смертушка!

Пошла внучка в лес травицу-живицу искать, да и заблудилась. И осталась в лесу ночевать. А в это время девчушка, не больше её внучки, от злой мачехи убегала, да и на избушку ведьмы и набрела и тоже заночевала. А ведьма совсем плохая стала, никого уже не узнавала. Подошла к ней девчушка чужая, да и говорить:

– Бабуленька, что у тебе болить? Может, я как-либо помогу?

А ведьма-то уже о травице забыла и на ету девчушку говорить:

– Нет, ничего мне не поможет, смерть моя пришла! Ничегошечки, внучка, я тебе не припасла: ни золота, ни серебра. На вот, возьми вот ету табакерку! Она тебе в жизни пригодится.

Только девчушка табакерку из рук ведьмы взяла, ведьма в ту же минуту умерла. Девчушке страшно стало, поскорее из этой избушки убежала. Вскоре светать стало. Ведьмина внучка вернулась, принесла травицы-живицы, но опоздала. Как дальше дело шло, но только внучка всю избушку обыскала, ничегошеньки не нашла среди бабкиного барахла. И волшебства никакого не знала, чем жила, никому не известно.

А девчушка чужая тем временем вышла из леса и дорогой идти куда глаза глядят. И попал девчушке навстречу солдат, идти и сухарь грызеть. А девчушка совсем оголодала и говорить на солдата:

– Дяденька солдат, дай мне сухарик, а я тебе вот ето дам! – и показывает ведьмину табакерку. – Мне её там в лесу умирающая старуха дала. Сказала, что будет мне всю жизнь помогать, а она ета ничем мне не помогла.

– Ну, что ж, на тебе два сухаря последних, я не жадный! И ето пусть тебе!

– Нет, дяденька, я всё равно брошу, ето мне ни к чему! Я даже забыла, как она ето назвала.

– А ето, девочка, табакерка, – говорить солдат, – в неё сыплоть табак, или чтоб курить, или чтоб нюхать.

– А я же, дяденька, не нюхаю и не курю. Ето мужики курять, дак пусть она тебе!

Взял солдат табакерку, распрощался с девчонкой и пошёл своей дорогой. И девчонка пошла.

Немного прошёл солдат и думает: «Понюхаю хоть, как табак пахнет!» Открыл табакерку, понюхал, как здоровенную самокрутку скурил, и думает: «А ведь непростая ета табакерка! Только вот как от неё то взять, что она может дать?»

Шёл, шёл солдат, сел на пенёк и стал придумывать: «Может, что просить? Попрошу-ка я в табакерки не курить, а

пожрать!» Достал табакерку, открыл да нечаянно уронил. И вдруг там, куда табакерка упала, образовалась бутылка вина и закуска. «Ну, – думает солдат, – неплохо для начала!» Выпил солдат, закусил, табакерку в карман поклат и дальше пошагал. Идет себе и в ус не дуется, захочет – на мягкой постели поночуется: рядом стол накрыт и крыша над головой, а стоит табакерку закрыть – всё пропадает.

«Лишь бы табакерку не потерять! – думает солдат-то. – Девчушку ту я обязательно отыщу, больно уж она плошененько одета, а начинается холодать, да поди ей приходится и голодать!» – подумал так и открыл табакерку. Подержал немного – девчушки нет, опять закрыл. «Ех, досада какая! Я, дурень, даже не спросил, кто она такая, может, сиротинушка горькая!»

Идет себе, идет, вдруг навстречу чёрт. Но солдат его не видит. И захотелось солдату понюхать табачку. Открыть ещё не успел, как табакерку кто-то из рук схватил, и тут же слышит солдат: открыл, нюхнул, чихнул! Солдат туда-сюда глядит – никого не видит, а тот, кто табакерку схватил, нюхает и чихает да прямо в лицо солдату смеётся. Ну, солдат не сдаётся, хоть никого не видит, а наступает:

– Отдай, окаянный, табакерку! – кричить, – А то в ключья разнесу!

А тот смеётся и говорить:

– Нанюхаюсь – либо отдам, либо унесу!

– Нет, – говорить солдат, – не унесёшь! Кто ты такой, чтоб чужое уносить!

А тот и говорить:

– Я чёрт. А эта шутовина не твоя, вона смотри: хозяйка её бежить!

Посмотрел солдат: и в самом деле та девчушка идет. Как подошла к солдату, так сразу и говорить:

– Ты, дяденька, зато меня позвал, что у тебя чёрт мою табакерку отобрал?

– Да, – говорить солдат.

А чёрт одно знай: нюхает и чихает. Девчушка чёрта видит, а солдат нет. Девчушка на чёрта и говорить:

– Подай сейчас же табакерку, а то велю солдату тебя в пень защемить и крест поставить!

Чёрт, как про крест услышал, бросил табакерку и удрал, а на том месте, где табакерка упала, избушка, правда, небольшая, стала. Солдат с девчонкой переночевали. Наутро табакерку взяли, да вместе дальше пошагали.

№ 175 (122) ПРО ИВАНА-БЕЗДЕЛЬНИКА

Жили где-то на Руси в одном селе старики – два брата. Один был женатый, а другой век свой прожил холостой. В женатого было три сына: Степан, Демьян и Иван. А так как жена в женатого давно умерла, то у двух стариков и росли ети три будущих мужика. Сперва умер отец трёх сыновей, а потом и дядюшка. Подросли братья и решили, что кому-то из троих надо жениться. Степан и говорить на Демьяна:

– Женись-ка ты, Дёма, да и живи дома, а мы с Иваном около тебя проживём!

А Демьян и говорить:

– Ты, Стёпа, старший, тебе жениться след лежить*, а мы пока с Иваном можем и неженатыми пожить!

Женился Степан, да попалась Степану не жена, а сущая сатана. Году не прошло, стали разделяться! Демьян на Ивана и говорить:

– Давай, братец, оставим всё им, а сами куда-либо в приставни* пойдём!

А Иван:

– Как ето так: оставим! Мы же втроём всё это нажили!

– Ну и пусть: у их детишки появятся, если наш братец не удавится от такой жены.

– Нет, – Иван говорить, – я в приставни не пойду, лучше какую-нибудь избёнку себе рубить буду.

А Демьян говорить:

– Я не буду рубить, пойду вона к солдатке Авдотье жить. Она меня приметь!

Так и пошел Демьян ко вдове солдатской жить. А Иван стал себе за селом на пустыре избу рубить. Срубил избу. Прожил зиму кое-как, а весной стал пустырь копать, чтоб огородец запахать. Копал, копал да на клад попал. Столько денег нашёл, что даже перепугался!

Побежал к Демьяну и говорить:

– Братец, помоги мне пустырь докопать!

А про клад не захотелось Ивану при Демьяновой жене сказать. А Демьян, вместо того, чтоб помочь покопать или просто отказать из-за нехватки времени, взял Ивана за шиворот, да провёл до ворот, да коленком под зад поддал и вдобавок сказал:

– Вперёд ко мне ни за чем не приходи! Как знаешь, так и живи! Иди вона к Степану. Тот на стари разживается, а я в приставнях на семерых разрываюся! Шестеро детей у вдовы да старуха-мать, а мы с Авдотьей вдвоём работать!

«Ну, – думает Иван, – и пёс с тобой! Мне-то не пустырь копать надо. Я с тобой, дураком, поделиться хотел, а теперь шиш получишь!»

Денежки Иван прибрал, пустырь докопал, запахал, лошадёнку, коровёнку купил, купил пороса.

И что ж вы думаете, сказка вся? Да нет! Купил пару овец – и тут сказке не конец!

Приглянулся в барина Ивану жеребец. Купил жеребца. Насажал вокруг своей избёшки деревца, огородец убрал, зиму кое-как перекорпел, не от нищеты, а от скуки, да на весну запряг жеребца, взял вожжи в руки, да и покатил, а куда – никому не объяснил.

А Иван за невестой покатил: когда в городе был, хорошенькую служаночку в панночки видал. Вот поехал, да и откупил служаночку у панночки, потому что панночка не зажелала даром её уступить. Пришлось Ивану платить сто золотых. Панночка-то не знала, что может быть золото у Ивана, а то бы больше сказала. А Иван выложил сто золотых, забрал служаночку и поехал домой как ни в чем не бывало. Привез домой служаночку по имени Марьяночку, да и говорит:

– Марья, а ты можешь корову доить?

А та смеётся и говорить:

– А ты, Иван, думаешь, если меня пришлось купить, дак я ничего и делать не могу? Я же мужицкая, а не господская. Умею и доить, и поить, пахать и косить! Нас у матери двенадцать детей было, и все к работе приучились. А потом мать умерла. По свету все разбрелись, кто да где. Братья

женились, сестры замуж повыскакали, а меня вот в слуги к господам взяли. Я без дела у господ чуть не обалдела!

«Ну, и слава богу, что взял не лентяйку!» – подумал Иван.

Вскоре стал пан своё имение продавать: и землю, и людей вместе с домом. Откупил Иван это всё, а Степану-брату сказал:

– Огородец паши, избёнку береги: сын подрастеть, будешь отделять, как женится, моя избёнка сгодится! А я в имение покачу.

– Как в имение? Такое имение только под силу купить богачу!

– А я что, бедный, по-вашему?

– Ты же, дурак, с людьми не справишься: не будут слушаться!

А Иван говорить:

– А что, тебя могут послушать? Может, с тобой на отцовскую избу имение сменять?

А Степан и говорить:

– Сменяешь – буду рад!

А Иван говорить:

– Нет, брат, так не пойдёт! А что меня не послушает народ, то это ещё увидим!

Приехал Иван в имение, собрал мужиков и говорить:

– Ну, мужики, я вас купил вместе с домом и землёй. А теперь как быть? Вы-то мне не нужны: я сам на себе стану работать, так что без шума, без скандалу землю пашите и урожай делите, а мне что дадите, я и тем буду доволен. Панскую скотину, в кого не имеется, тоже берите, ну и мне оставьте коровёнку да кобылёнку.

Поделили всё мужики честно, а землю вместе пахали, Ивану работать не давали:

– Зачем тебе, Иван, идти на работу? За твою доброту (ведь мы теперь на себя работаем, а не на пана!) хватить тебе на зиму до нови* хлеба сто пудов?

– А зачем, – Иван говорить, – мне столько гноить?

– А мы можем и сто отделить: нынче рожь хорошо уродилась, а пшеница какая! Гречиха до пояса вымахала! Так что, Иван, нас не страми: мы всё сделаем, раз ты нам всё отдал!

Так Иван бездельником и стал. А ни Степан, ни Демьян не знал, где Иван на имение деньги брал. Каждый по-своему гадал. То на жён своих ворчали, что одних детей полные избы нарожали, а денег их отцы не дали: а вон Ивановова тьмутмушную денег для мужа припасла, хоть и сирота бездомная! То сетовали, что у их не хозяйки, а яма бездонная: сколько ни работай, а всё никак денег не скопить! Хоть бы рубаху отцовую купить! А нет – сапожонки: ходи в лаптях из-за жёнки!

Как-то Степан говорить Демьяну:

– Во, брат Демьян, как нас объягорил* Иван: ходить разодетый, как атаман! А мы с тобой и в холуи ему не годимся!

А Демьяниха и говорить:

– Ивану Бог богатство послал за то, что мы его за дурака считали, загордились, ничём ему не помогали!

Может, и так, но, видно, Иван – не дурак!

№ 176 (123) ДВА БРАТА

Жили два брата. Конечно, были оба женаты, но детей ни в одного не было. Жили неплохо, но были очень жадные.

А в старое время люди праздновали всякими религиозными праздниками и ходили в гости друг к другу из деревни в деревню. В одной деревне одним праздником празднуют, в другой другим. Так и ходить. А эти два брата ни сами не идут, ни к себе не зовут.

Вот как-то говорить Абрам на Кондрата:

– А что, брат Кондрат, мы ни сами в гости не идём, ни к себе не зовём? Посмотри, как люди поехали в гости!

Абрам и говорить:

– Ладно, дождёмся Покрова*, позовём и мы родственников. У нас мало, дак прихватим кое-кого, чтоб самим тогда побольше было у кого погостить.

Так и договорились.

Дождались Покрова, посозвали с соседних сёл гостей и закатали пирушку. Угостили, конечно, неплохо по тем

временам. Угощали кашей да блинам, рыбой да кренделям. И вина где-то прихватили, селёдки не забыли. Одним словом, как положено, угостили.

После праздника стали считать, на какую сумму гости сожрали. Порядком насчитали.

– Ну, – говорить Абрам Кондрату, – до Рождества* обождём – сами пойдём! Да одни, нет, – мы столько не сожрём: на неделю хватить кутить!

Ну, ждут Рождества. Хорошо помнят, что было создано столько, что на неделю хватить, пока в каждого день проведуть.

Ну, дождались Рождества. Поехали в одном селе в своих троих мужиков за день отъели: завтракали в одного, обедать к другому позвали, ужинали в третьего. А на ночлег в другое село поехали: оказалось много гостей-родичей, чужим ночевать негде. И в следующем селе за день троих обошли, в четвертого ночевали.

А на третий день завтраком уже не праздничным угощали, а обыденным. «Ну, – думают, – этого мы больше не позовём! Ишь, сам два дня у нас жрал, а что нам на завтрак подал? Да и хитрющий притом: вишь, в его дела! Засобирались, свои дела делал, даже не пригласил пообедать!»

Едут братья назад. И давай в тех, у кого вчера гостили, заезжать! А там все своим делам заняты! На гостей им наплевать: праздник-то прошёл! И вот заезжают к последнему, в которого начинали гостевать. А невестка и на двор не пустила:

– Куда вас несёт на чужой двор, какой вы здесь забыли, как праздник прошёл? Мне не до вас! У нас корова двойню телила, я ещё телят не поила!

Так и поехали домой Абрам и Кондрат:

– Хватить гостей звать!

№ 177 (124) КУЗЬМА И ИВАН – БРАТЬЯ РОДНЫЕ

Жили как-то два брата в одном селе. Женился старший брат на богатой вдове, а младшим стали помывать: где тяжелей – туда иди! Кузьма, вишь, женат, богат, а бедному Ивану жениться не по карману: что заработает Иван, Кузьмина жена приберет за то, что Ивану рубашонку простирнуть да сожрать

изредка что нальеть. Иван бился, бился да на такой же нищенке женился. Ту тоже невестка обижала. А где жить? Решили к зимы в погребке заброшенном печку сложить: далеко от села на пустыре погребок был. Видно, там когда-то барин жил, погребок с кирпичей сложил. Вот там-то Иван и поселился с Марией.

Живуть день, живут два. И говорить Мария на Ивана:

– Иванушка, как-то нам будет зиму пережить? У нас с едой плоховато!

– Не горюй, Марьюшка! Я буду горшки лепить, продавать, что-нибудь будем покупать. А по весне запашем свой огород, и дело легче пойдёт.

Так и живут: Иван наделает горшков, продать – то муки, то крупы привезет. Но жене никогда не говорить, что с ним в дороге бывает. А бывает вот что: всё время, как домой возвращается, к нему на горах жеребёнок на дорогу выбегает. А Иван его от своего конишки отпугивает и уезжает. Жеребёнок немного прогонится, да и вернется.

И вот уже по весне наделал горшков Иван и направляется продавать, а Марьюшка тоже с ним собирается кое-каких семян для гряд поискать: лучку, чесночку, морковки, да мало ли чего!

Ну, поехали, горшки продали; что надо, понакупляли. Едут назад, да малость припоздали. Только приехали – на горы видеть Иван: тот жеребёнок бежить и ну конишки дороги не даёт! Никак Иван не отобьет! Тогда Марья сошла с саней да по голове жеребёнка рукавичкой своей бац! А жеребёнок-то тот глядь – вмиг рассыпался! Куча золота и серебра на том месте лежить! Стали подбирать. Иван и говорить на Марью:

– А откуда ж мне было знать: он-то, этот жеребёнок, как я стал горшки продавать, начал ко мне приставать!

– Глупый ты, Иван, счастья своего не мог до меня взять! Хорошо, что я поехала!

Набрали полные развальни* денег, да так зажили! Дом построили, земли купили, семян на посев накупили, да и скотину завели.

А старший брат с женой богатство-то свое прожили. Живуть кое-как, что Ивану ничего не выделили, да и Марья-то

Иванова, в чём была, за Ивана замуж шла. «А как разжились! – думает брат. – Вот что значить горшки продавать! Может, он не горшки продаёт, а разбоем занимается, вот и разживается? Надоть его покараулить!»

А Иван горшков больше делать не стал. Зря брат целый год без дела по дороге тягал, всё ждал за братом подсмотреть, где деньги берёт: только хуже обнищал! А Иван богачом стал.

№ 178 (125) ЗЛАЯ МАЧЕХА И ДЕВЧУШКА ТИХОНЯ-МАХОНЯ

Умерла у одного мужика жена. И осталась у его девочка. Женился мужик на другой. Ну, мачеха так девочку ненавидела, что даже по имени никогда не назвала, а всё звала Тихоня-Махоня. А как её настоящее имя было, она не знала, потому что от матери [девочка] осталась совсем маленькая. А когда Тихоня-Махоня подросла, умер отец. Мачеха и вовсе её прогнала. И пошла Тихоня-Махоня куда глаза глядят. Работать-то она была мала, вот и шла от села до села, и кто её знает, куда забрела. По зимам добрые люди погреться, поночевать пускали. А станет тепло, она никому не надоедала: в поле, лесу ночевала.

И вот как-то едет пастух, стадо пасёт. Тихоня-Махоня и спроси:

– Ты чьё стадо пасешь?

Пастух говорить:

– Королевское, а тебе чего?

– А я сирота, и жить мне негде. Может, меня король к тебе в подпаски взять?

– Да нет, не возьмёт, многие просились.

Ну, Тихоне-Махоне спешить некуда, она цветов нарвала, венок сплела, да одной королевской коровы и надела. А пастуху какое дело: «Пусть себе с венком пасётся, а домой погоню – сниму!»

Стал пастух домой гнать скотину. Хотел корову ту с венком поймать, а она не даёт. «Ну и шут с тобой! – думает пастух. – Если разозлится король, скажу, что какая-то девчонка сплела, а если засмеётся, скажу, что я». И погнал домой.

Пригнал стадо, никто ничего пастуху не сказал, что корова с венком пришла. Пастух в свою каморку залез. Вдруг зовут к королю. Испугался пастух, идти и заранее обдумывается, как сказать. Пришёл, а король на пастуха говорить (так показалось пастуху) вроде сердито:

– Ты где эти цветы на венок коровы рвал?

А пастух:

– Король-батюшка, не вели прогнать или розгами драть! Я не виноват! Это какая-то девчушка венок сплела и одела. Я хотел было снять, да мне не далась корова!

А король:

– А где та девчушка?

– Должно быть, в моем шалаше на лугу: ей негде ночевать, она сирота, её мачеха прогнала.

– Сейчас же пойдёшь, а её ко мне приведи!

Пошёл пастух за девушкой, нашёл, к королю привёл.

– Вот, батюшка-король, она плела, пусть и отвечает!

А сам поскорее ушёл. А девчонка вся дрожить, боится. И говорить королю:

– Батюшка-король, если от моего венка вашей коровушке что случилось худо, то вели меня убить! Только не мучайте: меня мачеха и так измучила, что я еле живая от её ушла!

– Не бойсь, дитя моё! – говорит король. – Коровке моей не худо, она в венке принесла мне золота два пуда. Я хочу тебя отблагодарить!

– Спасибо, батюшка-король! Я только об одном попрошу. Возьми меня коров пасти, я буду каждый день по венку плести, если они будут золото приносить, а не будут – можешь меня убить.

– Что ты говоришь, разве за такое убивают? Вот тебе мой наказ: иди скот паси, но венков каждый день не плети, цветы не губи, пусть по одному венку в год сплетёшь, и то богатство мне принесёшь! А я тебя не обижу.

Вот девушка с пастушонком пасла, пасла скот и никак не удержалась, сплела венок! Домой с поля пригнала да королевской дочке венок и подарила, вернее, на голову одела. А королевская дочка (никто только не знал) была слепая. И вдруг

королевская дочка свет божий увидала! Бежить к отцу и кричить:

– Батюшка, посмотри, что мне девочка подарила! Я её не отблагодарила, она убежала, а я сразу свет увидала! Как хорошо! Кругом светло, всё цветет!

Глянула в окно, а та девчушка к себе в каморку идет. Королевская дочь отцу и говорить:

– Вона она, та девчушка!

А король и говорить:

– Знаю, дочушка, эта девочка у нас живет, скот пасет, вернее, пасла, а теперь как же я её заставлю пасти, если она тебя от слепоты спасла! Она будет твоей сестрой и дочерью моей. Королевство после моей смерти вам на двоих пойдёт.

Ну, когда король стар стал, дочь и девчушка уже с мужьями жили. Позвав к себе зятей (у девчушки чужой был муж пастух, а в королевской дочке, ну, с богатого сословия), и стал король предлагать раздел. То пастух с девчушкой ничего взять не захотел. Осталось всё родной дочке. Только пастух с девчушкой попросил, чтоб их из королевства не выгоняли да жить не под неволей позволяли.

Так и порешили. Пастух с девчушкой сами по себе жили. Король землицы дал, дом срубил, скотины, не жалея, отделил и деньгами не обидел: ведь один-единственный ребенок родился, да и то свету не видел! Сколько денег король перевёл всяким шептунам, лекарям, а без толку! А эту же он не просил девчонку, а она сама помогла и ничего не взяла, потому что не знала, что слепая, да, видно, и не жадная!

– За добро пусть и получает добро, а мне хватить: есть золото и серебро!

№ 179 (126) КАК СОЛДАТ НА ВЕДЬМЕ КАТАЛСЯ

Шёл как-то Иван со службы. Идет, идет и никак не поймет: заблудился что ли? И вот навстречу старушка. Он и спроси:

– Верно ли я, бабуся, иду? Мне, мол, туда-то нужно!

– Нет! – говорить старая, – заблудился ты, так что тебе никогда дома не бывать: лесом пойдёшь – звери могут сожрать, полем пойдёшь – пески будут заметать!

Но Иван не растерялся и говорить:

– И как же мне, бабуса, быть?

– А вот так тебе быть придётся: у меня годок послужить, а потом я тебе дорогу укажу!

– Ну, – думает солдат, – была ни была! В какое-либо село сведеть, я спрошу и пойду: свет не без добрых людей!

– Ладно, – говорить, – послужу!

Только Иван не догадался, что бабуса-то не простая, а ведьма злая-презлая. Привела Ивана в такую чащобу, что и вовсе теперь никакой дороги нет! Иван и говорить:

– Ты куда меня завела?

– А туда, солдатик, где ни одна нога человеческая не ступала!

Сказала, да так захохотала, что Иван аж уши заткнул: чуть не оглохнул!

– Ну, старая, ты со мной не шути: мне надо домой идти! Я наслужился вдоволь, а ещё у тебя год отслужу – старым стану. Я и на то согласился, а ты обманом занимаешься! Да ещё и смеёшься!

– Ну, ладно тебе! – ведьма говорить. – Начинай служить! Вот связи меня на гору, я хочу посмотреть в дыру: если там свет горит, значит, ты домой попадёшь.

А Иван говорить:

– А лошадь где у тебя стоять?

– Какая такая лошадь? Я на тебе поеду!

– А во что ты меня запрегёшь?

– А ни во что, на плечах повезёшь!

– Ну, ты, старая! – говорить Иван. – Я сроду не видал, чтобы на плечах возили!

– А ты повезёшь, – ведьма говорить, – если хочешь жить!

И взгромозилась Ивану на плечи. Да ещё и понукает, как коня. «Ну, – думает Иван, – где села, там и слезешь с меня!» Иван за ногу ведьму схватил, а ведьма:

– За ноги не бери, так вези!

– Я для того взял, чтоб ненароком не уронил: я же не тихонько повезу!

Да как дёрнет ведьму за одну ногу! А вторую отпустил. Ведьму с плеч и свалил!

Видит ведьма, что и в самом деле плохи с солдатом шутки: так грохнулась, аж что-то перевернулось в желудке! Лежить и не встаеть. Думаеть, солдат уйдесть. Да не тут-то было! Солдат ремень солдатский снял, да так ведьме поддал, да за шкурку поднял и, как кобылу, оседлал. Сел верхом да ремнем:

– Вези, старая ведьма! – говорить. – Да не вздумай дурить! Вези на мою дорогу, если хочешь живой остаться, а то всю жизнь я на тебе буду кататься!

Видит ведьма: делать нечего! Охая да крѣхая, повезла из лесу. Вывезла и говорит:

– Куда надо идтить? – так ей хотелось поскорее от Ивана избавиться, а сама думаеть: «Никуда не денется, к ночи опять ко мне явится!»

Ну, Иван не поверил:

– Нет, старая плутовка, пока не довезёшь меня до моей собственной двери, я тебя не отпущу! Дашь спасибо, что за обман прощу! Да вези побыстрей, а то ремнем угощу!

Тогда осерчала ведьма и понеслась вскачь, думаеть: свалится! Да не тут-то было! Вцепился Иван в волосы и сидить.

И вот уже свою деревню видить:

– Ну, проваливай, старая ведьма, если впереди не обман! Я всё равно тебе найду, если ты задумеешь надо мной подшутить!

Рада-радѣхонька ведьма! Еле живая назад поплелась.

А Ивану вскоре знакомая баба повстречалась:

– Ой, Ивашка, не ты ли отслужил? И на чём так быстро прикатил? Мой-то вона месяц шёл, а ты за три дня прилетел!

– Знаешь, какие дела? – говорить Иван, – Я ехал, как хотел, зато за три дня и прилетел. А твой-то Захар пешком топал: больше меня служил, а хитрости не нажил. Вот так-то, тётка Захариха! Меня подвезло лихо, обещаю и вас прокатить, если вздумает со мной шутить.

Но ведьмы не до шуток было: та как бы дальше ноги уносила!

№ 180 (127) КУПЕЦ И ВОЛШЕБНАЯ МОНЕТА

Возвращался как-то купец из города. Деньги, видите ли вы, не в кубышки клал, а в какое-то дело в городе. Но об етем никто не знал. А при себе всего всегда была одна монета, вернее, один рубль, который ему покойная бабка, умирая, дала и наказывала живому:

– Никогда эту монету с рук не выпускать, а умрёшь, тогда кому захошь, тому и отдай!

И вот едет купец домой с города, а на его напали разбойники. Купец и говорить:

– Нет у меня денег, я же пустой!

А разбойники не верить.

– Нет – говорят, – стой! Подобру не отдашь – убьём, возьмём!

– Бейте, – говорить купец, – но то, что у меня есть, я нищему отдам, а вы, хоть и убьёте – не возьмёте!

И берет свой рубль и глотаёт. Разбойники подумали, что купец хитрит, убили-таки купца, ничего не нашли, так и ушли. А люди добрые купца на том же месте схоронили и крест поставили.

– Лежи себе с Богом, – прохожие говорят, – богатство ли тебя погубило или злой человек напал, ни за что ни про что на тот свет загнал?

Так и лежить купец в сырой земле. А за несколько десятков вёрст живёт, ну, скажем, самый что ни на есть бедный мужик со своей бабой. Как ни быются, все никак не заживутся, просто как какая беда накликалась! Жили вроде неплохо: и коровёнки, и лошадёнки были, а с той поры, как с их села купца убили, вся беда свалилась на голову мужику. Скот падать стал, земля родить не стала. А соседи говорить стали: «Не он ли купца погубил, да в пользу не пошло?» – потому что все видят: мужик не ленится, а что ни посеет – не родится, что ни заведёт со скотины – не водится!

И вот как-то легли мужик с бабой спать. Мужик и говорить:

– Надо б, баба, нам с этого села куда-либо уезжать. Да вот денег не достать, чтоб на новом месте какой хуторок купить!

А баба молчить. Мужик и говорить:

– Ты что молчишь?

Потрогал бабу, а она спить. Плюнул, да и сам уснул.

Вдруг баба среди ночи будить мужика.

– Проснись, Назар! Послушай, какой я сон видала! Помнишь, мы ездили с тобой на базар, могилу у дороги нашего купца видали? Так вот вижу я во сне: иду в город, только подхожу к этому месту, где купец зарыт, а он, сердечный, на своей могиле сидит и говорить на меня: «Пришли, Маланья, Назара! Я ему рубль дам – от и купите хуторок, тот мой, он теперь пустой. Вот мой хуторок и пойдёт вам в прок. А то совсем онищали! А мои дед с бабой Назарову деду с бабкой задолжали и умерли – не отдали».

– Да, говорить Назар, – странный сон! К чему бы он? Были ли должны купеческие старики моим старикам, неизвестно, но боязно идти на то место!

А Маланья и говорить:

– Я же не посылаю тебе идтить, а только сон рассказала!

И опять уснула.

А Назар так и не уснул до утра. Утром проснулась Маланья, Назар на неё и говорить:

– Ну, была не была! Я решил сходить, будь, что будет!

Собрал на дорогу еду: чёрную чёрствую горбушку хлеба, да в жбан налил воду, соль щёпотку – завязал в лоскуток, да и пошёл с утра пораньше. Вёрст сто: за день не вернёшься, придётся не раз ночевать. Маланья и говорить:

– Если меня больше пяти ночей дома не будет, поминай, а пять ночей ожидай! Двести вёрст я сумею прошагать суток за пять.

И ушёл.

Маланья ждёт, а Назар всё не идёт.

Подошёл Назар к могилы купца: никто на могилы не сидит. Дождался темноты и решил могилу разрыть, что ни будет! Копал-копал – раскопал. Купеческие кости лежат, а, что бы Назар ни говорил, молчать. И стало уже светать, надо побыстрей закопать. «Баба-дура во сне увидала, а меня, дурака,

нелёгкая понесла! Грех на душу принял, могилу человека раскопал!» Бросил пригорошню земли на кости и видит: монета лежить, да не простая, а золотая! Перекрестился Назар: «Господи, прости!» – и полез за монетой. А кто-то и говорить: «Бери, да никому, кроме жены, не говори: это долг за стариков!».

Закопал поскорей могилу Назар и домой пошёл. Идет и думает: «Нет, я этот долг не знаю, а потому не приму. Окаянная нищета соблазнила! Я на эту монету купца этого проведу, а то он земле неприданный лежить. Кто его отпевал? А я ещё и откопал!» И зашёл Назар в церковь по пути. Батюшке говорить:

– Вот такую-то душу проведи, а то неотпеванная лежить.

А поп и говорить:

– За отпевание надо платить!

– А я рубль вот тебе золотой дам, а больше у меня нет.

Взял поп рубль, купца отпел. И пошёл Назар домой с лёгкой душой.

Идет-идет, а карман всё почему-то тяжелеет, даже полу армяка (армяк – это такое вроде пальто без подкладки из самотканого сукна) [оттянуло]. Пощупал Назар карман, а он полон золотых!

– Господи Боже ты мой, что же это такое со мной? – взмолился Назар.

А такой же голос, как в могиле слышал, говорить:

– Сколько лет я лежал неотпеванный, за каждый год я тебе заплатил. А ещё, сколько ты голодал, я тебе дал. А ещё, сколько поп слов сказал, тоже дал. Так что не пугайся, а на доброе здоровье разживайся!

Постоял Назар, перекрестился ещё раз и сказал:

– Пухом тебе земля, добрая душа! А злодей, что тебя загубил, – камнем тяжелым, горячим!

Пришёл Назар на шестой день утречком домой. Да своей Маланье и говорить:

– Ну, Маланья, теперь нам есть чем жить! Надо узнать, кто купеческий хутор продает, туда и переберёмся жить!

Походил Назар, поспрашивал, нашёл каких-то дальних родственников. Но те не стали продавать:

– Живи себе на здоровье задаром! Не забывай только убиенного, поминай!

Поблагодарил Назар родственников-стариков – и перебрался на хутор.

На купеческом хуторе земля добрая, но вся в пустырях. Год прожил – вполне переправился.

И поехал в город, чтоб купцу убиенному ограду железную и крест железный заказать. Сделали всё, как заказывал, привёз на могилу ограду Назар. Ограду поставил, крест укопал и говорить:

– Сделал ты для меня все, а я для тебя, что мог, прости!

А тот же голос говорить:

– Хоть у тебя, мужик, душа добрая, но хочешь богато жить – грех на душу прими: отомсти!

А мужик:

– А кому? Я же не знаю!

– Они, – говорить тот голос, – к тебе сами придут. Ты им баньку истопи, а там твоё дело!

Вернулся Назар домой и думает, как же быть? Неужто убить? А тот же голос и говорить:

– Ты им тяжелый, жаркий камень пожелал, пожарче баню топи, а сам спокойно спи!

Дня через три заявляются в хутор двое под вечер и просят Назара баню им истопить. Ну, Назар не сразу поспешил топить, а всё же истопил. Пошли те двое мыться, да и не изволили до утра заявиться. Маланья говорить:

– Должно быть, Назар, люди худые: помылись, да и скрылись!

И пошла воду с бочки вылить, чтоб не гнила бочка. Открыла баню, а они, окаянные, пьяные на банной печи лежать! А почему пьяные, Маланья догадалась: бутылки из-под горелки* пустые лежать. Плюнула, да и пошла. И говорить Назару:

– Пьяные, вражины, на печке спать!

Догадался Назар, что им не вставать. День переждал, а в ночи закопал. Так и пришлось Назару грех на душу принять. Но сколько жил, не замечал, чтоб грех этот ему мешал. Справно со своей Маланьей жили. А тех двое – разбойники были, последнее

пропили да на каменке и припеклись. Может, за то, что купца убили, а может, бабка с дедом у купца волшебники были. Дело прошлое и тёмное.

№ 181 (128) БАРИН И ПАСТУХ

Как-то барин долго жил неженатый. Всё никак было не подобрать жену по вкусу. То нескладна, то капризна, то некрасива, то небогата. И вот однажды, возвращаясь из дальней поездки домой, встретил по дороге дивчину. Конечно, ладная, но одежонка на ней неприглядная и вдобавок в лапти обута. Барин и спрашивает её:

– Ты чья такая, красавица?

А она отвечает:

– Крестьянская сирота, в людях проживаю; что имею, с собой таскаю!

– А куда идёшь?

– Иду жать барскую рожь!

– Ну, нам по пути, могу подвезти. Садись, если к барину идёшь жать рожь!

Села дивчина, едут. Барин всё на неё поглядывает да прикидывает: «Если её одеть приличнее, то получится жена преотличная, и никто не узнает: богатая она была или нет». Так и порешил. Привёз до своей усадьбы и предложил:

– Ты, красавица, рожь жать не ходи, а лучше за меня замуж выходи!

А дивчина говорить:

– Замуж, говоришь, за тебя выходить? А как же с моим суженым будет?

Барин засмеялся и говорить:

– Твой суженый ничего и не узнает. Ты барыней будешь жить!

– Ладно, – дивчина говорить, – позволь до завтра за тебя замуж не выходить!

– А ты не убежишь?

– Нет, я тебе серп свой в залог оставляю. А без него я не уйду: этот серп сам жнёт, сам снопы вяжет, сам в копны рожь

кладеть, сам молотить, сам хлеб печь. Так что вся моя жизнь в этом серпе. Я по подворью схожу, погляжу: с тобой ли жить остаться или суженого дожидаться.

Отпустил ее барин, а того не знал, что в прошлом году её суженого насильно в пастухи в дальнем селе взял, а дивчина не рожь жать шла, а по суженому скучала, а про серп всё наврала. Встретила дивчина стадо, всё своему суженому порассказала, а тот пастух и говорить:

– Вот что, пойдём к барину и предъявим: или я тебя барину отдаю, или серп оставляю.

А барин тем временем не о дивчине задумался, а о серпе. С таким серпом, да с такой женой можно ещё больше богатства нажить! Само богатство в руки бежить! Вишь, какой серп: не надо ни на какую работу нанимать, деньги тратить!

Загнал пастух стадо и идет с дивчиной к барину. Пастух на барина и говорить:

– Не прогневайся, барин, но не откажи, о чем я буду с тобой говорить! Хотя я и подневольный, но в праве за свою невесту постоять. Дак вот, любое бери: или невесту мою, а я серп заберу, или серп бери, а на ней мне жениться не мешай. Любое выбирай! У нас с ней дочка расти.

Ну это, конечно, пастух приврал. Так барин себе серп и взял, а пастуха с дивчиной со двора прогнал. Поклонились барину пастух и дивчина, поблагодарили и ушли, а куда, барину не знать!

Понёс барин серп, чтоб тот стал сам рожь жать, положил на ниву. Вечером пошёл посмотреть. А серп, где клал, там и лежить, и нива нежатая стоять. Барин и думает: «Как же быть? Видно, надо, чтобы что-то серпу говорить, а я, дурак, ничего и не расспросил!» Кинулся барин догонять дивчину и пастуха, изо всех сил два дня, две ночи бежал, да нигде так и не догнал. А серп без дела всё жнитво* пролежал. Нанятые бабы пробовали тем серпом жать, дак он тупой, серп: так ржавчина и съела.

А пастух с дивчиной поженились, и ни до чего нет дела! Живут себе, поживают да добра наживают! А барин так и остался неженат, и серп ему не жнеть, ржавый валяется.

№ 182 (129) СТАРЫЙ СОЛДАТ И ГОСПОЖА

В одном селе как-то прижился старый солдат без роду, без племени, даже не помнить, сколько лет пробыл на солдатской службе. А неподалеку от села господская усадьба была. Жил старый господин и дочь. Уже тоже много лет господин вдовцом живёт, а дочь подросла. Пора бы замуж отдавать. Стал отец для дочери мужа искать, а дочь и говорить:

– Батюшка, не трудись. Мне муж, тебе зять – это старый солдат, а больше я ни за какого золотого не пойду!

А господин и говорить:

– Доченька, что ты в этом солдате нашла?

А дочь и говорить:

– Я не искала, а крест у солдата на груди видала, а в твоих женихах нет креста, а поэтому они все некрещёные, всё из-за богатства хотят на мне жениться, а потом станут около света крутиться, денежки проматывать. А старый человек будет сидеть около меня век.

Господин и говорить на дочь:

– Пожалуй, ты правду рассудила. Твоя мать, за меня когда выходила, очень богата была; жаль, что рано умерла, но тут не моя вина. Пойду-ка я к солдату, к нам приглашу, да хорошенько разгляжу!

Призвали солдата. Пришёл солдат и на господина говорить:

– Зачем я вам нужен?

А господин и говорить:

– Ты не желаешь ни с кем дружить. Мы решили тебя на ужин пригласить.

– Благодарствую, – отвечает солдат, – только я уже успел на ночь пожрать.

А госпожа и говорить:

– Неправду папенька говорить. Мы тебя пригласили не жрать, а меня замуж брать.

А солдат и говорить:

– Нет, тогда, если так желаете, меня к себе берите, а мне ни к чему тебя брать: у меня всего, что есть, – шинелишка худая, солдатский котелок да ложка медная.

Так и сговорились. Взял господин солдата на зятя, осталась пустая солдатская избёнка. А как же иначе: в солдата молодая господская жёнка!

Только солдат не желает свои котелок да медную ложку на тарелку и серебряную ложку менять. Что в тарелку нальёт – для кошки: совсем немножко, а солдату надо полкотелка! Сядут к столу – солдат на краюшек свой котелок, да несколько тарелок сольёт и уплетает. Смотрит господин: за троих ест один! И говорить своей дочери:

– Доченька, такой зять не выгоден: много жреть!

– Батюшка, – госпожа говорить, – а тот мало жреть, который десяток тарелок с разными яствами выпорознить*? А этот только три сольёт! Велика ли беда, что хозяйка второй раз поднесёт!

– И то правда, доченька, пусть живёт!

Так и остался солдат на старости лет господским зятем. Но вскоре умер старый господин, немного пережил его и солдат. А госпожа с другим, молодым, живёт!

№ 183 (130) ИВАН С ЖЕНОЙ ДА ТРИ ИВАНА С ФОМОЙ

Женился как-то в одном селе Иван, сын Максима. Попала ему в жёны большой семьи Аксинья. Но не жалуется Иван: Аксинья справно хозяйство ведёт, матери-старухе и шагу шагнуть не даёт:

– Ты старенькая: отдыхай! Вот пойдут внуки – эта работа будет на твои руки.

Живут себе спокойно год. «Отец Максим совсем старенький, скоро умереть, – думает Аксинья, – вся работа на Ивана ляжет. Ну, а мать пожить, внуков помянуть и тоже умереть. А мы с Иваном к той поры заживём, богатство со двора попреть!»

И вот проходить год, Максим не умирает, а вроде плечи расправлять да Ивана подгонять: и то надо сделать, и то смастерить. А жена Максима Аксинья, старуха, ни в чём невестке не поправляет: как сготовить, как постирает – ей всё ладно!

Однажды невестка и говорить:

– Надо бы чего подсобить: мне-то одной не разорваться!

А свекровь и говорить:

– Я внуков жду, тогда-то я с ним и буду забавляться!

А Аксинье, как на зло, не повезло: и год, и два, и три, и пять – не выходить рожать! И зло Аксинью береть: никто со старых, видно, скоро не умереть: «А что свекор-то, свекровь не меньше меня с Иваном жреть: лишнее не продашь!»

И, вдруг, семь лет спустя, начала Аксинья рожать: сперва родила сына – Фомой назвали, а на втором году родила дочь Катерину, на третий год дочь Арину, на четвёртый год Бог дал тройной род. Родила три сына за раз! Свекровь и говорить:

– Ксенюшка-невенюшка, сколько же их теперь у нас? Кажись, шесть? Но да еще десятка два там есть! Вот и для меня работа нашлась! А ты боялась, что я без дела сгулялась!

Повезли в церковь тройню крестить, а поп не знает, как назвать:

– Тройня у вас, ить могут и не жить: надо их отцовским именем назвать!

Назвал всех троих Иванами: Ванька, Иванушка и Ванюшка. Привезли кумовья домой ребят и говорить:

– Всех троих батюшка Иванами окрестил, а то, говорить, будут помирать!

Вскоре после крестин умерла Катерина, а за Катериной Арина. Остались бабке приглядать Фома да три Ивана. Как кто спросить:

– Сколько, Феклушка, тебе Аксинья нарожала внучат?

А старуха и говорить:

– Постаралась шестеро родить, из них двое умерли, а двое остались.

Удивлялись бабы: «Свихнулась: двое, говорить! Должно четверо живых! Или не двое, а четверо умерли!» Гадать-то гадали, а не знали, что троих Иванами зовут. А бабка Фому да Ивана вспоминала и двоих называла.

Пока внуки росли, совсем старенькая стала. Умер её Максим, и ерунда с ним! «Совесьть надо знать! Невестка перестала рожать: пора и мне умирать!» – говорить. Однажды взяла да и умерла. Остался Иван с женой и своей семьей.

«Фому пора женить. А как с Иванами быть? Ведь их трое, и всех троих надо за один раз женить! Привыкли они все за раз: будять одного – все трое встают; заставляют одного сделать чего – все трое вместе работают. И все как один, их не разобрать. Если все за столом сидят, то видишь: три Ивана, а разойдутся – куда ни позови, и идут все три. А который из них Ванька, который Иванушка, а который Ванюшка?» – подумал так Иван-отец, да и подозвал Иванов своих:

– Ну, сынки мои, который из вас старший жених? Пора бы которого женить: матери тяжело: Фомчиха будет родить.

А сыновья и говорят, стоя в ряд:

– А мы все, батюшка, старшие!

– А невест вы себе подобрали, если враз жениться? – говорить отец.

– А как же!

Спросил одного – говорить:

– Марья есть!

Спросил второго, и тот:

– Марьюшка! – говорит.

А третий указал на дорогу:

– А вона моя за водой спешить, и эту Марьей звать.

Суседка-вдова – её мать.

Оженил Иван своих Иванов, набрал невесток Марей, да как взялись за дело, как вши за тело! Если надо одну невестку послать – все трое бежать! Вот когда у Ивана-отца с Аксиньей добро попёрло со двора! Аксинья Фомичихину дочь глядить*, Фомичиха за хозяйством глядить*, а три Ивана-сына и Иван-отец да три Марьи в поле трудятся. Только у Иванов да Марей тоже скоро детки народятся. Сидит Аксинья и гадаёт, а как да все три Марьи да по тройне нарожают? «Зря я, дура старая, согласилась с ребятишками сидеть: лучше в поле на ниве!»

Говорять, не помнить никто и мне не сказали, сколько Марии детей нарожали. Знаю только, что три деревни из одной населили. Наверняка, не по одной тройне родили. А Ивана старшего и Аксинью давно схоронили.

№ 184 (131) ХИТРЕЦ И ГЛУПЕЦ

Ехал как-то мужик в город горшки продавать, да на посев зерна покупать. Своего за зиму прижрали: семья в мужика большая. Встретился по дороге под вечер барин. А мужик-то был хитрый, а барин малость глуповат. Увидел барина мужик и остановился заранее, ждать, когда тот подъедет. Подъезжает барин да на мужика и говорить:

– Чего ты стоишь? Так и опоздаешь: до города-то далеко!

А мужик ему:

– Кобылёнка пристала*!

Засмеялся барин:

– Семь вёрст от села, и кобыла пристала! А до города семьдесят вёрст! Как же ты, за неделю только доедешь?

– Да нет, – мужик говорить, – я только от села отъехал, а за мной банда: хотели обобрать, приняли за барина, видать. Вот я и загнал кобылёнку.

А барин спрашивает:

– А где банда теперь?

А мужик говорить:

– Припрятались и говорят, должен ехать какой-то Емеля.

А барина-то Емельяном звали. А мужик вроде б и не знал, потому что барину не все мужики были близки. Да притом барин был глуповат и спрашивает мужика:

– А кто такой Емеля?

А мужик говорить:

– А кто его знает! То ли барин какой, то ли купец. А им-то что, бандитам-разбойникам? Убить да обобрать! Если [я был бы] богат, один бы меня всё равно догнал, да горшок из возу упал, он, окаянный, понял, что грабить у меня нечего.

Барин на мужика и говорить:

– А что мне делать, у меня в возу мешок денег лежить?

А мужик и говорить:

– Что делать? Зарыть, а потом переждать: пока на другую дорогу разбойники-бандиты уйдут, возьмешь. А с деньгами голову не унесешь!

Подумал барин и решил мужика послушать. Немного отъехал, видит: мужик у костра сидит, и стал яму рыть. Вырыл, мешок положил, хорошенько закопал. А мужик-то не дремал, за барином наблюдал. Видит: барин справился – около костра растянулся и спит.

А барин боится в ночи ехать домой; не знает, как быть. «Ну, – думает, – была не была! Мужик спит, оставлю ему своих коней, возьму его зипун*, запрягу его кобылёнку и поеду потихоньку. Разбойники нападут – я скажу, что нет у бедного ничего, богатых стерегите!» Так и сделал. Подкрался. А мужик не спит, смотреть, что будет. Запрёт мужикову кобылёнку в свою телегу, а своего коня к мужицкой привязал; шубу снял, мужицкий зипун напялил – и уезжать! А мужик опять наблюдает: откопает или не откопает? Нет, не откопал, поехал! А мужик переждал, мешок выкопал и в город поехал!

Горшки продал, зерна накупил, ехать домой себе спокойно. Ну, конечно, и барин проехал, никто на него не напал, потому что мужик наврал. Едет мужик. Только к селу своему подъезжает – барина встречает на его [мужицкой] кобылёнке. Мужик на барина и говорит:

– Барин, как тебе не совестно грабить? Зипун мой стащил и кобылу угнал! Хорошо, что я горшки дорого продал, конишку себе купил, а то бы телегу и назад на себе тащил: в город-то семьдесят вёрст пришлось тащить, да и с горшками!

А барин:

– Я же тебе своего коня оставил за твою кобылу и шубу за зипун!

А мужик:

– На язык бы тебе типун за мой зипун! Хорошо тебе, что я не знаю, как звать, а то людям бы рассказать, какой ты барин!

А барин и говорит:

– Ладно, мужик, молчи! У меня мешок с деньгами тут неподалеку зарыт, я тебе денег дам, никому только не говори! А коня моего, видно, проспал: вору увели!

Согласился мужик денег получить, хоть и мешок барский с деньгами самого у возу лежит. Барин кобылу мужику отдал, а сам пешком пошёл за мешком!

№ 185 (132) ГДЕ Ж ТЫ БЫЛ, МОЙ ЧЁРНЫЙ БАРАН?

– Где ж ты был, мой чёрнай баран?
Где ж ты был, мой чёрнай баран?
– На мельнице, на мельнице, милосливый пан!
На мельнице, на мельнице, милосливый пан!

– Что ж там делал, чёрный баран?
Что ж там делал, чёрный баран?
– Муку máлoл, муку máлoл, милосливый пан!
Муку мо́лол, муку мо́лол, милосливый пан!

– На что ж máлoл, чёрный баран?
На что máлoл, чёрный баран?
– На свадебку, на свадебку, милосливый пан!
На свадебку, на свадебку, милосливый пан!

– На чью свадьбу, чёрный баран?
На чью свадьбу, чёрный баран?
– На Манину, на Манину, милосливый пан!
На Манину, на Манину, милосливый пан!

№ 186 ГДЕ Ж ТЫ БЫЛ, ЧЁРНЫЙ МОЙ БАРАН?

– Где ж ты был, чёрный мой баран?
Где ж ты был, чёрный мой баран?
– На мельнице, на мельнице, милосливый пан!
На мельнице, на мельнице, милосливый пан!

– Каво ты там делал, чёрный мой баран?
Каво ты там делал, чёрный мой баран?
– Муку мо́лол, муку мо́лол, милосливый пан!
Муку мо́лол, муку мо́лол, милосливый пан!

– Ти били ж тябе там, чёрный мой баран?
Ти били ж тябе там, чёрный мой баран?
– Били, били, били, били, милосливый пан!

Били, били, били, били, милосливый пан!

– Чем тябя били, чёрный мой баран?

Чем тябя били, чёрный мой баран?

– Вилкам*, палкам, милосливый пан!

Вилкам, палкам, милосливый пан!

– По чём тябя били, чёрный мой баран?

По чём тябя били, чёрный мой баран?

– По рогам, по ногам, милосливый пан!

По рогам, по ногам, милосливый пан!

– Ти плакал же ты там, чёрный мой баран?

Ти плакал же ты там, чёрный мой баран?

– Плакал, плакал, милосливый пан!

Плакал, плакал, милосливый пан!

– А как же ты плакал, чёрный мой баран?

А как же ты плакал, чёрный мой баран?

– «Бя-а, бя-а!», милосливый пан!

«Бя-а, бя-а!», милосливый пан!

– Ти любишь ты девок, чёрный мой баран?

Ти любишь ты девок, чёрный мой баран?

– Ни люблю, ни люблю, милосливый пан!

Ни люблю, ни люблю, милосливый пан!

– Чаво ты ня любишь, чёрный мой баран?

Чаво ты ня любишь, чёрный мой баран?

– Яны люди, я баран, милосливый пан!

Яны люди, я баран, милосливый пан!

№ 187 ГДЕ ЖЕ ТЫ БЫЛ, НАШ ЧЁРНЫЙ БАРАН?

– Где жа ты был, наш чёрный баран?

Где жа ты был, наш чёрный баран?

(Баран в маске с рогами поёт. Это на Святках играли)

– На мельнице, на мельнице, мой милосливый пан!
На мельнице, на мельнице, мой милосливый пан!

– Что же там делал, наш чёрный баран?
Что ты там делал, наш чёрный баран?
– Муку молол, муку молол, наш милосливый пан!
Муку молол, муку молол, наш милосливый пан!

– Чем жа молол ты, наш чёрный баран?
Чем жа молол ты, наш чёрный баран?
– Всё рожками да ножками, наш милосливый пан!
Всё рожками да ножками, наш милосливый пан!

– Кто ж тебя выгнал, наш чёрный баран?
Кто ж тебя выгнал, наш чёрный баран?
– Всё мельники-бездельники, мой милосливый пан!
Всё мельники-бездельники, мой милосливый пан!

– Чем тебя гнали, наш чёрный баран?
Чем тебя гнали, наш чёрный баран?
– Всё палками да скалками, всё били по спине!
А палками да скалками, всё били по спине!

– Как жа ты плакал, наш чёрный баран?
Как жа ты плакал, наш чёрный баран?
– Ой-ой-ой-ой, ой-ой-ой-ой, как больно было мне!
Ой-ой-ой-ой, ой-ой-ой-ой, как больно было мне!

– Пойдём-ка ты с нами в лужок погулять,
Пойдём-ка ты с нами в лужок погулять,
По травушке-муравушке ты будешь там скакать,
По травушке-муравушке ты будешь там скакать.

(И козёл с круга уходит к ребятам).

№ 188 (133) НА МОРЕ ЖАБКА КРОСЁНЦЫ ТКАЛА

На море жабка*,
На море жабка
Люли-рано!
Кросёнцы* ткала.

Приехав рачак*,
Приехав рачак
Люли-рано!
К жабке у сваты.

– Спех* табе, жабка,
Спех табе, жабка,
Люли-рано!
Кросёнцы ткати!

– Спасибо, рачак!
Спасибо, рачак,
Люли-рано!
За добро словце!

– Чим* в табе, жабка,
Чим в табе, жабка,
Люли-рано!
Лапки коротки?

– Чим в табе рачак,
Чим в табе рачак,
Люли-рано!
Вочки узочки?

№ 189 НА МОРЕ ЖАБКА КРОСЁНЦЫ ТКАЛА

На море жабка*,
На море жабка,
Люли-рано!
Кросёнцы* ткала.

Прыехав к жабке,
Прыехав к жабке,
Люли-рано!
Рачок* у сваты.

– Что в тебе, жабка,
Что в тебе, жабка,
Ой люли-рано!
Лапки коротки?

– Что в тябе, рачок,
Что в тябе, рачок,
Люли-рано!
Вочки назаду?

Хоть лапки коротки,
Лапки коротки,
Люли-рано!
Спряду и вытку!

№ 190 НА МОРЕ ЖАБКА КРОСЁНЦЫ ТКАЛА

На море жабка*
Кросёнцы* иткала.

Праплыл к ей рачанька*:
– Спех* тебе, жабка!

– Спасибо, рачанька,
За добро слоўце!

– А чаво ж ты, жабка,
В лапоточках?

– А во рачки* глазки
У сыра́чки*!

№ 191 (134) СОВА-СОВОНЬКА

– Сова моя, совонька,
Да сова моя, вдовонька,
А где ж ты, совонька, была,
Где ж ты пребывала?
– А в лясу, в лясишке,
Да у старом дуплишке!
Нихто совоньку ня знал,
Да нихто глазом не видал.
Стали сову знати,
Стали спызнавати
Князи ды бояры,
Мальцы молодии.
Стали сову сватать,
Стали сову братать*
За белого луня,
За милого друга.
Сова сторопилася
Да домой поспяшилася,
Прилятела домой
На свое дворишча,
Села на коришче*.
Расхвасталася
Да расчумасталася:
– А что в вас за люди?
А что за татары?
Длинная плацця,
Длинная плац...
Длинные ноги,
Длинные ноги,
Короткое плацця,
Короткое плацця.
Чёрныя рожа,
Чёрныя рожа,
Глядеть непригожа,
Глядеть непригожа?
– А ты, сова, дура,

А ты неразумна,
Ето тые люди,
Что по полю ходють,
Что по полю ходють,
Густу траву косяють!

№ 192 (135) САВУШКА-СОВА

— Ах, ты, Сáвушка-Сова,
Зáрецкая барыня!
Где ж ты б́ыла, Сова,
Побывала, Сова?
— Я б́ыла в лясишчы,
В добром дубравишчы!
Никто Сáвушку ня знал,
Никто не споведал.
Стали Сáву знати,
Стали примячати
Пречастные люди —
Кумары да мухи!
Стали пивушку варить,
Сáву замуж гыворить.
Сáва срадывылась.
Снарядилися Сова:
Лапотки-отопки*,
А́боры*-вярёвки,
А́нучки*-тряпички,
С дымника* затычки,
Гороховы серьги,
С мочалы цапочка.
Снарядилася Сова,
Полятела Сова,
Села на вяшишку* —
Ветка обломилася,
Сава обвалилася.
Придавила Сова
Быка-третьяка*,
Жырябёнка-лысака*,

Овцу-яловицу,
Свинью-племенницу.
А как заяц сгорявался,
А как бедный сбедовался.
—А, Господи Суси!
Люди-то женюца,
В радости, в корысти,
А я-то ожанился —
Чуть не задавился!
Взял я Совишчу,
Большую головишчу,
Ноги что лытошки*,
Голова что в кошки,
Чортова рожа,
Глядеть не пригожа!
Вся!

№ 193 (136) КАК ВЕРЕБЕЙ ЖЕНИЛСЯ

Ай, рябей, верябеюшка,
Задумал он жанитися,
Полятел он порадацца
Ко странатке*-матке,
Ко чачотке*-тётке,
Ко синице ко сястрице,
Ко бабушке-голубице.
Рады-рады-рады,
Рады-рады-рады!

— Если думаешь жаницца,
Ты ляти домой готовицца,
Чтобы пиво было,
Чтобы горелка* была,
И хлеб чыстый*, хворкалистый,
Чтобы мёду три бурилки*!
— Будет-будет-будет,
Будет-будет-будет!

Он домойки прилятевши,
Думает, на лавку севши,
Что наперед* работáть:
Треба жито*, треба жито-ячень жать,
Житу жать, хмель щипать,
Пиво-гóрелку варить,
Гостей-музыку кормить.
Будет-будет-будет,
Будет-будет-будет!

Пива досыть – мяса мало!
– Поймайте блоху, зарежьте,
С яе мясо обярите,
Всю музыку накормите
Досыт-досыт-досыт,
Досыт-досыт-досыть!

Мяса досыть – мёду мало!
Полятел же он до гая*,
Спас* -ка пчóлу он с мядóю,
Кричить, гонить он по сёлу:
– Ах, вы, дроздя, перяймите,
Ў пчяле мёду отбярите,
Вы сытитя, вы мутите,
Всю музыку напоите
Досыт-досыт-досыт,
Досыт-досыт-досыть!

Два мясіцы банкет пели,
Покуль гости блоху съели.
На тринадцатой нядели
Вси на хату полятели:
И курица с цыплятам,
И гусыня с гусяням.

Батьян* сороке выбил бок,
А сорока у яго
Да расклявала всё крыло!

Какое дивó былó –
Трудно былó сведать,
Трудно былó сведать!

Пиряпёлка подскочила,
За крылушко подхватила.
– Ах, ты, дроздик, повярнися!
Со мной троху* покрутися:
– Мур-мур-мур-мур-мур-мур,
Мур-мур-мур-мур-мур-мур!

На пятнадцатой няделе... (Ай, ой!)
Батьян сороке выбил бок,
А сорока у яго
Да расклявала всё крыло!
Какое диво былó –
Трудно былó сведать,
Трудно былó сведать!

На тринадцатой няделе
Вси на хату полятели:
– Ёра, верябейка! Ёра, верябейка!

№ 194 (137) СПОРОДИЛА ЧЕЧЁТОЧКА СЕМЕРО ДОЧЁК

Спородила чачоточка*
Семеро дочок,
Спородила невеличких
Семеро, малых:
Авгинью, и Аксиною,
И Катюху, и Настюху,
И Макрину, и Гриппину,
Сёмую Химку,
Сёмую Химку.

Спородивши и взрастивши,
Замуж отдала.
Спородивши и взрастивши,

Замуж отдала.
А Авгинью за Мирона,
А Аксиною за Хритона,
А Катюху за Демида,
А Настюху за Спирида,
Родиону – Макрину,
А Хритону – Гриппину.
Химку за Кузьму,
Химку за Кузьму!

Нанимала чачоточка
Скочну* музыку,
Нанимала чачоточка
Капелу ую:
Воробейка на скрипице,
Соловейка на притыце,
А сороки у прискоки,
А вороны ув ладони,
Чёрны галки у цымбалки.
Любо слушать, як взыграють
Музыку свою,
Музыку свою!

А чачотка не гуляла:
Варила блоху!
Долго гости блоху ели,
Поколь съели всю!
Лишь на третью неделю
Гости домой захотели,
Всё попили, переели
И все песни перепели,
Ехали домой,
Ехали домой!

№ 195 КОМАР СВАТАЕТСЯ К МУХЕ

На неделе свадьба будет:
Комар муху сватать будет.

Раз!

Она яму сготовала,
Горелачки доставала:
«Пей!»

Комарик напился,
Развалился.
Упал!

Пришли мухи-зелянухи,
Узяли яво под руки
И увяли!

Привяли яво в долину,
Привязали на травину:
– Стой!

Комар злости набирался,
От травы оторвался,
Втёк!

Прилетел он на дубочек,
На зелёный листочек,
Сел!

Как поднялася буря,
Комарика с дуба сдуло,
Упал! Разбился!

Пришли шеры мухи,
Закопали на дороге,
Видны руки, видны ноги,
Виден ён увесь!

Ехал там генерал-полковник:
– Что это за покойник
Здесь?»

– Это нашей мухи-зелянухи
Полюбовник он!

№ 196 (138) БЫЛА У МУЖИКА КРАСИВАЯ ЖЁНКА

Была у мужика красивая жёнка,
Была у мужика красивая жёнка.
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Красивая жёнка!

Была у мужика кобылка и коровка,
Была у мужика кобылка и коровка.
Трынды-лынды,
Трынды-лынды
Кобылка и коровка!

– Продай, мой муж, кобылку и коровку,
Продай, мой муж, кобылку и коровку!
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Кобылку и коровку!

Купи мне, муж, белое румяно*,
Купи мне, муж, белое румяно!
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Белое румяно!

Послушал муж красивую жёнку,
Послушал муж красивую жёнку.
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Красивую жёнку!

Продав мой муж кобылку и коровку,
Продав мой муж кобылку и коровку.
Трынды-лынды,

Трынды-лынды,
Кобылку и коровку!

Купил мне муж белое румяно,
Купил мне муж белое румяно.
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Белое румяно!

Не стало у мужика ни дров, ни поленца,
Не стало у мужика ни дров, ни поленца.
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Ни дров, ни поленца!

Запрёг мой муж красивую жёнку,
Запрёг мой муж красивую жёнку.
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Красивую жёнку!

Поехал муж в лес за дровами,
Поехал муж в лес за дровами.
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
За дровами!

На горушечку – кнутом погоняешь,
На горушечку – кнутом погоняешь.
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Кнутом погоняешь!

А с горушечки – сам на воз садится,
А с горушечки – сам на воз садится,
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Сам на воз садится!

– Продай, мой муж, белое румяно,
Продай, мой муж, белое румяно.
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Белое румяно!

Купи мне, муж, хотя жеребёнка,
Купи мне, муж, хотя жеребёнка.
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Хотя жеребёнка!

Буду жалеть, как своего детёнка,
Буду жалеть, как своего детёнка!
Трынды-лынды,
Трынды-лынды,
Как своего детёнка!

Припев повторяется дважды.

№ 197 БЫЛА У МУЖИКА ХОРОШАЯ ЖЁНКА

Бала в мужука хорошыя жёнка,
Бала в мужука хорошыя жёнка,
Хорошыя жёнка, жёнка-снаряжёнка,
Хорошыя жёнка, жёнка-снаряжёнка.

Как стала просить хорошыя жёнка,
Как стала просить свойво мажучонка:
– Продай же, мужик, свойво жырябёнка,
Продай же, мужик, свойво жырябёнка.

Купи ты, мужик, мне бялы румяньчык,
Мне белы румяньчык, шолков сарафаньчык!

Послушал мужик свою умну жёнку,
Продад же мужик свойво жырябёнка,

Купил же мужик ей бялы румяньчык,
Ей бялы румяньчык, шолков сарафаньчык.

Поехал мужик у лес за дровами,
Запрёг свою жану, сваю жану в сани.
Как крикнет мужик, кнутом погоня!
А жана всё бяжить, бяжить, утомляя.

Нарубил же мужик полны дровы[дровни?]-сани
И запрёг свою жану, жану свою в сани.

Как хлэстнеть вожжам, кричыть-понукаеть!
А жаны не взять и с места, стоять, ногой копает.

Утомилася жана, на землю упала
И тихонько она мужу прошептала:

– Купи ж ты, мужик, купи жырябёнка!
Ухаживать я буду, как свойво рябёнка!

№ 198 БЫЛА У МУЖИКА ХОРОШАЯ ЖЁНКА

Была в мужука хорошыя жёнка,
Хорошыя жёнка, тока снаряжёнка.

Как стала просить хорошыя жёнка,
Хорошыя жёнка свойво мужучонка:

– Продай-ка, мужик, свойво жырябёнка,
А купи-тка жане беленький румяньчык,
Беленький румяньчик, шолкоў сырыхваньчык!

Послухаў мужик хорошыю жёнку,
Хорошыю жёнку, свою наряжёнку.

Продаў же мужик свойво жырябёнка,
А купил же жане беленький румяньчык,
Беленький румяньчик, шолкаў сырыхваньчык.

Не стало в мужука ни дроў, ни лучыны.
Запрёў же мужик хорошыю жёнку,
Хорошыю жёнку, свою наряджёнку,

Поехаў мужик и ў дроў, и ў лучыну,
Наклаў уж мужик и дроў, и лучыни,

На ўорку мужик кнутом подўыняить,
Под ўорку мужик и сам приседаит,
В дярёвню ўязжаить – ребят собираить!

Как стала просить хорошыя жёнка,
Хорошыя жёнка свойво мужучонка:

– Продай-ка, мужик, мои бел румяньчык,
А купи-тка, мужик, себе жырябёнка,
Я яўо буду жалеть, как свойво дятёнка!
Я яўо буду жалеть, как свойво дятёнка!

№ 199 (139) ПОШЁЛ КОЗЁЛ В ОГОРОД

Пошёл козёл в огород,
Пошёл козёл в огород.
В огород, в огород, в огород, в огород!

Поев козёл лук-чеснок,
Поев козёл лук-чеснок.
Лук-чеснок, лук-чеснок, лук-чеснок, лук-чеснок!

И белую капусту,
И белую капусту.
Капусту, капусту, капусту, капусту!

Возьму кызла зы рожок,
Возьму кызла зы рожок.
Зы рожок, зы рожок, зы рожок, зы рожок!

Повяду кызла ны торжок*,
Повяду кызла ны торжок.
Ны торжок, ны торжок, ны торжок, ны торжок!

Куплю сябе бялила,
Куплю сябе бялила.
Бялила, бялила, бялила, бялила!
И красныа красила,
И красныа красила.
Красила, красила, красила, красила!

На ту пору муж домой,
На ту пору муж домой.
Муж домой, муж домой, муж домой, муж домой!

— А где, жена, корова,
А где, жена, корова?
Корова, корова, корова, корова!

— Пышла с двору здорова,
Пышла с двору здорова.
Здорова, здорова, здорова, здорова!

— А где, жена, кобыла,
А где, жена, кобыла?
Кобыла, кобыла, кобыла, кобыла?

— Пышла с двору, забыла,
Пышла с двору, забыла.
Забыла, забыла, забыла, забыла!

— А где, жена, курица,
А где, жена, курица?
Курица, курица, курица, курица!

— Пышла с двору, жмурится,
Пышла с двору, жмурится.
Жмурится, жмурится, жмурится, жмурится!

– А где, жена, бел козёл,
А где, жена, бел козёл?
Бел козёл, бел козёл, бел козёл, бел козёл!

– Пошов козёл зы гору,
Пошов козёл зы гору.
Зы гору, зы гору, зы гору, зы гору!

Зломив козёл гылову,
Зломив козёл гылову.

№ 200 (140) КАК ПОШЛА НАША ДУНЯ

Как пошла наша Дуня
На рынок гуляти.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля*!

На рынок гуляти,
Куделю* купляти.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Купила наша Дуня
Три пуда кудели.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Три пуда кудели
Спряла за неделю.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

А пряла наша Дуня
Потоньше каната, потолще верёвки.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Стала наша Дуня
Кросёнки* сновати*.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Кросёнки сновати,
Разгороду ткати.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Стала наша Дуня
Новинки* мочити*.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Семь рек осушила –
Новинки не смочила!
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Вот пришёл Егорушка,
Указал кривое озёрушко.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

В озерко – колом,
А с озёрка конём.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Вот как стала наша Дуня
Новинки сушити.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Изгороды* обломила,
Вороты обвалила.

Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Вороты обвалила,
Семь баб прищемила,
Восемь придавила!
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Стала наша Дуня
Рубашки кроить.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Топором наставит,
Побольней ударит!
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Стала наша Дуня
Рубашечки шить.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

Буравцом* провернет,
Дратёлкой* продернет.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

И три года носила,
Смены не просила.
Ой, Дуня, моя Дуня,
Дуня-тонкопряля!

**№ 201 (141) А ИВАНОВА ЖЕНА ДА РУКОДЕЛЬНАЯ
БЫЛА**

А Иванова жена
Да рукодельная была.
Цып-цып, ту-ру-ру,
Ай, цыпа-цыпа, шу-ру-ру!

Растворила дежу*
На холодной воде.
Цып-цып, ту-ру-ру,
Ай, цыпа-цыпа, шу-ру-ру!

Две недели дежа кисла,
Да не выкисла.
Цып-цып, ту-ру-ру,
Ай, цыпа-цыпа, шу-ру-ру!

А на третью неделю
Стала хлебушко месить.
Цып-цып, ту-ру-ру,
Ай, цыпа-цыпа, шу-ру-ру!

На четвертую неделю
Стала хлебы в печь сажать.
Цып-цып, ту-ру-ру,
Ай, цыпа-цыпа, шу-ру-ру!

В печь сажала на дрожжах,
А из печи на вожжах!
Цып-цып, ту-ру-ру,
Ай, цыпа-цыпа, шу-ру-ру!

А на пятую неделю
Пошла хлебы продавать.
Цып-цып, ту-ру-ру,
Ай, цыпа-цыпа, шу-ру-ру!

Нихто хлеба не торгует,
Никто даром не берет.
Цып-цып, ту-ру-ру,
Ай, цыпа-цыпа, шу-ру-ру!

Вот такая у Ивана
Рукодельная жена!
Цып-цып, ту-ру-ру,
Ай, цыпа-цыпа, шу-ру-ру!

(Припев повторяется дважды.)

№ 202 (142) КАК НА МАСЛЕННОЙ НЕДЕЛЕ

Как на Масляной нядели
Захотели мы блинов,
Ох, блины мои, блины,
Блины масленаи!
Ой, блины мои, блины,
Блины масленаи!

Утварили в том бочонке,
Где купались дяучонки,
Ох, блины мои блины,
Блины масленаи!
Ой, блины мои, блины,
Блины масленаи!

Положили мы дрожжей –
Две онучи, пять лаптей,
Ох, блины мои, блины,
Блины масленаи!
Ой, блины мои, блины,
Блины масленаи!

Два десятка тухлых яиц
И пляшивый старый заец,
Ой, блины мои блины,

Блины маслении!
Ой, блины мои, блины,
Блины маслении!

Положили мы дрожжей –
Две онучи, пять лаптей,
Ох, блины мои, блины,
Блины маслении!
Ой, блины мои, блины,
Блины масленаи!

А как тётка Василиса-т
Блины печь-то мастярица,
Ох, блины мои, блины,
Блины масленаи!
Ой, блины мои, блины,
Блины масленаи!

Привяла ў хату корову
И поставила к порогу,
Ой, блины мои, блины,
Блины масленаи!
Ой, блины мои, блины,
Блины масленаи!

Задни ноги привязала,
Хвостом блины наливала,
Ай, блины мои, блины,
Блины маслянаи!
Ой, блины мои, блины,
Блины масленаи!

№ 203 КАК НА МАСЛЕННОЙ НЕДЕЛЕ

- [Какие песни пели на Масленицу?]
- Пели частушки, были и специальные песни. Плясать могли и без музыки: вставали в круг или друг против друга и махали платочками:

Как на Масленой неделе
Захотели мы блинов.
Ох, блины мои, блины,
Да блины масленый!
Ох, блины мои, блины,
Да блины масленый!

Утваряли мы блины
На холодной на воды,
Ой, блины, мои блины,
Да блины масленый!
Ох, блины мои, блины,
Да блины масленый!

Утваряли в том бочонке,
Где купались девчонки,
Ох, блины, мои блины,
Блины масленый!

Положили пару яиц
И пляшивый старый зяец,
Ох, блины, мои блины,
Блины масленый!
Ох, блины, мои блины,
Блины масленый!

Девки юбки полоскали,
Мы блины туда макали,
Ох, блины, мои блины,
Блины масленые!
Ох, блины, мои блины,
Да блины масленые!

№ 204 (143) КАК НА МАСЛЕННОЙ НЕДЕЛЕ

Как на Масленой неделе
Мы блиночков захотели.

Вот калина, вот малина,
Мы блинчков захотели!

А блины мои, блины,
Блины масляные!
Вот калина, вот малина,
Блины масляные!

Растворили мы блины
На холодной на воды.
Вот калина, вот малина,
На холодной на воды!

Ай, блины мои, блины,
Блины не вдалися.
Вот калина, вот малина,
Не вдалися!

Понесла я блины
На базар продавать.
Вот калина, вот малина,
На базар продавать!

Никто блины не торгует,
Никто даром не берёт!
Вот калина, вот малина,
Никто даром не берёт!

Пришла сивая свинья,
Стала блины торговать.
Вот калина, вот малина,
Стала блины торговать!

Она блины не сторговала,
Только рыло помарала.
Вот калина, вот малина,
Только рыло помарала!

Только рыло помарала,
Три недели прохворала!
Вот калина, вот малина,
Три недели прохворала!

Три недели прохворала,
И Богу душу отдала!
Вот калина, вот малина,

№ 205 (144) ОХ, КАК БЫЛА Ж У МЕНЯ ЖЁНОЧКА

(Вот такие бувают – примеры приводишь. Что... что женются, потом жена-а-а изменяет, то му-уж изменяет. Вот шшас спою такую вам песню, к примеру [посмеивается]):

Ох, как была́ ж у меня жёночка,
Да как была́ снаряжёночка,
Да как была́ ж Марфа Сямёновна.

Уходила ж моя жёночка
Да на вясёлое гуляница.
Приказала ж моя жёночка,
Да приказала снаряжёночка
Столочь мне пшаницы мяшок,
Сколотить* мне сметане горшок,
Уходить* милу детитку
Да накормить мелких цыпочак.

Ох, рассыпал я пшаницы мяшок,
Ох, разбил же я сметане горшок,
Уронил я милу детитку,
Да затоптал я мелких цыпочек!

Ох, как идёт моя жёночка,
Да как идёт снаряжёночка
Сы вясёлого гуляница.
А муж стоит-выжимаица
И говóрит-заикаица:

– Виноват, моя жёночка,
Виноват, снаряжёночка,
Да виноват, Марфа Сямёновна!
Ох, рассыпал я пшаницы мяшок,
Ох, разбил же я сметане горшок,
Уронил я милу детитку,
Да растоптал я мелких цыпочак!

– Ох, свиння ты огородня,
Да ты подмаза* сковородня,
А отымка* ты горшечная
И затычка в трубе вечная!
Век тебе дома ня сиживати
И хызяйство ж не важивати,
Ух, ух! И хозяйство ж не важивати!

№ 206 (145) КАК ПРИЕХАЛО ДВА БРАТА

Как приехало два брата
Из деревни в Ленинград.
Неужели? – В самом деле.
И не врёшь ты? – Врать нельзя!
Что ты, что ты, что ты,
Что ты, что ты, врать нельзя!
Что ты, что ты, что ты,
Что ты, что ты, врать нельзя!
Одного зовут Ерёма,
А другого звать Хома.
Неужели? – В самом деле.
И не врёшь ты? – Врать нельзя!
Что ты, что ты, что ты,
Что ты, что ты, врать нельзя!
Как Ерёма купил лодку,
А Фома купил челнок.
Неужели? – В самом деле.
И не врёшь ты? – Врать нельзя!
Что ты, что ты, что ты,
Что ты, что ты, врать нельзя!

У Ерёмы лодка с дыркой,
У Фомы челнок без дна.
Неужели? – В самом деле.
И не врѣшь ты? – Врать нельзя!
Что ты, что ты, что ты,
Что ты, что ты, врать нельзя!
Как Ерёма стал тонуть,
Фома – за ногу тянуть.
Неужели? – В самом деле.
И не врѣшь ты? – Врать нельзя!
Что ты, что ты, что ты,
Что ты, что ты, врать нельзя!
Как Ерём пошёл на дно,
А Фома уж там давно!
(Опять) Неужели? – В самом деле.
И не врѣшь ты? – Врать нельзя!
Что ты, что ты, что ты,
Что ты, что ты, врать нельзя!

№ 207 (146) А ГДЕ Ж ЭТО ВИДЫВАНО?

А где ж это видывано?
А где ж это слыхивано?
Поросёночек яичко положил,
Самоседочка* высидела,
Безрукий цыплят покрал,
Голопопому за пазуху наклал,
Безъязыкий караул закричал,
А безногий у болото побежал.
Ух, ух!

№ 208 (147) СОБОЛЬ

Соболь, соболь,
Дывяди менé домой!
Мой дом недалёк:
За лесничикым, за березничикым.
Там сучика на лычике

Быка стереу́ть,
Там и курица на улице
Корунки* вяза́ть*,
Там и кошкика в лукошике
Комы* толкёть!
У-у-ух!

№ 209 (148) КАК У НАШЕГО МАТИНА

Как у нашего Матина
Разыгралася скотина:
Тараканы – в барабаны;
Козы в синих сарафанах;
Козёл в сяртуке
Носит трубку на руке;
Голубь на ёлке
Играет в свирёлки;
Сучка на лычках
Амбар стережёт,
Куручка на улице
Комы* толчёт;
Кошка в лукошке
Корунки* вяза́ет*,
Ай, чечу-чечу-чечу,
За попом не хочу!
Как у нашего попа
Три узды золотых,
Сяду я, поеду
На своей кобыле в санках,
У моей коханки*
Золотые планки.
Комар пищит –
Воду тащит.
Муха щёлок* щелочит,
Блоха веники мочит.
Муха парилася,
О пол ўдарилася:
– Ох, ты, лихо, не могу!

Завтра в Питер побегу,
А у Питере вино,
По три гроша ведро:
Хоть пей, хоть нет,
Хоть окачивайся,
Хоть с боку на бок
Поворачивайся!

№ 210 (149) АЙ, РУДАЯ СВИНЬЯ

Ай, рудья* свинья
На дубу гнездо свила.
Пыросила пыросят
Семь штук пятьдесят.
Усё свинычки,
Подурушечки!

Как один быравок –
Того волк зыволок
У лядинку* за кусток,
За малиновый листок.
Там мост мостять,
Серябром гвоздять.

Как у нашего в Романа
Тройка коней выроных.
Ён сел и поехал
Скрозь пышкин дом.
Пышка шишку пякла,
Яму шишку дала.

Ён ел, ни доел,
Сляпню подал.
Слепень банюшку топил,
Муха шшолок* шшелочыла,
Комар парился,
– Ох, лихо, ни могу,
Пытяните за ногú!

Завтра в Питер пыбягу.
Как у Питери вино,
Три копейки зы вядро.
Хошь пей, хошь лей,
Хошь окачивайся!

№ 211 (150) КАК ЖИЛА Я У БАРИНА

Как жила я у барина
Первое лето,
Дал мне барин
Курку за это.

Моя курка-черносливка
На пороге копалася,
Сама в руки попалася.
Тюрю-тюрю-хе!
Тюрю-тюрю-хе!

Жила я у барина
Другое лето.
Дал мне барин
Барана за это.

Мой баран: «Бе-бе-бе!»
Моя курка-черносливка
На пороге копалася,
Сама в руки попалася.
Тюрю-тюрю-хе!
Тюрю-тюрю-хе!

Жила я у барина
Третье лето.
Дал мне барин
Индыка* за это.

Мой индык: «Шылды-былды!»
Мой баран: «Бе-бе-бе!»

Моя курка-черносливка
На пороге копалася,
Сама в руки попалася.
Тюрю-тюрю-хе!
Тюрю-тюрю-хе!

Жила я у барина
Четвёртое лето.
Дал мне барин
Гуся за это.

Мой гусь: «Гы-гы-гы!»
Мой индык: «Шылды-былды!»
Мой баран: «Бе-бе-бе!»
Моя курка-черносливка
На пороге копалася,
Сама в руки попалася.
Тюрю-тюрю-хе!
Тюрю-тюрю-хе!

Жила я у барина
Пятое лето.
Дал мне барин
Утю за это.

Моя утя воду мутя,
Мой гусь: «Гы-гы-гы!»
Мой индык: «Шылды-былды!»
Мой баран: «Бе-бе-бе!»
Моя курка-черносливка
На пороге копалася,
Сама в руки попалася.
Тюрю-тюрю-хе!
Тюрю-тюрю-хе!

Жила я у барина
Шестое лето.
Дал мне барин

Корову за это.

Моя корова: «Мы-мы-мы!»
Моя утя воду мутя,
Мой гусь: «Гы-гы-гы!»
Мой индык: «Шылды-былды!»
Мой баран: «Бе-бе-бе!»
Моя курка-черносливка
На пороге копалася,
Сама в руки попалася.
Тюрю-тюрю-хе!
Тюрю-тюрю-хе!

Жила я у барина
Сёмое лето.
Дал мне барин
Быка за это.

Мой бык: «Му-му-му!»
Моя корова: «Мы-мы-мы!»
Моя утя воду мутя,
Мой гусь: «Гы-гы-гы!»
Мой индык: «Шылды-былды!»
Мой баран: «Бе-бе-бе!»
Моя курка-черносливка
На пороге копалася,
Сама в руки попалася.
Тюрю-тюрю-хе!
Тюрю-тюрю-хе!

Жила я у барина
Восьмое лето.
Дал мне барин
Коня за это.

Мой конь: «И-го-го!»
Мой бык: «Му-му-му!»
Моя корова: «Мы-мы-мы!»

Моя утя воду мутя,
Мой гусь: «Гы-гы-гы!»
Мой индюк: «Шылды-былды!»
Мой баран: «Бе-бе-бе!»
Моя курка-черносливка
На пороге копалася,
Сама в руки попалася.
Тюрю-тюрю-хе!
Тюрю-тюрю-хе!

Жила я у барина
Девятое лето.
Дал мне барин
Свинку за это.

Моя свинка: «Хрю-хрю-хрю!»
Мой конь: «И-го-го!»
Мой бык: «Му-му-му!»
Моя корова: «Мы-мы-мы!»
Моя утя воду мутя,
Мой гусь: «Гы-гы-гы!»
Мой индюк: «Шылды-былды!»
Мой баран: «Бе-бе-бе!»
Моя курка-черносливка
На пороге копалася,
Сама в руки попалася.
Тюрю-тюрю-хе!
Тюрю-тюрю-хе!

Жила я у барина
Десятое лето.
Дал мне барин
Собачку за это.

Моя собачка: «Гав-гав-гав!»
Моя свинка: «Хрю-хрю-хрю!»
Мой конь: «И-го-го!»
Мой бык: «Му-му-му!»

Моя корова: «Мы-мы-мы!»
Моя утя воду мутя,
Мой гусь: «Гы-гы-гы!»
Мой индык: «Шылды-былды!»
Мой баран: «Бе-бе-бе!»
Моя курка-черносливка
На пороге копалася,
Сама в руки попалася.
Тюрю-тюрю-хе!
Тюрю-тюрю-хе!

№ 212 ЖИЛА Я У ПАНА

Жила я у пана
По первое лето,
Выжила я у пана
Куручку за ето.
Моя куручка-златопёручка
По двору ходить,
Цыпляняток стадо водить,
Хóхол надываеть,
Хохол надываеть,
Пана потяшаеть,
Кричить: «Куда-куда, цыплята!»

Жила я у пана
Ўтороя лето,
Выжила я у пана
Уточку за ето.
Моя вутя
Воду мутя,
Моя куручка-златопёручка ...

Жила я у пана
По третия лето,
Выжила я у пана
Ўусеньку за ето.
Моя гуся: «Га-га-га!»

Моя утя
Воду мутя,
Моя курочка-златопёручка
По двору ходить,
Цыпляточек она водить,
Хохол надываеть,
Пана потяшаеть,
Кричить: «Куда-куда, цыплята?»»

Жила я у пана
По чатвёртое лето,
Выжила я у пана
Индычку* за это.
Моя индя: «Шиндя-брындя!»
Моя уся: «Га-га-га!»
Моя утя
Воду мутя,
Моя курочка-златопёручка...

Жила я у пана
По пятое лето,
Выслужила я у пана
Барана за это.

Мой баран
По уорам,
Моя индя: «Шиндя-брындя!»
Моя уся: «Га-га-га!»
Моя утя
Воду мутя,
Моя курочка-златопёручка...

Жила я у пана
По шастое лето,
Выжила я у пана
Бычонка за это.
Мой бык
Хвостом прыг,

Мой баран
По ўорам,
Моя индя: «Шиндя-брындя!»
Моя уусенька: «Га-га-га!»
Моя утя
Воду́ мутя,
Моя курочка...

Жила я у пана
По сядьмое лето,
Выжила я у пана
Тёлочку за ето.
Моя тёлочка, моя теля
Хвостом меля,
Мой бык
Хвостом прыг,
Мой баран
По ўорам,
Моя индя: «Шиндя-брындя!»
Моя гуся: «Га-га-га!»
(Не забывайте!) [Смеется]
Моя вутя
Воду́ мутя,
Моя курочка-златопёручка,
По двору ходить,
Цыплянток стадо водить,
Хохол надымать,
Пана потяшаить,
Кричить: «Куда-куда, цыплята?»

[– А дальше?]

Ауа! Ну вот. Таперь тоя я рассказывала. Ауа. Вот. Я семь лет отжила. Было мне десять лет, как сама [нанялася?] к панам. Вот за ето хозяйство отжила я сем лет. Вот. Посватал меня Ваня. Вот. Пришёл ко мне к пану и сказал мне:

– Пойдёшь ты замуж за мене?

А я сказала:

– Пойду!

Вот. Вот я пришла к барину:

– Барин, я замуж пойду! Мене Ваня сватаить.

– Вот. С таких-то пор замуж-то захотела! Тебе семнадцать лет токо! Живи ящё год, я тебе коня хорошего дам!

– Я ня буду! Мне надоело в тябе жить! Да.

– А я захúлю* – тебе Ваня не возмёт!

Ууу. Да.

– Ну, убирай своё хозяйство!

Я забрала хозяйство своё.

Курочка около двóру взялася копать, цыпляток манить. Вот. А индычка перелятела да давай пороть* орехи бариновы. А барин с винтовки застрялил, собак наўтюкал*, собаки принесли подали барину индю Шиндю-брындю!

А уусонька пошла у прúдку, и вуточка. Гуся: «Га-га-га!», а вутя воду мутя. Да.

Бычок и с тёлочкой бяууть за мной: пить хочуть. А пан ня дал поила попить их.

А баран побег по ўорам. Ну, я поймала барана на свадьбу собе.

– Барин, дай мне какую-нибудь одéжу: у меня токо в[от] ета одéжа, [что] на мне. Я ведь семь лет отжила ў тебе!

– Ага, дам!

Работники сшили холстовую, с холстинки, рýбую юпочку и беленькую с холстинки кохточку и дали простенький мне платочек и спляли мне лапотки, дали чёрные оборки*, белые онучки*. Я взяла платочек, уронила, обмазала в грязи [надо было?] в ряки [запись обрывается].

№ 213 (151) КАК Я СЕЛЕЗНЯ ЛЮБИЛА

Как я селезня любила,

Я кафтан ему купила.

Хорош селезнь!

Пригож селезень!

У кафтане селезень!

Как я селезня любила,

Я казон* ему купила.

Хорош селезнь!
Пригож селезень!
У кафтане селезень,
У казоне селезень!

Как я селезня любила,
Я кушак ему купила.
Хорош селезнь!
Пригож селезень!
У кафтане селезень,
У казоне селезень,
Полосястый кушак!

Как я селезня любила,
Я боты* ему купила.
Хорош селезнь!
Пригож селезень!
У кафтане селезень,
У казоне селезень,
Полосястый кушак,
Боты мазанные!

Как я селезня любила,
Я чулки ему купила.
Хорош селезнь!
Пригож селезень!
У кафтане селезень,
У казоне селезень,
Полосястый кушак,
Боты мазанные,
Чулки вязанные!

Как я селезня любила,
Я шапку ему купила.
Хорош селезнь!
Пригож селезень!
У кафтане селезень,
У казоне селезень,

Боты мазанные,
Чулки вязанные,
Полосястый кушак,
А шапочка кругла,
На четыре угла!
Хорош селезень!

№ 214 (152) КУРИЦА НА УЛИЦЕ

– Антон с Антонихой своей,
Да ти не видели вы курицы моей?
– А мы видели курицу
У Матвея на улице!
– Матвей с Матвейхой своей,
Да ти не видели вы курицы моей?

И т. д.

№ 215 (153) ЖУРАВЕЛЬ

Журавель, мой журавель,
А птица у́менная,
Да разо́уменная.

Да по болоту он ходил,
Где-то нос он завязил*.
Он и едак, он и так,
Нос не вытянуть никак.
Он и ёжится, и куражится.

Нос вытянет –
Хвост заткнёт!
Хвост вытянет –
Нос заткнёт!
Нос вытянет –
Хвост заткнёт!
Нос вытянет –
Хвост заткнёт!

Хвост вытянет —
Нос заткнёт!
Нос вытянет —
Хвост заткнёт!

Никто ня разбярёт,
Чтó про* вас Нюрка поёт!

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ

№ 1 (1). ПРО ЛИСУ. Зап. от *Волковой Евдокии Терентьевны*, 1907 г. р., в д. Пралище Калюшинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Н. Васильева, М. Махаринская, Г.И. Площук. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 3/1690-91, № 24. СУС 1 *Лиса крадет рыбу с воза* + 2 *Волк у проруби* + 3 *Лиса обмазывает голову тестом* + 21 *Пожирание собственных внутренностей* + 57 *Ворона и лисица* + *Лиса «покупает» уток*. Русских вариантов сюжета 1 по СУС – 31, псковских нет; белорусских – 7. Русских вариантов сюжета 2 по СУС – 28, псковских нет; белорусских – 11. Русских вариантов сюжета 3 по СУС – 13, псковских нет; белорусских – 5. Русских вариантов сюжета 21 по СУС – 19, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 33); белорусских вариантов сюжета 21 по СУС – 5. Русских вариантов сюжета 57 по СУС – 1, псковских нет, белорусских нет.

В один текст соединены шесть сюжетов, объединенных мотивом одурачивания лисою каждого из встреченных ею персонажей. «Такое соединение мелких сказок в одно целое характерно для сказок о животных и в особенности о лисе» (*Пропт В.Я.* Примечания // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 1. – М., 1957. – С. 468).

Если контаминация первых трех сюжетов (1+2+3) распространена не только у восточных славян, но и у разных народов (См.: СУС: 395), то присоединение к ним еще и сюжетов 21 *Пожирание собственных внутренностей* и 57 *Ворона и лисица* среди распространенных (встретившихся в публикациях более двух раз) в СУС не отмечено.

Контаминация 1+2+3+21 представлена в сборнике А.Н. Афанасьева только белорусским вариантом сказки (*Афанасьев*, № 5). Усвятский район Пск. обл., как известно, относится к территории русско-белорусского пограничья (в XIX в. район входил в состав Витебск. губ.), где влияние белорусской фольклорной традиции весьма ощутимо.

№ 2. ПРО ЛИСУ И ВОЛКА. Зап. от *Юрмановой Тамары Андреевны*, 1953 г. р., в д. Житково Руновск. вол. Н-Сок. р-на

Пск. обл. Записала: И.В. Балобина – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 34, кассета Н-Сок. 2010-3.

Вариант Т.А. Юрмановой представляет собою распространенную как у восточных славян, так и у многих народов контаминацию мотивов: СУС 1 *Лиса крадет рыбу с воза* + 2 *Волк у проруби* + 3 *Лиса обмазывает голову тестом* + 4 *«Битый небитого везёт»* (см.: СУС: 395). Русских вариантов сюжета 1 по СУС – 31, псковских нет; белорусских – 7. Русских вариантов сюжета 2 по СУС – 28, псковских нет; белорусских – 11. Русских вариантов сюжета 3 по СУС – 13, псковских нет; белорусских – 5. Русских вариантов сюжета 4 по СУС – 14, псковских нет.

С трудом припоминая забытую сказку, рассказчица тем не менее восстанавливает ее сюжет, а некоторые моменты повествования дают представление о былой эмоциональной манере сказочницы. Таковы диалог волка и лисы, наворовавшей рыбы, и эпизод «Волк у проруби» (*Пришли бабы... за водой: хо! Волк сидит!..*)

№ 3. ПРО ЛИСУ И ДЕДА. Зап. от *Бешки Марии Васильевны*, 1924 г. р., в д. Алище Себ. р-на Пск. обл. Записали: К.М. Писуков, Р.В. Романов – ФА ПсковГУ, Себ. 2006, т. 2/1634, кассета 2006-5. СУС 1 *Лиса крадет рыбу с воза*. О русских и белорусских вариантах сюжета 1 по СУС см. комм. к № 1 (1).

Редкий случай одноэпизодной сказки о проделках лисы. Обычно эпизод с кражей рыбы лисою служит началом сказки и контаминируется с рядом других: СУС 2 *Волк у проруби*, СУС 3 *Лиса вымазала голову сметаной/тестом*, СУС 4 *Битый небитого везёт* и пр.

Рассказ М.В. Бешки несколько сбивчив. Восстанавливая последовательность сказочного действия, мы позволили себе перенести фразы «*А лиса едет и разбрасывает эту рыбку. Всё разбросала и сама ушла*»: в изложении сказочницы они стоят после слов «*Ну, жена, рыбы привёз и, говорит, – тебе на воротник лису!*»

№ 4. СКАЗКА ПРО ВОЛКА И ЛИСУ. Зап. от *Кудрявцевой Екатерины Дмитриевны*, 1922 г. р., в д. Житково Руновск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина –

ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 41, кассета Н-Сок. 2010-7.

Эту и другие сказки, по словам Е.Д. Кудрявцевой, она усвоила от своей мамы, Марии Егоровны Григорьевой (1906–1985).

Е.Д. Кудрявцевой удалось вспомнить лишь первый эпизод **«Сказки про волка и лису»**. Судя по реплике лисы, которую удержала память рассказчицы (*«А я... ударилась об дерево, у мя и мозги вон!»*), в сюжете сказки был представлен наиболее характерный набор мотивов, свойственных сказкам о лисе и волке: СУС 1+2+3+4 (см. комментарий к № **2 Про лису и волка**).

№ 5 (2). СКАЗКА ДЛЯ ВНУЧКИ ИРИНКИ. Зап. от Кулёвой Марии Матвеевны, 1922 г. р., в д. Кивалы Усв. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Л. Кулёва, Г. Михайлова. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 2/1651-52, № 10. СУС (– 179*) **Медведь (волк) захватывает девушку** + 1 **Лиса крадет рыбу** + (2) **Волк у проруби**. Сюжет –179* представлен в СУС одним, украинским, вариантом. О русских и белорусских вариантах сюжетов 1, 2 по СУС см. комментарий к № 1 (1).

Сказка предназначена рассказчицей для маленькой внучки, которую бабушка и делает героиней повествования (*«А сама вечером плету всякую чепуху, чтоб скорее внучка заснула»*). Текст представляет собой контаминацию трех сказочных сюжетов в очень вольной интерпретации сказочницы. Начало сказки отдаленно напоминает тип СУС – 179* **Медведь (волк) захватывает девушку, собирающую в лесу грибы**: у М.М. Кулёвой медведь и волк лишь предлагают девочке быть у них в доме хозяйкой. Подобно Бабе-Яге из волшебных сказок, медведь живет в *хате на куриных ножках, на бараньих рожах*, и у него *нос до потолка*.

Второй эпизод сказки, представляющий собою сюжетный тип 1 **Лиса крадёт рыбу**, вполне традиционен. В третьем, последнем, эпизоде угадывается ситуация, характерная для типа 2 **Волк у проруби**, представленная здесь в самом общем виде: следуя коварному совету лисы, волк ловит рыбу хвостом, лишается его и нагоняет обманщицу, чтобы отомстить. Прорубь, мороз и бабы, избивающие волка коромыслом, свойственные

типу 2 (см. № 2), отсутствуют вовсе, а волчий хвост откусывает щука. В отличие от традиционной сказки, волк, в свою очередь, отрывает лисий хвост и приставляет себе.

№ 6 (3). ПРО КОТКА, ЛИСУ, ЗАЙЦА, МЕДВЕДЯ, ВОЛКА И ДРОЗДА. Зап. от *Зарембы Марии Сидоровны*, 1913 г. р., в д. Светец Гулятьевск. с/с Пуст. р-на Пск. обл. Записали: К. Буркова, И. Козлова. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1985, т. 8/1391-92, № 13, кассета Пуст. 85-4. СУС 20А *Звери в яме* + 21 *Пожирание собственных внутренних* + 248А* *Лиса и дрозд*. Русских вариантов сюжета 20А по СУС – 23, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 33); белорусских вариантов сюжета 20А по СУС – 5. Русских вариантов сюжета 21 по СУС – 19, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 33); белорусских вариантов сюжета 21 по СУС – 5. Русских вариантов сюжета 248А* по СУС – 21, из них псковских – 2 (*Чернышев*, 33, 39); белорусских вариантов сюжета 248А* по СУС – 4. Соединение этих сюжетов в одном повествовании относится к распространенным и встречается у разных народов (СУС: 395).

Начало сказки М.С. Зарембы характерно для сюжетного типа СУС 126А* *Напуганные волки*: кот, съев сметану, ставит под угрозу жизнь козла и барана; баба била его да приговаривала: «*Придеть зять, где сметанки взять? Придется барана и козла резать!*» Животные убегают из дома, выбив ворота (ср.: *Афанасьев*, № 45). Далее сюжет развивается по типу СУС 20А *Звери в яме*. В поле зрения сказочницы остается только кот, который поочередно встречает зайца, лисицу, волка и медведя. Неорганичное для типа *Звери в яме* начало нарушает логичность повествования: кот одновременно идет по дороге (*пошёл дальше*) и движется по замкнутому кругу, предупреждая очередного кандидата в попутчики о яме, в которую предшествующий уже провалился.

В последней части сказки, представляющей собой вариант сюжета *Лиса и дрозд* (СУС 248А*), лиса у М.С. Зарембы сама научает дрозда способу исполнить ее требования: вытащить лису из ямы, накормить, напоить. Это снижает комический эффект повествования.

Несмотря на указанные недостатки, известная сказка в исполнении М.С. Зарембы сохраняет свое обаяние, которое

создает обстоятельная, с любовью к сказочной обрядности манера повествования: строго выдержано композиционное и стилистическое единство цепочки сценок-встреч (20А *Звери в яме*) или сценок шантажа дрозда лисою (248А* *Лиса и дрозд*), повторы в обращениях («Дрозд, дрозд, я твоих детей съем!» – «Кумонька, лисонька, не ешь!»), формульная концовка сказки (*Сказка вся, говорить нельзя!*) и т.п. Удачна найденная сказочницей деталь: лиса хитрит и, предложив съесть того, кто взвояет, т.е. раньше других прервет вой, сама она сидит, рот разнямавши, и ня выеть. «Разнямавши рот» – диалектное «разинув рот». Ср., например, в частушке: *Меня милый провожал | До калитки, до ворот, | Ожидала поцелуя, | Он стоял разнявши рот* (Зап. от Чапкевич Ефросиньи Михайловны, 1929 г. р., Макеевой Нины Васильевны, 1931 г. р., в д. Крупово Глембочинск. с/с Себ. р-на Пск. обл. Записали: З.В. Мичурова, А.Д. Познякова – ФА ПсковГУ, Себ. 1989, т. 5/1603-04, № 14.8, кассета Себ. 1989-9).

№ 7 (4). КАК БОРОВ ИШЁЛ В ЖЕЛУДЫ. Зап. от Алексеенковой Ефросиньи Ивановны, 1914 г. р., в д. Колпино Новой вол. Пуст. р-на Пск. обл. Записала: А.А. Пузыня. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1999, т. 1/1415, № 34, кассета Пуст. 99-1. СУС 20А *Звери в яме* + (248А*) *Лиса и дрозд (тетерев)*. Русских вариантов сюжета 20А по СУС – 23, из них псковских – 1 (Чернышев, 33); белорусских вариантов сюжета 20А по СУС – 5.

Первый эпизод сказки Е.И. Алексеенковой являет собою хороший, развернутый вариант сюжетного типа 20А *Звери в яме*, одного из самых распространенных у восточных славян (см.: СУС: 16). Изменена обычная последовательность, в которой съедаются попавшие в яму звери: съедают не от меньшего к большему, а от большего к меньшему – медведя, волка, зайца.

Второй эпизод сказки лишь отдаленно напоминает тип 248А* *Лиса и дрозд*. Не дрозд, а тетерев вызволяет лису из ямы; характерный для сюжета 248А* мотив шантажа со стороны лисы в варианте Е.И. Алексеенковой отсутствует вовсе: лиса просто просит тетерева вызволить ее из ямы, а потом вероломно съедает своего спасителя.

№ 8 (5). ЛИСА И ДРОЗД. Зап. от *Лысьяновой Анны Григорьевны*, 1909 г. р., в д. Шепуново Церковищенск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: В. Колосова, Е. Куранда, Е. Кушаковская. – ФА ПсковГУ, Усв. 1978, т. 6/1677-81, № 9. СУС 56А *Лиса и дрозд*. Русских вариантов сюжета 56А по СУС – 3, псковских – нет; белорусских вариантов сюжета 56А по СУС – 3.

Достаточно яркий вариант сюжетного типа 56А, хотя в исполнении сказки А.Г. Лысьяновой заметно встречающееся у современных сказочников стремление сократить, сжать текст.

Рифмованное начало придает сказке оттенок веселой скоморошины и, возможно, является следом творчества профессионального сказочника-бахаря. Концовка же сказки (*Так сорока дроздка помиловала, а сама загибла*) придает ей характер притчи. Сказка учит: нельзя доверять тому, кто однажды проявил коварство. Сорока, зная о беде, какую причинила лиса дрозду, и дав ему спасительный совет, сама легкомысленно недооценила ее коварство и погибла. Дрозд, несмотря на горький опыт, по-прежнему доверчив к лисе, и его простодушие оборачивается черной неблагодарностью и предательством по отношению к своей спасительнице.

№№ 9 (6), 10 (7), при всем очевидном различии, представляют собой варианты одного из самых распространенных сказочных сюжетных типов – СУС 61В *Кот, петух и лиса*. Русских вариантов сюжета 61В по СУС – 49, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 38); белорусских вариантов сюжета 61В по СУС – 8.

№ 9 (6). КАК ЛИСА ХОДИЛА ЗА ПЕТУШКОМ. Зап. от *Поташкина Александра Григорьевича*, 1907 г. р., в д. Кивалы Усв. р-на Пск. обл. Записали: Л.В. Кулёва, Г.И. Михайлова. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 1/1648-49, № 108.

№ 10 (7). СКАЗКА ПРО ЛИСУ И ПЕТУХА. Зап. от *Буйко Василия Петровича*, 1929 г. р., в д. Городище Артёмовск. вол. Нев. р-на Пск. обл. Записала: Е. Буйко. – ФА ПсковГУ, Нев. 2000, т. 1/622-23, № 4, кассета Нев. 2000-3.

Вариант В.П. Буйко при сравнении обнаруживает общие черты с текстом № 72, записанным в 1970 г. в д. Белянишкис Вильнюсск. р-на Литовской ССР от Т.Г. Колосова, 80 лет

(Фольклор русского населения Прибалтики. – М., 1976). Совпадение в двух деталях: *коток ходит дровы собирает*; лиса делает вид, что ушла, а сама прячется, подкарауливая, когда петух выйдет из дому.

№ 11 (8). ВОЛК И СВИНЬЯ. Зап. от *Белозеровой Веры Ивановны*, 1927 г. р., в д. Дубровка Шелковск. вол. Вл. р-на Пск. обл. Записала: С.Н. Абрамова. – ФА ПсковГУ, Вл. 1995, т. 2/71, № 2. СУС 106* **Волк и свинья**. Русских вариантов сюжета 106* по СУС – 6, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 106* по СУС – 3.

Текст рифмован, что характерно для сказок сюжетного типа 106*. Ср.: *Афанасьев*, №№ 17, 51, 52. Чисто восточнославянский сюжет, у других народов не встречается (СУС: 17).

№№ 12 (9), 13 СУС 121 **Волки лезут на дерево**. Русских вариантов сюжета 121 по СУС – 7, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 121 по СУС – 5.

№ 12 (9). ПРО ПОРТНОГО. Зап. от *Зандова Андрея*, 1969 г. р., в д. Бор Усвятск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Л. Евдокимова, С. Медведева. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 8/1663-64-65, № 36, кассеты нет.

№ 13. СТРЕЛЕЦ И ВОЛК. Зап. от *Петровой Лины Максимовны*, 1939 г. р., в п. Чихачёво Чихачевск. вол. Беж. р-на Пск. обл. Записал: А.Ф. Петров. – ФА ПсковГУ, Беж. 2003, т. 1/33, № 161.

В той и другой сказках человек прячется от волков на дереве; чтобы достать добычу, волки становятся друг на друга; по той или иной причине нижний волк выскакивает из-под всех остальных: волки падают и убегают.

Усвятская сказка ближе к описанию сюжета, представленному в СУС: человек, спрятавшийся на дереве, пугает нижнего волка (чихает – волку кажется, что в него стреляют), тот убегает, и все падают. В бежаницкой – герой «возвращает» нижнему волку оторванный хвост, сбрасывая с дерева на землю: «*Возьми яго!*», тот бросается за хвостом – волчья «пирамида» разваливается, волки разбегаются.

Герой усвятской сказки – портной, что сообщает сюжету соответствующий колорит. Эпизод «портной снимает мерку с

волка», обещая сшить ему на зиму шубу, напоминает сценку-интермедию в народном театре. Ср.:

Старик: *Ну, батюшка царь Максимиан,*

Позвольте за работку...

Сшей-ка ты мне тулуп,

Чтоб в Петров день

Пятки не отморозить.

Царь: *А вот что, искусственный портной,*

Сшей-ка ты у меня этому старичку тулуп,

Чтоб в Петров день он пятки не отморозил.

Портной (Аршином пристукивает старика и спрашивает):

Ну, старик, долог ли тебе тулуп?

Старик: *Как можно, батюшка, подольше.*

Портной (ударяя его по спине):

Такой, что ли?

Старик: *О, нет, батюшка, подольше.*

Портной (ударяя много ниже):

Такой, что ли?

Старик: *О, нет, батюшка, подольше.*

Портной (ударяя по самым запяткам):

Такой, что ли?

Старик: *Вот, вот, батюшка,*

Дольше быть нельзя.

Портной (обмеривает рукава, ударяет по локтям):

Рукава такой длины, старик?

Старик: *Как можно дольше, батюшка.*

Портной (ударяя по пальцам руки):

Ну, такие, что ли, рукава?

Старик: *Вот, вот такие, батюшка,*

Дольше быть нельзя.

Портной: *Ну так сам я шить не буду,*

А мальчиков заставлю.

Мальчики, сшейте этому старiku тулуп,

Чтоб в Петров день он пятки не отморозил.

(Мальчики давай по спине хлестать, наподобие того, что шьют ему)

Старик (громко кричит):

Очень больно! Очень больно!
(падает на колени перед царем)
Батюшка царь Максимиан,
Ведь тулуп-то мне не по костям.

(Царь Максимиан // Песни и сказки Ярославской области. – Ярославль, 1958. – С. 111–156. Цит. по: Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия / Сост. Э.В. Померанцева, С.И. Минц. – М., 1963. – С. 460–462).

Герой бежаницкой сказки – стрелец (охотник) и не обещает волку шить шубу, соответственно, не снимает с волка мерку, а будто бы собирается отмерить себе дерево «на гробовую доску», а в качестве «мерки» отрывает у волка хвост. Причем ситуация с заимствованием хвоста удваивается, благодаря чему выстраиваются занимательные эпизоды с одурачиванием волков, но наносится ущерб органичности повествования.

№ 14 (10). ПРО КОЗУ. Зап. от *Базылевич Марфы Акимовны*, 1900 г. р., в д. Демидово Гульятевск. с/с Пуст. р-на Пск. обл. Записали: Т. Балдыбекова, А. Магомедова, А. Соколова. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1985, т. 10/1395, № 10. СУС 123 **Волк и козлята.** Русских вариантов сюжета 123 по СУС – 20, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 31); белорусских вариантов сюжета – 3.

Текст редуцирован: отсутствует эпизод с пением самой козы в начале сказки, довольно схематичен конец. Информативен, сжат до одной фразы эпизод, где коза узнает о несчастье: «Только один козлёнок запрягался и всё козе рассказал». Сравним у Чернышева: «Вот коза пришла. Бегала-бегала, **вонела-вонела** [выделено В.И. Чернышевым]. Открыла избушку рогом, одны там косточки» (*Чернышев*, 31. С. 73).

Ср.: № 25 (18) **Про козу-дерезу.**

№ 15. КОШКА В ЛОЖКЕ. Зап. от *Кузнецовой Антонины Прокофьевны*, 1922 г. р., в д. Подельно Болгатовск. вол. Оп. р-на Пск. обл. Записала: Н. Лысых. – ФА ПсковГУ, Оп. 1996, т. 2/755, № 54, кассеты Оп. 1996-3, 4, 5. Неоконченная сказка, по-видимому, представляла собою вариант типа СУС 130, 130А, 130В **Зимовье животных.** Зафиксированный текст являет собою фрагмент сказки, развивающий сюжетный мотив

130В *Животные убегают от угрозы смерти в лес*. Русских вариантов сюжета 130, 130А, 130В по СУС – 19, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 130, 130А, 130В по СУС – 6.

Текст содержит элемент, подчеркнутый названием сказки и придающий ей оттенок небылицы, что делает повествование более забавным: спасаясь от смерти, звери не бегут по дороге, а уплывают по реке в ложке.

№ 16. КАК МУЖИК ЗВЕРЕЙ КАТАЛ. Зап. от Кудрявцевой Екатерины Дмитриевны, 1922 г. р., в д. Житково Руновск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1721, № 40, кассета Н-Сок. 2010-7 СУС 158 *Звери в саях у лисы (старушки/мужика)*. Русских вариантов сюжета 158 по СУС – 28, из них псковских – 1 (Чернышев, 33), белорусских вариантов сюжета 158 – 11.

По словам информантки, эту и другие сказки она усвоила от своей мамы, Григорьевой Марии Егоровны (1906–1985).

№ 17 (11). ПРО ДЕДА С БАБОЙ. Зап. от Алексеенковой Ефросиньи Ивановны, 1914 г. р., в д. Колпино Новой вол. Пуст. р-на Пск. обл. Записала: А.А. Пузыня. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1999, т. 1/1415, № 38, кассета Пуст. 99-1. СУС 159 *Бычок смоляной бочок*. Русских вариантов сюжета 159 по СУС – 1, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 159 по СУС – 1. Прекрасный вариант редко встречающегося сюжета.

Гармоничную завершенность юмористически окрашенной и почти сплошь построенной на диалоге сказке придает ее концовка: *И жили-пожавали. И я там была́ и мёд пила́. По ўсам тьяло, в рот ня попало!*

№ 18. МЕДВЕДЬ НА ЛИПОВОЙ НОГЕ. Зап. от Трифаженковой Людмилы Николаевны, 1930 г. р., в п. Подберезье Подберезинск. вол. Локн. р-на Пск. обл. Записала: Н.П. Петрова. – ФА ПсковГУ, Локн. 2002, т.2/426 – л. 18 – 22 об., кассета Локн. 2002-1. СУС 161А* *Медведь на липовой ноге*. Русских вариантов сюжета 161А по СУС – 25, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 161А* по СУС – 3.

Сказка являет собой один из вариантов поздней, «благополучной», версии сюжета 161А, в отличие, например, от архаической версии сюжета, представленной текстом

Афанасьев, № 57, в котором повествование завершается гибелью героев. На связь последней версии (медведь съедает своих обидчиков) с древними тотемистическими представлениями указал В.П. Аникин (*Аникин В.П.* Русская народная сказка: Пособие для учителя. – М., 1977. – С. 47–48). Сказочная история в передаче Л.Н. Трифаженковой завершается всеобщим благополучием («*Всем хорошо!*»). Последовательное устранение «страшных» и введение забавных моментов сказочного повествования, по-видимому, обусловлены ориентацией на детскую аудиторию: медведь не собирается никого есть, а просто своими посещениями не дает покоя обидчикам; дед с охотниками ловят надоевшего медведя, остроумно заставляя его залезть в мешок-наматрасник. Стремлением позабавить маленького слушателя, по-видимому, обусловлена и удачная контаминация сказки с фрагментами медвежьей потехи – одного из видов зрелищного фольклора (см.: Медвежья потеха // Фольклорный театр / Сост., вступит. статья, предисл. и коммент. к текстам А.Ф. Некрыловой и Н.И. Савушкиной. – М., 1988. – С. 427–450; Медвежья потеха // Народный театр / Сост., вступит. статья, предисл. и коммент. к текстам А.Ф. Некрыловой и Н.И. Савушкиной. – М., 1991–1991. (Б-ка русского фольклора; Т. 10). – С. 493–497).

№ 19 (12). СКАЗКА ПРО ВОЛКА. Зап. от Тимофеевой Надежды Ивановны (год рождения не указан) в д. Турицы Туготинск. с/с Порх. р-на Пск. обл. Собиратель не указан. – ФА ПсковГУ, Порх. 1988, т. 1/1102, № 1. СУС 162А* *Дед, баба и волк*. В СУС зафиксирован только один, русский вариант сюжета 162А*, псковских нет.

Описание этого сюжетного типа в СУС сделано по единственному опубликованному варианту (Фольклор Чкаловской области / Сост. А.В. Бардин. – Чкалов, 1940) с явной комической окраской: Спрятавшийся от волка дед падает с палатей на волка, волк бежит, ударяется о косяк и убивается. По свидетельству же Н.И. Тимофеевой, услышанная ею в детстве сказка воспринималась как *страшная*.

№№ 20 (13), 21 (14), 22 (15), 23 (16). ПЕНИЕ ВОЛКА. СУС 163 *Пение волка*. Русских вариантов сюжета 163 по СУС –

26, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 32); белорусских вариантов сюжета 163 по СУС – 7.

№ 20 (13). ВОЛК И ДЕД СО СТАРУШКОЙ. Зап. от *Алексеевой Антонины Егоровны*, 1919 г. р., в д. Паново Глубоковск. вол. Оп. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Площук, Е. Степанова, Н. Родионова, О. Швец. – ФА ПсковГУ, Оп. 1998, т. 3/718, № 50, кассета Оп. 98-15.

Прекрасный вариант сюжета 163, интересный уже тем, что исполнен без всяких сокращений: песня волка звучит по ходу сказки девять раз! Относится к первым детским сказкам, которые слышал крестьянский ребенок в раннем детстве.

№ 21 (14). ДЕД С БАБОЙ И ВОЛК. Зап. от *Николаевой Натальи Яковлевны*, 1902 г. р., в д. Пузырьково Любимовск. с/с Оп. р-на Пск. обл. Записал: А.Е. Николаев. – ФА ПсковГУ, Оп. 1982, т. 1/745, № 113.

Вариант сюжета 163 *Пение волка* в передаче Н.Я. Николаевой отличается от предшествующего текста, принадлежащего А.Е. Алексеевой, развязкой: в исполнении Н.Я. Николаевой сказка имеет комически-счастливое завершение: дед перепугал волка, пустив от страха ветры в печной трубе, куда спрятался. Отличаются варианты и способами прятанья героев сказки (деда с бабой) от волка. Общность местной традиции в обоих опочечских вариантах проявляется почти в полной идентичности песни волка у той и другой сказочницы с зачином:

На этой на горушке

Жил (живёт) дед (дедка) со старушкой.

Внук Натальи Яковлевны Николаевой, А.Е. Николаев в 1982 г. студент первого курса факультета русского языка и литературы ПГПИ, пишет о своей бабушке, о ее жизни: «Это была судьба рядовой русской женщины, очень типичная, поскольку и бабушка моя была рядовая крестьянка.

Замужество не раннее – в двадцать пять лет, но счастливое. После замужества бабушка живёт неподалеку [от родного Пузырькова], в Поповой Горе. Коллективизация. Война. Немецкая оккупация. Освобождение и расставание с мужем (деда звали Степаном), который, насмотревшись на немцев в период оккупации, не смог остаться в стороне, несмотря на свой

белый билет, на предложенную должность председателя [колхоза]. И похоронная – в День Победы, 9-го мая. А потом долгие серые будни. Вот почему держатся в памяти моей бабушки такие тексты, как:

Посвети-ка, месяц ясный!

Посвети-ка, молодой!

Посвети по той дорожке,

Где пойдё миленький мой!

Цыганочка гадала –

Покачала головой,

Покачала и сказала:

«Будь молоденькой вдовой!»

Приводим «некоторые предложения», которые, по словам А.Е. Николаева, он «успел ухватить в разговоре с бабушкой». Это примеры образной речи Натальи Яковлевны, речи, в которой сказался характер человека доброго, но не лезущего за словом в карман, натура любящая, открытая красоте, поэтичная: *В людях – не дома: и на кошку скажешь: «Тётъ, подвинься»;* *Бывало, поедешь на паству, как разлопочешься: и смех, и веселье, и старики рассказывают, когда конец света будя... Так лежишь потом на земле – долго не уснуть. Насмотришься в небо на звёзды. Глядишь: одна побежала, другая... Думаешь, куда ж она это упала?; про ярмонку: Как идешь в Старик, так от Реховнюга, от Лопатина, от Староселья, от Слизнёва, от Линёва – везде с гармониями идуть: так и рявуть гармони со всех сторон! – Тебя так и подымая, как в воздухе плывешь...; о кошках Белке и Кузе: Белка на крышу полезла. Зачем же она полезла? – А вот заберётся на самый конёк и сидит. И Кузя был залезши. Я иду, говорю: «Кузинька, здравствуй!» Тогда он поскрёбся [в данном случае – полез, т.е. стал спускаться осторожно. – А.Е. Николаев]. Глазки такие строгонькие!; В то лето сухо было: облачинки лёгкие ходят, погрымывает; Погода нахмырилась – опять дож порявё!; Шапка большая – только воронам класться; о старухе в телевизоре, в передаче: «Сельский час»: Баб, зачим ты морду вторнула сюда?; Потом поехал в Нелидово, и там, как беси его шикнули, – на другой женился;*

Вот сколько деревень ты написал... Все они были полны народу. А где этот народ теперь? Раструсилили по свету. И дома снесён!; Говорили, на Рождество если звезд не видно, то не будя грибов и ягод. А ноньма я ещё вышла, постояла во дворе своем, полюбовалась: редкое, тусклое такое облако волоклось, и вроде тускло так звёзды видать, а не то что явственна бывая ночь, и звёзды как всыпано...

№ 22 (15). ПРО ВОЛКА. Зап. от *Слышовой Марии Степановны*, 1911 г. р., в д. Сопки Назимовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: Л. Абрамова, Г. Захарова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 4/305-06, № 190.

№ 23 (16). ПРО ВОЛКА И ДЕДА С БАБОЙ. Зап. от *Бояриновой Ефросиньи Дмитриевны*, 1911 г. р., в д. Сопки Назимовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: Л. Абрамова, Г. Захарова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 4/305-06, № 103, МГН-30.

Обе сказки (варианты сюжета СУС 163 *Пение волка*) записаны в одной деревне и, естественно, близки друг другу. Почти совпадает в них песня волка, отличаясь при этом от опочецких вариантов (ср.: №№ 18, 19 (№№ 13, 14): *Жил жилец, был соломенный крылец... и т.д.*). В той и другой сказке дед прячет бабу от волка в горшок и ставит его на полку, в обоих вариантах дед с бабой погибают. Тем не менее, даже записанные в одной деревне, сказки отличаются друг от друга и прежде всего разработкой развязки. У М.С. Слышовой, съев всех животных и бабу, волк хитростью выманивает из хатки и деда. У Е.Д. Бояриновой сказка имеет трагикомический конец: *Волк забрался на печку, ка-ак пернеть – так печка обвалилась и деда задавила!* Такое завершение сюжета представляет собою как бы обращенный вариант развязки опочецкой сказки с ее комически-счастливым концом (См. № 21 (14) – вариант Н.Я. Николаевой).

Каждый из текстов отражает индивидуальную повествовательную манеру сказочниц: сдержанная, спокойная, лаконичная у М.С. Слышовой; эмоциональная, порою экспрессивная у Е.Д. Бояриновой («*Бяри, жри!*»). Обе женщины обращаются к сказочным формулам. У М.С. Слышовой это традиционная концовка, завершающая повествование: *Усё, сказка вся, говорить больше нельзя.* Е.Д. Бояринова творчески

использует формулу, характерную для волшебных сказок, где она является прямой речью-реакцией враждебного героя персонажа (Бабы яги, Змея, Вихря) на появление героя в его владениях (*Фу-фу! Русским духом пахнет!*). Слегка изменив традиционную формулу, сказочница делает ее средством усиления эмоциональной напряженности, изобразительности повествования: *Приходит волк, пошёл: зирьк-зирьк – нету! Нюх-нюх – гврить [говорит]:*

– *Русским духом пахнет!*

№ 24. МАШЕНЬКА И МЕДВЕДЬ. Зап. от Богдановой Тамары Семёновны, 1941 г. р., в д. Борисово Руновск. вол. Н-Сок. р-на. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковаГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 17, кассета Н-Сок. 2010-6.

СУС –179* *Медведь (волк) захватывает девушку*, собирающую в лесу грибы; девушка обманом освобождается, добирается домой. Сюжет –179* представлен в СУС одним, украинским, вариантом.

В варианте Т. С. Богдановой заметно влияние сказки Л. Н. Толстого «Три медведя» (См: *Толстой Л.Н. Три медведя // Собрание сочинений: в 12 т.: Повести и рассказы. Т. IX. – М., 1984. – С. 59–60*): как и в сказке писателя, медведь, недовольный беспорядком, устроенным в его доме заблудившейся в лесу девочкой, обнаруживает виновницу спящей в его постели.

№ 25. КОЗА-СТРЕКОЗА. Зап. от Кудрявцевой Екатерины Дмитриевны, 1922 г. р., в д. Житково Руновск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 39. СУС 212 *Коза луплена*. Русских вариантов сюжета 212 по СУС – 31, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 212 по СУС – 9.

Популярный у восточных славян сюжет (См.: СУС: 16).

По словам информантки, эту и другие сказки она усвоила от своей мамы, Григорьевой Марии Егоровны (1906–1985).

Первая часть повествования в духе сказочной традиции строится на приеме утروения (обманщицу-козу пасут последовательно дочь, жена мужика и он сам). Вторая же часть редуцирована: нет цепочки напуганных козой животных, безуспешно пытавшихся помочь зайчику выгнать захватчицу из

его хатки: зайчик сразу же встречает спасителя-петушка, который избавляет его от непрошенной гостьи.

В повествовании сказочницы из д. Житково, по-видимому, не обошлось без влияния сказки «Коза-дереза» в обработке А.Н. Толстого (Русские народные сказки // *Толстой А.Н. Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 8. – М., 1960. – С. 341–344). Используемые Е.Д. Кудрявцевой сказочные формулы близки к некоторым оборотам из формул-стишков, содержащихся в тексте последней, а угрозы козы в той и другой сказках почти дословно совпадают:

У А.Н. Толстого:

У Е.Д. Кудрявцевой:

Я, коза-дереза,	<i>Я – коза-стрекоза,</i>
За три гроша куплена,	<i>Полбоку лупленого,</i>
Полбока луплено,	<i>За три грóша куплена,</i>
Топú, топú ногами,	<i>Тапы-тапы ногам!</i>
Заколю тебя рогами,	<i>Заколю тебя рогам!</i>
Ножками затопчу,	<i>Хвосьсиком замячú</i>
Хвостиком замету!	<i>Ножкам затопу!</i>

№ 26 (17). КОЗА-РОГОЗА. Зап. от *Алексеевской Ефросиньи Ивановны*, 1914 г. р., в д. Колпино Новой вол. Пуст. р-на Пск. обл. Записала: А.А. Пузыня. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1999, т. 1/1415, № 40, кассета Пуст. 99-1. СУС 212 **Коза луплена**. Русских вариантов сюжета 212 по СУС – 31, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 212 по СУС – 9.

Записанный от Е.И. Алексеевской текст не имеет обычного для сюжетного типа 212 продолжения, где коза убегает в лес, отнимает домик у зайчика и т.д.

№ 27 (18). ПРО КОЗУ-ДЕРЕЗУ. Зап. от *Буйко Василия Петровича*, 1929 г. р., в д. Городище Артёмовск. вол. Нев. р-на Пск. обл. Записала: Е. Буйко. – ФА ПсковГУ, Нев. 2000, т. 1/622-23, № 3, кассета Нев. 2000-3. СУС 212 **Коза луплена** + 123 **Волк и козлята**. Русских вариантов сюжета 212 по СУС – 31, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 212 по СУС – 9. Русских вариантов сюжета 123 по СУС – 20, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 31); белорусских вариантов сюжета 123 по СУС – 3.

Соединение этих двух сюжетов в одной сказке среди частых (встретившихся в публикациях более двух раз) в СУС не отмечено. Оба сюжета, объединенные в повествовании В.П. Буйко, равноценны и сказываются им с соблюдением всей характерной для этих двух сюжетов обрядности: повторением эпизодов, стишков, словесных формул: *Напариў, напариў – и ў свет отправиў!* Героинями сказки В.П. Буйко делает своих внуков: Юлю, Любу и записавшую от него сказку Женю.

Эпизод расправы с волком, где коза сует в его пасть раскаленную кочергу вместо ложки с кутьей, указывает, по-видимому, на принадлежность невеличской сказки к белорусской традиции: ср. с типом СУС 1131 *Горячие камни в пасть чёрта* (вместо каши или картофеля), представленным в СУС четырьмя, только белорусскими, вариантами.

№ 28 (19). СКАЗКА ПРО ЗАЙКИНУ ХАТКУ. Зап. от *Буйко Василия Петровича*, 1929 г. р., в д. Городище Артёмовск. вол. Нев. р-на Пск. обл. Записала: Е. Буйко. – ФА ПсковГУ, Нев. 2000, т. 1622/23, № 6, кассета Нев. 2000-3.

Обычно сюжет «Коза отнимает дом у зайца» входит в состав сказок сюжетного типа СУС 212 *Коза луплена* (например, *Афанасьев*, № 62, *Сказка о козе лупленной*). Мотив постройки ледяной (у В.П. Буйко – снежной) хаты характерен для сюжетного типа 43 *Лубяная и ледяная хата*, где дом у зайца отнимает лиса. Русских вариантов сюжета 212 по СУС – 31, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 212 по СУС – 9. Русских вариантов сюжета 43 по СУС – 21, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 37); белорусских вариантов сюжета 43 по СУС – 3.

№ 29 (20). ГОРОШИНА. Зап. от *Демидкиной Валентины Ивановны*, 1932 г. р., в д. Ермаки Изочинск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Т. Годзюмаха, Е. Лаврентьева. – ФА ПсковГУ, Нев. 1986, т. 8-а/539, № 17а. СУС 218В* *Небесная избушка*. Русских вариантов сюжета 218В* по СУС – 12, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 218В* по СУС – 1.

В варианте В.И. Демидкиной отсутствует обычный для сюжета 218В* мотив коз-сторожей небесной избушки. Изменена и свойственная сюжетному типу 218В* последовательность

событий, когда мужик, побывав на небе, потом пытается поднять туда и свою любопытствующую старуху в мешке, который держит в зубах, но роняет, ответив на вопрос старухи, далеко ли еще до неба. У сказочницы из д. Ермаки неудачная попытка доставить старуху на небо предшествует путешествию туда старика.

В описании «небесного изобилия» в сказке В.И. Демидкиной (*Наконец попал он на небо. Там увидел расписные терема, столы конфетные, ложки пряниковые, напитки медовые. Дед отломил кусочек стола и съел. Всего понемножечку попробовал!*) присутствует характерный для фольклора образ благополучия, достатка, ассоциируемого прежде всего с сытым житьем, который создается через предметы кулинарии, из которых будто бы состоят какие-либо вещи, постройки, иные сооружения или детали ландшафта. Ср.: в свадебной плясовой припевке: *У нашего свата | Багатая хата: | Пирагам крыша крыта, | С сыру печи збита, | Серебряный ганак, | Где просят приданок* [‘крыльцо (ганок), с которого родные молодого, чаще всего мать, приглашают (просят) в хату родню новобрачной – приданок’] (Зап. от Батьяновой Ефросиньи Демидовны, 1901 г. р., в д. Доминиково Туричинск. с/с. Нев. р-на Пск. обл. Записали: А. Блох, И. Лукьянченко. – ФА ПсковГУ, Нев. 1985, т. 2/499-500, № 2.22д), в масленичной обрядовой песне: *А мы Масленицу встречаем, | Сыром горочку набиваем, | [Сверху] Масельцем поливаем: | – Наша горочка, будь катлива!* (Зап. от Михайловой Варвары Семёновны, 1908, в д. Котово Морозовск. вол. Кун. р-на Пск. обл. Записали: О.О. Епишева, И.В. Макина, В.А. Павлова – ФА ПсковГУ, Кун. 1991, т. 320-321, № 7).

№ 30 (21). СКАЗКА ПРО ГОРОШИНУ И БОБ. Зап. от Зандова Андрея, 1969 г. р., в д. Бор Усв. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записала: Г.И. Плошук. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 8/1663-64-65, № 35. СУС 218В* *Небесная избушка* + 37 *Лиса-плачя*. Русских вариантов сюжета 218В* по СУС – 12, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 218В* по СУС – 1. Русских вариантов сюжета 37 по СУС – 20, псковских нет; белорусских нет.

Сказка, которую Андрей Зандов усвоил, по его словам, от бабушки, исполнена юным рассказчиком со всей сказочной обрядностью: с утروением эпизода (с небесными козами), со сказочными формулами («Фу, нерусским духом пахнет!»; «Спи, глазок, спи, другой!»), с соблюдением сказового речевого ритма (...посадили они горошину – выросла она до пола, пол разобрали. Росла, росла – выросла до потолка, потолок разобрали. Выросла до крыши – крышу разобрали. Выросла до неба...). От бабушки, по-видимому, и комическая разработка эпизода катастрофы со старухой: для путешествия на небо она садится деду в штаны: *Лезли, лезли, вдруг штаны порвались, и баба вывалилась и разбилась!* Однако в эпизоде с поисками дедом наемной плачеи для оплакивания старухи, где звери демонстрируют ему свое умение голосить, юный сказочник (а может быть, уже его бабушка) встретился с трудностью, которую объективно преодолеть не мог. Если, показывая, как голосили волк и медведь, явно не лишенный артистичности мальчик мог обойтись подражанием вою волка и реву медведя, то демонстрация понравившегося деду голошения лисы требовала владения плачевой традицией, которую А. Зандов не мог и не пытался воспроизвести, отчего выбор дедом в плачеи лисы остался художественно не убедительным. Ср.: *Афанасьев, № 22*: лиса голосит: «У – кресть-я-ни-на – бы-ла – ста-руш-ка – по-у-тру – ра-но – вста-ва-ла – боль-ше – простня – пряла – щи – ка-шу – ва-ри-ла – ста-ри-ка – кор-ми-ла!»

№ 31. ТРИ ИВАНА. Зап. от Слышовой Марии Степановны, 1912 г. р., в д. Сопки Назимовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: Л.Г. Абрамова, Г.А. Захарова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 4/305-06, № 191. СУС 300₁ **Победитель змея**: герой освобождает обреченную на смерть царевну и женится на ней. Русских вариантов сюжета 300₁ по СУС – 106, из них псковских – 2 (*Чернышев*, 23, 43); белорусских вариантов сюжета 300₁ по СУС – 27.

Широко бытующий во всем мире сказочный сюжет (см.: *Еремина В.И.* Комментарий // Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступит. ст. и коммент. В.И. Ереминой. – СПб., 2008. – С. 535. № 4 **Федор Водович и Иван Водович**) чаще всего входит в сказочное повествование как

эпизод (СУС: 103). В редуцированном варианте М.С. Слышовой он предстает отдельной сказкой. Явно утрачен начальный эпизод сказки, развивавший мотив чудесного рождения героев (Ивана сучьего, Ивана девичьего и Ивана царева сына). Ср., например, в сказке из б. Пушкинского района Псковской губернии: *«Когда прислуга зажарила и несла к царевны [шуку-белугу, съев которую бездетная царевна должна понести], а раньше царевны облизала перышко. После этого царевна кушала. В онно время кушали, в онно время отяжелели, в онно время носили, в онно время родили»* (Чернышев, 45 **Иван-царевич и Иван-служанкин**); у Афанасьева в сказке «Иван Быкович»: *«кухарка вычистила ерша и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова. Те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала. И вот разом забрюхатели: и царица, и её любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки – Иван кухаркин сын, у коровы Иван Быкович»* (Афанасьев, 137) и др.

В самом развитии сюжета нарушен принцип нарастания напряжения, когда герою приходится сражаться с трех-, шести-, девяти- или двенадцатьюглавым змеем/чудом-юдом. В сказке М.С. Слышовой Иван сучий имеет дело только с трехглавым змеем, которому при каждой встрече сносит по одной голове. Нет самозванца, присвоившего себе подвиг освобождения царевны и претендующего на ее руку, нет его разоблачения и наказания, узнавания и триумфа настоящего героя, получающего руку царевны. Некоторая несообразность возникает в конце сказки: царь, очевидно, убежденный, что царевен спасали поочередно три Ивана соответственно, собирается выдать каждую из царевен за ее спасителя. И хотя, по сюжету, всех трех освободил Иван сучий, а Иван царев и Иван крестьянkin струсил, царевны с криком *«Этый нас спас!»* бросаются *«каждая к своему Ивану»* и выходят за них замуж.

№ 32 (22). ПРОТУПЕЙ-ПРАПОРЩИК. Зап. от Новиковой Натальи Ивановны, 1898 г. р., в д. Новотроицкое Кун. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: С. Качнова, Л. Мясникова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 5/307-08, № 2. СУС

301Д* *Солдат находит исчезнувшую царевну*. Русских вариантов сюжета 301Д* по СУС – 18, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 301Д* по СУС – 3.

Куньинский вариант сказки о Портупее-прапорщике, по-видимому, восходит к книжной (лубочной) версии сюжета 301Д*, получившей распространение в устной традиции в конце XIX в. (см.: *Сабитова И.В.* Сказка о Протупее-прапорщике в книжной и устной традиции: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986).

К сожалению, в тексте есть пропуски и несвязности. Так, опущен и восстанавливается только из последующего повествования момент сюжета, где Протупей-прапорщик убивает Немала-человека, похитившего царевну; совершенно неясно, откуда взялся человек с волшебными цветами и почему он помогает герою; непонятно и почему царевна узнает своего спасителя по кольцу, а не в лицо: очевидно, облик героя должен быть как-то изменен.

В сюжете сказки отложилась современная сказочнице действительность: так, герой, оказавшись в жилище Немала-человека, находит похищенную царевну, услышав ее игру на рояле. Персонаж, одаривающий героя волшебными цветами, возможно, навеян мультипликационной версией сказки В. Катаева «Цветик-семицветик». Правда, для того, чтобы исполнилось желание, герой сказки Н.И. Новиковой не отрывает лепестки волшебного цветка, как героиня В. Катаева, а съедает каждый раз по цветку, подобно тому, как это делают с найденным в кисти сирени «счастьем» – пятилепестковым цветочком. Не с экрана ли пришли в ее повествование и почему-то кишащие в море крокодилы (обитатели африканских рек), о которых традиционная русская сказка ничего не знала?

№ 33 (23). БЫЧОК-ДРИСТУНОК. Зап. от *Бояриновой Ефросиньи Дмитриевны*, 1911 г. р., в д. Сопки Назимовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: Л. Абрамова, Г. Захарова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 4/305-06, № 110, МГН-30. СУС 314А* *Бычок-спаситель*. Русских вариантов сюжета 314А* по СУС – 23, из них псковский – 1 (*Чернышев*, 40); белорусских вариантов сюжета 314А* – 8.

Сюжетный мотив 314А* **Бычок-спаситель** обычно является эпизодом в разных сказках, чаще всего типа 315 **Звериное молоко** (СУС: 115). В варианте Е.Д. Бояриновой мотив **Бычок-спаситель** представлен как самостоятельный сюжет забавной сказочки, что, очевидно, связано с ориентацией на маленького слушателя.

Рукописная запись этой сказки в фольклорном архиве ПсковГУ содержит концовку: *Кабы рюмочку винца, так сказала б до конца!* Ср. с концовкой сказки **Девочка и волк**, завершающейся эпизодом спасения девочки бычком (записана в 20-х гг. XX в. в окрестностях Михайловского от одиннадцатилетней Мани Петровой): *Сказка вся – говорить нельзя. Если б рюмочку винца – я сказал бы до конца. Схватил пирог да за порог* (Чернышев, 40. С. 83).

№№ 34, 35 (24), 36 (25), 37 (26), 38, 39 (27). МАЛЬЧИК И ВЕДЬМА. СУС 327С, F *Мальчик и ведьма*. Русских вариантов сюжета 327С, F по СУС – 53, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 327С, F по СУС – 13.

№ 34. СКАЗКА ПРО ЧЕРЁШЕЧКУ. Зап. от *Титовой Марии Захаровны*, 1909 г. р., в д. Рукóво Бояринск. с/с Себ. р-на Пск. обл. Записали: Т. Веселова, Е. Гришанова, Н. Лазовская. – ФА ПсковГУ, Себ. 1991, т. 3/1614, № 13, МГН-?

По словам М.З. Титовой, сказку она слышала от людей. А теперь сама ее своим внукам рассказывает. Ее вариант близок к сказкам из сборника А.Н. Афанасьева на сюжет «Мальчик и ведьма» (№№ 108–112), особенно к №№ 109 (группа «Ивашко и ведьма») и 112 («Терёшечка»): в том и другом текстах бездетные дед и баба качают в люльке полено, вместо которого вскоре обнаруживают в ней мальчика. В себежской сказке такая существенная деталь, как лежащее в люльке полено, опущена: старики колышут пустую люльку, и *выколыхали себе сыночка*.

Некоторые детали более короткого и менее ясного, чем в сборнике А.Н. Афанасьева, повествования М.З. Титовой, на наш взгляд, выдают его зависимость от сказки «Терёшечка» (Афанасьев, 112). Так образное предупреждение матери Терёшечке о кознях ведьмы: «Не попадись ей в когти!» – «реализуется» в тексте М.З. Титовой: «*Он приплыл, а она его схватила в когти*». Близки формулы-обращения Терёшечки с

мольбой о спасении к пролетающим гусям. У Афанасьева: «Гуси-лебеди, возьмите меня, | Посадите меня на крылышки, | Донесите меня к отцу, к матери; | Там вас накормят-напоят»; у М.З. Титовой: «*Гуси-лебеди, возьмите меня, донесите меня к отцу, к матери! Вас там накормят, напоят, в зелёный сад погулять пустят!*» И там, и там спасителем Терёшечки является «защипанный» (у М.З. Титовой *защипленный*) гусенок.

В сказке «Терёшечка» из сборника А.Н. Афанасьева ощущается влияние сюжета «Волк и семеро козлят»: Терёшечка поехал рыбу ловить; а мать ему *и молочко, и творожок стала носить*. Придёт, бывало, на берег и зовёт: «Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла. В себежской сказке это влияние «проявлено» другой характерной для сюжета о волке и козлятах, но не слишком уместной в сюжете о ведьме и мальчике формулой: «...я мать твоя, тебе есть принесла: *полны розжки творожка, полны сиськи молочка!*» (См. № 27 (18) *Про Козу-Дерезу*)

В рассказе М.З. Титовой имеется деталь, свидетельствующая о том, что сказочница была знакома с вариантом сюжета о мальчике и ведьме, в котором ведьма не узнаёт от Терёшечки, а сама догадывается о том, что съела собственную дочь: *У ведьминой дочери было золотое кольцо. Ведьма пришла (не знала, что её дочка в печке), поела и нашла кольцо*. Однако в дальнейшем повествовании себежской сказочницы эта деталь не получила развития. Ср. со *Сказкой о трёх братьях, ведьме и ведьминых дочках* (№ 40 (28) настоящего сборника), записанной в Нев. р-не Пск. обл.: «Ведьма домоу воротилася, за стол садилася, дочку сожрала, кости оулдала. Улядь – на столе колечко осталося, аккурат, какое у дочке младшей на пярсте было! Сокумекала ведьма, у чым дело! Озлилася дужа...»

М.З. Титова использует характерные для волшебной сказки формулы: *Рос он не по месяцам, а по часам и минутам; Я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало*.

№ 35 (24). ТЕРЁШЕЧКА-С-ПОЛЕШЕЧКА. Зап. от Селезнёвой Фаины Евстафьевны, 1919 г. р., в д. Федяково Успенск. вол. Беж. р-на Пск. обл. Записала: О. Петрова. – ФА ПсковГУ, Беж. 1993, т. 1/13, № 37. СУС 327F.

Вариант Ф.Е. Селезнёвой близок к сказке из сборника А.Н. Афанасьева (*Афанасьев*, 111) о мальчике Лутонюшке и ведьме, хотя значительно короче. В частности, в обеих сказках рождение мальчика связано со срубленным деревом и печью. У Афанасьева: *Старик нарубил дров... да срубил еще лутюшку. Приехал домой... лутюшку в избу принес и положил в подпечек. На третий день что-то в подпечке зашумело, а потом кричит: «Тятя! Мама! Выньте меня!»* У Ф.Е. Селезнёвой: *Жили дед с бабой, и не было у них детей. Взял дед **полешечко**, отесал, завернул и **положил на печку**. Услышали дед с бабой, что ребёнок на печке плачет. Подошли, смотрят: мальчик! Назвали его Терешёчка-с-полешечка. Рос он не по дням, а по часам. Стал он больше и говорит: «Я поеду рыбку ловить!»* (О связи мотива рождения героя из печи и сказочной формулы *рос он не по дням, а по часам* с древними мифологическими представлениями см.: Пропп В.Я. Мотив чудесного рождения // Фольклор и действительность. – М., 1976. – С. 216–225, 237–240).

К сожалению, окончание сказки схематично, укладывается в две фразы.

№ 36 (25). ИВАШКА. Зап. от Григорьевой Нины Игнатьевны, 1930 г. р., в д. Низовицы Ремдовск. вол. Гд. р-на Пск. обл. Записала: Ю. Яковлева. – ФА ПсковГУ, Гд. 1997, т. 1/124-25, № 15. СУС (327С).

Краткий малохудожественный вариант. Любопытен проявившимся в нем стремлением современной сказочницы, прервав повествование о приключениях героя (что совершенно не свойственно традиционной сказке), задержать внимание слушателей на переживаниях родителей, узнавших об исчезновении сына. В суховатом, информативном варианте Н.И. Григорьевой, где целые эпизоды сказки сжимаются в одну фразу (ведьма *«превратилась в старушку и украла мальчика»*), это особенно бросается в глаза: *А отец так и не дождался Ивашку... Вечером отец спрашивает: «Где Ивашка?» Мать ему отвечает: «Не приходил!» Отец и мать горюют...* Проявляется такая тенденция и в сказке Ф.Е. Селезнёвой *Терёшечка-с-полешечка* (см. № 33 (24), хотя и менее заметно, всего в одной фразе: *Мама пришла, а его нет!*)

№ 37 (26). СКАЗКА ПРО ЧУРИЛУШКУ. Зап. от Бедняковой Анны Павловны, 1923 г. р., в д. Дубня Голубовск. вол. Дн. р-на Пск. обл. Записали: Е.Ю. Котлярова, Г.В. Подлешинская. – ФА ПсковГУ, Дн. 1993, т. 1/227-28, № 131, кассета Дн. 93-13. СУС (327С).

Очень короткий пересказ, по-видимому, уже забытой информанткой сказки. Любопытно, что мальчика утащила не Баба-Яга и не ведьма, а Чума, о чем и сказано одним предложением. В повествовании А.П. Бедняковой представлен по сути только один эпизод: Чурилушка засовывает в печь Чуму, попросив показать, как надо садиться на лопату, а сам возвращается домой. В начале коротенькой сказки говорится, что мальчик, когда его Чума утащила в лес, по дороге бросал камушки. Слушателю остается догадаться, что по ним он и нашел путь домой. (Ср. СУС 327В *Мальчик с пальчик у ведьмы*, например, Чернышев, 42: родители завозят мальчика-с-пальчик в лес, чтобы там оставить; *Он набрал камешков беленьких... Вот едут, а мальчик-с-пальчик кидает да кидает камушки... он пошёл по своим камушкам. Пришёл домой*).

№ 38. ВАСЯТКА И БАБА-ЯГА. Зап. от Трифаженковой Людмилы Николаевны, 1930 г. р., в п. Подберезье Подберезинск. вол. Локн. р-на Пск. обл. Записала: Н.П. Петрова. – ФА ПсковГУ, Локн. 2002, т.2/426 – л. 18–22 об., кассета Локн. 2002-1.

Л.Н. Трифаженкова, по ее словам, усвоила сказку в детстве от своего отца: *«Сядь ко мне поближе, прижмись ко мне крепче, и я начну тебе рассказывать сказку!» – вечером, бывало, он так [скажет]. Сидим у огня, и он рассказывает».* Сказочницу отличает живое воображение, последовательное изложение, свободная речь с включением в повествование традиционных формул: *Вот и сказке конец, а кто слушал, тот молодец; избушка на курьих ножках на бараньих рожках* (то же см.: № 5 (2) *Сказка для внучки Иринки*).

В отличие от «канонического» сюжета СУС 327 С, *Мальчик и ведьма* у Л.Н. Трифаженковой героиня сказки не мальчик, родители и ведьма, а внучек, бабушка и Баба-Яга. Последняя в финале сказки не просто остается с носом, но убита подгрызенным ею и рухнувшим деревом да еще и сгорает дотла

от вдруг вспыхнувшего огня. Исключение из традиционного для сюжета СУС 327 С, F состава персонажей сказки деда привело к некоторым художественным издержкам: в заключительном эпизоде (дележ поминальных блинов) в локнянском варианте бабушке приходится делиться блинами с «аварийно» введенным в повествование нетрадиционным для названного сюжета персонажем – котом: *А бабушка дома блины пекёт. Пекёт (в них ещё был кот). Она сидит, значит, спекёт блин, бросит себе: «А это, говорит, мне, а это тебе, а это мне!»).*

При указанных отличиях ощущается связь текста, в котором начитанная рассказчица именует героя сказки то Васяткой, то Иванушкой, с вариантом сказки «Ивашко и ведьма», представленным в сборнике: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1 / Подгот. текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. – М., 1957. – С. 173–176. № 108. У Афанасьева: у деда с бабой *«был один сыночек Ивашечко; они его так-то уж любили, что и сказать нельзя!»* В начале локнянской сказки этому сообщению соответствует описание того, каким хорошеньким был внучек – умница и помощник бабушке на старости лет. У Афанасьева: баба зовет сына: *«Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек! | Приплыви, приплыви на бережочек; | Я тебе есть и пить принесла!»* У Л. Н. Трифаженковой: *«Вася-ятка, плыви-плыви к бё-ережку, я тебе ку-ушать принесла!»*; у Афанасьева: *Ведьма приходит <...> и стучится в хату; никто не открывает ей дверей. «Ах, проклятая Аленка! Верно, ушла куда-нибудь играть».* У Л.Н. Трифаженковой: *Открывает дверь, зовёт свою дочку – не откликается! Ну, она поругалась, говорит: «Наверное, опять малиной где-нибудь обжирается!»*

В варианте Л.Н. Трифаженковой проявилась характерная для современной сказочной традиции тенденция к «сжатию» повествования за счет исключения повторов, некоторых эпизодов и подробностей: так, ведьме с первой же попытки удастся выманить мальчика из лодки и схватить его, отсутствует эпизод, в котором ведьма заставляет кузнеца «перековать» ее голос, чтобы он стал похож на голос матери мальчика, сделать ей железные зубы, чтобы перегрызть ствол дерева.

Вместе с тем проявляется и противоположная тенденция – к распространению повествования за счет введения не свойственных традиционной сказке «портрета» героя (*волоски белые льняные, глазки голубые, щёчки румяные*), «внутренней речи» (*А Иванушка думает: «Вот когда попался, и дороги теперь не знаю: ведь в мешке несла!»*; [мальчик] *побежал на улицу, а сам не знает, где Баба-Яга: как бы не попасться!* <...> за счет внесения мотивировок событий в том или ином эпизоде сказки (*бабушка готовит и носит еду маленькому рыбаку, потому, что он вставал рано, как только солнышко первым лучом землю осветит, и уйдёт на речку*; дочка Бабы-Яги, предлагая мальчику сесть на лопату, чтобы посадить его в печь и зажарить, хитрит: *«Садись, играть с тобой будем!»* – но тот смекнул, какая это игра, сел на лопату, взял руки и ноги расставил в стороны: ей никак его не впихнуть в печку; ему хочется её [ведьму] подразнить, и говорит: *«Поката-айся-ка, поваля-ййся-ка, свою дочку съевши!»* Баба-Яга грызет дерево, на которое взобрался мальчик, потому что *хотела забраться* [на дерево] – никак: *горб мешает!*); за счет перечисления действий, характеризующих героя как замечательного внука у бабушки (*Ну такой умница, такой помощник бабушке на старости лет! Он и воду таскает, и дрова носит, и двор подметает! Ну, не сидит без дела нисколько! А в свободное время ещё и рыбу ловит*), что, по-видимому, связано с педагогическими функциями сказки, на которые, в частности, сказочница обращает внимание собирателей своим комментарием: *И всё бы хорошо, да прознала про это Баба-Яга, что Васятка один на реке бывает (и тоже наука была: река рядом-то окол дома протекала).*

№ 39 (27). СНЕГУРОЧКА И БАБА-ЯГА. Зап. от Кабанова Николая, 1969 г. р., в д. Бор Усвятск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Т. Евдокимова, С. Медведева. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 8/1663-64-65, № 40.

Маленькая сказочка, построенная на двух мотивах. Первый: «Аист уносит Снегурочку к Бабе-Яге» навеян, по-видимому, сказкой *Гуси-лебеди* (СУС 480А* *Сестра отправляется спасать своего брата*). Второй, «Снегурочка

сажает Бабу-ягу в печь», навеян сказками типа СУС 327А *Брат и сестра у ведьмы*, СУС 327С *Мальчик и ведьма*.

В №№ 40 (28), 41 относятся к сказочному типу СУС 327С *Мальчик и ведьма* (см. комм. к №№ 32–36). Однако, в отличие от версии, зафиксированной в СУС, речь идет не об одном мальчике, а о трех братьях, причем младшему приданы черты дурака бытовой сказки.

№ 40 (28). СКАЗКА О ТРЁХ БРАТАХ, ВЕДЬМЕ И ВЕДЬМИНЫХ ДОЧКАХ. Зап. от Буйко Елизаветы Сазоновны, 1894–1997, в д. Городище Артёмовск. вол. Нев. р-на Пск. обл. Записала: Е. Буйко. – ФА ПсковГУ, Нев. 1999 (год поступления материалов записи в фонд ФА ПсковГУ), т. 1758, № 1. Аудиовариант сказки начитан по рукописному тексту 02.11.11 правнучкой Е.С. Буйко Евгенией Николаевной Буйко, 1982 г. р.: Д Нев. 1999-1. СУС (327С).

№ 41. КАК ВАНЯ-ДУРАНЯ ЗА ОГУРЦАМИ ХОДИЛ. Зап. от Юрмановой Тамары Андреевны, 1953 г. р., в д. Житково Руновск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 31, кассета Н-Сок. 2010-7. СУС (327С) *Мальчик и ведьма* + СУС (1009) *Сторожи хорошенько дверь* + СУС (1132) *Бегство от дурака* + СУС (1143А) *Язык великана-людоеда (разбойника)*. Сюжет 1143А представлен в СУС шестью, только украинскими, вариантами.

По словам информантки, сказка усвоена ею от бабушки, Александры Павловны Федотовой, которая «очень много знала сказок» и так умела рассказывать, что ее «от работы даже освобождали».

Первый эпизод (327С) представляет собою вариант, близкий к записанному в Невельском районе Псковской области (см. № 40 (28)). Своеобразие представленного в нем героя, которому приданы черты дурака бытовой сказки, сделало возможным контаминацию сюжетного мотива *Мальчик и ведьма* (СУС 327) с мотивами 1009 и 1132, на которых построены два следующие эпизода, развивающие коллизию «Дурак, его братья и разбойники». В этом сюжетном ходе повествование Т.А. Юрмановой близко к записанной в Пустошкинском районе Псковской области сказке *Про Ваню-Дураню* (см. № 98 (63)). В качестве дураков-простаков в

сказочном повествовании Т.А. Юрмановой выступают теперь уже разбойники, а Ваня-Дураня предстает в качестве дуракошута – героя, одолевшего разбойников волею обстоятельств, созданных как его «дурью» (дверью, которую он с собою втащил на дерево и не смог удержать, пришибло расположившихся под деревом разбойников), так и ловкостью (Ваня-Дураня отрезает язык разбойнику, попросившему попробовать меду).

Контаминация развиваемых в сказке мотивов придает занимательности повествованию, но приводит к некоторым художественным издержкам и несообразностям. Так сюжет 1009 *«Сторожи хорошенько дверь»* теряет свою комическую «изюминку»: герой снимает с петель и уносит с собой дверь не потому, что буквально понимает наказ «сторожить дверь» (‘беречь дом от проникновения воров’), что обычно для этого типа сказочного героя, а потому, что красивая дверь в доме Бабы-Яги ему понравилась; а косноязычие искалеченного Ваней-дураней разбойника (СУС 1143А) приводит к неправильному пониманию речи последнего и вследствие этого бегству его товарищей-разбойников, ранее по ходу сюжета уже убитых упавшей с дерева дверью.

№ 42. МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК. Зап. от Трифаженковой Людмилы Николаевны в п. Подберезье Подберезенск. вол. Локн. р-на Пск. обл. Записала: Н.П. Петрова. – ФА ПсковГУ, Локн. 2002 -2/426 л. 7–10 об., кассета Локн. 2002-1. 327В *Мальчик-с-пальчик у ведьмы*. Русских вариантов сюжета 327В по СУС – 21, из них псковских – 1; белорусских вариантов сюжета 327В по СУС – 10.

Л.Н. Трифаженкова указывает на то, что ее текст *«может и книжное напоминать, как и в книжке бывает «Мальчик-с-пальчик»*. Действительно, сюжет 327В в ее изложении близок к соответствующим текстам Ш. Перро и Л.Н. Толстого. Судя по некоторым деталям ее рассказа (Мальчик-с-пальчик – сын дровосека, золотые веночки на головах дочерей людоеда), имеющимся также в сказке Ш. Перро, но отсутствующим в обработке Л.Н. Толстого, источником для повествования Л.Н. Трифаженковой послужила сказка французского писателя.

№ 43. ПРО БРАТЬЕВ И ЧЁРТА. Зап. от *Балобиной Ирины Владимировны*, 1986 г. р., в г. Пскове. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 13. СУС 362* *Доброта черта*. В СУС сюжет 362 представлен семью, только украинскими, вариантами. Ср.: СУС 531 *Конек-горбунок*

И.В. Балобина слышала сказку в детстве в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. «*Эти сказки (см. №№ 56, 66, 152) мне рассказала Полозова Нина Васильевна, проживавшая в д. Новое Новосokolьничского р-на по соседству с моими бабушкой и дедушкой. Вечером, когда все в деревне выходили встречать скот с поля, мы, дети, тоже встречали его вместе с взрослыми, а чтобы скоротать время, пели, рассказывали стишки, сказки, часто ходили и к Нине Васильевне (они с мужем тоже встречали свою корову из поля и ждали, когда пойдёт стадо, сидя на поваленном грозой дереве у дороги напротив своего дома). Она угощала нас пряниками и рассказывала различные истории и сказки в обмен на стишок или песенку в нашем исполнении.*

Нина Васильевна умерла уже лет двенадцать назад, но некоторые из ею рассказанных сказок мне запомнились».

№№ 44, 45, 46. ПОВЕСТВОВАНИЯ О ПОКОЙНИКАХ.

№ 44. КАК ПОКОЙНИК К СВОЕЙ ВДОВЕ ХОДИЛ.

Зап. от *Сахаровой Полины Петровны*, 1930 г. р., в д. Усадище Спицинск. вол. Гд. р-на Пск. обл. Записали: И.В. Федорова, Е.В. Кузнецова. – ФА ПсковГУ, Гд. 2004, т. 2/145, № 18. Зин. ГП 1а *Покойник ходит после смерти, приходит домой, навещает родных*: ложится с женой.

Повествование на мифологический сюжет о муже-покойнике, навещающем жену, П.П. Сахарова относит к сказкам. См. комм. к № 41.

№№ 45, 46. СУС 365 Жених-мертвец: невеста оплакивает убитого жениха; он является к ней и увозит в могилу. Русских вариантов сюжета 365 по СУС – 15, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 365 по СУС – 8.

№ 45. ЖЕНИХ-МЕРТВЕЦ. Зап. от *Сахаровой Полины Петровны*, 1930 г. р., в д. Усадище Спицинск. вол. Гд. р-на Пск. обл. Записали: И.В. Федорова, Е.В. Кузнецова. – ФА ПсковГУ, Гд. 2004, т. 2/145, № 18.

В комментариях к материалам сборника «Мифологические рассказы русского населения Сибири» (Новосибирск, 1987. С. 322–373), где известный сюжет **Жених/муж-мертвец** (СУС 365, Зин. Г III 7) представлен пятью вариантами (№№ 391–395), в примечании к № 392 (указ. сб., с. 368) отмечается, что сюжет учтен в СУС как сказочный, и обращается внимание на привнесенный в текст сказочный элемент – дважды повторяющийся рифмованный вопрос «*Ты, невеста моя, не боишься меня?*» В другом сибирском тексте формула «*Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?*» звучит трижды (там же, № 393. С. 273–274). В варианте, записанном в Усв. р-не Пск. обл., эпизод с вопросом спутника героини повторяется дважды (*Луна-месяц светит, | Живой с мёртвым едет. | Ти страшно, ти не?*) (см. № 46).

П.П. Сахарова определяет рассказы о женихе-мертвце, являющемся к тоскующей о нем невесте и увозящем ее в могилу, и о муже-мертвце (см. № 46), навещающем по ночам свою вдову (Зин. Г III 1а), как сказку, присказку: *Вот и конец одной сказке* (№ 44); *Такую тоже присказку тоже говорила. То же самое: скучала очень, потом он грит...; Вот такие две сказки она [бабушка] рассказывала* (№ 45).

№ 46. МУЖ-МЕРТВЕЦ. Зап. от Громовой Ефросиньи Семёновны, 1907 г. р., в д. Борновалово Усвятск. с/с Усвятск. р-на Пск. обл. Записали: Н. Потапова, И. Шамкова. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 5/1657-58, № 23. Кассеты нет.

Вариант Громовой Е.С. по формальным признакам и некоторым деталям (наличие формул-повторов, петух, которого героиня заставляет петь раньше времени, чтобы избавиться от нечистого) ближе к сказке, чем вариант Сахаровой П.П. (№ 45). К сожалению, неизвестно, как сама рассказчица воспринимает жанровую природу своего повествования.

№ 47 (29). ХРОМОНОГАЯ УТОЧКА. Зап. от Беловой Екатерины Васильевны, 1913 г. р., в д. Коломно Березовск. вол. Порх. р-на Пск. обл. Записали: Е. Николаева, Ю. Николаева, С. Иванова. – ФА ПсковГУ, Порх. 1997, т. 1/1125-26, № 53, кассета Порх. 97-1. СУС 402А*** *Девушка-уточка.* Редко встречающийся сюжет. В СУС отмечены всего 4 варианта. Из них русских – 2, псковских нет; белорусских нет.

В варианте порховской сказочницы характерный для сюжетного типа –402А*** мотив «Дед с бабой сжигают перья хромой девушки-уточки» отсутствует, в результате исчезновение девушки-уточки остается немотивированным, а сказка приобретает характер повествования о таинственном, загадочном происшествии: дед с бабой так и не догадываются, почему в их доме происходили, а потом прекратились чудеса.

Хорош начальный эпизод сказки, представляющий собою выразительную, живую сценку «Дед и баба в лесу», где они находят хромоногую уточку.

№ 48. ПРО КАМЕННОЕ ЦАРСТВО И СОЛДАТА ИВАНА. Зап. от Ковалевой Марии Ивановны, 1921 г. р., в п. г. т. Сосновый Бор Себ. р-на Пск. обл. Записала: И.А. Киселева. – ФА ПсковГУ, Себ. 2001, т. 1/ 1627, л. 25–29. СУС 410* *Окаменелое царство.* Русских вариантов сюжета СУС 410* – 11, белорусских – 2.

Вариант, усвоенный Ковалевой Марией Ивановной, очевидно, восходит к сказке «Окаменелое царство» из сборника А.Н. Афанасьева [Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 2. – М. 1957. – С. 353–355. № 273], о чем свидетельствуют сюжетная близость и некоторые словесные совпадения. Сравним, например: у Афанасьева: «Вот явился солдат, как следует – при форме, сделал ружье на караул и стал как вкопанный»; у М.И. Ковалевой: *Пришёл солдат к королю, всё как следовало, по форме одет и встал как вкопанный*; у Афанасьева: «Эта птица – мне родная сестра; много она творит всякого зла и на моё царство беду наслала – весь народ мой окаменила»; у М.И. Ковалевой: *«Эта птица, Иван, моя сестра родная. Яна на моё царство бяду наслала: весь народ окаменила!»*

№ 49 (30). АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК. Зап. от Котовой Пелагеи Федоровны, 1914 г. р., в д. Исаково Миритинич. с/с Локн. р-на Пск. обл. Записали: М. Никитина, Н. Сешко. – ФА ПсковГУ, Локн. 1982, т. 4/371-72, № 105. СУС 425С *Аленький цветочек.* Русских вариантов сюжета 425С по СУС – 19, из них псковских – 1 (Чернышев,12); белорусских вариантов сюжета 425С по СУС – 2.

В своих комментариях к сказке «Заклятый царевич» (Афанасьев, 276) В.Я. Пропп пишет: «Это знаменитая сказка, известная в мировой литературе под названием “Амур и Психея”. С.Т. Аксаков записал и издал ее под названием “Аленький цветочек”» (См., например, Аксаков С.Т. Аленький цветочек: Сказка ключницы Пелагеи // С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука. – М., 1962. – С. 298–317). В.Я. Пропп отмечает, что имеется ряд разновидностей этой сказки. Одна из них представлена коротенькой сказочкой «Ореховая веточка», записанной в Пушкиногорском районе Пск. обл. (Чернышев, 12), в которой аленький цветочек заменен ореховой веточкой, а заклятый добрый молодец, имеющий вид медведя, сразу по прибытии к нему девицы обретает человеческий облик.

Вариант П.Ф. Котовой при всей своей краткости близок к Аксаковскому и, возможно, к нему восходит. Во всяком случае, сказочница с ним явно знакома, может быть, по мультипликационной версии. Имеется ряд совпадающих деталей: и цветок, который, выпав у девицы из рук, прирос на старом месте и *зацвёл ещё пуще*, и просьба героини к невидимому хозяину показаться ей, и сомнения *зверя лесного, чуда морского*, и способ, каким он показывается девице, и его последствия (*перебёг он дорогу, она и сомлела*), и подведенные злыми сестрами часы, и сердце девицы, которое чувствует, что *время подходит уже* возвращаться к зверю лесному.

В отличие от сказки ключницы Пелагеи, где безобразный облик царевича есть следствие козней злой волшебницы, в варианте П.Ф. Котовой развивается мотив материнского проклятья, по-видимому, близкий к мотиву «неосторожное слово»: молодца прокляла мать, когда он *ещё в утробе был* (Ср.: СУС 813А *Проклятая дочь*; – 813А**** *Брат сестру (невестка свекровь) змеей назвал*; 813В *Проклятый внук (сын)*).

№ 50. КАК ПАРЕНЬ У ПОКОЙНОГО ДРУГА ГОСТИЛ. Зап. от Цветковой Мариш Петровны, 1952 г. р., в д. Подсевы Славк. вол. Порх. р-на. Пск. обл. Записали: И.И. Винокурова, Ю.В. Егоршина. – ФА ПсковГУ, Порх. 2006, т. 1/1149, № 104, кассета Порх. 2006-2. СУС 470 *В гостях у*

мертвеца. Русских вариантов сюжета 470 по СУС – 1, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 470 по СУС – 2.

Вариант М.П. Цветковой сюжетно близок к известному по сборнику А.Н. Афанасьева рассказу о пребывании героя в гостях у покойного друга, чью могилу он по давнему уговору посетил накануне собственной свадьбы (*Афанасьев*, 358). Не исключено, что текст из сборника А.Н. Афанасьева послужил источником для рассказчицы или для того, от кого он ею усвоен.

В.Я. Пропп выделяет тексты, подобные этому, в раздел «Рассказы о мертвецах», по-видимому, не считая их сказками. «Представление о том, будто в царстве мертвецов (горных духов и пр.) сто лет проходит как один миг, было широко распространено. Это нашло отражение в преданиях на разнообразные сюжеты» (*Пропп В.Я.* Примечание к № 358 // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текста и примечания В.Я. Проппа. Т. 3. – М., 1957. – С. 425)

М.П. Цветкова колеблется в ощущении жанровой принадлежности излагаемого ею текста. Начиная повествование как сказку (*Жили-были*), она вводит сравнение, разрушающее уверенность слушателя в том, что он услышит сказку, а не быль (*Жили-были, как в сказке, да, два друга*); по ходу изложения сюжета решает, что это все-таки сказка (*Выпили они – и ещё триста лет прошло. Сказка!*), а закончив, вновь в этом сомневается (*Вот такая история. Такая история. Может, сказка, может, вымысел какой-то..., а может, и правда было. Кто его знает?*).

Ср.: СУС 471А

Ср.: Стих о святом Антонии:

*Жил юный отшельник, он в келии молясь,
Священную книгу читал, углубясь.
В той книге прочел он, что тысяча лет,
Как день, перед Богом мелькнет и пройдет.
Монах впал в сомненье, стал думать о том,
Что тысячу лет не сравнять с одним днем.
Не верит, в священную книгу глядит
И видит, что в келью вдруг птичка летит.
Как яхонты перья, а пух как алмаз
Вся блестяет, сияет и прелесть для глаз:
Как яхонты перья, а пух как алмаз!
Когда же вдруг крылья она распахнет,*

*И в небе сокрылась: была, не была?
Вздохнул добрый инок, назад поспышал
Казалось ему: час в отлучке он был.
Но вот монастырь. Только чудно ему:
Ограда не та, недоступна яму.
За оградой новая церковь видна:
Дивится монах, отыкуда она.
Он стучит в ворота, привратника ждет:
Яму не знаком, прежде был ведь не тот!
Не пускает монаха в обитель яго,
– Ты чужой не видал я лица твоего,
И тебя я не знаю, – привратник я, – Нет:
Привратник здесь молод, ты стар уж и*

То радугой светит, то златом сверкнет!
 Прекрасная птичка, в полете легка,
 Быстрее и легче весны ветерка.
 Летать уж устала, у двери сидит,
 И радостно юный отшельник глядит,
 Неслышно подходит, молчит, недохнет:
 Лишь только схватить, а она вдруг
 вспорхнет!
 Она от няго, а отшельник за ней,
 И вот он выходит из кельи своей,
 Идёт за ограду и полем идёт,
 А птичка все свищет, как будто зовет,
 Туда и сюда над цветами кружась,
 Как звездочка в воздухе светит, носясь.
 Но вот монастырь за пригорыком исчез,
 А инок за птичкой идет в тень древес.
 И с ветки на ветку все птичка вперед,
 Порхает, летает и сладко поет.
 На дуба вершину присела она,
 И пеньем чудесным вся роща полна!
 Расстроенный сердцем, в восторге душой,
 Внимает безмолвно монах молодой,
 И миг наслажденья боясь потерять,
 Миг каждый он ловит и жаждет внимать.
 Забылся, отрадно забвенье его,
 Не слышит, ня видит вокруг ничего.
 Вдруг пенье умолкло, опомнился он:
 Где ж птичка-певичка? Исчезла как сон.
 А птичка взвилась, как будто стреля,
 Боится: уж он опаздает в пути,
 Что к обедне ждот его, пора бы прийти!

сед!
 Я вышел отсюда ня более как час,
 Чаго же здесь новый привратник у нас?
 Или Спасов не здесь монастырь? – Он и
 есть!
 – Так пойдн же к иуумену, дай о мне
 весть!
 Дивится привратник, иуумена зовёт
 И вот за иууменом весь причет идёт.
 Монах перед ним преклонилсн лицом,
 Но только иуумен яму не знаком!
 Из братии так же знакомого нет:
 Он смотрит, он ищет, своих не найдет!
 Монах приключенья свои рассказал,
 Ему с удивленьем весь причет внимал.
 И мудрый иуумен пришелица спросил,
 Какое он имя меж братии носил?
 – Антонием назван в монашестве я,
 При мне был иуумен отец Илия.
 И все изумилсн, по книгам глядят –
 Нашли имена их лет триста назад!
 – Антоний здесь в день Пасхи без вести
 пропад,
 Так писано в книге – иуумен сказал.
 «Един Бог, чудеса!» – так монах повторил
 И вдруг пред всеми свой лик изменил:
 В нем виден был старец, взор юный угас:
 Пред ним триста лет миновали, как час.
 Он пал и молился. Два дня протякли –
 Почил он, и с честью его погрябли.

(Зап. от Мишенникова Терентия Григорьевича, 1901 г. р.,
 Мишенниковой Александры Никитичны, 1914 г. р., в д. Острова
 Щиленск. с/с Порх. р-на Пск. обл. Записали: Н.П. Осипова, С.Н.
 Мухина. – ФА ПсковГУ, Порх. 1980, кассета Порх. 1980-1;
 МГН-23).

В основе сказок №№ 51 (31), 52 (32), 53 (33), 54 (34), 55
 (35), 56 сюжет 480 *Мачеха и падчерица*, один из самых
 популярных у восточных славян (СУС: 16).

№ 51 (31). *МАЧЕХА, ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА*. Зап. от
 Васильевой Пелагеи Семеновны, 1912 г. р., в д. Лысая Гора
 Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: М. Александрова,
 Л. Зефирова. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 2/1682-83, № 14. СУС
 480 + (480С**) *Мачеха и падчерица*. Русских вариантов сюжета
 480 по СУС – 38, из них псковских – 1 (Чернышев, 25);

белорусских вариантов сюжета 480 – 11. Русских сюжетов 480С** по СУС – 5, псковских нет; белорусских – 11.

Текст, записанный от П.С. Васильевой, относится к циклу сказок о мачехе и падчерице, включающему в себя несколько сюжетных разновидностей. Данный, усвятский, вариант, с одной стороны, близок к типу 480, к которому относится, в частности, знаменитая сказка «Морозко»: падчерица вознаграждена за доброжелательный, а мачехина дочка наказана за грубый ответ. Характерны для типа 480 и эпизоды с печением блинов мачехой и тявканьем собачки, сообщающей о триумфе падчерицы и позоре мачехиной дочери. С другой стороны, повествование П.С. Васильевой содержит в себе след сюжетного мотива, близкого к характерному для сказок типа СУС 480С**: падчерица трясет за хвост петуха, что исконно было, по-видимому, способом заставить его запеть в неурочное время и тем избавиться от черта. Ср.: СУС 480С**, где падчерица заставляет черта носить ей по одной разные вещи и проводит время до пения петухов.

В сказке П.С. Васильевой петушку приданы черты волшебного предмета, тайну действия которого героине открывают черти: *Наташа, по их совету, петушка потрясла за хвост – и сразу платье стало в ней золотое, башмаки шеребряные*. Однако и обережные функции петушка не совсем исчезли из сказки. Падчерица вознаграждена за вежливость и доброжелательность, но необходимым условием при этом оказывается и наличие у нее петушка: черти *уходят* и, уходя, дают падчерице нужный совет. Наташа и вести себя умеет, и про оберег знает. Родная дочь мачехи не выдерживает испытания: она грубит пришельцам и *про петушка не знала* – и наказана.

Мотив «Черти в облике парней приходят к падчерице», очевидно, навеян распространенной бывальщиной о чертях, явившихся на девичью посиделку.

№ 52 (32). МОРОЗКО. Зап. от Селезнёвой Фаины Евстафьевны, 1915 г. р., в д. Федяково Успенск. вол. Беж. р-на Пск. обл. Записала: О. Петрова. – ФА ПсковГУ, Беж. 1993, т. 1/13, № 36. СУС 480 *Мачеха и падчерица*.

Любопытная попытка соединить в одно повествование два разные варианта сюжетного типа 480. В одном из них персонажем, испытывающим героиню сказки, является Морозко, в другом – лошадиная голова. Последнее, как отмечает СУС:140, характерно для украинских сказок. К сожалению, неопытным собирателем не задан вопрос об источнике сказки, недостаточны для прояснения этого вопроса и биографические сведения об информанте.

Надо признать, что органичного слияния двух различных вариантов сказки в одном сюжете не произошло и не могло произойти: Морозко и Кобылячья голова украинской сказки – функционально один и тот же персонаж, «даритель», по терминологии В.Я. Проппа (см.: Морфология сказки // Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки (Собрание трудов В.Я. Проппа) / Комментар. Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой. Составление, научн. редакция, текстолог. коммент. И.В. Пешкова. – М., 1998. – С. 33), они взаимозаменяемы и потому взаимно исключают друг друга.

№ 53 (33). СКАЗКА ПРО ДВУХ ДЕВОЧЕК И МЕДВЕДЯ. Зап. от Буйко Василия Петровича, 1929 г. р., в д. Городище Артёмовск. вол. Нев. р-на Пск. обл. Записала: Е. Буйко. – ФА ПсковГУ, Нев. 2000, т. 1/622-23, № 5, кассета Нев. 2000-3. СУС 480=АА 480*С *Мачеха и падчерица* + (480А*) *Сестра отправляется спасать своего брата*. Русских вариантов сюжета СУС 480 = АА 480*С по СУС – 24, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 26); белорусских вариантов сюжета СУС 480 = АА 480*С по СУС – 11. Русских вариантов сюжета СУС 480*С по СУС – 12, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 480*С по СУС – 8.

Обычно за характерным для типа СУС 480 = АА 480*С испытанием падчерицы и родной дочери медведем (игра в жмурки или в прятки) непосредственно следует награда или наказание им девушек. Так это, например, и в близких к нашему текстам сказок, записанных от русского населения в Прибалтике (Фольклор русского населения Прибалтики. – М., 1976. № 84 «Кто в лесу, кто в бору»; *Fjodorovs F.*, red. *Krievu folklora Daugavpils Universitātes student pierakstos* (1963–1991). – Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”,

2008. 416 lpp. – С. 54–56. № 16). В варианте В.П. Буйко прекрасные наряды и добро девушки не получают в награду за выдержанное испытание, а похищают у медведя, нарушив запрет ходить туда, *«где лыком завязано и глиной замазано»*. Далее сюжет развивается по типу СУС 480А*. Медведь преследует сначала одну, а потом другую похитительницу. Падчерица внимательна к просьбам встретившихся на ее пути коней, коров, овец, дуба; они помогают ей спастись от медведя (ср.: *Афанасьев*, № 113 *Гуси-лебеди*: печка, речка, яблонька спасают бегущую от Бабы-Яги девочку, выполнившую их просьбы). Родная дочка, не уважившая ни одной просьбы, выдана медведю и съедена им.

В даугавпилсском тексте в роли испытателя выступает не медведь, а волк, причем, в отличие от двух других вариантов, зверь не призывает на ночлег в лесную избушку того, *«кто в лесу, кто в бору»*, а каждый раз является на призыв поочередно завезенных дедом в лес девочек (*«Кто в лесу, кто в бору! | Идите ко мне ночку ночевать, горю помогать!»*) Отзывается волк: *«Я в лесу. Я в бору; иду к тебе ночку ночевать, горю помогать!»*).

Любопытно, что в сказке В.П. Буйко девочка, героиня сказки – неродная дочка не только для бабы, но и для деда, который, в отличие от бабы, ее жалеет; а после гибели родной дочки, не выдержавшей испытание на внимание, уважительность, готовность услужить тем, кто в этом нуждается, неродная дочка обретает любовь приемных родителей (*Так девочка та и не вернулась. Дык тую, няродную, дужа жалели тогда! Дужа жалели!*).

Формула, характеризующая постель, которую героиня сказки, отозвавшаяся на призыв медведя *«Кто в лесу, кто в бору, кто придет ночку ночевать?»*, стелет по его требованию, зафиксирована как сказочная (*Ряд камня, | Ряд полення, | Ступу в голову кладу!*) и как песенная. Из трех имеющихся в ФА ПсковГУ песенных текстов, содержащих эту формулу, два, из Усвятского района, календарно приурочены; сведения о календарной приуроченности третьего, из Печ. р-на, отсутствуют: *«Перед Пасхой играют: Как на горушке, ны горы, | Ды й ны правой стороны | Там посеяли девки лен, | Там посеяли*

девки лен. | *Не вродився лён в конопли, | Не вродився лён в конопли, | У тых ли кыноплях соловьи. | Там соловушки дробные | Поють песенки добрые. | А мене мысле бярьть, | Что за старого замуж отдаеть. | А я старого не люблю, | Я й пастелюшку пастелю. | Я й и в два ряду каменья, | Я й и в третий ряд полення, | Ай, в голóвы положу | Я й колодычку дубоваю, | Я й накрою яго кырою, | Я й кырою яво яловую* (Зап. от Пискуновой Екатерины Артемьевны, 1913 г. р., и Закревской Ульяны Ивановны, 1903 г. р., в д. Щепуново Церковищенск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: В. Колосова, Е. Куранда, Е. Кушаковскя. – ФА ПсковГУ, Усв. 1978, Т. 6/1677, № 7); «*Песня талотныя, вясенняя: А я старага не люблю, | А я й стараму дакарю, | Пастелю мяхкую пастялю: | Да в три ряды каменья, | А в чатывёртый ряд паленья, | А в галову яму калоду, | А накрою яво карою: | «Ляжи, черт старый с барадою!» – Во, какая пастель мягкая! Так яму, стараму!»* (Зап. от Кудрявой Дарьи Андреевны, 1908 г. р., в д. Каревино Церковищенск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Л.В. Зефирова, Н.П. Кондратович. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 2/1682, № 96); «*Про старого мужа постель постелю: | В три ряда каменья накладу, | В четвёртый ряд крапивы настелю*» (Зап. от Керы Евгении Владимировны, 1954 г. р. в д. Смолянка Паниковск. с/с Печ. р-на Пск. обл. Записали: Г. Зарева, Е. Рогова. – ФА ПсковГУ, Печ. 1981, т. 2/972, № 115).

№ 54 (34). РЕЧКА СЛЕЗ. Зап. от Ивановой Гликерии Степановны, 1912 г. р., в д. Лобок Лобковск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: М. Гальчинская, С. Овсянникова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 12/467-68, № 41, кассета Нев. 87-5. СУС (480) **Мачеха и падчерица** + 707 **Чудесные дети**. Русских вариантов сюжета 480 по СУС – 38, из них псковских – 1 (Чернышев, 25); белорусских вариантов сюжета 480 – 11. Русских вариантов сюжета 707 по СУС – 78, из них псковских – 1 (Чернышев, 18); белорусских вариантов сюжета 707 по СУС – 30.

Сказка представляет собой соединение двух сюжетов. Начало ее строится по типу 480. Характерный для цикла сказок о мачехе и падчерице эпизод испытания героини персонажем-дарителем (Морозко, лешим, чертом, медведем) в сказке отсутствует. Вместо него введен мотив, играющий связующую

роль, объединяющий два сюжета в одном повествовании. Это мотив чуда, представляющий собою гиперболу горя: от слез покинутых отцом дочерей прямо к царскому дворцу протекает речка, следуя по берегу которой царские слуги их находят, и одна из девушек становится женой царя.

Вероятно, здесь не обошлось без влияния песенного фольклора. Образ ручья/реки слез как гиперболы горя характерен для песенной лирики, а в близком варианте (следование за героиней по берегу реки, протекшей от ее слез) – для свадебных песен:

*Тёмная мгла к зямле прилягла,
Дявчонка слёзы пролила,
Слёзы пролила – речка протекла.
За ей братетки крутым бережкам,
За ей сястрички желтым пяскам:
– Постой, сясница, поговорим с тобой!
– Рада б постоять – коней не вдержать,
Рада б поговорить – милый ня велить!*

(Зап. от Фальковской Анны Петровны, 1906 г. р., место рождения – д. Панкры (Белоруссия), с 1926 года жила в д. Палкино Лобковск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Т. Сакович, В. Степанова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1988, т. 2а/584-85, № 33г).

Дальнейшее повествование развивается по типу 707 **Чудесные дети** и обнаруживает знакомство сказочницы с пушкинским «Царём Салтаном».

Оба сюжета (480 и 707) популярны у восточных славян. Однако соединение их в одном тексте не относится к распространенным (см.: СУС: 395–397).

№ 55 (35). РУЧЕЁК СЛЕЗ. Зап. от Николаевой Натальи Яковлевны, 1902 г. р., в д. Пузырьково Любимовск. с/с Оп. р-на Пск. обл. Записал: А.Е. Николаев. – ФА ПсковГУ, Оп. 1982, т. 1/745, № 112. СУС (480) **Мачеха и падчерица.**

Сказка Н.Я. Николаевой близка к варианту Г.С. Ивановой (см.: № 54 (34)): по ручейку, протекающему от слез покинутой в лесу падчерицы, ее находят царские слуги и приводят во дворец. Но есть существенное различие, обусловившее иное, чем у Г.С. Ивановой, развитие сюжета во второй половине сказки: падчерица не становится, как

следовало бы ожидать, женой царя или царевича, а во дворце ее *приютили, переодели, дали комнату и няню. И стало ж сильно ей жить хорошо!* Такое завершение первой части повествования связано, по-видимому, с ориентацией сказочницы на детского слушателя.

Как и полагается для типа 480 *Мачеха и падчерица*, в сказке Н.Я. Николаевой в сходную ситуацию ставится и родная дочь мачехи: ее отвозят в лес на то же место, что и ранее падчерицу. Несмотря на то, что в сказке Н.Я. Николаевой, как и Г.С. Ивановой, отсутствует персонаж-даритель, испытывающий девушек, оба эпизода (с падчерицей и родной дочкой мачехи), следуя друг за другом, приобретают характер испытания: простодушная, искренняя в своем глубоком горе падчерица вознаграждается; корыстолюбивая мачеха и ее дочка наказаны: нет искреннего горя, нет и чуда; никто не узнаёт о родной дочке мачехи, никто не спешит к ней на помощь – в глухом лесу ее съедает медведь.

№ 56. ПРО ПАДЧЕРИЦУ И МАЧЕХИНУ ДОЧКУ.

Зап. от Юрмановой Тамары Андреевны, 1953 г. р., в д. Житково Руновск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 31, кассета Н-Сок. 2010-3. СУС 480* *Мачеха и падчерица*. Русских вариантов сюжета 480* – 14, белорусских вариантов сюжета 480* – 6.

Вариант Т.А. Юрмановой, судя по всему, восходит к тексту сказки «Бабушка/Госпожа Метелица» из сборника братьев Гримм (см: *Гримм Я., Гримм В. Сказки* / Пер. с нем. Г. Петникова. – М., 1978. – С. 82–84. № 24). Об этом свидетельствует, в частности, пояснение рассказчицы: *А перину вот это... взобьёт – это значит, снег падал на землю людям, укутывал землю.*

Повествовательная манера Т.А. Юрмановой отличается эмоциональностью, стремлением передать настроение и характер персонажей: *лень, грубость и наглость мечехиной дочки (Во-о-от ещё! Буду я пачкаться! Пирог вытаскивать! – Обойдётся!; Бабка! Наряжай меня, как от была до тебя Алёнка, наряжай меня точно так же! Всё! Я уже соскучилась! К матери хочу!)*, гнев, иронию и скрытую угрозу бабушки-

дарительницы, собирающейся проучить грубиянку (*Ах так!? Ты уже устала?! Соскучилась?! Ну, пойдём, дорогая! Пойдём!*).

№ 57 (36). ГРУСТНАЯ СКАЗКА ОБ АЛЁНУШКЕ. Зап. от Горбачевой Анастасии Алексеевны, 1912 г. р., в д. Пыги Усть-Долысск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: О. Бачурина, Е. Ефимова, Н. Иванова, С. Урм. – ФА ПсковГУ, Нев. 1984, т. 13/470-71, № 57, кассета Нев. 1984-16. СУС 511 **Чудесная корова**. Сюжет распространен у восточных славян (СУС. С. 16). Русских вариантов сюжета 511 по СУС – 23, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 511 по СУС – 17.

В варианте А.А. Горбачевой присутствуют основные моменты сюжета, свойственные сказкам типа 511 (наиболее известная из них – «Крошечка-Хаврошечка»). Однако в ее повествовании ощущается некоторый налет рационализма, волшебный вымысел несколько приземлен.

№ 58 (37). СИВЧИК-БУРЧИК. Зап. от Горбачевой Анастасии Алексеевны, 1912 г. р., в д. Пыги Усть-Долысск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: О. Бачурина, Е. Ефимова, Н. Иванова, С. Урм. – ФА ПсковГУ, Нев. 1984, т. 13/470-71, № 56, кассета Нев. 84-16. СУС 530 **Сивко-Бурко**. Относится к самым популярным восточнославянским сказочным сюжетам (СУС: 16). Русских вариантов сюжета 530 – 60, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 530 – 14.

В варианте А.А. Горбачевой обычное для сюжетного типа 530 начало с мотивом смерти отца и его завещания сыновьям приходить на его могилу по очереди в течение трех дней отсутствует. Вместо него в начале сказки разрабатывается мотив чудесного вора (им оказывается Сивка-Бурка), потравившего овес.

№ 59 (38). СИВКА-БУРКА. Зап. от Алексеенковой Ефросиньи Ивановны, 1914 г. р., в д. Колпино Новой вол. Пуст. р-на Пск. обл. Записала: А.А. Пузыня. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1999, т. 1/1415, № 39, кассета Пуст. 99-1.

Вариант, записанный от Е.И. Алексеенковой, имеет то же начало, что и соответствующая сказка А.А. Горбачевой (см. № 58 (37): Сивка-Бурка, потоптавший крестьянскую пшеницу и пойманный Иваном-дураком, просит Ивана-дурака отпустить его на свободу, обещая за это сослужить ему службу. Наличие

двух вариантов с одинаковым началом дает основание предполагать, что такое начало сказки типа 530 **Сивко-Бурко** характерно для фольклорной традиции двух близко расположенных волостей Нев. (Усть-Долыссск. вол.) и Пуст. (Новая вол.) р-нов Пск. обл.

Принадлежностью к единой традиции и общностью ее современного состояния, по-видимому, объясняются и другие сходные черты. В обеих сказках Иван-дурак с первой же попытки достигает цели – доскочить до царевны и снять с ее руки кольцо. И там, и там отсутствует эпизод узнавания царевной суженого в Иване-дураке. В обоих текстах в полном, развернутом виде представлены одни и те же традиционные сказочные повествовательные формулы. Их две: вызов чудесного коня («*Стань передо мной, как лист перед травой!*») и концовка сказки («*И я там была, и мед и пиво пила, по усам текло – в рот не попало*»).

№ 60 (39). СИВКА-БУРКА. Зап. от *Артемович Валентины Викентьевны*, 1910 г. р., в д. Букатино Глембочинск. с/с Себ. р-на Пск. обл. Записали: Ж. Омельчук, И. Стельмах. – ФА ПсковГУ, Себ. 1989, т. 1/1593–1а/1595, № 61. СУС 530 **Сивко-Бурко** + (532) **Незнайка** + 530А **Свинка золотая щетинка**. Русских вариантов сюжета 530 по СУС – 6, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 530 по СУС – 14. Русских вариантов сюжета 532 по СУС – 68, из них псковских – 1 (*Молдавский – Бахтин*. С. 44–56 = *Молдавский*, 1990. С. 47–59); белорусских сюжетов 532 по СУС – 9. Русских сюжетов 530А по СУС – 42, псковских нет; белорусских сюжетов 530А по СУС – 4.

Текст свидетельствует о любви сказочницы к длинному занимательному повествованию. Соединение сюжета 530 **Сивко-Бурко** с 530А **Свинка золотая щетинка**, который часто служит продолжением сказки, относится к распространенным (СУС: 150, 396). Такое, обычное, усложнение текста **Сивко-Бурко** не устраивает себежскую сказочницу. Она включает в середину повествования еще один сюжетный ход, характерный для типа 532 **Незнайка**: герой трижды инкогнито спасает царство от вражеского нашествия, что, несомненно, прибавляет занимательности сказке, но при этом не все концы с концами

оказываются связанными: только что переживший признание и триумф спаситель царства в следующем сюжетном ходе (530А) вновь предстает презираемым всеми Иваном-дураком, в возможности которого никто не верит и о возможностях которого никто не догадывается.

Выстраивая занимательный рассказ, В.В. Артемович обнаруживает свое знакомство с богатырской сказкой. Так, эпизод с откармливанием осилка (вражеского богатыря) перед боем и с попыткой осилка запугать Ивана-дурака перед схваткой тем, сколько его враг за один присест выпивает и съедает (двенадцать бочек вина, двенадцать волов, двенадцать печей хлеба), а также ответ ему Ивана (*«Так ты обжорливая корова! А я, – говорит, – стаканчик винца и кусочек хлеба! А воевать попробуем!»*), представляет собою удачный, органичный сплав мотивов, характерных для сюжетного типа 650*С *Илья Муромец* (Илья и Идолище) и типа 650Д* *Алёша Попович и Тугарин Змеевич*.

Свое повествование В.В. Артемович ведет обстоятельно, с любовью к подробностям, с соблюдением всей характерной для волшебной сказки обрядности.

Сказка В.В. Артемович содержит весьма архаичную деталь, прозрачно указывающую на связь с загробным миром диковинок с золотыми атрибутами (см.: *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки (Собрание трудов В.Я. Проппа / Научн. редакция, текстолог. коммент. И.В. Пешкова). – М., 2000. – С. 245–246): герой потому с легкостью добывает козу-золотые рога, свинку-золотую шерстинку, что они предназначены ему его покойным отцом, встающим из могилы.

По-видимому, также имеет архаические корни и, очевидно, генетически связан с представлениями о вредоносной магии и способ расправы Ивана-дурака с вражеским войском, которое он побеждает не с помощью меча-самосека или волшебной дубинки, как это характерно для «канонической» сказки, а как бы перечеркивает его метлой, которую, по совету Сивки-Бурки, окунул в навоз (*«Тьфу, – говорит конь. – Это не служба, а службишка! Сейчас помочи метлу в навоз!»* И когда выстроилось войско, Иван поехал вдоль него и повел метлой по одной стороне и по другой – и побил всех до единого!»). В Пск.

р-не Пск. обл. в 2006 году была записана быличка, в которой метлой, смоченной навозом, ведьма перечеркнула крест-на-крест стену хлева своих соседей, после чего у них погибла и больше не велась скотина (к сожалению, текст утрачен). Есть сведения из Н-Сок. р-на Пск. обл. о ведьме, которая ходила по деревне и с целью навредить ставила навозом кресты «наискосок» на дверях односельчан (Зап. от *Масловской Екатерины Филимоновны*, 1928 г. р., в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 42).

Попали в сказку и некоторые реалии и характерная лексика наших дней: *Царевна повешала объявление такое: она будет на третьем этаже...*, царевна обносит гостей *водкой: сначала генералам да адмиралам, __полковникам, всем военным, потом служащим, потом крестьянам...*; чтобы удержать добра молодца, собрали *военную часть*; «*Мы ешию не созрели, чтобы нам высоко скакать*»; *посылает он в то государство такие сведения; опять к царю претензия; кобылица выскочила из ямы и стала подчиненной Вани.*

№ 61. ПРО ЖАР-ПТИЦУ. Зап. от *Жарской Евгении Ивановны*, 1928 г. р., в д. Прискуха Самолуковск. вол. Локн. р-на Пск. обл. Записала: И.А. Панасова. – ФА ПсковГУ, Локн. 2007, т. 1/431, № 21, кассета Локн. 2007-1. СУС 550 *Царевич и серый волк*. Русских вариантов сюжета 550 по СУС – 30, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 22); белорусских сюжетов 550 по СУС – 7.

Всемирно известная сказка. В русской литературе XIX века имеются две ее обработки, созданные Н.М. Языковым (1835) и В.А. Жуковским (1845) (*Пропн В.Я.* Примечания // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 т. – М., 1957. – С. 505. № 168).

В отличие от записанной в 1927 году В.И. Чернышевым в д. Лугóвки б. Пушкинского р-на Пск. губ. сказки «Об Иване-царевиче и жар-птице», текст которой весьма далек от известного по сборнику А.Н. Афанасьева, вариант, записанный от Е.И. Жарской, при всем своеобразии, более близок к последнему (см.: *Афанасьев*, № 168).

В волшебной сказке герой по имени Иван – либо Иван-царевич, как это характерно для сюжета СУС 550 *Царевич и серый волк*, либо Иван-дурак, как в сюжете СУС 530 *Сивка-Бурка*. Герой сказки Е.И. Жарской – Иван-царевич и Иван-дурак в одном лице, что, по-видимому, явилось результатом влияния сюжета *Сивка-Бурка* в том его варианте, где, как и в сказке Е.И. Жарской, в завязке присутствует мотив чудесного вора (см. №№ 58 (37), 59 (38) настоящего сборника).

В отличие от «канонической» волшебной сказки, в которой герой, чтобы изменить облик, ударяется о сыру землю («Серый волк... ударился о сыру землю и стал прекрасною королевною Еленою», *Афанасьев. Т. I. С. 420*), в локнянском варианте серый волк рядится Василисою Прекрасною, надевая ее одежды: *«А теперь я одеюсь в Василису Прекрасную!»* Снял [с н]её [одежды], оделся. *«Я, – говорит, – потом вас догоню, а вы садитесь и поезжайте!»* А Василиса Прекрасная голышом, только трусики. Трудно сказать, является ли вариант с ряжением серого волка следствием позднейшей тенденции к обытовлению волшебного в сказке или же отражением архаических представлений о ряжении как превращении, как это имеет место в мифологических повествованиях Нижегородского Поволжья, где «рядиться», «нарядиться», «оборачиваться», «превращаться», «делаться» – слова одного синонимического ряда: *«Раньше-то оборотнями рядились. У нас их в селе много было. Жила у нас женщина с двумя девочками. А одна тут рядилась. Женщина видела, как она из дома вышла. «Вон, – говорит, – Лукерьюшка пошла». Хват, а эта Лукерьюшка идёт волком. Девчонки-то испугались да закричали, а мать говорит: «Не бойтесь, это Лукерьюшка нарядилась»* (Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. – СПб., 2007. – С. 253, № 1073); *«Свиньями рядились. И колёсами делались. Во что угодно делаются. Вот парень идет, а оно-то и покатилося (колесо). Он его схватил и верёвочку через каждую спицу провязал, и на амбар забросил. Приходит домой, а мать на печи лежит – стонет.*

– Что там, мама?

– *Вот что ты мне сделал: сквозь каждое рёбрышко верёвку просунул...*» (Там же, № 1075). См. также: там же, с. 252, № 1064; с. 255, № 1084; с. 256, № 1088.

Рудимент архаических тотемистических представлений сохранился в эпизоде оживления убитого коварными братьями Ивана-царевича, где волку приданы черты повелителя зверей и птиц: *«...волк из-за куста выскочил, покричал, посвистел – слетелись птички. Он и говорит: «Слушай, полети туда-то, возьми водички живой и мертвой у того родничка, принеси два пузырьёчка!»*

Некоторая спутанность эпизодов «Герой на распутье» (выбор пути) и добывания Василисы Прекрасной, очевидно, результат забвения сказочницей текста.

Обычная для завершающегося «пиром на весь мир» сказочного повествования концовка осовременена: *И я там была, водку (вместо мёд-пиво) пила, по усам текло, а в рот не попало.*

№ 62 (40). ЕСТЬ ЛИ ПРАВДА НА СВЕТЕ. Зап. от Котовой Пелагеи Фдоровны, 1914 г. р., в д. Исаково Миритиницк. с/с Локн. р-на Пск. обл. Записали: М. Никитина, Н. Сешко. – ФА ПсковГУ, Локн. 1982, т. 4/371-72, № 104. СУС 613 *Правда и Кривда*. Один из наиболее распространенных сюжетов в сказках восточных славян. Русских вариантов сюжета 613 по СУС – 31, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 41); белорусских вариантов сюжета 613 по СУС – 15. «Сказка эта популярна... и во всем мире. Сюжет ее обнаружен на древнеегипетском папирусе <...> интересна тем, что в ней прямо и непосредственно выражена известная философия, что в сказке встречается довольно редко, так как философия ее вытекает обычно из сюжета и характера действующих лиц, но никогда прямо не высказывается» (*Пропп В.Я.* Русская сказка // Собрание трудов В.Я. Проппа / Научн. редакция, комент. Ю.С. Рассказова. – М., 2000. – С. 262).

В сказке типа 613 слепой правдолюбец, которому приверженец Кривды *выкапывает* глаза, случайно подслушав разговор чертей, узнаёт, как вернуть себе зрение и как исцелить царевну. В большинстве опубликованных сказок типа 613 герой получает в награду руку царевны, что и отражено в описании

сюжета в СУС. Но иногда, как в варианте П.Ф. Котовой, мотив брака с царевной отсутствует. В любом случае Правда торжествует, а Кривда наказана. *«Правда есть правда»*, – завершает повествование локнянская сказочница.

Любопытно, что целебным средством у П.Ф. Котовой оказываются не традиционные чудесные трава, вода, земля, ягоды и т.п., а вполне современные *пузырьки с лекарством*, которые тем не менее добываются вполне сказочным образом: герой выкапывает их из земли, отсчитав положенное количество шагов от дуба, под которым собирались нечистые.

В повествовании имеется неувязка: сторонник Кривды, завидуя счастью своего оппонента, хочет так же вылечить царскую дочь, хотя по ходу действия она уже излечена правдолюбцем.

№ 63 (41). МАРКО БОГАТЫЙ. Зап. от Ганнибаловой Марии Михайловны, 1919 г. р., в п. Дедовичи Дед. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Площук, С. Павлова, Е. Травкина. – ФА ПсковГУ, Дед. 2001, т. 6/204, № 45, кассета Дед. 2001-1. СУС 652 *Счастливое дитя*. Прекрасный вариант международного сказочного сюжета. Известен в шведских, датских, ирландских, сербохорватских, польских и словенских вариантах (см. об этом: Еремина В.И. Комментарий // Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступит. ст. и комментарии В.И. Ереминой. – СПб., 2008. – С. 559, № 61 *«Мать робенка съела»*). Русских вариантов сюжета 652 по СУС – 7, из них псковских – 1 (Чернышов, 5); белорусских вариантов сюжета 652 по СУС – 1.

Дедовичскую сказочницу отличает спокойная, сдержанно-эмоциональная, обстоятельная, с соблюдением традиционной сказочной обрядности манера повествования: *Марко Богатый поплакал-поплакал, потужил-потужил...; Едут-едут, приехали к одной дядевне; «Сырая зямля, разройся! Гробовая доска, откройся! Мамушка, встань такая живая, как ты и была!» Земля разрылась, гробовая доска открылась, мамушка встала такая, как и была; И я там была, мёд-пиво пила, по усам тягло, в рот не попадало.* Вместе с тем привычные сказочные формулы в ее повествовании несколько видоизменяются: укорачиваются, распространяются, комментируются: *Ня слыхывал и ня видывал на своем веку,*

чтобы пёс жрал жар; Ну, долго ль, мало, проехали до явонной дрявни; Малый Юнош растё не по дням, не по часам, а по минуткам, Малый Юнош уже вон куда поднялся, покуль оны ехали!

Сходный вариант сказочной формулы повествования о быстром росте героя встретился в тексте из д. Рукóво Бояринск. вол. Себ. р-на: *«Он рос по часам и минутам, а не по годам» (Жена царевича и завистливые сестры (СУС 707 Чудесные дети).* – ФА ПсковГУ, Себ. 1991, т. 3/1614, № 14 кассета Себ. 1991-5).

Несколько диссонируют с традиционным текстом современная мотивировка отлучки Марко Богатого из дома (ему *надо ехать куда-то в командировку*) и современное устойчивое выражение, которым сказочница передает изумление толпы происходящим на ее глазах чудесам: *Все смотрют, что ж это за кино такое?*

Мария Михайловна Ганнибалова родилась в д. Заполье Красногорской волости Дед. р-на Пск. обл. Росла в большой, трудолюбивой и талантливой семье. Мария Михайловна рассказывает: *Раньше были сундуки такие [для приданого] высокие, выкрашенные. Это мой дедушка сам всё делал. Мой дедушка был на все руки от скуки. Только что́ он ня сумел сделать! И папа тоже. Он на крылосе пел в церквах-то... Мама очень рукодельная была... Вот «похвальные» полотенца – которым избу украшали во время свадьбы, и вот назывались похвальным, свадебным. Таких тридцать полотенцев у мамы было! Это вот вокруг вярёвка натянута [по стенам]. И приходят молодых глядят и приданое глядят <...> Приходит молодёжь с других дерявень. И уже потом нявесты это надоядают: все с этой вышивки рисунок снять... это [узоры для тканых салфеток и вышивок] было в мамы со своей головы придумана.*

Рукодельница, в маму, и сама Мария Михайловна (*Ручки в мяня от мамы оставиш*). Скатерти, салфетки, покрывало на кровати, подзор, прошвы на наволочках в ее комнате в общежитии, где жила она в последние годы своей жизни и где мы ее и застали, – все связано, вышито руками Марии Михайловны. *Я в Горках когда посялилась, то ходили всё равно*

как в цирк глядеть. И цвяты у мяня навязан, и грибы, и вазы связан...

У мяня было пять тёток, маминых сясётёр. И все были песнохорки.

И сама Мария Михайловна в молодости была душой компании, хотя строгая мама долго не пускала ее на гулянья: (№ 53 (33)) ...только девятнадцати год мама пустила мяня на улицу первый раз. И то всей дяревней дявчонки с мальчишкам выпросили.

– Ложись спи: уставиш, нечего делать!

– Ня уставиш! Пусти, мама!

– Люди нарядивши, а ты?

– Ну и что, что?

Вот так я и жила.

– Ну, и на гулянях на брёвнах, говорите, сидели?

– Да.

– А Вы сказки рассказывали?

– И сказки рассказываю, и анякдоты говорю... частушки им пою, всяким разным, песни всякие долявые учу... Как раньше «Дуняша», раньше «Дуняшу», вот, на гулянках заводили, называлась «Дуняша».

*Вот гармонист идё. Придёшь на гулянье, бабы скажут: «Коль, Мань! Заводите гулянье!» Ну, гулянье завядём... А частушек в мяня три мешка неразвязанных. Много! Только силы нет петь тяперь... Я танцевать не танцевала, мне ня разряшали. У нас вся сямья была религиозная, и мамина... Не случайно в репертуаре М.М. Ганнибаловой из шести записанных от нее сказок в двух, № 63 (41) **Марко Богатый** и № 92 (58) **Царь Додон (Про Василия Бессчастливого)**, действуют и определяют ход событий Христос и ангелы.*

Во время экспедиции лета 2001 года после ежедневных поездок по району в первой половине дня мы, две студентки и преподаватель, на протяжении недели вечерами приходили к Марии Михайловне Ганнибаловой, благо жили в одном здании с нею. Невысокого роста сухощавая женщина с добрыми глазами и светлым лицом, с хорошо поставленной, образной, пересыпанной пословицами, поговорками, цитатами из песен и частушек речью, приветливо встречала нас, щедро делилась

всем, что знала, и всегда мы возвращались от нее с богатым материалом, сопровождаемые добрыми пожеланиями. Мы записали от Марии Михайловны свадебный обряд, свадебные, хороводные, шуточные, долевы (протяжные) песни, частушки, песни Великой Отечественной войны, как усвоенные ею во время немецкой оккупации, так и сочиненные ею самою; записали былички, поверья, заговоры, шесть сказок, все в прекрасной сохранности. Последние Мария Михайловна переняла от отца, матери и бабушки: *Мой отец нас учил, когда мы маленькие были. Бывало, полезем на печку. Он и говорит: «Ну, рябята, буду сказки говорить. Не балуйтесь, не кричите!» А нас-то было шестеро... «Марко Богатый» это в мамы нам рассказано...*

– Это вы их записывали?

– *Не-е, в головы! Я ж ведь няграмотная.*

Мы поинтересовались происхождением «пушкинской» фамилии Марии Михайловны. *Ганнибалова я стала после. Мы были Николаевы. Папа мой был Николаев Михаил Николаевич, мама моя была Лаврёнова Анастасия Пантялеевна. Мой отец песни, сказки, всякие стихи писал, куда-то отсылал. Яму прислали такую бумагу [с предложением взять псевдоним]: или Шалапина фамилию, или Ганнибалова. Он изъявил жалание Ганнибалова. Так нас переписали всех на Ганнибаловых...*

На долю Марии Михайловны Ганнибаловой выпало немало испытаний.

В 1932 году во время ледохода утонул отец. *Папа утонул – мне тринадцать год. Так что я хватила всякого. Поэтому я и училась частушки и песни вот, забивала свою голову, чтобы мне ня ослепнуть от слёз. И жну – пою, и тягаю лён – пою...*

*В моей мамы нас было семеро. Я самая старшая. Папа утонул на четвёртый день после Пасхи, а под Покровá Витя родился, нас стало семь. А мне тринадцать год! **Весь гуж мой был!** Мама заболела, маму увязли братья двоюродные в больницу в Ленинград. Мы тогда Ленинградской области были. Вот я одна: и в колхоз иди работай, и печку топи, и всех их накорми! И дрова с болота носить, и молотить, и стирать, и потолок мыть! А мне тринадцать год! В колхозе работать со*

взрослым наряду. Мама скажет: «Мань, сноп-то вяжи покрепче, чтобы тябя ня выбросили с артели!» – «Ага! Оны горазд долго сидят, я одна большая сделаю!» Вот двенадцать сотов вытягаю льну и не засмеюсь! Большая полоса! И тринадцать сотов, четырнадцать ржи жать... Всё ходит Христофоров (председатель колхоза), бывало, скажет: «Ну, Ганнибалова, сягодня зажинать! У тябя рука лёгкая»... Я сеять тоже умела: сявалку на плячо, полотенцем перевяжусь и носила... Сумела я всё: и сено стоговать, сумела и лён стоговать: **на все руки от скуки!**

Мне некогда было гулять... Мама заболела, родился брат самый малый, Витёк... Придет бригадир наряд давать – тринадцать год мне, всю сямью вяду – постоит, постоит. «Мань, дочь, в тябя в печки-то сгоревши!» Встаю. Стоплю снова. «Девка, останься ты сягодня, отдохни!»...

А мама, когда выздоровела, дояркой стала. В колхозе достаётся по триста грамм [хлеба] на трудодень. Как было жить? Хлеба – что в животе, и бялья – что на тябе! За что браться? А в колхозе работали: три копейки дадут на трудодень, и то ящию когда на чётном годе.

Ну, потом тут выросли [сёстры и братья], всё стало мал-маленько на свои мяста. Мяня пристроил председатель в больницу работать. Ну, в наряде сказал, что, Мань, останься после наряду, я запрягу лошадь, связу тябя в Горки! – «Зачем, дядя Вась?» – «А попрошу главному: может, возьмёт тебя в больницу, хоть на хлеб подзарабатывать». Тогда ж пенсии-то не платили, хоть и десять нас было, ни копейки нет!

Ну, он лошадь запрёг, повёз мяня в больницу, устраивать работать в больницу. Приехали. Ну, главный ему сказал сразу: «Вот на эту девочку сшейте два халата, и завтра она придёт, присмотрится в санитарках, как работать». Ну, я назавтра пришла, он мне сказал, что до обеда побудеешь и домой пойдешь. А я до вечера: рада, что взяли!

А платили тогда десять рублей. Раньше-то деньги были дорогие. Вот я на хлеб и зарабатывала.

А потом война началась. И в войну я работаю. А слышно, там, в дяревне Устье, коровы мычат, люди плачут, совсем рядом речка была. И стала война. У мяня два брата.

Один был в ремесленной, учился. Второй двадцать первого года. И их оба убили на войне. Когда росли – ня видели, а выросли – нашли: вот так!

Осталось у нас пять: сестра и двое близнецов, братишка и сестрёнка, и я, и младший брат, который без папы родился.

А немцы сюда пришли, как началась война, так сразу и пришли... Как началась война, с первого денька мяня по лагерям отправили... Старосты наши направляли к немцам. В лагерь с первого дня... как пошёл набор, с первого дня мяня сразу отправили... и погнали... В Дедовичи заперли, тут дорожку построили – пошли дальше к Лінку, потом всё дальше, и дальше, и дальше нас, до Дямьянска... Почти что четыре года. Вот так-то...

– А вас немцы отпустили или пока свои пришли?

– Сами убегали!

– Вы убежали?

– Меня увязли, что я заболела, а там больниц-то нет, а мяня привязли в Дедовичи. А с Дедович услышала сестра двоюродная, там работала на железной дороге. Женщины услышали: «Женя, ведь Маня ваша...» У ней было много классов кончено, она умела по-нямецки говорить. И она сказала в жандармерию: «Не вязите, я сама отвязу к матери!» Ну, они разряжили...

А мама гадает уже. Там тётка одна была, папиного дяди жана, хорошо на картах гадала. «Тётка, болит душа! Наверное, Маня не жива! Загадай ты!» Она раскинула карты, а говорит: «Ой-ё, душу мать! Каво ж ты пришла мяня испытывать? Маня дома, а ты пришла!» Она такая была матюжная. «Да ты ж, что ли, тётка! Где она дома, я ведь только с дома?» – «Дома Маня!»

Ну, мама домой прибягая: лошадь стоит околи нас! «Господи Иисусе! Кто ж это приехал?»

А тут уже весь край народу увидели, что Женя мяня вьзёт... А в мяня волоса выстрежены от вошей, глаза навьдён всяким карандашам: и синим, и зялёным! Мама пришла и не узнала.

...А потом староста опять оходуσίлся, чтобы мяня в лагерь взяли... Взял, да доложил в жандармерию. Сказали, что в понедельник при всём народе будем вешать всю сямью.

Вот так я и жила всю войну в страхе. Мне всё, бывало, говорила старушка, которая с нам жила: «Марусенька, это тябя «Сон Богородицы» спасал!» Вот этот «Сон» я всё за пазухой носила... Было шит такой мяшочек, завёрнуто в газетку, так я яго и носила. Я его берягу: все дяревни горели, а наши дяревни с войны остались.

— А за что вешать-то?

— Ну, зачим я домой убёгши. Не убёгши, а перяводчик сказал: «Как война будет отступать, больных оны выкинут, оны больных не повязут, выбросят с поезда!»...

Как раз с дяревни нашей поехал к Хилово к сястры мужчина. Вот мама с ним записочку в творогу, в коробочку спичечную и дала. И говорит: «Перядай, пожалуйста, Мане!» Ну, он перядал с этим перяводчиком.

Пошли в жандармерию. Перяводчик говорит: «Так и так. Умёр брат, а она болеет. Может, отпустите?» Главный сказал: «Хорошо. На сколько?» Я говорю: «На сколько ваша милость есть, на столько я и согласна!» На три дня отпустили.

Ну, и он [староста] прознал. А как он прознал? У него дочка путалась с немцам. Прознала, может, где проговорился перяводчик, что домой мяня отправляют вот так и так: брат помёр. Она со мной посылает письмо, чёрной ниткой зашито. В мяня ума не хватило никому дать прочитать, прежде чем отправлять-то, я с честью и отдала. А там написано: «Папа, узнай в жандармерии: если этот ня помёриши, по ложному показанию тогда пришли!»

[Был в деревне Вася] Они с отцом спасли мяня, не мяня, а всю сямью нашу... Этот Вася был [мною] отправлен с лагеря домой: я увидела, что мужчины выламывают проволоку колючую — она в шесть рядов была — я и говорю: «Вася, мушшны, наверное, будут убегать». Вася с ними и ушёл домой. Ну, и живёт дома.

Ну, этому Васе день рождения. Этот дядя Ягор, кум этому старосты, Вася — крестник. Васе день рождения.

Посылают Тамарку: «Иди за Маней, чтобы на день рождения на Васин, привяди ану!» Она пришла, а мама говорит: «Доченька, куда ж она пойдё: у ней пропуск кончивши!» А дядя Ягор говорит: «Иди вяди! Что мы ня знаем, что делать?!»

Ну, пришла я. Сразу – за стол: «Садись, спасительница наша! Давай выпьем за всё хорошее, за моего сынка, что ты домой его отправила!» А я говорю: «Тётя Оль, ня стоило б учиться накануне смерти пить! Дядя Лёня будя вешать нас в понедельник!»

Так мы и остались живы. Больше он [староста] в жандармерию не пошёл, сообщил, что уехала она в лагерь, дома нету. А самого [его вскоре] парализовало, потом умёр.

Немцы отступили. Мария Михайловна вспоминает день победы: ...У нас Новая Дяревня есть, один колхоз. Под горód бороновались на сябе. И едя бригадир: «Кончайте, война кончилась!» Ой, бороны бросили! Кто плаче, кто что!..

Нелегко пришлось и после войны: Ну, раз у мяня нету отца, заступы-то за мяня нет. Мяня всягда первую. И никогда смены мне ни в чем нет. Когда кончилась война, все уборки мои были. А какие уборки! Вот где посеяно в совхозах, туда убирать надо было: жать, всё там, молотить. А потом зима подошла – на три месяца в лес на разработки. Опять всё мяня. Всем дали смену, по месяцу отбыли. А мне нету смены. Я в дяревне старшей всих была.

И вот в эту-то Дяготчину, пятьдесят километров-то с Заполья, где тябе за Дедовичи шесть километров, и до этой Дяготчины, до Пёсок, деревня Пёски, на сябе несуч: на няделю яду – и пняшом! Приду, бывало, к деду Павлу, где живу, в мяня под пятам как голубиные яйца. Мне назавтра и ня встать. Ну, бывало, придё, который там над нам был главный: «Ай-ай, доченька! Ты уже сягодня ня ходи!» «Ня ходи!» А в мяня [такие мозоли, что] и за няделю ня пройдё. Вот и хожу на пальчиках. А надо было сделать нам по кубометру на брата, напилить и раскалывать мятровую... А было девичье дело расколоть? Вот так я и жила.

Личная жизнь у Марии Михайловны не сложилась, хотя деревенским женихам и их мамашам нравилась веселая работающая девушка. Тётя Нюра, где я жила (мяня взяла

бригадирка жить одную как бы постояльцем: ну, я им, приду с лесу – полы помою, к деду Павлу хожу коней поить: как говоря, **жить в людях – заболит в грудях!**) и говорит: «Феня-то хоче, чтобы ты дружила с Васей [сыном Фени], а ты-то ня хочешь!» – «Тёть Ньюш, как же я буду дружить, **голь-голь да и полосинка вдоль?**! У мяня два платыишка всяго-навсяго и рубахи тканые. Я говорю, какая ж я дружилыщица? Я ни с ким дружить ня буду!... <...> Тёть Ньюш, да как же буду дружить-то? Как мне мама говорит: «Маня, **новое решетце на гвозду висит, а состарится – навалается!** Скажет [его родня]: «Куда ты нос совала? Ты знала, что ты бедная, а он богатый!» Придут молодую глядеть, придут приданое глядеть, а в тябя и нету!

В мамы много было приданого [приготовлено], но когда строились, всё она продавала, всё на стройку пошло, всё своё. Так я и по-маминому и жила [не шла замуж за богатых]. Ну, тут война началась. С кем дружила, кого любила, того убили, так вот я старой девой и осталась. Ну, я и не каюся, а благодарю Христа нябесного!..

– Уже после войны вы строились?

– Да... Я вот работала в колхозе... Уже стали лён сеять. Лён стал дорого сдаваться. Тут мы уже стали богачам... Скопили мы восемь сот... Уже старая стала зямлянка. Вот купили домик... Врямянку, такой низенький. Я всё смялась, когда придут ко мне сваты, и скажу: «Буду я своё маленько радио слушать и в своём скворешнике жить! Мне надо было раньше думать, чтобы перяйти на сямейную жисть, а тяперь мне в дом ня надо, из дома я ня пойду!»

– Значит, вы не строились, а купили дом?

– Купили, но строили. Яну надо ж было перявезить-то!..

И как раз нас в совхоз перякинули... В мяня колхоз и совхоз и двадцать восемь лет в больнице, последние эти года. От колхоза я б́ыла в Москвы... теперь ВДНХ, кажется, раньше была сельскохозяйственная выставка. За то, что я работала хорошо, мяня отправили на выставку туда, это в пятьдесят шастом году было... Я работала тогда... овец ухаживала: и пасла, и обряжала, как по-дерявенски сказать... И шерсти много настригала, и поголовье давала. Нас было одиннадцать

человек с нашей области, со Псковской. Там доярки и другие работники были.

...Я с Заполья. Когда слези обвалилися в моем скворешнике, тогда мяня посялили в Горках, так как я работала в совхозе, работала хорошо, директор выделил мне там квартиру. Квартира была хорошая, большая. Но холодно. Вот приехали комиссия с гособеспечения, потом мяня перевязли сюда [в Дедовичи]. Медсестры дали в девятке, а мне дали в общаге [в 1991 г.]. А потом доктора уехали с этой комнаты. Тогда мяня пересялили оттудова сюда, в эту комнату. Я посвятила ону. И вот теперь так живу. (ФА ПсковГУ, Дед. 2001, т 1/188, л. 23–31; т. 1а/189, л. 9, об. – 11, об.; т. 6/204, №№ 14.2а; 15–17, 34, 38, 46, 53, 54).

№№ 64 (42), 65, 66, 67 (43), 68 относятся к типу СУС 706 **Безручка**. Русских вариантов сюжета 706 по СУС – 48, из них псковских – 1 (Чернышев, 11); белорусских вариантов сюжета 706 по СУС – 10. Одна из самых популярных у восточных славян сказок. Ср.: № 86 (54).

№ 64 (42). **РУКИ В СЕРЕБРЕ, НОГИ В ЗОЛОТЕ**. Зап. от Шкульбиной Евдокии Парфеновны, 1906 г. р., в д. Бор Усв. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Л. Белинская, И. Мельницкая. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 9/1666-67, № 11.

Вариант Е.П. Шкульбиной отличается лаконизмом, эмоциональностью и динамизмом повествования: *Ходят они, ходят – пить захотелось. Наклонилась над ручьём – ребёнок брык в воду! Одной культёй раз ребёнка! – и появилась рука! Другой! – и стали руки у неё!*

Несколько дисгармонируют с общим стилем сказки жаргонизм «очистить квартиру» (требование изгнать царицу, содержащееся в подменном письме), канцеляризм «мужской/женский пол», уместный скорее в анкете и разрушающий речевой ритм, свойственный традиционной сказочной формуле вызова скрывающейся героини: «Откликнися! **Мужского полу** старше меня – будешь мне отец, **женского** – мать, **млаже** меня **мужского** – будешь брат, **женского** – сестра, а ровня мне – жена!». Вместе с тем, по справедливому замечанию Л.Н. Виноградовой, «этот клишированный фрагмент сказки можно признать особенно

ценным для фольклориста в связи с тем, что древность подобной формулы зафиксирована Псковской летописью XIII–XIV вв.» (*Виноградова Л.Н. Современная сказочная традиция Псковщины: Обзоры и рецензии // Живая старина. – 2006. – № 3. – С. 60–61*). В состав Псковских летописей неизменно включалась повесть о Довмонте, «которая принадлежит к числу произведений древнерусской литературы старшего периода. Она посвящена событиям XIII в., рассказывает о популярном псковском князе, литовце по происхождению, тридцатитрехлетнее княжение которого (1266–1299 гг.) было временем славных побед над Литвой и Ливонским орденом, важных для Пскова и для всей Русской земли. Защищая стены Пскова, отражая набеги ливонских рыцарей, псковичи спасали Русскую землю от западных поработителей и помогали сберечь силы для борьбы с главным в то время врагом – монголо-татарами» (*Охотникова В.И. Повесть о Довмонте. – Л., 1985. – С. 3*). Псковские летописцы так передают речь Довмонта к дружине: «Братия мужи псковичи, *кто стар, той отец, а кто млад, то ми брат*. Слышал есми мужество ваше въ всех странах. Се же вамъ предлежит живот и смерть. Братие моя, потягнете ('постойте') за домъ святыя Троица (так древние псковичи называли Псков с его главным кафедральным собором Святой Троицы. – Г. П.) и за святыя церкви, и за свое отечество» (Сказание о благоверном князе Домонте и о храбрости его // *Охотникова В.И. Повесть о Довмонте. – С.193–194*); «Братие мужи псковичи, *кто же от вас стар, тот буди ми отец, а кто млад, тот буди мне брат...* положим главы своя и пролием крови своя за святыя божии церкви и за православную христианскую веру» (Повесть о благоверном князе Доманте, како прииде во град Псков и крестися и каковы победы на неверныхъ показа» // Там же. – С. 202).

Близкую формулу содержат и другие тексты сборника – № 49 (30) **Аленький цветочек**: «*Оживи, чудище! Коли старый ты человек, будешь отцом мне, коли юный – братом станешь, а коли молодец, то и другом названным!*»; № 64 (42) **Руки в серебре, ноги в золоте**: «*Откликнися! Мужского полу, старше меня – будешь мне отец; женского – мать; млаже меня*

мужеского – будешь брат; женского – сестра, а ровня мне – жена!»

№ 65. ПРО ВЕСЁЛУЮ ВЕСЁЛКУ. Зап. от Семёновой Веры Семёновны, 1914 г. р., в п. Крюки Бережанск. вол. Остр. р-на Пск. обл. Записала: П.А. Яковлева. – ФА ПсковГУ, Остр. 2004, т. 1/ 832, № 61, кассета Остр. 2004-1.

В отличие от известных вариантов сказки *Безручка*, где клеветница – жена брата героини, а жертва клеветы – ее золовка, в сказке В.С. Семёновой все наоборот: золовка, невзлюбившая нежеланную невестку, стремится отвратить брата от жены. В результате такой перестановки не все концы с концами сходятся. Традиционный мотив злодеяния – убийство клеветницей собственного ребенка и обвинение в этом преступлении жертвы клеветы (золовки) – трансформируется: самого убийства нет, а есть признание незамужней золовки в мнимой беременности и клеветническое обвинение в адрес невестки в том, что она заставила золовку избавиться от ребенка. Оклеветанная мужняя жена при живом муже снова выходит замуж, теперь уже за царевича, а в конце сказки с детьми, рожденными от благополучно здравствующего царевича, воссоединяется со своим прежним мужем.

Находясь в почтенном возрасте и с трудом припоминая сказку, рассказчица порою опускает ключевые моменты сюжета. Отсутствуют эпизоды рождения царицей чудесных детей и нового навета на нее, отсутствует мотивация чудесного исцеления Безручки (ребенок падает в воду, мать в отчаянии протягивает к нему обрубки рук – руки отрастают). Ср.: № 64 (42), 67 (43).

В.С. Семёновой, очевидно, были известны разные варианты сюжета сказки об оклеветанной героине, которые она, припоминая, пытается представить в одном повествовании. В результате эпизод обнаружения героини царевичем в сказке удваивается: сначала это происходит в лесу, где героиня отказывается показаться царевичу из-за своей наготы и просит принести ей одежду. А затем она пробирается в царев сад, куда царевич одежду приносит.

Вместе с тем, при всех отмеченных погрешностях, в повествовании чувствуется былая манера сказочницы:

эмоциональность изложения, стремление к комментированию повествования: *Ну, она така боевая девка!.. Ну, что делать? Он взял тогда, не знает: и сестру жалко, и эту жалко!.. Это matka плакала неродная, свекровушка, плакал свекр! Её справили, подвязали ребят, за пазуху положили... пошла опять она: раз приказано, куды ты денешься?.. И вот она шла, шла, шла. Захотел малый пить. Ну, пить захотел!*

Любопытны имена-противопоставления желанной и нежеланной для золовки невестки: *Пахмура Пахмурочка, Пахмура Пахмурка – и Весёлая Весёлка*. Образы молодой жены-веселой весёлки и жены-пахмурницы встречаются в песнях: *Березничек листоват! | Лёли-лёли, кто у нас не женат? | [– У нас Коля не женат,] | Ему матери говорила: | «А ты, Коля, оженися! | Возьми жену молодую, | **Веселушку веселую!**»* (Зап. от Асташенковой Татьяны Матвеевны, 1920 г. р., в д. Семёново Изочинск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Собиратели не указаны. – ФА ПсковГУ, Нев. 1985, т. 10/515-516, № 1.12); *Медуница, медуница | Мядовая, мядовая! | Молодица, молодица, | Маладая, маладая! | Что ж не идешь, | Что ж не идешь | На улицу, на улицу? | Как жса мне идти, | Как жса мне идти | На улицу, на улицу? | Грязно выйду, | Грязно выйду, | Скажут: «Дурна!» | Скажут: «Дурна!» | Чисто выйду, | Чисто выйду – | Скажут: «Курва!» | Скажут: «Курва!» | Свякровка скажет, | Свякровка скажет: «**Пахмурница!**» | Золовка скажет: «Щикотуха!», | Свёкор скажет: «Медведица!» | Муж мой скажет: «Жена мила! | Не умеешь ты отказывать: | **Пахмурница** – тёмная ночь, | Медведица в тёмном лесу, | Щекотуха – белая сорока, | Лепетуха – осиновый листок!»* Пояснение информанта: ***пахмурница – угрюмая, хмурая***» (Зап. от Жарковой Анастасии Ивановны, 1933 г. р. в д. Усвяты Усв. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Л.В. Иванова, А.В. Никитина. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, Т. 12/1670, № 7).

Комментарий сказочницы к имени *Веселая Весёлка* (ну, она такая боевая девка) свидетельствуют о торжестве более позднего, чем отложившееся в сказках, представления об идеальном женском типе. Представленная в сказках кроткая, скромная, терпеливая героиня, за эти качества предпочитаемая завидным женихом другим девушкам, в сознании рассказчицы

уступает место боевой, веселой, задиристой героине частушки. Ср.: *За водой пошла, | А в колодце сухо. | За то милый меня любить, | Что я **веселуха!*** (Из рукописного песенника Слинковой Анны Лаврентьевны, 1919 г. р., из д. Багуры Лёховск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Скопировали: Л. Васильева, И. Нилова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1984, т. 1/440-41-42, № 265); *Говорят, что боявая, | Боявая я и есть: | Тяперь тихие ня в моде – | Боявым большая честь!* (Зап. от Ивановой Ольги Тимофеевны, 1923 г. р., в д. Чернуха Изочинск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: И.И. Драгун, И.М. Осипова, Е.В. Спиридович. – ФА ПсковГУ, Нев. 1986, т. 10/542, № 91). Однако, не будучи органичными для героини сказочного повествования, эти ее качества, кроме как в имени (*Весёлая Весёлка*) и в комментарии к нему сказочницы (*боевая девка*), в сказке никак не проявляются.

№ 66. ПРО СЕСТРУ, БРАТА И ЗЛУЮ ЖЕНУ. Зап. от Полозовой Нины Васильевны, г. р. не указан, в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала по памяти И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1 /1721, № 14.

Развернутый, в хорошей сохранности вариант. Повествование отличается эмоциональностью, вниманием к душевному состоянию героев (*А жана яво сястрицу-то ету нявзлюбивши, ой, как нявзлюбивши была!; а жёнка яво возьми да руку сабе разрежь!; А царь воротилси домой, как узнал, што жану яво и детушек бесъчесно умертьвили, чуть разума ня лишивши был!*)

Мотивировка ревности и ненависти жены к золовке – сохраняющаяся и после женитьбы привязанность брата к сестре – сближает сказку с куньинским вариантом (№ 67 (43) **Безручка**). Ср.: *Брат ее ня забывал, каждый божий день к ей захаживал и доло с ей сидел, домой ня йиёл* (№ 65); *к сестре с работы идеть – заходить и на работу идеть – заходить* (№ 67 (43); повторный наговор на золовку с двойной подменой письма – с усвятским (№ 64 (42) **Руки в серебре, ноги в золоте**). Ср.: СУС 707 **Чудесные дети**.

Однако, в отличие от других текстов, в новосокольничском варианте женщина, на которой женился брат, – *ведьмова дочь*, что определяет необычный для сюжета

СУС 706 **Безручка** поворот. В сказке происходит три чуда. Царских детей-младенцев спасает не мать, а животные и рыбы, а в последующем повествовании – дикие звери: *Мальчишек у хлеу кинули, думали, быки забодают, а яны на рога понняли мальчика и качают: «Съпи, царёк, бяз матушки, дожидавши батюшку!» Другова мальчика у воду кинули, а рыбы яво пожалели, стали на воде качать: «Съпи, царёк, бяз матушки, дожидавши батюшку!.. деток зъвери дикие – и те пожалели».* (Ср.: СУС –313Е** **Герой перепрыгивает замок**, за что должен получить руку своей сестры-царевны, царь велит отвести его с женой к диким зверям, звери не трогают их, всё выясняется). Оклеветанная и изгнанная героиня встречает в лесу журавля и льва, которые оказываются царевичами, заклятыми ведьмой. Грудное молоко героини избавляет царевичей от заклятия и возвращает им человеческий облик (ср.: СУС 425С **Аленький цветочек**), при этом у царицы отрастают обе отрубленные руки. Изгнанная и исцелившаяся, она живет в лесу у братьев-принцев, пока ее не находит царь, разыскивающий свою красавицу-жену по всему белому свету (ср.: СУС 709 **Волшебное зеркальце (Мёртвая царица)**).

В конспективном изложении сказки **Безручка**, записанной в с. Петровском б. Пушкинского р-на Пск. губ. В.И. Чернышевым, оклеветанная золовкой и изгнанная братом из дому героиня так же, как и в вариантах Е.П. Шкульбиной (№ 64 (42) Усв. р-н), В.С. Семёновой (№ 66 Остр. р-н) и Н.В. Полозовой (Н-Сок. р-н), попадает в царский сад, где ее обнаруживает царевич и женится на ней. Ср. также: *Афанасьев* – вариант, данный в примечании к № 282, где присутствие девушки в царском саду обнаруживается по исчезновению яблок, которыми она питается. В новосокольничский вариант с мотивом «героиня питается яблоками с царской яблони» привносится деталь, характерная для сюжета о чудесном воре: похитительница яблок, которую долго безуспешно подкарауливают, пока ее не обнаруживает герой сказки, появляется у яблони в полночь.

№ 67 (43). БЕЗРУЧКА. Зап. от *Слышовой Марии Степановны*, 1912 г. р., в д. Сопки Назимовск. с/с Кун. р-на Пск.

обл. Записали: Л. Абрамова, Г. Захарова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 4/305-06, № 189.

Своеобразный вариант популярной у восточных славян сказки. Характерный для типа 706 мотив брака Безручки с царем и рождения у нее чудесного сына отсутствует. Ребенок (спасая которого из воды, героиня обретает руки) в сказке М.С. Слышовой не сын, а племянник оклеветанной девушки. Помимо обычного для сюжета *Безручка* чуда обретения рук, сказочница вводит в повествование еще одно. Поверив наговорам жены, убившей собственного ребенка и обвинившей в его убийстве золовку, брат отрубает руки сестре и, привязав к ее груди мертвого младенца, прогоняет в лес. Через три года лесных скитаний Безручки мальчик оживает и разоблачает свою злодейку-мать.

№ 68. ПРО БЕЗРУЧКУ. Зап. от *Трифаженковой Людмилы Николаевны*, 1930 г. р., в п. Подберезье Подберезенск. вол. Локн. р-на Пск. обл. Записала: Н.П. Петрова. – ФА ПсковГУ, Локн. 2002, т.2/426, л. 31 – 32об., кассета Локн. 2002-1.

Повествование Л.Н. Трифаженковой представляет собою импровизацию на тему сюжета СУС 706 *Безручка*, в котором традиционный сюжет представлен в самом общем виде: героиню, лишив рук, изгоняют из дома, она скитается с привязанным к груди младенцем, нечаянно роняет его в воду; у безрукой матери, стремящейся спасти ребенка, отрастают руки, она благополучно выходит замуж. Тема социального неравенства и произвола господ в истории о Безручке появилась, вероятно, под влиянием впечатлений рассказчицы о судьбе героини художественного фильма «Воскресенье» по одноименному роману Л.Н. Толстого или от самого романа.

№ 69. ЖЕНА ЦАРЕВИЧА И ЗАВИСТЛИВЫЕ СЁСТРЫ. Зап. от *Титовой Марии Захаровны*, 1909 г. р., в д. Рукóво Бояринск. вол. Себ. р-на Пск. обл. Записали: Т. Веселова, Е. Гришанова, Н. Лазовская. – ФА ПсковГУ, Себ. 1991, т. 3/1614, № 14 кассета Себ. 1991-5. СУС 707 *Чудесные дети*.

В повествовании М.З. Титовой ощущается влияние «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина. Старшая из

завистливых сестер *«работала поварихой, а вторая была прислугой»*, сестры перенимают письма своей сестры и царевича, пишут ему, что жена родила *«нехорошего ребёнка»*, заключают сестру с ребенком в бочку и бросают в воду; сын *«упёрся ногами в дно бочки, она и развалилась»* и др. Для варианта, записанного в богатом озерами Себежском районе Псковской области, характерна деталь: бочку бросают не в море, а в озеро, и чудесный город спасшихся от смерти царевны-матери и ее сына стоит не на острове в море-океане, а на другом берегу озера.

Ср.: № 54 (34) *Речка слёз*, № 70 (44) *Жених из бочки*, № 66 *Про сестру, брата и злую жену*; № 92 (58) *Царь Додон (Про Василия Бессчастливого)*.

№ 70 (44). ЖЕНИХ ИЗ БОЧКИ. Зап. от *Жгун Прасковьи Давыдовны*, 1918 г. р., в д. Гульяи Гульяевск. с/с Пуст. р-на Пск. обл. Записали: Т. Балдыбекова, А. Магомедова, А. Соколова. — ФА ПсковГУ, Пуст. 1985, т. 10/1395, № 16. Подобный сюжет в СУС не зафиксирован. Сюжетный мотив «Герой заключен в бочку и брошен в море, но спасается» обычно входит как эпизод в сказки типа 707 *Чудесные дети* («Царь Салтан»); 675 *По щучьему велению*; 461 = 930 *Марко Богатый* (см. № 92 (58)).

№ 71. ПРО БАРИНА, ПЕТУШКА И ГРИВЕННИК. Зап. от *Юрмановой Тамары Андреевны*, 1953 г. р., в д. Житково Руновск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала И.В. Балобина. — ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 35, кассета Н-Сок. 2010-7. СУС 715А *Петух (мальчик-с-пальчик) и жерновцы*. Русских вариантов сюжета 715А по СУС — 34, псковских нет, белорусских вариантов сюжета 715 по СУС — 8.

Сказка усвоена Т.А. Юрмановой от ее бабушки.

Обычно в сказках на сюжет 715А *Петух и жерновцы* петушок заступается за бедных стариков, которым барин отплатил за гостеприимство тем, что украл у них чудесные жерновцы. В варианте Т.А. Юрмановой несправедливо обиженные барином старик и старуха отсутствуют, как отсутствуют и волшебные жерновцы: барин обижает самого петушка, отняв найденную им монету, за что жестоко наказан.

В ходе повествования рассказчица заменяет характерное словцо стилистически более «приличным» синонимом, на что и обращает внимание слушательницы: *Ну, там это вот так говорится: «попа, попа»... А бабушка рассказывала: «Жопа-жопа, пей воду! Жопа-жопа, лей воду!»*

№ 72 (45). ВЕЩИЙ СОН. Зап. от *Титовой Анастасии Никандровны*, 1923 г. р., в д. Горка Назимовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: С.Н. Ипатова, С.А. Лабза. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 2/300-01, № 87. СУС (735) *Две доли*. Русских вариантов сюжета 735 по СУС – 21, из них псковских – 1 (*Молдавский*, 1958, 53 = *Молдавский*, 1979, 73); белорусских вариантов сюжета 735 по СУС – 8.

Текст, записанный от А.Н. Титовой, представляет собою разрушенный вариант сказки типа 735 о Доле (Счастье) богатого брата, которая за него все делает, и о ленивой Доле (Счастье) бедняка, которую он находит спящей, бьет, получает совет или чудесные вещи и богатеет. Однако вариант А.Н. Титовой интересен тем, что Доля (Счастье) заменена дворовым (ипостась домового), с которым в народе связано поверье о благополучии в хозяйстве. Запечатлено и представление об облике дворового: это старик в красной рубашке.

№ 73. КАК СОЛДАТ КЛАД ДОСТАЛ. Зап. от *Слышовой Марии Степановны*, 1912 г. р., в д. Сопки Назимовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: Л.Г. Абрамова, Г.А. Захарова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 4/305-06, № 188. Зин. Д 1и *Клад показывается в образе гроба* + Зин. Д 2 *Клад обнаруживает себя звуками*: слышится стук (голос: «Лезу, лезу!») или «Отойди – упаду!») – в доме появляется клад».

Рассказ М.С. Слышовой – пример того, как бывальщина переходит в сказку. Ср. с бывальщиной, записанной в 1966 году В.П. Зиновьевым от И.С. Рязанцевой, 1892 г. р., в с. Крупянка Нерчинского района Читинской области (Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск, 1987. № 414). Сибирская бывальщина открывается и завершается фразами, утверждающими достоверность события: *Раз тоже кладь положили; Вот такая кладь была*. Повествование сибирской рассказчицы начинается с достаточно подробной истории появления клада в доме и

указания на временное расстояние между моментом положения клада и временем его явления: старуха спрятала за матицу маленький ящичек с золотыми самородками; прошло время, она умерла, ее сын вырос, женился. И вот тогда ночью клад голосом дает о себе знать молодой («Отойди – упаду!») и показывается в виде гробика; та рассказывает об этом мужу; так и не поняв сути чудесного события, оба пугаются и переезжают в другую избу. В результате клад достается смелому ночлежнику, присвоившему золото, а хозяева получают лишь крохи.

В отличие от сибирской рассказчицы, воспринимающей сюжет о говорящем кладе как быль, М.С. Слышова относится к нему как к сказке и соответственно оформляет повествование. Клад таинственно является в только что построенном доме. В ходе повествования рассказчица пользуется приемом утроения: три героя (сын, отец, мать) по очереди безуспешно проходят испытание ночевкой в новом доме, где неизвестно кто кричит по ночам, угрожая «вылезти». Наконец хозяева посылают туда ночевать прохожего солдата. Трижды подает голос клад, трижды отвечает ему солдат прежде, чем клад рассыпается золотом. Свой рассказ М.С. Слышова преподносит как одну из сказок («Знаете ли Вы какую-нибудь сказку?» – *«А вот: Мужик построил новый дом...»*), а завершает сказочной формулой (*«И стали они жить-поживать да добра наживать»*).

№ 74 (46). САПОЖНИК И КУПЕЦ. Зап. от Цветковой Евдокии Петровны, 1916 г. р., в д. Пугино Логовинск. вол. Порх. р-на Пск. обл. Записала: М. Иванова. – ФА ПсковГУ, Порх. 1991, т. 1/1105-06, № 63. СУС 754 *Деньги не приносят счастья*. В СУС учтен единственный, белорусский, вариант сюжета.

№№ 75 (47), 76 (48) относятся к типу СУС 780 *Чудесная дудочка*. Один из наиболее распространенных сюжетов у восточных славян. (СУС: 16.) Русских вариантов сюжета 780 по СУС – 35, из них псковских – 1 (Чернышев, 29); белорусских вариантов сюжета 780 по СУС – 10.

№ 75 (47). НАЛИВНОЕ ЯБЛОЧКО И ЗОЛОТОЕ БЛЮДЕЧКО. Зап. от Николаевой Натальи Яковлевны, 1902 г. р., в д. Пузырьково Любимовск. с/с Оп. р-на Пск. обл. Записал: А.Е. Николаев. – ФА ПсковГУ, Оп. 1982, т. 1/745, № 114.

№ 76 (48). СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЕЧКО И НАЛИВНОЕ ЯБЛОЧКО. Зап. от Байкова Ивана Титовича, 1920 г. р., в д. Суворово Куньинск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: Т. Магерова, Т. Михайлова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 8/312-13, № 110.

Оба варианта близки друг другу. Тихая, скромная, молчаливая героиня сказки, душа которой устремлена к красоте земной и небесной, противопоставлена старшим сестрам, которых интересует сугубо материальное. У И.Т. Байкова это противопоставление дано более традиционно: *Жили дед да баба, и были у них три дочери. Две нормальные девки, а третья, младшенькая, забитая уж очень была, вроде как и не умная.* В разработке противопоставления у Н.Н. Николаевой – мудрость, обретенная жизненным опытом: *Жил мужик с бабой, было в их три дочери. Две модницы, а третья тихоня. Которые боевые – ты всё были первые, а она всё позади.*

Обе сказки представляют собой версию сюжета 780 **Чудесная дудочка**, где отсутствует архаичный мотив чудесного воскресения героини, отчего сказка приобретает трагичность, а выраженная в ней мысль о незащитности подлинной красоты перед злобой, завистью, жадностью и о том, что правда в конце концов выходит наружу, звучит особенно сурово.

Оба текста по-своему хороши и отличаются каждый своим стилем повествования. Строгий, лаконичный, отточенный у И.Т. Байкова; отличающийся любовью к подробностям (например, изображение безуспешных попыток старших сестер завладеть диковинкой, принадлежащей младшей сестре) и комментариям у Н.Я. Николаевой.

В сказке из сб. В.И. Чернышева представлена версия сюжета 780 **Чудесная дудочка**, более близкая к описанию этого сюжетного типа, данному в СУС: уезжая на ярмарку, родители обещают привезти шубку и золотое яичко той из сестер, которая наберет больше ягод. Непреуспевшая старшая сестра убивает младшую, проезжий срезает тростинку с ее могилы и т.д.

№ 77 (49). УГОДНИК И ЖАДНЫЙ ПАРЕНЬ. Зап. от Котовой Пелагеи Федоровны, 1914 г. р., в д. Исаково Миритиницк. с/с Локн. р-на Пск. обл. Записали: М. Никитина, Н. Сешко. – ФА ПсковГУ, Локн. 1982, т. 4/371-72, № 102. СУС

785 Кто съел просвирку? Одна из наиболее популярных у восточных славян сказок.

Русских вариантов сюжета 785 по СУС – 21, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 785 по СУС – 10.

Обычно сказки этого типа представляют собою соединение двух сюжетов: кража просвирки + чудесное исцеление царевны. Это отражено в описании данного сюжетного типа в СУС. Однако каждый из этих сюжетов может существовать и раздельно (см.: *Пропп В.Я.* Легенда // *Пропп В.Я.* Поэтика фольклора: Собрание трудов В.Я. Проппа / Сост., предисл. и коммент. А.Н. Мартыновой. – М., 1998. – С. 287). В тексте П.Ф. Котовой представлен первый сюжет (кража просвирки) в чистом виде. Повествование очень органично, цельно, в нем ярко и последовательно изображен характер героя сказки, жадного, нечистого на руку, готового ради корысти отрицать очевидное и упорствовать во лжи, не щадя жизни, не способного к раскаянию и моментально сознающего в неблагоприятном поступке только ради еще большей корысти.

№ 78 (50). БЛАГОДАРНЫЙ ЧЁРТ. Зап. от *Ростовского Сергея Яковлевича*, 1910 г. р., в д. Блины Шиковск. с/с Остр. р-на Пск. обл. Записали: Л.А. Кириллова, Т.В. Иванова. – ФА ПсковГУ, Остр. 1981, т. 1/970-71, № 95. СУС (810А) *Чёрт исполняет эпитимию*. Русских вариантов сюжета 810А по СУС – 1, псковских нет; белорусских – 12.

В повествовании С.Я. Ростовского герой сказки спасает сидящего на берегу мужика от подкрадывающегося к нему волка. Спасаясь от волка, тот вваливается в реку, чем и выдает свою природу нечистого.

Печорский сказочник пытается вести повествование от первого лица, но оказывается непоследовательным и переходит на рассказ от третьего лица.

№№ 79, 80 Черт жалуется Богу на несправедливость людей: корова попала в болото – ругают черта («Куда тебя черти занесли?»), вытащили корову из болота – хвалят Бога («Господь помог!»). Среди учтенных в СУС сюжет не обнаружен.

№ 79. КАК ЧЁРТ БОГУ ЖАЛОВАЛСЯ. Зап. от *Парамонова Ивана Семёновича*, 1908 г. р., в с. Никольском Кун.

с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: Л.Г. Каменская, О.А. Павлова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 3/303-04, № 109.

И.С. Парамонов – представитель типа балагура – любителя красной речи. Встретив с трудом передвигающегося на больных ногах старика возле магазина, девушки-студентки помогли ему упаковать и поднять сумку с покупками, среди которых была и бутылка водки:

– Спасибо, дорогие, что помогли! А то я-то ходить ня могу: ноги совсем нерабочии.

– Так, может, Вам помочь дойти?

– Не, ня нада! Я сам. Это вот только бываить плохо, когда упаду. Как говорится, **маленький валяить – Бог няринку подстилайть, а старый валяить – чёрт борону подставляить!**

Да уж коль усомнил я Бога и чёрта, сейчас расскажу я вам.

Собралися однажды Бог и чёрт на горе...

Последовала сказка. Закончив повествование, И.С. Семёнов продолжил: *Я ящѣ и ня соўсим старый! Языком-то да горлом – ящѣ ня старый! Раньше, бывало, усе смялись: «**Никаво ня брал за горло, только, милая, тябя!**» У, она [бутылка с водкой] сяйчас милая для ўсех!*

*Сейчас вот летом усѣ есть. А зимой-то потом и упоминаишь! Летом усе как барины. **Летом ногой топ, а зимой съел бы и поп!** Попы-то раньше богатые были.*

Все украшения, которыми он расцвечивает свою речь: пословицы, сказочка, шутка – к ситуации, к слову и делают речь занимательной, забавной, веселой, исключаяющей возможность преодоления той грани, за которой сочувствие бессильного помочь слушателя к страданиям говорящего переходит в жалость и неловкость.

№ 80. КАК КОРОВУ ТЯНУЛИ. Зап. от Масловской Екатерины Филимоновны, 1928 г. р., в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 18, кассета Н-Сок. 2010-2.

№ 81. КАК ДЕД ЧЁРТА ИЗ БАНИ ВЫГНАЛ. Зап. от Буйко Пелагеи Филипповны, 1927 г. р, в д. Городище Артёмовск. вол. Нев. р-на Пск. обл. Записала: Е.Н. Буйко. – ФА ПсковГУ,

Нев. 2007, т. 3/1745, № 1. Аудиозапись начитана по рукописному тексту Евгенией Николаевной Буйко, 1982 г. р., внучкой Пелагеи Филипповны Буйко. Зин. Б II 5е **Банник наказывает за появление в бане поздно ночью** + Зин. В I 6а **Чёрт боится креста**.

Текст являет собою пример перехода мифологического повествования в сказку. Герой повествования, дед, нарушает запрет ходить ночью в баню и наказан за это обитающим в бане чертом, генетически баенником – банным хозяином. Однако, в отличие от того, как это характерно для быличек и бывальщин о баннике (в позднейшей традиции о банном черте), нарушитель запрета не погибает, а, еле ускользнув от расправы и воспользовавшись советом мудрой жены закрестить двери, окошко и углы бани, топит баню, лезет в первый пар на полоч, а затем, подобно тому, как поступил с ним за посещение бани в неурочное время черт, парит последнего против его воли, швыряет в котел с кипящей водой, и теперь уже нечистый еле уносит ноги из бани.

П.Ф. Буйко создает яркий, зримый образ черта. В первом эпизоде повествования в духе мифологических представлений это грозный мифический хозяин бани с наводящими ужас красными, как угли, глазами, вершащий расправу над нарушителем кодекса взаимоотношений с ним; во втором эпизоде, как в сказках об одураченном черте, нечистый посрамлен человеком и предстает беспомощным, молящим о пощаде *лохматеньким, лупающим глазёнками* чертенком.

Концовка сказочки придает ей этиологический оттенок: *А у баньки с той пары, праўда, ніхто больше нічох не творить. А на кажное Хряшиэння на двярине хрысткі рисуюць, щоб нікакая нечись не завялася.*

Яно і счас, как мышыся у бани ды пляснёшь на камінку шайку вады, дык кіпяткі ува вусі-і стораны лятіць:эта чорт усё зліцца да слінкам воўннным плюёцца!

№ 82. СОЛДАТ И ВЕДЬМА. Зап. от Новиковой Натальи Ивановны, 1898 г. р., в д. Новотроицкое Кун. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: С.П. Качнова, Л.В. Мясникова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 5/307-08, № 74. СУС (832**) **Солдат и ведьма** + СУС (307) **Девушка, встающая из гроба** + Зин. Г II (18а)

Похороны ведьмы. Русских вариантов сюжета СУС 832** – 4, псковских нет; белорусских вариантов – 3. Русских вариантов сюжета 307 по СУС – 46, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 307 по СУС – 14.

Сказка содержит три эпизода. Первый представляет собою краткий вариант сюжета СУС 832** **Солдат и ведьма** и содержит мотив «Герой ездит на ведьме». Правда, по тексту не совсем ясно, солдат ли, накинув на ведьму уздечку, превращает, как это представлено в описании сюжета в СУС, ведьму в лошадь (*А она и говорит: «Это же нашего попа дочка! А она колдунья. Теперь горя не оберешься! Сегодня ночью придет к тебе!» И учит его: «Ты бери уздечку. Только переступит порог, накинй её и бей по голове!»*), или ведьма-оборотень сама является к солдату в образе лошади: *Вскочил он на неё верхом, держит за уздечку, а сам бьёт поленом! Кобыла повертелась и сдохла. Наутро слышится: попова дочка умерла.* Ср.: Зин. Г I 8а **Ведьма-оборотень преследует людей – её разоблачают:** человек избивает лошадь, преследующую его, наутро избитой находит подозреваемую в колдовстве женщину (Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск, 1989. – С. 314).

Не случайна в этом эпизоде деталь: солдат бьет ведьму поленом. «Полено использовали в качестве оберега от нечистой силы». В Белоруссии «верили, что колдуна можно убить, если бить осиновым поленом его тень» (Усачева В.В. Полено // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4 / Под ред. Н.И. Толстого. – М., 2009. – С. 141).

В двух других эпизодах, «Солдат сторожит труп ведьмы» и «Солдат хоронит ведьму», вероятно, не обошлось без влияния кинофильма по повести Н.В. Гоголя «Вий»: то и другое (сторожит покойницу и хоронит ее) герой делает по настоянию отца убитой им ведьмы; ведьма-мертвец в течение трех ночей и похорон стремится найти и погубить солдата и призывает на помощь нечисть, но та не может его увидеть; наконец, *сходили за главным, тот пришёл и нашёл сразу.*

В отличие от Гоголевской повести в сказке для героя, имеющего мудрую бабушку-советчицу, все заканчивается

благополучно: он сумел похоронить ведьму и, согласно народным поверьям об оберегах от встающих мертвецов, и прежде всего умерших колдунов, забил в ее могилу осиновый кол, а самому повествованию придан характерный для быличек и бывальщин о колдунах оттенок состязания «знающих людей»: *А поп вечером и говорит ему: «Сильная у меня была дочка. А ты еще сильнее!» – и дал ему двести рублей.*

№ 83 (51). СВЯТОЙ НИКОЛА И МУЖИК. Зап. от Ивановой Гликерии Степановны, 1912 г. р., в д. Лобок Лобковск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: М. Гальчинская, О. Овсянникова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 12/569-70, № 39, кассета Нев. 97-5. СУС 849* *Крест (образ)-порука* + 307 *Девушка, встающая из гроба*. Русских вариантов сюжета 849* по СУС – 14, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 849* по СУС – 4. О количестве вариантов сюжета 307 по СУС см. комментарий к № 77 (49).

Соединение сюжетов 849* и 307 в одном повествовании обычно для сказок восточных славян (СУС: 396), хотя каждый из них бытует и раздельно. Сюжет 307 *Девушка, встающая из гроба* – один из самых популярных (СУС: 16). К сожалению, в сказке Г.С. Ивановой он представлен в очень кратком, конспективном изложении. Объединяющий оба сюжета мотив «Святой приносит благополучие тому, кто избавил его образ от поругания» сближает сказку с бытующими в Пск. обл. легендами о чудотворных иконах. Ср.: *Приснилось моей мамке, бытца пришла Божья Матерь и говорить: «Возьми ты мене! Надоело мне: по мне и мыши ходють, и люди ходють, мене и бьють, и колотють!» А матка и спрашивает: «А как жса тебе найти?» – «А найти мене лёгко: как пойдешь, будутъ на дороге два колоска крестиком ляжать. Там я и ляжу».*

Спросилась ина хозяина и пошла, как за конем, а сама рутник [полотенце. – Г. П.] взяла и пошла туда. А сон етыт ей три раза снися! Подошла к писареву [о]городу и видить: колоски хрястком лежать. Помолилась ина, покопала немного и нашла икону Божьей Матери. Вытянула, обтёрла, да и домой принесла.

А теперь, как обнесешь вокруг деревни икону, так дож идетъ. И в войну обнесли икону вокруг деревни, и Бог миловав:

усё кругом пожгли, а нас не тронули! (Зап. от *Кулёвой Анастасии Антоновны*, 1918 г. р., в д. Бор Усв. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 1/1648-1649, № 17).

№ 84 (52). БОГАТЫЙ ЖЕНИХ. Зап. от *Стацевича Михаила Васильевича*, 1903 г. р., в д. Литвиново Туричинск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Л. Гуньковская, Н. Змиевская. – ФА ПсковГУ, Нев. 1985, т. 3/501-502, № 21.3а. СУС 859G* *Молодцы женятся*: игрой слов создают впечатление о своем достатке. В СУС зафиксированы только два, оба русские, варианта сюжета 859G*, псковских нет.

Данный текст представляет тип историйки-приказки, рассказываемой к слову. Контекст, в котором прозвучала приказка, – разговор о свадебном обряде.

№ 85 (53). КАК ОДИН МОРЯК НАИГРАЛ ДЕНЕГ МНОГО. Зап. от *Кузнецовой Анастасии Васильевны*, 1908 г. р., в д. Свинухово Миритиницк. с/с Локн. р-на Пск. обл. Записали: С. Жучкова, С. Сергеева. – ФА ПсковГУ, Локн. 1982, т. 5/373-74, № 19. СУС 883А *Оклеветанная девушка* + 709 *Волшебное зеркальце (Мёртвая царевна)*. Русских вариантов сюжета 883А по СУС – 20, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 883А по СУС – 1. Русских вариантов сюжета 709 по СУС – 27, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 30); белорусских вариантов сюжета 709 по СУС – 4.

Соединение сюжетов 883А и 709 СУС не относит к традиционным для восточнославянских сказок. В занимательной сказке А.В. Кузнецовой соединение сюжетов 883А и 709 не выглядит вполне органичным. Так, избавивший сестру от казни брат затем, когда она скрывается в лесу у братьев-разбойников, пытается ее погубить с помощью колдовских подарков. Очевидно, из повествования А.В. Кузнецовой выпало какое-то существенное звено. Ср.: *Афанасьев*, № 211, где представлена контаминация тех же сюжетов: купец, приказавший сыну казнить оклеветанную дядей дочь и не знающий о ее спасении, женится; у его жены волшебное зеркало, от которого она узнаёт о красавице-падчерице и пытается ее погубить, посылая подарки якобы от брата.

Очевидно, забыто сказочницей и потому довольно запутанно изложено окончание сказки, на котором акцентирует внимание ее название: *Как один моряк наиграл денег много*.

В отличие от варианта из сборника Афанасьева, предательство по отношению к другу-купцу и его дочери совершает не ее дядя, а поп. Хорош у А.В. Кузнецовой эпизод в бане, представляющий собою жанровую сценку.

№ 86 (54). ПРО ИВАНА И МАРЬЮ. Зап. от *Окружинко Дарьи Михайловны*, 1913 г. р., в д. Макулино Изочинск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Н. Жмуркевич, Н. Овчинникова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1989, т. 1/592-93, № 43. СУС (883А***) *Оклеветанная золовка*. В СУС зафиксирован только один, русский, вариант сюжета 883А***, и тот только в пересказе; псковских нет.

К сожалению, и записанный от Д.М. Окружинко текст не является полноценным фольклорным, так как носит явные следы стилистической обработки собирателями и таким образом искажен ими, приобрел несвойственную фольклорному стилю высокопарность. Интерес представляет сюжет сказки. В основе ее – привычная сюжетная схема: по навету жены, которая обвиняет золовку в убийстве ребенка, брат прогоняет сестру в лес, где ее находит царский сын и женится на ней. Героиня с детьми приезжает к брату с женой, рассказывая сказку, разоблачает клеветницу, та наказана (ср.: СУС 706 *Безручка*; ср.: №№ 64 (42), 67 (43) данного сборника).

Однако наполнение этой сюжетной схемы своеобразно. В центре сказочного повествования – мотивы наведения завистницей порчи на красавицу, которую обманом окармливают змеиными яйцами (ср. «Феодор и Елена» в цикле А.С. Пушкина «Песни западных славян»), и избавления от порчи. Ср.: СУС 507G* *Рыба-счастье*, где рыба помогает поймавшему ее парню жениться на царской дочери, «излечить» ее от змей, выходящих из ее рта (СУС: 144–145). В сказке отсутствует обычное преднамеренное убийство собственного ребенка женой брата с целью оклеветать золовку и отвратить брата от сестры: злая женщина нечаянно *приспала* своего младенца и, чтобы скрыть это от мужа, тайно схоронив дитя, мажет губы спящей золовки кровью курицы и обвиняет золовку

в каннибализме. Ср.: СУС 652 *Счастливое дитя* (№ 63 (41) *Марко Богатый*). Своеобразно и окончание сказки. Слушая историю оклеветанной сестры, брат с женою постепенно проваливаются под землю. В последнюю минуту сестра успевает выхватить брата за волосы. Его жена погибает. Ср.: мотив провала под землю как наказания за содеянное – СУС 750* *Скупые хозяева*, СУС 960В *Кара через много лет*; мотив «проседания» под землю как избавления от греха кровосмешательства либо нежеланного брака: СУС 313Е* «*Сестра просела*»; СУС 885А *Мнимоумершая*.

№ 87. *ПРО НЕВЕСТКУ, СВЁКРА И ВНУЧКА*. Зап. от Ткачевой Раисы Александровны, 1936 г. р., в д. Ручьи Палк. р-на Пск. обл. Записали: Е.В. Миллиончикова, Е.В. Семёнова – ФА ПсковГУ, Палк. 2005, т. 1/ 934-935, № 42, кассета Палк. 2005-2. СУС 891С* *Бык съедает деньги*. В СУС учтен единственный, русский, не псковский, вариант сказки.

Зафиксированный в СУС вариант представляет собою сказку, которую составители «Сравнительного указателя сюжетов: Восточнославянская сказка» сопоставляют с сюжетным типом СУС 1641 *Знахарь* (см. № 130 (85) настоящего сборника). Герой популярной сказки о «знахаре» либо подстраивает ситуацию, которая позволяет ему выступить в роли удачливого гадателя, либо, будучи поставлен в безвыходную ситуацию, говорит наугад и случайно попадает в точку. В учтенном в СУС варианте сюжета 891С* ворожей из жалости к женщине называет виновником пропажи денег быка – неожиданно это оказывается правдой: быка режут и в желудке находят деньги.

Текст Р.А. Ткачевой представляет собою бывальщину, основанную на поверьях о нечистой силе, подталкивающей человека к самоубийству, и о посмертной судьбе самоубийцы и интересен тем, что проявляет наличие некоей, по-видимому, генетической, связи указанного сказочного сюжета с подобными мифологическими рассказами.

В варианте Л.А. Ткачевой, как и в сказке, для выяснения истины обращаются к ворожею: «*Вот он открывая подвал и говорит: «Семён! – в подвал <...> Вылезая черт с копытам. «Ты, – говорит, – скажи, деньги-то куда, – говорит, – делись?»*

– «А вот знаешь, деньги, – гврить, – слизнул, – гврить, – тьялёнок. А ты скажи на нявестку, так **она задавится, и мы на ей воду возить будем!**» Ну и все, и закрыл подвал». Сравним: У первый день Пасхи удавился мужик. А Егору он сдался [‘показался’], когда тот коней пас. Молодые жсерёбки побегли, затопотали через дорогу у овёс. Егор ўзял уздечку и побег за ним. Видить: по дороге едет запряжён экипаж. Конь-то он конь, а глянул [конь] на него – удуавленник! Бедно-бедно [‘жалобно’] глянул! (Зап. от Громова Федора Дмитриевича, 1905 г. р., в д. Борновалово Усв. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Н.Н. Потапова, И.В. Шамкова. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 5/1657, № 12); Ночью к дому подъехали на конях. Зовут кузнеца подковать коней. А кузнец был Лытка. Он говорит: «Ноциу ня пойду!» – «Что хошь возьми, только подкуй!» Лытка согласился. Кует лошадей, глядит – а ноги людские! А черти говорять: «Ти узнаешь ты этих коней?» А это были удуавленники и утопленники: черти на них ездили. А заплатили Лытке – давали золото, потом оказалось уголье (Зап. от Лапенковой Веры Карповны, 1900 г. р., в д. Пахомовичи Усв. с/с Усв. р-на Пск. обл. – Там же, № 20).

Рассказ Р.А. Ткачевой о коллизии, сходной со сказкой о быке, съевшем деньги, включен в соответствующий контекст, заданный историей о нелепом эксперименте, приведшем к гибели девушки на посиделках, и исполняет функцию иллюстрации к утверждению, что нечистая сила способствует самоубийству: «Всё забывается. А всякие случаи в старину, мама рассказывала, там в нас дяревня была Латышóво. А раньше же собирались посиделки. Посиделки были всякие, и все на свете были. Вот мама тоже рассказывала, значит. Я, говорит, ещё дявчонкой была... Тоже это суцая правда была, это не ложь! <...>

Вязали, а потом и танцевали, и пели... парни приходили... Танцевали, плясали, сидели, в фанты играли... всяко разнo <...> Ну вот, это самое... И вот. Они сидели днём, белый день. И что задумали: давайте, девки, как давятся люди, легко или нет? Давайте попробуем. Но только так, чтоб только в петлю влез – скинул, чтоб сразу <...>

Ну, и петлю сделали – никто не лезет. Никто. Вот она, мама говорила, в Латышово было восемь девок, говорит: «Давайте я попробую! Только, гыт, сразу!» И вот в петлю влезла, стул отбили, а в это время – видишь, как это что-то – заяц! «Ой, заяц, заяц, заяц побежал по полю!» Все к окну! И в это время задавилась!

– Да вы что?

– Да... девка.

– А потом никак не спасли?

– Ну, так а кто ж она? Задавилась! Пока оны глядели зайца. Это нечистая сила бежала, чтоб ей задавиться.

А потом ещё рассказывала, это самое, тоже бабушка рассказывала. Родственник их или кто там. Раньше же корова теляется...» Следует бывальщина о теленке, съевшем деньги. Относясь с полным доверием к правдивости ее содержания, Р.А. Ткачева завершает рассказ утверждением: «Да. Это тоже всё... это всё было в старину. Это всё бабушка рассказывала. Да-а-а...»

№№ 88 (55), 89 (56), 90 (57) УМНАЯ НЕВЕСТА. СУС 921 *Невестины загадки* = АА *Умные речи*. Русских вариантов сюжета 921 по СУС – 23, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 921 по СУС – 2.

№№ 88 (55), 89 (56) представляют собою варианты коротенькой сказки-присказки, назначение которой – украсить речь, сделать более интересной беседу, и прозвучали в контексте разговора о свадьбе.

№ 88 (55). Зап. от Григорьевой Нины Дмитриевны, 1932 г. р., в д. Демидково Первомайск. вол. Пушк. р-на Пск. обл. Записала: О. Шелковая. – ФА ПсковГУ, Пушк. 1998, т. 1/1469-70, № 56. 1а.

№ 89 (56). Зап. от Качановой Валентины Андреевны, 1933 г. р., в д. Спасс-Балаздынь Голубоозерск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Т. Капустина, Т. Спиридонова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1986, т. 3/524-25, № 8.1а, МГН-6.

Загадывание загадок, как известно, составляло часть крестьянского свадебного обряда. «Истоки этих загадок уходят в далекое прошлое, связаны с древнейшими обычаями – испытание мудрости жениха или даже князя, умение понимать и

пользоваться иносказательной речью, дабы скрыть от злых духов предстоящее важное дело (охоту, войну, женитьбу)» (*Колесницкая И.М.* Загадка в сказке // Учен. зап. ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 12. – Л., 1941. – С. 109). Со временем, когда первоначальный смысл обряда утрачивается, загадывание загадок становится поводом для демонстрации героем или героиней своего ума, мудрости, находчивости. «Состязание в разгадывании загадок становится иносказательной формой свадебного сговора... В этом состязании нет ни выигравшего, ни проигравшего, обе стороны показывают сообразительность, интеллектуальное равенство, тем самым решается возможность брака» (*Ведерникова Н.М.* Русская народная сказка. – М., 1975. – С. 96–97).

№ 90 (57). Зап. от *Ганнибаловой Марии Михайловны*, 1919 г. р., в п. Дедовичи Дед. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Площук, С. Павлова, Е. Травкина. – ФА ПсковГУ, Дед. 2001, т. 6/204, № 50, кассета Дед. 01-5.

В отличие от № 88 (55), 89 (56), эта сказка не возникла спонтанно. После подробного рассказа Марии Михайловны о ткацком станке, о его деталях, о технике тканья мы спросили ее, не знает ли она сказку о невесте, которую сваты застали за тканьем в одной рубаше. «Нет, такой не знаю», – ответила М.М. Ганнибалова. Мы намекнули на «сороку без хвоста» и на «двор без ушей». «Такой не знаю, а знаю другую», – и тут же рассказала свою сказку.

№ 91. ЦАРЬ И КАМНЕТЁС. Зап. от *Шеренкова Анатолия Матвеевича*, 1937 г. р., в г. Невель Нев. р-на Пск. обл. Записала: В.М. Савченко. – ФА ПсковГУ, Нев. 2008, т. 1/643, № 7, кассета Нев. 2008-2. СУС 921А *Куда тратятся деньги*. Русских вариантов сюжета 921А по СУС – 19, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 921А по СУС – 5.

Сказка к слову, прозвучавшая в ходе разговора о свадебном обряде. Короткий вариант, состоящий из одного эпизода, обычно открывающего сказку – загадочные ответы крестьянина (в представленном варианте – каменотеса) на вопрос царя, куда он тратит заработанные деньги.

Судя по реплике в начале рассказа (*Пётр Первый подходит, ну, не только Пётр-то Первый – царь. Подходит к*

камнетёсам, работают камнетёсы), А.М. Шеренкову известна подобная сказка или сказки, не содержащие имени царя. Не исключено, что источник как публикуемого, с именем Петра I, так и других известных информанту «безымянных» текстов – книга.

Беседуя с юной собирательницей фольклора, А.М. Шеренков подробно комментирует свой рассказ: обстоятельные комментарии составляют две трети текста.

№ 92 (58). ЦАРЬ ДОДОН (ПРО ВАСИЛИЯ БЕССЧАСТНОГО). Зап. от Ганнибаловой Марии Михайловны, 1919 г. р., в п. Дедовичи Дед. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Площук, С. Павлова, Е. Травкина. – ФА ПсковГУ, Дед. 2001, т. 6/204 № 47, кассета Дед.-01. СУС 751А* **Бог в гостях** + 461 = 930 **Марко Богатый**. Русских вариантов сюжета 751А* по СУС – 5, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 751А* по СУС – 9. Русских вариантов сюжета 461 = 930 по СУС – 38, из них псковских – 2 (*Чернышев*, 4, 15); белорусских вариантов сюжета 461 = 930 по СУС – 22. Контаминация сюжетов 751А* + 461 известна у русских, белорусов, украинцев. Сюжетный тип 461 относится к наиболее популярным у восточных славян (СУС: 16).

Повествование М.М. Ганнибаловой, при всей его оригинальности, близко к сказке *Афанасьев*, № 305 **Марко Богатый и Василий Бессчастный**: в частности, совпадает имя героя сказки – *Василий Бессчастный*. Замена такого персонажа, как купец Марко Богатый, царем Додоном сближает сказку М.М. Ганнибаловой с представленным в СУС единственным, украинским, вариантом сюжетного типа 461* **Царь отбирает ребенка от родителей**.

№ 93 (59). СЕСТРА И РАЗБОЙНИКИ. Зап. от Васюковой Клавдии Максимовны, 1926 г. р., в д. Низовицы Ремдовск. вол. Гд. р-на Пск. обл. Записала: Ю. Яковлева. – ФА ПсковГУ, ГД 1997, т. 1/77-78, № 30. СУС 969А* **Сестра и братья-разбойники**. В СУС зафиксирован один, украинский, вариант сюжета 969А*.

Записанный от К.М. Васюковой текст краток и схематичен. К сожалению, неизвестно, откуда информантка знает его. Сюжет **Сестра и братья-разбойники** бытует в Пск.

обл. как песня-баллада, как обрядовая хороводная песня (Гд., в частности Низовицы; Печ. Круппск., Кулейск. вол.). Песня зафиксирована как «пасхальная», «христовская»: «*Качались на зыбке*». «*Водили хороводы у качелей*» (Печ. Круппск. вол. Моложва). См.: Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра / Под ред. А.М. Мехнецова: в 2 т. – Псков, 2002. Т. I. – С. 268–269. Т. II. – С. 711, 716; Песни Псковской земли. – СПб., 1989. – С. 84, № 96.

№ 94 (60). ДЕД И ВНУК. Зап. от Петровой Ирины Ефимовны, 1924 г. р., в д. Платишино Граинск. вол. Кр. р-на Пск. обл. Записали: О. Давыдова, В. Ильина. – ФА ПсковГУ, Кр. 1994, т. 1/266-67, № 37.22, кассета Кр. 94-1. СУС 980А *Дедушка и внучек*. Русских вариантов сюжета 980А по СУС – 3, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 980А по СУС – 3.

Вариант сказки типа 980А, записанный от И.Е. Петровой, интересен сохранившимся в нем указанием на генетическую связь этого сюжета с древним обрядом проводов стариков на тот свет (см.: *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М., 1978. – С. 44 и далее). Наличие архаического фона (обычай спускать стариков на санках-лубках в овраг умирать), на котором разворачивается в сказке типа 980А нравственная коллизия, сближает красногородский вариант с сюжетным типом СУС 981 *Почему перестали убивать стариков*.

Сказка рассказана во время беседы о похоронном обряде, о поминальных днях. В ответ на вопрос, не было ли обычая призывать покойных: «*Не-а! Не вызывают. Не знаю. Это раньше старики говаривали, что старух завозили в овраги...*»

№№ 95 (61), 96 (62) относятся к группе сказок *Батрак разделяется с хозяином* (СУС 1000–1029). Обрамлением сюжета той и другой сказки служит сюжетный мотив СУС 1000 *Уговор не сердиться*. В № 96 (62) (сказка Ф.И. Котовой) дан такой его вариант: если барин прогонит батрака, то платит ему тысячу рублей, если батрак сам уйдет, то батрак платит барину тысячу рублей.

№ 95 (61). КТО ПЕРВЫЙ РАССЕРДИТСЯ. Зап. от Ростовского Сергея Яковлевича, 1910 г. р., в д. Блины Шишковск. с/с Остр. р-на Пск. обл. Записали: Г. Иванова, Л. Кириллова. – ФА ПсковГУ, Остр. 1981, т. 1/970, № 94. СУС 1000 *Уговор не сердиться* + 1017 *«Смажь экипаж дегтем»* + 1016 *«Почисти лошадь»*. Русских вариантов сюжета 1000 по СУС – 33, из них псковских – 1 (*Молдавский*, 1958, 35 = *Молдавский*, 1979, 74); белорусских вариантов сюжета 1000 по СУС – 5. Русских вариантов сюжета 1017 в СУС не отмечено; белорусских вариантов сюжета 1016 по СУС – 1. В СУС зафиксирован единственный, русский, вариант сюжета 1016, псковских нет.

Коротенькая сказочка С.Я. Ростовского представляет собою соединение двух редко встречающихся мотивов, в основе которых лежит один и тот же прием обыгрывания многозначности слова. Образу работника, ловко одурачивающего барина, приданы черты дурака бытовой сказки: *Теперь посылает хозяин меня: «Иди вычисти коней! Чтоб были чистые, ни одной шерстинки!» Я думал-думал, как это сделать? Был у меня котёл, налил я в него воды, вскипятил... и т.д.* Повествование от первого лица усиливает комизм сказки.

№ 96 (62). БАРИН И РАБОТНИК. Зап. от Котовой Пелагеи Федоровны, 1914 г. р., в д. Исаково Миритиницк. с/с Локн. р-на Пск. обл. Записали: М. Никитина, Н. Сешко. – ФА ПсковГУ, Локн. 1982, т. 4/306-07, № 106. СУС 1000 *Уговор не сердиться* + 1002 *Убытки хозяину* + 1006* *«Зарежь овцу, которая на тебя посмотрит»* + (1008) *«Освети дорогу»*: *дом зажжён*. В СУС зафиксированы только два, русские, варианта сюжета 1002, псковских нет. Русских вариантов сюжета 1006* по СУС – 16, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1006* по СУС – 6. Русских и белорусских вариантов сюжета 1008 в СУС нет.

Для П.Ф. Котовой характерно стремление мотивировать сделку между баринком и мужиком, придать психологическую убедительность обстоятельствам заключения «уговора» (у С. Я. Ростовского такая мотивировка отсутствует: см. № 95 (61) *Кто первый рассердится*). Отсюда подробная разработка сюжетного

мотива СУС 1000. Желая проучить барина за скупость и грубость, мужик нанимается к нему в работники. Барин, который, в свою очередь, ищет терпеливого работника, испытывает его на сдержанность, предлагая двусмысленную ситуацию и провоцируя неделикатный ответ (эпизод с кобыльим хвостом). Мужик не только выдерживает испытание, но и предлагает хозяину, у которого *не уживались работники*, выгодную, как кажется барину, сделку: *«Если ты меня отгонишь, то ты мне тысячу рублей даёшь, если я сам уйду, то тебе даю тысячу»*. Нисколько не сомневаясь в исходе сделки, барин соображает: *«Ну, откуда у мужика тысяча рублей?»* – а значит, работник будет вынужден терпеть от барина все, не имея возможности уйти. Барин принимает условия и наказан за дурное обращение с работниками.

№ 97. ЧТО МУЖИК НА ТОМ СВЕТЕ ВИДЕЛ. Зап. от Буенковой Антонины Борисовны, 1929 г. р., в д. Яссы Алольск. вол. Пуст. р-на Пск. обл. Записали: А.Г. Смелягина, Л.В. Милютин. – ФА ПсковГУ, Пуст. 2005, т. 1–2/781-82), кассета Пуст. 2005-4. *И на том свете крестьяне работают на барина*: подкладывают дрова под котел с кипящей смолой, где сидит барин. Интернациональный сюжетный мотив, известный со времен средневековья. Ср.: СУС (475) *На службе в аду*: человек отправляется служить черту, топит в аду котел, в котором варятся родители помещика (пан, ксенз и др.) и т.д.

Анекдот о глупом барине и остроумном мужике в изложении А.Б. Буенковой подан как рассказ о действительном происшествии. В основе любопытства барина (*«Если я тут барин, <...> что я буду на том свете делать?»*) лежит представление об «обмиравших» – людях, в состоянии комы или длительного сна побывавших на том свете и вернувшихся на землю.

А.Б. Буенкова родилась в Оп. р-не Пск. обл. (к сожалению, не указано, в какой деревне) в сорока километрах от д. Яссы, где живет теперь и куда переехала в 1992 г. Таким образом, ее репертуар усвоен, по-видимому, в Оп. р-не, где якобы и произошла рассказанная ею история.

№ 98 (63). ПРО ВАНИЮ-ДУРАНИЮ. Зап. от Алексеенковой Ефросиньи Ивановны, 1914 г. р., в д. Колпино

Новой вол. Пуст. р-на Пск. обл. Записала: А.А. Пузыня. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1999, т. 1/1415, № 33, кассета Пуст. 99-1. СУС 1009 *«Сторожи хорошенько двери»* + 1132 *Бегство от дурака*. Русских вариантов сюжета 1009 по СУС – 13, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1009 по СУС – 2. Русских вариантов сюжета 1132 по СУС – 42, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 8); белорусских вариантов сюжета 1132 по СУС – 9.

№№ 99, 100. СУС 1030 *Дележ урожая* + СУС (154) *Мужик, медведь и лиса*. Русских вариантов сюжета 1030 по СУС – 12, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1030 по СУС – 11. Русских вариантов сюжета 154 по СУС – 23, псковских – нет; белорусских вариантов сюжета 154 по СУС – 11.

№ 99. *МУЖИК И МЕДВЕДЬ*. Зап. от Григорьевой Александры Николаевны, 1929 г. р., в д. Липно Новосельск. вол. Стр. р-на Пск. обл. Записали: Ю.Л. Цветкова, Д.В. Яунжеккарс. – ФА ПсковГУ, Стр. 2002, т. 3/1575, л. 146–148, об., кассета Стр. 2002-13.

Контаминация сюжетов 1030 и 154 обычна для восточнославянской сказки (см.: СУС: 395). Характерен для подобных повествований и способ избавления героя от мести медведя (создание ситуации, в которой медведю кажется, что его ищет охотник). Однако в отличие от вариантов, на основе которых в СУС сделано описание содержания сюжета 154 *Мужик, медведь и лиса*, в сказке А.Н. Григорьевой этот способ не предлагается хитрой лисой, а придумывается потенциальной жертвой медведя – мужиком и осуществляется им с помощью жены. Соответственно в повествовании отсутствует характерное окончание, когда лиса требует награды за помощь (мешок кур), «мужик нагружает лису мешком, в котором спрятана собака; выпущенная из мешка, она тут же разрывает лису (преследует ее)» или «лиса прячется в нору от погони; спрашивает свои ноги, глаза, хвост, кто что делал; хвост отвечает, что мешал, она высовывает его из норы, и собаки ее вытаскивают» (СУС: 77). Последний из отсутствующих в варианте А.Н. Григорьевой эпизодов (лиси расспросы) составляет концовку сказки *Лиса-ночлежница*, записанной в 1927 году В.И. Чернышевым в б.

Пушкинском р-не Пск. губ. (*Чернышев В.И.* Сказки и легенды Пушкинских мест. – СПб., 2004. – С. 73–75, № 33).

К сожалению, осталась без разработки существенная для развития сюжета деталь: сообщив, что, опасаясь мести медведя, мужик с женою прихватили с собою в лес ухват, сказочница забыла рассказать, как они этим ухватом воспользовались для своего спасения. По-видимому, ухват должен был изображать ружье и таким образом убедить медведя, что на него собираются охотиться. В белорусской сказке, например, лиса для этой цели подражает звукам охотничьего рога: *«Тру-ру-ру-ру! малады князь палюе [охотится]. Што у цябе, чалавече, пад возам ляжыць?» Чалавек атказвае [отвечает]: «Калода, пане, калода!» – «Каб калода была, то на возе ляжала бы»* и т.д. (*Афанасьев*. С. 38–40, № 26).

№ 100. МУЖИК И ЧЁРТ. Зап. от *Масловской Екатерины Филимоновны*, 1928 г. р., в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 1.

В повествовании Е.Ф. Масловской в качестве антипода героя выступает не медведь, а черт. По наблюдениям Ю.А. Новикова, черт или бес «чаще обычного» заменяют собою лешего, ведьму, а в сюжете «Вершки и корешки» медведя, в сказках, записанных в Латгалии – граничащей с Пыталовским районом Псковской области части Латвии (Фольклорные записи студентов Латвийского университета. Хранятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. т. № 7) (*Новиков Ю.А.* Русский фольклор в Латгалии // *Fjodorovs F., red. Krievu folklore Daugavpils Universitātes student pierakstos* (1963–1991). – Daugavpils, 2008. – С. 18).

Балобина Ирина Владимировна, 1986 г. р., сообщила: «Эту сказку мне рассказывала моя бабушка, Масловская Екатерина Филимоновна, когда мне было лет восемь. Родилась бабушка в д. Фальково, что в трех километрах от д. Новое, где я жила с нею с раннего детства и до поступления в школу. Она задергивала все окна, присаживалась на кровать рядом со мной и начинала в полутьме рассказывать, жестикулируя, голосом изображая персонажей, чтобы я могла представить себе и

обманутого черта, и сварливую старуху, и многих-многих других». Сказка записана И.В. Балобиной по памяти.

Сказка Е.Ф. Масловской – прекрасный вариант сюжетного типа СУС 1030 *Дележ урожая*. Замечательны создаваемые звуковыми и зрительными деталями обычно отсутствующие в других известных вариантах этой сказки эпизоды уборки своей части урожая чертом – корешков (*Вот сжал мужик усю рожь, а ночью, слышь: зямля гудить, трясется уся! У такую рань пошёл ён туды смотреть, што и как. А там, винно, чёрт той ночью был пришеччи: поле чистое, ни корешка нет, как уснахан усё!*) и вершков (*Пришло время, слышит: ветер такой поднялси! Побег на поле за город, глядь: уся ботва как скóшен!*).

В отличие от многочисленных зафиксированных в СУС вариантов в сказке Е.Ф. Масловской отсутствует советчицалиса, помогающая человеку избавиться от неминуемой беды, мужик своей хитростью избавляется от черта.

Комический колорит образа черта в сказке, очевидно, во многом определяется ориентацией на детского слушателя и создается контрастом: с одной стороны, это существо, обладающее сверхъестественной мощью: сотрясает землю, подымает ветер и претендует на роль вершителя людских судеб (*будет уся семья твоя мучица; уси родичи твои мучица будут*), с другой – он, как мальчишка-воришка, застигнутый в чужом огороде, выдран хозяином прутиком, а в конце сказки без памяти от страха удирает, напуганный визгом свиньи.

Тексты №№ 101 (64), 102 (65), 103 (66) относятся к группе сказок о глупцах и простаках (СУС 1200 – 1349). Сказки названных групп обычно строятся на различных комбинациях характерных для этих групп сказок сюжетных мотивов и сюжетов. Самый богатый набор сюжетных мотивов, характерных для группы сказок о глупцах и простаках (СУС 1200–1349) среди сказок Псковской области представлен в сказке «Антон», записанной В.И. Чернышевым в 20-х гг. XX столетия в окрестностях Тригорского б. Пушкинск. р-на Пск. губ. (Чернышев, 24). Она состоит из восьми сюжетов: СУС 1450 *Глупая невеста* + 1384 *Муж ищет людей глупее* (в данной сказке – умнее) *жены* + 1244 *Растягивают бревно* + 1245

Носят солнечный свет в решетах + 1214* Вгоняют лошадь в хомут + 1210 Тащат корову на крышу + 1286 Впрыгивают в брюки + 1263 Едят кашу (кисель) с молоком. Сказки указанной сюжетно-тематической группы из фонда ФА ПсковГУ содержат от одного до четырех подобных анекдотических сюжетов в одном тексте. Любопытно, что ни одна из наших сказок, а также сказка из сборника В.И. Чернышева, где герой отправляется из дома, не содержит условием возвращения героя домой обнаружение им людей глупее своих близких, как, например, это имеет место в тексте из сборника *Афанасьева*, № 405 *Лутонюшка*: «Прощайте! Если я найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду – и не ждите меня!» То же: *Афанасьев*, № 406. Наоборот, герой сказки уходит с твёрдым намерением найти людей лучше и умнее и никогда домой не возвращаться. Но оказывается, что и в других местах люди творят не меньшие глупости, и герой возвращается в свою семью.

№ 101 (64). ПРО БЫКА. Зап. от *Беловой Екатерины Васильевны*, 1913 г. р., в д. Коломно Березовск. вол. Порх. р-на Пск. обл. Записали: С. Иванова, Е. Николаева, Ю. Николаева. – ФА ПсковГУ, Порх. 1997, т. 1/1125-26, № 49, кассета Порх. 97-1. СУС 1210 **Тащат корову на крышу пастись.** Русских вариантов сюжета 1210 по СУС – 21, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 24); белорусских вариантов сюжета 1210 по СУС – 6.

Короткая одноэпизодная сказка, где представлен единственный из обширной группы сюжетов и сюжетных мотивов (см.: СУС, №№ 1200 – 1349), характерных для сказок о глупцах и простаках (пошехонцах).

№ 102 (65). СКАЗКА ПРО ЛАТОНЬКУ. Зап. от *Зарембы Марии Сидоровны*, 1913 г. р., в д. Светец Гулятьевск. с/с Пуст. р-на Пск. обл. Записали: Е. Буркова, Н. Козлова. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1985, т. 8/1391-92, № 12, кассета Пуст. 85-4. СУС 1384 **Муж ищет людей глупее жены (родителей) + 1210 Тащат корову на крышу + 1214* Вгоняют лошадь в хомут + 1263 Едят кашу с молоком.** Русских вариантов сюжета 1384 по СУС – 29, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 24); белорусских вариантов сюжета 1384 по СУС – 5. Сведения о количестве

вариантов сюжета 1210 по СУС см. в комментарии к № 64. Русских вариантов сюжета 1214* по СУС – 7, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 24); белорусских и украинских вариантов нет. Русских вариантов сюжета 1263 по СУС – 7, из них псковских – 1 (*Чернышев*, 24); белорусских вариантов сюжета 1263 по СУС – 3.

Сказка М.С. Зарембы близка к варианту *Афанасьев*, № 405 *Лутонюшка*: те же набор и последовательность сюжетных мотивов. Сказка состоит из ряда отдельных эпизодов, которые, по справедливому наблюдению В.Я. Проппа, могут входить в другие сказки или рассказываться самостоятельно (*Пропп В.Я.* [Комментарий к сказке № 405] // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3-х т. Т. 3. – М., 1957. – С. 435): плач о беде, которая еще не случилась, корову тащат на крышу пастись, лошадь вгоняют в хомут, за каждой ложкой молока бегают в другую хату. Ср.: СУС 1450 *Глупая невеста* (плачет о будущем ребёнке, которого могла бы нечаянно уронить в реку, ушибить); СУС 1408 *Муж выполняет работу жены* (эпизод, где он корову пускает пастись на крышу).

№ 103 (66). КАК ДЕД ДРУГУЮ ЖЕНУ ИСКАЛ. Зап. от *Голер Татьяны Михайловны*, около 40 лет, в д. Паново Глубоковск. вол. Оп. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Площук, Е. Родионова, Е. Степанова. – ФА ПсковГУ, Оп. 1998, т. 3/718, № 32, кассета Оп. 98-3. (1384) *Муж ищет себе другую, лучшую, жену* + 1210 *Тащат корову (поросенка) на крышу* + СУС (1681А) = АА (*1681) *Дурак делает покупки*. Сведения о количестве вариантов сюжета 1210 см. в комментарии к № 101 (64); о количестве вариантов сюжета 1384 – в комментариях к № 102 (65). Русских вариантов сюжета 1681А по СУС – 21, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1681А по СУС – 3.

Сказка состоит из двух эпизодов: «Баба тащит поросенка на крышу пастись» (СУС 1210) и «Баба сыплет муку в реку, чтобы напоить лошадь» (ср.: *Афанасьев*, № 401 *Иванушка-дурачок*: *Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь поить, а она не пьет. «Знать, без соли не хочет!» – и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет.*) (СУС 1681А).

По словам Т.М. Голер, в сказке был еще один, третий, эпизод: «Что-то сбрасывали цыплят с машины ли, с телеги ли». А.Е. Алексеева (см. комментарии к № 20 (13)), мать рассказчицы, утверждала, что эпизод с цыплятами из другой сказки, которую припомнить не смогла.

По воспоминаниям Т.М. Голер, особое удовольствие детям, ей и брату, доставляло то, что действие бабушкиной сказки развертывалось в родных и знакомых для них местах.

№№ 104 (67), 105а,б относятся к сюжетному типу *Любящий муж*: жена притворяется мертвой, чтобы узнать, будет ли муж по ней плакать; муж бьет молотком/палкой/поленом подглядывающую за ним «покойницу». В СУС не отмечен. Ср.: СУС 1350 *Любящая жена*: муж претворяется мертвым; жена тотчас готова выйти замуж за доставившего ей это известие или начинает плясать. Русских вариантов сюжета 1350 по СУС – 7, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1350 по СУС – 1.

По-видимому, сюжет *Любящий муж* генетически связан с поверьями о подглядывающих и встающих из гроба покойниках. Первые «высматривают», кого забрать с собой (если у покойника глаза неплотно закрыты – скоро снова быть покойнику), вторые «приходят», чтобы забрать с собой кого-либо из людей, чаще родных. Подобными поверьями, по-видимому, обусловлена резко негативная реакция опечаленного мужа на проявление любопытства со стороны «умершей» супруги.

Образ героини, жаждущей увериться в любви спутника жизни, в сказке неоднозначен, будучи комически окрашенным, он несет в себе щемящую ноту.

№ 104 (67). ПРО САПОЖНИКА И ЕГО ЖЕНУ. Зап. от Павловой Марии Яковлевны, 1927 г. р., в д. Вярмово Покровск. с/с Кр. р-на Пск. обл. Записала: М. Михайлова. – ФА ПсковГУ за 1983 г., т. 2/261-62, № 2.

Построенное на обыденных бытовых ситуациях (спор супругов, кто кого любит – не любит; причитание по умершему) повествование М.Я. Павловой художественно убедительно. Психологически точен первый эпизод сказки, где жена, которой очень хочется услышать от мужа, как он ее любит, провоцирует

его упреком: «*Ты меня не любишь!*»; муж, строптивясь, отвечает тем же: «*А може, ты меня не любишь!*» Распространенность, обыденность такой семейной ситуации сказочница подчеркивает своей репликой-комментарием: «*И всё так говорили!*» Во втором, заключительном, эпизоде сказки образы супругов приобретают черты простаков-пошехонцев, сохраняя при этом известную психологическую убедительность. Неудовлетворенная реакцией мужа, жена настаивает: «*А я помру, как ты плакать будешь?*» Его ответ («*Я-то уж буду!*» – с явным подтекстом: «*А вот будешь ли ты?*» – спор продолжается) не снимает ее сомнений. Притворившаяся мертвой жена подглядывает за причитающим мужем. Она и теперь еще не убеждена в искренности его горя, в том, что причитание не просто дань обычаю, не соблюдение приличий, и хочет видеть его слезы. Недоверие дорого ей обходится: заметив, что «мертвая» жена смотрит, муж взял да и тукнул её молотком по лбу: «*Мёртвые с-под точива не выглядывают!*»

№ 105а. ПРО ДЕДА И БАБУ. Зап. от Масловской Екатерины Филимоновны, 1928 г. р., в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 19, кассета Н-Сок. 2010-2.

№ 105б. СКАЗКА ПРО ДЕДА И БАБУ. Зап. от Масловской Екатерины Филимоновны, 1928 г. р., в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала по памяти И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 11.

Повествование Ирины Владимировны Балобиной, внучки Е.Ф. Масловской, настолько отличается от варианта, записанного непосредственно от Е.Ф. Масловской и зафиксированного аудиозаписью, что, скорее всего, у него другой источник, тем более что, по воспоминаниям И.В. Балобиной, в детстве она слышала сказки не только от бабушки, но и от других жителей деревни Новое.

№ 106 (68). КАК МУЖИК ЖЕНУ ЛЕЧИЛ. Зап. от Волковой Евдокии Терентьевны, 1907 г. р., в д. Пралище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Н. Васильева, М. Махаринская. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 3/1690-91, № 28, МГН-19. СУС 1360С *Муж в мешке и притворно больная жена (Гость Терентий)*. Русских вариантов сюжета 1360С по СУС –

28, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1360С по СУС – 6. «Это одна из наиболее популярных сказок народов всего мира. В Западной Европе сюжет известен также в форме фарса и кукольной комедии. У нас широко был распространен также в форме былины-скоморошины под названием “Гость Терентий”» (*Пропт В.Я.* [Комментарии к сказке № 445 **Муж да жена**] // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 3. – М., 1957. – С. 442; см. также СУС: 16, 397).

Сказочница, которой нездоровилось, допустила пропуск в повествовании: осталось неясным, кого встретил легковёрный муж, отправившийся по просьбе жены в монастырь, и как встречный уговорил его вернуться. Ср. *Афанасьев*, № 445: «Куда ты, мужик?» – «В Крым-град за лечбой!» – «Кто болен?» – «Жена!» – «Воротись, воротись безотменно; я сам дока, я пойду с тобою!» Поворотил его налево кругом, и очутился мужик опять у своего гумна. Подчеркивая притворство жены, стремящейся в ожидании дружка-попа сплавить мужа из дому, Е.Т. Волкова двумя эпитетами создает представление о внешности «хворой» супруги: *Жена была дюже здоровая, толстая и всё болела.*

№ 107 (69). КАК ПАСТУХ ТЕЛЁНКА ИСКАЛ. Зап. от Ганнибаловой Марии Михайловны, 1919 г. р., в п. Дедовичи Дед. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Плещук, С. Павлова, Е. Травкина. – ФА ПсковГУ, Дед. 2001, т. 6/204, № 51, кассета Дед. 01-05. СУС (1360В) *Спрятавшийся муж (посторонний) видит жену с любовником, пугает и прогоняет их.* Русских вариантов сюжета 1360В по СУС – 7, псковских нет; белорусских нет.

В сказке отразилось поверье о том, что в риге обитает черт (*нечистый, рогатый*): о мужике, переночевавшем в риге и утром что было мочи поющем на улице песни, бабы думают, что его *рогатый с ума вывел.*

Сюжет о любовниках и мужике, потерявшем и отчаявшемся найти корову, очевидно, бытовал и в Пскове в начале 1950-х годов. Автору этих строк довелось услышать его от своих сверстников-детей (одним из развлечений большой дворовой детской компании было поочередное рассказывание анекдотов). Это был короткий рассказ, состоящий из двух-трех вводных фраз, обозначивших ситуацию (забредший в сарай

после долгих поисков заплутавшей коровы уставший мужик, прилегший на сене отдохнуть, и вскоре явившиеся туда же любовники; любовница, демонстрирующая по просьбе партнера свои тайности), и краткого, в три реплики, диалога с завершающей анекдот репликой измученного безуспешными поисками мужика, полной надежды на новоявленного «ясновидца»: «Ну что видишь?» – «Всё на свете вижу!» – «А мою коровушку Бурёнушку видишь?!»

№ 108 (70). СКАЗКА ПРО УПРЯМУЮ ЖЕНУ. Зап. от Павловой Марии Яковлевны, 1927 г. р., в д. Вярмово Покровск. с/с Кр. р-на Пск. обл. Записала: М. Михайлова. – ФА ПсковГУ, Кр. 1983, т. 2/261-62, № 1. СУС 1365С *Упрямая жена*: бранит мужа вшивым + 1365А *Упрямая жена*: падает в реку, муж ищет ее труп вверх по течению, так как в жизни она все делала наоборот. Русских вариантов сюжета 1365А по СУС – 18, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1365А – 1.

Коротенькая сказка М.Я. Павловой представляет собою соединение двух свойственных группе сказок об упрямой жене сюжетных мотивов. Первый из них («Жена бранит мужа вшивым» – 1365С) зафиксирован по СУС всего в трех, русских, текстах и представляет собою, как отмечено в СУС, начало сказки, что мы наблюдаем и в варианте краснгородской сказочницы. Продолжение сказки с начальным мотивом «Жена бранит мужа вшивым» обычно иное, чем в сказке М.Я. Павловой; по наблюдением составителей СУС, оно сходно с сюжетным типом 1365В *Кошен-стрижен*, где брошенная мужем в реку жена тонет, но продолжает пальцами показывать: стрижен! Например, в сб. Зеленина (Пермск.): муж избивает жену за то, что она дразнит его *вшивиком* (лежа под лавкой, она уже не может говорить, но давит ногтем по полу).

№№ 109 (71), 110 (72), 111 (73) относятся к сюжетному типу СУС 1381 *Жена-доказчица*. Сюжет широко распространен у восточных славян (СУС: 16). Русских вариантов сюжета 1381 по СУС – 22, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1381 по СУС – 9.

№ 109 (71). ЖЕНА ДОКАЗЧИЦА. Зап. от Волковой Евдокии Терентьевны, 1907 г. р., в д. Пралище Калошинск. с/с

Усв. р-на Пск. обл. Записали: Н. Васильева, М. Махаринская, Г.И. Плещук. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 3/1690-91, № 26.

Во всех трех вариантах жена доносит на мужа, нашедшего клад, из вредности. Е.Т. Волкова создает выразительный образ глупой, сварливой, грубой и высокомерной бабы, недовольной неравным, как ей кажется, браком.

Находчивый муж организует все обычные для этого типа сказки чудеса («блинная туча», щука на дереве, заяц в рыболовных сетях), комментирует рев непоеных телят («*это черти барина дерут*») и добивается, что бабу за ее свидетельские показания на суде признают неумной.

В текст сказки проникают реалии современности: мужику присылают *судебную повестку*.

№ 110 (72). СКАЗКА ПРО КЛАД. Зап. от Матвеевой Мариш Ивановны, 1910 г. р., в д. Горка Назимовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: С.Н. Ипатова, С.А. Лабза. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 2/300-01, № 93.

Коротенький вариант сюжета 1381 **Жена-доказчица**, содержащий лишь одно из подстроенных «чудес» («блинная туча»). Повествование М.И. Матвеевой отличается живостью, ясностью и простотой стиля: *Идут, дед кидает блины: и направо, и налево! И направо, и налево!*

В сказку попал современный, правда, несколько искаженный профессиональный следовательский оборот: *Вызывают бабу на личную [вм. очную] ставку*.

В сказке отразилось поверье о предназначенности клада и о том, что клад открывается, являясь, человеку, которому он предназначен. Один из вариантов такого «явления» – вещий сон. Ср. № 177 (124) **Кузьма и Иван – братья родные**.

№ 111 (73). СКАЗКА О ХИТРОМ МУЖИКЕ. Зап. от Поздняковой Ульяны Васильевны, 1912 г. р., в д. Емельяново Новохованск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: А.Н. Донецкий, В.В. Шадурский. – ФА ПсковГУ, Нев. 1990, т. 2/596-97, № 43, кассета Нев. 1990-4.

Сказка У.В. Поздняковой содержит обычный для сюжетного типа СУС 1381 набор подстроенных героем «чудес» (см. № 109 (71) **Жена-доказчица**). Особый комизм

повествованию У.В. Поздняковой придают изумленные реплики глупой легковой бабы, в которых она величает дураком и дурой пойманных дедом зайца («*Ай, дедонька, какой дурак заяц: в воду полез!*»), шуку («*Ай, дедонька, какая шука дура: на суходол пала!*»), и торжественные, с призывом в свидетели Бога, показания старухи о том, когда был найден клад: «*Буде Бог, я запомнила! Панечок, панечок, как [т.е. когда. – Г. П.] тебя чёрт драл!*»

Завершается сказка поучением-моралью: *Бабы правду век не говорить!*

№ 112. ХОМКА И ХОНЬКА. Зап. от Сливиной Марии Никитьевны, 1933 г. р., в д. Липицы Ладыгинск. вол. Оп. р-на Пск. обл. Записали: А.А. Сливина, Н.А. Иванова. – ФА ПсковГУ, Оп. 2004, т. 1/774-75, л. 42– 44, кассета Оп. 2004-1. СУС 1383 **Жена (муж) не узнает себя** + **Поп-баран**. Русских вариантов сюжета 1383 по СУС – 22, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1383 по СУС – 4. **Поп-баран:** заблудившаяся и попавшая к разбойникам женщина становится у них поварихой; ожидая возвращения разбойников, отправившихся воровать овец, она видит мужиков, переносящих через воду священника, принимает его за барана («*Наши идут, барана несут!*»), перепуганный поп вырывается из рук мужиков и падает в воду. В СУС сюжет не обнаружен.

В СУС представлены несколько сюжетов о девушке/женщине, попавшей к разбойникам. Все они относятся к новеллистическим «страшным» сказкам: 953 А* **Девушка/парень у разбойников:** поодиночке убивает их всех; 955 **Жених-разбойник:** разбойник сватает девушку; она попадает в дом к разбойникам, видит, как убивают другую девушку, и бежит домой; уличает жениха по отрубленному пальцу или кольцу; 955В* **Женщина у разбойников:** женщина с детьми, заблудившись, попадает к разбойникам, где их угощают человеческим мясом; ее мальчика варят в котле, она убегает, дорогой прячется, доносит властям. В опочечкой сказке ситуация «Женщина, заблудившись, попадает к разбойникам» включена в анекдотическое повествование (СУС 1383 **Жена (муж) не узнает себя**) в качестве его завершения и разработана в соответствующем, анекдотическом, плане.

Сказки №№ 113, 114 относятся к сюжетному типу СУС 1430 **Разрушенные мечтания**. Международный сказочный сюжет (См. об этом: В.И. Еремина. Комментарий // Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступит. ст. и комментарии В.И. Ереминой. – СПб., 2008. – С. 577, № 116 **Ваня и Мάха**). Русских вариантов сюжета в СУС – 9, псковских – нет; белорусских – 2.

№ 113. КАК МАКСИМ ЖЕНИТЬСЯ ХОТЕЛ. Зап. от Кутимовой Зинаиды Петровны, 1923 г. р., в Изборске Печ. р-на Пск. области. Записала: С.Н. Никифорова. – ФА ПсковГУ, Печ. 2007, т. 1/1066, № 7, кассета Печ. 2007-1.

№ 114. КАК ВАНЬКА МЕЧТАЛ РАЗБОГАТЕТЬ И ЖЕНИТЬСЯ. Зап. от Осиповой Натальи Юрьевны, 1947 г. р. в д. Морозовка Томсинск. вол. Себ. р-на Пск. обл. Записала: С.В. Шалуднева – ФА ПсковГУ, Себ. 2003, т. № 1-2/1630-1631, № 9, кассета Себ. 2003-1.

Шуточное повествование о несвоевременных мечтаниях представлено в себежской сказке в подробной, а в печорской – краткой версиях. В изложении себежской сказочницы Н.Ю. Осиповой сюжет **Разрушенные мечтания** предстает как яркий шуточный рассказ, в котором длинная цепочка в основном повторяющихся и следующих по нарастающей действий (каждый раз речь идет о продаже и покупке все более крупной и выгодной) создают живое впечатление стремительного взлета к благополучию, который рисуется в воображении героя, заметившего в лесу зайца: *стрельну зайца, вобью – понесу – продам – куплю курочку – нанесет яиц – продам – куплю вуточку – нанесет яиц – продам – куплю гусочку – яиц нанесет – продам – куплю порося – принесет поросяточек – продам – куплю корову – куплю лошадь – женюсь – жена родит двух сыновей...* В печорской сказке эта цепочка короче (*поймаю зайца – продам – куплю свинку – свинка принесёт поросят – выкормлю, продам – женюсь – жена родит двух сыновей...*), отчего повествование несколько проигрывает. В том и другом изложении эффектен конец сказки, где герой, увлеченный мечтами, вслух командует будущими сыновьями: *«Ванька, туды! Васька, сюды!»*; *«Васька, Ванька, вставайте на*

работу!», напуганный криком заяц убегает: мечты в мгновение ока рушатся.

Н.Ю. Осипова воспроизводит ситуацию, в которой в пору ее молодости прозвучала сказка: навестивший молодых свекор подшучивает над своим долго не женившимся сыном: *А, вот такую, например, ну, сказочку, шутку ли рассказывали. Эту я помню. Мне со смехом мой свёкор рассказывал. Мой муж женился уже в первый раз в сорок лет. И вот он [свекор] как-то пришёл к нам, старый человек, сидит со смехом и говорит: «Дочуш, я тебе час расскажу такую бывальщину. Эта как про маво сына, про тваво мужа.*

Вот идет Ванька по лесу... [Следует сказка]. *«Вот, – говорит, – так сынок мой долго жил, сорок годов не женился!»*

Вот такая байка.

Это сказка к слову, к ситуации, ее назначение – украсить беседу, придать ей дружелюбный веселый настрой. Рассказ содержит несколько жанровых определений текста. Н.Ю. Осипова, приступая к повествованию, называет его сказочкой-шуткой (*такую... сказочку, шутку ли рассказывали*), а завершив, – байкой (*Вот такая байка*); шутливо соотнося описываемые в сказке события со своим сыном, свекор рассказчицы, от которого Н.Ю. Осипова усвоила сюжет, соответственно, определяет жанр текста как *бывальщину*. Определение сказки как бывальщины в данном случае, по-видимому, игра и выражает стремление рассказчика подать комическое событие, представленное в сказке к слову/ситуации как действительно бывшее происшествие (и тем усилить его комизм), притом что и рассказчик, и слушатель понимают, что повествуемое – вымысел.

№ 115 (74). КАК СВАТЫ ПАСТУХА О НЕВЕСТЕ РАССПРАШИВАЛИ. Зап. от Котовой Татьяны Ивановны, 1907 г. р., в д. Спасс-Балаздынь Голубоозерск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Т. Капустина, Т. Спиридонова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1986, т. 3/524-25, № 5, МГН-6. В СУС нет. Историйка-приказка к слову, завершившая рассказ Т.И. Котовой о том, как в старину сватали.

В **№ 116 (75), 117 (76)** представлены две версии сюжета СУС 1457 *Картавые (шепелявые) сестры-невесты*. Русских

вариантов сюжета 1457 по СУС – 6, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1457 – 3.

№ 116 (75). КАРТАВЫЕ НЕВЕСТЫ. Зап. от *Васильевой Нины Васильевны*, 1924 г. р., в д. Усадище Лавровск. с/с Печ. р-на Пск. обл. Записали: Е. Рогова, Г. Зарева. – ФА ПсковГУ, 1981, т. 2/971-72, № 62.

№ 117 (76). ШЕПЕЛЯВЫЕ НЕВЕСТЫ. Зап. от *Михайловой Ефимии Никитьевны*, 1906 г. р., в д. Дворище Глембочинск. с/с Себ. р-на Пск. обл. Записали: О. Журавская, А. Крапивина. – ФА ПсковГУ, 1989, т. 7/1608-09, № 1.

История о шепелявых невестах прозвучала в устах Е.Н. Михайловой к слову, во время ее рассказа о свадьбе и сватовстве.

№ 118 (77). КАК НЕВЕСТА НА СВАДЬБЕ ГОЛСИЛА. Зап. от *Нарвут Веры Ивановны*, 1910 г. р., в д. Нарично Трехалёвск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: С. Насонова, О. Петрова, Г.И. Площук. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 1/546-47, № 49.4, кассета Нев. 87-1. *Глупая невеста*: голосит на свадьбе и ставит родных в неловкое положение. Среди зафиксированных в СУС не обнаружен.

Маленькая сказочка, прозвучавшая к слову, в ответ на просьбу показать, как причитают, по-местному, «*голóсуют*». Сравним, как звучит «серьезное» традиционное свадебное голошение. Это причитание матери при надении-благословении невесты записано от *Шиковой Анастасии Евстафьевны*, 1919 г. р., в д. Смольники Лобковск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записала Ю. Самуленкова – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 10/566, № 71, кассета Нев. 1987-15: *Матка подходит: [На]делю тябе, моя детка, | Счастем и долюшкой, | Счастем и долюшкой | И добрым здоровейкам! | Не забудай мяне, детка приятныя! | Прилятай ко мне | Частюсенька! О-ой, не могу!* [плачет].

Тексты **№№ 119 (78), 120 (79), 121 (80), 122 (81), 123** относятся к тематической группе сказок о ловких и хитроумных ворах. По наблюдениям исследователя русской бытовой сказки Ю.И. Юдина, «внутри тематической группы сказок о ловких и хитроумных ворах сюжет оказывается началом не столько постоянным и неизменным, сколько производным и

импровизируемым. Из запасов сказочных мотивов о воровстве рассказчик отбирает те или иные знакомые или любимые им и выстраивает их в повествовательную цепочку. Поэтому сюжетная композиция сказочных вариантов всегда прихотлива, свободна и незамкнута... Сюжетная композиция целиком относится к области игры воображения и творчества рассказчиков. Зато всякий сказитель оказывается ограниченным, связанным в выборе мотивов, запас которых дан ему как известная художественная традиция... Разнообразие в сюжетной цепочке мотивов по их содержанию, последовательности и количеству в отдельных сказках настолько велико, что случаи близкого совпадения сюжетов по двум и нескольким вариантам представляются скорее редким исключением, чем правилом» (Юдин Ю.И. Русская народная бытовая сказка. – М., 1998. – С. 53–54).

Сказки о ловких и хитроумных ворах из ФА ПсковГУ подтверждают справедливость этих наблюдений. Однако нельзя исключить вероятность того, что при достаточно плотном полевом исследовании обнаружилось бы, что та или иная сюжетная композиция (набор мотивов, их количество и последовательность) могла приобрести относительную устойчивость в узко локальной или семейной традиции. Так, Г.Г. Зайцева, жительница с. Подберезье Локн. р-на Пск. обл., от которой в 1990 году была записана сказка № 122 (81) *Два вора*, сообщила, что переняла сказку от своего отца и рассказывает ее так, как рассказывал он. Спустя двадцать лет там же от другого информанта записан очень близкий, с тем же набором и последовательностью мотивов, вариант той же сказки (См. № 123).

№ 119 (78). НЕСТЕРИШКА. Зап. от Волковой Евдокии Терентьевны, 1907 г. р., в д. Пралище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: М. Александрова, Н. Кондратович, Г.И. Площук. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 1, МГН-19. СУС 1525А *Ловкий вор*. Один из самых распространенных у восточных славян сказочных сюжетов (СУС. С. 16). Русских вариантов сюжета 1525А по СУС – 57, из них псковских – 2 (Чернышев, 27; Молдавский – Бахтин, с. 166–171 = Молдавский,

1979, с. 27–31); белорусских вариантов сюжета 1525А по СУС – 14.

Сказку *Нестеришка* Е.Т. Волкова, по ее словам, переняла от своего мужа, Гаврилы Волкова, известного в округе сказочника и балагура, к 1981 году уже покойного.

Особенности жизненной судьбы усвятской сказочницы, в молодости вышедшей замуж за вдовца с детьми и прожившей с ним в любви и согласии долгие годы, обусловили, по-видимому, дополнительный, обычно не свойственный или не акцентируемый в сказках сюжетного типа 1252А оттенок в характеристике персонажей. Так, комментируя некоторые подробности барского быта, позволившие Нестеришке осуществить кражу рубахи, Е.Т. Волкова противопоставляет себя и своего мужа сказочным барыне и барину и всем «панам», в семейных отношениях которых, по ее мнению, нет сердечного тепла.

Вариант сюжета 1525А как один из эпизодов входит в состав печорской сказки № 120 (79) *Вор Фаныга*.

№ 120 (79). ВОР ФАНЫГА. Зап. от Романдиной *Евдокии Васильевны*, 1917 г. р., в д. Лавры Лавровск. вол. Печ. р-на Пск. обл. Записали: М. Вениаминова, И. Жигалова, Е. Ледина. – ФА ПсковГУ, Печ. 1997, т. 5/1018-19, № 1. СУС 1525D *Ловкий вор обманывает прохожих* + (1529) *Подмена лошади (вола, осла)* + 1525А *Ловкий вор* + 1540А* *Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости* + 1528 *Сокол (соловей) под шляпой*. Русских вариантов сюжета 1525D по СУС – 38, псковских – нет; белорусских вариантов сюжета 1525D по СУС – 9. Этот сюжет один из наиболее распространенных у восточных славян. Русских вариантов сюжета 1529 по СУС – 2, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1529 по СУС – 3. Сведения о количестве вариантов сюжета 1525А по СУС см. в комментарии к № 119 (78) *Нестеришка*. Русских вариантов сюжета 1540А* по СУС – 35, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1540А* по СУС – 6. Русских вариантов сюжета 1528 по СУС – 30, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1528 по СУС – 4.

Основу сказки Е.В. Романдиной составляет сюжетный тип 1525А – один из самых популярных у восточных славян

(см.: СУС: 16). Сказки этого типа строятся как цепочки эпизодов, содержащих одну и ту же сюжетную ситуацию: по требованию барина (богача, царя) вор демонстрирует своё искусство. В каждом таком эпизоде развивается один из разнообразных известных в сказочной традиции мотивов воровства. Печорская сказка содержит три таких эпизода: вор крадет карты у гостей барина, развлекающихся карточной игрой; ночные рубашки с барина и барыни (ср.: № 119 (78) *Нестеришка*); жеребца из барской конюшни.

Два эпизода в начале сказки составляют одну из характерных для сказочного типа 1525А предысторий-введений к основному сюжетному повествованию, позволяющих придать последнему различные оттенки. В данном случае вводные эпизоды сказки создают образ «вора по призванию». В первом из них крестьянин выявляет склонности своих сыновей к ремеслу, спрашивая их, что можно сделать из леса, при этом младший обнаруживает неудержимое стремление к воровству, которое и реализует, несмотря на брань отца (1525D + 1529). Во втором эпизоде по заданию испытывающего его дяди вор крадет яйца из-под сидящей на них утки, а также срезает подметки сапог у самого дяди так, что ни та, ни другой ничего не заметили.

Завершив сказку эпизодом, в основе которого сюжетный мотив «Вор заставляет пустившегося в погоню за ним барина караулить птицу, якобы сидящую под шапкой» (СУС 1528; ср.: № 127 (83) *Как баба свинью замуж отдала*), сказочница придает повествованию необычный для сказок о ловком и хитроумном воре поворот. Фаныга не только оставляет барина в дураках, уведя от него тройку лошадей, будто бы для погони за похитителем барской свиньи, но и убеждает его поменяться одеждой. В результате барин, отдавший приказ при появлении «*растрепуги*» спустить на него собачью свору, затравлен собственными собаками, а вор женится на барыне и завладевает имуществом барина. Такое завершение, однако, вполне в духе народной сказки, где герой из простонародья вознаграждается за ловкость и смекалку тем, что занимает место своего незадачливого антагониста.

№ 121 (80). СКАЗКА О ЛОВКИХ ВОРАХ. Зап. от Волковой Евдокии Терентьевны, 1907 г. р., в д. Пралище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: М. Васильева, М. Махаринская, Г.И. Плошук. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 3/1690-91, № 23. СУС 1525С *Проезжие смотрят на человека, уходящего на дороге* (+ 1525N* *Кража масла*) + (1525L***) *Архиерей заплатит*. Русских вариантов сюжета 1525С по СУС – 3, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1525С по СУС – 1. Русских вариантов сюжета 1525N* по СУС – 1, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1525N* по СУС – 1. Сюжет 1525L*** в СУС представлен единственным, русским, вариантом, псковских нет.

Данная сказка Е.Т. Волковой соединяет в себе два сюжета о ловких ворах. Первый из них (воры одурачивают извозчиков), в свою очередь, представляет собою сращение мотивов, характерных для двух близких сюжетных типов: «Вор отвлекает внимание извозчиков от сопровождаемого ими обоза с товарами, для чего якобы ловит рыбу на долото» (для типа 1525N*) и «Сообщники вора обкрадывают обоз» (для типа 1525С). Окончание сказки являет собою вариант сюжета 1525L***: воры «покупают» у рыбаков мешок рыбы, за которую будто бы должен заплатить священник. Попа же они предупреждают, что у одного из рыбаков не все в порядке с головой. К сожалению, возможности комической разработки завершающего эпизода сказки, открываемые такой коллизией, сказочницей не реализованы. Конец сказки получился маловыразительным.

Оба контаминированные в сказке сюжета объединяет прием игры многозначностью слова, на котором построена иносказательная речь воров.

№ 122 (81), 123 – два очень близкие варианта одной сказки, записанной в одном и том же селе с интервалом в двадцать лет. СУС (1525D) + 1525D *Ловкий вор обманывает прохожих* + 1525L* *Кража под песню*. Русских вариантов сюжета 1525D по СУС – 38, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1525D по СУС – 9. Русских вариантов сюжета 1525L* по СУС – 10, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1525L* по СУС – 8. Сюжетный мотив «Вор

обманывает прохожих, подбрасывая на дорогу один сапог, а потом другой» (1525D) – один из наиболее часто встречающихся в сказках о ловких ворах (см. № 119 (78), 120 (79) в сборнике).

№ 122 (81). ДВА ВОРА (ГДЕ ВОРАМ ЛУЧШЕ ЖИТЬ).

Зап. от *Зайцевой Галины Геннадьевны*, 1957 г. р., в с. Подберезье Подберезенск. с/с Локн. р-на Пск. обл. Записали: В.В. Мурзина, Г.И. Плошук, Е.В. Чеченкова. – ФА ПсковГУ, Локн. 1990, т. 4/410-11, № 14. Прекрасный образец сказки о ловких ворах.

№ 123. ДВА ВОРА. Зап. от *Шеляпина Ивана Васильевича*, 1935 г. р., в с. Подберезье Подберезенск. вол. Локн. р-на Пск. обл. Записала: О. Михайлова. – ФА ПсковГУ, Локн. 2010, т. 1/1750, № 1, Д Локн. 2010-1.

И.В. Шеляпин приближает действие сказки к нашему времени: сказочные события разворачиваются *после войны*, традиционные два вора, городской и деревенский, – товарищи-одноклассники, баба, у которой они уводят кобылу, подкинув на ее пути сначала один, а потом другой сапог, едет сдавать молоко на завод.

№ 124 (82). ЖУЛИК И МУЖИК. Зап. от *Буланевой Евдокии Егоровны*, 1907 г. р., в д. Адамово Церковищенск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Л. Вишневская, М. Еремич, Л. Пушкарева, М. Пятница. – ФА ПсковГУ, Усв. 1979, т. 3/1695, № 18. *Кто кого пережмурит*: вор (солдат) предлагает хозяину (хозяйке) состязание, кто кого пережмурит, и уводит хозяйского быка (борова). В СУС не отмечен.

Мастерски рассказанная коротенькая сказочка-анекдот. По справедливому наблюдению Ю.И. Юдина, «в анекдоте о ловком воре главное не само воровство, а двусмысленность положений и поступков, неожиданность развязки, психологические типы хитрого и наглого (чего стоит предложение хозяину сыграть на его же собственного быка! – Г. П.) и простодушного, но считающего себя хитрым» (*Юдин Ю.И. Русская бытовая сказка*. – М., 1998. – С. 56). Комический эффект в концовке анекдота создаётся игрой на многозначности слова «зевать»

Ср. с вариантом, записанным от И.Д. Богатырева в д. Сунево Пыт. р-на Пск. обл.:

Солдату свинки захотелось.

– Давай, баба, спорить, кто лучше рот раскроет. Кто шире – тому пять рублей.

Баба раскрыла широко.

– Ну, – говорит солдат, – твоя взяла! На пять рублей! Теперь давай, кто дольше жмуриться будет.

– Давай!

Закрыла баба глаза, а солдатовы дружки раз – и унесли борова, а боров завизжал. Баба глаза раскрыла – а борова нет.

Солдат говорит:

– Давай пять рублей!

А боровок-то уже у него. И пять рублей получил. Вот как! (Молдавский, 1990. С. 28).

№ 125. СКУПОЙ И ВОР. Зап. от Гусаковой Степаниды Фоминичны, 1920 г. р., в д. Каськово Каськовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: Н.В. Козловская, Ю.Н. Чернова – ФА ПсковГУ, Кун. 1993, т. 1/324, № 33, кассета Кун. 1993-2. СУС 1526А** *Хозяин просит Бога очистить его душу*, а также души его родственников от грехов; вор отвечает: «очищу» – и обворовывает. Русских вариантов сюжета СУС 1526а** – 2, псковских нет; белорусских – 1.

№ 126. ДВА БРАТА. Зап. от Волковой Евдокии Терентьевны, 1907 г. р., в д. Пралище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Н.Н. Васильева, М.Н. Махаринская, Г.И. Плещук. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 3/1691, № 21, МГН-19. СУС 1535 *Дорогая кожа*. Русских вариантов сюжета 1535 по СУС – 72, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1535 по СУС – 20.

Всемирно известный сюжет, чрезвычайно популярный у восточных славян, неоднократно получал литературную обработку в зарубежной и отечественной литературе (См. об этом: Еремина В.И. Комментарий // Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступит. ст. и комм. В.И. Ереминой. – СПб., 2008. – С. 540, № 14).

Мотив *Человека за разные проделки хотят бросить в воду в мешке, он заманивает на свое место другого* (АА 1535*В), обычно завершающий сказки сюжетного типа СУС 1535 *Дорогая кожа*, встречается в сказках в разных

соединениях (см., например, № 135 (90) *Про Иванушку-дурачка*).

Е.Т. Волкова, которой нездоровилось в момент записи, делает пропуски в повествовании, нарушающие логическую связь в развитии действия.

Аудиозапись попорчена, по-видимому, во время подготовки к ее переводу с магнитной пленки в цифровой формат. Уничтоженные фрагменты записи восстановлены в текстовом варианте сказки по рукописной расшифровке сказки, хранящейся в фонде ФА ПсковГУ.

№ 127 (83). КАК БАБА СВИНЬЮ ЗАМУЖ ОТДАЛА. Зап. от *Нарвут Веры Ивановны*, 1910 г. р., в д. Нарично Трехалёвск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: С. Насонова, О. Петрова, Г.И. Плещук. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 1/546-47, № 49.15, кассета Нев. 1987-1.

Маленькая сказочка В.И. Нарвут рассказана к слову во время беседы о свадебном обряде. Начальный эпизод сказки близок к сюжетному типу –1540А** *Парень выпрашивает у хозяйки свинью себе в жены*, представленному в СУС только одним, белорусским, вариантом, и скорее всего также восходит к белорусской сказочной традиции: Невельский район относится к зоне русско-белорусского пограничья, близость невеличской фольклорно-обрядовой традиции к белорусской весьма ощутима. В основе второго эпизода сказки лежит сюжетный мотив 1528 *Сокол под шляпой*. Русских вариантов сюжета 1528 по СУС – 30, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1528 по СУС – 7. Ср. № 120 (79) *Вор Фаныга* в сборнике.

№ 128 (84). СКАЗКА О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ. Зап. от *Паничевой Анастасии Алексеевны*, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: М. Варшавская, Н. Волкова, Е. Гурьева, Г.И. Плещук. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 29, МГН-19. СУС 1561 *Усердный работник*. Русских вариантов сюжета 1561 по СУС – 9, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1561 по СУС – 3.

Сказка А.А. Паничевой построена на повторении обычной для типа 1561 ситуации: жадный поп, которому показалось, что работник *жрет сильно много*, хитрит,

предлагая ему сразу позавтракать, пообедать и поужинать; работник, поев, отправляется на сеновал: после ужина полагается спать. Таким повторением, а также используя прием многозначности слова, сказочница придает образу жадного попа черты дурака-глупца. Слова мужика: *«У нас за одним столом три обеда не отводят»*, – поп понимает буквально и, купив еще два стола, продолжает кормить работника одновременно завтраком, обедом и ужином, удивляясь: *«Что за история такая с мужуком: жрёт, а не работает!»* Не в силах отказаться от полюбившейся идеи сэкономить на харчах, полагающихся работнику, глупый поп вынужден даром кормить работника в течение пяти дней, разориться на покупку двух лишних столов да еще заплатить мужику за два дня косьбы как за целую рабочую неделю.

В завершении сказки проявилась свойственная А.А. Паничевой любовь к рифмованной речи: *«Он яму два дня покосил, а за неделю плату спросил. Всё равно поп заплатил яму, раз пробыл он у яво. И больше ничаво»*.

№ 129. ПОП И РАБОТНИК. Зап. от Соколовой Евгении Филимоновны, г. р. не указан, в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала по памяти: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 30. СУС (650А) *Иван медвежье ушко* + СУС (461= 930) *Марко богатый*. И.В. Балобина сообщает: *«Эту сказку я слышала от Соколовой Евгении Филимоновны, родной сестры моей бабушки. Она большую часть жизни провела в Новосокольничском районе, но при этом оказалась в Ленинграде на все время блокады и последние годы своей жизни провела в этом городе. Каждое лето она с внуками приезжала в гости к моей бабушке и проводила много времени, рассказывая нам истории, сказки, рассказы о блокаде, о войне. В 1999 году она умерла»*.

Текст имеет общее сходство с сюжетом народной сказки о попе и его работнике Балде, записанной А.С. Пушкиным в Михайловском: жадный поп нанимает работника, уговаривается с ним об оплате; работник обнаруживает недюжинную силу, поп страшится расплаты и неисполнимыми заданиями работнику (в том числе отправкой его с поручением к чертям) безуспешно пытается от него избавиться. И в том, и в другом тексте

говорится также о приключениях работника у царя. На этом сходство заканчивается.

В целом не лишённое занимательности повествование Е.Ф. Соколовой, в отличие от сказки, записанной А.С. Пушкиным (*Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Изд. 4-ое. Т. III. – Л., 1977. – С. 410–411*), последовательно серьезно и не содержит комической интриги в завязке, когда ослепленный жадностью батюшка, легкомысленно соглашается на предложенные Балдой условия найма («только три щелка в лоб попу»), не замечая никакого подвоха в такой дешевизне (Поп радёхонек, попадья говорит: «Каков будет *щёлк*»). В варианте Е.Ф. Соколовой попа, пообещавшего щедрое вознаграждение батраку, мучает жадность и страх, что при обнаружившейся непомерной силе работника нарушить договор будет затруднительно.

В записанной поэтом сказке действие начинается прямо со встречи попа с Балдой («Поп поехал искать работника. Навстречу ему *Балда...*»), а весь сюжет строится в основном на вариантах комического состязания героя с чертом. Текст Е.Ф. Соколовой открывается эпизодом, развивающим мотив обретения силы героем и испытания этой силы, что характерно для волшебной сказки. С таким началом связаны особенности дальнейшего развития сюжета. Герой, нанявшийся в работники к попу, добывает для последнего царевну-невесту, для чего совершает богатырский подвиг – один побеждает целое войско. Надо признать, что для такого персонажа, как поп, требование добыть невесту (в волшебной сказке оно, как правило, исходит от царя) не слишком органично и не вяжется с существующим обычаем, при котором место священника получают уже женатые или монашествующие и, следовательно, не имеющие права жениться представители духовенства. Во втором эпизоде («Поп отправляет работника с поручением к чертям») герой получает искомое благодаря действиям чудесного помощника. Это характерное для волшебной и новеллистической сказки выпрашивание антагониста (змея/чудовища/черта) его женой/матерью/бабушкой с целью добыть нужные герою сведения. Ср., например: № 92 (58) *Царь Додон* данного сборника (СУС 461= 930 *Марко богатый*).

Вместе с тем повествование Е.Ф. Соколовой приближается к бытовой истории. Волшебное, чудесное в нем приглушено, сглажено, обытовлено. В традиционной сказке богатырская сила героя обусловлена его чудесным рождением (ср.: СУС 312D *Катигорошек*; СУС 650А *Иван Медвежье ушко*), в сказке Е.Ф. Соколовой источник силы более «реалистичен»: рождение героя обычно, но он тридцать лет питается материнским молоком. В отличие от традиционной волшебной сказки победа героя-богатыря над вражеским войском в тексте Е.Ф. Соколовой оказывается «за кадром», и слушатель о ней узнает лишь из реплики героя: *Поп его спрашивает, мол, как так? А тот и говорит, мол, царь был против, войско на него послал, – да что ему то войско?! Девуцу взял и пошёл обратно.*

Натуралистический характер носит развязка сказки: поп умирает в состоянии аффекта от жадности, гнева и страха: *«Кричал-кричал, ногами стучал, вдруг упал, захрипел и помер».*

№ 130 (85). ДЕД-ГАДАТЕЛЬ. Зап. от Котовой Пелагеи Федоровны, 1914 г. р., в д. Исаково Миритиницк. с/с Локн. р-на Пск. обл. Записали: М. Никитина, Н. Сешко. – ФА ПсковГУ, Локн. 1982, т. 4/371-72, № 103. СУС 1641 *Знахарь*. Русских вариантов сюжета 1641 по СУС – 48, псковских нет; белорусских – 11.

Сказка *Знахарь* принадлежит к наиболее распространенным сказкам всего мира (*Пропп В.Я.* [Примечание к № 379] // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 3. – М., 1957. – С. 427).

В варианте П.Ф. Котовой два последних эпизода, характерные для «классических» вариантов сюжетного типа *Знахарь* (с угадыванием, что у барина/царя в кулаке или что в миске с едой, которую знахарю предлагают), отсутствуют и заменены эпизодом «Герой вынуждает вора невольно выдать себя» (– *А почему вор бросил молиться? – Я молюсь!*).

№ 131 (86). ВАНЮШКА-ДУРАЧОК. Зап. от Трофимой Марии Ивановны, 1935 г. р., в д. Лябзы Пальцевск. вол. Остр. р-на Пск. обл. Записали: С.В. Иванова, Т.В. Кромина. – ФА ПсковГУ, Остр. 1995, т. 4/795-96, № 36. СУС 1600 *Дурак-убийца*. Русских вариантов сюжета 1600 по СУС – 26, из них

псковских – 1 (*Чернышев*, 14); белорусских вариантов сюжета 1600 по СУС – 2.

В качестве вводного эпизода в островской сказке использована анекдотичная ситуация: герой, споткнувшись, забывает, что ему велено сказать, и выкрикивает то, что ему категорически запрещено говорить. Ср. анекдот о сыне плотника: отец посылает сына к соседу за сверлом: *«Запомни: сверло, а не долото!»* Тот всю дорогу твердит: *«Свердело! Свердело!»* – и, споткнувшись у порога, выкрикивает: *«Просил батька долота!»* В СУС как отдельный сюжетный тип не отмечен.

В результате введения такого начального эпизода в сказке М.И. Трофимовой возникает образ алчного, не слишком разборчивого в средствах, если речь идет о возможности поживиться, попа: узнав от проговорившегося дурака о золоте, он мгновенно ориентируется в возможности урвать себе долю, вовсе не интересуясь, откуда золото взялось.

Завершающий эпизод сказки – классический для типа 1600 *Дурак-убийца* финал: братья перепрытывают тело убитого дураком попа, а на его место кладут тушу козла и таким образом отводят от дурака подозрение в убийстве (ср. № 132 (87) *Про Ваню-дурака*).

Мотив подмены мертвого тела тушей животного генетически восходит к древнему обряду инициации (совершеннолетия), во время которого имитировалась смерть посвящаемого, в «доказательство» гибели которого соплеменникам предъявлялось, в частности, убитое животное или его части (см. об этом: *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки // *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки: Собрание трудов В.Я. Проппа / Коммент. Е.М. Мелетинского, сост., научн. редакция, коммент. И.В. Пешкова. – М., 1998. – С. 186–190; *Токарев С.А.* Ранние формы религии и их развитие. – М., 1964. – С. 333–334). Ср.: № 85 (53) *Как один моряк наиграл денег много* (СУС 883А *Оклеветанная девушка*): отец, разгневанный, как ему кажется, недостойным поведением дочери, говорит сыну: *«Поезжай, узнай и отруби ей голову!»* <...> *А брат отрубил собаке голову*

и повёз домой. Привёз, а отец и говорит: «Собаке – собачья смерть», – и выкинул голову за двор.

№ 132 (87) ПРО ВАНЮ-ДУРАКА. Зап. от Беловой Екатерины Васильевны, 1913 г. р., в д. Морицко Березовск. вол. Порх. р-на Пск. обл. Записали: С. Иванова, Е. Николаева, Ю. Николаева. – ФА ПсковГУ, Порх. 1997, т. 1/1125-26, № 52, кассета Порх. 97-1. СУС 1643 *Дурак и берёза* + 1600 *Дурак-убийца* (+ 1536А *Покойница-воровка*). Русских вариантов сюжета 1643 по СУС – 17, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1643 по СУС – 9. Сюжет 1643 широко распространен у восточных славян. Русских вариантов сюжета 1536А по СУС – 5, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1536А по СУС – 3.

Ср. с № 131 (86) *Ванюшка-дурачок*. В основе сказки В.Е. Беловой лежит тот же сюжет 1600 *Дурак-убийца*. И порховская, и островская сказки содержат одну и ту же мотивировку убийства попа дураком, которая, вероятно, характерна для локальной сказочной традиции (Остр. и Порх. р-ны граничат друг с другом). Эта мотивировка построена на обыгрывании многозначности слова *свистнуть*, которое дурак понимает как «ударить», в то время как его умные братья наказывают ему предупредить их свистом о приближении священника (ср.: СУС 1084 *Кто громче свистнет*: человек завязывает черту глаза и вместо свиста ударяет его по голове дубиной). Более обычна для бытовых сказок о дураках ситуация, когда «дурацкий» поступок героя вызван восприятием им прямого смысла слова, употребленного в переносном значении (например, дураку наказывают стеречь дверь от воров – он уходит из дому, сняв дверь с петель и взвалив ее себе на спину: см. №№ 98 (63), 138 (93). Однако в сказках М.И. Трофимовой и Е.В. Беловой такой, «обращенный», вариант обыгрывания многозначности слова художественно мотивирован: в ситуации, когда братья/брат прячут золото и приход попа крайне нежелателен, восприятие дураком именно переносного, а не прямого значения слова *свистнуть* психологически убедительно.

Если в сказке М.И. Трофимовой (Остр. р-н) мотивировка появления золота у братьев дана бегло, в одной короткой фразе,

сообщающей, что старший брат украл золото, то у Е.В. Беловой роль такой мотивировки удачно выполняет открывающий сказку сюжет 1643 *Дурак и береза*, один из самых популярных у восточных славян (СУС: 16). В порховской сказке иначе, чем в островской, мотивировано и нежелательное появление попа в то время, как братья прячут обнаруженный дураком под березой клад. Сказочница вводит деталь деревенского быта: дело происходит в праздник, и священник обходит с молебном крестьянские избы.

Вместо обычной для типа 1600 *Дурак-убийца* концовки с мотивом подмены труп тушей козла в сказке Е. В. Беловой использован ряд мотивов, характерных для сюжетного типа 1536 А *Покойница-воровка*: умные братья усаживают мертвеца в грядки в чужом огороде, хозяева принимают его за вора и бьют; испугавшись нечаянного убийства, сажают покойника на чужую лодку: хозяин лодки, в свою очередь, бьет «вора», тело падает в воду.

Контаминацию сюжетов 1643 *Дурак и береза* + 1600 *Дурак-убийца* СУС отмечает как характерную для русских сказок. Соединение сюжетов 1600 *Дурак-убийца* и 1536А *Покойница-воровка* среди распространенных у восточных славян в СУС не отмечено (СУС: 396).

№№ 133 (88), 134 (89) относятся к сюжетному типу СУС 1681А = АА* 1681 I *Дурак делает покупки*. Русских вариантов сюжета 1681А по СУС – 21, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1681А по СУС – 3.

№ 133 (88). *ИВАНУШКА-ДУРАЧОК*. Зап. от *Вихровой Екатерины Андреевны*, 1925 г. р., в д. Васильково Жижицк. вол. Кун. р-на Пск. обл. Записала: О.А. Быстрова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1993, т. 2/325, № 83.

№ 134 (89). *КАК ВАНЮШКА-ДУРАЧОК ЕЗДИЛ В ГОРОД ДРОВЫ ПРОДАВАТЬ*. Зап. от *Буйко Пелагеи Филипповны*, 1924 г. р., в д. Городище Артёмовск. вол. Нев. р-на Пск. обл. Записала: Е. Буйко. – ФА ПсковГУ, Нев. 2000, т. 1/622-23, № 8, 9, кассета Нев. 2000-1.

Две коротенькие сказочки, построенные, как это обычно для данного сюжетного типа, на варьировании одной и той же сюжетной ситуации: герой утрачивает купленное. Количество

вариаций (в той и другой сказки по три) соответствует количеству разновидностей купленного дураком товара.

В народной сказочной традиции существует определенный набор вариантов оформления сюжетной коллизии «Дурак утрачивает купленное». В зависимости от выбора этих вариантов образ дурака может приобретать тот или иной оттенок, а сказка – тот или иной смысл.

В повествовании Е.А. Вихровой два первых эпизода представляют по сути удвоение одной и той же коллизии: дурак поит коня. Варьируется только деталь: стремясь сдобрить пойло для коня, дурак в первый раз высыпает в реку всю купленную муку, во второй – соль. В третьем эпизоде дурак надевает горшки на пеньки (ср.: № 135 (90) *Про Иванушку-дурачка*).

Иванушкой-дурачком движут самые благородные побуждения: он готов немедленно помочь каждому, кто в этом, по его мнению, нуждается; отдать, не жалея, все, что имеет, и при этом испытывает радость: *«Какие вы красивые стали, мои пешки!»* – умиляется он, надев горшки на пеньки, у которых *«шапочек нет»*. При этом герой, не понимая истинной сути того, что видит и слышит, всему дает свое, «дурацкое», истолкование и сообразно с ним поступает. В результате щедрость и душевная широта, добрые поступки Иванушки оборачиваются лишь видимостью доброго дела, расточительностью и ущербом для близких: муку и соль уносит вода, ничего не перепадает от предназначенных для нее щедрот лошади; ни холодно, ни жарко от подарков дурачка пенькам; ни с чем остался и сам дурак-добрая душа, и его родители. Сказка убеждает: беда, если доброта соединяется с глупостью.

В сказке П.Ф. Буйко дураку кажется, что купленные им ложки и котлы дразнят его: *«Бряк-бряк!»* А он думает, что яны говорят: *«Иван-дурак! Иван-дурак!»* Ён котлы еты – об землю! Соль, пересыпаясь, шумит, а дураку, очевидно, ясно, что она шепчет о нем, и притом что-то плохое: он и соль высыпает на дорогу. Сказка учит: подозрительность, убежденность в недоброжелательности всех и вся, озлобленность, немедленная и резкая реакция по отношению к воображаемым недоброжелателям способны нанести урон человеку и его

близким, перечеркнуть достигнутое трудом, свести на нет удачу (дурак выгодно продал дрова, а вернулся ни с чем).

У П.Ф. Буйко основному тексту предшествует так называемая докучная сказка (*Про лося* и *Про овец*, СУС 2300), которой взрослые отваживали детей, надоедавших с просьбами рассказать сказку. Русских вариантов сюжета 2300 *Докучные сказки* по СУС – 125, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 2300 по СУС – 3.

№ 135 (90). ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА. Зап. от Александровой Анны Ивановны, 1922 г. р., в п. Струги Красные Стр. р-на Пск. обл. Записали: С. Жемчужина, Г. Калегина. – ФА ПсковГУ, Стр. 1994, т. 1/1557-58, № 7.1. СУС 1691 *Дурак домовничает* + 1681А=АА *1681 I *Дурак делает покупки* + 1535 = АА 1535 *В *Человека за разные проделки хотят бросить в воду в мешке*. Он заманивает на свое место другого. Русских вариантов сюжета 1691 по СУС – 1, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1691 по СУС – 8. Русских вариантов сюжета 1681А по СУС – 21, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1681А по СУС – 3. Русских вариантов сюжета 1535 по СУС – 72, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1535 по СУС – 20.

Сказка представляет собою соединение трех сюжетов. Последний из них (спасение от утопления) никогда не выступает самостоятельно, а только в различных соединениях. Подобная контаминация содержится также в сказке *Афанасьев*, № 400. Благодаря присоединению последнего сюжетного мотива (СУС 1535 *Дурак спасается от утопления*), образу дурака-глупца придаются черты хитреца-шута. Ср.: СУС 1539 *Шут*: продает глупым людям шапку-все заплачено, плетку, которая якобы оживляет мертвецов, и т.п.; его хотят утопить, но он спасается. «Шут бытовой сказки легко перенимает роль дурака и наоборот. На границе между этими двумя ролями лежит ничейное пространство, где дурак и шут сливаются в один неразличимый тип хитрого дурака или придурковатого шута. В русских сказочных вариантах герой может одновременно выступать в обеих ролях, представляя почти неразделимое единство» (Юдин Ю.И. Русская бытовая сказка. – М., 1998. – С. 241).

№ 136 (91). ЖЕНИХ-ДУРЕНЬ. Зап. от *Куляшевой Марии Андреевны*, 1907 г. р., в д. Усово Лобковск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: С. Козорезова, Г.И. Площук, А. Романова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 9/563-64, № 15.13. СУС (1685) *Дурак женится* + (1696С*) *Дурак попадает в нелепые положения (на дереве, в колыбели, в бочке)*: его принимают за нечистую силу. Русских вариантов сюжета 1685 по СУС – 8, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1685 по СУС – 3. Сюжет 1696С* в СУС представлен одним, украинским, вариантом.

Коротенькая, двухэпизодная, сказка к слову прозвучала во время беседы о свадебном обряде, когда речь зашла о том, как готовят и украшают надельный пирог для невесты.

Ср.: №№ 144 (98), 145 (99) *Поп-любовник* в сборнике.

№ 137 (92), 138 (93) – близкие друг другу сказки.

№ 137 (92). ДУРЕНЬ. Зап. от *Александровой Анны Владимировны*, 1927 г. р., в д. Вяз Вязовск. с/с Н-Сок. р-на Пск. обл. Записали: О.А. Ваврисюк, И.В. Паничева, Г.И. Площук, Ю.Н. Чеченкова. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 1988, т. 1/681-82, № 42, кассета Н-Сок. 88-4. СУС 1696 *Набитый дурак*. Один из наиболее популярных у восточных славян сюжетов (СУС: 16). Русских вариантов сюжета 1696 по СУС – 31, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1696 по СУС – 10.

От той же исполнительницы, А.В. Александровой, эта сказка была записана участниками экспедиции Фольклорно-этнографического центра (ФЭЦ) Ленинградской консерватории им. А.Н. Римского-Корсакова Г.В. Лобковой и Л.П. Маховой зимой 1988 года. Опубликована в двухтомнике: Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: в 2 т. / Автор проекта, составитель, научный редактор А.М. Мехнецов. – Псков, 2002. Т. 2. – С. 631. Экспедиция ПсковГУ (тогда ПГПИ им. С.М. Кирова) в Н-Сок. р-н состоялась летом 1988 года.

№ 138 (93). ДУРАК. Зап. от *Бойцовой Татьяны Лукиничны*, 1905 г. р., в д. Огородцы Назимовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: С. Качнова, Л. Мясникова. – ФА ПсковГУ, Куе. 1983, т. 5/307-08, № 126. СУС 1696 *Набитый дурак* + 1600 *Дурак-убийца* + 1009 «*Сторожки хорошенько дверь*». Сведения

о количестве вариантов сюжетов 1009, 1600, 1696 по СУС см. соответственно в коммент. к №№ 41, 98 (63), 131 (86), 132 (87), 137 (92).

Сказки сюжетного типа 1696 *Набитый дурак* строятся как цепь эпизодов, в которых варьируется одно и та же ситуация: герой, не умея примениться к новым условиям и изо всех сил стараясь вести себя как подобает, с готовностью, но догматически воспринимает как руководство к действию даваемые ему советы. При этом он вновь и вновь попадает в переплет (*там его побили, там поколотили; отколотили, чуть живого оставили*), произнося этикетную фразу или совершая этикетное действие, которое было бы правильным в предшествующей бытовой коллизии, но не уместно в той, в какую он попадает в очередной раз.

Анализ структуры сказок этого типа, проведенный Т.В. Никифоровой, показал, что в этих сказках имеется относительно устойчивое, повторяющееся из сказки в сказку сюжетное ядро, состоящее из ряда эпизодов, следующих друг за другом в относительно строгом порядке (см.: *Никифорова Т.В.* Алогизм в бытовой сказке (на примере сказок о дураках) // Сказки Псковской области / Под ред. Г.И. Плешук. – Псков, 2004. – С. 466 и далее). В куньинском и новосокольничском вариантах это сюжетное ядро составляют такие следующие друг за другом бытовые ситуации, в которые попадает дурень: молотьба, похороны, свадьба, пожар, опаливание свиньи. Далее одна и другая сказочницы строят сюжеты своего повествования по-разному. А.В. Александрова (Н-Сок. р-н) добавляет еще два эпизода: один – дурак высказывает мужику, обдирающему сдохшую лошадь, пожелание, которое полагалось сказать, когда люди палили свинью («*Репы мяса, ведро сала! В Христово воскресеньице вам на разговеньице!*»); второй – подойдя в Спас к мужикам, дурень поступает так, как следует, когда видит падаль: плюет им в мед. Сказка А.В. Александровой представляет собою сюжетный тип 1696 в чистом виде, мастерски исполненный, с почти сплошь ритмизованным и рифмованным текстом.

Т.Л. Бойцова (Кун. р-н) к основному сюжетному ядру добавляет еще три варианта обычной для данного типа коллизии

с неуместным поведением героя: «мужик оправляется» – ему дурак высказывает пожелание, которое следовало сказать опаливающим свинью (*«Дай Бог вам заговеться и разговеться, все мясо прожить!»*); «встреча с медведем» (герой говорит ему то, что следовало сказать мужику: *«Дурак, не на месте сидишь!»*; медведь его ободрал) и «встреча со священником», которого дурак застрелил, поступив с ним так, как следовало поступить с напавшим медведем.

Последним эпизодом и обусловлено развитие финала сказки, для которого Т.Л. Бойцова использует мотив подмены мертвого тела козлом, характерный для сказочного типа 1600 *Дурак-убийца*. В сказках типа 1600 такую подмену совершают умные братья дурака, простодушно проговаривающегося об убийстве, и тем избавляют дурака от тюрьмы (см. № 131 (86) *Ванюшка-дурачок*). При этом комизм эпизоду придают недоуменные вопросы дурака, которому предложено показать, где лежит труп. Так, в пушкиногорской сказке *Иванюшка-дуранюшка*, герой, обнаружив на чердаке вместо трупа убитого им мужика-вора козлиную тушу, спрашивает вдову убитого: *«Тетка, а тетка, твой дядя в шерсти?» Тетка говорит: «Скидывай, дурак! Ково ты там»... оцупал роги: «Тетка, а тетка! А в дяди есть роги?» – «Скидывай, дурак! Ково ты там?» Он опять оцупал, кричит: «Тетка, а тетка, в дяди сколько – четыре ноги?» – «Дурак, скидывай...» Он оттуда гром козла! «Ну вот, баба, – говорит урядник, – поверили дураку»* (Чернышев, № 14. С. 31–32). Одураченными оказываются и убийца, и сыщики.

У Т.Л. Бойцовой дурак так же простодушно проговаривается об убитом попе, явившись на его поминки. При этом сказочница вводит мотив «дурак снимает с петель и приносит с собой дверь, которую ему приказано стеречь» (СУС 1009), что вполне отвечает комическому образу набитого дурака. Однако в сказке Т.Л. Бойцовой дурак, спохватившись, сам производит подмену трупа козлом и морочит односельчан, утверждая: *«Ваш поп был с рогами и с бородой»*, – и ловко избегает этим наказания за убийство. Таким образом, герою сказки приданы черты хитреца-шута, что в сюжете о набитом дураке художественно не слишком убедительно. Вместе с тем в

кунынской сказке проявилась общая для бытовой сказки тенденция к слиянию характерных для нее двух типов героев: шута (хитреца) и дурака (глупца) в один тип – тип дурако-шута (см.: Юдин Ю.И. Русская бытовая сказка. – М., 1998. – С. 241–242). По мнению Ю.И. Юдина, «в ней этот процесс только начат. Яснее такое слияние видно уже за пределами бытовой сказки в кукольном Петрушке, в лирическом герое частушки...» (Там же. – С. 242).

№ 139 (94), 140 относятся к сюжетному типу СУС 1698 *Не понимают друг друга из-за глухоты*. Русских вариантов сюжета 1698 по СУС – 3, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1698 по СУС – 3.

№ 139 (94). ДВА СВАТА. Зап. от *Гороховой Раисы Матвеевны*, 1921 г. р., в д. Стрельниково Плисск. вол. Нев. р-на Пск. обл. Записала: Ю. Горохова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1996, т. 3/617-18, № 15, кассета Нев. 1996-1.

Р.М. Горохова родилась на Урале, в войну переехала в Пск. обл. К сожалению, сведения, где и когда она усвоила сказку, отсутствуют: псковский или уральский вариант сюжета ею представлен, нам не известно. Однако текст включен в состав сборника: Р.М. Горохова прожила в Пск. обл. более пятидесяти лет, а миграция населения – один из путей пополнения сказочного репертуара любой местности. Кроме того, есть некоторые основания полагать, что сказка Р.М. Гороховой все же относится к фольклорной традиции русско-белорусского пограничья, куда входит Нев. р-н Пск. обл. Таково слово *чуешь* в значении ‘слышишь’. За исконность слова в тексте говорит то, что оно поставлено на рифму (*чуешь – ночуешь*): в сказках сюжетного типа 1698, как и в народном театре, игра на близких по звучанию рифмующихся словах – один из основных приемов создания комического эффекта; эти сказки представляют собою сценку-диалог и вполне могли разыгрываться как интермедии (ср. № 143 (97) *Как иностранец рыбу покупал*, см. комментарий к тексту).

№ 140. КАК БАБКА ИСПОВЕДОВАЛАСЬ. Зап. от *Масловской Екатерины Филимоновны*, 1928 г. р. в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина. –

ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 16; № 20, кассета Н-Сок. 2010-2.

Вариант 140а записан по памяти внучкой Е.Ф. Масловской Ириной Владимировной Балобиной, 1986 г. р., указавшей в воспоминаниях на ту естественную бытовую ситуацию, в которой обычно сказка звучала: «Когда моя бабушка говорит что-либо, а ее не расслышишь, она любит повторять такую присказку: *«Ты как тая бабка глухая, што у церкву молища ходила: пришла к батюшке, ён говорит ёй...»*.

И.В. Балобиной произведена также аудиозапись сказки в исполнении Е.Ф. Масловской (140б). Вариант, зафиксированный при аудиозаписи, прозвучавший не спонтанно, не в естественной обстановке, а специально для записи, по просьбе собирателя, в сравнении с записанным по памяти текстом потерял в динамичности повествования, благодаря однообразно повторяющимся авторским словам при прямой речи (*она говорит – он говорит*).

№ 141 (95). СЛЕПОЙ И ГЛУХОЙ. Зап. от Бойкова Ивана Титовича, 1920 г. р., в д. Суворово Кун. р-на Пск. обл. Записали: Т. Магерева, Т. Михайлова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 8/312-13, № 51. СУС 1698D* *Слепой и глухой*. В СУС сюжет представлен тремя, только украинскими, вариантами.

Сказка, близкая к коротким народным сценкам-интермедиям. Комический эффект создается характерной для народного театра игрой на сходных по созвучию, но разных по значению словах: *стручист – стучит; межа – бежать*.

№ 142 (96). СУХИЕ НОГИ. Зап. от Александровой Анны Владимировны, 1927 г. р., в д. Вяз Вязовск. с/с Н-Сок. р-на Пск. обл. Записали: О.А. Ваврисюк, И.В. Паничева, Ю.Н. Чеченкова. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 1988, т. 1/682-83, № 37, кассета Н-Сок. 88-4. В СУС сюжет не отмечен.

Анекдот *Сухие ноги* прозвучал во время разговора о старинной деревенской обуви – лаптях, тюнях (обувь, плетенная из веревок).

Комический эффект создается приемом обыгрывания многозначности слова: *сухой* – ‘не промокший’ и *сухой* – ‘худой’, ‘тощий’. В комическую форму анекдота облечена житейская мудрость: не зацикливайся на своих настоящих или

мнимых физических дефектах и не думай, что на них сосредоточено осуждающее внимание всего мира; ни к чему хорошему это не приводит. Герой анекдота, обладатель тонких ног, очевидно, остро переживающий это обстоятельство, воспринимает вопрос спутника, исполненный доброжелательной заботливости, как издевательство. Резкой реакцией он создает конфликтную ситуацию, способную вызвать враждебные по отношению к нему чувства, на которые не было и намека.

№ 143 (97). КАК ИНОСТРАНЕЦ РЫБУ ПОКУПАЛ.

Зап. от *Александровой Анны Владимировны*, 1927 г. р., в д. Вяз Вязовск. с/с Н-Сок. р-на Пск. обл. Записали: О. Ваврисюк, И. Паничева, Г.И. Плещук, Ю. Чеченкова. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 1988, т. 1/682-83, № 41, кассета Н-Сок. 88-4. СУС 1699 *Анекдоты о неправильном произношении*. Русских вариантов сюжета 1699 по СУС – 4, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1699 по СУС – 4.

За исключением первых двух вводных фраз, вся сказка представляет собою комическую сценку-диалог. В сказке обыгрывается восприятие иностранцем русской речи, в которой он не различает ряд звуков, редуцированные концы слов, не всегда улавливает границы слова в потоке речи. Так, в фразе: *«Иди домой, дурак!»* – его слух выделяет слово *рак*. Его фонетическая память, воспитанная на иной орфоэпии, искажает звучание русских слов и извлекает из небогатого запаса русской лексики слова, близкие к услышанным по звучанию, но иные по значению, что и производит комический эффект. Этот эффект усиливается многократным терпеливым повторением иностранцем одной и той же комически неправильной, напоминающей детскую речь фразы (*«А мне надо такой рын: варишь – красны-красны, клас такой цёрно-цёрно, а кота пегаёт, телаёт хвостиком ляп-ляп»*)), которой он пытается объяснить продавцу, какой товар он хочет приобрести, название которого сам забыл. Причем избранное им ключевое слово *рыба* исключает возможность догадаться, что имеется в виду (покупателю нужен рак, а не рыба). Комическую окраску повествованию придает также обыгрывание иностранного акцента.

Сказка имеет неожиданный анекдотический конец. Измученный и вышедший из себя продавец, отказываясь и дальше гадать, что нужно покупателю, гонит и обзывает его: «Дурак!» Иностранцу же в ругательстве слышится забытое и искомое им слово. Он удовлетворен: наконец-то его поняли: «Да-да! Десять рак!»

№№ 144 (98), 145 (99). СУС 1725 *Влюбленный поп*. Сюжет распространен у восточных славян (СУС: 16). Русских вариантов сюжета 1725 по СУС – 20, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1725 по СУС – 13.

№ 144 (98). *ПОП-ЛЮБОВНИК*. Зап. от Григорьевой Марии Николаевны, 1910 г. р., в д. Нища Долосчанск. вол. Себ. р-на Пск. обл. Записали: Н. Верзакова, Т. Рощина. – ФА ПсковГУ, Себ. 1991, т. 6/1619-20, № 138.

№ 145 (99). *ВЛЮБЛЕННЫЙ ПОП*. Зап. от Ганнибаловой Марии Михайловны, 1919 г. р., в п. Дедовичи Дед. р-на Пск. обл. Записали: С. Павлова, Г.И. Плошук, Е. Травкина. – ФА ПсковГУ, Дед. 2001, т. 6/204, № 52, кассета Дед. 01-9.

Ближние варианты: муж избавляет свою жену от домогательств попа, подстроив по уговору с ней ловушку для сластолюбца в рясе. В том и другом тексте используется один из характерных для сказок об одураченном похотливом попе сюжетных мотивов: перепачканного в золе и саже (вариант: дегте и перьях) спрятавшегося в сундуке незадачливого любовника выдают за черта. (Ср. № 136 (91) *Жених-дурень*). Сказка М.М. Ганнибаловой более традиционна: в ней разрабатывается мотив продажи «черта» мужем приглянувшейся попу женщины. Свою сказку Мария Михайловна рассказывает мастерски, с подробностями, вызывающими в воображении слушателя живые комичные картины: *Батя чебурах в этот сундук! А там зола да сажа! У нее сундук не просто ставят на телегу, а сначала несут: А ступенек-то много, как по-деревенски, крыльцы-то; вот оны этот сундук по этим ступенькам только гром-гром! Гром-гром!* Как живой, предстает образ барина, покупателя черта: *Он и говорит хозяйке [жене. – Г. П.]: «Вси зверюшки есть, а чёрта в нас нет! Надо купить!»* Эффектно разработана сцена появления батюшки из сундука: *Открыли. А батя как выскоче*

оттуда – да в лес! Оны [барин, барыня и кучер. – Г. П.] – по сторонам! Барыне худо стало: ну, чёрт-то выскочил, в золы-то!

Особый комизм придает сказке кольцевая композиция; начинается и завершается сказка одной и той же ситуацией: молодая женщина идет за водой. Только в начале сказки с нею заигрывает сластолюбивый батюшка: *«Гы-гы-гы, Катя!»* А в конце сказки ту же игривую реплику подает молодая женщина: *«Гы-гы, батя!»* И ответная реплика попа, за которой видится соответствующий жест: *«На-ко тебе, Катя!»* Окончательную завершенность придает сказке комментарий сказочницы: *Вот и хватя бате гоготать! Употчевал Ваня!*

Тот же сюжет у М.Н. Григорьевой подан как рассказ о происшествии, будто бы действительно случившемся в ее родном селе. Соответственно из повествования исчезает наиболее сказочный мотив продажи черта, он заменяется демонстрацией черта односельчанам, а реакция покупателей черта (барина и барыни) при появлении попа из сундука заменяется реакцией стоящей в толпе попадьи, не узнавшей мужа. Она взволнованно кричит: *«Это самец, надо самку ловить!»* Обставляется рассказ «убедительными» бытовыми подробностями: муж приглянувшейся батюшке молодой женщины – *дьяк Ваня*, зависимый от попа человек; о попе сообщается, что *он был пожилой, у него была своя семья, трое ребят*; своими преследованиями поп довел молодую женщину до отчаяния (она видит выход в том, чтобы бросить все и уехать из села. А уехать нельзя, потому что кто же, кроме попа, даст дьячку землю? Из этой безвыходной ситуации и находит остроумный выход молодой *дьяк*). Соответствующая и концовка: именно Ваня несет попу наутро в лес мыло и одежду, выручая его таким образом из щекотливой ситуации, после чего *поп дал Ивану земли и больше к Насте не приставал*.

№ 146 (100). КАК ПОП ОТЕЛИЛСЯ. Зап. от *Куприяновой Ефросиньи Николаевны*, г. р. не указан, в д. Вашуткино Кун. р-на Пск. обл. Записали: С. Качнова, Л. Мясникова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 5/307-08, № 73. СУС 1739 *Как поп телился*. Русских вариантов сюжета 1739 по СУС

– 17, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1739 по СУС – 6.

Сказка-анекдот о глупцах-простаках, об огромной власти над ними любой бумажки с печатью, которую они привыкли воспринимать как не подлежащий сомнению документ, какая бы чушь ни была в ней написана. Большой поп, мочу которого работник по пути в больницу нечаянно разлил и подменил мочой коровы, получив результаты анализа, верит, что должен скоро телиться. Хозяйка отелившейся коровы, у которых ночевал поп и которые ночью своими руками принесли теленка в дом, чтобы не замерз в хлеву, верят, что теленка родил поп, так как он показал им *документ*.

№ 147 (101). БОЖЕ, БОЖЕ, ДАЙ ОГНЯ! Зап. от *Васильева Ивана Михайловича*, 1915 г. р., в д. Лжун, Юхновск. вол. Н-Рж. р-на Пск. обл. Записала: О. Богданова. – ФА ПсковГУ, Н-Рж. 1993, т. 6/666, № 50. СУС 1837** *Поповская хитрость*. Сюжет 1837** представлен в СУС только двумя, русскими, вариантами, псковских нет.

Сказка-анекдот о попе, решившем хитростью убедить свою паству, что он с самим Богом на короткой ноге. Как и полагается анекдоту, краткое повествование имеет неожиданный резкий и смешной конец. Комизм концовке придает снижающая реплика помощника попа по устройству «чуда», звучащая в рифму с патетическим призывом батюшки: *Вот поп кричить: «Божже, Божже, дай огня!» А мужик-то с церкви: «Фига, батька! Пацля вся!»*

№ 148 (102). КАК ПОП В РАБОТНИКИ НАНЯЛСЯ. Зап. от *Паничевой Анастасии Алексеевны*, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Площук, Н.А. Волкова, Т.С. Сергеева, Е.Е. Гурьева и др. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 30, МГН-19. *Поп-работник*. В СУС сюжет не обнаружен.

В занимательной трехэпизодной сказке А.А. Паничевой создан образ жадного попа, любителя легких хлебов, бесчеловечного и расчетливого вымогателя. Целую неделю держит он взаперти в амбаре мужика, которому нечем заплатить за крещение ребенка, думая о его родных: *«Дело к сенокосу: выкупать! Нэгде денуться!»*

Второй и третий эпизоды – рассказ о том, как мужик проучил своего обидчика. В основе второго эпизода – прием реализации метафоры, заключенной в фразеологизме *валять дурака*. За провинность на год лишенный прихода, батюшка не унывает. Привыкнув с высокомерным презрением смотреть на труженика-крестьянина, он уверен, что обведет вокруг пальца любого мужика и проживет за его счет: *«Наймусь к какому-нибудь мужику-лохмаку на годик и поваляю дурака»*. Мужик, подслушав его, обязуется платить по пятаку каждый раз, как он действительно свалит с ног его здорового брата-дурака, который, как было условлено с братом, в первый раз, едва поп до него дотронулся – *кувырк! Завалился!* Соблазненный легкостью наживы, поп вызывается *валять дурака* целый день и мучается с ним, пока совсем не заморился.

Комическая ситуация в третьем эпизоде создается обыгрыванием омофонов *свинницы* – с *Винницы*. Мужик зовет попа в хлев, где у него живут *две девицы-свинницы, Дуняшка и Аксюшка* – две молодые свинки. Сначала поп, а потом и попадья, до которой доходят слухи, думает, что речь идет о девицах с[из] *Винницы*. Мужик запирает попа в хлеву, как когда-то его запер поп в амбаре. В отличие от родных мужика, ревнивая попадья не торопится выкупить мужа, и ему приходится прожить со свиньями целый год, выполняя самую черную работу (*«Мне тут сильно, уговорить, – вонииша, уговорить, урязишиша, ня моу!»* – *«А, – уговорить, – а кто тябе запрещает? Убирай, чтоб було чисто!»*).

Конец сказки возвращает к ее началу, придавая повествованию стройность и завершенность: *«А попу уже невтярпёж! Дак ён еле-еле уод отвисел, мужик яу выпустил с пятаком в кармане. Прииёл и больше закаялся и на работу наниматься, и в амбар сажать, кто платы не принесёт за хрестьбины»*.

№№ 149 (103), 150 (104) – варианты одного сюжета. *«Молонья, моргани!»*: мужик (цыган) ворует огурцы ночью во время грозы и просит молнию посветить ему; хозяин бьет его палкой; мужик думает, что поражен молнией: *«Морган оторвался!»*; вариант: просит молнию *не моргать*. В СУС сюжет не отмечен.

№ 149 (103). КАК ЦЫГАН ОГУРЦЫ ВОРОВАЛ. Зап. от *Бойкова Ивана Титовича*, 1920 г. р., в д. Суворово Куньинск. вол. Кун. р-на Пск. обл. Записали: Т. Магерова, Т. Михайлова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 8/312-13, № 52.

№ 150 (104). КАК МУЖИК ОГУРЦЫ ВОРОВАЛ. Зап. от *Васильева Ивана Михайловича*, 1915 г. р., в д. Лжун Юхновск. вол. Н-Рж. р-на Пск. обл. Записала: О. Богданова. – ФА ПсковГУ, Н-Рж. 1993, т. 6/666, № 49.

№ 151 (105) КАК ЦЫГАН И МУЖИК СОЛНЦЕ УГОВАРИВАЛИ. Зап. от *Беловой Ефросиньи Павловны*, 1907 г. р., в д. Пестюхино Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: М. Александрова, Н. Волкова. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 5/1685-86, № 37. В СУС нет.

Сказка-приказка к слову. Прозвучала, когда зашел разговор о том, каким тяжелым был крестьянский труд.

№ 152. УДАЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ. Зап. от *Балобиной Ирины Владимировны*, 1986 г. р., в г. Пскове. Записала: она же. Сказка усвоена И.В. Балобиной в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл., где прошло ее детство. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 12. СУС 1890 *Ружье стреляет нечаянно*: убивает глухаря, глухарь падает и убивает зайца и т.д. В СУС учтен один, русский, вариант сюжета 1890; псковских нет.

В костромском варианте, представленном в СУС (*Афанасьев*, 424), сюжет 1890 *Ружье стреляет нечаянно* контаминирован с сюжетом СУС 1930А* *Богатые люди* и завершает повествование о мнимом богатстве героев, добытом мнимым же разумом, заботливостью и трудолюбием («*люди пахать – мы руками махать; люди жать – мы в бороздах лежать; батюшка был больно заботлив, рано утром вставал – чуть заря занимается, и все на улицу глазел*»), а рассказ о нечаянном выстреле завершает повествование. Для костромского варианта характерно нагромождение эпизодов-небылиц.

И в костромском, и в представленном в настоящем сборнике текстах нечаянный выстрел оказывается неправдоподобно удачным для горе-охотника и приводит к повышению его социального статуса. В сказке из сборника А.Н. Афанасьева герой, продав добычу, богатеет и женится, причем

сообщение об удачной женитьбе героя становится поводом для введения в повествование характерного для народного театра пародийного образа «красавицы» – жены или невесты.

В версии И.В. Балобиной сюжет СУС 1890 *Ружье стреляет нечаянно* представляет собой отдельную сказку, цельную и стройную. В основе комического повествования обыгрывание трусости героя, что определяет все повороты традиционного сюжета от завязки до развязки. Герой, над страхами которого потешается вся деревня, уже женат и отправляется на охоту вовсе не по доброй воле, как в костромском варианте, а выпровожен супругой, которой надоело, что ее муж – всеобщее посмешище: *«Штоб духу твоёво здесь не был! Или воротисся с добычей какой-нить, или не приходи овеси!»*. В новосокольнической сказке отсутствует традиционный мотив добывания искры, необходимой для выстрела, от удара, когда в критический момент (герой прицелился в птицу) и обнаруживается, что в ружье нет кремня; однако ружье все же стреляет: порох вспыхивает от искр, посыпавшихся из глаз героя, нечаянно ударившегося головой о дерево. Ср.: Мюнхаузен в аналогичной ситуации добывает необходимую для выстрела искру, ударив себя кулаком в глаз (Искры из глаз / *Распе* Э. Приключения барона Мюнхаузена. С. 1 // <http://bookz.ru/authors/raspe-e/munhayze/1-munhayze.html>). Ружье, которое сунула в руки мужу расви́репевшая жена, исправно, и комическая мотивировка выстрела в новосокольнической сказке реалистична: горе-охотник, перепуганный криком птицы, приседает от ужаса – ружье стреляет. И – убивает напугавшую горе-охотника птицу. Следует традиционная цепочка: птица падает на волка и убивает его, а волк – кабана. Концовка, переключаясь с началом сказки, придает повествованию завершенность (*...ўся дзярвеня над йим потешалася!.. И больше над йим ня смяялись никто*). Небылица превращается в анекдот о явившейся следствием патологической трусости героя удаче на охоте, добывшей плюговому мужичонку уважение ранее презиравших его односельчан.

№ 153 (106). ПРО НЕВЕСТКУ, КОТОРАЯ ЛГАТЬ ЛЮБИЛА. Зап. от Рассоловой Валентины Дмитриевны, 1928 г.

р., в д. Скоморохово Городищенск. вол. Остр. р-на Пск. обл. Записала: С.Д. Скрипник. – ФА ПсковГУ, Остр. 1993, т. 2/788, № 45. СУС 1920В *«Мне некогда»*, – говорит человек и лжет. Русских вариантов сюжета 1920В по СУС – 5, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1920В по СУС – 2.

Маленькая сказочка, по терминологии В.Д. Рассоловой, *присказка*, относится к сюжетно-тематической группе сказок-небылиц: *«Дед, бывало, мой рассказывал. Много говорил. Вот, одну знаю»*.

№ 154 (107). НЕБЫЛАЯ НЕБЫЛИЦА. Зап. от *Нарвут Веры Ивановны*, 1910 г. р., в д. Нарично Трехалёвск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: С.Н. Насонова, О.В. Петрова, Г.И. Площук. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 1/546-47, № 61, кассета Нев. 87-1. СУС (1920Н*) *Огонь в обмен на небылицы* + (1886) *Человек хочет напиться* + 1889Р *Человек сшивает две половинки лошади* + 1889К *Человек взлезает на небо по дереву* + 1900 *Волк вытаскивает человека из болота*. Русских вариантов сюжета 1920Н* по СУС – 31, псковских – 1 (*Молдавский*, с. 263–266 = *Молдавский*, 1958, 77 = *Молдавский – Бахтин*, с. 120–123 = *Молдавский*, 1979, 103 = *Молдавский*, 1990, с. 118–121); белорусских вариантов сюжета 1920Н* по СУС – 6. Русских вариантов сюжета 1886 по СУС – 4, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1886 по СУС – 1. Русских вариантов сюжета 1889Р по СУС – 19, из них псковских – 1 (библиографические источники те же, что и для сюжета 1920Н*); белорусских вариантов сюжета 1889Р по СУС – 3. Русских вариантов сюжета 1889К по СУС – 49, из них псковских – 1 (источники те же); белорусских вариантов сюжета 1889К по СУС – 10. У восточных славян из всех сюжетов-мотивов, характерных для сказок-небылиц, сюжет 1889К *Человек взлезает на небо по дереву* наиболее популярен (СУС. С. 16). Русских вариантов сюжета 1900 по СУС – 34, из них псковских – 1 (источники те же); белорусских вариантов сюжета 1900 по СУС – 3. Эта сказка от той же исполнительницы записана экспедицией Ленинградской консерватории им. А.Н. Римского-Корсакова, текст опубликован (Народная традиционная культура Псковской области: Обзор

экспедиционных материалов Фольклорно-этнографического центра: в 2 т. Т. I. – Псков, 2002. – С. 634).

Характерные для сказок-небылиц сюжеты-мотивы в подобных сказках могут встречаться в разных комбинациях. Из набора, представленного в варианте В.И. Нарвут, наиболее часто соединяются в сказке 1920Н* *Огонь в обмен на небылицы*, 1889К *Человек взлезает на небо по дереву*, 1889Р *Человек сшивает две половинки лошади* (см.: СУС: 397). При этом сюжет 1920Н* *Огонь в обмен на небылицы* (повествование о старике, который в обмен на огонь заставляет рассказывать небылицы, а не сумевшим не только не дать огня, но и вырезать ремень из спины) служит обрамлением сказки.

Текст, записанный от В.И. Нарвут, содержит неизвестный вариант сюжетного мотива «Человек использует свой череп в качестве сосуда», обозначенного в СУС шифром 1886 и названием *Человек хочет напиться*: в невельской сказке человек собирает в свой череп яйца дикой утки.

Любопытный вариант к содержащейся в сказке В.И. Нарвут характерной для сказки-небылицы сюжетной ситуации «Человек, упав с неба, увязает – человек выбирается» представлен в тексте, записанном от Юрмановой Тамары Андреевны, 1953 г. р., в д. Житково Руновск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала И.В. Балобина – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 32. СУС 1882А *Человек сам выкапывает себя из болота или вырубает из дупла* (у нас – *из камня*): идет в деревню за лопатой (топором) и пр. Русских вариантов мотива 1882А по СУС – 13, псковских нет; белорусских вариантов мотива 1882А по СУС – 5: «Сказка была – небылица <...>, как вот ... такое: не хватило соли, и кто-то опять то... опять тоже – всё про Ваню-дураню: полез где-то на небо за солью, из ско... из скорлупок свил верёвки... Залез на небо, там взял соли... Упал с неба – небылица! – прям в камень! Ноги у него увязли в камень. Ну, как небылица! Он отрезал эти ноги, пришёл домой [смеется], принёс соль».

№ 155. УДАЧНАЯ ОХОТА. Зап. от Буюнковой Антонины Борисовны, 1929 г. р., в д. Яссы Алольск. вол. Пуст. р-на Пск. обл. Записали: Л.В. Милютина, А.Г. Смелягина. – ФА ПсковГУ, Пуст. 2005, т. 1/781-82, № 2.3, кассета Пуст. 2005-4. Сказочка-

небылица (по определению информантки, *присказка*). СУС 1930D* **Подпоясался топором**: увидел на утке озеро, корова бабу доит, квашня бабу месит и т.п. Русских вариантов сюжета 1930D* по СУС – 14, псковских нет, белорусских нет. Ср., например, у В.И. Даля: *«Пошелъ я на лыко гору драть; увидаль на уткахъ озеро плаваетъ; вырубилъ я три палки: костяную, смоляную, да масляную; одну кинулъ – не докинулъ, другую кинулъ – перекинул; третью кинулъ – не попалъ; озеро вспорхнуло и полетело, а утки-то и остались»* (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. I. – М., 1981. – С. 55); у Н.Е. Ончукова: *«Бывал да живал, на босу ногу топор надевал, трое лыжи за поес затыкал; пошел возле лыка гору драть, увидел – озеро на утке сидит; высек я три палки, перву бросил – не добросил, втору бросил – перебросил, третью бросил – попал; утка стрепенулась, а озеро полетело да на сухой лес село. Ну и сказке конец»* («Небылица» // Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступит. статья и комм. В.И. Ереминой. – СПб., 2008. – С. 126, № 20).

Рассказывая, как на Святках *«передявались в цыгане, передявались во всяких таких вот, шутки всякие шутили», «жанились»* (играли в женитьбу), А.Б. Буенкова вспомнила мужика-чудака, который *«жанил всё, вот был за сваху, за попа»*, и его сказку-присказку, характерную для рассказчика-краснобая и балагура, любителя повеселить народ.

№ 156 (108). КАК ХОДИЛИ КОЗЁЛ В ЛЫКИ, А КОЗА В ОРЕХИ. Зап. от Буйко Василия Петровича, 1929 г. р., в д. Городище Артёмовск. вол, Нев. р-на Пск. обл. Записала: Е. Буйко. – ФА ПсковГУ, Нев. 2000, т. 1/622-23, № 2, кассета Нев. 2000-3. СУС 2015 **Нет козы с орехами.** Русских вариантов сюжета 2015 по СУС – 23, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 2015 по СУС – 6.

Одна из самых популярных у восточных славян кумулятивных, или цепных, сказок (см.: СУС: 16). При записи на аудиокассету В.П. Буйко припоминает сказку, постепенно восстанавливая ее полный текст, что не могло не отразиться на характере исполнения. Тем не менее, он все же передал характерную для исполнения подобных сказок ритмичность и особенности темпа сказывания. Первое предложение в цепочке

произносится медленно (*Вода пошла огонь тушить*), а последующие – быстрее и быстрее:

*Огонь пошоу камень палить,
Камень пошоу топор тупить,
Топор пошоу дубьё рубить,
Дубьё пошло стряльцоу ломать,
Стряльцы пошли ваўков гонять,
Ваўки пошли козу искать!*

№ 157 (109). КОЗЕЛОК. Зап. от *Ивашетко Акулины Дмитриевны*, 1910 г. р., в д. Боброво Лёховск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Э. Александрова, Г. Быстрова, Г.И. Площук. – ФА ПсковГУ, Нев. 1984, т. 6/451-52, № 55, кассета Нев. 84-11. СУС 2015** *Козел и встречные животные* (заяц, лиса, волк). В СУС сюжет 2015** представлен только русскими вариантами, их 9, псковских нет. Как отмечено в СУС, чаще всего этот сюжет излагается в песенной форме. Вариант А.Д. Ивашетко содержит только один, обычно последний в сказке, эпизод-развязку «Встреча козла с волком».

Фрагмент «Договор козла и волка о честной борьбе» сюжета 2015** зафиксирован как составная часть плясовой припевки, записанной от *Петровой Александры Афанасьевны*, 1906 г. р., в д. Сидорово Изочинск. с/с Нев. р-на Пск. обл. (ФА ПсковГУ, Нев. 1986, т. 10/542, № 153. Записали: И.И. Драгун, И.М. Осипова, Е.В. Спиридович):

*Матвеев не козёл,
Федосеев не козёл,
Он на стойле стоял,
Воробышку хлебал,
Муку сеянную,
Рожь веянную.
Захотелось [козлу]
В чистом поле погулять,
Волков серых повидать.
– Ах, ты волченька серой,
Перекинемся с тобой!
Ты под ножку не бей,
Под коленку не ломи!
Муж дрова рубал,*

*Это дело видал.
Баба пряла,
Стала рада.
Она прялку – под лавку,
Веретёна под кровать,
Сама пошла танцевать.*

№№ 158 (110), 159 (111), 160, 161 (112) относятся к группе кумулятивных, или цепных, сказок, «то есть построенных по принципу нанизывания повторяющихся мотивов. Такие сказки часто тяготеют к песням, рифме, скороговоркам и требуют большого языкового мастерства и мастерства исполнения» (*Пропт В.Я.* [Примечания] // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1. М., 1957. С. 473). СУС 2016*, 2018 **Кумулятивные (цепные) сказки разного рода.** Русских вариантов сюжета 2016*, 2018 по СУС – 48, псковских нет; белорусских вариантов сюжетов 2016*, 2018 по СУС – 4.

№№ 158 (110) – 160 представляют собою варианты одной сказки, построенной как цепь вопросов и ответов.

№ 158 (110). ЖИЛА-БЫЛА СВИНЬЯ. Зап. от *Зандова Андрея*, 1969 г. р., в д. Бор Усвятск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Л. Евдокимова, С. Медведева, Г.И. Плошук. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 8/1664-65, № 34. Восьмилетний сказочник перенял сказку от своего дедушки.

№ 159 (111). ЕРЗЫ-ЕРЗЫ. Зап. от *Александровой Анны Владимировны*, 1927 г. р., в д. Вяз Вязовск. с/с Н-Сок. р-на Пск. обл. Записали: О. Ваврисюк, И. Паничева, Г.И. Плошук, Ю. Чеченкова. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 1988, т. 1/681-82, № 38, кассета Н-Сок. 88-4. СУС 2016*, 2018.

А.В. Александрова переняла сказку от своей мамы: *На празднике как возьмутся вот так чисто свои присказки – никому меня не пересилить! ... это можно подпевать, музыку подобрать – и на «Русского».*

№ 160 ТУРЛЫ-БУРЛЫ. Зап. от *Бояриновой Ефросиньи Дмитриевны*, 1911 г. р., в д. Сопки Назимовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: Л.Г. Абрамова, Г.А. Захарова – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 4/305-06, № 108.

Проговаривается быстро, ритмично.

№ 161 (112). КОВ-КОВ ДЯТЕЛ. Зап. от *Александровой Анны Владимировны*. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 1988, т. 1/681-82, № 39, кассета Н-Сок. 88-4. СУС 2016*, 2018.

«А ещё “Ков-ков дятел”. Это тоже под музыку». Кумулятивная сказка, построена на перечислении рифмующихся имен.

№№ 162 (113), 163 (114), 164, 165, 166 КУРОЧКА РЯБА. СУС 2022В *Разбитое яичко*. Русских вариантов сюжета 2022В по СУС – 12, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 2022В по СУС – 4.

№ 162 (113). Зап. от *Савельевой Агафьи Астратовны*, 1903 г. р., в д. Авдейково Изочинск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записал: Ю. Трифонов. – ФА ПсковГУ, Нев. 1986, т. 11, № 46.

№ 163 (114). Зап. от *Барановой Татьяны Николаевны*, 1909 г. р., *Жалейкиной Евгении Николаевны*, 1913 г. р., *Зюльковой Анастасии Николаевны*, 1928 г. р., в п. Новохованск Новохованск. вол. Нев. р-на Пск. обл. Записала: Ж. Девакович. – ФА ПсковГУ, Нев. 1992, т. 1, № 1.

№ 164. Зап. от *Федоровой Евгении Александровны*, 1924 г. р., в д. Сажино Большехрапск. вол. Дед. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Дед. 2001, т. 26/194-195), л.132 – 132 об./132 об. – 133.

№ 165. Зап. от *Бешки Марии Васильевны*, 1924 г. р., в д. Алище Себ. р-на Пск. обл. Записали: К.М. Писуков, Р.В. Романов. – ФА ПсковГУ, Себ. 2006, т. 2/1634, № 46, кассета № 2006-5.

№ 166. Зап. от *Масловской Екатерины Филимоновны*, 1928 г. р., в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 22, кассета Н-Сок. 2010-3.

Все пять текстов представляют собой упрощенную, детскую, версию сюжета, возникшую в результате ориентации на слушателя-ребенка на основе «взрослой» кумулятивной (цепной) сказки. Ср. *Афанасьев*, 70: из-за разбитого мышкой яйца *«старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвиря, спрашивает, что они так плачут?»* Следует пересказ-повторение всей истории с яйцом. *«Просвирия, как услышала, все просвиры поломала и разбросала».* Идет дьячок и

спрашивает у просвирни, зачем она просвиры побросала, а узнав, бежит на колокольную и перебивает все колокола. Идет поп и т.д. «Взрослая» сказка «смеется над всеми, кто шумит и волнуется без основания. Много шума из ничего – такова идея этого иносказания» (Аникин В.П. Русская народная сказка. – М., 1997. – С. 55).

Первые три варианта, как это свойственно «детской» версии сюжета, заканчиваются не вселенской катастрофой, а утешением героев сказки, очень рационалистическим в передаче А.А. Савельевой: *Дед на бабу говорить: «Не плачь, баба, не горюй: положить другое!»* Текст из Новохованска, записанный сразу от нескольких информантов, дает одновременно два варианта концовки сказки о курочке Рябе. Одна из них столь же рационалистична, как и у А.А. Савельевой, и в ней утешителем выступает также дед: *«Не плачь баба! В нашем полку нет толку. Разведем курей и вуток, и будет яиц полно!»* В другом варианте концовки утешительница-курочка обещает взамен разбитого простого яйца снести золотое. Сказка Е.А. Федоровой, которую она, по ее словам, *только ребятам городит*, и в которой появляется еще один персонаж – *внученька*, съедающая сваренное дедом и бабой «утешительное» яичко, явно имеет практическую цель: послушав сказку, ребенок с удовольствием съест и не очень, быть может, любимое им блюдо.

Четвертый, себежский, и пятый, новосокольничский, варианты, лишенные утешительной концовки, концентрируют внимание на том, что маленькое слабое существо, мышка, оказалось способно легко справиться с задачей, над которой безуспешно «бились» не в пример более сильные дед и баба, что и должно доставить удовольствие слушателю-ребенку.

На общеизвестную сказочку для самых маленьких существуют пародии. «В 2004 году, – сообщила И.В. Балобина, – в конце августа мы встретились с друзьями, разговаривали, делились впечатлениями о лете. [В ответ] на мой рассказ о фольклорной практике друзья предложили мне выслушать сказочку и оценить, как она мне понравится:

У дедки и бабки под лавкой

Облезлая птичка жила.

Однажды рябая мерзавка

*Дрянное яичко снесла.
Дед бабушку позвал, истеричку,
И, вместе усевшись рядом,
Взялись колошматить яичко
Ужасно кривым молотком.
Но, впрочем, не сильно старались:
Яичко разбила потом
Шальная приبلудная мышка,
Нахально махая хвостом.
И бабушка проплакала глазки,
А дед все смеялся, шельмец.
Приходит конец нашей сказке,
Довольно паршивый конец!»*

(ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010, т. 1/1721, № 15)

№ 167 (115). КОЛОБОК. Зап. от *Кулёвой Марии Матвеевны*, 1922 г. р., в д. Кивалы Усвятск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Л. Кулёва, Г. Михайлова. – ФА ПсковГУ, Усв. 1977, т. 2/1651-52, № 11. СУС 2025 **Колобок**. Русских вариантов сюжета 2025 по СУС – 16, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 2025 по СУС – 5.

Кумулятивная, или цепная, сказка, построенная по принципу нанизывания повторяющихся мотивов. Повествование М.М. Кулёвой представляет собою укороченный вариант обычной версии сюжетного типа 2025 **Колобок**: опущен эпизод с зайцем. Такой пропуск, по-видимому, не результат провала в памяти, но своеобразное проявление художественного чутья сказочницы: колобок встречается каждый раз со все менее сильным и поэтому, как ему кажется, все менее опасным зверем (медведь – волк – лиса); самоуверенность его растет, а бдительность притупляется. Интересна концовка сказки. Если обычно самовлюбленный колобок попадает в сети лести, то у М.М. Кулёвой простодушный герой сказки сам лезет в рот к лисе, коварно выражающей притворное сочувствие «уставшему» колобку и желание якобы помочь ему: *«Садись ко мне в роток, я тебя донесу!»*.

№ 168. ПРО РЕПКУ. Зап. от *Масловской Екатерины Филимоновны*, 1928 г. р., в д. Новое Островск. вол. Н-Сок. р-на Пск. обл. Записала: И.В. Балобина. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 2010,

т. 1/1721, № 24, кассета Н-Сок. 2010-3. СУС 2044 *Ренка*. Русских вариантов сюжета СУС 2044 – 4, псковских нет, белорусские варианты сюжета 2044 в СУС не зафиксированы.

Общеизвестная кумулятивная сказка. См. комм. к №№ 162 (113), 163 (114), 164, 165, 166 *Курочка Ряба*

№ 169 (116). БАЙ. Зап. от *Шиковой Анастасии Евстафьевны*, 1919 г. р., в д. Смольники Лобковск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записала: Ю. Самуленкова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 10/565-66, № 56. СУС 2300 *Докучные сказки*. Русских вариантов сюжета 2300 по СУС – 124, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 2300 по СУС – 2.

Докучная сказка, назначение которой – отвадить ребенка, надоедающего просьбами рассказать сказку.

№ 170 (117) МАРТИН-СИРОТА. Сочинена *Паничевой Анастасией Алексеевной*, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 31. Далее в комментариях будут указываться только номер тетради и номер текста в тетради.

Сюжет повествования А.А. Паничевой о Мартине-сироте оригинален и в СУС не отмечен. Однако в нем проступают знакомые черты волшебной сказки. Угадывается привычная ситуация: герой испытывается персонажем-дарителем и награждается им за проявленные в этом испытании, о котором герой и не догадывается, прекрасные человеческие качества: бескорыстие, доброту, верность слову. Трудолюбивый и гонимый всеми Мартин-сирота заботится о приютившей его старушке, жительнице хутора, не подозревая, что она волшебница; свято выполняет обещание вернуться на хутор после службы в армии; не пытается выгнать вдову, в отсутствие Мартина занявшую после смерти старушки дом, так как ее собственный домишко развалился. Образу старушки-хозяйки хутора приданы черты загробного дарителя волшебной сказки, который посылает герою чудесного коня, приносящего ему счастье (ср. № 60 (39) *Сивка-Бурка*).

Угадывается и своеобразно разработанный усвятской сказочницей мотив трудного задания: жена требует от Мартина сложить смоляную кобылу, чтобы возить хлеб с поля. При этом образу жены Мартина А.А. Паничева придает черты дурака

бытовой сказки: супруга предъявляет свое требование мужу, потому что буквально понимает восхищенный отзыв односельчанина о Мартине: *«Такой, как он, смоляную кобылу сладить, хвост-гриву приладить, да и сам верхом сядет!»* Образ смоляной кобылы навеян, по-видимому, образом бычка-смоляного бочка народной сказки (см. № 17 (11) *Про деда с бабой*). Ср.: СРС 1880

Имя *Мартин* пришло, очевидно, из иностранной сказки, мультфильма или радиопередачи.

Нельзя не отметить богатый, свободный язык сказочницы, ее любовь к рифмованной речи: *Отец сгинул где-то на войне, на чужой стороне; Живет себе да поживает, работать-косить мужиков нанимает.*

№ 171 (118). МАША И ЗЛАЯ МАЧЕХА. Сочинена Паничевой Анастасией Алексеевной, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 32. В сочиненной А.А. Паничевой сказке угадываются черты сюжетного типа 480 *Мачеха и падчерица*: смерть матери Маши; второй брак отца; злая мачеха и ее ленивая некрасивая дочь; работающая красавица-падчерица, которую обижает и томит тяжелой работой мачеха; счастливая свадьба Маши, которую завидный жених предпочитает родной дочери мачехи Марфуте. Однако центральный эпизод сказок типа 480 *Мачеха и падчерица* – испытание девушек чудесным дарителем (Морозко, медведем, Бабой-Ягой) отсутствует. Из повествования исключено все чудесное, волшебное; сказка превращается в занимательную бытовую историю.

Сцена, в которой купцу-жениху вместо красавицы-падчерицы выводят разнаряженую дурнушку-мачехину дочку, напоминает эпизод свадебного обряда, когда после выкупа на месте настоящей невесты жених обнаруживает ряженую невестой старуху. Комический, а иногда и далекий от комического, ужас жениха при этом – постоянная деталь в рассказах жителей южных районов Псковской области о свадебном действе. Ср. в сказке: *«Так, мол, и так, мамаша, мне приглянулась дочка ваша, прошу её руки!»* Принарядила она свою Марфуту и выводит с поклоном: *«Пожалуйста, я не против! Прошу любить и ценить!»* А в барина и глаза на лоб:

сын говорил красавица, а тут чучело вывели!.. А слуга даже онемел»; в рассказах о свадьбе: *А пока торговались, меня отодвинули, а на мое место села бабка и накрылась. А когда сказали жениху: «Покажи, что выкупил!» – он открыл, а там сидит бабка и зубы рассалила!»* (Зап. от Борисенковой Л.Е., 1926 г. р., в д. Урывково Голубоозерск. с/с Нев. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Нев. 1986, т. 6/533-534, № 3.14); ... *а жених скорее глаза закрывать: «Ой! Это не моя невеста! Что это за невеста?»* (Зап. от Костененко Е.Е., 1932 г. р., в д. Трехалёво Трехалёвск. с/с Нев. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 4/553-554, № 35); *Когда у соседки дочка замуж выходила, мы так нарядили бабку, что жених, увидев, чуть назад не съехал! У него в дороге машина сломалась, и он опоздал на пять часов. Нарядили бабку старую... Вместо венка – голик, марлевая фата! Жених рассердился: он и так перенервничал... Мы его еле уговорили! Говорим: «Пока опаздывали, невеста состарилась: вон она какая старая стала!»* (Зап. от Капитоновой В. Я., 1938 г. р., в д. Шалахово Шалаховск. с/с Пуст. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1985, т. 4/1386, № 3); *Вот приводят они нам укромную невесту. У нее венок из укропа сделан... вместо фаты марля. Выбирают обычно укромную невесту, чтобы она была поплнее, посмешнее и в возрасте, лет пятьдесят. А жених сразу чуть не в обморок падает...*

– А чем же она плоха?

– У нее ж и зубов нет!

– Зубов нет, так меньше хлеба съест!

– Вроде она и косит на один глаз?

– Не рассмотрит недостатки жениха, если какие будут! Поэтому очень хороша!

– Ну, а что-то она полная очень?

– Ну, что она полная? Здоровый человек – добрый человек! А доброго человека должно быть много!

(Зап. от Птицыной К.И., 1931 г. р., в д. Сергеево Пригородн. с/с Пуст. р-на. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1989, т. 3/1401-02 № 62. 3) (О подменных невестах см.: Площук Г.И. «Подменные» женихи и невесты в свадебном обряде Невельского и Пустошкинского районов Псковской области //

Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 1994. – № 1. – С. 148–158).

В злорадной реплике Марфуты, отправляющейся на гулянье: *«Рёва-дрёма, сиди дома!»* – узнаем детскую дразнилку.

Эпизод с появлением считавшегося погибшим отца-солдата, по-видимому, навеян бытующей в Псковской области балладой о двух солдатах, отце и сыне, остановившихся на ночлег у вдовы, оказавшейся женой солдата-отца и матерью солдата-сына: может быть, отсюда появление двух солдат на подворье Маши; может, поэтому она вдруг остается вдовой, а два солдата, отец Маши и его товарищ, остаются жить под одной крышей с Машей, которая обретает нового мужа: *Маше мужа сыскали, а солдата сторожить купеческое богатство наняли.*

В этой, как и в других сказках А.А. Паничевой проявилась ее любовь к рифмованной речи: *Завидел купеческий сынок Машутку и влюбился не на шутку; Пусть твои руки отдыхают, а эти злые ведьмы от зависти подымают.* В реплику слуги, в основе которой образная разговорная народная речь, сказочница вплетает литературно-разговорное премиленькое создание: *«Так и так, барин. Это сирота. Премиленькое создание! Но одета так, что только воробьев пугать: латка на латке, и голые пятки!»*

№ 172 (119). БЕДНЫЙ ЛАПОТНИК И БОГАТЫЙ ГОРШЕЧНИК. Сочинена Паничевой Анастасией Алексеевной, 1924 г. р., в д. Хлевище Калюшинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 33. Сочиненное А.А. Паничевой повествование может быть соотнесено с сюжетным гнездом сказок о неосторожном слове. Ср.: СУС 813А **Проклятая дочь:** вследствие неосторожного слова матери или отца (*«Иди к черту!»*) уносится чертом; СУС 813А* **Проклятая жена:** по настоянию родителей парень берет в жены нелюбимую девушку, проклинает ее (*«Чтоб ее леший увел!»*), леший уводит. У А.А. Паничевой обиженный горшечником мужик-лапотник проклинает его: *«Катись ты к чёрту со своими горшками!»* Тот катится к чертам.

Мотив неосторожного слова в повествовании А.А. Паничевой – соединен с характерным для волшебной сказки

мотивом испытания героя персонажем-дарителем. Своеобразная разработка мотива испытания усиливает контрастность противопоставленных в нравственном плане героев сказки и придает особую убедительность нравственному идеалу, утверждаемому усвятской сказочницей: таинственный старичок подвергает лапотника, *«горькую нищету»*, искушению проучить злого и жадного до чужого добра горшечника и завладеть его лошадью; тот отказывается – и награжден чудесным жеребцом с золотой гривой. Всегда готовый «учить» других кулаком и не боящийся брать чужое, горшечник наказан: оставив свою хорошую лошадь, на кобыленке лапотника он в буквальном смысле слова *«катится к чертям»*, и те его съедают.

В этой, как и в других сказках А.А. Паничевой, наблюдаем характерную для ее стиля рифмованную речь.

№ 173 (120). СУНДУК, КОТОРЫЙ ВПЯТЕРОМ НЕ ПОДНЯТЬ. Сочинена Паничевой Анастасией Алексеевной, 1924 г. р., в д. Хлевище Калюшинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 34. В самом общем плане повествование А.А. Паничевой обнаруживает сходство с сюжетным типом СУС 982 *Камни в сундуке*: хитрость с сундуком, наполненным камнями (у А.А. Паничевой – кирпичами), помогает счастливо устроить судьбу героев. На этом сходство заканчивается. Напоминает сказка А.А. Паничевой, хотя тоже весьма отдаленно, и известный сюжет о мудрой девице (СУС 875 *Семилетка (мудрая девушка)*), которая благодаря своей мудрости находит выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций (например, царь посылает ей ниточку льна и требует, чтобы она соткала из нее полотенце) – и становится женой царя. В сказке А.А. Паничевой подобных проблем никто перед героиней не ставит. В ней неразрешимая ситуация житейского свойства: богатый мужик ни за что не соглашается на брак сына с любимой, но бедной девушкой и уже нашел для сына невесту, которая *старовата и рябовата, но зато богата*. Девушка дает своему милому совет поставить отцу условие: сосватать ту, чей сундук впятером не поднять. Отец милого попадает на эту удочку: ведь чем тяжелее сундук с приданым, тем богаче невеста.

В основе мудрого совета героини сказки лежит известная хитрость, практиковавшаяся, как нам неоднократно приходилось слышать в экспедициях, родными невест, чье приданное было не слишком богатым, а следовательно, чей сундук с «добром», увозимый в день свадьбы к жениху, был чересчур легким. Чтобы скрыть это обстоятельство, на дно сундука клали кирпичи.

В своей сказке А.А. Паничева размышляет о семье, счастье, богатстве. Сказочница из д. Хлевище Усвятского района Псковской области утверждает: подлинное богатство, способное дать человеку счастье, – дружная семья, где отношения основаны на любви и согласии, а достаток создается собственным трудом и умом ее членов; подход же к браку как к средству обогащения разрушает теплоту человеческих отношений.

В сказке-размышлении проявляется не только характерное для стиля А.А. Паничевой стремление к рифмованной речи, но и к речи афористической: *Богатство хорошо, а мудрость лучше; Богатство что гадство.*

№ 174 (121). ВОЛШЕБНАЯ ТАБАКЕРКА. Сочинена Паничевой Анастасией Алексеевной, 1924 г. р., в д. Хлевище Калюшинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 35. В занимательном повествовании А.А. Паничевой причудливо сплелись мотивы народной и литературной сказки, а также поверий и быличек, которых она знала великое множество. Как и в других ее рассказах, в нем угадывается известная сказочная ситуация испытания доброты и бескорыстия героя, который затем награждается волшебным предметом. Испытываются поочередно два героя. Сначала это обижаемая злой мачехой сиротка-девочка, которая оказывается в лесной избушке и предлагает помощь бедной старушке, не подозревая, что она волшебница (в этом эпизоде просвечивает сюжетный тип 480 *Мачеха и падчерица*). Затем это солдат, который отдает последние два сухаря голодной сиротке и не хочет брать за это с нее плату.

Образ старой-престарой ведьмы, которой известен секрет волшебного предмета, и путешествующего солдата,

случайно открывающего этот секрет, вероятно, навеян сказкой Андерсена «Огниво».

Мотивы «Невидимый человеку черт нюхает табак и чихает», «Черт боится креста», «Черта можно поймать, защемив его в пне и перекрестив» восходят к народным поверьям и быличкам.

№ 175 (122). ПРО ИВАНА-БЕЗДЕЛЬНИКА. Сочинена Паничевой Анастасией Алексеевной, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 36. В сказке обнаруживаются мотивы, характерные для близких сюжетных типов: СУС 735 *Две Доли* и СУС 735А *Горе (Нужда)*. Ср.: Афанасьев, № 304 *Две Доли*: раздел братьев из-за сварливых жен; отказ богатого брата в помощи бедному: «*Живи, как сам знаешь! У меня свои дети подрастают*»; Афанасьев, № 303 *Горе*: клад, который попадает в руки бедняка, и тот богатеет; зависть богатого брата. Однако этот «каркас», как всегда у А.А. Паничевой, наполняется новым содержанием, служит основой своей, оригинальной сказки.

В повествовании А.А. Паничевой нет фантастических существ народной сказки – олицетворенных Горя, Доли, Счастья, помогающих бедняку разбогатеть. Иван находит клад случайно. Но эта случайность обусловлена его выбором жизненного пути: не получив отцовского наследства, как старший брат, не желая пристроиться к чужому хозяйству, как средний брат, он надеется только на свои руки, решив срубить «*какую-никакую избушку*» и освоить пустошь, копая которую, и находит клад.

Герою придан некоторый оттенок младшего брата-дурака волшебной сказки. Иван счастливо женится, правда, не на спасенной царевне, а на работающей крестьянке, которую выкупает у *панночки*, и становится, если не царем, то паном. В конце жена одного из братьев, Демьяниха, говорит: «*Ивану Бог послал богатство за то, что мы его за дурака считали, загордились, ничем ему не помогли!*»; «*Может, и так, но, видно, Иван не дурак!*» – завершает сказку А.А. Паничева.

В ее повествовании причудливо сошлись два, казалось бы, взаимоисключающих идеала, присутствующие, как известно, и в народной сказке. С одной стороны, сказка

прославляет доброту, бескорыстие, справедливость, трудолюбие; с другой – в ней содержится представление о счастье как о возможности жить припеваючи, ничего не делая. Труженик Иван, купив имение пана и не собираясь жить баринном, раздает барский хлеб и скот крестьянам, оставив себе только *коровёнку да кобылёнку*, и... достигает именно такого «ленивого» счастья: *«Зачем тебе, Иван, идти на работу? – говорят ему благодарные крестьяне, – за твою доброту... мы всё сделаем, раз ты нам всё отдал!»* Так Иван бездельником стал.

Характерная для А.А. Паничевой рифмованная речь проявляется и в этой сказке: *Женись-ка ты, Дёма, да и живи дома!; попалась Степану не жена, а суцая сатана!; У них детишки появятся, если наш братец не удавится от такой жены; копал-копал да на клад напал; Взял Ивана за шиворот да провёл до ворот, да коленком под зад поддал и вдобавок сказал...*

№ 176 (123) ДВА БРАТА. Сочинена Паничевой Анастасией Алексеевной, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 37. В основе сказки – обычай, по которому годовые церковные праздники распределялись между деревнями одного церковного прихода или волости. «Храмовый праздник в волостном центре и крестный ход туда в этот день имел значение для всей волости, для всех деревень, тяготевших к нему. Но каждая из деревень имела при этом и свой собственный деревенский праздник, когда празднующая деревня временно становилась центром всей округи и туда направлялся крестный ход. Все деревни большого куста деревень по естественно установившейся у себя очереди справляли свой престол (добавим: иногда две-три деревни одновременно. – Г. П.). В этот день очередная деревня считалась праздничной. Дата праздника определялась тем, какому святому или церковному празднику была посвящена деревенская часовня... В каждый из домов праздничной деревни приходили в этот день гостить родственники и знакомые из других деревень. После застолья в каждом доме со своими начинались хождения друг к другу, из дома в дом целыми группами. Гости отдельных домов

становились общими гостями деревни. Вся округа пировала в праздничной деревне <...> Каждый стремился угостить гостей из других деревень и своих односельчан как можно лучше, чтобы не ударить лицом в грязь <...> Тем обеспечивался престиж каждого двора и всего селения в целом перед лицом всей округи...» (*Верняев И.И. Община и общественный быт // Историко-этнографические очерки Псковского края / Под ред. А.В. Гадло. – Псков, 1999. – С. 148–149*). Судя по сказке А.А. Паничевой, хотя в праздничной деревне и пировала вся округа, не каждый приехавший на праздник мог прийти в любой дом; шли прежде всего в те дома, откуда сами в свое время принимали гостей в своей деревне в ет престольный праздник. Таким образом, в течение дня можно было побывать в нескольких домах, а если праздник длился два-три дня, то и в нескольких деревнях. Однако такое было возможно только в праздничные дни. Гостить долее и тем более набиваться в гости в будние дни, когда в крестьянском хозяйстве полно работы, считалось неприличным.

Героям своего повествования А.А. Паничева придает черты дурака бытовой сказки. Подобно набитому дураку – тому, что кричит, завидев похоронную процессию: «*Таскать вам не перетаскать!*» (СУС 1696 **Набитый дурак**), – они не знают известных всем обычаев, не знакомы с этикой поведения в праздники и в будни. Подобно дураку, спихивающему с воза стол («... *ведь у лошади четыре ноги, и у стола четыре ноги: так стол-то и сам добежит*» – *Афанасьев*, № 400), жадные братья некоторые вещи соотносят слишком прямолинейно: гости съели столько, что самим братьям хватило бы на неделю, поэтому в ответ братья собираются «*кутить*» у своих гостей целую неделю. Но праздники длятся всего два дня, а затем навязчивых братьев прогоняют со стыдом.

№ 177 (124). КУЗЬМА И ИВАН – БРАТЬЯ РОДНЫЕ.
Сочинена *Паничевой Анастасией Алексеевной*, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 38. Текст представляет собою еще одну оригинальную вариацию А.А. Паничевой на тему сказки о бедном и богатом брате и так же, как и ее сказка *Про Ивана-бездельника* (см. № 175 (122)), обнаруживает связь с сюжетными

типами СУС 735 *Две доли* и СУС 735А *Горе (Нужда)*: жена богатого брата выживает из дома младшего, бедного, брата; в руки младшего попадает клад, и он богатеет; старший брат из зависти хочет вредить младшему и разоряется. Сказочница словно демонстрирует возможности наполнения традиционной сюжетной основы новым и новым содержанием. Так, материалом для разработки мотива «В руки бедного брата попадает клад» на этот раз у нее служат поверья и былички о кладах.

Местоположение клада в быличках чаще всего связывается с возвышенностями. По поверью, клад может покидать свое место и показываться людям, принимая различный облик, чаще всего облик животного: кошки, собаки, лошади и т.п. В таком виде клад может преследовать человека, для которого предназначен. Но не каждый способен его взять: нужно догадаться, что животное на самом деле есть клад, который стремится дать тебе в руки, и ударить животное наотмашь (тыльной стороной ладони, варежкой). Догадаться же может лишь тот, кто обладает соответствующим знанием. У А.А. Паничевой это жена бедного брата, что не случайно и соответствует традиции волшебных сказок, где чудесным знанием часто обладает именно жена или невеста героя, помогающая ему избыть беду и достигнуть благополучия. У А.А. Паничевой именно Марья, в отличие от мужа, понимает, что представляет собою появляющийся у горы и преследующий Ивана жеребенок и как следует вести себя в этом случае: «Глупый ты, Иван, счастья своего не мог взять! Хорошо, что я поехала!».

№ 178 (125). ЗЛАЯ МАЧЕХА И ДЕВЧУШКА ТИХОНЯ-МАХОНЯ. Сочинена Паничевой Анастасией Алексеевной, 1924 г. р., в д. Хлевище Калюшинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 39. Текст представляет собою еще одну своеобразную вариацию усвятской сказочницы на тему сюжетного типа СУС 480 *Мачеха и падчерица* (см. № 171 (118) *Маша и злая мачеху*, № 174 (121) *Волшебная табакерка*).

Мотив чудесного венка, сплетенного девочкой-подпаском и дающего богатство, исцеляющего слепоту,

очевидно, наваян бытующим в южных районах Псковской области, в частности в Усвятском, троицким обычаем «венчать коров». Пастух плел венки из веточек березы и надевал их на рога коровам (иногда по маленькому веночку на каждый рог) и так пригонял стадо в деревню. За это хозяева скотины одаривали его крашеными яйцами (их варили в отваре из березовых листьев). Кроме того, отдельный веночек плели и надевали на «доёнку» ('подойник') пред тем, как доить корову. Все это, по народному поверью, должно было обеспечить здоровье корове и высокие надои, а следовательно, способствовать благополучию и достатку крестьянской семьи.

Образ короля, у которого *один-единственный ребенок, да и то свету не видел*, дочь, о слепоте которой *никто не знал*, скорее всего, наваян впечатлениями от фильма-оперы П.И. Чайковского «Иоланта».

№ 179 (126). КАК СОЛДАТ НА ВЕДЬМЕ КАТАЛСЯ.

Сочинена *Паничевой Анастасией Алексеевной*, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 40. Мотив «Герой катается верхом на ведьме» известен в фольклоре. Этот фольклорный мотив обработан Н.В. Гоголем в повести «Вий»: герой повести бурсак философ Хома Брут сначала сам служит скакуном для ведьмы, а затем катается на ней, пока не загоняет до смерти.

Занимательное повествование А.А. Паничевой далеко от сказок сюжетного типа СУС 832** *Солдат и ведьма*, в состав которых входит названный мотив. Скорее ее импровизация наваяна впечатлениями от фильма на сюжет повести Н.В. Гоголя или от самой повести. Ср. № 82.

№ 180 (127). КУПЕЦ И ВОЛШЕБНАЯ МОНЕТА.

Сочинена *Паничевой Анастасией Алексеевной*, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 41. В занимательном повествовании А.А. Паничевой переплелись мотивы волшебных сказок, бывальщин и быличек: испытание и вознаграждение героя загробным дарителем (ср. № 60 (39) *Сивка-Бурка*); неосторожное слово или проклятие, определяющее судьбу того, в чей адрес высказано (ср. СУС 813А = АА* 813А *Проклятая дочь*; СУС 813А** *К чертовой матери*; СУС 813А**** *Брат*

сестру (невестка свекровь) змеей назвал; СУС 813В *Проклятый внук (сын)*; СУС 813В* *Девушка с бородой*); банник (черт), который не любит пьяных и толкает их в бане на раскаленную каменку; вещий сон. Преображенные творческой фантазией сказочницы, они складываются в оригинальный сюжет.

№ 181 (128). БАРИН И ПАСТУХ. Сочинена Паничевой Анастасией Алексеевной, 1924 г. р., в д. Хлевище Калюшинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 42. Сюжет сказки, по-видимому, навеян бытующей в Пск. обл. песней о барине, сватающемся к своей крепостной красавице-крестьянке, случайно встретившейся ему на дороге:

<i>Поздно вечером с лесочку</i>	<i>Отвечала ему я,</i>
<i>Я коровушку знала,</i>	<i>Отвечала ему я.</i>
<i>Я коровушку знала.</i>	<i>– Завтра утром ты узнаешь,</i>
<i>Вдруг навстречу идёт барин,</i>	<i>Для кого ты создана,</i>
<i>Две собачки впереди,</i>	<i>Для кого ты создана!</i>
<i>Две собачки впереди,</i>	<i>А назавтра в соборе</i>
<i>Два лакея позади.</i>	<i>В большой колокол звонят,</i>
<i>– Здравствуй, милая красotka.</i>	<i>В большой колокол звонят,</i>
<i>Из которого села?</i>	<i>Нашу милую красотку</i>
<i>Из которого села?</i>	<i>Хотят с барином венчать,</i>
<i>– Вашей милости крестьянка, –</i>	<i>Хотят с барином венчать.</i>

(Зап. от Ивановой Анастасии Дмитриевны, 1915 г. р., в д. Вознесенское Миритиницк. с/с Локн. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Локн. 1982, т. 5/373-374, № 42).

В отличие от песни, в которой судьба крепостной крестьянки благополучно устраивается (она становится барыней), героиню сказки А.А. Паничевой такая перспектива не прельщает. Она предпочитает суженого-пастуха и ловко избавляется от непрошеного жениха. Барину приданы черты глупцов бытовой сказки, верящих в существование волшебных предметов. Таковы персонажи известных сказок о шутах. Шут продает своим жертвам шапку-квит, которая якобы за все платит; плетку-живульку, будто бы оживляющую мертвых; горшок, который сам варит кашу, и т.п. (СУС 1539 *Шут*). В сказке А.А. Паничевой дивчина убегает от барина, оставив в залог свой серп, который будто бы «сам жнет, сам в снопы

вяжетъ, сам рожь в копны кладесть». Под стать крестьянке и ее суженый, который ставит барина перед выбором между невестой и «волшебным» серпом. Мечтая разбогатеть, барин выбирает серп и остается в дураках.

№ 182 (129). СТАРЫЙ СОЛДАТ И ГОСПОЖА.

Сочинена *Паничевой Анастасией Алексеевной*, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 43. В рассказе А.А. Паничевой в самом общем виде проступают черты, свойственные волшебной сказке: ситуация выбора мужа для героини (царевны) волшебной сказки; утверждение превосходства героя сказки (им, в частности, может быть и солдат) над соперниками, занимающими более высокое социальное положение; испытание зятя тестем (царем). Однако в повествовании нет ничего чудесного, нет и характерного для волшебной сказки состязания претендентов на руку героини в решении трудных задач, а испытание зятя тестем подобно испытанию крестьянином батрака: при найме его кормили и по тому, как он ел, решали, хороший он будет работник или нет, принимали на работу или отказывали. Считалось, как человек ест, так и работает. Хороший работник ест много и достойно: не давясь, но достаточно быстро. Всему повествованию, как это часто у А.А. Паничевой, придан характер житейской истории.

№ 183 (130). ИВАН С ЖЕНОЙ ДА ТРИ ИВАНА С ФОМОЙ. Сочинена *Паничевой Анастасией Алексеевной*, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 44. В этой сказке А.А. Паничева вновь обращается к своему любимому идеалу большой дружной семьи (ср. № 173 (120) *Сундук, который внятером не поднять*), где свекровь не донимает невестку поучениями, а невестка не попрекает свекровь куском, где молодые и сильные трудятся в поле, а старики нянчат внучат, где ни стар, ни мал не лишний и каждый член семьи уважаем всеми остальными.

Конец сказки противопоставлен современной сказочнице печальной действительности, когда сельская молодежь разлетелась из своих родных мест по белу свету, деревня опустела, сотни деревень исчезли с лица Псковской

земли, а в оставшихся, без детей, без внуков, доживают свои дни старики: *Говорять, не помнить, и мне не сказали, сколько Марии детей нарожали. Знаю только, что три деревни из одной населили: наверняка, не по одной тройне родили!*

В сказке А.А. Паничевой отразились народные поверья о близнецах. Ср.: «...у сербов известна традиция называть близнецов близкими или почти одинаковыми именами (*Драго* и *Драгица*, *Стоян* и *Стоянка* и т.п.)» (Славянская мифология: энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М., 2002. – С. 41–42). В сказке А.А. Паничевой находим дополнительную существенную деталь: тройнят-мальчиков называют одним именем, чтобы избежать их смерти, причем называют именем отца, что, может быть, должно было отвести опасность и от него. Ср.: «...в некоторых полесских районах бытует поверье, что “двойнята никогда не будут жить, один обязательно умрет” либо, если родятся близнецы, “отец или мать умрет”» (Там же. С. 42). Очевидно, обычай называть близнецов одним именем есть попытка обмануть смерть. Подобные представления, по-видимому, лежат в основе эпизода сказки с «забывчивостью» бабушки трех Иванов: *Как кто спросить: «Сколько, Феклушка, тебе Аксинья нарожала внучат?» – а старуха и говорить: «Постаралась шестеро родить, из них двое умерли, а двое остались». Удивлялись бабы: «Свихнулась! Двое, говорить! Должно четверо живых! Или не двое, а четверо умерли!» Гадать-то гадали, а того не знали, что троих Иванами зовут. А бабка Фому [старшего внука. – Г. П.] да Ивана вспоминала и двоих называла.*

Отложилось в сказке и представление о близнецах как носителях одной судьбы: *Фому пора женить. А как с Иванами быть? Ведь их трое, и всех троих надо за один раз женить!* Все трое братьев женятся одновременно, и все трое на Марьях. Одновременная женитьба да еще на тезках-невестах, когда все трое братьев как один, должна была, по-видимому, по народным представлениям, снять опасности, подстерегающие близнецов. Ср.: «Вера в общность судьбы и души близнецов сказывается в сербском (район Нового Пазара) запрете присутствовать одному из близнецов на свадьбе своего брата; у боснийских сербов (район Власеницы) этот запрет

распространяется на похороны и поминки, присутствие на этих ритуалах брата-близнеца покойника грозит ему неминуемой смертью» (Славянская мифология. С. 42).

В сказке ярко проявилась характерная черта стиля А.А. Паничевой – любовь к рифмованной речи: *Женился как-то в одном селе Иван, сын Максима. Попала ему в жены с большой семьи Аксинья. Но не жалуется Иван: Аксинья справно хозяйство ведать, матери-старухе и шагу шагнуть не даёт:*

– Ты старенькая, отдыхай! Вот пойдут внуки – эта работа будеть на твои руки.

№ 184 (131). ХИТРЕЦ И ГЛУПЕЦ. Сочинена Паничевой Анастасией Алексеевной, 1924 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 45. Сказка может быть соотнесена с сюжетно-тематической группой сказок о ловком воре, но только в самом общем плане: мужик одурачивает и грабит барина, да еще от него же получает за это вознаграждение (ср. СУС 1525А *Ловкий вор*; см. №№ 119 (78), 120 (79)). Остроумно разрабатывая эту сюжетную схему, усвятская сказочница А.А. Паничева создает собственное оригинальное занимательное повествование.

№№ 185 (132), 186, 187, 188 (133), 189, 190, 191 (134), 192 (135), 193 (136), 194 (137), 195 – песни на тему свадьбы.

№№ 185 (132), 186, 187. ГДЕ Ж ТЫ БЫЛ, МОЙ ЧЁРНЫЙ БАРАН? / ГДЕ Ж ТЫ БЫЛ, ЧЁРНЫЙ МОЙ БАРАН / ГДЕ ЖЕ ТЫ БЫЛ, НАШ ЧЁРНЫЙ БАРАН?

№ 185 (132). Зап. от Воробьевой Ефросиньи Тимофеевны, 1924 г. р., и Маляровой Ефросиньи Васильевны, 1915 г. р., в д. Курилиха Усть-Долысск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: И. Алексеева, С. Андреева, Е. Кабриц, А. Трифонова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1984, т. 11/464-65, № 10, кассета Нев. 84-6. **Баран мелет муку для свадьбы.**

Одна из трех записанных от Е.Т. Воробьевой и Е.В. Маляровой песен, исполнявшихся, по их словам, на свадьбе. Две из них, «Узнать по беседе сиротскую свадьбу», «А ягода с ягодой на бору росла», являются свадебными обрядовыми песнями и пелись первая – во время наделения-благословления невесты-сироты, вторая – когда молодых вели за стол. Свадебные обрядовые песни исполнялись группой женщин-

песнохорок, хорошо знавших обряд, знавших, какую песню и в какой момент свадебного действия следует исполнить, любивших и умевших петь. Во время свадебного застолья песнохорки стояли недалеко от свадебного стола, пели и приплясывали, создавая праздничную атмосферу исполнением величальных песен для каждого участника свадебного застолья; время от времени им подносили угощение, гости-свадебники за исполненные для них песни расплачивались с песнохорками мелкими деньгами.

Шуточная песня «Где ты был, мой черный баран?» не является собственно свадебной обрядовой и относится к песням, которые могли звучать во время любого праздничного застолья. Как пояснили исполнительницы, ее пели гости за свадебным столом.

№ 186. ГДЕ Ж ТЫ БЫЛ, ЧЁРНЫЙ МОЙ БАРАН? Зап. от *Трояновой Степаниды Емельяновны*, 1914 г. р., *Жуковой Любови Васильевны*, 1940 г. р., *Костененко Екатерины Ефимовны*, 1932 г. р., в д. Рукавец Трехалёвск. с/с Нев. р-на Псковск. обл. Записали: Н. Васильева, Г.И. Площук, М. Яковлева. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, кассета Нев. 1987-2.

Тема свадьбы выпала из текста. Напев тот же, что и в усть-долысском варианте (№ 185 (132)), однако трехалевский вариант звучит в ином темпе, что обусловлено его функцией: это плясовая песня. Исполнительницы пляшут, передвигаясь по кругу, лицом по ходу движения.

№ 187. ГДЕ ЖЕ ТЫ БЫЛ, НАШ ЧЁРНЫЙ БАРАН? Зап. от *Трифаженковой Людмилы Николаевны* в п. Подберезье Подберезенск. вол. Локн. р-на Пск. обл. Записала: Н.П. Петрова. – ФА ПсковГУ, Локн. 2002 т. 1/425, л. 58 об. – 59 об., кассета Локн. 2002-2. Л.Н. Трифаженкова – уроженка д. Прилук Торопецкого района Калининской (Тверской) области. Запись собирателя не содержит сведений о том, где именно, в Тверской или Псковской обл., Л.Н. Трифаженковой усвоен ее репертуар. Бывший Торопецкий уезд до революции входил в состав Пск. губ.

Как и в варианте, записанном в д. Рукавец Нев. р-на Пск. обл. (см. № 186), в песне отсутствует тема свадьбы, столь характерная для святочных молодежных игр. Не исключено, что

выпадение брачной тематики обусловлено стремлением адаптировать песню к детской аудитории.

Как следует из комментария Л.Н. Трифаженковой, песня бытовала в качестве игровой святочной и представляла собою диалог участников игры, образовавших круг, и находящегося внутри круга одного из участников игры в маске барана: *«Ходят кругом, вокруг козла хороводом, они у него спрашивают, вопросы всё задают. Вторую половину [куплета] он поёт. Потом он спел, а те опять пошли хором и опять поют, у него спрашивают уже про другое: «Зачем ты был на мельнице?» Он им отвечает <...> Зимой играли, даже у ёлок играли <...> И на Святки <...> А Святки с седьмого по девятнадцатое [января]. – И Вы тоже играли? – К ёлке с малышами играла».*

К сожалению, нет сведений, что представляла собою маска барана. Нельзя быть вполне уверенным в том, что маска барана традиционна для данной игры, хотя это и не исключено. Вполне вероятно, что появление такой маски – следствие творческой мысли воспитателя детского сада.

№№ 188 (133), 189, 190. НА МОРЕ ЖАБКА КРОСЁНЦЫ ТКАЛА. *Рак сватается к жабе* – «льняная песня», входит в состав цикла календарных песен, связанных с уборкой урожая льна.

№ 188 (133). Зап. от *Половки Елены Петровны*, 1927 г. р., в д. Горелово Глембочинск. с/с Себ. р-на Пск. обл. Записали: Ю. Белова, И. Ульянова. – ФА ПсковГУ, Себ. 1989, т. 2А/1598, № 17.

№ 189. Зап. от *Шабловской Ксении Константиновны*, 1902 г. р., *Шабловской Марии Станиславовны*, 1923 г. р., в д. Крупово Глембочинск. с/с Себ. р-на. Записали: З.В. Мичурова, А.Д. Позднякова. – ФА ПсковГУ, Себ. 1989/1603, № 33. МГН-16.

№ 190. Зап. от *Берули Ольги Никитичны*, 1919 г. р., *Лашковой Нины Ивановны*, 1917 г. р., *Павловой Софьи Никитичны*, 1914 г. р., в д. Замошаны Глембочинск. с/с Себ. р-на. Записали: Ж.В. Омельчук, Н.А. Стельмах. – ФА ПсковГУ, Себ. 1989, т. 1/1594, № 27, МГН-17.

№№ 191 (134), № 192 (135). Сову сватают.

№ 191 (134). СОВА-СОВОНЬКА. Зап. от Трояновой Степаниды Емельяновны, 1914 г. р., в д. Рукавец Трехалёвск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Плошук, Т. Помазкина, И. Ускова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 5/555-56, № 19, кассета Нев. 87–17. *Сову сватают*: за луня.

№ 192 (135). САВУШКА-СОВА. Зап. от Ганнибаловой Марии Михайловны, 1919 г. р., в п. Дедовичи Дед. р-на Пск. обл. Записали: А. Васильева, С. Ковтун, Т. Селивёрстова. – ФА ПсковГУ, Дед. 1991, т. 1/179-80, № 10, кассета Дед. 91-1. Повторная запись сделана С. Павловой, Г.И. Плошук, Е. Травкиной. – ФА ПсковГУ, Дед. 2001 т. 6/204, № 40, кассета Дед. 2001-4. Третья запись любезно предоставлена нам Богдановой Варварой Михайловной, работником Дома культуры п. Дедовичей. Запись произведена ею в 1998 г. – ФА ПсковГУ, Дед. 2001, т. 16, № 1/190. *Сову сватают*: заяц горюет из-за неудачной женитьбы на сове.

М.М. Ганнибалова пояснила: *Очень старинная, прапрабабушки моей! <...> [На гулянье раньше] редко бывало, когда гармонь [была]. Это ня всягда же! Так это можно дробить... Я пою, другая дробит. Даже когда в больнице работала, больные дробили. Ромашка, бывало, пойдет подробит»* (ФА ПсковГУ, Дед. 2001, т. 16/190, № 1, л. 28).

См. также примеч. к **№ 193 (136) Как верей женился.**

Песня усвоена М.М. Ганнибаловой в детстве: *«И вот, бывало, на Святках, сумерки-то начинаются, в углах темно. «Всё, робяты, бросайте прясть, – бабушка скаже, – лезьте на печку!» А я в дедушки жила до девяти год. Ну, до девяти-то год мне было хорошо: мяня все нянчили, как маленькую. Ну, бывало, скаже: «Машеньк, учися “Савушку”!» – «Бабушк, а как я научуся?» – «Учись, мярзавка!»*

№№ 193 (136), 194 (137) относятся к сюжетному типу СУС 243* *Птичья свадьба*. Русских вариантов сюжета 243* по СУС – 29, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 243* по СУС – 7. Составители СУС отмечают, что сказки сюжетного типа 243* «часто излагаются в форме популярных шуточных песен». Наши информанты относят эти тексты к шуточным песням. Прозаических вариантов данного сюжета в ФА ПсковГУ нет.

№ 193 (136). КАК ВЕРЕБЕЙ ЖЕНИЛСЯ. Зап. от Трояновой Степаниды Емельяновны, 1914 г. р., в д. Рукавец Трехалёвск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Площук, Т. Помазкина, И. Ускова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 5/555-56, № 18.16, кассета Нев. 87-17.

С.Е. Троянова – прекрасный знаток свадебного обряда, обладает ярким голосом. Историю о женитьбе воробья она исполнила в ходе рассказа о свадебном веселье: *Ну, теперь я вам спою шуточную «Как веребей жанился». Это тоже плясовая. Отдохну немножко: ее надо часто петь.*

Эпизоды «Гостей угощают мясом “зарезанной” блохи» и «Гостей угощают сытой из мёда захваченной пчелы» ср. с сюжетом: СУС 1911* *Звери сражаются с пчелой.*

№ 194 (137). СПОРОДИЛА ЧЕЧЁТОЧКА СЕМЕРО ДОЧЁК. Зап. от Барановой Лидии Константиновны, 1921 г. р., в д. Усово Лобковск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: В. Андреева, Е. Скорикова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 7/559-60, № 28. Эпизод «Гостей угощают мясом блохи» ср. № 193 (136).

№ 195. КОМАР СВАТАЕТСЯ К МУХЕ. Зап. от Котовой Софьи Васильевны, 1914 г. р., в д. Церковище Церковищенск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Площук и студенты, имена и фамилии не указаны. – ФА ПсковГУ 1979, т. 18/1680, л. 59–60 об. *Комар сватается к мухе:* напивается пьяным, падает с дуба и разбивается.

Последние слова в каждом куплете проговариваются.

№№ 196 (138), 197, 198, 199 (139), 200 (140), 201 (141), 202 (142), 203, 204 (143), 205 (144) – песни, в самом общем плане соотносимые со сказками о мужьях и женах (СУС 1350–1429).

№№ 196 (138), 197, 198. Жена-модница: муж возит из лесу дрова на жене-моднице, настоявшей на продаже коня/коня и коровы для покупки белил и румян; жена просит продать белила и румяна и купить *хоть жеребёнка.*

№ 196 (138). БЫЛА У МУЖИКА КРАСИВАЯ ЖЁНКА. Зап. в д. Заголодь Церковищенск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Исполнитель не указан. Записала: Н. Яковлева. – ФА ПсковГУ, Усв. 1978, т. 1/1674, № 3.

№ 197. БЫЛА У МУЖИКА ХОРОШАЯ ЖЁНКА. Зап. от *Боровковой Екатерины Егоровны*, 1930 г. р., *Ивановой Татьяны Анатольевны*, 1950 г. р., *Троциликовой Марии Анисимовны*, 1920 г. р., в д. Заболотно Пригородн. с/с Пуст. р-на Пск. обл. Записали: В.В. Авдеева, Н.В. Семенова, Н.П. Хлебникова. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1988, т. 4/1396, № 88.27, кассета Пуст. 1988-8. Комментарий исполнителей: «*Это пели на свадьбе, в конце свадьбы, пол ровняли ('плясали'). Бывало, шуточные поют, все перепеют.*».

№ 198. БЫЛА У МУЖИКА ХОРОШАЯ ЖЁНКА. Зап. от *Гультьевой Матрены Гавриловны*, 1900 г. р., в д. Козодой Гультьевск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Е. Буркова, И. Козлова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1985, т. 8/1391-1392, № 78, кассета Нев. 1985-4. Исполнительница характеризует песню как свадебную плясовую.

№ 199 (139). ПОШЕЛ КОЗЁЛ В ОГОРОД. Зап. от *Полющенко Веры Ивановны*, 1907 г. р., в д. Пустынники Церковищенск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записала: Н. Каблаш. – ФА ПсковГУ, Усв. 1979, т. 4/1696-97, № 24. *Жена-модница:* жена продает козла и покупает белила; мужу говорит, что козел сломал себе голову.

№ 200 (140). КАК ПОШЛА НАША ДУНЯ. Зап. от *Юриновой Анны Ивановны*, 1902 г. р., в д. Ромуси Гультьевск. с/с Пуст. р-на Пск. обл. Записали: Е. Буркова, И. Козлова. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1985, т. 8/1391-92, № 41 *Дуня-тонкопряля:* прядет *потолще верёвки*, осушает сотканным полотном семь рек, кроит топором и т.п.

№ 201 (141). А ИВАНОВА ЖЕНА ДА РУКОДЕЛЬНАЯ БЫЛА. Зап. от *Барановой Лидии Константиновны*, 1921 г. р., в д. Усово Лобковск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: В. Андреева, Е. Скорикова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 7/559-60, № 29. *Рукодельная жена:* у нее тесто две недели киснет, на третью она тесто месит, на четвертую сажает в печь.

№№ 202 (142), 203, 204 (143). КАК НА МАСЛЕННОЙ НЕДЕЛЕ.

№№ 202 (142). Зап. от *Трояновой Степаниды Емельяновны*, 1914 г. р., в д. Рукавец Трехалёвск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Площук, Т.М. Помазкина, И.В. Ускова.

– ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 5/555-56, № 50, кассета Нев. 1987-6. **Мастерица печь блины:** растворяет на воде, где купались девчонки, кладет в тесто онучи, лапти, тухлые яйца, плешивого зайца, наливает тесто на сковороду хвостом коровы.

№ 203. Зап. от *Русецкой Антонины Ильиничны*, 1930 г. р., в д. Белое Трехалёвск. с/с Нев. р-на Псковск. обл. Записали: Г.И. Площук, Т.М. Помазкина, И.В. Усова – ФА ПсковГУ Нев. 1987/555-556, № 7, кассета Нев. 1987-3. **Мастерица печь блины:** растворяет на холодной воде, кладет в тесто онучи, лапти, тухлые яйца, плешивого зайца, «помочка» для блинов – вода, в которой девки полоскали юбки.

Песня исполнена в ответ на вопрос, какие песни пели на Масленицу. А.И. Русецкая пояснила: *«Пели частушки, были и специальные песни. Плясать могли и без музыки: вставляли в круг или друг против друга и махали платочками».*

№ 204 (143). Зап. от *Емельяновой Елены Степановны*, 1919 г. р., в д. Усово Лобковск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: С. Козорезова, Л. Романова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 9/563-64, № 55. **Мастерица печь блины:** несет блины на базар – никто не торгует, никто даром не берёт; свинья помарала блинами рыло – три недели прохворала и Богу душу отдала.

Зачин о желании поесть блинов на Масленице, обычный для шуточных песен о горе-мастерице печь блины, зафиксирован в том же Лобковском с/с в масленичной обрядовой песне, исполняемой на характерный для этих песен формульный напев и содержащей характерные образы масленичной горки и Масленицы-обманщицы (Зап. от *Михеевой Натальи Титовны*, 1907 г. р., в д. Лобок Лобковск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записала: Ю. Самуленкова. – ФА ПсковГУ 1987/565-566, № 197, кассета Нев. 1987-15):

Как на Масленай нядели,	Уливали,
А нядели	Уливали, люли,
Мы блинов уси	Уливали.
Хоте(ли).	

Напякли мы блинов,	<i>А нас Масленца</i>
Люли, блинов	<i>Обманула,</i>
На всю няделю.	<i>Обманула, люли,</i>
	<i>Обманула:</i>

*Мы думали, Масленца
Семь няделек,
Сем няделек, люли,
Семь няделек.*

*Мы думали, Масленца
Семь няделек,
Семь няделек, люли,
Семь няделек,*

*Ажно й Масленца
Семь дянёчкаў,
Семь дянёчкаў,
Люли, семь дянёчкоў!*

*Ажно ль Масленца
Семь дянёчкаў,
Семь дянёчкаў, люли,
Семь дянёчков!*

*Мы ледяначки
Васикали [высекали],
Васикали, люли,
Васикали,*

*А нас Масленца
Наградила,
Наградила
Хлебам-солей
На всех семь няделек,
Люли, семь няделек,*

*Мы на уорачку
Узьезжали [въезжали],
Узьезжали, люли,
Узьезжали,*

*Хлебом-солей
И квасочкам, люли,
И квасочком!*

Сыром-маслом уорки

№ 205 (144) ОХ, КАК БЫЛА Ж У МЕНЯ ЖЁНОЧКА.

Зап. от Троценковой Марии Анисимовны, 1920 г. р., в д. Заболотно Пригородн. с/с Пуст. р-на Пск. обл. Записали: Н. Гульятева, Н. Морозова. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1991, т. 1/1407-08, № 16, кассета Пуст. 91-1. СУС (1408) **Муж выполняет работу жены**; все делает невпопад. Русских вариантов сюжета 1408 по СУС – 17, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1408 по СУС – 3.

№ 206 (145). КАК ПРИЕХАЛО ДВА БРАТА.

Зап. от Юриновой Екатерины Сергеевны, 1925 г. р., в д. Маслово Гульятевск. с/с Пуст. р-на Пск. обл. Записали: Е. Котова, А. Магомедова, М. Фомичева. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1985, т. 11/1380, № 129, кассета Пуст. 85-10. СУС 1716* **Фома и Ерема**. Русских вариантов сюжета 1716* по СУС – 31, псковских нет; белорусских нет. Текст содержит последний эпизод-развязку обычно длинной истории про братьев-глупцов Фому и Ерему.

№№ 207 (146), 208 (147), 209 (148), 210 (149) – песни, соотносимые со сказками-небылицами типа СУС 1930С* **Чудо чудное**.

Русских вариантов сюжета 1930С* по СУС – 7, псковских нет; белорусских вариантов сюжета 1930С* по СУС – 1.

№ 207 (146). А ГДЕ Ж ЭТО ВИДЫВАНО. Зап. от Лагуновой Анастасии Ананьевны, 1914 г. р., в д. Шалахово Шалаховск. с/с Пуст. р-на Пск. обл. Записали: С. Ефимова, Е. Орлова. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1985, т. 2/1376-77, № 4. Исполнительница пояснила, что *песня пелась на гуляньях, под неё притоптывали*.

№ 208 (147). СОБОЛЬ. Зап. от Медведевой Пелагеи Игнатьевны, 1903 г. р., в д. Пестюхино Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: М. Александрова, Н. Волкова, Г.И. Площук. – ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 5/1685, № 13, МГН-19. Ср. с № 208 (148).

№ 209 (148). КАК У НАШЕГО МАРТИНА. Зап. от Костененко Екатерины Ефимовны, 1932 г. р., в д. Трехалёво Трехалёвск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Г.И. Площук, Т.М. Помазкина, И.В. Ускова. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 5/555-56, № 68. Ср. с №№ 207 (147), 209 (149).

№ 210 (149). АЙ, РУДАЯ СВИНЬЯ. Зап. от Бояриновой Ефросиньи Дмитриевны, 1911 г. р., в д. Сопки Назимовск. с/с Кун. р-на Пск. обл. Записали: Л. Абрамова, Г. Захарова. – ФА ПсковГУ, Кун. 1983, т. 4/305-06, № 10.6, МГН-30. Один из эпизодов песни развивает мотив, характерный для сюжетного типа 2019* **Комар женится**: вошь и блоха топят баню и пр. Сюжет известен только в песенной форме. Русских вариантов сюжета 2019* по СУС – 5, псковских нет; белорусских нет. Ср. с № 208 (148).

Концовка представляет собою вариант по отношению к концовке предшествующего текста (№ 208 (148)); и та, и другая близки к присказке, записанной в 1927 году В.И. Чернышевым в окрестности с. Михайловского б. Опочецкого у. Пск. губ. от Мани Петровой одиннадцати лет: *Сказка-приказка, | Прикована коляска | К дубьему пенью, | К осиновому коренью, | В Опочке вино | По копейке ведро, | Хоть лей, хоть пей, | Хоть*

откачивайся, | Да поворачивайся (Чернышев. В.И. Сказки и легенды Пушкинских мест / Подгот. к изд. Н.П. Гринковой и Н.Т. Панченко. – СПб., 2004. – С. 83 № 40).

№№ 211 (150), 212, 213 (151) – кумулятивные, или цепные, песни (построенные по принципу нарастающей цепочки).

СУС 2016*, 2018 *Кумулятивные (цепные) сказки разного рода*. Русских вариантов сюжета 2016*, 2018 по СУС – 48, псковских нет; белорусских вариантов сюжетов 2016*, 2018 по СУС – 4.

№ 211 (150). КАК ЖИЛА Я У БАРИНА. Зап. от Шальной Фризы Андреевны, 1910 г. р., в д. Лобачево Церковищенск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: И. Васильева, Т. Ковалькова, Е. Смирнова. – ФА ПсковГУ, Усв. 1979, т. 2/1693-94, № 40.

№ 212. ЖИЛА Я У ПАНА. Зап. от Волковой Евдокии Терентьевны, 1907 г. р., в д. Хлевище Калошинск. с/с Усв. р-на Пск. обл. Записали: М. Александрова, Н. Кондратович, Г.И. Площук. – ФА ПсковГУ, 1981, МГН-20.

№ 213 (151). КАК Я СЕЛЕЗНЯ ЛЮБИЛА. Зап. от Широковой Анны Кондратьевны, 1924 г. р., в д. Фенёво Трехалёвск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: С. Андропова, Н. Васильева, И. Глушинская. – ФА ПсковГУ, Нев. 1987, т. 6/557-58, № 31.

№ 214 (152), 215 (153) – песенки, близкие сюжетному типу СУС 2300 *Докучные сказки*. Русских вариантов типа СУС 2300 по СУС – 124, псковских нет; белорусских вариантов типа 2300 по СУС – 2.

№ 214 (152). КУРИЦА НА УЛИЦЕ. Зап. от Жуковой Веры Ивановны, 1927 г. р., в д. Шалахово Шалаховск. с/с Пуст. р-на Пск. обл. Записали: С. Бунеева, И. Иванова, Г.И. Площук. – ФА ПсковГУ, Пуст. 1985, т. 4/1386, № 2.

Во время нашей беседы с одной из информанток о свадебном обряде кражи курицы со двора невесты и расспросов о песнях, его сопровождавших, мы попытались напомнить ей содержание одной из таких уже известных нам песен: мол, там как-то «*курицу на улицу*» (*Ухватив кыриак курицу | На Иванькиной улице | И принес коршак курицу | На Гришуткину*

улицу) (Зап. от Мелеховой Ефросиньи Дормидонтовны, 1911 г. р., в д. Пахлово Лёховск. с/с Нев. р-на Пск. обл. Записали: Н.А. Алексеева, И.И. Белёва, С.А. Вересова, С.С. Нюнюшкина. – ФА ПсковГУ, Нев. 1984, т. 2/448, № 45, кассета 1984-2). Присутствующий при этом мальчик лет восьми-десяти с готовностью сообщил нам, что его бабушка знает песню про курицу, и привел нас к В.И. Жуковой. Свадебных песен о курице мы от нее не записали. Однако попытку бабушки отнекиваться внук решительно пресек: *«А ты, бабуля, знаешь песню про курицу на улице! Знаешь, знаешь!»* – *«А, ну, это так, детей развлекаю!»* Пропев несколько строк на известный белорусский плясовой мотив «Лявониha», пояснила: *«Так можно до бесконечности»*. Таким образом, песня может продолжаться так долго, как много имен припомнит исполнитель.

№ 215 (153). ЖУРАВЕЛЬ. Зап. от Александровой Анны Владимировны, 1927 г. р., в д. Вяз Вязовск. с/с Н-Сок. р-на Пск. обл. Записали: О. Ваврисюк, И. Паничева, Г.И. Плещук, Ю. Чеченкова. – ФА ПсковГУ, Н-Сок. 1988, т. 1/681-682, № 32, кассета Н-Сок. 88-6.

Свою песню А.В. Александрова сопровождала пояснением: *Моя мама «Журавля» знала. Она так под музыку поется, играется так, как «Русского».*

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Предисловие

В составлении словаря мы ориентировались на имеющийся опыт лексикографического комментария лексики псковских сказок. Одна из ранних работ, включавшая объяснительный словарь диалектных слов, содержится в академическом издании сказок и легенд пушкинских мест, записанных В.И. Чернышевым в конце 20-х гг. XX в. [1]. Этот словарь областных слов был составлен с общефилологической целью, которая традиционно реализуется при публикации текстов, если они требуют смысловых пояснений. Изданный в 2004 г. сборник «Сказки Псковской области» также содержал лингвистический комментарий с обзором основных псковских диалектных особенностей и включал пояснения к пониманию диалектных слов и некоторых словосочетаний [2]. Оба словаря имели определенную задачу — снять или минимизировать трудности, связанные с пониманием непонятных читателю слов в фольклорных текстах.

Подготовленный нами словарь также в первую очередь выполняет функцию словотолкователя. Словарная статья состоит из заголовочного слова в исходной форме, указания на район на территории Псковской области и номер текста сказки; затем в отдельных случаях дается характеристика морфологической формы (главным образом для глаголов); далее следует зона дефиниции, включающая отсылки к лексикографическим источникам (указаны в конце словаря). Определяя лексическое значение диалектизма, мы преследовали цель соотнести лексические материалы сборника сказок с данными других источников, в первую очередь — с материалами опубликованных выпусков «Псковского областного словаря с историческими данными» и регионального этнолингвистического словаря «Традиционный быт псковских крестьян». Использовались также: Словарь В.И. Даля и сводный «Словарь русских народных говоров». В ходе проделанной работы выяснилось, что в большинстве случаев слово из текстов сказок описано или имеет соответствия в диалектных словарях.

В отдельных случаях, когда не было возможности соотнесения семантики диалектных слов, мы давали свое контекстное толкование.

Если диалектизм имеет этнографический характер, то дефинитивная часть расширяется за счет введения элементов энциклопедического толкования лексемы.

Ссылки на опубликованные лексикографические источники позволяют усилить степень объективности, что особенно существенно при описании этнографической лексики. Таким образом, структура словарной статьи созданного словаря существенно отличается от указанных образцов, а сам словарь обладает необходимым в настоящее время уровнем полноты приводимой информации. Принятый подход, включающий данные из словарей и ссылки на источники, позволил полнее раскрыть как семантический, так и этнолингвистический и лингвогеографический аспекты изданного корпуса текстов.

Учитывая специфику геополитического положения Псковщины, выражение «псковская народная сказка» следует понимать в известном смысле условно, т.к. следует иметь в виду географию мест полевого сбора сказок – это в значительной мере южные районы современной Псковской области, где распространены говоры, составляющие псковско-белорусское пограничье. Анализ диалектных особенностей языка сказок выявил многочисленные белорусизмы на всех уровнях — в фонетике, лексике, грамматике. В связи с обозначенной темой в данной статье мы акцентировали основное внимание на этнографической лексике. Так, по данным «Псковского областного словаря с историческими данными», слова *вилки*, *доёнка*, *корунки*, *отчинить* и многие другие отмечены только в южных районах Псковской области, пограничных с Белоруссией. Наличие в корпусе словаря лексики, свойственной белорусскому языку в целом и белорусским говорам в частности, вызвало необходимость обращения к белорусским лексикографическим источникам.

Приводимые в словаре лексические соответствия из белорусского языка, в том числе и из белорусских говоров, не следует интерпретировать как заимствования либо как результат прямого языкового воздействия. Выявленные в текстах

псковских сказок белорусизмы (не только в этнолингвистической области, но и во всем комплексе признаков – в фонетике, морфологии и синтаксисе) свидетельствуют о том, что история говоров находится в тесной связи с историей региона, составляющего псковско-белорусскую диалектную зону.

Словарь

А

Ажно {Нев. № 156 (108)} – частица усилительная ‘аж, даже’ [ПОС 1: 53].

Аз {Усв. № 126} – ‘название первой буквы славянского алфавита’. ♦ *Аза не уметь* – ‘не знать грамоты, не уметь читать и писать’.

Азгорода {Нев. № 40 (28)} – ‘изгородь (обычно из длинных жердей)’ [ПОС 1: 54].

Б

Бабка {Дед. № 63 (41)} – ‘женщина, обычно немолодая, помогающая при родах; повитуха’ [ПОС 1: 82].

Бай {Нев. № 169 (116)} – ‘рассказчик, сказочник’. Ср. *баять* – ‘рассказывать’ [ПОС 1: 138]. Ср. в белорусском языке: *бай* – (мифическое существо) ‘сказочник’ [Б-РС 1: 339].

Байня {Порх. № 101 (64) Пуст. № 102 (65) Усв. № 6 (3)} – ‘специальная постройка, в которой моются и парятся; баня’ [ПОС 1: 95].

Барь / бар {Локн. № 130 (85)} – ‘помещик, барин’.

Батьян {Нев. № 193 (136)} – ‘аист’ [ПОС 1: 131]. Ср. в белорусском языке: *бацян* – обл. ‘тж.’ [Б-РС 1: 357]. Ср. в белорусских говорах: *бацян, бацьян* – ‘бусел’ (аист). [СБГП-3_1: 176].

Божница {Нев. № 83 (51)} – ‘полка или створчатая рама для икон, киот’ [ПОС 2: 76].

Большак {Кун. № 133 (88) Усв. № 119 (78)} – ‘большая широкая дорога, часто мощеная’ [ПОС 2: 98].

Боронить {Усв. № 9 (6) (в форме повелит. наклонения мн. числа *бороните*)} – ‘спасать, освобождать, отбивая от кого-

нибудь'. Ср. *борониться* 'защищаться, обороняться' [ПОС 2: 124].

Боты {Нев. № 213 (151) Н-Сок. № 161 (112)} – 'невысокая обувь из кожи, ботинки' [ПОС 2: 134, 135].

Братать {Нев. № 191 (134)} – (здесь, предположительно) 'сватать'.

Братова {Себ. № 60 (39)} – 'жена брата, невестка' [ПОС 2: 152]. Ср. в белорусском языке: *бра́тавая* – '(жена брата) невестка' [Б-РС 1: 398].

Браться {Усв. № 1 (1) (в форме повелит. наклонения *берись*)} – 'клевать (о рыбе)' [ПОС 2: 157]. Ср. в белорусском языке: *бра́ца* – (идти на приманку – о рыбе) 'клевать' [Б-РС 1: 399].

Буза {Нев. № 154 (107)} – 'смесь ила и грязи в болоте'. Ср. *буза* – 'смесь ила и грязи (на дне водоема)', 'топкое болото' [ПОС 2: 200].

Бумаги, мн. {Усв. № 126} – 'бумажные деньги'. Ср. *бумажки*, мн. – 'тж.' [ПОС 2: 212].

Буравец {Пуст. № 200 (140)} – 'инструмент для сверления отверстий, бурав' [ПОС 2: 214].

Бурилка {Нев. № 193 (136)} – (по словам исполнительницы) 'четвертная бутыл'.

Былица {Остр. № 65} – 'правдивый рассказ о происшедшем; былль' [ПОС 2: 233].

В

В {Нев. № 156 (108)} (в звучании у или ѳ) – 'предлог; употребляется при обозначении того, что нужно собрать, добыть, принести' [ПОС 3: 9].

Вдвоѳх {Нев. № 83 (51)} – 'в количестве двух человек, вдвоѳм' [ПОС 3: 51]. Ср. в белорусских говорах: *удзвѳѳх* – 'тж.' [СБГП-3_5: 180].

Вдвух {Нев. № 136 (91)} (в звучании *удвух*) – 'в количестве двух лиц, вместе с кем-нибудь другим; вдвоѳм' [ПОС 3: 51, 52]. Ср. в белорусских говорах: *удзвѳх* – 'тж.' [СБГП-3_5: 180]. Ср. в белорусском языке: *удзвѳх* – (о женщинах) 'вдвоѳм' [Б-РС 3: 794].

Верешок {Стр. № 99} (вершок мн. число *верешки* – в звучании, отражающем характерное явление псковской диалектной

фонетики – второе полногласие) – ‘верхняя часть растения’ [ПОС 3: 109–110].

Вержа {Нев. № 111 (73)} (вар. *верша*) – ‘рыболовная снасть из прутьев в виде конуса с воронкообразным входным отверстием; верша’ [ПОС 3: 91, 108].]. Ср. в белорусском языке: *верша* – рыб., обл. ‘тж.’ [Б-РС 1: 464].

Вешишка {Дед. № 192 (135)} (в звучании *вяшишка*) – здесь, видимо, ‘тонкая часть дерева, ветка’. Ср. *вешка* – ‘ветка дерева, куста’ [ПОС 3: 139].

Веяться {Нев. № 83 (51) (в форме прошедшего времени жен. рода *веялась*)} – ‘совершать кругообразные движения, крутиться, виться’.

Взвиться {Пуст. № 6 (3) (в формах 3 лица ед. числа *взвыица*, прошедшего времени муж. рода *взвыўся*)} – ‘воя, надорвать голос от чрезмерных усилий, напряжения’.

Вилки {Нев. № 186} – ‘жердь с раздвоенным концом, используемая для различных хозяйственных нужд’. Ср.: ‘жердь, приспособление с раздвоенным концом, рогатка’; ‘то же, что вилы’ [ПОС 4: 15–16]. Ср. в белорусском языке: *вілкі* – ед. нет ‘вилы’, ‘ухват’. [Б-РС 1: 473]. Ср. в белорусских говорах: *вілкі* – ‘тж.’ [СБГП-3_1: 310].

Вкрадках {Дед. № 92 (58)} – ‘тайком, таясь; украдкой’ [ПОС 4: 41].

Вловчиться {Себ. № 60 (39) (в форме будущего времени 1 лица ед. ч. *вловчуся*)} . То же, что *уловчиться*. Ср. *изловчиться* – разг. ‘ловким движением, улучив подходящий момент, сделать что-нибудь’ [МАС I: 645].

Вовсё {Усв. № 119 (78)} – ‘езде, повсюду; на всем протяжении’ [ПОС 4: 69].

Водиться {Н-Сок. № 43 (в форме прошедшего времени мн. числа *водились*)} – ‘поддерживать знакомство’ [ПОС 4: 75].

Войти {Локн. № 85 (53) (в форме повелительного наклонения ед. числа *войди*)} – ‘покинуть пределы чего-нибудь; уйти’ [ПОС 4: 107].

Вокруг {Усв. № 119 (78)} – ‘ровно, как раз’ [ПОС 4: 108].

Волость {Кун. № 110 (72)} – ‘волостное управление, администрация’ [ПОС 4: 124].

Воспелеговать {Дед. № 63 (41) (в формах настоящего времени 3 лица мн. числа *воспелегуют* и прошедшего времени мн. числа *воспелегали*)} – ‘ухаживать за ребенком, заботиться о нем’ [ПОС 4: 175]. Ср. в белорусских говорах: *пялегаваць* – ‘песціць’ (заботливо ухаживать). [СБГП-3_4: 214].

Впечь {Усв. № 119 (78) (в форме прошедшего времени муж. рода *впек*)} – ‘выстрелить из огнестрельного оружия’. Ср. *впечь* – ‘ударить кого-н.’ [ПОС 5: 18].

Всенощная {Кун. № 125} (в звучании *Всеночная*) – ‘церковная служба, продолжающаяся всю ночь’ [ПОС 5: 56].

Встречь {Кр. № 108 (70)} – ‘в противоположном направлении, навстречу’ [ПОС 5: 75]. Ср. *встрэчу* – ‘тж.’ [ПОС 5: 75].

Встречь {Кр. № 108 (70)} – ‘возражая, перечая кому-нибудь, не соглашаясь с кем-нибудь’. Ср. *встрэчу* – ‘тж.’ [ПОС 5: 75].

Встречь {Кр. № 108 (70)} (предлог с дат. падежом *встречь воды*) – ‘указывает на направление, противоположное течению реки’. Ср. *встрэчу* – ‘тж.’ [ПОС 5: 75].

Вторнуть {Стр. № 99} (в форме повелительного наклонения ед. числа *вторни*) – ‘воткнуть, вонзить’ [ПОС 5: 92].

Втрѣх {Усв. № 66} (в звучании *ўтрѣх*) – ‘в количестве трех человек; втроём’ [ПОС 5: 96]. Ср. в белорусских говорах: *утрох* – ‘тж.’ [СБГП-3_5: 245]. Ср. в белорусском языке: *утрох* – (только о мужчинах или только о женщинах) ‘втроем’ [Б-РС 3: 885].

Втянуть {Усв. № 9 (6) (в форме прошедшего времени жен. рода *втянула*)} – ‘похитить, утащить’.

Выверток {Кун. № 76 (48)} – ‘вырванное с корнем и поваленное бурей дерево’. Ср. *вывороток*.

Вывороток {Кун. № 76 (48)} – ‘вырванное с корнем и поваленное бурей дерево’ [ПОС 5: 135]. Ср. в белорусских говорах: *выварат*, *вываратка*, *вываратня* и др. – ‘тж.’ [СБГП-3_1: 344].

Выгальить {Кун. № 141 (95) (в форме предикативного деепричастия *выгаливши*)} {Остр. № 131 (86) (в форме прошедшего времени муж. рода *выгалил*)} – ‘(о глазах) широко раскрыть, вытаращить от удивления, испуга и т.п.’ [ПОС 5: 136].

Выглядеть {Н-Сок. № 43 (в форме прошедшего времени мн. числа *выглядели*)} – ‘обнаружить взглядом, заметить’ [ПОС 5: 138].

Выкатить {Себ. № 60 (39) (в форме прошедшего времени муж. рода *выкатил*)} – ‘катаясь, валяясь, испачкать одежду’. Ср. *вываляться* – ‘валяясь, испачкаться’ [ПОС 5: 122–123]. Ср. в белорусских говорах: *выкачацца* – ‘тж.’ [СБГП-3_1: 355]. Ср. в белорусском языке: *выкачаць* – разг. ‘(у *што*) вывалять (в *чем*), обвалять (в *чем*), (все покрыть, испачкать чем-л.) перевалить (в *чем*)’ [Б-РС 1: 535].

Выколыхать {Себ. № 34 (в форме прошедшего времени мн. числа *выколыхали*)} – о чудесном появлении на свет ребенка в результате символического качания ребенка в колыбели. Ср. *колыхать* – ‘качать ребенка в колыбели’ [ПОС 15: 110–111].

Выкопать {Дед. № 63 (41)} {Локн. № 62 (40) (в формах будущего времени 1 лица ед. числа *выкопаю* и прошедшего времени муж. рода *выкопал*)} – ‘выколоть, выцарапать (глаза)’ [ПОС 5: 182].

Выпорознить {Усв. № 182 (129)} – ‘освободить (сосуд), вылив, высыпав содержимое’ [ПОС 6: 36].

Вытискать {Нев. № 54 (34) (в форме прошедшего времени мн. числа *вытискали*)} – ‘надавливая, вытолкнуть’ [ПОС 6: 80].

Выхарнуть {Дед. № 92 (58) (в формах 2 лица *выхарнешь* и 3 лица ед. числа *выхарнет*)} – ‘харкнув, выплюнуть что-нибудь проглоченное; выхаркнуть’ [ПОС 6: 91].

Выцвести {Усв. № 148 (102) (в форме прошедшего времени муж. рода *выцвел*)} – ‘потерять свежий, здоровый вид, поблекнуть’ [ПОС 6: 99].

Вязать {Нев. № 209 (148) (в форме 3 лица ед. числа *вязет*)} {Усв. № 208 (147) (в форме 3 лица ед. числа *вязёт*)} – ‘плести’ [ПОС 6: 116–117]. Ср. также *вязти, вязть* – ‘тж.’ [ПОС 6: 113–114, 116–117].

Г

Гай {Нев. № 193 (136)} – ‘лес’ [ПОС 6: 128]. Ср. в белорусском языке: *гай* – ‘роща’ [Б-РС 1: 628]. Ср. в белорусских говорах: *гай* – ‘небольшой или молодой лес’ [СБГП-3_1: 403].

Гарник {Усв. № 126} (в звучании *гарник*) – ‘маленький горшок с ручкой’ [ПОС 6: 141].

Глядеть {Локн. № 85 (53)} {Усв. № 183 (130) (в форме 3 лица ед. ч. *глядить*)} – ‘присматривая, наблюдая, оберегать (имущество, хозяйство)’ [ПОС 7: 10, 13].

Глядеть {Усв. № 183 (130) (в форме 3 лица ед. ч. *глядить*)} – ‘присматривая, наблюдая, оберегать кого-, что-нибудь, заботиться о ком-, чем-нибудь’ [ПОС 7: 13].

Говорить {Себ. № 143 (97)} – ‘обозначать словом, называть, именовать’ [ПОС 7: 35].

Годовать {Усв. № 173 (120) (в форме 3 лица ед. ч. *годуеть*)} – ‘нянчить’ [ПОС 7: 43]. Ср. в белорусском языке: *гадаваць* – ‘растить, выращивать (о людях, животных)’ [Б-РС 1: 623].

Головка {Печ. № 78 (50)} – ‘мера льноволокна, равная 8 кг; голова’ [ПОС 7: 55, 61].

Голосить {Усв. № 30 (21)} – ‘исполнять обрядовый плач; плакать, причитать, по покойнику’ [ПОС 7: 67].

Гомон {Дед. № 92 (58)} – ‘шум, производимый громкими разговорами, криками’ [ПОС 7: 76].

Гонт {Н-Сок. № 105} – ‘полено, которое расщепляют на лучины’ [ПОС 7: 82].

Горелка {Нев. № 193 (136)} (в звучании *гóрелка*) {Усв. № 180 (127)} – ‘водка, самогон’ [ПОС 7: 103]. Ср. в белорусских говорах: *гарэлка* – ‘тж.’ [СБГП-3_1: 432].

Городить {Дед. № 164 (в форме 1 лица ед. ч. *горожу*)} – ‘говорить, рассказывать’ [ПОС 7: 123].

Горшан {Оп. № 75 (47)} – ‘кто изготавливает и продает горшки; горшечник’ [ПОС 7: 135]. Ср. в белорусских говорах: *гаршчан* – ‘тж.’ [СБГП-3_1: 431].

Грабнуть {Дед. № 107 (69) (в форме прошедшего времени мн. числа *грабнули*)} – (с инфинитивом) ‘стремительно, очень быстро начать делать что-нибудь’ [ПОС 7: 168].

Грамота {Нев. № 54 (34)} – ‘письменное известие, послание; письмо’ [ПОС 7: 177].

Гривенник {Пуст. № 71} – ‘монета достоинством в десять копеек’ [ПОС 8: 29].

Грузный {Печ. № 78 (50)} – ‘обладающий большим весом, тяжелый’ [ПОС 8: 53].

Гул {Пушк. № 88 (55)} – ‘звук, звучание’. ♦ *Гулу не дать* – ‘не подать голоса, не залаять (о собаке)’ [ПОС 4: 107].

Гульня́ {Локн. № 123} – ‘вечеринка с угощением’. Ср. *гулянка* – ‘тж.’ [ПОС 8: 82, 83].

Гумно {Кун. № 138 (93) Н-Сок. № 137 (92)} (в звучании *гумно*) – ‘хозяйственное помещение с печкой для сушки снопов’ [ПОС 8: 88].

Д

Двойнята {Усв. № 66} – ‘двое детей, одновременно рожденных матерью; двойня’ [ПОС 8: 150].

Дворовой {Кун. № 72 (45)} – ‘домашний дух, живущий во дворе, являющийся покровителем дворовых построек, скота; дворовик’ [ПОС 8: 158].

Дворовые {Усв. № 171 (118)} – ‘наемные работники, слуги’. Ср. в белорусском языке: *дваро́вы* – ист. ‘(принадлежащий к дворне) дворовый’; в знач. сущ. ист. – ‘тж.’ [Б-РС 1: 771].

Дежа {Нев. № 201 (141)} (в сочетаниях *растворила дежу*, *дежа кисла*) – ‘тесто для хлеба’ [ПОС 2: 214].

Деться {Усв. № 148 (102)} ♦ *Нéгде деться (негде денутся)* – ‘о положении, которое не дает возможности выбора решения; о чем-н. неизбежном’ [ПОС 21: 60].

Для {Н-Сок. № 152} – ‘предлог; употребляется при обозначении расположения, пребывания, нахождения около чего-нибудь; возле, у’ [ПОС 9: 76–77]. Ср. в белорусских говорах: *для* – ‘тж.’ [СБГП-3_2: 75].

Добры́й {Локн. № 123 (в краткой форме муж. рода *доб*)} – ‘хороший, качественный, крепкий’ [ПОС 9: 92].

Доёнка {Усв. № 171 (118)} – ‘подойник’ [ПОС 9: 106]. Ср. в белорусском языке: *даёнка* – ‘тж.’ [Б-РС 1: 722]. Ср. в белорусских говорах: *даёнка* – ‘тж.’ [СБГП-3_2: 13].

Доно {Нев. № 54 (34)} – ‘основание бочки; дно’ [ПОС 9: 79].

Дратёлка {Пуст. № 200 (140)} – ‘дратва’. Ср. *дратва*, *дратвина*, *дратвинка*, *дратинка* – ‘толстая льняная просмоленная нитка для сапожного и шорного дела’ [ПОС 9: 197].

Драть {Дед. № 92 (58) (в форме 3 лица ед. числа *дéрет*)} – ‘захватывать, присваивать’ [ПОС 9: 199].

Дровня́ {Пуст. № 102 (65)} – ‘укладка дров; дрова’ [ПОС 9: 210].

Дровяшки {Кр. № 94 (60)} – ‘санки для перевозки грузов вручную, дровянки’ [ПОС 9: 213, 214].

Дроги {Оп. № 103 (66)} – ‘четырёхколесная повозка для перевозки грузов’ [ПОС 10: 4].

Дубиначка {Дед. № 92 (58)} – ‘палка, используемая для опоры при ходьбе; дубинка, дубина’ [ПОС 10: 30].

Дубьё {Нев. № 156 (108)} – ‘собирательное; дубины, палки’ [ПОС 10: 35, 29]. Ср. в белорусском языке: *дуб’ё* – ‘тж.’ (колья, палкі)’ [Б-РС 1: 812].

Дуже / дюже {Нев. № 28 (19) Нев. № 40 (28) Нев. № 53 (33) Нев. № 136 (91) Усв. № 1 (1) Усв. № 106 (68) Усв. № 126} – ‘очень, весьма, в значительной степени’ [ПОС 10: 93]. Ср. в белорусском языке: *дужа* – ‘тж.’ [Б-РС 1: 813].

Дымник {Дед. № 192 (135)} – ‘отверстие для выхода дыма в стене курной избы’ [ПОС 10: 80].

Е

Еркотать {Нев. № 27 (18) (в форме прошедшего времени муж. рода *яркотáŷ*)} – ‘глухо рыкать, рычать (о животных)’. Ср. *горкотать* – ‘тж.’ [ПОС 7: 110].

Ж

Жабка {Себ. № 188 (133) Себ. № 189 Себ. № 190} – ласк. ‘лягушка’. Ср. *жаба* – ‘большая зеленая лягушка’ [ПОС 10: 143]. Ср. *žabka* – ум. ‘лягушка’ [БП-РС II: 727].

Жар {Дед. № 63 (41) Себ. № 60 (39)} – ‘горячие яркие угли’ [ПОС 10: 161].

Жарок {Дед. № 63 (41)} – ‘горячие угли’ [ПОС 10: 168].

Желоб {Печ. № 120 (79)} – ‘большое корыто, выдолбленное из цельного дерева, колода’ [ПОС 10: 185].

Жид {Усв. № 126} – ‘человек еврейской национальности, еврей’ [ПОС 10: 231].

Жито {Нев. № 193 (136) Н-Сок. № 161 (112)} – ‘наименование разных злаков: ячменя, ржи, овса, проса’ [ПОС 10: 251]. В псковских говорах – преимущественно название ячменя, однако на южнопсковской территории этим словом обычно называют рожь.

Жнитво {Усв. № 181 (128)} – ‘время, пора уборки урожая’ [ПОС 10: 269].

Завести {Усв. № 2 (2)} – ‘размешать, развести (о тесте)’ [ПОС 11: 69].

Заветный {Себ. № 60 (39)} – ‘связанный с обещанием исполнить что-н. по завету, обету’ [ПОС 11: 73].

Завязить {Н-Сок. № 214 (153) (в форме прошедшего времени муж. рода ед. числа *завязил*)} – ‘дать увязнуть, застрять где-н.’ [ПОС 11: 116].

Загибнуть {Усв. № 8 (5) (в форме прошедшего времени жен. рода *загибла*)} – ‘умереть, погибнуть’ [ПОС 11: 127].

Заглядеться {Усв. № 121 (80) (в форме 3 лица мн. числа *заглядятся*)} – ‘засмотреться, отвлечься от чего-н.’ [ПОС 11: 132].

Загнет {Нев. № 40 (28) Усв. № 106 (68)} – ‘площадка в русской печи перед челом (см.); загнетка, шесток’ [ПОС 11: 134–135].

Загнет {Пуст. № 102 (65)} – ‘полка под потолком в избе для сушки дров’. Ср. *загнётки* ‘тж.’ [ПОС 11: 135].

Загнеть {Усв. № 126} – ‘полка под потолком в избе для сушки дров’. Ср. *загнётки* ‘тж.’ [ПОС 11: 135].

Заклинать {Нев. № 83 (51) (в форме прошедшего времени мн. числа *заклинали*)} – ‘колдовством накладывать заклятие’.

Заклятый {Нев. № 83 (51)} – ‘на кого наложили заклятие, заколдовали; заколдованный’ [ПОС 11: 248].

Заложка {Остр. № 131 (86)} – ‘задвижка, запор у дверей, ворот’ [ПОС 11: 306].

Заметелица {Усв. № 1 (1)} – ‘метель, пурга, вьюга’ [ПОС 11: 324].

Заобниматься {Н-Сок. № 43 (в форме прошедшего времени мн. числа *заомнимались*)} – ‘начать обниматься’.

Запеть {Нев. № 28 (19) (в форме прошедшего времени муж. рода *запяў*)} – ‘начать петь, запеть (о петухе)’ [ПОС 12: 33]. Ср. в белорусском языке: *запяць* – обл. ‘запеть’ [Б-РС 1: 976].

Заплошать {Усв. № 174 (121) (в безличном употреблении *заплошало*)} – ‘об ухудшении состояния здоровья; становиться плохо’.

Заслона {Оп. № 21 (14)} – ‘приспособление в виде железного листа с ручкой, закрывающее устье русской печи; заслонка’ [ПОС 12: 124–125].

Заслонить {Н-Сок. № 41 (в форме прошедшего времени муж. рода *заслонил*)} – ‘поставив заслонку, закрыть устье русской печи; прикрыть заслонкой устье печи’ [ПОС 12: 125–126].

Заслонка {Дн. № 37 (26) Локн. № 38 Усв. № 126} – ‘приспособление в виде железного листа с ручкой, закрывающее устье русской печи’ [ПОС 12: 125].

Заспать {Нев. № 86 (54) (в форме прошедшего времени жен. рода *заспала*)} – ‘умертвить (ребенка), нечаянно придавив его своим телом во время сна’ [ПОС 12: 133].

Захулить {Усв. № 212 (в форме 1 лица ед. числа *заху́лю*)} – ‘распространить дурную славу, опорочить’. Ср. *охулить* – ‘опорочить’ [ПОС 24: 344].

Защищенный {Себ. № 34} – ‘(о слабом детеныше гуся) такой, которого защипали’. Ср. *защипок* – ‘худой, хилый человек, заморыш’ [СРНГ 15: 198] (возможно, переносное значение от не отмеченного в словарях, связанного с наименованием слабого детеныша птицы).

Зипун {Усв. № 128 (84) Усв. № 184 (131)} – ‘старинная верхняя крестьянская одежда в виде кафтана’ (без воротника, из сукна домашнего изготовления) [ПОС 13: 27].

И

Изгорода {Пуст. № 200 (140)} – ‘ограда из жердей’ [ПОС 13: 219–220].

Изобка {Н-Сок. № 25} – ‘бревенчатая жилая крестьянская постройка, изба’ [ПОС 13: 249, 186].

Индык {Усв. № 211 (150)} – ‘самец индейки, индюк’ [ПОС 13: 283]. Ср. в белорусском языке: *індык* – ‘тж.’ [Б-РС 2: 76].

Индычка {Усв. № 212} – ‘самка индюка, индейка’.

К

Казанская {Локн. № 122 (81)} – ‘праздник Казанской иконы Божьей матери, отмечаемый 8 июля (21 июля по н.ст.)’ [ПОС 13: 383].

Казон {Нев. № 208 (148) Нев. № 213 (151)} – возможно, связано с словом *казакин* – ‘мужская верхняя одежда со сборками сзади’.

Капка {Нев. № 27 (18)} – ‘очень малое количество жидкости, капля’ [ПОС 13: 470]. Ср. в белорусских говорах: *капка* – ‘тж.’ [СБГП-3_2: 405].

Капличка {Усв. № 46} (в звучании *капліўца*) – ‘католическая часовня’. Ср. *капліца* – ‘тж.’ [ПОС 13: 471]. Ср. в белорусском языке: *капліца* – ‘часовня’, *каплічка* – ‘уменьш.-ласк. часовенка’ [Б-РС 2: 141].

Качаться {Нев. № 81} (в форме 3 лица мн. числа *качаються*) – ‘переворачиваться с боку на бок, перекачиваться’. Ср. *кататься* – ‘тж.’ [ПОС 14: 42].

Килатый {Н-Сок. № 142 (96)} – ‘имеющий грыжу’. Ср. *кила* – ‘грыжа’ [ПОС 14: 113–114].

Кить {Печ. № 120 (79)} – вероятно, ‘самodelьное оружие в виде дубинки с утолщением на конце’. Ср. *кисть* (одного корня с *кита*, *киль* и пр.); *кистень* [Даль II: 111].

Кладка {Оп. № 112 Усв. № 1 (1)} – ‘деревянный помост, мостки у берега водоема для полоскания белья, купания, рыбной ловли’ [ПОС 14: 165].

Класться {Пуст. № 6 (3)} – ‘устанавливать гнездо, гнездиться’ [ПОС 14: 177].

Кнутовье {Оп. № 75 (47)} – ‘деревянная рукоятка кнута; кнутовище’ [ПОС 14: 260].

Колода {Усв. № 9 (6)} – ‘упавший на землю и гниющий ствол дерева’ [ПОС 15: 68].

Колоница {Оп. № 112} – ‘деготь для смазывания колес’ [ПОС 15: 83]. Ср. в белорусском языке: *калانیца* – разг. ‘кóломась, колесная мазь’ [Б-РС 2: 104]. Ср. в белорусских говорах: *калانیца* – ‘тж.’ [СБГП-3_2: 366].

Колоничник {Оп. № 112} (в звучании *каланишник*) – ‘человек, который изготавливает и продает деготь’ [ПОС 15: 83].

Колотиться {Дед. № 145 (99)} (в форме 3 лица ед. числа *колóтитца*) – ‘беспокоиться, тревожиться’ [ПОС 15: 92].

Колотуха {Усв. № 119 (78)} – ‘мучная каша (чаще из гороховой муки)’ [ПОС 15: 94]. Ср. в белорусских говорах: *калатуха*, *калатуша* – ‘крупяная каша’ [СБГП-3_2: 368].

Колпак {Кун. № 82} – ‘металлический или кирпичный навес над черной печкой’ [ПОС 15: 99–100].

Колыхать {Себ. № 34 (в форме прошедшего времени мн. числа *колыхали*)} – ‘качать ребенка в подвесной колыбели’ [ПОС 15: 110–111]. Здесь, видимо, имеется в виду имитация этого действия.

Комы, мн. {Усв. № 208 (147) Усв. № 209 (148)} – ‘каша из бобов или гороха либо из толченого картофеля с горохом’. Ср. в белорусских говорах: *камы* – ‘тж.’. *Вараць гарох і боб, таўкуць ў начовачках – гэта камы. Камы – каша бульбяная з гарохам. Камы – таўчоная каша з бульбы.* [СБГП-3_2: 392].

Комыльнуть {Себ. № 60 (39) (в форме будущего времени 3 лица *комыльнёт*)} – ‘о быстром непроизвольном действии лошади при езде по неровной, ухабистой дороге’. Ср. *ковыльнуть* – ‘выкинув, подбросив при езде по неровной дороге’ [ПОС 14: 282]; *комылять* – ‘идти, хромая; ковылять’ [ПОС 15: 146].

Корище {Нев. № 191 (134)} (в звучании *коришче*) – здесь, видимо, ‘толстая палка, дубина’. Ср. *корина* – ‘тж.’ [ПОС 15: 241].

Корунки, мн. {Нев. № 209 (148) Усв. № 208 (147)} – ‘кружева’ [ПОС 15: 278]. Ср. в белорусском языке: *карункі* – ед. нет ‘кружево, кружева’ [Б-РС 2: 154]. Ср. в белорусских говорах: *карункі, карункё, каронкі* – ‘тж.’, параўн. польск. *koronki* ‘тж.’ [СБГП-3_2: 425].

Косточки, мн. {Усв. № 30 (21)} ♦ *Косточки помыть* – ‘совершить обряд омовения тела покойника’.

Коханка {Нев. № 209 (148)} – ‘любимая девушка’. Ср. *коханий* – ‘милый, любимый’ [ПОС 16: 30]. Ср. в белорусском языке: *каханка* – разг. ‘язноба’ [Б-РС 2: 166].

Кочанье {Пуст. № 17 (11)} – ‘собирательное существит. от *кочан* – головка капусты, вилок’ [ПОС 16: 30–31].

Кочережка {Нев. № 27 (18)} – ‘то же, что кочерга’ (железный прут с загнутым концом для перемешивания углей в печи) [ПОС 16: 32, 33].

Кошель {Нев. № 169 (116)} – ‘большая плетеная, возможно, заплечная корзина’ [ПОС 16: 44].

Крепко {Усв. № 171 (118)} – ‘в достатке, богато’ [ПОС 16: 125].

Кресток {Нев. № 81 Нев. № 136 (91)} (в звучании *хрясток, хрястки*) – ‘изображение креста’ [ПОС 16: 146].

Кресты, мн. {Локн. № 61} – ‘место пересечения дорог, перекресток’ [ПОС 16: 135].

Крестъбины {Дед. № 92 (58)} {Усв. № 148 (102)} (в звучании *хрѣстьбины*)} – ‘христианский обряд крещения; крестины’ [ПОС 16: 140, 148].

Крикнуть {Н-Сок. № 168 (в формах прошедшего времени муж. рода *крикнул* и жен. рода *крикнула*)} – ‘позвать, окликнуть кого-нибудь’ [ПОС 16: 167].

Кросёнки {Пуст. № 200 (140)}. Ср. *кросна* и *кросны* – ‘нити, образующие продольную основу ткани’; *кросны сновать* – ‘располагая нитки основы в определенном порядке, создавать рисунок, узор ткани’ [ПОС 16: 197].

Кросёнцы {Себ. № 188 (133) Себ. № 189 Себ. № 190}. Ср. *кросна* и *кросны* – ‘все тканое в домашних условиях (на ткацком станке – *кроснах*): холст, полотенца, половики и т.п.’ [ПОС 16: 197].

Круто {Нев. № 53 (33)} – ‘с большой скоростью, быстро’ [ПОС 16: 251].

Крюча {Кун. № 22 (15)} – ‘крутой спуск, обрыв’ [ПОС 16: 261].

Крюча {Нев. № 92 (58)} – ‘глубокая длинная впадина на поверхности земли, овраг’ [ПОС 16: 261, 288].

Кудель {Нев. № 57 (36)} – ‘льняное волокно, приготовленное для прядения’ [ПОС 16: 325–326].

Куделька {Нев. № 57 (36)} – ‘льняное волокно, приготовленное для прядения; кудель’ [ПОС 16: 327].

Куделя {Пуст. № 200 (140)} – ‘волокно льна, приготовленное для прядения’ [ПОС 16: 325–326].

Кузня {Нев. № 27 (18)} – ‘то же, что кузница’ [ПОС 16: 335]. Ср. в белорусских говорах: *кузня* – ‘тж.’, параўн. польск. *kuźnia* – ‘тж.’ [СБГП-3_2: 559].

Кум {Дед. № 92 (58) Усв. № 148 (102)} – ‘крестный отец по отношению к родителям крестника и крестной матери’ [ПОС 16: 357].

Кума {Дед. № 92 (58) Локн. 130 (85)} – ‘женск. → *кум*’ (крестная мать по отношению к родителям крестника и крестному отцу) [ПОС 16: 357].

Курка {Нев. № 163 (114) Усв. № 211 (150)} – ‘домашняя птица курица’ [ПОС 16: 394].

Кутье {Нев. № 27 (18)} (в звучании *куттё*) – ‘сладкое кушанье из крупы, использующееся в поминальном обряде; кутья’ [ПОС 16: 434].

Кутюлёк {Н-Сок. № 24} – ‘заплечный мешок, котомка’. Ср. *котуль*, *котыль* – ‘сума у путников и пастухов’ [ПОС 16: 25].

Л

Ладиться {Усв. № 173 (120) (в форме прошедшего времени муж. рода ед. ч. *ладился*)} – ‘предполагать, собираться что-нибудь делать (сделать)’ [ПОС 16: 471].

Лапнуть {Кун. № 31 (в форме 3 лица ед. числа *лапнеть*)} – ‘нанести удар’. Ср. *лапать* – ‘наносить удары, бить’ [ПОС 16: 495].

Лапотки, мн. {Усв. № 9 (6)} – ‘крестьянская обувь, сплетенная из лыка, бересты, льняных или пеньковых веревок; лапти’ [ПОС 16: 501, 503; ТБПК: 168].

Латка {Усв. № 171 (118)} – ‘кусок ткани, которым заделывают дыры на одежде; заплатка’. ♦ *Латка на латке (и голые пятки)* – ‘о большом количестве заплат на одежде’ [ПОС 16: 527–528].

Ленуха {Н-Сок. № 41} – ‘кирпичная пристройка к русской печи для лежания; лежанка’ [ПОС 16: 590]. Ср. *лежанка* – ‘тж.’ [ПОС 16: 495].

Лескотать {Нев. № 53 (33) (в форме 3 лица мн. числа *ляскочуть*)} – ‘производить характерный звук, подобный легкому звону, от удара о твердую поверхность’ [ПОС 17: 14]. Ср. в белорусском языке: *ляскатаць* – ‘дребезжать, тарахтеть’ [Б-РС 2: 299].

Линейка {Локн. № 62 (40)} – ‘легкая повозка’ [ПОС 17: 71].

Линейка {Остр. № 95 (61)} – ‘легкая конная повозка для выезда’ [ПОС 17: 71].

Лихо {Себ. № 48} (в форме сравнительной степени *лише*) – ‘страшно’ [ПОС 17: 107].

Личный {Кун. № 110 (72)} ♦ *Личная ставка* – ‘одновременный перекрестный допрос; очная ставка’ [ПОС 17: 124].

Ломать {Нев. № 156 (108)} – ‘наносить удары, принуждать сделать что-нибудь’. Ср. *ломать* – ‘13. калечить, наносить увечья; 18. заставлять идти куда-нибудь’ [ПОС 17: 160, 161].

Лощина {Кун. № 33 (23)} – ‘углубление с водой, лужа’, ‘провал, углубление’ [ПОС 17: 199]. ♦ (*Попасть*) в лощину – ‘оказаться в неудобном, неприятном положении’ (?).

Лукошко {Нев. № 10 (7) Нев. № 209 (148) Н-Сок. № 24 Усв. № 208 (147)} – ‘плетеная корзинка, луко’ [ПОС 17: 215, 219].

Лупать {Нев. № 81 (в форме 3 лица ед. числа *лупать*)} – ‘моргать, мигать’ [ПОС 17: 226]. Ср. в белорусских говорах: *лупаць* – ‘лыпаць’ (тж.) *Лупала очыма*. [СБГП-3_2: 685]. Ср. в белорусском языке: *лыпаць* – разг. ‘моргать (глазами)’ [Б-РС 2: 290].

Лыки {Нев. № 156 (108)} – ‘нижний слой коры молодых деревьев, луб’ [ПОС 17: 246].

Лысак {Дед. № 192 (135)} – ‘о животном с белым пятном на голове’. Ср. *лысина* – ‘пятно другого (обычно белого) цвета на морде животного’; *лысый* – ‘со светлым пятном на голове или морде’ [ПОС 17: 250–251].

Лытошка {Дед. № 192 (135)} (в сравнит. обороте *что лытошки*) – ‘о толстых ногах, лытках’. Ср. *лыточка* – ‘ствол дерева с корой, с которого дерут лыко’ [ПОС 17: 253].

Лядинка {Усв. № 210 (149)} – ‘вырубленный или выжженный участок в лесу, предназначенный для посева’ [ПОС 17: 300]. Ср. *лядина, ляд/ляда/лядо* – ‘тж.’ [ПОС 17: 295, 296].

Лядо {Кун. № 133 (88)} – ‘вырубленный участок леса, росчисть’ [ПОС 17: 295].

Ляпать {Оп. № 55 (35) (в форме прошедшего времени муж. рода *ляпал*)} – ‘1. работая, стучать, ударять чем-н. (топором, молотком и т.п.)’, ‘2. производить стук, хлопать чем-н.’ (здесь – ‘производить стук, рубя дрова’) [ПОС 17: 306–307]. Ср. в белорусском языке: *ляпаць* – ‘стучать, хлопать’ [Б-РС 2: 298].

М

Маткин {Пуст. № 26 (17)} ♦ *Маткин берег* – ‘бранное восклицание, выражающее досаду, гнев’ [ПОС 1: 173].

Махать {Нев. № 53 (33)} (в формах прошедшего времени муж. рода *махаў* и настоящего времени 3 лица ед.числа *махаць*) – ‘бросать с размаху (чем по кому)’. Ср. *махать* – ‘наносить удары, бить’ [ПОС 18: 72].

Мелькнуть {Локн. № 85 (53)} (в форме прошедшего времени жен. рода *мелькнула*) – ‘быстро сомкнуть и разомкнуть веки,

мигнуть, моргнуть'. Ср. *глазом не мелькнуть* – 'о мгновенно совершающемся действии' [СРНГ 18: 104].

Мережа {Усв. № 109 (71)} – 'рыболовная снасть: конусовидная сеть, надетая на обруч' [ПОС 18: 154–156].

Мерка {Дед. № 63 (41)} – 'емкость для измерения количества зерна; мера' [ПОС 18: 151, 162].

Мех {Нев. № 57 (36) Пуст. № 17 (11) Усв. № 126} – 'вместилище в виде большой суммы из грубой ткани для хранения и переноски чего-нибудь; мешок' [ПОС 18: 198, 211].

Моланочка {Усв. № 149 (103)} – 'искровой разряд в воздухе скопившегося атмосферного электричества; молния' [ПОС 18: 300].

Молния {Н-Рж. № 150 (104) (в звучании *молонья*)} {Усв. № 149 (103) (в звучании *молынья*)} (звучание отражает характерное явление псковской диалектной фонетики – второе полногласие) – 'искровой разряд в воздухе скопившегося атмосферного электричества; молния' [ПОС 18: 311, 334].

Монастырь {Усв. № 106 (68)} (в звучании *намастырь*, отражающем перестановку первых слогов как лексикализованное диалектное явление) – 'церковная организация, члены которой живут общиной' [ПОС 18: 349–350; ПОС 21: 405].

Моргануть {Н-Рж. № 150 (104) (в формах повелит. наклонения *моргани* и 3 лица ед. числа *морганет*)} {Усв. № 149 (103) (в форме повелит. наклонения *моргани*)} – 'вспыхнуть, сверкнуть (о молнии)' [ПОС 18: 354].

Моргать {Н-Рж. № 150 (104) (в форме повелит. наклонения с отриц. *не моргай*)} – 'вспыхивать, сверкать (о молнии)' [ПОС 18: 354].

Мочити {Пуст. № 200 (140)} – 'выдерживать (холст) в воде для приобретения им белизны, вымачивать' [ПОС 19: 14].

Музыкальный {Нев. № 91} – 'о сундуке, замок которого был «с секретом», т.е. его открывание сопровождалось мелодичным звоном или музыкой (в механизме замка были предусмотрены два небольших молоточка, которые стучали по двум спиральям при повороте ключа)'.

Мутосвет {Усв. № 121 (80)} – 'болтун, пустомеля' [ПОС 19: 83–84].

Мутосветить {Усв. № 121 (80) (в форме повелит. наклонения с отриц. *не мутосветь*)} – ‘сбивать с толку разговорами’ [ПОС 19: 84].

Мышинка {Нев. № 163 (114)} – ‘небольшой грызун, мышь’ [ПОС 19: 139].

Н

Набивать {Н-Сок. № 105} ♦ *Набивать косу́* – ‘ударами делать ровным, тонким лезвие косы’ [ПОС 19: 204].

Навузыкивать {Печ. № 120 (79) (в форме повелит. наклонения мн. числа *навузыкывайте*)} – ‘натравливать собак’ [ПОС 19: 296–297]. Ср. *вузы́-вузы́* – междом. ‘употребляется для натравливания собак на кого-н.’ [ПОС 5: 100].

Награбить {Дед. № 63 (41) (в форме прошедшего времени мн. числа *награбили*)} – ‘сгребая, извлечь, выгрести из печи горящие угли’ [ПОС 19: 335–336].

Наиспашку {Дед. № 92 (58)} – ‘со всего размаха, наотмашь’ [ПОС 19: 416].

Напарить {Нев. № 27 (18) (в форме прошедшего времени муж. рода *напариў*)} – ‘побить, поколотить’ [ПОС 20: 118]. Ср. в белорусских говорах: *напарыць* – перен. ‘мощно пабиць’ (тж.) [СБГП-3_3: 165].

Наперед {Нев. № 193 (136)} (в звучании *напéрет*) – ‘в первую очередь’ [ПОС 20: 125–126].

Наполохать {Кун. № 141 (95) (в форме прошедшего времени мн. числа *наполохали*)} – ‘напугать’ [ПОС 20: 151].

Насечь {Нев. № 136 (91) (в форме прошедшего времени муж. рода *насёк*)} – ‘наколоть, нарубить топором дров’ [ПОС 20: 262].

Наутюкать {Усв. № 212 (в форме прошедшего времени муж. рода ед. числа *наўтюкал*)} – ‘натравить собак’.

Негде {Усв. № 148 (102)} ♦ *Нéгде деться* (в сочетании *негде денутся*) – ‘о положении, которое не дает возможности выбора решения; о чем-н. неизбежном’ [ПОС 21: 60].

Нейкий {Нев. № 81} – ‘кое-какой, незначительный’. Ср. *некий* – ‘тж.’ [ПОС 21: 130].

Неколи {Нев. № 53 (33)} – ‘об отсутствии свободного времени; некогда’ [ПОС 21: 134].

Непереборливый {Усв. № 148 (102)} – ‘неразборчивый, нетребовательный, непритязательный’.

Никола (Отче Никола) {Нев. № 83 (51)} – св. Николай Угодник (Николай Чудотворец).

Новинка, мн. *новинки* {Пуст. № 200 (140)} – ‘только что вытканый холст, домотканое полотно’ [ПОС 21: 361-363].

Новиночка {Нев. № 57 (36)} – ‘только что вытканый холст, домотканое полотно’. Ср. *новина*, *новинка* – ‘тж.’ [ПОС 21: 360–363].

Новь {Усв. № 175 (122)} – ‘новый урожай’ [ПОС 21: 376].

О

Обвалить {Усв. № 126 (в форме прошедшего времени муж. рода *обвалил*)} – ‘заставить упасть, повалить’ [ПОС 22: 67].

Обглядеть {Себ. № 60 (39) (в форме прошедшего времени муж. рода *обглядев*)} – ‘внимательно осмотреть кого-н. со всех сторон’ [ПОС 22: 88].

Обглядеться {Себ. № 60 (39) (в форме прошедшего времени жен. рода *обгляделась*)} – ‘разглядывая кого-н., ошибиться’ [ПОС 22: 88–89]. Ср. *обознаться* – разг. ‘ошибиться, приняв кого-нибудь за другого’ [МАС II: 553].

Обестить {Усв. № 170 (117) (в форме прошедшего времени муж. рода *обестил*)} – ‘пообещать что-н. сделать’ [ПОС 22: 124].

Обкачаться {Нев. № 27 (18) (в форме прошедшего времени муж. рода *обкачаўся*)} – ‘катаясь, вываливаясь, обваливаться в чем-нибудь’. Ср. в белорусском языке: *абкачацца* – ‘тж.’ [Б-РС 1: 56].

Обнизочка {Усв. № 121 (80)} – ‘связка чего-нибудь нанизанного (здесь – рыбы ?)’. Ср. *обнизаться* – ‘навесить на себя со всех сторон, вокруг’ [ПОС 22: 256].

Обообразь {Пуст. № 155 (в форме прошедшего времени муж. рода *обообразл*)} – ‘подняв, собрать вместе’ [ПОС 22: 265].

Оборина {Порх. № 19 (12)} – ‘то же, что *обора*’ Ср. *обора* – ‘веревка, завязка у лаптя, придерживающая его на ноге и обвивающая онучи’ [ПОС 22: 294, 303].

Оборинка {Кун. № 23 (16)} – ‘то же, что *обора*’ Ср. *обора* – ‘веревка, завязка у лаптя, придерживающая его на ноге и обвивающая онучи’ [ПОС 22: 294, 303–304].

Оборки, мн. {Усв. № 9 (6) Усв. № 212} – ‘специальные завязки, тесемки (тканые, плетеные или кожаные) для привязывания лаптя к ноге, обвивающие онучи; оборы’ [ПОС 22: 294–295, 304; ТБПК: 172].

Оборы, мн. {Дед. № 192 (135) (в звучании *а́боры*)} {Порх. № 19 (12)} – ‘специальные завязки, тесемки (тканые, плетеные или кожаные) для привязывания лаптя к ноге, обвивающие онучи’ [ПОС 22: 294–295, 304; ТБПК: 172].

Обротъ {Себ. № 60 (39)} – ‘часть сбруи, надеваемой на голову лошади для управления ею; узда’ [ПОС 22: 359]. Ср. в белорусских говорах: *аброць* – ‘тж.’ [СБГП-3_1: 40].

Обсмеять {Усв. № 170 (117) (в форме прошедшего времени муж. рода *обсмеял*)} – ‘представить в смешном виде, подвергнуть насмешке’ [ПОС 22: 400].

Обстричь {Усв. № 126 (в форме прошедшего времени мн. числа *абстры́лі*)} – ‘лишить духовного сана, расстричь’.

Обхолить {Усв. № 126 (в форме прошедшего времени муж. рода *абхо́лил*)} – здесь ‘привести в порядок, нарядить, придать вид живого человека’.

Объегорить {Усв. № 175 (122) (в форме прошедшего времени муж. рода *обьягорил*)} – ‘обмануть’ [ПОС 22: 459].

Огарок {Кун. № 82} – ‘недогоревший остаток чего-нибудь (полена, ветки и т.п.)’ [ПОС 15: 99–100].

Около {Н-Сок. № 142 (97)} (в звучании *коло*) – ‘предлог, употребляемый при обозначении объекта шуток, насмешек, издёвок’ [ПОС 23: 137–138].

Онучки, мн. {Дед. № 192 (135) (в звучании *а́нучки*)} {Усв. № 9 (6) Усв. № 212} – ‘широкие полосы плотной материи, навертываемые на ногу при ношении лаптей; онучи, портянки’ [ПОС 23: 224, 226].

Опановать {Нев. № 118 (77) (в форме прошедшего времени мн. числа *опановали*)} – ‘обступить, окружить, угрожая нападением’ [ПОС 23: 231–232]. Ср. в белорусском языке: *апанаваць* – ‘(наброситься во множестве) напасть’; ‘окружить’ [Б-РС 1: 260]. Ср. в белорусских говорах: *апанаваць* – ‘тж.’ [СБГП-3_1: 84].

Опантовать {Нев. № 118 (77) (в форме прошедшего времени мн. числа *опантовали*)} – ‘обступить, окружить, угрожая нападением’ [ПОС 23: 233].

Описать {Серб. № 60 (39) (в форме будущего времени 1 лица *опишу*)} – ‘назначить в наследство по завещанию, завещать; отписать’ [ПОС 23: 258].

Описывать {Серб. № 60 (39) (в форме настоящего времени 3 лица ед. числа *описывает* в значении будущего времени = «опишет»)} – ‘назначать в наследство по завещанию; отписывать’.

Осилок {Серб. № 60 (39)} – ‘сильный человек; богатырь’. Ср. в белорусском языке: *асілак* – 1. фольк. ‘богатырь’; 2 ‘физически сильный человек, силач’ [Б-РС 1: 292].

Отборонить {Усв. № 9 (6) (в форме прошедшего времени мн. числа *отборонили*)} {Нев. № 10 (7) (в форме прошедшего времени муж. рода *одборониў*)} – ‘защитить, спасти, освободить, отбив от кого-нибудь’ [ПОС 23: 503].

Отвисеть {Усв. № 148 (102) (в форме прошедшего времени муж. рода *отвисел*)} – ‘долгое время провести в каком-нибудь положении, пробыть в какой-нибудь ситуации’.

Откастаться {Кун. № 23 (16)} – ‘избавиться от кого-нибудь; отделаться, отвязаться’ [ПОС 24: 89].

Отложить {Нев. № 10 (7) (в форме прошедшего времени муж. рода *отложыў*)} – ‘открыть, отодвинув засов, задвижку, сняв крючок’ [ПОС 24: 123].

Отложиться {Нев. № 27 (18) (в форме 3 лица мн. числа *отложутся*)} – ‘то же, что *отложить*’ (открыть, отодвинув засов, задвижку, сняв крючок) [ПОС 24: 123].

Отопки {Дед. № 192 (135)} – ‘изношенные, стоптанные лапти’ [ПОС 24: 170].

Отправить {Нев. № 27 (18)} ♦ *Отправить в свет* (в звучании *ў свет атправиў*) – ‘отослать, прогнать куда-нибудь подальше’. Ср. в белорусском языке: *пайсці ў свет* – ‘пойти, куда глаза глядят’ [Б-РС 3: 499].

Отстегать {Н-Сок. № 16 (в форме прошедшего времени муж. рода *отссягал*)} – ‘стегая, хлеща, наказывать’ [ПОС 24: 254].

Отчинить {Нев. № 81 (в форме прошедшего времени муж. рода *отчыниў*)} – ‘открыть, отпереть дверь’ [ПОС 24: 301]. Ср. в белорусском языке: *адчыніць* – ‘открыть, отворить (о двери)’ [Б-РС 1: 208].

Отчиниться {Нев. № 27 (18) (в форме повелительного наклонения мн. числа *отчынитесь*)} – ‘отпереть, открыть дверь’. Ср. *отчинить* – ‘тж.’ [ПОС 24: 301]. Ср. в белорусском языке: *адчыніцца* – ‘открыться, отвориться (о двери)’ [Б-РС 1: 208].

Отчитать {Нев. № 83 (51) (в формах повелительного наклонения ед. числа *отчитай*, будущего времени 2 лица ед. числа *отчитаешь*, прошедшего времени муж. рода *отчитал*)} – ‘произнести молитву для снятия порчи, колдовства, заклятия’ [ПОС 24: 302].

Отчитывать {Нев. № 83 (51) (в форме прошедшего времени муж. рода *отчитывал*)} – ‘снимать заклятие с помощью молитвы’ [ПОС 24: 302].

Отымка {Пуст. № 205 (144)} (в сочетании *отымка горшечная*) – ‘тряпка, которой прихватывают горячую посуду, горшки’ [ПОС 24: 315–316]. Ср. в белорусских говорах: *адымáлка* / *атыма́лка* / *адыма́чка* / *аддыма́чка* / *атыма́чка* / *атыма́шка* / *аты́мка* – ‘тж.’ [СБГП-3_1: 66, 129].

Ошалевать {Н-Сок. № 100} – ‘разгневавшись, рассердившись, вести себя безудержно, как безумный’ [ПОС 24: 368–369].

П

Палить {Кун. № 138 (93) (в форме 3 лица ед. числа *палит*)} {Н-Сок. № 137 (92) (в форме прошедшего времени мн. числа *палили*)} – ‘держа над огнем (тушу поросенка), удалять щетину’ [ПОС 25: 42].

Панечок {Нев. № 111 (73)} – почтительное, ласковое обращение ‘пан’.

Пастырелочка {Кун. № 76 (48)} – ‘пастушья свирель’.

Перед {Н-Сок. № 105} – ‘парадная чистая часть избы, где в углу висят иконы’ [ПОС 25: 301].

Передеть {Локн. № 42 (в форме прошедшего времени муж. рода *передел*)} – ‘сняв прежнюю одежду, надеть другую; переодеть (здесь – о головном уборе)’ [ПОС 25: 317, 427].

Переймать {Нев. № 27 (18) (в форме 3 лица ед. числа *переймать*)} – ‘встречать свое домашнее животное (корову, овцу) после дневного выпаса, чтобы отвести его в свой двор, стойло’ [ПОС 25: 353, 422].

Перепойти {Пуст. № 6 (3)} (в форме прошедшего времени муж. рода *перепои́л*) – ‘преодолеть препятствие, перейти’.

Перст {Нев. № 40 (28)} – ‘палец’.

Петун {Кун. № 82} – ‘петух’.

Пешки, мн. {Кун. № 133 (88)} – ‘пни, пеньки’. Ср. *пешко*. *Пешко како-то спилено*. Арх. [СРНГ 27: 14].

Побунтовать {Усв. № 119 (78)} (в форме будущего времени 3 лица ед. числа *побунтуе́тъ*) – ‘побеспокоить, потревожить’. Ср. *бунтовать* – (кого) ‘беспокоить, тревожить’ [ПОС 2: 213].

Повес {Нев. № 54 (34)} – ‘мера льняных ниток или пряжи (обычно небольшая)’. Ср. *повесмо/повесьмо* – ‘моток (ниток, пряжи) в 40 оборотов’ [СРНГ 27: 231].

Погост {Кун. № 82} – ‘сельское кладбище’.

Под {Нев. № 40 (28)} – ‘нижняя горизонтальная поверхность в русской печи’.

Подавиться {Усв. № 119 (78)} (в форме прошедшего времени мн. числа *подавили́ся*) – ‘(о многих) кончить жизнь самоубийством через повешение; повеситься’.

Подмаза {Пуст. № 205 (144)} (в сочетании *подмаза сковородня*) – ‘помазок для смазывания сковороды, на которой пекут блины, пироги’ [СРНГ 28: 73]. Ср. также в белорусских говорах: *падмазка, падмаска* – ‘подмазка’. *Кот падмаску з’еў; Падмаска – сала кусок у трапачку і, бывала, патрэць, патом жарыць бліны*. [СБГП-3_3: 312].

Подпечка {Нев. № 40 (28)} – ‘углубление, пространство внизу русской печи, где обычно сушили дрова, обувь, зимой могли держать кур’.

Подписать {Локн. № 85 (53)} (в форме прошедшего времени муж. рода *подписа́л*) – ‘назначить в наследство по завещанию; отписать’.

Подполье {Н-Сок. № 41} – ‘земляная яма под жилой частью крестьянской избы; подвал, подпол’ [ТБПК: 64-65].

Покров {Усв. № 176 (123)} – ‘православный праздник Покрова Пресвятой Богородицы, отмечаемый 1 октября (14 октября по н. ст.)’.

Полати {Оп. № 20 (13)} – ‘настил из досок для спанья, который устраивался в избе к ночи, а утром разбирался’.

Полегोшеть {Усв. № 121 (80) (в безличном употреблении *полегóшело*)} – ‘стать легче (об уменьшении боли)’. Глагол образован с учетом диалектной формы компаратива *полегоше* – ‘легче, полегче’.

Положить {Дед. № 164 (в формах прошедшего времени жен. рода *положила* и будущего времени 1 лица ед. ч. *положу*)} {Нев. № 163 (114) (в формах прошедшего времени жен. рода *положила* и будущего времени 1 лица ед. ч. *положу*)} {Нев. № 162 (113) (в формах прошедшего времени жен. рода *положила* и будущего времени 3 лица ед. ч. *полóжить*)} – ‘снести (яйца)’. Ср. *ложить яйца (яички)* – ‘откладывать яйца, нестись’ [ПОС 17: 149–150].

Полок {Кун. № 210 (149) Нев. № 29 (20) Нев. № 81} – ‘настил из досок под потолком русской бани, на котором парятся’.

Помиловать {Усв. № 8 (5) (в формах прошедшего времени жен. рода *помиловала*)} – ‘спасти, выручить’.

Помыть {Усв. № 30 (21)} ♦ *Помыть косточки* – ‘совершить обряд омовения тела покойника’.

Поножи {Пушк. № 88 (55)} – ‘ножная педаль ткацкого станка, с помощью которой ткачиха управляет нитями, попеременно поднимая и опуская их’ [ТБПК: 124–125].

Попель {Себ. № 60 (39)} – ‘пепел, зола’. Ср. в белорусском языке: *попел* – ‘тж.’ [Б-РС 3: 47].

Пороть {Усв. № 212} – ‘раскалывая, повреждать’. Ср. в белорусском языке *пароць* – 2. ‘(чем-либо острым) тыкать, колоть’ [Б-РС 2: 900].

Посиделки {Нев. № 40 (28) Усв. № 46} – ‘собрание (обычно) молодежи для совместного развлечения; гулянка, посидки, супрядка’.

Постель {Нев. № 137 (92)} – ‘несколько снопов, расстеленных для обмолота, используемых как мера’. Ср. в белорусских говорах: *пасцель* – ‘тое ж, што пасад’. *Змалацілі дзве пасцелі. Пасцель слалі і цапамі малацілі*. [СБГП-3_3: 438]. Выражение ♦ *сорок постель (постелей)* – *решето гороху* используется как благопожелание хорошего урожая.

Постельник {Локн. № 18} – ‘чехол для матраса из грубого домотканого полотна; наматрасник’.

Потолок {Кун. № 125} – ‘помещение между потолочным перекрытием и крышей жилой постройки, используемое для хранения чего-нибудь; чердак’ [ТБПК: 67].

Потребить {Усв. № 119 (78)} – ‘приказать, потребовать сделать что-нибудь’.

Почитать {Нев. № 83 (51) (в форме прошедшего времени муж. рода *почитал*)} – ‘многократно произнести молитву для снятия колдовства, заклятия’.

Почитать {Н-Сок. № 161 (112)} – ‘называть, перечислять’.

Прибрать {Усв. № 126 (в форме прошедшего времени муж. рода *прибрал*)} – ‘умертвить, сжить со света’.

Присказка {Гд. № 45 Пуст. № 155} – ‘небольшая сказка-небылица’.

Приставень {Усв. № 175 (122)} – ‘мужчина, пришедший после свадьбы жить в дом жены’. Ср. *примак/примака*.

Пристать {Усв. № 184 (131) (в форме прошедшего времени жен. рода ед. ч. *пристала*)} – ‘устать’.

Про {Н-Сок. № 214 (152)} – ‘в значении предлога *для*, т.е. при обозначении лица, на которое направлено действие’. Ср. *про* – ‘соответствует предлогу *для* литературного языка’. *Ситцу про девок купила. Капусту про себя сеяли*. [СРНГ 32: 77].

Просечь {Усв. № 121 (80) (в форме прошедшего времени муж. рода *просек*)} – ‘ударяя чем-нибудь острым, сделать отверстие, прорубить’.

Простывать {Усв. № 167 (115)} – ‘охлаждаться, остывать’.

Просяной {Нев. № 81} – ‘приготовленный из пшенной крупы (проса), пшенный’.

Прочинить {Нев. № 10 (7) (в форме прошедшего времени муж. рода *прычыніў*)} {Нев. № 81 (в форме повелительного наклонения ед. числа *прочыни*)} – ‘приоткрыть, приотворить (дверь)’. Ср. в белорусском языке: *прачыніць* – ‘приоткрыть, приотворить’ [Б-РС 3: 150].

Р

Разбойничистые, мн. {Локн. № 85 (53)} в знач. существит. – ‘кто промышляет разбоем, разбойники’.

Развиднеть {Пуст. № 59 (38) (безличный глагол в форме прошедшего времени *развиднело*)} – ‘о наступлении рассвета, рассвести’.

Разводить {Усв. № 173 (120)} – ‘тратить, расходовать (деньги)’.

Разводиться {Усв. № 173 (120) (в форме 3 лица ед. ч. *разведётся*)} – ‘потратиться, израсходоваться (о деньгах)’.

Разводье {Н-Сок. № 142 (96)} – ‘половодье, распутица, а также период половодья’. Ср. в белорусском языке: *разводдзе* – ‘половодье; разлив’ [Б-РС 3: 308].

Разгореться {Н-Сок. № 161 (112) (в форме прошедшего времени мн. ч. *разгорелись*)} – ‘засверкать, заблестеть’.

Разнять {Пуст. № 6 (3) (в форме деепричастия сов. вида *разнямаўши*)} – ‘широко раскрыть, разинуть (рот, пасть)’. Ср. в белорусском языке: *разняць* – ‘(челюсти) разжать’ [Б-РС 3: 339].

Разьебенить {Н-Сок. № 24 (в форме прошедшего времени муж. рода *разьябенил*)} – ‘прийти в негодование, сильно рассердиться’.

Раскапустить {Себ. № 34} (в форме повелит. наклонения *раскапусти*) – ‘(о руках) вытянуть вдоль тела; прижать к телу’ (?).

Раскапуститься {Н-Сок. № 41 (в форме прошедшего времени муж. рода *раскапустился*)} – ‘раздвинуть врозь широко (ноги)’. Ср. в белорусском языке: *раскапуściцца* – прост. ‘(сесть) развалиться, рассесться’ [Б-РС 3: 355].

Расчинка {Усв. № 1 (1)} – ‘закваска, опара’. Ср. в белорусском языке: *рашчыніць* – ‘замесить (тесто) из муки, воды, дрожжей; поставить тесто’ [Б-РС 3: 409].

Ратовать {Усв. № 1 (1)} ♦ *Ратуйте!* – в значении междометия ‘караул!’. Ср. в белорусском языке: *ратаваць* – ‘спасать’. *Ратуйце!* – ‘Караул!’ [Б-РС 3: 405].

Рачек {Себ. № 188 (133) Себ. № 189)} – ласк. ‘рак’. Ср. *raczek* – ‘рачок’ [БП-РС II: 238].

Раченька {Себ. № 190} – ласк. ‘рак’. Ср. *raczek* – ‘рачок’ [БП-РС II: 238].

Репа {Н-Сок. № 137 (92)} В выражении ♦ *Репа – мясо*. Ср. *Репа – мясо* ‘пожелание, чтобы мясо было мягкое, как репа, вкусное’. Мяснику, когда он разнимает тушу, говорят: *Репа – мясо!*, а он – *Режь да ешь!* Сиб.; Мать учит: *А ты бы сказал – репа мясо, дай тебе Господи этим заговеться, этим в Христов день и разговеться*. Свердл. [СРНГ 35: 65].

Рига {Дед. № 92 (58) Дед. № 107 (69)} – ‘хозяйственная постройка, предназначенная для сушки снопов зерновых перед молотью, а также для просушки льна’ [ТБПК: 76].

Рождество {Локн. № 96 (62) Усв. № 176 (123) Усв. № 170 (117)} – ‘Рождество Христово – один из главных религиозных праздников, отмечаемый 25 декабря (7 января по н. ст.)’.

Розвальни {Усв. № 177 (124)} – ‘вид широких саней без сиденья’.

Рудый {Усв. № 210 (149)} – ‘рыжий’. Ср. в белорусском языке: *руды* – ‘рыже-коричневый’ [Б-РС 3: 418].

Румяно {Усв. № 196 (138)} (в выражении ♦ *белое румяно*) – ‘косметическая краска – румяна’.

С

Садить {Усв. № 126 (в форме 3 лица мн. числа *содют*)} – ‘назначать на должность’.

Самоседочка {Пуст. № 207 (146)}. *Самоседка* – ‘курица, высиживающая цыплят без ведома хозяев’ [СРНГ 36: 101].

Сбавить {Нев. № 169 (116) (в формах инфинитива *сбавить* и повелительного наклонения *сбавь*)} – ‘рассказать’. Ср. в белорусских говорах: *збавіць* – ‘тж.’. *Трэба збавіць басню*. [СБГП-3_1: 274]. Ср. *бавить* – ‘говорить’ [ПОС 1: 89].

Сбости {Нев. № 28 (19) (в форме будущего времени 1 лица ед. числа *збоду*)} – ‘забодать’. Ср. *забости* – ‘то же, что забодать’ [ПОС 11: 34]. Ср. в белорусском языке: *збасці* – ‘забодать’ [Б-РС 1: 869].

Свадебные {Дед. № 63 (41)} – ‘гости, приглашенные на свадьбу, участвующие в свадебной церемонии’.

Свет {Пуст. № 98 (63)} ♦ *Уходит в свет* (в звучании *у свет уходит*) – ‘отправляться куда-нибудь подальше’. Ср. в белорусском языке: *пайсці ў свет* – ‘пойти, куда глаза глядят’ [Б-РС 3: 499].

Свитка {Себ. № 60 (39)} – ‘длинная распашная верхняя крестьянская одежда из сукна домашней выделки’. Ср. в белорусском языке: *світка* – ‘свитка, сермяжка’ [Б-РС 3: 504].

Святки {Усв. № 173 (120)} – ‘праздничный период от Рождества до Крещения, во время которого в деревнях принято было справлять свадьбы’.

Сгибнуть {Усв. № 8 (5)} – ‘умереть, погибнуть’.

Сгоить {Усв. № 126 (в форме деепричастия *субівши*)} – ‘убить, лишить жизни, уничтожить’.

Сгородка {Н-Сок. № 159 (111)} – ‘ограда из жердей, прутьев’. Ср. *изгородка* – ‘тж.’ [ПОС 13: 210].

Сдырдиться {Нев. № 27 (18) (в форме прошедшего времени муж. рода *здырдиўсь*)} – ‘умереть, подохнуть (о животных)’. Ср. в белорусском языке: *здырдзіцца* – груб., прост. ‘окочуриться, сыграть в ящик’ [Б-РС 1: 1070]. Ср. в белорусских говорах: *здырдзіцца* – ‘тж.’ [СБГП-3_1: 303].

Серый {Нев. № 157 (109)} (в звучании *шерый*, отражающем характерную для псковских говоров фонетическую черту смешения *с* и *ш* либо шепелявого произношения свистящих согласных *с^ш*) – *серый* – постоянный эпитет в сочетании со словом *волк* (здесь – *шерый воўченька*).

Сечь {Нев. № 53 (33) Нев. № 54 (34)} – ‘подсекая, валить на землю; рубить (деревья на дрова)’. Ср. в белорусских говорах: *сеч* – ‘тж.’ [СБГП-3_4: 417–418].

Сильный {Кун. № 82} – ‘обладающий магической силой или способный ей противостоять’.

Ситцевик {Пушк. № 88 (55)} – ‘сарафан из ситца (ситец – хлопчатобумажная покупная, не домотканая, материя)’.

Сколотить {Пуст. № 205 (144)} – ‘путем взбалтывания, взбивания изготовить масло из сметаны’.

Скочный {Нев. № 194 (137)} (в сочетании *скочна музыка*) – ‘плясовой’. Ср. в белорусском языке: *скакаць* – 3. ‘плясать, танцевать, отплясывать’ [Б-РС 3: 532–533]. Ср. в белорусских говорах: *скакаць* – ‘тж.’ ♦ *Скакаць пад дудку*. [СБГП-3_4: 434–435].

След {Усв. № 175 (122)} ♦ *След лежит* (в форме 3 лица ед. ч. *лежить*) (в сочетании с инфинитивом) – ‘о необходимости, обязательности сделать что-нибудь’

Слиньки {Нев. № 81} – ‘слюна, слюни’. Ср. в белорусском языке: *сліна* – ‘тж.’; *слінкi* – разг. ‘тж.’ [Б-РС 3: 565].

Смех {Н-Сок. № 56} (в сочетании *на смѣх*) – ‘высмеивание, порицание, осуждение’.

Смеяться {Н-Сок. № 142 (96) (в формах 3 лица ед. числа *смяётца* и прошедшего времени мн. числа *смяялись*)} – ‘насмехаться, дразнить’.

Сновать/сновати {Пуст. № 200 (140)} В выражении *сновать кросна (кросёнца)* – ‘располагая нитки основы в определенном порядке, создавать рисунок, узор ткани’ [ПОС 16: 197].

Сомлеть {Локн. № 49 (30) (в форме прошедшего времени жен. рода *сомлела*)} – ‘сильно испугаться; (возможно) потерять сознание’. Ср. *обомлеть* – ‘замереть от сильного страха, остолбенеть’; ‘потерять сознание, упасть в обморок’ [ПОС 22: 292–293].

Спас {Н-Сок. № 137 (92)} (в звучании *Испас*, отражающем фонетическое явление протезы – надставки звука в начале слова) ‘народный и православный праздник Спас (здесь Медовый Спас) в первый день Успенского поста 1 августа (14 августа по н.ст.)’.

Спасти {Нев. № 193 (136) (в форме прошедшего времени муж. рода *спас*)} – ‘запасти впрок’.

Спелеговать {Дед. № 63 (41) (в форме повелительного наклонения мн. числа *спелеговайте*)} – ‘ухаживать за ребенком, заботиться о нем’. См. **воспелеговать**.

Спех {Себ. № 188 (133) Себ. № 190} ♦ *Спех (кому)!* – ‘народное благопожелание успешной работы’.

Срчка {Себ. № 190} – (в звучании у *сыра́чки*) ‘зад, задняя часть тела, туловища животного’. Ср. в белорусских говорах: *срчка* – уменьшить., перен. ‘частка бульбіны, якая не мае зародкаў парасткаў’ *У срчкі нету вочкаў, яна пойдзе свіням.* [СБГП-3_4: 557]

Став {Пушк. № 88 (55)} – ‘домашний ткацкий станок, предназначенный для выработки холста’ [ТБПК: 124–125].

Старец {Себ. № 60 (39)} – ‘старый человек’.

Статуй {Локн. № 130 (85)} – ‘скульптура, статуя’.

Стать {Кун. № 67 (43) (в форме прошедшего времени жен. рода *стала*)} {Остр. № 65 Усв. № 64 (42) (в форме прошедшего времени мн. числа *стали*)} – ‘восстановиться, появиться в прежнем виде’.

Стоянка {Оп. № 112} – ‘укладка снопов хлеба в поле’ [СРНГ 41: 260].

Странатка {Нев. № 193 (136)} – ‘небольшая птица отряда воробьиных; трясогузка’. Ср. в белорусских говорах: *стрынатка / странатка* – зоол. ‘пліска’ (трясогузка). *Сярод*

вараб'еў странатка, як варабей, пабольшы, сера-жоўты, у карычневы цвет. [СБГП-3_4: 607–608].

Стрелец {Беж. № 13 Нев. № 156 (108)} – ‘охотник’. Ср. в белорусских говорах: *стралец* – ‘паляўнічы’ (охотник). *Стральцы па зайцах ходзяць.* [СБГП-3_4: 594]

Суходоль {Нев. № 111 (73)} – ‘сухое, безводное место; суходол’.

Схватиться {Дед. № 92 (58) (в форме прошедшего времени мн. числа *схватилися*)} – ‘обнять друг друга, обняться’.

Сховать {Нев. № 81 (в форме 3 лица ед. числа *схуваць*)} – ‘спрятать’. Ср. в белорусском языке: *схаваць* – ‘тж.’ [Б-РС 3: 679].

Сховаться {Усв. № 30 (21) (в форме прошедшего времени муж. рода *схуваўся*)} – ‘укрыться, спрятаться’. Ср. в белорусском языке: *схавацца* – ‘тж.’ [Б-РС 3: 678].

Т

Тамока {Усв. № 119 (78)} – ‘в том месте, там’. Ср. в белорусском языке: *тамака* – обл. ‘тж.’ [Б-РС 3: 711]. Ср. в белорусских говорах: *тамака / тамыка* – ‘тж.’ [СБГП-3_5: 82–83].

Таратайка {Усв. № 170 (117)} – ‘легкая двухколесная повозка’.

Тонкопряля {Пуст. № 200 (140)} – ‘мастерица прясть, тонкопряха’ [МАС IV: 381]. Здесь используется иронически.

Торжок {Усв. № 199 (139)} – ‘рынок, торг’.

Точиво {Кр. № 104 (67)} – ‘домотканое льняное полотно простого изготовления’ [ТБПК: 141].

Третьяк {Дед. № 192 (135)} – ‘молодое домашнее животное (бык или конь) в возрасте трех лет’.

Тростина {Оп. № 75 (47)} – ‘одно растение тростника’.

Троху {Нев. № 81 Нев. № 193 (136)} – ‘слегка, немного’. Ср. в белорусском языке: *троху* – разг. ‘немного, слегка, чуть-чуть’; *трохі* – ‘тж.’ [Б-РС 3: 741, 743].

Трубица {Локн. № 96 (62)} – ‘эвфемистическое название хвоста промыслового животного (лисы, волка и др.) у охотников’.

Трубочка {Нев. № 57 (36)} – ‘домотканое полотно, скатанное в рулон; трубка’. Ср. в белорусских говорах: *трубачка* – уменьшит. ‘труба’ *Трабачка палатна.* [СБГП-3_5: 128]

Тужба {Себ. № 60 (39)} – ‘горе, печаль; забота’.

Тюни {Н-Сок. № 142 (96)} (вариант *чу́ни*) – ‘обувь наподобие лаптей, сплетенная из льняных веревок или связанная из толстых ниток’ [ТБПК: 190-191]. Ср. в белорусских говорах: *цюні / цюнкi / цюнькі* – ‘тапкі, вязаныя або пашытыя з матэрыялу’. [СБГП-3_5: 128].

Тюшечка {Н-Сок. № 159 (111)} – ‘дыра, щель’. Ср. *тюшка, тюшечка* – пск. ‘скважина, щель, дыра, продушина, лазок’ [Даль IV: 452].

Тягать {Пуст. № 6 (3) (в форме 3 лица ед. числа *тягаеть*)} – ‘вынимать по одному; таскать, вытаскивать’.

Тяжкий {Остр. № 78 (50)} – ‘обладающий большим весом, тяжелый’.

У

Убрать {Усв. № 119 (78) (в форме повелительного наклонения мн. числа *убярі́те*)} – ‘помыв, переодев, привести в порядок кого-н.; прибрать’.

Угодник {Локн. № 77 (49)} – св. Николай Угодник (Николай Чудотворец).

Угореть {Кун. № 32 (22) (в форме прошедшего времени муж. рода *угорел*)} – ‘отравиться угарным газом (обычно от печи в доме или бане)’.

Укориться {Усв. № 126 (в форме прошедшего времени жен. рода *укорилася*)} – ‘заупрямиться, закапризничать’.

Уловчиться {Себ. № 60 (39) (в форме прошедшего времени муж. рода *уловчился*)} – ‘ловким движением, улучив подходящий момент, сделать что-нибудь’.

Учуять / вчуять {Нев. № 10 (7) (в форме прошедшего времени муж. рода *учуў*)} {Усв. № 9 (6) (в форме прошедшего времени мн. числа *учули / вчули*)} – ‘воспринять слухом, услышать’.

Х

Холстинка {Пушк. № 88 (55)} – ‘домотканый холст из льняных ниток’.

Ч

Челнок / челночок {Локн. № 38} – ‘небольшая лодка, обычно выдолбленная из цельного ствола дерева’.

Чело {Локн. № 38} – ‘сводчатое отверстие в передней части русской печи, куда закладывались дрова, ставились чугуны для приготовления пищи’.

Чепельник {Нев. № 53 (33)} – ‘рукоятка сковородника’. Ср. в белорусском языке: *чапельнік*, *чапальнік* – ‘тж.’ [Б-РС 3: 1003, 1004]. Ср. в белорусских говорах: *чапальнік* – ‘тж.’. [СБГП-3_5: 403–404].

Череп {Нев. № 81} (в звучании *чарэп*) – ‘ковш, черпак’. Ср. в белорусском языке: *чарэпаць* – ‘черпать’ [Б-РС 3: 1008].

Чечётка {Нев. № 193 (136)} – ‘небольшая птица сем. вьюрковых’ [МАС 3: 676].

Чечёточка {Нев. № 194 (137)}. См. **Чечётка**.

Чим {Себ. № 188 (133)} – ‘почему, по какой причине’.

Чистина {Дед. № 107 (69)} – ‘открытое, не поросшее кустарником или деревьями место’.

Чистый {Нев. № 193 (136)} – ‘из муки без примесей (о хлебе)’.

Читать {Нев. № 83 (51) (в формах повелительного наклонения ед. числа *читай*, настоящего времени 3 лица ед. числа *читаеть*, прошедшего времени муж. рода *читал*)} – ‘произносить молитву для снятия колдовства, заклятия’.

Читый {Н-Сок. № 43} – ‘не пьяный, трезвый’.

Чуять {Нев. № 139 (94) (в форме 3 лица ед. числа *чуешь*)} – ‘воспринимать слухом, слышать’.

Ш

Шерый {Нев. № 157 (109)}. См. **Серый**.

Щ

Щёлок {Усв. № 209 (148) Усв. № 210 (149)} (в звучании *шшолок*) – ‘щелочной раствор из воды и древесной золы, использовавшийся для мытья, стирки белья, отбеливания холста’.

Щирый {Дед. № 90 (57)} (в звучании *шчырая*) – ‘истинный, настоящий, подлинный’. Ср. в белорусском языке: *шчыры* – ‘4. непритворный, безыскусственный’ [Б-РС 3: 1068-1069]. Ср. в белорусских говорах: *шчыры* – ‘5. сапраўдны’ (действительный, настоящий). [СБГП-3_5: 523–524].

Я

Ясный {Н-Сок. № 161 (112)} – ‘блестящий, сверкающий’.

Литература

1. Панченко Н.Т. Словарь областных слов // Сказки и легенды пушкинских мест / Записи на местах, наблюдения и исследования чл.-кор. АН СССР В.И. Чернышева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 315–336.
2. Пецкая Т.А. Лингвистические пояснения к текстам сказок // Сказки Псковской области / Под ред. Г.И. Плещук. – Псков: ПГПИ, 2004. – С. 439–450.

Использованные источники

БП-РС – Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь: в 2 т. – М.: Русский язык; Варшава: Ведза Повшехна, 1980.

Б-РС – Беларуска-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): у 3 т. / Пад рэд. А.А. Лукашанца; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. Выд. 4-е, перапрац. і дап. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1978–1980.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т русск. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–25 / Под ред. Б.А. Ларина [и др.]. – Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2015.

СБГП-3 – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / [Уклад. Ю.Ф. Мацкевич, А. Грынавіцкене, Я.М. Рамановіч і інш.; Рэд. Ю.Ф. Мацкевич]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1979–1986.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. Вып. 1–45... – Л. / СПб., 1965–2013.

ТБПК – Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / Ред. Н.В. Большакова. Составители: Андреев В.К., Большакова Н.В., Воробьева Л.Б., Лукьянова С.В., Мона Ю.Ю., Плещук Г.И., Побидько З.В., Смирнова А.Н. – Псков: ЛОГОС Плюс, 2012.

ПСКОВСКОЕ «ЛИЦО» НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Псковский фольклор – часть общерусского, и тексты сказок, записанных в экспедициях, обычно представляют варианты известных традиционных сказочных сюжетов. При большой устойчивости, традиционности фольклорный текст текуч, изменяем и существует в вариантах: такова природа фольклора*. Каждый новый зафиксированный вариант – ценность: варьирование – одно из важнейших проявлений творческого процесса в фольклоре. Небольшое изменение в экспозиции, какие-то детали, новое сочетание привычных сюжетных мотивов придают порою сказочному повествованию новые оттенки, а иногда меняют его смысл. Так, в сказке № 103 (66) *Как дед другую жену искал*, записанной в д. Паново Глубоковской вол. Оп. р-на, легко узнается с детства знакомый всем сюжет, где герой, раздосадованный глупостью близких ему людей (например, его родители плачут: *Вот был бы у нас внучек Иванушка да играл бы он на этом месте, а полено бы упало и убило бы его!*»), уходит из дому, обещая вернуться, если найдет людей еще глупее. В опочечкой сказке эта обычная мотивировка отправки героя из дому отсутствует. Вместо нее вначале представлена обыденная житейская ситуация разлада между супругами, которая меняет смысл сказки. В ней иная житейская философия. Если привычный с детства сюжет убеждает: не только в родном доме, но и на белом свете глупостей творится немало, то сказка, записанная в д. Паново, говорит о том, что не найти и не стоит при первой размолвке искать спутника жизни

*Эта устойчивость фольклорного текста при всей его постоянной текучести, изменчивости, отражена, в частности, в понятии «сказочный тип». Понятие «сказочный тип» лежит в основе указателей сказок, самый известный из которых – указатель Аарне – Томпсона (на русский язык переведен Н.П. Андреевым и опубликован в 1929 г.). Каталог сказочных сюжетных типов Аарне – Томпсона лег в основу многих других указателей, в том числе СУС, вышедшего в 1979 г. В указателе каждому типу сказки дан свой номер (шифр) и название, за которым следует краткое, схематичное описание содержания.

лучше того, кто испытан долгими совместно прожитыми годами.

Особый местный отпечаток накладывают на сказочное повествование псковские топонимы: действие сказки разворачивается порою в родных и знакомых для сказочника местах. Так, именно в д. *Паново* мирно жили дед и баба, именно отсюда, однажды повздорив с супругой, отправляется дед на поиски новой, лучшей жены. В д. *Мякишево*, ближайшей от хутора, в котором до переселения в Паново жила рассказчица, видит он, как хозяйка покосившегося от старости домика тянет на крышу своей баньки поросенка, купленного на ярмарке в *Опочке*. Дед, спросивший о цели странных усилий бабы и получивший ответ, что на крыше хорошая трава растет, дает ей иронический совет: «*Так надо было тогда во Псков съездить, трава ж в Пскове ещё лучше!*» А другая незадачливая баба, смолов муку на мельнице в д. *Бакино*, что недалеко от родного для сказочницы хутора, высыпала ее прямо в воду, чтобы приготовить пойло для коня, у мостика через реку «*по дороге к Алолям*» (д. Алоль находится в соседнем Пуст. р-не). И, наконец, к удовольствию слушателей, дед возвращается к своей бабке, признав, что бабы в *Панове* лучше, чем в округе.

Герой сказки № 133 (88) *Иванушка-дурачок*, записанной в Куньинском районе, едет за покупками в *Торопец*, некогда входивший в состав Псковской губ., а теперь являющийся центром Торопецкого р-на Тверской обл., граничащей с Кун. р-ном Пск. обл. А.В. Александрова из д. Вяз Н-Сок. р-на своим вступлением к сказке № 137 (92) *Дурень* связывает похождения набитого дурака с окружающими деревнями Вязовской вол.: *Антушово, Колкиши, Коларево, Синютино*. Действие сказки № 144 (98) *Поп-любownik* происходит в родной деревне рассказчицы, М. Н. Григорьевой, из д. Нища Долосчанской волости Себ. р-на: «*В нас в селе был поп и дьяк Ваня*»,— начинает она свое повествование о сластолюбивом седовласом батюшке, которому приглянулась молодая жена дьякона. А мальчик Васятка в сюжете *Мальчик и ведьма* плывет в челноке по реке Кунь (№ 38 *Васятка и Баба-Яга*).

Такая привязка сказочных событий к родным для сказочника местам, по свидетельству одной из сказочниц, Т.М.

Голер из д. Паново Глубоковской вол. Оп. р-на, доставляла немалое удовольствие слушателям. И не случайно: введение местных топонимов неизмеримо усиливает комический художественный эффект, возникающий из характерного для так называемых бытовых сказок контраста между реалистичностью обстановки, в которой разворачивается действие, и фантастичностью описываемых в сказке событий.

Местный колорит нет-нет да и проявится в деталях, отражающих характер местности, погодные особенности региона. Е.Т. Волкова из д. Пралище Усв. р-на в сказке № 1 (1) *Про лису* вводит в эпизод «Лиса крадет рыбу с воза» подробности, объясняющие, почему дед не заметил проделки *«хитрой зверюшки»*, и создающие зримую картину: *«А погода – заметелица!» Мужик воротник поднял, коня правит, тихонько едет»*. Псковская область богата болотистыми местами. В сказке № 9 (6) *Как лиса ходила за петушком*, записанной в Усвятском районе, кот и баран, оставляя петушка дома, идут *«за пропитанием» «у болото»*, а в сказке № 27 (18) *Про Козу-Дерезу «коза убегла в болото»* от деда, жаждущего расправы с нею (Нев. р-н).

Яркий местный колорит придают сказкам черты местного традиционного обрядового быта, включенные в ткань сказочного повествования. Действие сказки № 127 (83) *Как баба свинью замуж отдала* В.И. Нарвут из д. Нарично Нев. р-на завязывается на «ярмалке». «Ярмалки», «ярмонки» устраивались по большим праздникам и по сути представляли собою смотр сельских девушек на выданье: нарядные, они прогуливались рядами по улице. Парни и их родители высматривали невест. Сватовство ушлого парня к свинье в невеличской сказке спровоцировано репликой присутствующей на «ярмалке» бездетной бабы: *«У людях дети! Замуж отдають! А мне хто ж бы свинью Хавронью замуж взял!»* Традиционный сказочный образ глупой жены в варианте В.И. Нарвут при такой завязке приобретает дополнительный оттенок и в результате теряет одномерность, становится более сложным. За «пошехонской» глупостью героини сказки – тоска по несбывшейся мечте иметь

детей, вырастить их, сыграть им свадьбу: у нее и приданое готово, не останавливает ее и реакция мужа на сообщение о предстоящей свадьбе Хавроньи: «*Да ты, баб, с ума спятила!*»

Органично входит в сказку фрагмент местного свадебного обряда. Звучит в пародийном варианте (это один из приемов усиления комизма повествования) песня, исполнявшаяся при отправлении молодых из дома невесты к жениху:

*Дороженька мила, мила,
Повез Хавроньюшку Данила!
А Бог по пути!
Злы – не мути!*

Сравним с одним из вариантов подлинной свадебной песни:

*Бог по пути!
Только злы не мути!
Мы злого-лихого
Хлебом-солью побьем!
Доброго молодца
Мы с собою возьмем!*

(Зап. от *Нины Игнатьевны Богдановой*, 1920 г. р., в д. Волчьи Горы, Лёховск. с/с, Нев.. р-на Пск. обл.).

Местный свадебный обычай и сам обряд отразились и в другой сказке В.И. Нарвут – № 118 (77) ***Как невеста на свадьбе голосила***. Героиня сказки накануне свадьбы идет в соседнюю деревню за венком. Венок, специально изготовленный или купленный для невесты, бережно сохранялся ею всю жизнь. Однако не у каждой невесты был свой собственный венок. Широкое распространение получил обычай, отразившийся в сказке В.И. Нарвут, когда девушка, выходя замуж, брала такой хранившийся в чьей-либо семье венок напрокат за некоторую плату. Бывало, что в одном венке венчались невесты всех окрестных деревень.

В центральном эпизоде сказки отложился обряд надения-благословления невесты родными и односельчанами. В реальном свадебном обряде каждый из них по очереди подходил к столу, за которым сидела или стояла невеста, и со словами: «*Наделяю тебя счастьем и долей!*» – клал деньги на надельный пирог, стоящий перед невестой; она причитала, или,

по-местному, голосила. Пародийное причитание невесты сказочница исполнила в подлинной манере голошения, характерной для свадебной традиции Невельского района.

Сказка № 136 (91) *Жених-дурень*, также записанная в Нев. р-не, содержит бытовые подробности, органично входящие в ее сюжет. На печи, куда тайно пробрался, предварительно угодив в бочку с дегтем, незадачливый жених, сушатся перья на подушки для невесты. Подушки – неременная часть «добра», которое везет с собою молодая в дом мужа. В печи пекут надельный пирог – обязательный атрибут обряда наделения-благословения невесты в южных районах Псковской обл. (псковско-белорусское пограничье); надельный пирог украшают курочками (их лепили из теста или использовали готовые конфеты или пряники в виде птичек). Мать невесты радуется, что пирог *«дуже хороший удался»*: это, по поверью, сулит хорошую судьбу новобрачной. Ср.: в том же Нев. р-не записан рассказ о том, как свадебный хлеб при выпечке раскололся, и жизнь молодых не сложилась. (Зап. от *Веры Васильевны Семеновой*, 1921 г. р., в д. Доминиково, Туричинск. с/с, Нев. р-на Пск. обл.).

В сказке № 119 (78) *Нестеришка*, записанной в Усвятском районе, есть эпизод, где ловкий вор Нестеришка изготавливает чучело, чтобы выманить барина из комнаты, где тот с ружьем караулит шкатулку с деньгами; эту шкатулку на спор взялся украсть герой сказки: *«Вот ён как обдумал. Взял этот куль соломенный, на кол наторнул, тряпкой белой лицо сделал, глаза навел, усы навел. Взял куклу эту да пихал-пихал в окно. А вокно открыто!.. Барин впёк из ружья! А он, Нестерь, – наземь брык!.. Побегли людей вызывать. А ён – цап деньги и попёр!»* И в описании процесса изготовления, и в способе выманивания узнаваемо святочное чучело, показываемое колядовщиками с улицы в окно хозяевам избы.

Сказочница Е.В. Белова из Порх. р-на очень органично вводит в сюжет эпизод из деревенского быта, мотивируя нежелательное появление попа в то время, как братья прячут найденное дураком золото: дело происходит в праздник, и священник обходит с молебном крестьянские избы (№ 132 (87) *Про Ваню-дурака*).

В невельском варианте сюжета «Волк и козлята» (№ 27 (18) *Про Козу-Дерезу*) в развязку сказочного повествования (эпизод расправы козы с волком, съевшим козлят) органично вошел обычай поминовения покойных кутьей – сладкой кашей из цельного зерна с добавлением ягод: *«Ну, и стала делать помин по козлятам. Затопила печку. У печку – кочережку туды. И зварила куттё. И пошла воўка звать поминать... Воўк пришоў. «Ну, – говорит коза, – разевай рот поширей! Я табе (а у ей ложка такая была, и кутте почерпнула), я табе счас кутте...» Воўк разинуў рот, а ина, ну, – кочережку красную ўсунула! Ён яркатаў, яркатаў ... И здырдиўсь!»*

Сказки обнаруживают связь с различными фольклорными жанрами, поверьями, бытующими на территории Псковской области. Уже говорилось о том, как органично входят в сказку свадебная песня, причитание, поверье о свадебном караване. Бытующее в Псковской области представление о том, что от зубной боли можно избавиться, поковыряв в больном зубе заговоренной щепочкой, лежит в основе комической ситуации в сказке Е.Т. Волковой о ловких ворах (№ 121 (80). Вор собирает вокруг себя толпу зевак, взявшись ловить рыбу на долото. Макая долото в лунку то одним, то другим концом, он приговаривает: *«Тут не вóзьметсѧ, так там вóзьметсѧ!»* – иносказательно намекая, что главная его добыча не здесь, а в обозе, где орудуют его сообщники, пока он отвлекает внимание людей невероятным способом рыбной ловли. *«Заднему полегчало!»* – извещает его сообщник о совершившейся краже с воза, ковыряя притом *«щепинкой»* во рту. Окружающие же воспринимают смысл этой фразы, вытекающей из подстроенной мошенниками ситуации: у одного жулика будто бы разболелись зубы, а другой будто бы их лечит, нашепав на щепочку.

В сказке № 72 (45) *Вещий сон*, записанной в Кун. р-не, отразилось бытующее в народе поверье о дворовом (ипостась домового), с которым связано представление о благополучии в хозяйстве. Именно дворовой заменил в куньинской сказке такой обычный для сюжета о бедном и богатом брате (СУС 735 *Две доли*) персонаж, как Счастье, Доля.

Содержащийся в одном из вариантов сказки о мачехе и падчерице мотив «Черти в облике парней приходят к падчерице, которая по приказу мачехи прядет ночью в бане» (№ 51 (31) *Мачеха, дочь и падчерица*), очевидно, навеян распространенной бывальщиной о чертях, явившихся на девичью посиделку, и поверьем, что баня – обиталище нечистых. Так, по народным представлениям, в бане ни в коем случае нельзя вешать икону, опасно ходить в баню одному: *«Мой свекор рассказывал... Пошёл он как-то раз в баню один. Моется. Вдруг кто-то ему мыло подаёт в руку. Взял он это мыло, хотел мыться. Да и думает вдруг: «Кто ж это мне мыло подал? В бане-то я один!» Бросил он мыло, да и – эх! – как выскочит вон из бани! А сзади него кто-то мылом как шарахнет в двери! Вмятина осталась: смотрели потом! Это камень оказался. Так с тех пор до самой смерти один в баню не ходил: боялся!»* (Зап. от Веры Васильевны Семёновой, 1921 г. р., в д. Доминиково, Туричинск. с/с, Нев. р-на Пск. обл.).

У сказочницы из Опочецкого района Н.Я. Николаевой, для которой характерно внимание к душевным движениям персонажей сказки, в сюжете о мачехе и падчерице (№ 55 (35) *Ручеек слёз*) образы отца героини сказки и ее мачехи разработаны не без влияния популярного на Псковщине ромansa-баллады об отце, погубившем дочь ради новой жены, которая потребовала:

*Иль убей её, иль в приют отдай,
Только сделай ты всё поскорей!
А не сделаешь – я уйду от тебя,
Мне одной будет жить веселей.*

В сказке: *«Как хошь, а всё ж куда-то её девай: хошь вбей, хошь занеси, а я не могу с ней жить!»* Как и в балладе, в сказке отец поставлен перед выбором и решается предать дочь: *«Ну, что ж деду делать? Жалко с дочкой расставаться! И хороша баба! Думает: «Буду я с бабой жить и заведу дочку в лес!»*

Сюжет № 151 (105) *Как цыган и мужик солнце уговаривали*, где уставший от работы в поле цыган просит: *«Солнышко, ниже, ниже!»*, обнаруживает близость к детской песенке-закличке и ко всей ситуации, в которой такая закличка

звучала. Сравним: *«Песню пели дети, когда пасли скот. У меня не было отца. Мы гоняли коров. В поле, бывало, надоест за день, просишь, чтоб солнце раньше закатилось:*

Солнышко, маменька!

Закатися раненько!

Твои детки плачутъ,

По камушкам скачутъ,

Блинов напекають,

Маму дожидаются!

Часов жа не было! Постен меряешь: сколько времени? Против солнца встанешь. К вечеру постен большой-большой делается, а в обед постен перешагнешь! Постен – это своя тень или от дерева. Отметишь начало постена – и меришь шагами». (Зап. от Шульц Дарьи Васильевны, 1910 г. р., в д. Шеклаки, Бояриновск. вол., Себ. р-на Пск. обл.). Исследование Г.В. Лобковой заставляет предполагать, что и сюжет **Как цыган и мужик солнце уговаривали**, и приведенная выше детская закличка генетически связаны с псковской традицией голошений и заклинаний в поле. Ср.: *«И да покати́лась любимая правельная солнышка, | Да всё за этаи, за тёмнаи, за еты леса тёмныи, | Да ты скажи-кася, любимая правельная солнышка, | Да как(ы) тяжело мне на эта(и) крутой работушки!»*¹ В пользу такого предположения свидетельствуют также и материалы двухтомника «Традиционная народная культура Псковской области»: «во время пастьбы в поле девочки могли голосить (*«плакать голосом»*), по имеющемуся в звукозаписи рассказу, девочка с семи лет пасла гусей, причитывала на солнышко, чтобы оно закатилось и можно было скорей пойти домой...»² Там же имеются свидетельства о бытовании детских жатвенных причитаний и жатвенном обрядовом причитании жниц-поденщиц, зафиксированном в Н-Рж. р-не: *«Солнушка милысливыя, ну поскарей закачивайся», «...Катись ниже, ниже, | Паскарей, скарей!»*³

В сказке № 115 (74) **Как сваты пастуха о невесте расспрашивали** ответ пастуха сватам почти дословно воспроизводит свадебную корильную песню. Впрочем, возможно, что именно песня восходит к сюжету о сватах и пастухе. Сердитые зрители на свадьбе, требуя угощения, пели:

*Хороша б невеста –
Нашла б ближе жениха!
Если б был жених хороший –
Не поехал б за сто верст!*

(Зап. от *Птицыной Клавдии Ильиничны*, 1932 г. р., уроженки д. Сергеево Пригородн. вол. Пуст. р-на, в г. Себеже Пск. обл.).

Есть в фонде ФА ПсковГУ и такие сказки, сюжеты которых не учтены в СУС. К таким относятся: № 148 (102) *Как поп в работники нанялся*; № 104 (67) *Про сапожника и его жену*; № 105 *Про деда и бабу*; № 124 (82) *Жулик и мужик*; № 118 (77) *Как невеста на свадьбе голосила*; № 151 (105) *Как цыган и мужик солнце уговаривали*; №№ 149 (103), 150 (104) *Как цыган / мужик огурцы воровал*

Есть и такие сказки, сюжеты которых или входящие в них сюжетные мотивы известны лишь по единичным публикациям: № 19 (12) *Сказка про волка*; СУС 162А* *Дед, баба и волк*; № 47 (29) *Хромоногая уточка*; СУС 402А *Девушка-уточка*; № 86 (54) *Про Ивана и Марью*; СУС 883А *** *Оклеветанная золовка*; № 95 (61) *Кто первый рассердится?*; СУС 1016 *«Почисти лошадь»*; № 96 (62) *Барин и работник*; СУС 1002 *Убытки хозяину*; № 127 (83) *Как баба свинью замуж отдала*; СУС 1540А** *Парень выпрашивает у хозяйки свинью себе в жены*).

Некоторые из зафиксированных экспедициями текстов, в сопоставлении с уже известными публикациями, быть может, позволят в будущем внести определенные уточнения в СУС. Так, записанный в Пуст. р-не текст № 26 (17) *Коза-Рогоза* близок пермской сказке *Козонька*, впервые опубликованной в «Пермских губернских ведомостях» в 1863 г. и включенной позднее в сборник Д.К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии», переизданный в наше время (СПб., 1997, № 79. С. 315–316). И в той, и в другой сказках нет обычного для сюжетного типа СУС 212 *Коза луплена* продолжения, когда коза убегает в лес, отнимает дом у зайца, разные животные пытаются ему помочь, но выгнать козу не могут; выгоняет козу петух. Пермская сказка трагична по своему содержанию: по наговору «*козоньки*», которую будто бы плохо пасли, дед поочередно избивает до смерти сына, дочь и свою старуху, а

убедившись в обмане, убивает козу и *«сам-от пошел да с горя-то на осине и задавился»*. Пустошкинская сказка – более мягкий вариант: оклеветанные Козой-Рогозой бабка и внучка терпят жестокие побои, но все остаются живы, а дед, узнав правду, расправляется с козой. Следует признать, что и пермская, опубликованная в 1863 г., и пустошкинская, записанная спустя 136 лет, сказки являются сюжетно завершенными, не требующими продолжения текстами, глубокими по мысли (недоверие к близким людям и доверчивость к наговорам всякого рода «*козоне*к»-недоброжелателей ведут к беде, к разладу и даже к трагедии), и, скорее всего, представляют собою не «осколки» сказки сюжетного типа СУС 212 *Коза луплена*, а самостоятельный сюжет.

Своеобразный отпечаток на сказку накладывают условия ее бытования: время, место, социальная и фольклорная среда, функция, которую выполняет сказка, аудитория, к которой она обращена, и, конечно, личность сказочника.

В наше время сказка воспринимается прежде всего как жанр, предназначенный для детей. По нашим материалам, сказка обычно передавалась от старших (бабушки, дедушки, матери, отца) детям, чаще от бабушки. Так, сказка № 20 (13) *Волк и дед со старушкой*, СУС 163 *Пение волка*), записанная от А.Е. Алексеевой в д. Паново, Опочецкого района, как это следует из комментария Т.М. Голер, дочери Антонины Егоровны, относится к первым детским сказкам, которые слышал крестьянский ребенок в раннем детстве от своей бабушки. Именно бабушка пестовала детишек в крестьянской семье; она и располагала репертуаром песенок, потешек, сказок, кстати, прекрасно приспособленных для развития памяти ребенка. Несмотря на жутковатую, казалось бы, историю (неотвязный волк съедает всех, избушка остается пустой), сказка воспринимается как веселая игра, и ребенок (сказка рассказывалась в присутствии внучки А.Е. Алексеевой) весело смеется, чему мы были свидетелями, вполне разделяя настроение маленькой слушательницы. Смеется и сама исполнительница. Весь интерес сказки заключается в бесконечном повторении песенки волка, органично включенной

в нехитрый сюжет, состоящий из повторяющейся ситуации: ненасытный волк требует очередной подачки. Тескт быстро и легко запоминается, ребенок включается в игру, с удовольствием каждый раз подхватывая скандируемую на нескольких нотах песенку волка и приплясывая под нее. Эта сказка веселая по определению, по ее функции, по ее бытовому назначению. Отсюда, по-видимому, возможность комически разработанных концовок сказки сюжетного типа СУС 163 **Пение волка** независимо от последствий событий, описываемых в сказке, для ее персонажей, кончается ли повествование избавлением деда с бабой от беды (№ 21 (14) или их гибелью (№ 23 (16). Из всей ситуации беседы, из подсказок внучки, что еще знает бабушка (а мы записали от А.Е. Алексеевой еще и песенки-потешки), было ясно, что и песенки, и сказку внучка слышала неоднократно, что сама она их знает наизусть и что каждый раз они доставляют ей ожидаемое удовольствие. Свидетельства о том, что любимые детьми сказки рассказывались им неоднократно, содержатся и в воспоминаниях самих сказочников. Таким образом, это была школа освоения художественного наследия, школа освоения родного языка. Судя по воспоминаниям информантов, привычным местом «мастер-класса», где в роли «маэстро», преподносившего детишкам сокровища народной словесности, выступала чаще всего старенькая бабушка, была просторная русская печь. Н.И. Тимофеева из д. Турицы, Порх. р-на, вспоминает: *«Когда я была маленькой, лет десять мне было, а моим сестрёнкам и того меньше, в доме нашем была печка большая, на ней мы все помещались: четыре сестрёнки и пятая мать. Любили мы очень слушать сказки, которые нам мама рассказывала! И просили у мамы, чтобы страшные сказки говорила... про серого волка, как украл у деда с бабой семь овец, чтоб быстрее нам уснуть... (следует текст № 19 (12) **Сказка про волка**, СУС 162А* **Дед, баба и волк**) А здесь нам становилось страшно, и мы засыпали. А на следующую ночь опять мамку просили сказку про волка рассказать»*. М.М. Ганнибалова из п. Дедовичи Дед. р-на, исполнившая песню о Савушке-Сове (№ 192 (135), которую стали «замуж говорить» за зайца, пояснила: *«Ещё бабушка на печке учила этой песне»*.

Свою замечательную сказку № 98 (63) *Про Ваню-Дураню* Е.И. Алексеенкова из д. Колпино Новой волости Пуст. р-на предварила таким комментарием: *«Мне рассказывала сказки бабушка. Бабушка была старенькая. Полезли на печку, легли спать, и она мне всё рассказывала сказки. Одну расскажет, другую расскажет. Как я любила сказки слушать! Я маленькая была, наверное, лет восемь или десять – вот так. И ещё у меня сестрица была. И она лежала на печке. Ну, слушайте! Жил-был дед с бабой...»*.

Ориентация на детскую аудиторию, как давно замечено фольклористами, сказывается на художественной системе сказки. Такая ориентация отчетливо ощущается в целом ряде текстов сборника, в частности в сказке, о которой уже шла речь, № 20 (13) *Волк и дед со старушкой*, где на протяжении повествования песенка волка звучит десять раз!

Эта ориентация может проявляться в подробностях разработки сказочных сюжетных мотивов, в деталях, рассчитанных на детское воображение, в соответствующих интонациях, репликах, пояснениях, песенках-стишках, в упрощении сюжета и т. п.

Сказку № 103 (66) *Как дед другую жену искал*, о которой уже шла речь, Т.М. Голер слышала в детстве от бабушки и сама, работая воспитателем в детском саду, рассказывала детям. И для нас сказка прозвучала в присутствии ее маленькой дочки, очень живо реагировавшей на перипетии сказочного повествования. Вот как разработан у Т.М. Голер, в частности, мотив «Баба тащит поросенка на крышу бани, где выросла трава» (СУС 1210): *«Смотрит: баба с поросёнком. Тащит! Привязала к поросёнку какие-то возжжи или верёвку и тянет поросёнка на крышу. А поросёнок визжит, пищит! Не хочет на крышу лезть! Баба его тянет!»* Ориентированы на восприятие и воображение маленького слушателя оба помещенные в сборнике варианта сказки о коте, петухе и лисе (СУС 61В), что особенно чувствуется в эпизодах, где лиса, выманивая петушка из дома, пляшет и поет, похваляясь новыми лапотками и онучками (№ 9 (6) или катается на санках-«самоканках» (№ 10 (7)). «Детской», упрощенной, версией представлен в сборнике сюжет СУС 2022В *Разбитое яичко*

(№№ 162 (113), 163 (114), 164–166 *Курочка ряба*), и СУС 314А* *Бычок-спаситель* (№ 33 (23) *Бычок-дристунок*). В последней сказке в ответ на заявление волка: «*Девочка, девочка, я тебя съем!*» – следует реплика героини: «*Не ешь меня: я маленькая!*» В сказке № 55 (35) *Ручеек слёз* покинутую в лесу падчерицу по ручейку, протекающему от ее слез, находят царские слуги и привозят во дворец. А «*во дворце её приютили, переделали, дали комнату и няню. И стало ж ей сильно жить хорошо!*» Сравним с № 54 (34) *Речка слёз*, где сюжет развивается более традиционно: падчерица становится женою царевича.

Расчет на детское восприятие приводит порою к очень свободному обращению с традиционной народной сказкой. Так, М.М. Кулёва из д. Кивалы Усв. р-на очень вольно интерпретирует знакомые ребенку сказочные сюжетные мотивы, соединяя обычно несовместимые сюжеты о медведе (волке), захватывающем девушку (СУС 179А*), и лисе, укравшей у мужика рыбу и подучившей волка ловить рыбу хвостом в проруби (СУС 2). Она делает героями сказки свою маленькую внучку и ее дедушку (№ 5 (2) *Сказка для внучки Иринки*). Ориентацией на маленького слушателя, очевидно, обусловлено стремление М.М. Кулевой смягчить традиционные сказочные мотивы. Медведь и волк в ее варианте не так агрессивны: они не угрожают и не захватывают девочку, а только предлагают быть у них в доме хозяйкой. Девочка поочередно отказывает медведю, волку, лисе, но соглашается хозяйничать у зайчиков. Жестоко одураченные лисой дед-рыбак и волк получают первый моральную, а второй материальную сатисфакцию: волк откусывает лисий хвост и приставляет себе. Обманщица-лиса наказана, но и она «исправляется», просит прощения у деда с бабой, дед делает лисе новый хвост вместо откушенного волком, и «она побегла домой радостная». Имена своих внучек вводит в сказку В.П. Буйко (№ 27 (18) *Про Козу-Дерезу*).

У сказочницы из Пуст. р-на Е.И. Алексеенковой явно с ориентацией на детскую аудиторию связан юмористический эпизод сказки, где дед с бабой ходят вокруг не распечатанной еще бочки с медом, приношением медведя, – и облизывают ее (№ 17 (11) *Про деда с бабой*).

Есть указания на существование в недавнем прошлом традиции сказывания сказок во взрослой аудитории. В 1977 г. М.М. Голубева, 1907 г. р., из д. Бор Усв. с/с Усв. р-на сказала нам, когда речь зашла о сказках и присказках (то и другое для нашей собеседницы – синонимы): *«Бывало, всё мужики рассказывают. Соберутся и рассказывают. А теперь... только горелку пьют, а старых ня стало»* (ФА ПсковГУ). О традиции сказывания сказок для детской и взрослой аудитории повествует и Н.Ю. Осипова, 1947 г. р., из д. Морозовка Томсинской волости Себ. р-на. При этом, как и М.М. Голубева, она подчеркивает ведущую роль мужчин, когда речь идет о сказывании для взрослых: *«...Ну, надо сказать, что сказки – тоже своеобразное развлечение. Да, для детей обычно. А вот такие уже старички, которые работать-то не могли, вот они развлекали детей сказками. Конечно, вот они и дом караулили вместо замка, они и сказки рассказывали детям. Ну, смотрели за ребятами...*

Ну вот сказки рассказывали не токо детям. Нет, нет, нет! И не только дети их хорошо знали, а и взрослые тоже. Вот собирались на гулянки. Снимали чью-то хату на вечер. Придут и рукоделье с собой приносили: кто вяжет рукавички, кто носочки, кто прядет, кто чем занимались девки. Так не сидели, как сейчас: на дискотеку пришли, токо поплясали и пошли, обязательно что-то делали девки. На супрядки они еще собирали. И пряли там и всё делали. А парни – между ними. Им тоже заняться чем-то надо. И вот, надо сказать, что всё-таки лучшие сказочники... Ну, я ня знаю, как где, а у нас, наверное, это были мужики. Вот были такие, которые... у которых язык подвешен и знали они многое и могли рассказывать». В ее рассказе предстает образ деда – балагура-сказочника, развлекавшего молодежь на посиделках и других слушателей сказками-небылицами, близкими к скоморошинам: *Вот такой уже дед, старого я его знала, дед Федька Белодедов, одинокий такой старик был. О, как он хорошо рассказывал! Всякий скажет! «Так, расскажу я вам бывальщину», – и начнет заливать. От девки, там, вяжут или, допустим, прядут, а эти придут, балагуры, и начинают им травить байки, вот сказки им всякие рассказывать: «А вот была у нас хата. Ой, горазд*

высокая! Где пол, там и потолок – рядом». «А вот, ой, участок был у нас горазд большой! Носили мы жито – целу печку!»⁴. Ну, ну, вот такое разное молотили языками. Ну, надо было чем-то друг друга развлекать, правда же? Ни дискотек, ни телевизоров не было. Развлекали да сказками друг друга. И вот рассказывали вот такие. Молодежь собиралась и старые люди послушать, или просили там кого-нибудь: «А расскажи ты нам сказку, или быль, или какую бывальщину». И вот и рассказывали» (ФА ПсковГУ).

Явно на взрослую аудиторию ориентированы сказки № 148 (102) *Как поп в работники нанялся*, № 144 (98) *Поп-любовник*, 145 (99) *Влюблённый поп*. Многие сказки, очевидно, могли сказываться и в детской, и во взрослой аудитории. Такова, к примеру, сказка № 119 (78) *Нестеришка*, нейтральная по своему содержанию. Рассказывая ее нам, взрослым людям, Е.Т. Волкова из д. Пралище Усв. р-на, сопровождала один из эпизодов сказки комментарием, связанным с теплыми воспоминаниями и тоской о любимом муже, недавно к тому времени ушедшем из жизни. Все это вряд ли прозвучало бы в детской аудитории.

Сказки могут рассказываться к слову, придавать занимательность разговору, украшать беседу. Чаще всего такие моменты возникали при разговоре о свадебном обряде, вероятно, потому, что свадебному обряду мы уделяли больше внимания, чем чему-либо другому. Прекрасный знаток свадьбы и свадебных песен В.И. Нарвут из д. Нарично Нев. р-на свою сказку № 127 (83) *Как баба свинью замуж отдала* рассказала в ответ на наш вопрос, не знает ли она свадебную песню со словами «А Бог по пути». В той же беседе от В.И. Нарвут записана и сказка № 118 (77) *Как невеста на свадьбе голосила*: «Вера Ивановна, не могли бы Вы голос показать, как голосили?» – «Могу показать... Невеста не могла голосить, так говорила: «Навчите меня голосить!» (и это было уже начало сказочки). Завершив повествование исполнением пародийного голошения, сказочница закончила: «Вот вам, как голосють!»

№ 154 (107) *Небылая небылица* рассказана В.И. Нарвут если не к слову, то к ситуации. Начинается сказка с эпизода, в котором охотник, забредя к рыбакам на огонек костра, просит у них разрешения прикурить, рыбаки ставят условие: *«Не! Так не дадим: расскажи что-нибудь!»* Свое повествование Вера Ивановна, уже утомленная беседой о старине (о свадебном обряде, о праздниках и т.п.), начала словами: *«Вы меня заставляете говорить, как один охотник ходил на охоте, а рыбаки ловили рыбу»*, соотнеся таким образом себя с персонажем сказки, которого заставляют что-то рассказать, а нас с теми, кто принуждает рассказывать небылицы. Завершился рассказ фразой: *«Вот я вам рассказала небылую небылицу!»*

Сказка М.А. Куляшовой из д. Усово Нев. р-на, в которой жених-дурень перепугал свою невесту и будущую тещу, вывалявшись в дегте и перьях и в таком виде свалившись с печи, откуда старался разглядеть, каков получился испеченный для невесты надельный пирог (№ 136 (91)), прозвучала в ходе разговора о том, как пекли и украшали такой пирог.

Подобная функция «сказки к слову» определяет и ее особенности. Обычно это коротенькая историйка, сказка-приказка (*«такей анекдот, приказка такая»*, по словам В.И. Нарвут). Она может быть неразвернутой, одномотивной. М.В. Стацевич из д. Литвиново Нев. р-на рассказывает, как сваты расхваливают хозяйство жениха, и в свой рассказ вплетает приказку: *«Вот случай расскажу. Он был в солдатах и жил далеко. Он девушке говорил, что у меня лавка, мельница. Привел и показывать стал: лавка – садятся на которую, а мельница – жернова крутят»* (№ 84 (52) *Богатый жених*).

Неоднократно записана нами приказка об умной невесте, и каждый раз (кроме № 90 (57)) она звучала к слову в одной и той же ситуации, когда шел разговор о свадьбе, а конкретно – о сватовстве. Один из текстов, помещенных в этом сборнике, записан от В.А. Качановой из д. Спасс-Балаздынь Нев. р-на. Он состоит из короткой фразы, где обозначена ситуация (*«Приехали сваты, застали невесту без платья, спрашивают...»*) и краткого же, в две реплики, диалога (*«Почему сорока без хвоста? А в доме нет собаки. Им отвечают: «А у нас двор без ушей!»*) (№ 89 (56)). Другой текст, записанный в Пушк. р-не,

чуть более распространен и содержит объяснение, почему невеста оказалась без сарафана: она ткёт и боится при этом протереть «ситцевик» (№ 88 (55)).

В упомянутой уже д. Спасс-Балаздынь Т.И. Котова рассказывала, как раньше сваты, приехавшие издалека, обязательно расспрашивали о невесте людей и прежде всего пастуха, который каждый дом в деревне знает и каждую хозяйку: наняв пастуха на сезон, жители деревни поочередно кормили его и предоставляли ночлег. И снова коротенькая историйка-приказка к слову – № 115 (74) **Как сваты пастуха о невесте расспрашивали.**

В д. Пестюхино Усв. р-на Е.П. Белова рассказывала нам, каким тяжелым был крестьянский труд: *работаешь-работаешь – день длинным покажется.* И тут не обошлось без приказки № 151 (105) **Как цыган и мужик солнце уговаривали.**

Композиция двух последних приказок идентична композиции сказки-приказки об умной невесте: лаконичное обозначение ситуации и диалог в две реплики.

Историйки-приказки к слову, украшающие речь, могут быть и более развернутыми: в два и даже три эпизода. Таковы уже упомянутые № 118 (77) **Как невеста на свадьбе голосила,** № 127 (83) **Как баба свинью замуж отдала,** № 136 (91) **Жених-дурень:** При этом они все же остаются короткими сказочками.

Сказки-приказки, сказочки к слову, не имеют формульного сказочного зачина («Жили-были...»), заметно стремление рассказчиков придать им оттенок действительно бывшей истории. Таковы начало в приказке М.В. Стацевича № 84 (52) **Богатый жених:** «Вот случай расскажу...»; концовка в сказке № 136 (91) **Жених-дурень:** «Да и разное было, разное!»

В псковском собрании, кроме здесь упомянутых, есть и другие краткие тексты сказок: № 14 (10) **Про козу,** № 29 (20) **Горошина,** № 70 (44) **Жених из бочки,** № 101 (64) **Про быка,** № 110 (72) **Сказка про клад** и др. К сожалению, неопытные собиратели не зафиксировали ситуацию, в которой прозвучали эти тексты, и о природе такой краткости в таком случае остается только гадать: является ли она функциональной, или это результат забывания, разрушения текста или отсутствия вдохновения.

Сказка № 143 (97) *Как иностранец рыбу покупал*, представляющая собою, за исключением двух вводных фраз, сценку-диалог, по свидетельству рассказчицы А.В. Александровой из д. Вяз Н-Сок. р-на неоднократно и с неизменным успехом у зрителей *разыгрывалась на сцене сельского клуба* сначала ее матерью с подругой, а потом ею самой с напарницей. Такие небольшие сказки комического характера, тяготеющие к диалогу, близки к народным сценкам-интермедиям, а возможно, связаны с ними генетически. Во всяком случае, один из излюбленных приемов создания комического эффекта в них – характерная для народного театра игра на близких по звучанию, но разных словах: *окунь – окна; корюшка – Колюшка; карась – Тарас* (№ 143 (97) *Как иностранец рыбу покупал*); *стручист – стучит; межа – бежать* (№ 141 (95) *Слепой и глухой*); *чуешь – ночуешь; глух – двух* (№ 139 (94) *Два свата*); *глуха – Лу́ха; тетеря – теперя* (№ 140 *Как бабка исповедовалась*).

Связь с народным театром, как нам представляется, обнаруживает и сказка иного типа – о портном и волках (№ 12 (9) *Про портного*; СУС 121 *Волки лезут на дерево*), записанная в 1977 г. в д. Бор Усв. р-на от восьмилетнего Андрюши Зандова. Эпизод «Портной снимает мерку с волка» очень напоминает сценку-интермедию «Портной снимает мерку», например, из народной драмы «Царь Максимиан».

Среди помещенных в сборнике сказок имеются к у м у л я т и в н ы е (ц е п н ы е) с к а з к и , т.е. сказки, построенные по принципу нанизывания повторяющихся мотивов. В.Я. Пропп заметил, что кумулятивные сказки «могут принимать не только стихотворную, но и песенную форму. Такие сказки можно встретить не только в сборниках сказок, но и в сборниках песен. Так, например, в песенном сборнике П.В. Шейна «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях...» (1898) есть песни, композиция и сюжет которых основаны на кумуляции. Их следует включить в указатели кумулятивных сказок. Здесь можно указать, что и «Репка» была записана как песня»⁵. Кумулятивные сказки-песни в нашем сборнике представлены тремя текстами: № 159 (111) *Ерзы-ерзы*, № 160 *Турлы-бурлы* и № 161 (112) *Ков-ков дятел*. А.В. Александрова,

от которой записаны тексты №№ 159 (111), 161 (112), назвала их п р и к а з к а м и и в то же время указала, что *«их можно подпевать»*. Из ее комментариев следует также, что такие песенки-приказки – не только репертуар бабушек, пестующих внучат; у них есть и другое назначение – способствовать созданию атмосферы праздничного веселья: *«На празднике, как возьмутся вот так чисто свои **приказки** – никому меня не пересилить!»*, *«Это можно подпевать, музыку подобрать, и на «Русского» (№ 159 (111) **Ерзы-ерзы**)*. Про другой текст: *«Это тоже **под музыку**»*.

Наконец, мы оказались свидетелями такого фольклорного явления, как сращение кумулятивной песни и сказки. В 1981 г. в д. Пралище Усв. р-на в течение длительного времени мы вели запись на магнитофон от замечательной песельницы Ходоры Ефимовны Матвеевой. Это был первый день экспедиции, первый выход студентов на практику, и присутствовала почти вся группа. Потихоньку вошла и села соседка Ходоры Ефимовны – Евдокия Терентьевна Волкова. Некоторое время она слушала песни и нашу беседу. И вот Ходора Ефимовна спела песню, на которую молодежь особенно живо отреагировала: *Жила я у пана первое лето / Выслужила у пана курочку за это... и т.п.* (Ср.: № 211 (150) ***Как жила я у барина***). И только при всеобщем веселье песня закончилась – Евдокия Терентьевна подхватила: *«И стала я богатая невеста. И посватался ко мне Ванюша»*. Нараставшая в песне цепочка (кумуляция) в сказке развивается в обратном порядке: невеста со всем заработанным у пана стадом отправляется в деревню, чтобы выйти замуж за Ванюшу. По пути волк, медведь, лиса, ястреб и т. д. постепенно уничтожили всю ее *«посагу»* (домашний скот, который давался за невестой в приданое), а жених, которому барыня, не желавшая потерять хорошую работницу, *«захулила»* невесту, от нее отказался. Это было вдохновенное, искрометное исполнение: образная речь, быстрый темп, ритмическое, почти сплошь рифмованное повествование. Такие мгновения не повторяются! К бесконечному сожалению, как обнаружилось, у нас сели батарейки – сказка осталась незафиксированной! Когда на другой день мы явились к Евдокии Терентьевне теперь уже

втроем, она не смогла, хотя и пыталась, повторить свой блестящий вариант: не было большой, горевшей восторгом аудитории, впервые слышавшей сказку, не было того вдохновения, да и нездоровилось в тот день Евдокии Терентьевне (см. № 211 (150)). Мы все-таки записали от нее несколько сказок, дающих представление о ее мастерстве, хотя понятно, что зафиксированные нами варианты не демонстрируют всех ее возможностей: сказочница явно была «не в ударе».

Представлены в нашем сборнике и документные сказки. В.Я. Пропп пишет: «Это, собственно, не сказки, а прибаутки или потешки, которыми стараются отвлечь детей, когда они слишком настоятельно требуют рассказывания сказок»⁶. Представленные в нашем сборнике документные сказки *Про лося* и *Про овец* выполняют роль своеобразной присказки, назначение которой – слегка, шутя, помучить слушателя, усилить его нетерпение услышать сказку, сделать предстоящую сказочную историю более желанной: «*Расскажи мне сказку!*» – «*Ну, ладно! Слухай сказку про лося. Тут ина и вся!*» – «*А сказку?*» – «*А сказку про овец. Тут ей и конец!*» – «*А ещё какую-нибудь!*» – «*Быў отец и мать. И у их быў Ванюшка-сыночек...*» (№ 134 (89) *Как Ванюшка-дурачок ездил в город дрова продавать*).

Есть в сборнике песенки, близкие к документным сказкам (№ 214 (152) *Курица на улице*; № 215 (153) *Журавель*). Однако функция у них иная, чем у документных сказок: они призваны позабавить-потешить ребенка, создать веселое настроение на вполне взрослом празднике, могут быть аккомпанементом к пляске при отсутствии музыкального инструмента или просто сопровождать пляску и при наличии такового.

К ряду сюжетных типов СУС дает указание на то, что они часто излагаются в форме популярных шуточных песен. Таков, например, сюжет 243* *Птичья свадьба*. Этот сюжет представлен в нашем собрании. Однако в фонде ФА ПсковГУ нет материалов, содержащих его прозаическое изложение. Скорее всего, на территории, где велась запись, он и существует только в форме шуточных песен, к каковым сами

исполнители и относят подобные тексты (№ 193 (136) *Как верей женился*; № 191 (134) *Сова-совонька*; № 192 (135) *Савушка-Сова*). Есть и другие близкие по характеру к названным песни. Поскольку ни один из этих сюжетов в прозаической или стихотворной форме у нас не зафиксирован, а записанный в виде песни никем из исполнителей не определен как сказка или приказка, мы выделяем в сборнике такие тексты в особый раздел песен сказочного характера.

Несколько слов о манере их исполнения. Народное «сыграть» вместо литературного «спеть», отражает характер исполнения подобных песен, может быть, более, чем каких-либо других: тут требуется особая интонация и мастерство. С.Е. Троянова из д. Рукавец Нев. р-на, обладающая ярким голосом, предварила исполнение песни словами: «Ну, теперь я вам спою шуточную (№ 193 (136) *Как верей женился*). Отдохну немножко: **её надо часто петь**». Исполнила она юмористическую историю о женитьбе воробья, приплясывая, с удивительным артистизмом: легкий жест, лаконичное движение – и вдруг вся нехрупкая фигура песельницы изображает легкомысленного «верейку», у которого полон рот предсвадебных хлопот.

Отметим, что сюжет сказочного характера о сватовстве рака к ткачихе-жабе (№№ 188 (133), 189, 190) имеется среди обрядовых песен, связанных с уборкой урожая, бытующих в Себ. р-не; он относится к песням «льняного» цикла и исполняется на соответствующий формульный (т.е. такой, на который поются множество текстов, составляющих данный обрядовый цикл) «льняной» напев⁷.

Известно, что ряд сюжетов-мотивов учтены как в указателях сказочных типов, так и в указателях сюжетов мифологических рассказов, что обусловлено не только тем, что эти жанры имеют общие мотивы и не только тем, что еще в начале XX в. фольклористы не всегда различали сказки и мифологические рассказы, но и сложностью процессов, происходящих в народном творчестве. В наше время, когда традиционный фольклор стремительно уходит, сказка забывается, разрушается, трансформируется, обнаруживаются и признаки продолжающегося пополнения сказочного фонда, в

частности, за счет мифологических рассказов. Таково восприятие жанровой природы генетически мифологических текстов самими носителями, что, как правило, хотя и не всегда, сказывается на содержании и форме соответствующих повествований. Несколько текстов, в разной степени представляющих, на наш взгляд, переходную в жанровом отношении природу заключенного в них повествования (см. комментарий к соответствующим текстам), помещены в данном издании. Это менее и более «сказочные» варианты сюжета СУС 365 *Жених-мертвец* (Зин. ГП 7 *Мертвый жених/муж* увозит невесту/жену на кладбище) – тексты № 45 *Жених-мертвец* и № 46 *Муж-мертвец*; сюжет СУС 470 *В гостях у мертвеца* (№ 50 *Как парень у покойного друга гостил*), а также тексты, заключающие в себе сюжеты, не относящиеся к учтенным в СУС (№ 44 *Как покойник к своей вдове ходил*, № 73 *Как солдат клад достал*, № 81 *Как дед черта из бани выгнал*).

Текст № 87 *Про невестку, свёкра и внука*, не являющийся сказкой и представляющий собою бывальщину, включен в состав сборника в связи с тем, что в нем развивается учтенный в СУС в единственном, сказочном, варианте сюжет 891С* *Бык съедает деньги*; бывальщина на тот же сюжет, на наш взгляд, дает представление о возможной основе, на которой могла возникнуть подобная сказка.

Своеобразный колорит сообщает сказке время ее бытования. Современная сказочнику действительность так или иначе отражается в его повествовании. Отложилась в сказке советская эпоха с ее достижениями, когда в жизнь и быт деревни вошло школьное образование, библиотеки, Дома Культуры, кино, телевизор, новый общественный быт, с собраниями, съездами, художественной самодеятельностью и т. п., с промахами, приведшими к упадку коллективного и личного сельского хозяйства.

В сказке Е.Т. Волковой № 1 (1) *Про лису*, записанной в 1981 г., отразилось время 70–80-х гг. XX в., когда за традиционно деревенскими ранее товарами крестьяне стали ездить в город в магазин, а в магазине далеко не всегда можно было купить то, что нужно, и покупалось то, что «выбросили»,

т.е. то, что в данный момент в магазине есть, а завтра может и не быть. В сказке дед, деревенский житель, не ловит рыбу в реке, а покупает ее в городе в магазине, хотя в город он едет вовсе не за рыбой, а по просьбе бабы: она хочет справить шубу, и ей нужен лисий мех на воротник. Однако в городе дед *«ходил, ходил»* по магазинам, а воротника не нашел и уехал ни с чем, а потому очень обрадовался, увидав на дороге *«дохлую»* лису.

Восьмилетний Коля Кабанов в д. Бор Усв. р-на пожелал рассказать нам сказку № 39 (27) *Снегурочка и Баба-Яга*, в которой явно отразил свои впечатления от новогоднего представления для детей.

В сказке № 58 (37) *Сивчик-Бурчик*, рассказанной А.А. Горбачевой из д. Пыги Нев. р-на, нет традиционного для сюжетного типа СУС 530 *Сивко-Бурко* обхода гостей царевной с целью найти среди собравшихся суженого, а есть что-то напоминающее современную регистрацию прибывших на собрание, совещание, съезд и т. п.: *«А там уж записывали всех, кто приезжал»*. И Иван-дурак не сидит скромно за печкой, пока царевна в нем, невзрачном, узнает своего суженого, а сразу предъявляет кольцо как удостоверение личности.

И в тексте № 17 (11) *Про деда с бабой*, записанном в самом конце 90-х годов XX в., современная действительность напоминает о себе комментарием сказочницы: *«Жили дед и баба. Не было у них хлеба. Вот как у нас сейчас плохо-плохо, так и у них было, жили бедно...»*.

В сказке № 29 (20) *Горошина*, записанной от В.И. Демидкиной из д. Ермаки Нев. р-на, дед, лезущий на небо по выросшей горошине, и баба, которую он взялся туда доставить, напоминают цирковых акробатов, работающих под куполом цирка: очевидно, они держат концы веревочки в зубах: баба разбивается, выпустив конец веревки, когда хочет что-то спросить у деда. Такое изображение попытки деда доставить старуху на небо, вероятно, следствие впечатлений рассказчицы от циркового представления, увиденного по телевизору или в кино. В сказке № 130 (85) *Дед-гадатель*, записанной в 1982 г. в псковской глубинке, в д. Исаково Локн. р-на от П.Ф. Котовой, воры крадут у барина не золото, не деньги, не перстень и не драгоценный камень, а «статуй». Так, возможно, отложились в

сказочном повествовании впечатления рассказчицы от прекрасного цикла телевизионных передач 80-х годов о шедеврах мирового искусства.

Традиционная устная сказка испытывает влияние книжки. Текст № 54 (34) *Речка слёз*, записанный от Г.С. Ивановой (д. Лобок Нев. р-на), обнаруживает знакомство сказочницы с пушкинским «Царем Салтаном», что проявляется в ряде деталей и в прямой реминисценции из знаменитой сказки поэта: завистливые сестры царской избранницы «почталиона зловють, поймають, напоють, накормють», «свою урамоту яму в сумку положуть»; царь узнал, что «на острову» «стаў ўород большей», «там и птица такая, и белка та орешки щёлкает»; царевичи «ходили на охоту», а там «белый лебедь купался. А кориун прилятел <...> вострый, вострый клёў наточыл, <...> Хотел лебедь тую <...> убить», а царевич «спас этау лебедя. Этот лебедь... стал ужо девушкой. <...> Ён стал ўоворить, <...> чтоб она замуж за яго вышла. А инá сказала, что: «Не-е! Обожди: жана ня рукавица, с белой ручки не стряхнешь, за пояшечек не заткнёшь. Обожди! Надо ешше... поўлядеть да подивиться,... кто ты такей, я не знаю!»

В.В. Артемович из д. Букатино Себ. р-на украшает начало своей сказки № 60 (39) *Сивка-Бурка* почти точной цитатой из «Конька-Горбунка» П.П. Ершова: «Жил старик со старухой, и было у них трое сыновей. Старший умный был детина, средний – и так, и сяк, младший вовсе был дурак».

По признанию Е.Т. Волковой, два последних эпизода («Ворона и лисица» и «Лиса покупает уток») из ее сказки № 1 (1) *Про лису* заимствованы из книжки, которую она читала, когда ее дети учились в школе. Отправляясь от басни Крылова, Е.Т. Волкова создает свой яркий эпизод сказки с выразительными деталями, передающими льстивую речь лисицы и динамизм развития событий: «Как, кумушка, как, голубушка, как красива! Головка черненькая, перышки сизенькие! Голосок ангельский! Пропой, не стыдися, кумушка! Ты сильно хорошо поёшь! Тебе соловей хвалил, что ты дуже хорошо поёшь!» А кумушка: «Кра-а!» – открыла рот! Лисица цап! – и понесла!» По-видимому, впечатления от иллюстраций в книжке для детей (скорее всего, это была «Родная речь»)

проявились в эпизоде ее сказки, где лиса угощает волка, чтобы подвигнуть его на ловлю рыбы хвостом: *«На двух лапках идёть, под лапочкой несётъ: «На, покушай, как вкусно!»*

Сказка № 49 (30) *Аленький цветочек*, записанная от П.Ф. Котовой из д. Исаково Миритиницкого сельсовета, Локн. р-на, очевидно, восходит к знаменитой сказке С.Т. Аксакова, о чем говорит целый ряд совпадающих деталей (см. комментариев к сказке). Вместе с тем оригинальная мотивировка злоключений *«заклятого»* царевича (*«мать в утробе прокляла»*) вносит новый важный оттенок в философию сказки, открывает новую грань в народном понимании истоков счастья и несчастья человеческой жизни, связывая ее с проблемой нежеланного ребенка.

Очевидно, влияние нашего динамичного времени с его прагматизмом и рационализмом проявляется в заметной тенденции сократить, сжать текст, обойтись без свойственных традиционной сказке повторов, в тенденции к приземлению, «обывовлению», «рационализации» чудесного, волшебного.

Такую тенденцию к сокращению повествования, к отказу от характерного для сказки устроения эпизодов демонстрируют тексты № 58 (37) *Сивчик-Бурчик* и № 59 (38) *Сивка-Бурка*: в обеих сказках Иван-дурак с первой попытки допрыгивает на волшебном коне до царевны и снимает кольцо с ее руки.

В тексте № 57 (36) *Грустная сказка об Алёнушке* присутствуют основные моменты сюжета, свойственного сказкам типа СУС 511 *Чудесная корова* (наиболее известная из них – *Крошечка Хаврошечка*): непосильная работа, которой мачеха нагружает сиротку; чудесная помощь Буренушки; яблоня (в *Грустной сказке об Алёнушке* – садок), вырастающая после смерти Буренушки; замужество сироты. Однако волшебный вымысел в повествовании сказочницы несколько приземлен, «обывовлен», с некоторым налетом рационализма. Так, яблонька (садок) вырастает не из косточек Бурёнушки, зарезанной по настоящему мачехи, а из яблочных зернышек, извлеченных из кишочков коровушки. Веточки яблоньки, хотя и

не даются злым дочерям мачехи, а только Алёнушке, – не серебряные, а листочки не золотые. Нет ничего необыкновенного и во внешности родных дочерей мачехи Алёнушки. Нет и песенки-заговора, усыпляющей злых сестер, и, соответственно, оплошности Алёнушки, забывшей о третьем глазе одной из них. Злые сестры Алёнушки просто подглядывают за ничем не подозревающей сироткой и с первой попытки узнают ее тайну: традиционное утроение эпизода (с Одноглазкой, Двуглазкой и Трехглазкой) отсутствует. Нет в сказке и царевича-жениха, а просто, как это и бывало в деревне, к заневестившимся девушкам *«стали приезжать сваты»*, и яблоки нужны не потому, что таково условие проезжего царевича (*«которая девица меня яблочком угостит, ту за себя замуж возьму»*), а потому, что *«сватов надо угощать»*. Мачехины дочки не сумели нарвать яблок, и вот сваты, *«нарядные, богатые, а взяли сиротку»*. Налет рационализма, обусловленный современной действительностью с ее высокими промышленными технологиями особенно бьет в глаза в разработке мотива помощи коровушки Алёнушке. Традиционно героиня *«в одно ухо коровушке влезет, в другое вылезет – вся работа сделана»*. В сказке А.А. Горбачевой Алёнушка толкает в одно ухо коровы кудель, а из другого, как из некоего современного агрегата, выходит готовая продукция – полотно.

В тексте одной из самых ярких сказочниц Е.И. Алексеенковой из д. Колпино Пуст. р-на (№ 59 (38) **Сивка-Бурка**) характерная для волшебной сказки повествовательная формула появления чудесного коня (*«Конь бежит – земля дрожит, из ушей дым валит, из ноздрей пламя пышет»*) сокращена, лишена формульной устойчивости, варьируется в пределах одного текста: *«Когда бяжить конь! Бяжить – даже земля дрожить!»*; *«Когда бяжить конь! Земля дрожить, конь пыхтит!»* Волшебный огненный конь в изображении современной сказочницы становится обыденнее: дым и пламя, пышущее из ноздрей Сивки-Бурки, заменены сниженным *«конь пыхтит»*; передана только необычная мощь и стремительность его бега (*«земля дрожить»*).

Герою № 40 (28) **Сказки о трёх братьях, ведьме и ведьминых дочках**, записанной от Е.С. Буйко из д. Городище

Нев. р-на, приданы черты дурака бытовой сказки. Такие и некоторые другие отличия текста Е.С. Буйко от «канонического» типа СУС 327 С, F *Мальчик и ведьма* несколько «обытовляют» сюжет этой волшебной сказки, приглушают свойственный ей зловещий колорит. Ведьма, к которой попадают братья, хотя и людоедка, но не катается, не валяется на обглоданных костях, она не обитательница лесной глуши, а едва ли не соседка братьев по улице, деревенская баба, ходящая по посиделкам. Мотив преднамеренного заманивания и похищения мальчика ведьмой, подражающей голосу его матери, отсутствует. Братья сами, как это делают деревенские озорники-мальчишки, «повадились» к ней «у сад яблоки забирать» и захвачены хозяйкой на месте преступления благодаря «дурацкому» поведению младшего: *«Найди́ть яблoк, крaсный дa спeлый, и кричить: «Oго-го! Брaтцы, якей я нaшов!»* Соответственно отсутствует и мотив погони и подгрызания ведьмой дерева, на котором спасается мальчик, нет и гусей-лебедей, что в последнюю минуту подхватывают его на крылья и относят домой. Дружно справившись с ведьмой-людоедкой, *«браты домов отправились и жили дома припеваючи, горябеды не знаячи»*.

Тенденция к приземлению, «обытовлению», «рационализации» чудесного волшебной сказки имеет, по видимому, и другую сторону: черты волшебной сказки проникают в бытовую. Так, в повествовании А.И. Александровой из п. Струги Красные № 135 (90) *Про Иванушку-дурачка* дурако-шуту русской бытовой сказки с типичными для нее сюжетными мотивами (СУС 1691 *Дурак домовничает*; СУС 1681А *Дурак делает покупки*; СУС 1535 *Дурак спасается от утопления*) придан оттенок героя-дурака волшебной сказки, неказистая внешность и «дурацкие» поступки которого – лишь оболочка, скрывающая его прекрасную сущность и мудрость, вознаграждаемые в конце сказки. Такая возможность заложена в самой волшебной сказке, где, как известно, «дурацкий» ореол, до поры до времени скрывающий истинную сущность героя, зачастую создается именно его шутовскими действиями (см. № 60 (39) *Сивка-Бурка*, где Иван-дурак отправляется на подвиги, сидя задом

наперед на водовозной кляче). В сказке А.И. Александровой, как и в волшебной сказке, Иванушка-дурачок, одетый в лохмотья, презираемый и обижаемый умными братьями, в конце сказки преображается внешне, правда, без помощи Сивки-Бурки, а потому, что разбогател. При этом его нарядная одежда напоминает костюм участника клубного самодеятельного ансамбля народной песни и пляски: *«Рубаху атласную купил, вышитую, пояс с кистями»*. Как в волшебной сказке, герой женится, правда, не на прекрасной царевне, а на лучшей в деревне девке. Как в волшебной сказке, все кончается свадебным пиром. Соответствующая и концовка: *«И я там была, медовуху пила»*.

Тенденция к обытовлению, к снятию таинственного, страшного проявляется и в сказке - небылице. Такова разработка сюжетного мотива «Огонь в обмен на небылицы», служащего обрамлением сказки В.И. Нарвут № 154 (107) ***Небылая небылица***. Традиционное содержание мотива «Огонь в обмен на небылицы» (СУС 1920Н*) таково: таинственный старик в обмен на огонь заставляет рассказывать небылицы, а не сумевшим это сделать не только не дает огня, но и вырезает ремень из спины. В повествовании В.И. Нарвут этот мотив обытовлен и осовременен: нет зловещего старика, намеренно признающего былью любую небылицу и жестоко расправляющегося со своими жертвами, а есть скучающие у костра рыбаки, желающие поразвлечься небылицами, и забредший на огонек охотник, которому нужно прикурить.

Отметив тенденцию к сокращению, сжатию текста сказки, следует сказать и то, что, по-видимому, не каждый «сжатый» текст, текст без повторов, свидетельствует о такой тенденции. В некоторых случаях краткость сказки есть следствие ее функции в контексте разговора. Таковы «сказки к слову», о которых уже говорилось выше. В других случаях краткость может быть следствием условий, при которых исполняется сказка, когда она не возникает естественно, спонтанно, а исполняется после уговоров собирателей и самим сказочником воспринимается как занятие, не слишком подходящее для взрослых людей, от которого он стремится поскорее отделаться. Видимо, в таких случаях при исполнении сказки возникают сокращения, которые

приводят порою к пропускам и несообразностям в повествовании. Так, в достаточно яркой сказке № 8 (5) *Лиса и дрозд*, рассказанной А.Г. Лысяновой из д. Шепуново, Усв. р-на, с интересным рифмованным началом, дрозд жалуется сороке, что лиса его «деток поела», в то время как ранее речь шла только об одном детенышке. Такая торопливость заметна в ряде случаев и, к сожалению, портит добротные тексты. Таковы сказки № 29 (20) *Горошина*, № 35 (24) *Терёшечка-с-полешечка*», № 9 (6) *Как лиса ходила за петушком*. В последней сказке целых два конечных эпизода с приходом лисы к петушку, к сожалению, даны в схематичном, в два коротких предложения, пересказе. В трехэпизодной сказке № 29 (20) *Горошина* хороши начало («Жил дед с бабой и курочкой Рябой»), первый эпизод (найденная курочкой, посаженная дедом в бане горошина растет до неба) и последний (дед лезет на небо; картина небесного изобилия): «Лез неделю, лез другую, лез третью... Там увидел расписные терема, столы конфетные, ложки пряниковые, напитки медовые...» В них ощущается сказовый ритм, стремление к рифме. Достоинство завершает сказку характерная формульная концовка: «На том сказке конец, а кто слушал, молодец. И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало». Средний же эпизод (дед поднимает бабу на небо, баба падает и разбивается) отличается торопливостью, небрежностью повествования; остается непонятным, почему деду, спустившемуся на землю, кажется, что баба смеется над ним (ср.: Афанасьев, № 21 *Лиса-плачя*: «...Спустился поскорее... смотрит – лежит старуха, зубы ощерила, глаза вытаращила. Он и говорит: «Что ты, старуха смеёшься? Что зубы-то оскалила?»). В сказке № 35 (24) *Терёшечка-с-полешечка* (СУС 327F *Мальчик и ведьма*) добротное сказочное повествование, к сожалению, завершается эпизодом первой попытки Бабы-Яги изжарить Терёшечку. Окончание сказки (мальчик обманом отправляет в печь трех сестер Бабы-Яги, а затем и саму Ягу) дано схематично, укладывается в две фразы.

Общеизвестно, что своеобразие и качество сказочного повествования во многом определяется личностью сказочника, степенью усвоения им традиции, его сказительским талантом

или отсутствием такового, характером, темпераментом, жизненным опытом, настроением, вдохновением и даже состоянием здоровья.

Комментарии рассказчиков свидетельствуют, что главным источником усвоения сказок была семейная традиция. В нашем сборнике есть семь сказок, которыми представлена такая семейная традиция. Все записаны в д. Городище Артёмовской вол. Нев. р-на студенткой Евгенией Буйко от ее прабабушки Е.С. Буйко, дедушки Василия Петровича и бабушки Пелагеи Филипповны Буйко.

Е.С. Буйко, без сомнения, была выдающейся сказочницей. К сожалению, она представлена у нас всего одним текстом – № 40 (28) *Сказкой о трёх братьях, ведьме и ведьминых дочках*, записанным, как уже сказано, ее правнучкой и попавшим к нам уже после смерти Елизаветы Сазоновны. Этот текст – прекрасный образец народной сказки, удивительно гармоничной во всех своих элементах. В основе композиции сказки – прием утروения. Причем начало каждого из трех эпизодов страшной трапезы ведьмы-людоедки имеет одно и то же словесное оформление, чем подчеркивается ритмичность сказочного повествования: *«Ведьма домов воротилася, за стол садилася, дачку сожрала, кости огладала, мясо похвалила и спать завалилась. Збирается у вечера знов на посиделки и новый наказ середней дачке́ даеть, чтоб тая другого брата на поду запякла...»* Гармонична, ритмически безупречна каждая фраза сказочницы, образен язык: *«Ты, Ванька-дурачок, нас под монастырь подвев, по тебе и панихиду служить!»* – решают умные братья, кому быть изжаренным в ведьминой печи. *«Делать нечего, вылез дурачок с-под печки – да на загнет и ждать долишки своей».* *«Надо прищуриться, сожмуриться, калачиком прикинуться!»*, – учит ведьмина дочка Ваньку-дурачка, как надо сидеть на хлебной лопате. *«А братья домов отправились и жили дома припеваючи, горя-бяды ня знаючи»*, – счастливо завершается сказка.

Е. Буйко сообщает о своих прабабушке и дедушке: «Василий Петрович родился в 1929 году на небольшом хуторе близь д. Городище. Про его отца мне известно очень мало, а мать, Елизавета Сазоновна Буйко слыла сказочницей и

песнехоркой. Она родилась в 1896 году и умерла в 1999 году ста трех лет от роду. Еще когда я была маленькая, она рассказывала мне, своей правнучке, интересные сказки и бывальщины, пела колыбельные и другие песни, шила маленькие тряпичные куклы и ставила небольшие кукольные спектакли. Эти традиции частично унаследовал младший сын Елизаветы Сазоновны – Василий Петрович. В детстве он рассказывал мне много сказок, которые слышал от своей матери. Да и сейчас он с удовольствием «бает басни» моей младшей сестренке и всей деревенской ребятне».

Свои сказки В.П. Буйко рассказывает в манере, очевидно, воспринятой им от матери, с соблюдением всей сказочной обрядности: обилием повторов, ритмически организованных и рифмованных вербальных формул: *«Ветер стук – досочка хук!», «Хто ў лясу, хто ў бору? Хто прыедзе ночку ночувать?»* – *«Я ў лясу! Я ў бору! Я пряду ночку ночувать!»*; *«Стели мне постель: ряд полення, ряд каменя, ступу ў головы клади!»*; *«Ня йди туды, дзе лыком завязана і гліной замазана!»*; *«Деўка, деўка, дай ключі!»*; *«Кони, коні, ты ведалі деўку?»* (№ 53 (33) **Про двух девочек и медведя**). Повествование Василия Петровича отличается эмоциональностью. В частности, обилие повторов у него не просто дань сказочной традиции, но средство усиления эмоциональной напряженности. Так, ужас петушка, уносимого в очередной раз обманувшей его лисой, подчеркивается тем, что в каждом из таких эпизодов стишок-крик петушка, призывающего на помощь, повторяется дважды (№ 10 (7) **Сказка про лису и петуха**).

Особенности личности сказочника проявляются, как известно, и в подборе репертуара, в том, какого рода сказки привлекают его внимание. Если репертуар В.П. Буйко, представленный в ФА ПсковГУ пятью текстами, составляют анималистические (№ 10 (7) **Сказка про лису и петуха**; № 28 (19) **Сказка про зайкину хатку**; № 27 (18) **Про Козу-Дерезу**), волшебная (№ 53 (33) **Про двух девочек и медведя**) и кумулятивная (№ 156 (108) **Как ходил козёл в лыжи, а коза в орехи**) сказки, то от П.Ф. Буйко записаны тексты иного плана – это забавные бытовая (№ 134 (89) **Как Ванюшка-дурачок ездил у город дрова продавать**) и близкая к бывальщине (№ 81 **Как**

дед чёрта из бани выгнал) сказки, которые также восходят к известному нам лишь в малой доле обширному и разнообразному репертуару Е.С. Буйко. «Я ня знаю ничóго. Баба – вот верно: много знала! Вот тая знала!» – вздыхает П.Ф. Буйко.

А.В. Александрова, 1927 г.р., из д. Вяз Вязовского с/с Н-Сок. р-на – натура артистичная, общительная, любительница спеть-сплясать, развеселить народ приказкой на празднике, тяготеет к сказке веселой, комической (№ 137 (92) *Дурень*), к сказке-анекдоту (№ 142 (96) *Сухие ноги*), к сказке, близкой к сценке-интермедии (№ 143 (97) *Как иностанец рыбу покупал*), к сказке-песне (№ 159 (111) *Ерзы-ерзы*; № 161 (112) *Ков-ков дятел*; № 215 (153) *Журавель*). Мастерски исполненная ею сказка № 137 (92) *Дурень* – один из лучших среди известных вариантов сюжетного типа СУС 1696 *Набитый дурак*, с почти сплошь ритмизованным и рифмованным текстом: *Баба, моя баба! Там меня побили, там поколотили! – За что ж тебя били? За что колотили? – А в чужой деревне борова палили. А я с багром, а я с ведром! – Мало тебя били! Мало колотили! А ты бы пришёл, а ты бы сказал: «Репы мяса, ведро сала: в Христово воскресеньице всем на разговеньице!» – «Ужо пойду, ужо сделаю!» Пошел дурень в чужую деревню, а в чужой деревне лошадь сдохла... и т.д.* Человек, любящий и умеющий пошутить, в том числе и над собой, Анна Владимировна Александрова песенку-сказку № 215 (153) *Журавель* с бесконечным

Хвост вытащит – нос запрёт!

Нос вытащит – хвост запрёт!

заканчивает таким образом:

И никто не разберёт,

Что про вас (т. е. «для вас»). – Г. П.) Нюрка поёт!

Яркую иллюстрацию того, что народная сказка в хорошем исполнении есть театр одного актера, являют варианты, записанные от Г.Г. Зайцевой из п. Подберезье Локн. р-на и Е.И. Алексеенковой из д. Колпино Пуст. р-на.

Текст, записанный от Г.Г. Зайцевой, – прекрасный образец сказки о ловких ворах (№ 122 (81) *Два вора*), мастерски исполненный. Богатство интонаций, мимики, точность жеста, любовь к деталям, точная и сочная народная речь – все вместе

придает сказочному повествованию, почти сплошь построенному на диалоге, художественную убедительность, зримость. Таково, например, оформление Г.Г. Зайцевой излюбленного для сказок о ловком воре мотива «Вор подбрасывает на дороге сапог, через некоторое время другой» (ср.: № 120 (79) *Вор Фаныга*). Сказочница не ограничивается сообщением, что вор скинул сапог и поставил его на дорогу: он у нее сначала *«берёт тряпочку, ботиночек начищает»* (при этом Г.Г. Зайцева изображает, как, держа натянутую тряпочку за два конца, вор чистит обувь на вытянутой ноге); затем *кидь на дорогу! А сам в кусты. Сидят. Глядят. Мужик останавливается: «Тпру!»* и т. д. Развертывая сюжетный мотив «Кража под песню», сказочница напевает песенку на плясовой мотив, имитируя руками игру на балалайке.

Любой из трех эпизодов ее сказки представляет собой законченное художественное целое, где каждое слово точно, каждая деталь на месте и играет свою роль в развертывании сюжета. Так, эпизод «Воры крадут лошадь у пашущего на ней крестьянина» открывается фразой: *«Идут лесом, вышли на поле»*. Обе детали важны для развития действия: забравшись затем *на ель в лесу*, вор криком отманивает работающего *в поле* мужика от лошади. Деревенский вор сомневается в возможности кражи коня, когда на нем работают: *«Не знаю, – говорит, – такого чуда, чтобы мужик, пахавши, коня бросил!»* И в этой фразе впервые звучит слово «чудо», подчеркивающее нереальность, с точки зрения жителя деревни, предлагаемого городским вором предприятия. Вор-горожанин берется такое чудо совершить. Подсказку же способа содейть его находчивый мошенник черпает в словах сомневающегося коллеги и кричит, забравшись на ель: *«Вот так чудо!»* Завершает эпизод рифмованный и потому усиливающий комизм ситуации ответ вора, удовлетворяющий любопытству прибежавшего мужика: *«А вот какое чудо: я сидел на ели, а твою кобылу увели!»*

Живостью, экспрессией, богатством интонаций отличается повествовательная манера Е.И. Алексеенковой: *Тетерев – пырьх туда! Она – шарк ему на плечи! И вылетели з ямы! А лиса взяла и съела тетерева!»* (№ 7 (4) *Как боров ишёл в желуды*). Внутренним взором сказочница видит и умело

вызывает в воображении слушателей живые, полные движения и звуков картины. Таков, например, эпизод звериных приношений деду с бабой (№ 17 (11) *Про деда с бабой*): [Медведь] *грох, грох, грох!* «Открывай, дед, избу: бочку мёду качу!» Тут кричит волк: «Дед, открывай ворота! Стадо овец гоню!» У-у! Блеют! Открыл дед: блеют!.. Лисица гонит стадо... «Дед, открывай калитку!» У-у! Гы-гы-гы-гы! Летят! Гуси прилетели. У!.. Зайчик стук, стук, стук у двери: «Дед, открывай двери: я тебе кочанья принес!» – «У-уй! Давай, давай!»

В мастерски исполненной Е.И. Алексеенковой сказке № 98 (63) *Про Ваню-Дураню*, одной из лучших в сборнике, представлен прекрасный сказочный вариант определенного человеческого типа. Традиционный сказочный непроходимый глупец не лишен обаяния: подчеркнута его постоянная доброжелательность и готовность услужить. Старшие братья званы на свадьбу – он ничуть не в обиде: *«Идите, братцы, идите! С Богом идите! Я тут всё укараулю!»* Братья переполошились, увидев Дураню явившимся на свадьбу. С каким добродушием и комической уверенностью, что все в порядке, он их успокаивает: *«Сидите, сидите, братцы! Гуляйте: дверина тут!»* Неизменно доброжелательный ко всем, Ваня-Дураня ни от кого не ждет подвоха и все происходящее видит в розовом свете. Явившись из мешка перед братьями, тайно бежавшими из дома, лишь бы избавиться от дурака, Ваня не сомневается, что они рады встрече и с удовольствием разделят с ним трапезу у ручья. Правда, братья куда-то спешат – что ж, он рад идти с ними, не спрашивая куда, и торопит их: *«Ну, пойдемте! Ну, пойдемте!»* И даже грубо буффонадную демонстрацию негативного отношения к нему со стороны братьев Ваня-Дураня без тени сомнения воспринимает как благодатное проявление божьего мира и умиляется: *«Божья росица сыплется!.. Божьи иишечки валются!»* Такое «дурацкое» добродушие обезоруживает братьев, заставляет примириться с Ваней-Дураней: *«Пошли домой и стали дома жить все троём».*

Талантливая исполнительница из д. Пралище Усв. р-на Е.Т. Волкова мастерски передает в содержании, языке, в

сдержанных, но выразительных мимике и жестах характеры сказочных персонажей. Особенно ей удаются женские образы. В сказке № 119 (78) **Нестеришка** это капризная, избалованная барыня. Будучи записанным на бумаге, текст не выражает всего богатства интонационных оттенков, вложенных, например, в одну только коротенькую реплику барыни, проснувшейся от того, что Нестеришка, которому барин задал задачу украсть с барыни рубаху, подлил под нее ржаную болтуху: *«Ах! Обвалялась я вся!»* Тут и комическое удивление, и смущение, и манерность, и изнеженность барыни! В сказке № 109 (71) **Жена-доказчица** Е.Т. Волкова создает выразительный образ глупой, сварливой, грубой и высокомерной бабы, недовольной неравным, как ей кажется, браком: *«Ты дурак! Я у батюшки была надета и набута, а как вышла за тебя – голая и босая!»* Обычно в сказке типа СУС 1381 **Жена-доказчица** мужик случайно находит клад и, зная о болтливости супруги, из-за которой весть о найденном им кладе непременно дойдет до барина, подстраивает «чудеса» по пути к кладу. Когда старуха, разболтавшая-таки о кладе и вызванная к барину в качестве свидетельницы, рассказывает о виденном (щука свила гнездо на дереве, заяц попался в рыболовную сеть и т.п.), барин принимает ее за ненормальную и прогоняет. В сказке Е.Т. Волковой не мужик находит клад, а жена попреками и бранью толкает мужа на преступление, и он решается выкрасть барский клад: *«Только дураком меня не называй!»* Понимая, что мужа могут поймать, баба думает: *«И слава богу, что посодють!»* И когда барин действительно подает в суд на мужика, злорадствует: *«Вот, стоит тебе, змей-гад! И я стану в свидетели, что ты украл деньги!»*

Е.Т. Волковой свойственна любовь к деталям и подробностям. Такова комическая сценка из сказки № 119 (78) **Нестеришка**, где барыня принимает Нестеришку, быстро *«раком»* пробравшегося под кровать, за собаку и волнуется: *«Воздух мне спортить!»* Подробно, в деталях, рассказывает сказочница, как Нестеришка изготовил чучело, чтобы выманить барина из комнаты, где находилась шкатулка с деньгами.

Себежскую сказочницу В.В. Артемович отличает любовь к длинному занимательному повествованию в несколько

сюжетных ходов, с подробной разработкой эпизодов (№ 60 (39) *Сивки-Бурка*). Так, заботой о занимательности рассказа обусловлена своеобразная разработка мотива узнавания героя после совершения им воинских подвигов: уставший и раненный в бою Иван-дурак забыл снова влезть в ухо Сивки-Бурки и принять свой обычный неказистый вид. Царевна понимает, что спящий в убогом обиталище Ивана-дурака красавец-богатырь и есть ее муж, и не может поверить своему счастью. *«Она отбьжигит от будки – вернется, думает: «Я обгляделась!» Снов прибяжигит: а он спит крепким сном!»* Той же заботой о занимательности обусловлен рассказ о мерах предосторожности, принятых царем и царевной, чтобы Иван не вернулся к прежнему своему облику дурака: царевна, слуги, войско и музыка – все ждут, *«лишь бы он пошевелился»*, чтобы тут же подхватить его под руки и с почетом препроводить во дворец. Усиливает занимательность рассказа и комическая разработка некоторых эпизодов повествования. Таков выезд Ивана-дурака на поиски диковинной козы, свинки и кобылицы: *«Дайте ему тую лошадь, на которой воду возят!» Ваня сел задом наперёд, хвост в зубы, ладошкой по заднице – и пошёл!»* Выразительна созданная сказочницей картина мощного бега чудесной кобылицы – матери Сивки-Бурки: *«когда эта кобылица бежала, с дерева сыпались все листья, лес стал голый: такое было дрожение!»*

Свое повествование В.В. Артемович ведет обстоятельно, с соблюдением всей характерной для волшебной сказки обрядности. Каждый из трех сюжетных ходов ее сказки, в свою очередь, строится на приеме утращения: трижды ходит Иван-дурак на могилу к отцу, трижды сражается с врагами, трижды выполняет трудные задания царя, добывая диковинных животных. Для стиля В.В. Артемович характерно обилие сказочных формул, дословных повторов: *Ваня крикнул громким голосом, богатырским свистом – жеребец бежит, зямя дрожить, с ноздрей пыль, с ушей дым, с ж... жар сыпится... Говорит: «Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?» – «Надо осилка своевать!» – «А, это не служба, а службишка!»; «Это только цветки, а ягодки ещё будут!»; «Тпру, волчье мясо! Я твой хозяин!»* и т.п.

В противоположность длинному, трехходовому, наполненному подробностями повествованию В.В. Артемович вариант невеликой сказочницы А.А. Горбачевой из д. Пыги представляет собою краткую одноходовую версию того же сюжета (№ 58 (37) *Сивчик-Бурчик*). Особую прелесть сказке А.А. Горбачевой, где нет утроения эпизодов, но все же сохранена другая сторона сказочной обрядности – повествовательные формулы («*Сивчик-Бурчик, веющий Каурчик! Встань передо мной, как лист перед травой!*»; «*И я там была, и пиво пила, по усам текло, в рот не попало. Кончилась свадьба, я домой пришла!*»), придает необычайная эмоциональность повествования: *Господи! Как там ни скакали! Каких там молодцев не было! Напоследок как прилетел Иван- дурак на Сивчике-Бурчике! «Ну, Сивчик-Бурчик, веющий Каурчик! Ну, помоги мне!»; Ну, вот, все пришли. Господи, красивые, нарядные! А он такой пришов, одетый простенько! Господи, вытаскивает кольцо! А божье мое! А тут все и заволновались! Такие знатные, богатые! А он такой пришов с кольцом! Как тут отдавать царевну замуж?*

Для Н.Я. Николаевой из Оп. р-на, как уже было замечено, характерно внимание к душевным движениям персонажей сказки. Например, в сказке № 21 (14) *Дед с бабой и волк* дед отдает волку всю свою животину одну за другой, так как *всё старуху сохранял*, которую волк грозился съесть; он долго *Ванюшку-котка не хотел отдавать: жалел!* Но волк уже *в окно лезя! – подал!*; отчаявшись, отдает последнюю курицу: «*Все равно нам не жить: и нас волк съест!*» В повествовательной манере Н.Я. Николаевой нет той экспрессии, что характерна для В.В. Горбачевой, однако и ей свойственна эмоциональность, проявляющаяся в вопрошениях и восклицаниях (*А кого ж? У деда уже и овец нет, и коня нет! Что ж делать?*), в выразительных деталях: спрятавшийся в печной трубе дед со страхом слышит, как по полу волк *ходя там, топоча!* Н.Я. Николаева любит сопровождать свой рассказ комментариями. Рассказывая, как волк подошел под окошко, сказочница поясняет: «*А в избушке раньше окошки низенькие были*»; сообщив, что у деда с бабой была курочка-хохловка, добавляет: «*Раньше все курочки с хохлами были*», а завершая

сказку сожалением деда о том, что он раньше не догадался о таком простом способе избавления от волка (дед перепугал волка, пустив от страха ветры в печной трубе, куда от него спрятался), добавляет: *«А то беда деду: всё отдал волку!»* Пояснение к слову *горшан* в сказке № 75 (47) ***Наливное яблочко и золотое блюдечко*** превращается у нее в целую сценку из быта старой деревни: *В то время проязжал там горшан (приязжае, бывало, в дяревню – тук-тук кнутовищем в окно: «Эй, хозяйка, выходи! Надо ли горшков?»).*

Восьмилетний Андрюша Зандов – прекрасный рассказчик, он рассказывает усвоенные им от бабушки сказки с соблюдением всех традиционных особенностей сказочного стиля: с утروениями, сказочными формулами, с соблюдением сказочного речевого ритма: *...посадили они горошину – выросла она до пола. Пол разобрали. Росла-росла – выросла до потолка. Потолок разобрали. Выросла до крыши – крышу разобрали. Выросла до неба...* (№ 30 (21) ***Сказка про горошину и боб***). Отдельные детали выдают возраст маленького сказочника. Таковы разъяснения, что до портного, укрывшегося на дереве, волкам, вставшим друг на друга, чтобы его достать и разорвать, *пять человек не хватало.*

А.А. Паничева из д. Хлевище Усв. р-на свои сказки сочинят сама. Пятнадцать ее сказок выделены в сборнике в особый раздел. О замечательной сказочнице и ее сказках мы скажем отдельно, в очерке, посвященном ее личности и творениям.

Примечания

¹ Лобкова Г.В. Псковские древности: Жатвенная обрядность. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 140–141. О причитаниях во время жатвы и уборки урожая, а также о детских пастушеских голошениях см.: Там же. С. 32–43, 127–129.

² Традиционная народная культура Псковской области: В 2 т. Т. 1 / Авт. проекта, сост., научн. ред. А.М. Мехнецов. – СПб.; Псков: ОЦНТ, 2002. – С. 495.

³ Там же.

⁴ Ср., например: «Уродилась у нас гречиха предобрая. Люди вышли в поле жать, а мы в бороздах лежать; до обеда пролежали, после обеда проспали, и наставили много хлеба: скирда от скирды, как от Казани до Москвы. Стали молотить – вышла целая горсть гречихи. На другой год батюшка спрашивает: «Сынки мои возлюбленные, где нам нынче гречиху сеять?» Я брат меньшей, да разумом большой, говорю батюшке: «посеем на печке, потому что земля та порожняя, все равно круглый год гуляет!» Посеяли на печке, а изба у нас большая: на первом венце порог, на втором потолок, окна и двери буравом наворачены...» [Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 3 / Подгот. текста и примеч. В.Я. Проппа. – М.: ГИХЛ, 1957. – С. 227–228].

⁵ Пропп В.Я. Кумулятивная сказка // Пропп В.Я. Собрание трудов: Поэтика фольклора. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 254–255.

⁶ Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора // Там же. – С. 32.

⁷ Нотированные тексты «льняного» цикла см. в кн.: Песни Псковской земли. Вып. I / Сост. А. Мехнецов. – Л.: Советский композитор, 1989.

ОЧЕРКИ О ПСКОВСКИХ СКАЗИТЕЛЯХ

Анна Владимировна Александрова

Анна Владимировна Александрова, 1927 г.р., из д. Вяз Вязовского сельсовета Новосокольнического района – натура артистичная, общительная, любительница развеселить народ приказкой на празднике, спеть-сплясать: *На вечаринке там гармошка заиграла, ну и возьмутся под пляску, ну, значить, кто больше знает, кто перепляшет кого да больше перепоеет. Я, конечно, повыбирала первое место. Раз мы на свадьбе в Чертеже [д. Чертеж] были. И там вот тоже цыган взялся со мной плясать. Ну, я его переплясала, цыгана. Все чисто удивлялись: он, знаете, так дробью бил збористо! Так устал – и всё. Он меня-то начинает крутить, чтоб я остановилась, а гармонист говорит: «Не тронь – пусть пляшет!» Потом сказал: «Я устал. Всё!»*

А.В. Александрова тяготеет к сказке веселой, комической (№ 137 (92) *Дурень*), к сказке-анекдоту (№ 142 (96) *Сухие ноги*), к сказке, близкой к сценке-интермедии (№ 143 (97) *Как иностранец рыбу покупал*), к сказке-песне (№ 159 (111) *Ерзы-ерзы*; № 161 (112) *Ков-ков дятел*; № 215 (153) *Журавель*). Мастерски исполненная ею сказка № 137 (92) *Дурень* – один из лучших среди известных вариантов сюжетного типа СУС 1696 *Набитый дурак*, с почти сплошь ритмизованным и рифмованным текстом: «Баба, моя баба! Там меня побили, там поколотили!» – «За что ж тебя били? За что колотили?» – «А в чужой деревне борова палили. А я с багром, а я с ведром!» – «Мало тебя били! Мало колотили! А ты бы пришёл, а ты бы сказал: “Репы мяса, ведро сала: в Христово воскресеньице всем на разговеньице!”» – «Ужо пойду, ужю сделаю!» Пошел дурень в чужую деревню, а в чужой деревне лошадь сдохла... и т.д. Человек любящий и умеющий пошутить, в том числе и над собой, Анна Владимировна Александрова песенку-сказку № 215 (153) *Журавель* с бесконечным *Хвост вытащит – нос запрёт!* | *Нос вытащит – хвост запрёт!* заканчивает таким образом: *И никто не разберёт, | Что про вас* (т.е. «для вас». – Г. П.) *Нюрка поёт!*

Ефросинья Ивановна Алексеенкова

Сказки Ефросиньи Ивановны Алексеенковой, жительницы деревни Колпино Новой волости Пустошкинского района, записаны в 1999 г. ее внучкой, Аленой Андреевной Пузыней, тогда студенткой V курса ОЗО филологического факультета псковского вуза. О своей бабушке А.А. Пузыня сообщила: «Ефросинья Ивановна Алексеенкова родилась в 1914 году в деревне Поддубно. В 1938 году вышла замуж за Алексеенкова Никифора Афанасьевича в деревню Карнаухово. Девичья фамилия Ефросиньи Ивановны, по мужу Микешихи, – Горбачева. Когда муж вернулся с Финской войны, они перебрались жить в деревню Васьково. В деревне Колпино стали жить с 1965 года. Деревень Карнаухово, Поддубно, Заборицы (где жила бабушка Ефросиньи Ивановны) сейчас не существует. Если бы они были, то относились бы к Новой волости. В деревне Васькове (примерно три километра от Колпино) осталось только три человека. В деревне Колпино всего около десяти дворов, где проживают пожилые люди. Деревня Колпино – самая первая деревня от Пустошки по направлению на деревню Сергейцево).

Родители и близкие Е.И. Алексеенковой: мама – Пелагея Титовна (Палашка) Горбачева, папа – Иван Алексеевич Горбачев, бабушка (которая рассказывала сказки) – Акесенья Скарина (Титиха), свекровь – Акулина Алексеенкова.

По национальности Ефросинья Ивановна русская.

Образование: когда ей было лет восемь, месяц ходила в школу. А уже в 17 лет проучилась одну зиму в д. Дубровно. Научилась читать и писать. Пишет очень плохо, книг никогда не читала, газет и журналов – тоже. Телевизор смотрела редко: было много работы. Теперь, когда по состоянию здоровья почти не выходит из дома, смотрит сериалы.

В семье никогда не пела, лишь рассказывала сказки мне, внучке, когда я была маленькой. По моей просьбе бабушка вспоминала частушки, песни, сказки, праздники, гадания и др. и рассказывала, и пела мне все, что вспоминала, когда я приезжала на выходные в течение всей весны 1999 года.

При записи на магнитофон Ефросинья Ивановна вела себя непринужденно. И ей было, видимо, приятно вспоминать свое детство, молодость, замужество» [Зап. А.А. Пузыня. – ФА Пуст. 1999, т. 1415, № 1а, кассета Пуст. 1999-1].

Из мелькающих в рассказе Е.И. Алексеенковой деталей ясно, что всю жизнь она проработала в колхозе: жала, тягала лен и пр. – и что ее жизнь с детства протекала в рамках традиционного крестьянского быта, с его рабочими буднями, развлечениями, праздниками, обрядами.

Кроме сказок, от Е.И. Алексеенковой записаны жестокие романсы, частушки, свадебные песни и свадебный обряд (рассказ о собственной свадьбе), святки (о своем участии в гаданиях и ряжении), волочебный обряд (пасхальный обход дворов), в котором она сама участвовала, и так называемый «Валым» – волочебная песня «Ишли-брели валымщички».

От Ефросиньи Ивановны Алексеенковой записаны пять сказок: № 7 (4) *Как боров ииёл в желуды*, № 17 (11) *Про деда с бабой*, № 26 (17) *Коза-рогоза*, № 59 (38) *Сивка-Бурка*, № 98 (63) *Про Ваню-Дураню*. Повествовательная манера Ефросиньи Ивановны Алексеенковой отличается живостью, экспрессией, богатством интонаций: *Тетерев – пырх туда! Она – шарк ему на плечи! И вылетели з ямы! А лиса взяла и съела тетерева!* (№ 7 (4) *Как боров ииёл в желуды*). Внутренним взором сказочница видит и умело вызывает в воображении слушателей живые, полные движения и звуков картины. Таков, например, эпизод звериных приношений деду с бабой (№ 17 (11) *Про деда с бабой*): [Медведь] *грох, грох, грох!* «Открывай, дед, избу: бочку мёду качу!» Тут кричить волк: «Дед, открывай ворота! Стадо овец гоню!» У-у! Блеют! Открыл дед: *блеют!.. Лисица гонить стадо...* «Дед, открывай калитку!» У-у! *Гы-гы-гы-гы! Летать! Гуси прилетели. У!.. Зайчик стук, стук, стук у двери: «Дед, открывай двери: я тебе кочанья принес!» – «У-уй! Давай, давай!»*

В мастерски исполненной Е.И. Алексеенковой сказке № 98 (63) *Про Ваню-Дураню*, одной из лучших в сборнике, представлен прекрасный сказочный вариант определенного человеческого типа. Традиционный сказочный непроходимый глупец в ее сказке не лишен обаяния: подчеркнута его

постоянная доброжелательность и готовность услужить. Старшие братья званы на свадьбу – он ничуть не в обиде: *«Идите, братцы, идите! С Богом идите! Я тут всё укараулю!»* Братья переполошились, увидев Дураню явившимся на свадьбу. С каким добродушием и комической уверенностью, что все в порядке, он их успокаивает: *«Сидите, сидите, братцы! Гуляйте: дверина тут!»* Неизменно доброжелательный ко всем, Ваня-Дураня ни от кого не ждет подвоха и все происходящее видит в розовом свете. Явившись из мешка перед братьями, тайно бежавшими из дома, лишь бы избавиться от дурака, Ваня не сомневается, что они рады встрече и с удовольствием разделят с ним трапезу у ручья. Правда, братья куда-то спешат – что ж, он рад идти с ними, не спрашивая куда, и торопит их: *«Ну, пойдемте! Ну, пойдемте!»* И даже грубо буффонадную демонстрацию негативного отношения к нему со стороны братьев Ваня-Дураня без тени сомнения воспринимает как благодатное проявление божьего мира и умиляется: *«Божья росица сыплется!.. Божьи шишечки валяются!»* Такое «дурацкое» добродушие обезоруживает братьев, заставляет примириться с Ваней-Дураней: *Пошли домой и стали дома жить все втроём.*

О других из указанных сказок см. комментарии к соответствующим текстам.

**Валентина Викентьевна Артемович,
Анастасия Алексеевна Горбачева**

От Валентины Викентьевны Артемович, 1910 г.р., из д. Букатино Глембочинского с/с Себежского р-на записана только одна сказка – № 60 (39) *Сивка-Бурка*. Из общего ряда сказочников Валентину Викентьевну Артемович выделяет любовь к длинному занимательному повествованию в несколько сюжетных ходов, с подробной разработкой эпизодов. Так, заботой о занимательности рассказа обусловлена своеобразная разработка мотива узнавания героя после совершения им воинских подвигов: уставший и раненный в бою Иван-дурак забыл снова влезть в ухо Сивки-Бурки и принять свой обычный неказистый вид. Царевна понимает, что спящий в убогом

обиталище Ивана-дурака красавец-богатырь и есть ее муж, и не может поверить своему счастью. *Она отбьжится от будки – вернется, думает: «Я обгляделась!» Снов прибяжить: а он спит крепким сном!* Той же заботой о занимательности обусловлен рассказ о мерах предосторожности, принятых царем и царевной, чтобы Иван не вернулся к прежнему своему облику дурака: царевна, слуги, войско и музыка – все ждут, *лишь бы он пошевелился*, чтобы тут же подхватить его под руки и с почетом препроводить во дворец. Усиливает занимательность рассказа и комическая разработка некоторых эпизодов повествования. Таков выезд Ивана-дурака на поиски диковинной козы, свинки и кобылицы: *«Дайте ему тую лошадь, на которой воду возят!» Ваня сел задом наперёд, хвост в зубы, ладошкой по заднице – и пошёл!* Выразительна созданная сказочницей картина мощного бега чудесной кобылицы – матери Сивки-Бурки: *когда эта кобылица бежала, с дерева сыпались все листья, лес стал голый: такое было дрожание!*

Свое повествование В.В. Артемович ведет обстоятельно, с соблюдением всей характерной для волшебной сказки обрядности. Каждый из трех сюжетных ходов ее сказки, в свою очередь, строится на приеме утроения: трижды ходит Иван-дурак на могилу к отцу, трижды сражается с врагами, трижды выполняет трудные задания царя, добывая диковинных животных. Для стиля В.В. Артемович характерно обилие сказочных формул, дословных повторов: *Ваня крикнул громким голосом, богатырским свистом – жеребец бежит, зямля дрожить, с ноздрей полымь, с ушей дым, с ж... жар сыпится... Говорит: «Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?» – «Надо осилка своевать!» – «А, это не служба, а службишка!»; Это только цветки, а ягодки ещё будут!; Тпру, волчье мясо! Я твой хозяин!* и т.п.

Эта особенность – длинное, многоходовое (три сюжетных хода), наполненное подробностями повествование – особенно ярко проступает на фоне представленных в ФА ПсковГУ кратких одноходовых версий сюжета. Такова сказка № 58 (37) **Сивчик-Бурчик**, записанная в д. Пыги Усть-Долысского с/с Невельского района от Анастасии Алексеевны Горбачевой, 1912 г.р.: Иван-дурак с первой попытки допрыгивает до окна

высокого терема и снимает с руки царевны кольцо, которое потом предъявляет присутствующим на званом царском пиру, не дожидаясь, пока царевна его узнает, и женится на царевне.

Вариант А.А. Горбачевой уступает в занимательности повествованию В.В. Артемович, но имеет свои достоинства. Особую прелесть сказке А.А. Горбачевой, где нет утروения эпизодов, но все же сохранена другая сторона сказочной обрядности — повествовательные формулы (*Сивчик-Бурчик, веющий Каурчик! Встань передо мной, как лист перед травой!; И я там была, и пиво пила, по усам текло, в рот не попало. Кончилась свадьба, я домой пришла!*), придает необычайная эмоциональность повествования: *Господи! Как там ни скакали! Каких там молодцев не было! Напоследок как прилетел Иван-дурак на Сивчике-Бурчике! «Ну, Сивчик-Бурчик, веющий Каурчик! Ну, помоги мне!»; Ну, вот, все пришли. Господи, красивые, нарядные! А он takiej пришов, одетый простенько! Господи, вытаскивает кольцо! А боже мой! А тут все и заволновались! Такие знатные, богатые! А он такой пришов с кольцом! Как тут отдавать царевну замуж?*

Краткая версия сюжета «Сивко-Бурко», близкая к варианту А.А. Горбачевой и, по-видимому, относящаяся к одной локальной традиции, представлена также вариантом Е.И. Алексеенковой из д. Колпино Новой вол. Пуст. р-на (№ 59 (38) *Сивка-Бурка* [ФА ПсковГУ, Пуст. 1999, т. 1/1471, № 39, кассета Пуст. 99-1]).

От А.А. Горбачевой записана также № 57 (36) *Грустная сказка об Алёнушке*.

Евдокия Терентьевна Волкова

Евдокия Терентьевна Волкова родилась в 1907 году в бедной крестьянской семье. С детства работала у богатых. Она вспоминает: *«Вот я два года в школу отходила. А тогда заставили, бросила я школу. Опять пришла хозяйка. Два года отжила у них. На третий год пошла в школу. Тогда кончался царизм. Молитвам не стали учить, так 30 мужиков забрали своих детей из школы. Тогда она [хозяйка] приехала на третьем году меня донимать. Я ей понравилась. [Хозяева] не*

пускали меня домой. [Пасла хозяйских коров], по кустам все ноги обломала. Ноги в крови, окоростели, а они [хозяева] лаптей не давали. [Коров] рано гоню, а они мне хлеба не дали кусочка! Раз две девочки, как ваши [показывает на студентов] проходили.

– Ты чего плачешь?

Показала им свои ноги. Они принесли мне сыр и хлеб, а вечером шесть пар лаптей, белые онучки, мыла брусок, ноги вымыли, смазали, обулась. Зажили».

Всю жизнь Евдокия Терентьевна работала в колхозе. Молоденькой девушкой вышла замуж за вдовца с пятью детьми Гаврилу Волкова, знаменитого во всей округе сказочника и балагура, с которым прожила в любви и согласии до старости. Сама Евдокия Терентьевна любила петь и пела с 10 лет.

Родились еще дети. Большая неунывающая работающая семья жила дружно и ладно.

Грянула война, Евдокия Терентьевна проводила на фронт мужа и четырех сыновей. Все четверо погибли на войне. С мужем Евдокия Терентьевна прожила до 1981 года, когда овдовела. [Зап. от Е.Т. Волковой в д. Пралище Церковищенского с/с Усв. р-на в экспедиции под руководством Г.И. Плошук.]

По признанию Е.Т. Волковой, свои сказки (№ 1 (1) *Про лису*, № 106 (68) *Как мужик жену лечил*, № 109 (71) *Жена-доказчица*, № 119 (78) *Нестеришка*, № 121 (80) *Сказка о ловких ворах*, № 126 *Два брата*, № 212 *Жила я у пана*) она переняла от мужа. Талантливая исполнительница мастерски передает в содержании, языке, в сдержанных, но выразительных мимике и жестах характеры сказочных персонажей. Особенно ей удаются женские образы. В сказке *Нестеришка* это капризная, избалованная барыня. Будучи записанным на бумаге, текст не выражает всего богатства интонационных оттенков, вложенных, например, в одну только коротенькую реплику барыни, проснувшейся от того, что Нестеришка, которому барин задал задачу украсть с барыни рубаху, подлил под нее ржаную болтуху: *Ах! Обвалялась я вся!* Тут и комическое удивление, и смущение, и манерность, и изнеженность барыни! В сказке *Жена-доказчица* Е.Т. Волкова создает выразительный

образ глупой, сварливой, грубой и высокомерной бабы, недовольной неравным, как ей кажется, браком: *Ты дурак! Я у батюшки была надета и набута, а как вышла за тебя – голая и босая!* Обычно в сказке типа СЭС 1381 *Жена-доказчица* мужик случайно находит клад и, зная о болтливости супруги, из-за которой весть о найденном им кладе непременно дойдет до барина, подстраивает «чудеса» по пути к кладу. Когда старуха, разболтавшая-таки о кладе и вызванная к барину в качестве свидетельницы, рассказывает о виденном (щука свила гнездо на дереве, заяц попался в рыболовную сеть и т.п.), барин принимает ее за ненормальную и прогоняет. В сказке Е.Т. Волковой не мужик находит клад, а жена попреками и бранью толкает мужа на преступление, и он решается выкрасть барский клад: *Только дураком меня не называй!* Понимая, что мужа могут поймать, баба думает: *И слава богу, что посодють!* И когда барин действительно подает в суд на мужика, злорадствует: *Вот, стоит тебе, змей-гад! И я стану в свидетели, что ты украл деньги!*

Е.Т. Волковой свойственна любовь к деталям и подробностям. Такова комическая сценка из сказки **Нестеришка**, где барыня принимает Нестеришку, быстро *раком* пробравшегося под кровать, за собаку и волнуется: *Воздух мне спортить!* Подробно, в деталях, рассказывает сказочница, как Нестеришка изготовил чучело, чтобы выманить барина из комнаты, где находилась шкатулка с деньгами.

О других сказках, записанных от Е.Т. Волковой, см. комментарии к соответствующим текстам.

Мария Михайловна Ганнибалова

Летом 2001 года во время фольклорной практики студентов ПГПИ в Дедовичском районе мы, преподаватель и две студентки, после ежедневных поездок по району в первой половине дня на протяжении недели вечерами приходили к Марии Михайловне Ганнибаловой, благо жили в одном здании с нею: в общежитии в районе Пионерное поселка Дедовичи.

Невысокого роста сухошавая женщина с добрыми глазами и светлым лицом, с хорошо поставленной, образной,

пересыпанной пословицами, поговорками, цитатами из песен и частушек речью, приветливо встречала нас, щедро делилась всем, что знала, и всегда мы возвращались от нее с богатым материалом, провожаемые добрыми пожеланиями. Мы записали от Марии Михайловны свадебный обряд, свадебные, хороводные, шуточные, *долевые* [протяжные] песни, частушки, песни Великой Отечественной войны, как усвоенные ею во время немецкой оккупации, так и сочиненные ею самою; записали былички, поверья, заговоры, шесть сказок – все в прекрасной сохранности: № 63 (41) *Марко богатый*, № 90 (57) *Умная невеста*, № 92 (58) *Царь Додон (Про Василия Бессчастного)*, № 107 (69) *Как пастух телёнок искал*, № 145 (99) *Влюблённый поп*, № 192 (135) *Савушка-сова*. Последние Мария Михайловна переняла от отца, матери и бабушки: *Мой отец нас учил, когда мы маленькие были. Бывало, полезем на печку. Он и говорит: «Ну, ребята, буду сказки говорить. Не балуйтесь, не кричите!» А нас-то было шестеро... «Марко Богатый» – это в мамы нам рассказано...*

Мы поинтересовались происхождением «пушкинской» фамилии Марии Михайловны. Она рассказала: *Ганнибалова я стала после. Мы были Николаевы. Папа мой был Николаев Михаил Николаевич, мама моя была Лаврёнова Анастасия Пантялеевна. Мой отец песни, сказки, всякие стихи писал, куда-то отсылал. Яму прислали такую бумагу [с предложением взять псевдоним]: или Шаяпина фамилию, или Ганнибалова. Он изъявил жалание Ганнибалова. Так нас переписали всех на Ганнибаловых...*

Мария Михайловна Ганнибалова родилась в д. Заполье Красногорской волости Дедовичского района Псковской области. Росла в большой, трудолюбивой и талантливой семье. Мария Михайловна рассказывает: *Раньше были сундуки такие [для приданого] высокие, выкрашенные. Это мой дедушка сам всё делал. Мой дедушка был на все руки от скуки. Только что он ня сумел сделать! И папа тоже. Мама очень рукодельная была... Вот «похвальные» полотенца – которым избу украшали во время свадьбы, и вот назывались похвальным, свадебным. Таких тридцать полотенцев у мамы было! Это вот вокруг вярёвка натянута [по стенам]. И приходят молодых глядят и*

приданое глядят <...> Приходит молодёжь с других деревень. И уже потом нявесты это надоядают: все с этой вышивки рисунок снять... это [узоры для тканых салфеток и вышивок] было в мамы со своей головы придумана.

Рукодельница, в маму, и сама Мария Михайловна (*Ручки в мяня от мамы оставили*). Скатерти, салфетки, покрывало на кровати, подзор, прошвы на наволочках в ее комнате в общежитии, где жила она в последние годы своей жизни и где мы ее и застали, – все связано, вышито руками Марии Михайловны: *Я в Горках когда посялилась, то ходили всё равно как в цирк глядеть. И цветы у мяня навязан, и грибы, и вазы связан...*

Отец Марии Михайловны пел на крылосе в церкви, пять маминых сестер *все были песнохорки* [т.е. любили и умели петь]. И сама Мария Михайловна в молодости была душой компании, хотя строгая мама долго не пускала ее на гулянья: *...только девятнадцати год мама пустила мяня на улицу первый раз. И то всей дярвней дявчонки с мальчишкам выпросили.*

– *Ложись спи: уставили, нечего делать!*

– *Ня уставили! Пусти, мама!*

– *Люди нарядивили, а ты?*

– *Ну и что, что?*

Вот так я и жила.

– [Ну, и на гуляньях на бревнах, говорите, сидели?]

– *Да.*

– [А Вы сказки рассказывали?]

– *И сказки рассказываю, и анякдоты говорю... частушки им пою, всяким разным, песни всякие долявые учу... Как раньше «Дуняша», раньше «Дуняшу», вот, на гулянках заводили, называлася «Дуняша».*

Вот гармонист идё. Придёшь на гулянье, бабы скажут: «Коль! Мань! Заводите гулянье!» Ну, гулянье завяждём...

А частушек в мяня три мешка неразвязанных. Много! Только силы нет петь тяперь... Я танцовать не танцовала, мне ня разряшали. У нас вся сямья была религиозная, и мамина...

Не случайно в репертуаре М.М. Ганнибаловой из шести записанных от нее сказок в двух, **Марко Богатый** и **Царь Додон**

(Про Василия Бессчастного), действуют и определяют ход событий Христос и ангелы.

На долю Марии Михайловны Ганнибаловой выпало немало испытаний.

В 1932 году во время ледохода утонул отец. *Папа утонул – мне тринадцать год. Так что яхватила всякого. Поэтому я и училась частушки и песни вот, забивала свою голову, чтобы мне ня ослепнуть от слёз. И жну – пою, и тягаю лён – пою...*

В моей мамы нас было семеро. Я самая старшая. Папа утонул на четвёртый день после Пасхи, а под Покровá Витя родился, нас стало семь. А мне тринадцать год! Весь гуж мой был! Мама заболела, маму увязли братья двоюродные в больницу в Ленинград. Мы тогда Ленинградской области были. Вот я одна: и в колхоз иди работай, и печку топи, и всех их накорми! И дрова с болота носить, и молотить, и стирать, и потолок мыть! А мне тринадцать год! В колхозе работать со взрослым наряду. Мама скажет: «Мань, сноп-то вяжи покрепче, чтобы тябя ня выбросили с артели!» – «Ага! Оны горазд долго сидят, я одна больше сделаю!» Вот двенадцать соток вытягаю льну и не засмеюсь! Большая полоса! И тринадцать соток, четырнадцать ржи жать... Всё ходит Христофоров (председатель колхоза), бывало, скажет: «Ну, Ганнибалова, сягодня зажинать! У тябя рука лёгкая»... Я сеять тоже умела: сявалку на плячо, полотенцем перевяжусь и носила... Сумела я всё: и сено стоговать, сумела и лён стоговать: на все руки от скуки!

Мне некогда было гулять... Мама заболела, родился брат самый малый, Витёк... Придет бригадир наряд давать – тринадцать год мне, всю сямью вяду – постоит, постоит: «Мань, дочь, в тябя в печки-то сгоревши!» Встаю. Стоплю снова. – «Девка, останься ты сягодня, отдохни!»...

А мама, когда выздоровела, дояркой стала. В колхозе достаётся по триста грамм [хлеба] на трудодень. Как было жить? Хлеба, что в животе, и бялья, что на тябе! За что браться? А в колхозе работали: три копейки дадут на трудодень, и то ящию, когда на чётном годе.

Ну, потом тут выросли [сестры и братья], всё стало мал-маленько на свои мяста. Мяня пристроил председатель в

больницу работать. Ну, в наряде сказал, что, «Мань, останься после наряду, я запрягу лошадь, свяжу тябя в Горки!» – «Зачем, дядя Вась?» – «А попрошу главному: может, возьмёт тебя в больницу, хоть на хлеб подзарабатывать». Тогда ж пенсии-то не платили, хоть и десять нас было, ни копейки нет!

Ну, он лошадь запряг, повёз мяня в больницу, устраивать работать в больницу. Приехали. Ну, главный ему сказал сразу: «Вот на эту девочку сшейте два халата, и завтра она придёт, присмотрится в санитарках, как работать». Ну, я на завтра пришла, он мне сказал, что до обеда побудеешь и домой пойдешь. А я до вечера: рада, что взяли!

А платили тогда десять рублей. Раньше-то деньги были дорогие. Вот я на хлеб и зарабатывала.

А потом война началась. И в войну я работаю. А слышно, там, в дяревне Устье, коровы мычат, люди плачут, совсем рядом речка была. И стала война. У мяня два брата. Один был в ремесленной, учился. Второй двадцать первого года. И их оба убили на войне. Когда росли – ня видели, а выросли – нашли: вот так!

Осталось у нас пять: сястра и двое близнецов, братишка и сястрёнка, и я, и младший брат, который без папы родился.

А немцы сюда пришли, как началась война, так сразу и пришли... Как началась война, с первого денька мяня по лагерям отправили... Старосты наши направляли к немцам. В лагерь с первого дня... как пошёл набор, с первого дня мяня сразу отправили... и погнали... В Дедовичи запёрли, тут дорогу построили – пошли дальше к Лінку, потом всё дальше, и дальше, и дальше нас, до Дямянска... Почти что четыре года. Вот так-то...

– [А вас немцы отпустили или пока свои пришли?]

– Сами убегали!

– [Вы убежали?]

– Меня увязли, что я заболела, а там больниц-то нет, а мяня привязли в Дедовичи. А с Дедович услышала сястра двоюродная, там работала на железной дороге. Женщины услышали: «Женя, ведь Маня ваша...» У ней было много классов кончено, она умела по-нямецки говорить. И она сказала в

жандармерию: «Не вязите, я сама отвязу к матери!» Ну, они разряшили... А мама гадает уже. Там тётка одна была, папиного дяди жана, хорошо на картах гадала. «Тётка, болит душа! Наверное, Маня не жива! Загадай ты!» Она раскинула карты, а говорит: «Ой-ё, душу мать! Каво ж ты пришла мяня испытывать? Маня дома, а ты пришла!» Она такая была матюжная. «Да ты ж, что ли, тётка! Где она дома, я ведь только с дома?» – «Дома Маня!» Ну, мама домой прибегая: лошадь стоит околи нас! «Господи Иисусе! Кто ж это приехал?»

А тут уже весь край народу увидели, что Женя мяня вьзёт... А в мяня волоса выстрежены от вошей, глаза навьдён всяким карандашам: и синим, и зьлёным! Мама пришла и не узнала.

... А потом староста опять оходусился, чтобы мяня в лагерь взяли... Взял да доложил в жандармерию. Сказали, что в понедельник при всём народе будем вешать всю сямью.

Вот так я и жила всю войну в страхе. Мне всё, бывало, говорила старушка, которая с нам жила: «Марусенька, это тябя “Сон Богородицы” спасал!» Вот этот «Сон» я всё за пазухой носила... Было шит такой мяшочек, завёрнуто в газетку, так я яго и носила. Я его берягу: все дяревни горели, а наши дяревни с войны остались.

– [А за что вешать-то?]

– Ну, зачим я домой убёгши. Не убёгши, а перьводчик сказал: «Как война будет отступать, больных оны выкинут, оны больных не повьзут, выбросют с поезда!»...

Как раз с дяревни нашей поехал к Хилово к сястры мужчина. Вот мама с ним записочку в тьворогу, в коробочку спичечную и дала. И говорит: «Перьдай, пожалуйста, Мане!» Ну, он перьдал с этим перьводчиком.

Пошли в жандармерию. Перьводчик говорит: «Так и так. Умёр брат, а она болеет. Может, отпустите?» Главный сказал: «Хорошо. На сколько?» Я говорю: «На сколько ваша милость есть, на столько я и согласна!» На три дня отпустили.

Ну, и он [староста] прознал. А как он прознал? У него дочка пьталась с немцам. Прознала, может, где проговорился

переводчик, что домой мяня отправляют вот так и так: брат помёр. Она со мной посылает письмо, чёрной ниткой зашито. В мяня ума не хватило никому дать прочитать, прежде чем отправлять-то, я с честью и отдала. А там написано: «Папа, узнай в жандармерии: если этот ня помёрши, по ложному показанию тогда пришли!»

[Был в деревне Вася] Они с отцом спасли мяня, не мяня, а всю сямью нашу... Этот Вася был [мною] отправлен с лагеря домой: я увидела, что мужчины выламывают проволоку колючую – она в шесть рядов была – я и говорю: «Вася, мушшны, наверное, будут убегать». Вася с ними и ушёл домой. Ну, и живёт дома.

Ну, этому Васе день рождения. Этот дядя Ягор, кум этому старосты, Вася-крестник. Васе день рождения. Посылают Тамарку: «Иди за Маней, чтобы на день рождения на Васин, привяди ану!» Она пришла, а мама говорит: «Доченька, куда ж она пойдё: у ней пропуск кончивши!» А дядя Ягор говорит: «Иди вяди! Что мы ня знаем, что делать?!»

Ну, пришла я. Сразу – за стол: «Садись, спасительница наша! Давай выпьем за всё хорошее, за моего сынка, что ты домой его отправила!» А я говорю: «Тётя Оль, ня стоило б учиться накануне смерти пить! Дядя Лёня будя вешать нас в понедельник!»

Так мы и остались живы. Большие он [староста] в жандармерию не пошёл, сообщил, что уехала она в лагерь, дома нету. А самого [его вскоре] парализовало, потом умёр.

Немцы отступили. Мария Михайловна вспоминает окончание войны: ...У нас Новая Дяревня есть, один колхоз. Под (о)город бороновались на сябе. И едя бригадир: «Кончайте, война кончилась!» Ой, бороны бросили! Кто плаче, кто что!..

Нелегко пришлось и после войны: Ну, раз у мяня нету отца, заступы-то за мяня нет. Мяня всягда первую. И никогда смены мне ни в чем нет. Когда кончилась война, все уборки мои были. А какие уборки! Вот где посеяно в совхозах, туда убирать надо было: жать, всё там, молотить. А потом зима подошла – на три месяца в лес на разработки. Опять всё мяня. Всем дали смену, по месяцу отбыли. А мне нету смены. Я в дяревне старшей всех была.

И вот в эту-то Дяготчину, пятьдесят километров-то с Заполья, где тябе за Дедовичи шесть километров, и до этой Дяготчины, до Пёсок, деревня Пёски, на сябе несучи: на няделю яду – и пняком! Приду, бывало, к деду Павлу [где живу], в мяня под пятам как голубиные яйца. Мне назаватра и ня встать. Ну, бывало, придё, который там над нам был главный: «Ай-ай, доченька! Ты уже сягодня ня ходи!» «Ня ходи!» – а в мяня [такие мозоли, что] и за няделю ня пройдё. Вот и хожу на пальчиках. А надо было сделать нам по кубометру на брата, напилить и раскалывать мятровую... А было девичье дело расколоть? Вот так я и жила.

Личная жизнь у Марии Михайловны не сложилась, хотя деревенским женихам и их мамашам нравилась веселая работающая девушка. Тетя Нюра, где я жила (мяня взяла бригадирка жить одну как бы постояльцем: ну, я им, приду с лесу – полы помою, к деду Павлу хожу коней поить: как говоря, жить в людях – заболит в грудях!) и говорит: «Феня-то хоче, чтобы ты дружила с Васей [сыном Фени], а ты-то ня хочешь!» – «Тёть Нюш, как же я буду дружить, голь-голь да и полосинка вдоль?! У мяня два платьишка всяго-навсяго и рубахи тканые. Я говорю, какая же я дружилыщица? Я ни с ким дружить ня буду!... <...> Тёть Нюш, да как же буду дружить-то? Как мне мама говорит: «Маня, новое решетце на гвозду висит, а состарится – навалется! Скажет [его родня]: «Куда ты нос совала? Ты знала, что ты бедная, а он богатый!» Придут молодую глядеть, придут приданое глядеть, а в тябя и нету!

В мамы много было приданого [приготовлено], но когда строились, всё она продавала, всё на стройку пошло, всё своё. Так я и по-маминому и жила [не шла замуж за богатых]. Ну, тут война началась. С кем дружила, кого любила, того убили, так вот я старой девой и осталась. Ну, я и не каюся, а благодарю Христа нябесного!..

– [Уже после войны вы строились?]

– Да... Я вот работала в колхозе... Уже стали лён сеять. Лён стал дорого сдаваться. Тут мы уже стали богачам... Скопили мы восемь сот... Уже старая стала зямлянка. Вот купили домик... Врямянку, такой низенький. Я всё

смялась, когда придут ко мне сваты, и скажу: «Буду я своё маленько радио слушать и в своём скворешнике жить! Мне надо было раньше думать, чтобы перяйти на семейную жисть, а теперь мне в дом ня надо, из дома я ня пойду!»

– [Значит, вы не строились, а купили дом?]

– Купили, но строили. Яну надо ж было перявозить-то!..

И как раз нас в совхоз перякинули... В мяня колхоз и совхоз и двадцать восемь лет в больнице, последние эти года. От колхоза я б́ыла в Москвы... теперь ВДНХ, кажется, раньше была сельскохозяйственная выставка. За то, что я работала хорошо, мяня отправили на выставку туда, это в пятьдесят шастом году было... Я работала тогда... овец ухаживала: и пасла, и обряжала, как по-дерявенски сказать... И шерсти много настригала, и поголовье давала. Нас было одиннадцать человек с нашей области, со Псковской. Там доярки и другие работники были.

... Я с Заполья. Когда слеги обвалилися в моем скворешнике, тогда мяня посялили в Горках, так как я работала в совхозе, работала хорошо, директор выделил мне там квартиру. Квартира была хорошая, большая. Но холодно. Вот приехали комиссия с гособеспечения, потом мяня перевязли сюда [в Дедовичи]. Медсястры дали в дявятке, а мне дали в общаге [в 1991 году]. А потом доктора уехали с этой комнаты. Тогда мяня персяялили оттудова сюда, в эту комнату. Я посвятила ону. И вот теперь так живу. [ФА ПсковГУ, Дед. 2001, т 1/188, л. 23–31; т. 1а/189, л. 9об.–11об.; т. 6/204, №№ 14.2а; 15–17, 34, 38, 46, 53, 54].

Тут, в этой квартирке, мы и нашли нашу добрую сказочницу. Теперь уже, к сожалению, Марии Михайловны нет в живых.

Галина Геннадьевна Зайцева

От Галины Геннадьевны Зайцевой, в 1990 году молодой тридцатитрехлетней женщины, работавшей уборщицей в Подберезинской средней школе Локнянского района, в которой мы, преподаватель и группа студентов факультета русского языка и литературы ПГПИ, жили в течение двух недель фольклорной практики, записана всего одна сказка – № 122 (81)

Два вора (Где вора́м лучше́ жить), но она одна из лучших в собрании. Сказка, по словам Г.Г. Зайцевой, усвоена ею от отца там же, в Подберезье.

Вариант, записанный от Г.Г. Зайцевой, – прекрасный образец сказки о ловких ворах, мастерски исполненный, и являет собою яркую иллюстрацию того, что народная сказка в хорошем исполнении есть театр одного актера. Богатство интонаций, мимики, точность жеста, любовь к деталям, точная и сочная народная речь – все вместе придает сказочному повествованию, почти сплошь построенному на диалоге, художественную убедительность, зримость. Таково, например, оформление Г.Г. Зайцевой излюбленного для сказок о ловком воре мотива *«Вор подбрасывает на дороге сапог, через некоторое время другой»* (ср.: № 120 (79) **Вор Фаныга**). Сказочница не ограничивается сообщением, что вор скинул сапог и поставил его на дорогу: он у нее сначала *берёт тряпочку, ботиночек начищает* (при этом Г.Г. Зайцева изображает, как, держа натянутую тряпочку за два конца, вор чистит обувь на вытянутой ноге); *затем кидь на дорогу! А сам в кусты. Сидят. Глядят. Мужик останавливается: «Тпру!»* и т.д. Развертывая сюжетный мотив *«Кража под песню»*, сказочница напевает песенку на плясовой мотив, имитируя руками игру на балалайке.

Любой из трех эпизодов ее сказки представляет собой законченное художественное целое, где каждое слово точно, каждая деталь на месте и играет свою роль в развертывании сюжета. Так, эпизод *«Воры крадут лошадь у пахущего на ней крестьянина»* открывается фразой: *Идут лесом, вышли на поле*. Обе детали важны для развития действия: забравшись затем на ель в лесу, вор криком отманивает работающего в поле мужика от лошади. Деревенский вор сомневается в возможности кражи коня, когда на нем работают: *Не знаю, – говорит, – такого чуда, чтобы мужик, пахавши, коня бросил!* И в этой фразе впервые звучит слово «чудо», подчеркивающее нереальность, с точки зрения жителя деревни, предлагаемого городским вором предприятия. Вор-горожанин берется такое чудо совершить. Подсказку же способа содейть его находчивый мошенник черпает в словах сомневающегося коллеги и кричит, забравшись

на ель: *Вот так чудо!* Завершает эпизод рифмованный и потому усиливающий комизм ситуации ответ вора, удовлетворяющий любопытству прибежавшего мужика: *А вот какое чудо: я сидел на ели́, а твою кобылу увели!*

Спустя двадцать лет там же, в Подберезье, но от другого исполнителя, *Ивана Васильевича Шелятина*, 1935 г.р., записан не столь блестящий, но все же хороший вариант этой же сказки – № 123 *Два вора*. Устойчивость сюжета, составляющих его мотивов и деталей, как и наличие некоторых отличий, свидетельствует о живучести, относительной сохранности и глубине локальной сказочной традиции.

Наталья Яковлевна Николаева

О Наталье Яковлевне Николаевой, 1902 г.р., из д. Поповы Горы Болгатовского с/с Опочецкого района нам известно немного. В архиве имеются скудные биографические сведения, сообщенные в 1982 году ее внуком, тогда студентом I курса факультета русского языка и литературы ПГПИ, Николаевым Александром Евгеньевичем, и им же записанные от бабушки три сказки (№ 21 (14) *Дед с бабой и волк*, № 55 (35) *Ручеёк слёз*, № 75 (47) *Наливное яблочко и золотое блюдечко*), 111 частушек и несколько примеров образной речи Натальи Яковлевны.

Но за тем, что известно, встают прекрасные образы наших земляков: Наталья Яковлевна Николаева – натура любящая, поэтичная, открытая красоте; Степан Николаев, ее муж, с его глубоко личным чувством ответственности за судьбу Родины, и, наконец, их внук и духовный наследник Александр Николаев, в чьем сердце живет и дышит в каждом слове непоказная нежная любовь к родным старикам, бабушке и дедушке, любовь к своей малой родине и боль за нее. Он пишет: «Я записал этот материал, когда она [бабушка Наталья Яковлевна Николаева] находится в глубокой старости. Родилась она в 1902 году в деревне Пузырьково. Это Опочецкий район, и разыскать эту прежде очень живописную и богатую деревню (в прошлом, ныне там остался только один жилец – престарелый “Робинзон” – вокруг ни души)... разыскать ее можно, если

отъехать от Опочки в сторону г. Новоржева и свернуть вправо от деревни Крымы (примерно 20 км от города), затем нужно проделать еще около пяти километров в сторону – до деревни Коротово, которую все хорошо знают по заметной с любого расстояния белой старой барской усадьбе, стоящей на высокой горе. От этого заброшенного здания будет рукой подать до мертвого Пузырькова – дороги туда уже почти нет, она заросла травой, но может быть тракторный след или след машины через поле, через холм, полный цветов, откуда всегда открыт широчайший величественный вид на наши леса и поля, но, к сожалению, известная доля горечи примешивается в эту панораму – ведь кругом мертвая тишина, только ветер свистит в ушах.

От Коротова до Пузырькова всего километра два. В Пузырькове – большие старые деревья – темные и мрачные от многолетнего одиночества, а под ними догнивают темные избы – две-три – остальные продали, т.к., несмотря на преклонный возраст, эти постройки сработаны были на совесть и до сих пор не поддаются тлению. Вдоль пустой, тоскующей об ушедшем человеке дороги растут березы – уже старые, прозеленевшие, но шумящие все так же ласково; и одичавшие розы украшают дорогу, напоминая о том, что здесь, в ладонях трех холмов, была некогда цветущая деревня. Сейчас снизу – от лощины – поднимаются кусты – они скроют когда-нибудь все это зрелище от глаз людских, и бывшая деревня окажется на зеленом дне.

На бабушкиной *пячине* (т.е. месте, где был дом) разрослись огромные кусты бузины, дерева, которое очень любит могилы. Те клены, которые собственной рукой сажала бабушка перед своим окном, накренились и упали, не выдержав собственной тяжести. Над домом была гора – Вешка, с нее и сейчас видно синее Воскресенское озеро и Рыбхоз. Раньше, лежа на Вешке, можно было слушать переливы гармонии из соседних деревень и звонкие женские голоса, выводящие частушки в ясной тишине. Рядом – Старик – большое кладбище, куда возили своих покойников со всего этого края. Раньше там были большие ярмарки и многолюдные гулянья, где тоже очень свободно и просто пели под гармонь частушки. <...>

В наборе частушек моей бабушки явно просматривается ее характер: ум, бойкость или умение за себя постоять, а кроме того, и сентиментальность. <...>»

О жизни своей бабушки А.Е. Николаев пишет: «Это была судьба рядовой русской женщины, очень типичная, поскольку и бабушка моя была рядовая крестьянка.

Замужество не раннее – в двадцать пять лет, но счастливое. После замужества бабушка живет неподалеку [от родного Пузырькова. – Г. П.], в Поповой Горе. Коллективизация. Война. Немецкая оккупация. Освобождение и расставание с мужем (деда звали Степаном), который, насмотревшись на немцев в период оккупации, не смог остаться в стороне, несмотря на свой белый билет, на предложенную должность председателя [колхоза]. И похоронная – в День Победы, 9-го мая. А потом долгие серые будни. Вот почему держаться в памяти моей бабушки такие тексты, как:

Посвети-ка, месяц ясный!

Посвети-ка, молодой!

Посвети по той дорожке,

Где пойдё миленький мой!

Цыганочка гадала –

Покачала головой,

Покачала и сказала:

“Будь молоденькой вдовой!”»

[ФА ПсковГУ, Оп. 1982, т. 1/745, № 115. С. 55–56].

Еще одна из записанных от Н.Я. Николаевой частушек – исполненная любви к погибшему мужу и тоски о нем:

Если б была эта мода –

В землю письма опускать,

Написала б своему Стёпе,

Опустила б сразу пять!

[ФА ПсковГУ, Оп. 1982, т. 1/745, № 99].

Приводим «некоторые предложения», которые, по словам А.Е. Николаева, он успел ухватить в разговоре с бабушкой. Это примеры образной речи Натальи Яковлевны: В людях – не дома: и на кошку скажешь: «Тётъ, подвинься»; Бывало, поедешь на паству, как разлопочешься: и смех, и

веселье, и старики рассказывают, когда конец света будя... Так лежишь потом на земле – долго не уснуть. Насмотришься в небо на звёзды. Глядишь: одна побежала, другая... Думаешь, куда ж она это упала?; про ярмонку: Как идешь в Старик, так от Реховнюга, от Лопатина, от Староселья, от Слизнёва, от Линёва – везде с гармониями идут: так и рявут гармони со всех сторон! – Тебя так и подымая, как в воздухе плывешь...; о кошках Белке и Кузе: Белка на крышу полезла. Зачем же она полезла? – А вот заберётся на самый конёк и сидит. И Кузя был залезши. Я иду, говорю: «Кузинька, здравствуй!» Тогда он поскрёбся [в данном случае – полез, т.е. стал спускаться осторожно. – А. Е. Николаев]. Глазки такие строгонькие!; В то лето сухо было: облачки лёгкие ходят, погрывает; Погода нахмырилась – опять дождь порявёт!; Шапка большая – только воронам класться; Потом поехал в Нелидово, и там, как беси его шикнули, – на другой женился; Вот сколько деревень ты написал... Все они были полны народу. А где этот народ теперь? Раструсилиши по свету. И дома снесён!; Говорили, на Рождество если звёзд не видно, то не будя грибов и ягод. А ноньма я ещё вышла, постояла во дворе своем, полюбовалась: редкое, тусклое такое облако волоклось, и вроде тускло так звёзды видать, а не то что явственная бывая ночь, и звёзды как всыпано...»

Эмоциональная одаренность Н.Я. Николаевой проявилась в репертуаре ее частушек, в ее высказываниях и в особенностях записанных от нее вариантов сказок. Для Натальи Яковлевны Николаевой характерно внимание к душевным движениям персонажей сказки. Например, в сказке **Дед с бабой и волк** дед отдает волку всю свою животину одну за другой, так как *всё старуху сохранял*, которую волк грозился съесть; он долго *Ванюшку-котка не хотел отдавать: жалел!* Но волк уже *в окно лезя!* – *подал!*; отчаявшись, отдает последнюю курицу: *Все равно нам не живать: и нас волк съись!* Эмоциональное напряжение создают вопрошения, восклицания (*А кого ж? У деда уже и овец нет, и коня нет! Что ж делать?*), выразительная деталь: спрятавшийся в печной трубе дед со страхом слышит, как *по полу волк ходя там, топоча!*

Н.Я. Николаева сопровождает свой рассказ комментариями. Рассказывая, как волк подошел под окошко, сказочница поясняет: *А в избешке раньше окошки низенькие были*; сообщив, что у деда с бабой была курочка-хохловка, добавляет: *Раньше все курочки с хохлами были*, а завершая сказку сожалением деда о том, что он раньше не догадался о таком простом способе избавления от волка (дед перепугал волка, пустив от страха ветры в печной трубе, куда от него спрятался), добавляет: *А то беда деду: всё отдал волку!* Пояснение к слову *горшан* в сказке ***Наливное яблочко и золотое блюдечко*** превращается у нее в целую сценку из быта старой деревни: *В то время проязжал там горшан (приязжае, бывало, в дярвеню – тук-тук кнутовищем в окно: «Эй, хозяйка, выходи! Надо ли горшков?»).*

Анастасия Алексеевна Паничева

Анастасия Алексеевна Паничева родилась в 1924 году в д. Репище, Усвятского района. Во время *селения* 1939 года вместе с родителями переехала в д. Хлевище.

По рассказу Анастасии Алексеевны, в 1942 году она училась в ФЗО (школа фабрично-заводского обучения). В 1943 году была призвана на оборонные работы, где во время одного из налетов вражеской авиации была контужена взрывной волной. Последствием этой контузии на всю жизнь стали периодически повторяющиеся мучительные головные боли. Одной бедой не обошлось. Анастасия Алексеевна, тогда молоденькая девушка, заболела тифом и попала в госпиталь. От инъекции, сделанной недобросовестной медсестрой без соблюдения необходимых правил санитарии, получила заражение, приведшее в конце концов к ампутации ноги. Каково пришлось Анастасии Алексеевне жить, каково одной растить сына, об этом можно только догадываться. Женившись, сын отделился. Анастасия Алексеевна осталась жить в своей деревне с сестрой Марией Алексеевной. Здесь мы их и нашли в 1981 году, когда приехали в Усвятский район в фольклорную экспедицию.

В Хлевище мы явились чуть ли не всей группой: всем хотелось увидеть и услышать живую сказочницу. Во дворе дома мы застали Марию Алексеевну. Явившись на зов сестры, Анастасия Алексеевна обескуражила нас своим приемом. Только было мы начали: «Вот пришли к вам...», – а она нам: *«А на что вы мне? С капустой вас не сварить! А что я вам дам? Это?»* – и хлопнула ладонью по культе ноги, отнятой выше колена. – *Так мне и самой надо: без нее сидеть неудобно!»* Мы смутились. *«Ладно! Ходите в хату!»*

Потом оказалось, что Анастасия Алексеевна, острая на язычок и не лезущая за словом в карман, – человек веселый (*Я скорее рассмеюсь, чем разозлюсь*), словоохотливый (*Люблю поговорить! Вот наговорила вам бочку арестантов!*), щедрый на шутку. Когда для контроля включили запись, а звук в магнитофоне исчез, заметила: *«Пропало: черное было – в баню пошло!»* Звук не налаживался: *«Ваши магнитофон вредный, как моя Марья!»* – «Он у нас ещё новенький!» – *«Молодой, но капризный!»*

Узнав о цели нашего прихода, заявила: *«Я сказок не знаю и не рассказываю!»* По-видимому, мы заметно сникли, и, помолчав, хозяйка сказала, что знает две и нам расскажет. Это были тексты: № 128 (84) *Сказка о попе и работнике* и № 148 (102) *Как поп в работники нанялся*.

В восторге от удачи мы стали просить припомнить еще. Анастасия Алексеевна призналась, что сама сочиняет сказки. Мы приготовились слушать. Но оказалось, что свои сказки она пишет долгими вечерами и ночами, когда мучает бессонница (*Так само в голове плетётся, плетётся – я и пишу*), а помнить не помнит и никогда никому не рассказывала. Узнали мы и то, что все свои записи (*Сказок четыреста!*) передала она побывавшей в Хлевище до нас и жившей у нее в хате Елене Николаевне из Ленинграда: * *«Чёрненькая такая, на цыганочку*

* Е.Н. Разумовская в течение ряда лет возглавляла фольклорные экспедиции музыкального училища при Ленинградской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова в Усвятский район Псковской области. В фольклорном архиве училища, по-видимому, и хранятся сказки, написанные А.А. Паничевой.

похожа. А мне всё равно: цыган, хоть чёрен, да не поган! Только тело закоптело – солонины захотело».

Поняв, что сказок нам здесь больше не получить, мы перевели разговор на другое и записали от Анастасии Алексеевны Паничевой много интересного, и прежде всего поверья и былички. Записали и ее рассказ-воспоминание, который свидетельствует о проявившихся еще в детстве любознательности, тяге к необычному и неробком характере усвятской сочинительницы сказок: *Бабушка меня пугала, что на току в рижке есть чёрт. Мне ж охота поглядеть! Прикинулась, что болить живот. Бабушка водила-водила меня во двор – надоело ей: «Что ты такое сегодня съела?» – «Не ходи ты, бабушк, со мною! Я не боюсь!»*

Понимала по часам: когда двенадцать будет, и, пока я бежу, стрелки совместятся. И побежала не во двор, а в огород – да к току. Вот так ворота растворила [развела руками. – Г. П.], а порог в рижке мне вот так [показала на пояс. – Г. П.]. Я привалилась на него и зову: «Чёрт, чёрт! Ходи сюда: глядеть тебя пришла!» Никто не откликается! Ещё раз – опять никто! И третий раз позвала: кто-то прыгнул сверху и идет ко мне!

А у дядьки был кот, рыжий, Чёртиком звали. Я глаза зажмурила, гладить стала – щупаю, где роги? Рожек нет! Мягонький, хвост дальше. Он песню замурлыкал. Я его – толк! Захлопнула двери – и к бабушке: «Нет там никого, врешь ты всё! Кот там дядькин!» (ФА ПсковГУ, Усв. 1981, т. 6/1686-87, № 13).

В том же году Анастасия Алексеевна прислала нам две тетрадоочки своих сказок, которые мы и публикуем.

Сказки Анастасии Алексеевны Паничевой – интереснейшее явление современного народного творчества. Они не существуют в устной традиции, не звучат и возникают не в момент устного исполнения, а на бумаге. Вместе с тем легкий, свободный язык сказок А.А. Паничевой – несомненно не письменная, а разговорная, свойственная и народной традиционной сказке, речь, только зафиксированная на письме. Сказочница явно ощущает себя рассказчицей, перед которой

слушатели, причем слушатели, выросшие в одной с нею фольклорной традиции. Так, в сказке № 177 (124) **Кузьма и Иван – братья родные** она играет на ожиданиях слушателя, знакомого, в частности, с докучными сказками: *Иван... лошаdёнку, коровёнку купил, купил поросю. И что ж вы думаете, сказка вся? Да нет! Купил пару овец – и тут сказке не конец!* Сравним с началом сказки П.Ф. Буйко № 134 (89) **Как Иванушка-дурачок ездил в город дровы продавать**: *Расскажи мне сказку! – Ну, ладно, слухай сказку про лося. Тут ина и вся! – А сказку? – А сказку про овец. Тут ей и конец!*

А.А. Паничева воспроизводит в своем творчестве и такую особенность фольклора, как наличие сказок, относящихся к одному сюжетному типу. Так, пять из пятнадцати текстов А.А. Паничевой могут быть объединены в две группы: № 171 (118) **Маша и злая мачеха**, № 174 (121) **Волшебная табакерка**, № 178 (125) **Злая мачеха и девчушка Тихоня-Махоня** условно могут быть соотнесены с типом 480 *Мачеха и падчерица*, а № 175 (122) **Про Ивана-бездельника** и № 177 (124) **Кузьма и Иван – братья родные** также очень условно можно обозначить как сращение типов 735 *Две доли* и 735А *Горе (Нужда)* – сказок о бедном и богатом братьях.

Преображенные творческим сознанием сочинительницы, в сказках А.А. Паничевой причудливо переплелись мотивы, сюжеты, сюжетные ситуации и образы народной (волшебной, бытовой, анималистической, докучной) и литературной сказки, песенного народного творчества, быличек, бывальщин и поверий, а также обычаи и обряды, жизненный опыт и вызванные им размышления, впечатления от чтения, от кинофильмов и телепередач.

Яркая особенность индивидуальной повествовательной манеры А.А. Паничевой – ее любовь к рифмованной речи. Она проявилась и в ходе нашей беседы со сказочницей, и в двух сказках, усвоенных ею из устной традиции (**Сказка о попе и работнике** и **Как поп в работники нанялся**), и – ярче всего – в сказках ее собственного сочинения.

В рукописи А.А. Паничевой есть пометки, из которых следует, что все сказки написаны в дни, когда работать на огороде не полагается: первые шесть сказок – за два

воскресенья, 10 и 17 мая 1981 года, остальные – в воскресенье 31 мая, и 3 и 4 июня – в праздничные дни: Переплавную среду и Вознесение.

В нашем собрании сказки следуют в том порядке, в каком расположены в рукописи. Тексты №№ 174 (121) – 184 (131) озаглавлены сказочницей, остальным №№ 170 (117) –173 (120), оставленным ею без названия, заглавия даны составителем сборника текстов (Г.И. Плещук).

Сказочники семьи Буйко

Комментарии рассказчиков свидетельствуют, что главным источником усвоения сказок была семейная традиция. В нашем собрании есть восемь сказок, которыми представлена такая семейная традиция: № 10 (7) *Сказка про лису и петуха*, № 27 (18) *Про Козу-Дерезу*, № 28 (19) *Про зайкину хатку*, № 40 (28) *Сказка о трёх братьях, ведьме и ведьминых дочках*, № 53 (33) *Про двух девочек и медведя*, № 81 *Как дед чёрта из бани выгнал*, № 134 (89) *Как Ванюшка-дурачок ездил у город дрова продавать*, № 156 (108) *Как ходил козёл в лыжи, а коза в орехи*. Все записаны в д. Городище Артёмовской волости Невельского района студенткой Евгенией Николаевной Буйко от ее прабабушки Елизаветы Сазоновны Буйко, 1896 г. р., дедушки Василия Петровича Буйко, 1929 г.р., и бабушки Пелагеи Филипповны Буйко, 1924 г.р.

Елизавета Сазоновна Буйко, без сомнения, была выдающейся сказочницей. К сожалению, она представлена у нас всего одним текстом –*Сказкой о трёх братьях, ведьме и ведьминых дочках*, записанным, как уже сказано, ее правнучкой и попавшим к нам уже после смерти Елизаветы Сазоновны. Этот текст – прекрасный образец народной сказки, удивительно гармоничной во всех своих элементах. В основе композиции сказки – прием утроения. Причем начало каждого из трех эпизодов страшной трапезы ведьмы-людоедки имеет одно и то же словесное оформление, чем подчеркивается ритмичность сказочного повествования: *Ведьма домов воротилась, за стол садилась, дачку сожрала, кости огладила, мясо похвалила и спать завалилась. Збирается у вечера знов на посиделки и новый*

наказ средней дачкѣ даетъ, чтобъ тая другого брата на поду запякла... Гармонична, ритмически безупречна каждая фраза сказочницы, образен язык: *Ты, Ванька-дурачок, нас под монастырь подвев, по тебе и панихиду служить!* – решают умные братья, кому быть изжаренным в ведьминой печи. *Делать нечего, вылез дурачок с-под печки – да на загнет и ждет долюшки своей. Надо прищуриться, сожмуриться, калачиком прикинуться!* – учит ведьмина дочка Ваньку-дурачка, как надо сидеть на хлебной лопате. *А братья домов отправились и жили дома припеваючи, горя-бяды ня знаючи,* – счастливо завершается сказка.

Евгения Буйко сообщает о своих прабабушке и дедушке: «Василий Петрович родился в 1929 году на небольшом хуторе близъ д. Городище. Про его отца мне известно очень мало, а мать, Елизавета Сазоновна Буйко, слыла сказочницей и песнехоркой. Она родилась в 1896 году и умерла в 1999 году ста трех лет от роду. Еще когда я была маленькая, она рассказывала мне, своей правнучке, интересные сказки и бывальщины, пела колыбельные и другие песни, шила маленькие тряпичные куклы и ставила небольшие кукольные спектакли. Эти традиции частично унаследовал младший сын Елизаветы Сазоновны – Василий Петрович. В детстве он рассказывал мне много сказок, которые слышал от своей матери. Да и сейчас он с удовольствием «бает басни» моей младшей сестренке и всей деревенской ребятне» [Сейчас, к сожалению, Василия Петровича уже нет в живых. – Г. П.] [ФА ПсковГУ Нев. 2000, т. 623, № 1].

Свои сказки В.П. Буйко сказывает в манере, очевидно, воспринятой им от матери, с соблюдением всей сказочной обрядности: обилием повторов, ритмически организованных и рифмованных вербальных формул: *Ветер стук – досочка хук!*, *«Хто ў лясу, хто ў бору? Хто прядець ночку ночувать?» – «Я ў лясу! Я ў бору! Я пряду ночку ночувать!»*; *Стели мне постель: ряд полення, ряд каменя, ступу ў головы клади!*; *Ня йди тудя, где лыком завязано и глиной замазано!*; *Деўка, деўка, дай ключи!*; *Кони, кони, ти видели деўку?* (*Про двух девочек и медведя*). Повествование Василия Петровича отличается эмоциональностью. В частности, обилие повторов у него не

просто дань сказочной традиции, но средство усиления эмоциональной напряженности. Так, ужас петушка, уносимого в очередной раз обманувшей его лисой, подчеркивается тем, что в каждом из таких эпизодов стишок-крик петушка, призывающего на помощь, повторяется дважды (*Сказка про лису и петуха*).

Особенности личности сказочника проявляются, как известно, и в подборе репертуара, в том, какого рода сказки привлекают его внимание. Репертуар В.П. Буйко, представленный в ФА ПсковГУ пятью текстами, составляют анималистические сказки (*Сказка про лису и петуха*, *Сказка про зайкину хатку*, *Про Козу-Дерезу*), волшебная (*Сказка про двух девочек и медведя*) и кумулятивная (*Как ходил козёл в лыжи, а коза в орехи*). От Пелагеи Филипповны Буйко записаны тексты иного плана: это забавные бытовая (*Как Ванюшка-дурачок ездил у город дрова продавать*) и близкая к бывальщине (*Как дед чёрта из бани выгнал*). Все эти сказки восходят к известному нам лишь в малой доле обширному и разнообразному репертуару Елизаветы Сазоновны Буйко. «Я ня знаю ничёго. Баба – вот верно: много знала! Вот тая знала!» – вздыхает П.Ф. Буйко.

О Пелагее Филипповне Буйко ее внучка пишет: «Родилась на хуторе близь деревни Городище Артёмовской волости Невельского района. Сейчас проживает в деревне Городище. Часто вспоминает о трудном своем детстве в большой семье (у ее матери было 11 детей). Всю жизнь проработала в колхозе “Путь Ильича”. Была дояркой, счетоводом, председателем...

Издавна слывет заговорщицей [человеком, знающим заговоры, знахаркой. – Г. П.]. К ней часто приходят люди из окрестных деревень за помощью и лечением. Летом, “от Ивана до Петра”, когда растения “в самой силе”, бабушка собирает целебные травы и коренья, сушит “цыплячи пупки” (куриные желудки), с помощью которых готовит целебные снадобья.

Она неоднократно лечила в детстве и меня, свою внучку... По сей день мне помнится её серьезное, сосредоточенное состояние, когда она, склонившись надо мной, шептала настолько непонятные и всеисильные слова заговора...»

Кроме сказки, от П.Ф. Буйко записаны несколько заговоров – *от рожжи*, *от уроков* (сглазу), *от вог(ү)ника* (воспаления на губах, герпеса), *от круга* (лишая) – с ее комментариями, а также колыбельная песня.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПСКОВСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Народная сказка как жанр миромоделирования

Текст народной сказки, записанной в условиях экспедиционного обследования, в ходе непосредственного контакта рассказчика — носителя традиционной народной культуры и языка — и собирателя, представляет собой единство фольклорного произведения и устной народной речи с характерными диалектными особенностями и чертами народного речевого дискурса. Несмотря на свойственную псковским текстам вариативность и ярко выраженный региональный характер, публикуемые сказки в своих основных характеристиках (сюжеты, мотивы, образная система и т.д.) являются разновидностью русских и — шире — восточнославянских народных сказок.

Мир человека, изображенный в текстах сказок, обусловлен в первую очередь закономерностями фольклорной поэтики, внутрижанровыми и сюжетными особенностями: «В фольклоре повествование основано не на изображении обычных характеров и обычных действий в обычной обстановке <...> о том, что ежедневно окружает человека, с точки зрения эстетики носителей фольклора рассказывать не стоит» [Пропп 1976: 88].

Вместе с тем, как показывают наши наблюдения, звучащая сказка обладает всеми признаками диалектного дискурса, обусловленного ситуацией реального общения, основными характеристиками которого является явная и скрытая диалогичность речи. Различного рода трансформации традиционной сказки обусловлены отступлениями и включениями, идущими от рассказчика-диалектоносителя. Они содержат ценные пояснения как этнографического, так и лингвистического характера. Дополнения, пояснения различного характера придают текстам псковского собрания народных сказок оригинальные черты, привязывая их к определенному региону и сближая с временным планом настоящего. В связи с этим и картина мира человека, явленная в сказочных текстах, обусловлена как видением сказочного героя,

так и ролью, а нередко и личностью рассказчика, повествователя.

Так, весь сказочный корпус пронизан временными показателями, соединяющими план прошлого и план настоящего, что выражается, как правило, в оппозитивных темпоральных наречиях (*раньше – сейчас*) : *У Масленицу был обычай ездить в посиделки. И одна молодуха уехала к матери на неделю. <...> Едут они. Светлеет месяц (сейчас называется месяц, а раньше звалось луна).* (№ 46 **Муж-мертвец**).

Прошлое с характерными особенностями социального устройства, традиционного быта в разных его проявлениях, отраженное также в узко локальных или старых наименованиях реалий, попадает в поле автокомментариев рассказчика. Приведем несколько характерных примеров из текстов разных сказок: *Вот раньше пасли пастухи, нанимались. Ну, пас мужчина коров, и не пригнал тёлёнка соседу, вечаром.* (№ 107 (69) **Как пастух тёлёнка искал**); *Раньше старик со старухой носили лапти, портянки закручивали оборам: тесёмки такие. И эта оборина с-под корыта у бабы и торчала.* (№ 19 (12) **Сказка про волка**); *Жили дед и баба. Жили сильно богато. <...> И повадился к ним волк ходить. А в избушке раньше окошки низенькие были. Подойдет под самое окно – надумал полакомиться.* (№ 21 (14) **Дед с бабой и волк**); *Утро пришло, Баба-Яга затопила печку. Ну что? Кого-то надо есть первого! Затопила. Топится печка, она подходит, открыла их, так, приоткрыла... Как раньше мы говорили: ленуха.* (№ 41 **Как Ваня-Дураня за огурцами ходил**); *И прошло уже не так мало времени, и выросла там на могиле всякая трава и тростина одна. В то время проезжал там горшан (приезжая, бывало, в деревню – тук-тук кнутовьем в окно: «Эй, хозяйка! Выходи, не надо ли горшков?»).* *Срезал он эту тростину и сделал себе дудку. Хотел он поиграть, и запела дудка.* (№ 75 (47) **Наливное яблочко и золотое блюдечко**).

Сказки псковского архива, записанные в период с 70-х гг. XX в. по настоящее время, содержат и элементы осовременивания прошлого, что выражается в лексиконе самого исполнителя, во введении новых имен сказочных героев (нередко это имена внуков самих рассказчиц: *Юрочка, Иринка,*

Юля, Люба, Женя⁶), в установлении параллелей между фактами прошлого и настоящего. Например, в сказке № 17 (11) *Про деда с бабой* традиционный зачин включает комментарий, фиксирующий реальность конца 90-х годов XX в.: *Жил дед и баба. Не было у них хлеба. (Вот как у нас сейчас. [Смеется] Как у нас сейчас – плохо-плохо, так и у них было плохо!) Жили бенно.<...>*

По нашим наблюдениям, рассказчик вне зависимости от своего возраста ассоциирует себя с историческим прошлым, он осознает социально-культурную «ответственность» за связь поколений и в момент рассказывания выступает в роли носителя традиционной культуры.

Таким образом, в сказке тесно сплетены два мира: мир сказочный, волшебный и мир реальный, повседневный, хорошо знакомый рассказчику и охраняемый им в его повествовательном дискурсе.

Смех как отражение категории «свой ~ чужой» в сказке

Защитная функция смеха хорошо известна в архаичных культурах [Левкиевская 2002]. Наблюдая смеховую реакцию рассказчиков-диалектоносителей на собственную речь, мы склонны расширить апотропейную функцию смеха.

Как представляется, в типичной для экспедиционного сбора диалектного и фольклорного материала коммуникативной ситуации, где фактически встречаются две культуры – традиционная, народная, с одной стороны, и городская – с другой, смех выполняет защитную функцию применительно ко

⁶ Рассказчица как бы разыгрывает перед слушателем-внучкой сюжет сказки, вводя в текст реальных персонажей за счет использования имен (явление, известное и литературной сказке, ср. например, «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла). Этот прием использовали и старые сказители: так, в сказках Ильи Богатырева нередко действует он сам в роли сказочного героя – богатыря (*Богатырь*, *Суневский Богатырь*), при этом обыгрывается и его фамилия – сказочники Илья и его сын Сергей Богатыревы были родом из деревни Сунево Пыт. р-на Пск. обл. [Сказки И.Д. и С.И. Богатыревых 1955].

всей старой деревенской культуре, в том числе и к поведению сказочных героев. В многочисленных примерах смех включен в автокомментарий исполнителя и выполняет роль оценки внешней ситуации, нетипичной для времени повествования. Например: *Ну вот. А мужик-то догадался, что не встретит-то там медведя! Взял жену. Поехали с женой. Взяли [Посмеивается], взяли ухват. (Знаете, ухват, которым в печку ставят чугунок?) Ну вот. <...> И, значыт, идёт медведь. Идёт. А мужик-то видит, что медведь. «А!», – говорит. [Взял ухват как ружье] и кричит бабы, баба-то не кол него. (№ 99 Мужик и медведь).*

Смеховое поведение исполнителя может быть включено в концовку сказочного текста: *<...> Ну вот, это... [Смеется] Конь вот и упал. Вот, вот такая получилась, видишь, у нас... сказка. (№ 16 Как мужик зверей катал); Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец! [Смеется]. Вот вам и сказка, девки! (№ 48 Про каменное царство и солдата Ивана).* В данных примерах у смеха другая функция: смех рассказчика – предупредительный, рассчитанный на возможную смеховую реакцию слушателя. Как представляется, смеховая реакция вызвана неосознанным стремлением к самозащите, к защите традиций, того, что сейчас в глазах нового поколения уже теряет актуальность.

Интерпретируя смеховое поведение рассказчика (ремарки «смеется», «посмеивается») в диалектном речевом дискурсе как отражение пропозиции «я смеюсь, предполагая, что со стороны слушателя то, о чем я говорю, может быть воспринято как непривычное, нелепое, чуждое», мы не склонны рассматривать взаимодействие двух культур в диалектном дискурсе как категоричное проявление жесткой оппозиции «свой ~ чужой», как столкновение или даже как противопоставление старого и нового (молодого), деревенского и городского. Напротив, с обеих сторон, как правило, наблюдается стремление к культурной синхронизации, что отражается во всем комплексе взаимодействия говорящих и слушающих. Смех как коммуникативное поведение представляется одним из средств, создающих ситуацию сотрудничества в соответствии с интенциональной функцией

народной сказки, направленной на передачу традиций и связь поколений.

Предметный указатель как эмпирическая база метода миромоделирования

Исследовательское направление, основанное на миромоделировании, связано с когнитивным осмыслением текстов [Кушнерук 2013]. Метод миромоделирования применяется при изучении фольклора в когнитивно-дискурсивном аспекте [Эмер 2011].

Каким образом, кроме обычного чтения (в ходе которого благодаря склонности мышления к обобщению), возможно выявить основные смысловые концепты текста и их систематизировать? Одним из методов выявления культурно значимых концептов является составленный в ходе работы над публикуемым собранием сказок предметный указатель, содержащий более 2000 субстантивных слов, соотнесенных с номером сказки в собрании⁷. Путем сплошной выборки субстантивов был проиндексирован весь предметный мир текстов сказок.

Понятиям «предмет», «предметная реальия», «вещь» в фольклоре посвящен ряд фундаментальных исследований, обзор которых дан в монографии [Добровольская 2009]. В.Е. Добровольская сосредоточивает свое внимание на мифосимволическом содержании предметной реальности в русской волшебной сказке, путем применения авторской методики создает классификацию предметных реалий как системы знаков, на основе чего получают характеристику фундаментальные особенности сказочной поэтики. Рассмотренный подход обусловлен исследовательскими задачами в рамках фольклористического направления изучения волшебной сказки.

Наша задача формирования предметного указателя определялась междисциплинарным подходом к изданию псковского собрания сказок. Предметный указатель выявил особенности псковской диалектной лексики, широкую

⁷ Предметный указатель опубликован в Ч. 2 настоящего издания.

вариативность диалектных номинаций, значительную долю этнографизмов в их составе [Большакова 2014]. С помощью предметного указателя была сформирована эмпирическая база, позволившая применить метод миромоделирования ко всему корпусу сказок, среди которых представлены жанровые разновидности: анималистические, волшебные, бытовые, кумулятивные, докучные, небылицы; включены также песни сказочного характера. Выделяя пространственную, временную лексику, названия предметов быта, традиционной одежды, пищи и т.д., мы тем самым формируем лексико-семантические группы, структурирующие предметный мир крестьянина.

Составленный по псковским сказкам предметный указатель трансформируется в семантически организованный словник [Цивьян 2006], который на следующем этапе может стать основой для подробного описания пространственной среды, сказочных и реальных временных категорий, гендерных, возрастных и других концептов, способствующих раскрытию особенностей картины мира сказочных текстов.

Учитывая многоаспектность и общекультурную значимость оппозиции «свой ~ чужой», особое значение могут иметь такие сущностные для отображения модели мира псковского крестьянина отношения, как родная семья – неродная семья [Пропп 1986, с. 462], что выражается в широко представленном в псковском собрании сюжете о злой мачехе (так, лексема *мачеха* отмечена в 10 текстах). Помимо выделения лексико-семантических групп, детерминированных универсальными семиотическими категориями, предметный указатель может быть продуктивно использован при описании мира людей, родственных и семейных традиционных отношений, социального устройства общества, в этнолингвистическом исследовании быта и хозяйственной деятельности крестьянина.

Таким образом, составленный как индекс слов для справочной части, сопровождающей публикацию текстов псковских сказок, предметный указатель сам функционирует как текст, имеющий самостоятельную информативную и исследовательскую значимость.

Модель мира в сказочном тексте

Под моделью мира понимается «конструируемое состояние», имеющее системный характер и реализующееся «в различных семиотических воплощениях», причем ни одно из них «не является полностью независимым, поскольку все они скоординированы между собой и образуют) единую универсальную систему, которой они подчинены» [Топоров 1982а, с. 161].

Миромоделирующий характер имеют в первую очередь этиологические сказки, которые описывают возникновение мира и человека, различных реалий природы и культурных объектов. «Этиологические сказки и легенды являют собой своеобразное зеркало народной культуры, отражающие фольклорно-мифологическую картину мира» [У истоков мира 2014, с. 5].

Отдельные тексты псковского собрания могут служить образцами народной этиологии⁸. Так, на вопрос «Почему стариков перестали убивать?» отвечает сказка № 96 (60) *Дед и внук*: *Это раньше старики говорили, что раньше завозили в овра-аги старух. Вот повезут в овраг куды-нибудь; дадут хлеба на три дня – и повязли! Видють, что старушка савсим дряхлая или старичок, и повязли. Вот один сын взял да и повёз свово старика в овраг... на санках, взял свово внука, я думаю, или правнука, я думаю, внука: «Повязём деда в овраг!» И повязли. Привязли в такой овраг, взял дровяшки этот сын, пустил туды, в овраг, с горки и пошёл сам домой.*

Опираясь на разработанный В.Я. Проппом структурно-семиотический метод, одним из основополагающих принципов которого является принцип этнографизма фольклора, индексированный номинациями предметный мир человека в текстах сказок возможно представить в виде универсальных семиотических оппозиций. Высокая степень семиотичности

⁸ Тема народной этиологии, отраженной в псковском собрании сказок, – особый предмет изучения. Отметим только, что используемые в сказочных текстах лексемы *Бог, черт, Никола (Отче Никола), Казанская* и под. могут указывать на мотивы «народной библии» в псковских сказках.

модели мира, конструируемой на основе народной сказки, проявляется в виде смысловых оппозиций «прошлого ~ настоящего», «ближнего ~ дальнего», «верхнего ~ нижнего», «мужского ~ женского», «взрослого ~ детского» и т.д., раскрывающих пространственные, временные, социально-культурные и другие жизненно важные человеческие и природные начала. Категория «свой ~ чужой» как глубинная мировоззренческая оппозиция не занимает простое место в ряду приведенных, а пронизывает «все смысловые сферы народной культуры» [Порядина 2007, с. 44].

Особой смысловой нагруженностью обладает женский код в сказочных текстах. Выделенный нами женский «предметный и персонажный набор» [Цивьян 2006, с. 13] включает следующие наименования атрибутов, входящих в «женский круг»: *белила*, *веник*, *венок*, *дежа* ‘тесто для хлеба’, *доёнка* ‘подойник’, *зеркало*, *колечко*, *корунки* ‘кружева’, *коса*, *кросёнки/кросёницы* ‘все тканое в домашних условиях (на ткацком станке – кроснах)’, *кудель/куделька* ‘льняное волокно, приготовленное для прядения’, *новинка/новиночка* ‘только что вытканый холст, домотканое полотно’, *отымка* (*горшечная*) ‘тряпка, которой прихватывают горячую посуду, горшки’, *платок/платочек*, *платье*, *повес* ‘мера льняных ниток или пряжи (обычно небольшая); повесмо/повесьмо’, *подмаза* (*сковородня*) ‘помазок для смазывания сковороды, на которой пекут блины, пироги’, *поножи* ‘ножная педаль ткацкого станка, с помощью которой ткачиха управляет нитями, попеременно поднимая и опуская их’, *приданое*, *расчинка* ‘закваска, опара’, *румяно*, *сарафан/сарафанчик*, *серьги*, *ситцевик* ‘сарафан из ситца’, *став* ‘домашний ткацкий станок, предназначенный для выработки холста’, *точиво* ‘домотканое льняное полотно простого изготовления’, *фартук*, *холст/холстинка*, *цепка/цепочка*, *чепельник* ‘рукоятка сковородника’, *юбка/юбочка*.

Как видно, приведенный перечень характеризуется неоднородностью. Согласно специфике источника, он включает наименования, обусловленные внутрижанровыми особенностями сказочных текстов: *зеркало*, *колечко*, *приданое* (волшебные сказки); *белила*, *румяно* (песни сказочного

характера о «жёнке-наряжёнке»). Примечательно, что основная часть корпуса лексики – это наименования традиционной женской одежды (*сарафан, ситцевик, фартук*) и, что особенно существенно, слова, именующие предметный мир крестьянки, занимающейся характерными для нее видами деятельности: прядением, ткачеством, приготовлением пищи. Простая семантизация лексем показывает, что каждый из объектов этого предметного мира обладает своей пространственной и временной характеристикой, по отдельности и в единстве с другими является отображением картины мира (см. также Словарь диалектных и устаревших слов, включенный в настоящее издание).

Таким образом, составленный по псковским сказкам предметный указатель трансформируется в семантически организованный словник, который является основой для подробного описания универсальных лексико-семантических групп, характеризующих модель мира псковского крестьянина в ее пространственно-временных, социальных, гендерных и других сущностных характеристиках.

Пространственная среда в псковских сказках

Раскрывая специфические признаки фольклора, в том числе народной сказки, В.Я. Пропп сформулировал идею об особых, сложных, но закономерно обусловленных, взаимоотношениях фольклора с действительностью [Пропп 1976]. Действительность как категория масштабная и многомерная в значительной мере проявляется в понятиях пространства – той организованной фольклорным художественным сознанием среды и предметного мира, который окружает человека и преломляется через его восприятие.

Разработанный В.Я. Проппом структурно-семиотический метод позволяет весь гармонически связанный сказочный и реальный мир человека, отраженный в текстах псковских сказок, представить в пространственных категориях горизонтальной и вертикальной проекции. «Фольклор, – пишет В.Я. Пропп, – знает только эмпирические пространство, т.е. то

пространство, которое в момент действия окружает героя» [Пропп 1976, с. 92].

Действительно, народные сказки, записанные на территории Псковщины от носителей традиционной культуры, в полной мере отражают эту закономерность в соответствии с классическими образцами произведений этого жанра устного народного творчества. Анализируемые тексты сказок эксплицируют пространственное изображение как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости, что, как известно, составляет основные ориентиры структурной организации модели мира [Топоров 1982б, с. 341].

Так, в двух сказках со сходным мотивом о «небесной избушке»: *горошина/бобина (бобинка)*, посаженная дедом с бабой в бане, выросла *под самый пол*ок, потом – *под самый потолок*, затем: *Доросла горошина до крыши. Дед и крышу разобрал. Росла-росла горошина и выросла до самого неба*. (№ 29 (20) **Горошина**); *Посадили они [бобинку], выросла она до пола. Пол разобрали. Росла, росла, выросла до потолка – потолок разобрали. Выросла до крыши – крышу разобрали. Выросла до неба. Дедушка полез по бобине на небо*. (№ 28 (19) **Сказка про горошину и боб**).

Небо, до которого добирается герой по невидимой вертикали, в обеих сказках изображается как материализованное представление о «вечном изобилии» [Пропп 1986, с. 291]: *Там увидел расписные терема, столы конфетные, ложки пряниковые, напитки медовые. Дед отломил кусочек стола и съел. Всего понемножечку попробовал!; Дедушка полез по бобине на небо. Пришёл, а там всё, что хочешь: и пить, и есть. «Вот, – думает, – сейчас наемся!» Дед сел за стол и поел*. Таким образом, небо – это не райский сад, а место, одновременно волшебное и реальное, в котором воплощается крестьянский идеал достатка, сытости и изобилия, а сам сказочный сюжет является олицетворением символа «мирового дерева».

Противоположный полюс пространственных отношений по вертикали вербализуется словами: *яма / ямина*, что отражается в широко распространенном сказочном мотиве «звери в яме» (сказки псковского собрания: № 7 (4) **Как боров**

ишёл в желуды, № 8 (5) *Лиса и дрозд*), а также *колодец*, который служит входом в иной мир (№ 56 *Про падчерицу и мачехину дочку*). Как видим, символическое содержание пространственных объектов тесно связано с сюжетно-тематическими разновидностями сказки. То же касается и наблюдений над горизонтальной осью сказочного пространства, обусловленного движением героев сказки и представленного в текстах гораздо шире и детальнее.

Наши наблюдения над текстами псковских сказок в полной мере согласуются со сложившейся фольклорной теорией и основами изучения мифопоэтических принципов пространственной организации модели мира: «вообще понятием пространства при описании вертикального строения Вселенной пользуются несравнимо реже», «путь в горизонтальном пространстве стал той осью, на которой создавались различные эпические формы народной словесности и прежде всего сказка» [Топоров 1982б, с. 341]. Пространственные объекты в сказочных текстах, воспринимаемые через сознание сказочных героев, попадают в поле различных видов их деятельности, являются их помощниками, встречаются на их пути как препятствие, служат испытанием и т. д., т. е. выполняют свойственные им функции в образно-поэтическом строе фольклорного произведения.

Если обратиться к основам организации пространственной лексики, то, следуя принципу «локального распределения значимостей» семантического пространства в горизонтальной плоскости [Там же], следует выделить освоенный центр и чуждое и даже враждебное, несущее опасность пространство за его пределами. Так, первый элемент семиотической оппозиции «свой ~ чужой» репрезентирован в сказках деривационными блоками общерусских и диалектных лексем: *дом/домик; изба/избёнка/избёшка/избушка; хата/хатёнка/хатка.*

Само жилое отапливаемое помещение структурировано диагонально расположенными *углами*, в одном из которых расположена *божница, икона*, в другом находится *печка/печечка/печь*. Пространство около печи, конструктивными частями которой являются *под, заслона/заслонка*, а также *ленуха*

и *подпечка*, заполнено атрибутами, именуемыми словами: *ухват, лопата* (для хлеба), *веник, отымка*.

Подробно зафиксированы конструктивные части избы, особое место среди которых занимают локусы, символизирующие границы дома: *окно/окошко/окошечко, дверь/дверина, порог, крылец/крылечко/крыльцо/крыльцы*.

Таким образом, в тексте сказок четко очерчен центр – жилой дом, т.е. то освоенное пространство, которое обеспечивает безопасность, защиту.

За пределами избы, но в ближнем круге, располагаются хозяйственные постройки *гумно/гувно, рига, сарай, хлев*, а также *байня/банька/банюшка/баня* с обязательными для нее деталями: *каменка, полук, предбанник*. Пространство ближнего круга номинируется также словом *двор*.

Таким образом, перед нами, хотя и неполный, но довольно явственный пространственный мир крестьянина с характерными традиционными атрибутами. Силы, которые могут нанести урон герою в ближнем круге, это *чёрт/черти/чертенята*, которые могут вредить в огороде либо в бане: *Стал чёрт к мужуку на горóд лазить: то то сопрёт, то другое стащит! Мужик тóго чёрта словил, прутук где-то выломал и ну по хребтине охаживать! Еле убеж чёрт от яво. (№ 100 Мужик и чёрт); Только чериз какая-то ўремя начáў дед примечать, что ў баньки нешта неладное творится: то шайку нехто схуваить, то водой ўорячей с каменки прызьнить, а то напусьтить уўару целую баню – са-а-ўсим мыться невозможно! (№ 81 Как дед чёрта из бани выгнал).*

Сказочный сюжет, как правило, строится на движении, перемещении героя в пространстве. В связи с этим важное символическое значение имеют группы слов, обозначающих линию пути (*дорога/дорожка, путь, большак*), пересечение дорог (*кресты*), виды переправ (*мост/мостик/мосток, жёрдочка*) [Криничная 2011, с. 148–160].

Герой, покидая дом, оказывается в чужом мире, представленном родо-видовой группой: *лес/лесничек/лесище – березничек, ельничек, дубравище*, а также словами *чаща/чащоба*. Лексема *лес* является наименованием пространства, заполненного собственными атрибутами с природной

(названиями деревьев, других видов растений) и мифологической (названиями нечистой силы) семантикой. Лес в мифологической системе представлений отождествляется «с инобытием», «маркируется знаками смерти» [Криничная 2011, с. 55]. В псковских сказках слово *лес* отмечено в 51-м тексте, что указывает на смысловую значимость самого локуса в системе обозначений «чужого» мира.

Таким образом, корпус псковских сказок, как по составу, так и по содержанию, является выражением сказочной традиции, региональные же особенности текстов, уже отчасти выявленные [Большакова 2014], демонстрируют вариативность, которая составляет особую ценность фольклора, и придают текстам псковского собрания народных сказок оригинальные черты, привязывая их к определенному региону. Из более чем 2000 наименований предметов в псковских сказках 314 единиц относятся к области пространства. Сама же пространственная среда, явленная в сказочных текстах, обусловлена как видением сказочного героя, так и ролью рассказчика, повествователя.

Местная топонимия в сказочном тексте

Топонимический корпус псковских сказок немногочислен, что вполне естественно для сказки как жанра устного народного творчества. Обобщенному характеру сказки противоречила бы точная географическая ориентация. В сказке ее обычно заменяют известные формулы: «*в некотором царстве*», «*в некотором государстве*» и т.п. Так, в нашем источнике один раз встречаются как традиционно оформленный зачин: «*в одном государстве...*», так и упоминание некоего «*другого царства*». Обычно же сказка в псковском сборнике начинается так: «*жили три/два брата*», «*жил/жили-были дед и баба*», «*был отец и мать*» либо без всякого вступления: «*поехал мужик в лес*» и т.д. Единично встречающиеся временные или пространственные указатели имеют исключительно обобщенный характер: «*где-то в старые времена*», «*где-то на Руси*», «*на свете*», «*в одном селе*», а также, например, «*был в солдатах и жил далеко*».

Для абсолютного большинства сказок псковского собрания не характерна точная пространственная локализация. Вместе с тем предметный указатель содержит 14 наименований реальных географических объектов, часть которых обнаруживается и на современной географической карте Псковской области: *Псков, Опочка, Торопец*; деревни *Ануцово, Коларево, Колкиши, Синютино* (Н-Сок. р-н); река *Кунья* и др. Введение топонимии в сказочное повествование, как представляется, создает необходимый эффект достоверности сказки как поучительного рассказа.

Сюжет некоторых сказок разыгрывается в хорошо знакомых рассказчику и слушателям географических реалиях. Так, в сказке № 103 (66) *Как дед другую жену искал*, записанной в Оп. р-не (один из немногих текстов, не просто содержащий топонимы, но и насыщенный ими), герой отправляется сначала в *Мякишево – это в ближайшую деревню*, затем – *далее туда к Алолям*. Слушатель как бы следует вместе с героем по намеченному маршруту и фиксирует ландшафтные детали. Например, когда герой направляется к *Алолям*, то рассказчица отмечает, что *там река течёт-бежит, хорошая, студёная*. Речь идет об известном гидрониме (сейчас это Пуст. р-н) – правом притоке реки Великой реке *Алоля*, или *Алоль*. С этими наименованиями – деревня *Алоль*, река *Алоль*, большое озеро *Алоль* – в настоящее время связано известное курортное место на Псковщине, расположенное на магистральной автомобильной дороге. Герой сказки, попадая в чужие деревни, везде наблюдает абсурдное поведение местных женщин и в результате возвращается к своей бабке, обратно в *Паново*, поняв, что *здесь бабы лучше*. Итак, слушатель вслед за персонажем как бы «проходит» вместе с рассказчицей путь к «месту назначения» и обратно, составляющий примерно 50 километров.

Такую форму композиции фольклорного произведения В.Я. Пропп относит к древнейшим, когда «путь героя как бы представляет ось повествования», причем стремительность и непрерывность развития действия, совершаемого в пространстве, исключает реальное представление о времени [Пропп 1976, с. 92–93]. Таким образом, выявив очевидные

признаки реальности в виде не свойственного сказочному тексту обилия местных топонимов, мы одновременно обнаруживаем универсальные и даже глубоко архаичные черты, отражающие, как пишет В.Я. Пропп, «доземледельческую стадию осознания времени» [Пропп 1976, с. 95].

Особый интерес вызывает деревня *Бакино*, отсутствующая на современной карте (эту деревню не отмечают уже первые послевоенные карты). Населенный пункт *Бакино* упомянут в сказке в связи с наличием здесь мельницы. Проведенные экспедиционные изыскания показали, что столь яркая черта, как мельница, не могла не остаться в памяти местных жителей. Приведем два фрагмента диалектных записей⁹: *«Ба́кина-та? Бы́ла. А каг жы? На рэ́чки, што с Сіно́фца тикэ́т, ручэ́й э́тат и Чо́рнава о́зира снача́ла – в Глубо́кая, з Глубо́кава – ф Сіно́вец, а с Сіно́фца ужэ́ в Ба́кина. Там анна́ ме́льница бы́ла, да двара́ два-три. С той ме́льницы рэ́чка идэ́т в ряку́ Вялі́кую. Ликви́равалась прыме́рна ф шы́сятых-симі́сятам гаду́. Рядам бы́ла Вя́льца, на ба́льшак – Ла́шутіна. Чи́риз Ба́кина мы ха́дзілі в Ла́шутіна»* (д. Рупосы). *«Ба́кина – проста́ ху́тар, ме́льница и дом, бо́льшы нікаво́ не́ была. Жы́ла там сямья́ ме́льніка. По́сле вайне́ па́пка тудá му́ку ва́зіл. Рядам бы́лі Ламкі́, Ла́шутіна, Вя́льца. Ф семі́дэся́тых, в э́тых гада́х, ликві́дыравалась. Ме́льник па́мёр, ма́лоць ні ста́лі, хлё́ба и так ста́ла хва́таць»* (д. Ломки).

Несмотря на то, что некоторые деревни и их названия сохраняются лишь в памяти пожилых местных жителей, «сказочная» топонимия приобретает вполне реальные черты, что усиливает историко-культурное значение архивных материалов.

Итак, использование географических названий, в том числе и местных, в целом не характерно для псковской сказки. Включение топонимов может быть рассмотрено как одно из средств придания достоверности сказочному сюжету, что в

⁹ Запись сделана в 2002 г. в описываемых в сказке местах выпускницей Псковского пединститута Ириной Стрельцовой от информантов: Н.Я. Яковлева, 1924 г. р., М.П. Яковлевой, 1931 г.р. (д. Рупосы); В.А. Александрова, 1931 г.р., Е.П. Александровой, 1927 г.р. (д. Ломки).

результате служит усилению «стихии реализма», по выражению В.Я. Проппа [Пропп 1984, с. 329]. Топонимические детали представляют сказку как осовремененный сюжет, где нередко стираются границы между сказочным, чудесным, с одной стороны, и жизненным, реальным – с другой.

Текст сказки как проявление диалектного дискурса

Необработанная народная сказка, записанная в условиях экспедиционного полевого сбора, в ходе непосредственного контакта рассказчика – носителя традиционной народной культуры и языка – и собирателя, представляет собой двуединство фольклорного произведения и спонтанной диалектной речи. Звучащая сказка обладает всеми признаками диалектного дискурса, погруженного в ситуацию реального общения, основными характеристиками которого являются ярко выраженная интенция говорящего, явная и скрытая диалогичность речи.

Деятельность полевых исследователей народной речевой культуры и языка по собиранию, хранению и презентации текстов приводит к пониманию синтетического характера собранного архивного материала. В гуманитарной науке последних десятилетий стало принятым считать устные словесные традиции, особенно запечатленные в прозаических формах, предметом пересечения «филологических, этнографических, искусствоведческих исследований», а само «фольклорное поле» – областью междисциплинарной [Каргин, Неклюдов 2005].

Публикация текстов сказок в данной книге проведена с учетом современных научных направлений в изучении устной коммуникации. Такой подход потребовал более полного отражения характерных диалектных черт речи исполнителей, а также сохранения коммуникативных особенностей устного диалектного дискурса, к числу которых относятся автокомментарии рассказчиков, повторы, самоперебивы, дискурсивные слова, вокализованные паузы, некоторые невербальные средства (чаще всего смех, иногда описание жестов).

Особенностью псковских сказок является их вариативность. Различного рода трансформации текстов традиционной народной сказки представляют ценность как для фольклористов, так и для диалектологов, т.к. отступления и включения, идущие от рассказчика-диалектоносителя, содержат энциклопедическую и лингвистическую информацию. Дополнения, пояснения различного характера, а также местные топонимы, отдельные антропонимы в сочетании с характерными диалектными особенностями разных языковых уровней составляют единый корпус признаков, придающих текстам народных сказок псковского сборника оригинальные черты и привязывают их к определенному региону.

Не пытаясь решить задачу выявления всех региональных особенностей источника такого значительного объема и уникального содержания, становимся на главное, как нам представляется, принципе дискурсивной основы организации устного текста – интенции коммуникантов.

Под интенцией (лат. *intentio* ‘намерение, замысел’) применительно к речи, говорению в современной теории речевой деятельности понимается коммуникативное намерение говорящего. Различают интенцию отдельного речевого акта (просьбы, запрета, обещания и т.д.), интенцию текста (монологического или диалогического). Проблемам коммуникативной интенции посвящены специальные исследования лингвистов [Антонова 2006], психологов [Кубрак 2009], основы теории интенциональности заложены в многочисленных трудах по философии [Керимов 1998, с. 350].

Анализируемый материал сказок позволяет ввести как объект изучения специфику интенции целого жанра. Действительно, коммуникативно-прагматические черты сказки детерминированы определенной ситуацией повествования, личностью рассказчика, а также образом собирателя (как правило, студента или группы студентов во главе с преподавателем). При этом, как и в случае со сбором речевого диалектного материала, коммуникативная ситуация, в которой рассказывается и записывается сказка, может быть признана в известной степени приближенной к естественной, хотя, конечно, традиция рассказывания сказок в зимнее время года на вечерних

молодежных собраниях – супрядках – уже утрачена [Большакова 2004]. Повествователем в большинстве ситуаций реального рассказывания сказок выступает пожилой носитель традиционной культуры и языка, как правило, лицо женского пола.

Коммуникативная успешность реализации данного дискурса зависит не только от унаследованных традиций и артистизма рассказчиков, но и от профессиональных филологических навыков и личностных свойств инициатора общения – собирателя. Однако, как показывает экспедиционный опыт, в ходе разговора коммуникативные роли могут меняться: информант становится ведущим коммуникатором в диалоге, вовлекаясь в ситуацию общения. Показателями такой вовлеченности выступают различные дискурсивные средства, отраженные в тексте сказок. Помимо междометий (*ага, да, вот, ну*), модальных слов, пауз и других средств, отметим вставки (в виде отдельных экспрессивно-оценочных слов и целых коннотативных высказываний) в текст повествования, с помощью которых рассказчица дает оценку поступков, поведения персонажей сказки: *Не показывайся лисице! Ина, зараза, хитрая!; Ена ж, лисица, гад, хитрая!; Вот такой волк нехороший; Вот такой аферист нашёлся и барина провёл!*

С целью обеспечить одну из функций сказки – поучительную – рассказчик усиливает интерпретационный элемент своего повествования также за счет автокомментария: *Она [лиса] ж боится волка, боится, что волк разорвёт её; А петух дурачок был! Обязательно ему поглядеть надо!*

Особенного внимания рассказчицы удостоиваются абсурдные с точки зрения здравого смысла, но органичные для определенного типа сказок элементы. Так, в № 121 (80) *Сказку о ловких врагах* рассказчиком вводится пояснение (оформлено в круглых скобках) невозможности поведения персонажа, основанное на житейском опыте: *Вот один садится, луночку просек и говорить: на долото он будет рыбу удить. (Ну как же он на долото будет рыбу ловить? Ведь нет ни червяков, ни крючков!)*

Для носителя традиционной культуры ситуация рассказывания сказки молодым слушателям является способом

трансляции личного жизненного опыта путем включения различных пояснений социально-бытового и этнографического характера: *Ну, они ужу стали старенькие, а сынок ищи хороший, здоровый, молодой (А раньше ж жили только со своего хозяйства. Если заробишь где на чём свою копейку, то будешь и жить). И вот они заготовили дроу (№ 134 (89) **Как Ванюшка-дурачок ездил в город дровы продавать**); А в старое время люди праздновали всякие религиозные праздники и ходили в гости друг к другу из деревни в деревню. В одной деревне одни праздники празднуют, в другой другие, так и ходят. Дождались Покрова, позвали с соседних сёл гостей и закатали пирушку. Угостили, конечно, неплохо по тем временам. Угощали кашей да блинами, рыбой да кренделями. Вино где-то прихватили, селёдки не забыли. Одним словом, как положено, угостили. (№ 126 **Два брата**); Вот оны [слуги] бочку принесли, положили яго [ребёнка], а яму дали большую такую марлю с ядой, чтобы он сосал (соски-то раньше ж такие сосали дети: в марлю хлеба или что. Ну, раз он был богатый, так оны нашли что дать, слуги-то). Засмолили бочку, отправили. Плывёт эта бочка... (№ 92 (58) **Царь Додон (Про Василия Бессчастного)**).*

Обобщая информационную насыщенность текстов сказок, следует подчеркнуть, что в ходе общения слушатель рисует себе в лице информанта образ не только живого рассказчика, но и мудрого хранителя материального, духовного и языкового опыта. Рассмотренную особенность сказки психологи оценивают как универсалию, призванную осуществлять интенцию наставничества, которую возлагают на себя старшие члены сообщества в стремлении «передать накопленный опыт: конкретные навыки, рациональные, эмоциональные и деятельностные способы разрешения проблем (в том числе, социальных), идейные и моральные установки (тотем и табу) и др.» [Сопикова 2002, с. 87].

Помимо уже рассмотренных функциональных типов вставок, отметим также усиление рассказчиком интерпретационного элемента своего повествования с целью обеспечения реализации поучительной (не только нравоучительной) функции сказки.

Приведем целиком текст (№ 91 *Царь и камнетёс*), записанный в 2008 г. в Нев. р-не от информанта-мужчины 1937 г.р. Сюжет основного повествования прерывается пространными вставками разъяснительного характера (оны выделены жирным курсивом). Интерпретационная составляющая текста вдвое превышает по объему основное повествование, однако коммуникативная задача представляется рассказчику реализованной в необходимой полноте.

Пётр Первый подходит, ну, не только Пётр-то Первый – царь. Подходит к камнетёсам, работают камнетёсы.

(Камнетёсы, ты слышала такое выражение? Знаешь, чем занимаются камнетёсы? Ну, огромные валуны, камни или там, скалы – отделывали их: отбивали, шлифовали, ну, делали для постаментов, для памятников. Понимаешь? Вот. И так далее... эти шли отделанные камни. Вот, они зарабатывали очень хорошо.)

Царь спрашивает одного:

– Сколько ты зарабатываешь – в день?

А он говорит:

– Восемьдесят копеек, ваше это... император...

А он гт [говорит]:

– Ого-го, такие деньги! А куда же ты их тратишь?

– А вот, – говорит, – двадцать копеек – я долг отдаю, двадцать копеек – я в долг даю, двадцать копеек за окно выбрасываю и на двадцать копеек сам живу со старухой.

Царь думал-думал, гт:

– Слушай, ты мне разъясни всё-таки, что-то до меня не доходит, что ты даже и за окно выбрасываешь деньги!

– Долг отдаю – это я родителей старых кормлю.

(Смысл поняла? Старых родителей, которые его воспитывали раньше, вот, вырастили, вот он долг отдаёт, кормит старых родителей.)

А в долг даёт – это я сыновей ращу. Сыновей! А за окно выбрасываю двадцать копеек – я дочек ращу.

(А почему? Потому что он работает-работает им на приданое, дочкам, а потом замуж отдаст – всё! Её дома нет, она уже в чужой семье. А раньше как в чужой семье, она могла и не прийтись никогда к своим родителям: не отпустят, нет когда, там упирались, работали, именно особенно крестьяне. Она уже была... себе не принадлежала, она находилась в распоряжении чужой семьи. Вот и поэтому считалось: двадцать копеек за окно

выбрасывает отец, родители, – дочку растят [смеется]. Понимаешь? Приданое чем богаче, тем (нрзб.) больше.

В старые времена, в старой России, родится девчонка, народится девочка в семье, родится – на неё землю не давали, давали землю только на сыновей. Понимаешь? Даже не давали землю на девоночек. А на сыновей давали. Потому что считалось, что девчонка, она замуж выйдет, у того парня, её уже, уже её мужа, он землю будет иметь: ему давалась земля.

А приданое обязательно – большой кованный сундук, отделанный медью, окован, расписан, и замок музыкальный. Вот в этом сундуке складывалось всё новое, постельные принадлежности и её там всевозможная одежда.)

Из аудиозаписи следует, что собирателем является девушка (по-видимому, студентка), в адрес которой направлен рассказ. При этом сам рассказчик, излагая сказку-притчу, считает необходимым раскрыть не только иносказательный характер ответов каменотеса царю. Сначала рассказчик дает пояснение к содержанию слова *камнетёсы*, несмотря на то, что на вопрос, слышала ли молодая собирательница «такое выражение», последовал утвердительный ответ. И далее с педантизмом учителя, наставника жизни, в форме поучения (вот, мол, как было раньше) рассказчиком вводится комментарий к собственному рассказу о гендерном неравенстве, существовавшем *в старые времена, в старой России*. Увлечшись историческими подробностями, говорящий переходит на другую тему – тему замужества и приданого, видимо, с учетом и поло-возрастных особенностей собеседника. Так, незаметно меняется сама коммуникативная интенция говорящего. Пересказ сказки про царя и каменотеса нельзя назвать исполнением (такие сказки также имеются в архиве), в ходе которого слушатель сам должен догадаться о содержании иносказательного выражения. Более того, текст включает в себя несколько относительно самостоятельных текстов: собственно повествование, автокомментарий рассказчика и новый текст о социальных и экономических отношениях в прошлом, переходя в своеобразный гипертекст. Так, жанрово определенное повествование трансформируется в свободный нарратив.

Устный нарратив, как правило, отнесен в план прошлого: обычно ведется повествование о том, что произошло

с самим говорящим или известными ему людьми. В приведенном примере сказка стала «поводом» для того, чтобы преподать жизненный урок представителю молодого поколения. При этом рассказчик учитывает социальный и возрастной статус слушающего, его жизненный опыт – недостаточный, с точки зрения рассказчика. Все это определяет наличие дополнительной когнитивной информации, вносимой говорящим в ткань повествования.

Тема прошлого с характерными для него особенностями быта, хозяйствования, социального устройства, обычаев и нравов, норм поведения и т.д. продолжает оставаться актуальной для старшего и более опытного диалектоносителя. Модально-временной план конструкций отражает семантику обычности, типичности происходивших событий: *А почему? Потому что он работает-работает им на приданое, дочкам, а потом замуж отдаст – всё! Её дома нет, она уже в чужой семье.*

Наблюдения над проиллюстрированным и многими другими текстами показывают, что повествование прерывается говорящим не только для объяснения старого и забытого слова (в данном случае слова *камнетёсы*). Автокомментарий касается исторических фактов, деталей старого быта, что придает рассказу, в том числе и сказочному повествованию, информационно-когнитивную ценность.

Особенно важным нам представляется проявление в архивных записях такой функции сказок, как воспитательная, поучительная. Старые люди вспоминают, что сказки рассказывались часто на молодежных собраниях – супрядках: *Ну вот сказки рассказывали не токо детям. Нет, нет, нет! И не только дети их хорошо знали, а и взрослые тоже. Вот собирались на гулянки. Снимали чью-то хату на вечер. Придут и рукоделье с собой приносили: кто вяжет рукавички, кто носочки, кто прядет, кто чем занимались девки. Так не сидели, как счас: на дискотеку пришли, токо поплясали и пошли, обязательно что-то делали девки. На супрядки они еще собирали. И пряли там и всё делали. А парни – между ними.* (ФА ПсковГУ, 2003 г., Себ. р-н).

Сказителями нередко выступали как раз пожилые мужчины: *И вот, надо сказать, что всё-таки лучшие сказочники... Ну, я ня знаю, как где, а у нас, наверное, это были мужики. Вот были такие, которые... у которых язык подвешен и знали они многое и могли рассказывать. Вот такой уже дед, старого я его знала, дед Федька Белодедов, одинокий такой старик был. О, как он хорошо рассказывал! Всякий скажет! «Так, расскажу я вам бывальщину», – и начнет заливать.* (Там же).

Таким образом, мы попытались показать, как автокомментарий рассказчика усиливает поучительную функцию сказки. Будучи рассказанной в новых условиях, сказка продолжает выполнять роль учебника жизни для молодежи. Занимательный или волшебный сюжет повествования, разворачивающегося в нереальном мире, а также яркое, эмоциональное исполнение обеспечивают полифункциональность сказки. Старшее поколение транслирует через сказку знание о мире и прививает молодежи традиционно сложившиеся и поддерживаемые нормы поведения в обществе. Нам представляется, что в ситуации, когда сказка не читается по книге, а рассказывается, то ее интерпретационный характер не только усиливается, но сами комментарии являются обязательным атрибутом устного общения, строящегося в форме скрытого диалога между рассказчиком и слушателем.

Этнолингвистический контекст псковской сказки

Знакомство с текстами сказок позволяет современному читателю погрузиться в стихию народного быта, представить себе историческое прошлое благодаря многочисленным деталям жизненного пространства, в контексте которого разыгрывается сюжетная линия фольклорного произведения. Стремлением прояснить эти детали, связанные с отнесенностью действия в план прошлого, и обусловлено создание особого Словаря диалектных и устаревших слов, включенного в книгу. Эта задача стала тем более необходимой и естественной, что сами рассказчики нередко поясняют слова-реалии, отвлекаясь от линии повествования. Так, например, в текст сказки № 180 (127)

Купец и волшебная монета информант вводит пояснение для слова *армяк*, называющего вид старинной крестьянской одежды: *Идешь-идешь, а карман всё почему-то тяжелеет, даже полу армяка [оттянуло] (армяк – это такое вроде пальто без подкладки из самотканого сукна). Поцупал Назар карман, а он полон золотых!;* в № 22 (15) **Сказке про волка** рассказчица объясняет этнографизм *оборы/оборины*: *Раньше старик со старухой носили лапти, портянки закручивали оборами: тесёмки такие. И эта оборина с-под корыта у бабы и торчала. А старик на печку спрятался.*

Значительную часть описанных в словаре слов составляют этнографизмы – как общерусские, так и локальнорусские, что позволяет раскрыть этнолингвистическую специфику Псковщины в общенациональном контексте. В количественном отношении локальнорусские, или собственно этнографизмы, представленные диалектными наименованиями, принадлежащими диалектной языковой системе, в материалах словаря, как в языке в целом, в значительной мере преобладают: *головка* – ‘мера льноволокна, равная 8 кг; голова’; *кладка* – ‘деревянный помост, мостки у берега водоема для полоскания белья, купания, рыбной ловли’; *мех* – ‘вместилище в виде большой сумы из грубой ткани для хранения и переноски чего-нибудь; мешок’ и мн. др.

Тематические группы этнографической лексики в текстах сказок представлены неравномерно, их количественный состав может быть обусловлен жанровой спецификой текстов. Так, многие сказочные мотивы связаны с русской печью, соответственно, сама печь, ее конструктивные части, печные принадлежности и предметы, используемые для приготовления пищи, составляют большой блок этнографизмов: *загнет* – ‘площадка в русской печи перед челом; загнетка, шесток’; *заслона/заслонка* – ‘приспособление в виде железного листа с ручкой, закрывающее устье русской печи’; *ленуха* – ‘кирпичная пристройка к русской печи для лежания; лежанка’; *подпечка* – ‘углубление, пространство внизу русской печи, где обычно сушили дрова, обувь, зимой могли держать кур’; *чело* – ‘сводчатое отверстие в передней части русской печи, куда закладывались дрова, ставились чугуны для приготовления

пищи»; *отымка* (в сочетании *отымка горшечная*) – ‘тряпка, которой прихватывают горячую посуду, горшки»; *чепельник* ‘рукоятка сковородника’.

Состав этнографической лексики формируется за счет таких тематических групп, которые отражают особенности быта, хозяйственной деятельности населения данного региона, куда входят наименования построек, хозяйственных бытовых предметов, названия традиционной одежды, пищи. Так, народная гастрономия представлена в сказках лексемами: *колотуха* – ‘мучная каша (чаще из гороховой муки)’; *комы*, мн. – ‘каша из бобов или гороха либо из толченого картофеля с горохом’.

Частотна в текстах сказок лексика, именующая крестьянскую одежду и обувь, как старинную, так и относительно новую: *боты* – ‘невысокая обувь из кожи, ботинки’; *зипун* – ‘старинная верхняя крестьянская одежда в виде кафтана’; *оборы/оборки/оборины*, мн. – ‘специальные завязки, тесемки (тканые, плетеные или кожаные) для привязывания лаптя к ноге, обвивающие онучи’; *онучки*, мн. – ‘широкие полосы плотной материи, навертываемые на ногу при ношении лаптей; онучи, портянки’; *ситцевик* – ‘сарафан из ситца (ситец – хлопчатобумажная покупная, не домотканая, материя)’.

Как показывает география экспедиционных записей сказок на территории Псковщины, языковое и этнографическое пространство псковской сказки неоднородно. Тексты, отражающие народную речь южнопсковской историко-культурной зоны, обнаруживают так называемый «белорусский комплекс» [Чекмонас 2001], характеризующий диалектные черты псковско-белорусского пограничья. В целом же в корпусе текстов псковских сказок находит воплощение система русских северо-западных черт с характерными собственно псковскими явлениями, о чем свидетельствуют приведенные в словаре многочисленные параллели из «Псковского областного словаря с историческими данными». По нашему замыслу, разработанное в словаре диалектное слово получает описание семантики на широком этнолингвистическом и лингвогеографическом фоне.

Выводы

Исследование публикуемых сказок Псковского края показало дихотомический характер текста необработанной народной сказки, вызванный синтетической природой собранного архивного материала. Необработанная сказка, особенно звучащая, обладает всеми признаками диалектного дискурса, такими как: ярко выраженная интенция говорящего, диалогичность речи. Само речевое поведение диалектоносителя может быть охарактеризовано в аспекте коммуникативного взаимодействия рассказчика и слушателя. Адресный характер диалектных текстов раскрывается в целом ряде речевых форм, направленных от рассказчика к слушателю. К числу наиболее характерных относятся так называемые автокомментарии – пояснения диалектоносителя, сделанные им в ходе повествования.

Особым объектом исследовательского внимания является псковский топонимикон, отраженный в текстах сказок. Введение рассказчиком в ткань сказочного текста реальных топонимов, главным образом названий окрестных деревень, создает особый топографический эффект, усиливая степень реализма сказочного сюжета. Топография населенных пунктов, упомянутых в сборнике сказок, поддается описанию, т.к. это, как правило, реальные географические объекты, часть которых обнаруживается и на современной географической карте.

Анализ текстов региональных народных сказок продемонстрировал глубину проникновения в фольклорный текст базовых семиотических оппозиций, характеризующих мир человека – носителя традиционной культуры. Мир человека, изображенный в текстах сказок, обусловленный в первую очередь закономерностями фольклорной поэтики, внутрижанровыми и сюжетными особенностями, определяется также высокой степенью диалогичности текстов и ролью рассказчика, повествователя. В сказке, таким образом, тесно сплетены два мира: мир сказочный, волшебный и мир реальный, повседневный, хорошо знакомый рассказчику и охраняемый им в его повествовательном дискурсе.

Модель мира как универсальная система смысловых

оппозиций проявляет в народной сказке высокую степень семиотичности. При этом категория «свой ~ чужой» пронизывает все смысловые сферы народной культуры, раскрывающие пространственные, временные, социально-культурные и другие жизненно важные человеческие и природные начала. Тексты традиционных сказок, записанных в современных условиях, отражают сложность отношений внутри многоаспектно представленной категории «свой ~ чужой», что определяется диалогичностью коммуникативной ситуации. С одной стороны, образная и фабульная система жанра сохраняет данную оппозицию, а с другой – в ситуации диалога между рассказчиком и слушателем наблюдается стремление к преодолению чуждости.

Наблюдения показали, что символическое содержание пространственных объектов тесно связано с сюжетно-тематическими разновидностями сказки. Символически отображенные в текстах вертикальная и горизонтальная оси сказочного пространства, обусловленные движением героев, реализованы в системе общерусских и диалектных наименований, репрезентирующих ближнюю (освоенную) и дальнюю (чуждую) пространственную среду.

В целом сказочный мир оказывается пронизан за счет различных вставок пояснительного или модального характера, идущих от рассказчика. В текст необработанной народной сказки включены два взаимодействующих плана: сюжетный и дискурсивный. Первый (как правило, являющийся предметом фольклорного исследования) раскрывает сказку как жанр народного творчества, позволяет обнаружить мифологическую основу сюжетов, мотивов и поведения героев, выявляет черты эстетической ценности текста. Второй план обусловлен устным характером фольклора и сближает сказку с диалектным дискурсом, которому, в силу диалогичности, свойствен весь комплекс устного нарратива, адресованного слушателю. Ситуация непосредственного экспедиционного общения, в которой фиксируется как фольклор, так и диалектная речь, сближает эти два проявления традиционной народной речевой культуры.

Использованная литература

1. Антонова Ю.Н. Интенция говорящего в аспекте коммуникативно-целевой семантики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2006.
2. Бергсон А. Смех. – М., 1992.
3. Большакова Н.В. Коммуникативно-прагматические черты псковской сказки // Сказки Псковской области / Под ред. Г.И. Площук. – Псков, 2004. – С. 532–546.
4. Большакова Н.В. Оппозиция «внутренний – внешний» как отражение пространственной модели в славянских языках // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Выпуск 1. – Псков, 2014. – С. 118–125.
5. Большакова Н.В. Региональные черты псковской народной сказки // Māksla un mūzika kultūra diskursā: III starptautiskās zinātniski praktiskās konferences materiāli. – Rēzekne, 2014. – Lpp. 9–16.
6. Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. – М., 2009.
7. Каргин А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и фольклористика третьего тысячелетия // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докл. Т. 1. – М., 2005. – С. 14–28.
URL: http://www.centrfolk.ru/kong_neklud.htm
8. Керимов Т.Х. Интенциональность // Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. – Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск, 1998.
9. Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. – М., 2011.
10. Кубрак Т.А. Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009.
11. Кушнерук С.Л. Лингвистическое миромоделирование в рекламе: монография. – Челябинск, 2013.
12. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. – М., 2002.
13. Порядина Р.Н. «Лики» чужого в народной культуре // Вестник Томского государственного университета. Выпуск № 295. – Томск, 2007. – С. 44–50.

14. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л. 1986.
15. Пропп В.Я. Русская сказка. – Л., 1984.
16. Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Фольклор и действительность. Избранные статьи. – М., 1976. – С. 83–116.
17. Сказки И.Д. и С.И. Богатыревых. Русская сатирическая сказка в записях середины XIX – начала XX века. Подготовка текстов, статья и комментарии Д.М. Молдавского. – М.; Л., 1955.
18. Сопикова Т.А. Сказка в контексте геронтософии // Философия старости: геронтософия. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 24. – СПб., 2002. – С. 85–88.
URL: <http://www.library.by/portalus/modules/philosophy>
19. Топоров В.Н. Модель мира. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. II. – М., 1982а. – С. 161–164.
20. Топоров В.Н. Пространство. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. II. – М., 1982б. – С. 340–342.
21. У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой. – М., 2014.
22. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М., 2006.
23. Чекмонас В.Н. Из истории формирования белорусских говоров // Беларуская мова: шляхі, развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнар. Кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» / Рэдкал.: Г. Цырхун і інш. – Мінск, 2001. – С. 29–46.
24. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Томск, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Н.В. Большакова, Г.И. Плоцук)	3
ТЕКСТЫ	8
№ 1 (1) Про лису	8
№ 2 Про лису и волка	10
№ 3 Про лису и деда	11
№ 4 Сказка про волка и лису	12
№ 5 (2) Сказка для внучки Иринки	13
№ 6 (3) Про котка, лису, зайца, медведя, волка и дрозда	14
№ 7 (4) Как боров ишёл в желуды	16
№ 8 (5) Лиса и дрозд	19
№ 9 (6) Как лиса ходила за петушком	19
№ 10 (7) Сказка про лису и петуха	20
№ 11 (8) Волк и свинья	23
№ 12 (9) Про портного	23
№ 13 Стрелец и волк	24
№ 14 (10) Про козу	25
№ 15 Кошка в ложке	25
№ 16 Как мужик зверей катал	26
№ 17 (11) Про деда с бабой	27
№ 18 Медведь на липовой ноге	30
№ 19 (12) Сказка про волка	32
№ 20 (13) Волк и дед со старушкой	33
№ 21 (14) Дед с бабой и волк	35
№ 22 (15) Про волка	37
№ 23 (16) Про волка и деда с бабой	38
№ 24 Машенька и медведь	39
№ 25 Коза-Стрекоза	40
№ 26 (17) Коза-Рогоза	42
№ 27 (18) Про Козу-Дерезу	43
№ 28 (19) Сказка про зайкину хатку	46
№ 29 (20) Горошина	48
№ 30 (21) Сказка про горошину и боб	48
№ 31 Три Ивана	50
№ 32 (22) Протупей-Прапорщик	51
№ 33 (23) Бычок-дристунок	53
№ 34 Сказка про Черёшечку	54
№ 35 (24) Терёшечка-с-полешечка	55
№ 36 (25) Ивашка	56
№ 37 (26) Сказка про Чурилушку	57
№ 38 Васятка и Баба-Яга	57
№ 39 (27) Снегурочка и Баба-Яга	60
№ 40 (28) Сказка о трёх братьях, ведьме и ведьминых дочках	61
№ 41 Как Ваня-дураня за огурцами ходил	62
№ 42 Мальчик-с-пальчик	65
№ 43 Про братьев и чёрта	67
№ 44 Как покойник к своей вдове ходил	69
№ 45 Жених-мертвец	70
№ 46 Муж-мертвец	70
№ 47 (29) Хромоногая уточка	71

№ 48	Про каменное царство и солдата Ивана	72
№ 49 (30)	Аленький цветочек	74
№ 50	Как парень у покойного друга гостил	75
№ 51 (31)	Мачеха, дочь и падчерица	77
№ 52 (32)	Морозко	78
№ 53 (33)	Про двух девочек и медведя	79
№ 54 (34)	Речка слёз	84
№ 55 (35)	Ручеёк слёз	87
№ 56	Про падчерицу и мачехину дочку	89
№ 57 (36)	Грустная сказка об Алёнушке	91
№ 58 (37)	Сивчик-Бурчик	93
№ 59 (38)	Сивка-Бурка	94
№ 60 (39)	Сивка-Бурка	97
№ 61	Про жар-птицу	111
№ 62 (40)	Есть ли правда на свете	114
№ 63 (41)	Марко Богатый	115
№ 64 (42)	Руки в серебре, ноги в золоте	121
№ 65	Про Весёлую Весёлку	122
№ 66	Про сестру, брата и злую жену	125
№ 67 (43)	Безручка	128
№ 68	Про Безручку	130
№ 69	Жена царевича и завистливые сёстры	131
№ 70 (44)	Жених из бочки	131
№ 71	Про барина, петушка и гривенник	132
№ 72 (45)	Вещий сон	133
№ 73	Как солдат клад достал	133
№ 74 (46)	Сапожник и купец	134
№ 75 (47)	Наливное яблочко и золотое блюдечко	135
№ 76 (48)	Серебряное блюдечко и наливное яблочко	136
№ 77 (49)	Угодник и жадный парень	137
№ 78 (50)	Благодарный чёрт	138
№ 79	Как чёрт Богу жаловался	139
№ 80	Как корову тянули	139
№ 81	Как дед чёрта из бани выгнал	140
№ 82	Солдат и ведьма	141
№ 83 (51)	Святой Никола и мужик	143
№ 84 (52)	Богатый жених	146
№ 85 (53)	Как один моряк наиграл денег много	146
№ 86 (54)	Про Ивана и Марию	148
№ 87	Про невестку, свёкра и внука	150
№ 88 (55)	Умная невеста	152
№ 89 (56)	Умная невеста	152
№ 90 (57)	Умная невеста	152
№ 91	Царь и камнетёс	154
№ 92 (58)	Царь Додон (про Василия Бессчастливого)	155
№ 93 (59)	Сестра и разбойники	162
№ 94 (60)	Дед и внук	162
№ 95 (61)	Кто первый рассердится	163
№ 96 (62)	Барин и работник	164
№ 97	Что мужик на том свете видел	165
№ 98 (63)	Про Ваню-Дураню	166
№ 99	Мужик и медведь	168

№ 100	Мужик и чёрт	170
№ 101 (64)	Про быка	171
№ 102 (65)	Сказка про Латоньку	171
№ 103 (66)	Как дед другую жену искал	172
№ 104 (67)	Про сапожника и его жену	174
№ 105	Про деда и бабу	175
№ 106 (68)	Как мужик жену лечил	175
№ 107 (69)	Как пастух телёнка искал	177
№ 108 (70)	Сказка про упрямую жену	178
№ 109 (71)	Жена-доказчица	178
№ 110 (72)	Сказка про клад	180
№ 111 (73)	Сказка о хитром мужике	180
№ 112	Хомка и Хонька	181
№ 113	Как Максим жениться хотел	183
№ 114	Как Ванька мечтал разбогатеть и жениться	183
№ 115 (74)	Как сваты пастуха о невесте расспрашивали	184
№ 116 (75)	Картавые невесты	184
№ 117 (76)	Шепелявые невесты	185
№ 118 (77)	Как невеста на свадьбе голосила	185
№ 119 (78)	Нестеришка	186
№ 120 (79)	Вор Фаныга	189
№ 121 (80)	Сказка о ловких ворах	194
№ 122 (81)	Два вора (Где ворам лучше жить)	196
№ 123	Два вора	198
№ 124 (82)	Жулик и мужик	201
№ 125	Скупой и вор	202
№ 126	Два брата	202
№ 127 (83)	Как баба свинью замуж отдала	208
№ 128 (84)	Сказка о попе и работнике	209
№ 129	Поп и работник	210
№ 130 (85)	Дед-гадатель	212
№ 131 (86)	Ванюшка-дурачок	214
№ 132 (87)	Про Ваню-дурака	215
№ 133 (88)	Иванушка-дурачок	216
№ 134 (89)	Как Ванюшка-дурачок ездил в город дрова продавать	217
№ 135 (90)	Про Иванушку-дурачка	219
№ 136 (91)	Жених-дурень	221
№ 137 (92)	Дурень	222
№ 138 (93)	Дурак	224
№ 139 (94)	Два свата	226
№ 140	Как бабка исповедовалась	227
№ 141 (95)	Слепой и глухой	227
№ 142 (96)	Сухие ноги	227
№ 143 (97)	Как иностранец рыбу покупал	228
№ 144 (98)	Поп-любовник	229
№ 145 (99)	Влюблённый поп	230
№ 146 (100)	Как поп отелился	232
№ 147 (101)	Боже, Боже, дай огня!	232
№ 148 (102)	Как поп в работники нанялся	233
№ 149 (103)	Как цыган огурцы воровал	235
№ 150 (104)	Как мужик огурцы воровал	235
№ 151 (105)	Как цыган и мужик солнце уговаривали	236

№ 152	Удачный выстрел	236
№ 153 (106)	Про невестку, которая лгать любила	237
№ 154 (107)	Небылая неблыща	237
№ 155	Удачная охота	238
№ 156 (108)	Как ходили козёл в лыки, а коза в орехи	238
№ 157 (109)	Козелок	240
№ 158 (110)	Жила-была свинья	240
№ 159 (111)	Ерзы-ерзы	241
№ 160	Турлы-бурлы	242
№ 161 (112)	Ков-ков дятел	242
№ 162 (113)	Про курочку Рябу	243
№ 163 (114)	Курочка Ряба	243
№ 164	Курочка Ряба	243
№ 165	Курочка Ряба	244
№ 166	Курочка Ряба	244
№ 167 (115)	Колобок	244
№ 168	Про репку	245
№ 169 (116)	Бай	245
№ 170 (117)	Мартин-сирота	246
№ 171 (118)	Маша и злая мачеха	250
№ 172 (119)	Бедный лапотник и богатый горшечник	253
№ 173 (120)	Сундук, который впятером не поднять	254
№ 174 (121)	Волшебная табакерка	257
№ 175 (122)	Про Ивана-бездельника	260
№ 176 (123)	Два брата	261
№ 177 (124)	Кузьма и Иван – братья родные	264
№ 178 (125)	Злая мачеха и девчушка Тихоня-Махоня	266
№ 179 (126)	Как солдат на ведьме катался	268
№ 180 (127)	Купец и волшебная монета	271
№ 181 (128)	Барин и пастух	275
№ 182 (129)	Старый солдат и госпожа	277
№ 183 (130)	Иван с женой да три Ивана с Фомой	278
№ 184 (131)	Хитрец и глупец	281
№ 185 (132)	Где ж ты был, мой чёрный баран?	283
№ 186	Где ж ты был, чёрный мой баран?	283
№ 187	Где же ты был, наш чёрный баран?	284
№ 188 (133)	На море жабка кросёнки ткала	286
№ 189	На море жабка кросёнки ткала	286
№ 190	На море жабка кросёнки ткала	287
№ 191 (134)	Сова-совонька	288
№ 192 (135)	Савушка-Сова	289
№ 193 (136)	Как верёбей женился	290
№ 194 (137)	Спородила чечёточка семеро дочёк	292
№ 195	Комар сватается к мухе	293
№ 196 (138)	Была у мужика красивая жёнка	295
№ 197	Была у мужика хорошая жёнка	297
№ 198	Была у мужика хорошая жёнка	298
№ 199 (139)	Пошёл козёл в огород	299
№ 200 (140)	Как пошла наша Дуня	301
№ 201 (141)	А Иванова жена да рукодельная была	304
№ 202 (142)	Как на Масленой неделе	305
№ 203	Как на Масленой неделе	306

№ 204 (143) Как на Масленой неделе	307
№ 205 (144) Ох, как была ж у меня жёночка	309
№ 206 (145) Как приехало два брата	310
№ 207 (146) А где ж это выдывано?	311
№ 208 (147) Соболь	311
№ 209 (148) Как у нашего Мартина	312
№ 210 (149) Ай, рудая свинья	313
№ 211 (150) Как жила я у барина	314
№ 212 Жила я у пана	318
№ 213 (151) Как я селезня любила	321
№ 214 (152) Курица на улице	323
№ 215 (153) Журавель	323
КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ (Г.И. Площук)	325
СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ (Н.В. Большакова)...	481
Предисловие	481
Словарь	483
Литература	514
Использованные источники	514
ПСКОВСКОЕ «ЛИЦО» НАРОДНОЙ СКАЗКИ (Г.И. Площук)	515
ОЧЕРКИ О ПСКОВСКИХ СКАЗИТЕЛЯХ (Г.И. Площук)	554
Анна Владимировна Александрова	554
Ефросинья Ивановна Алексеенкова	555
Валентина Викентьевна Артемович, Анастасия Алексеевна Горбачева	557
Евдокия Терентьевна Волкова	559
Мария Михайловна Ганнибалова	561
Галина Геннадьевна Зайцева	569
Наталья Яковлевна Николаева	571
Анастасия Алексеевна Паничева	575
Сказочники семьи Буйко	579
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПСКОВСКОЙ НАРОДНОЙ	
СКАЗКИ (Н.В. Большакова)	582
Народная сказка как жанр миромоделирования	583
Смех как отражение категории «свой ~ чужой» в сказке	585
Предметный указатель как эмпирическая база метода миромоделирования	587
Модель мира в сказочном тексте	589
Пространственная среда в псковских сказках	591
Местная топонимия в сказочном тексте	595
Текст сказки как проявление диалектного дискурса	598
Этнолингвистический контекст псковской сказки	605
Выводы	608
Использованная литература	610

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

Народные сказки Псковского края

Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования.

Аудиоприложение

Подписано в печать

Бумага офсетная. Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 38,63.
Гарнитура Times New Roman
Тираж 100 экз. Заказ № 1058.

Отпечатано в типографии ООО «ЛОГОС» с оригинал-макета заказчика.
180000, г. Псков, ул. Советская, д. 54;
тел/факс 8(8112) 79-37-23; тел. 8-921-218-47-47;
e-mail: izd-logos@yandex.ru